

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа перевода

Русский язык и культура в зеркале перевода

Материалы Международной научной конференции
25 –30 апреля 2014 г.

Издательство Московского университета
2014

УДК 008(091);81
ББК 81.2 Рус;71

Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции. 25 – 30 апреля 2014 г.: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 729 с.
ISBN 978-5-19-010937-5

В сборник включены материалы докладов, представленных на IV международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты современных научных исследований в области преподавания русского языка как иностранного, а также вопросы теории, истории и методологии перевода сравнительной культурологии и методики подготовки переводчиков.

Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 008(091);81
ББК 81.2 Рус.;71

ISBN 978-5-19-010937-5

© Высшая школа перевода МГУ имени М.В.Ломоносова
2014 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Бердичевский А.Л.</i> Основные направления языковой политики в современной Европе	8
<i>Голубева А.В.</i> Аутентичные тексты в начальном курсе РКИ.....	16
<i>Жаппар К.З.</i> Проблемная интерпретация учебно-научного материала в процессе преподавания русского языка как неродного	20
<i>Калита О.Н., Гарцов А.Д., Павлидис Г.С.</i> Модель инновационной инструктирующей системы электронного обучения, ориентированной на греческую аудиторию	32
<i>Кулакова В.А.</i> Комплексно-процессуальный метод изучения лексики, грамматики, орфографии (без правил) по формуле «Инвариант-СТ»	41
<i>Кулик А.Д.</i> Создание подготовительных факультетов как средство обеспечения соответствия образовательного уровня иностранных студентов требованиям российской системы высшего образования.....	49
<i>Лесневская Д.С.</i> Дискурс торговой сделки в обучении русскому языку как иностранному ...	59
<i>Литвинова Г.М.</i> Родной язык как основа формирования языковой личности переводчика	70
<i>Мартынова М.А., Николенко Е.Ю.</i> Проблема перевода в современных учебниках РКИ ..	81
<i>Муджири С.А., Капанадзе И.Б.</i> Сложности лингвистического описания и изучения вокализма русского и немецкого языков в грузинской аудитории	88
<i>Нестерова Н.Г.</i> Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур	102
<i>Плотникова Г.Н.</i> Фразеологичность семантики слова в лингводидактическом аспекте ..	116
<i>Румянцева Н.М., Клименко Н.Н.</i> К проблеме повышения качества обучения русскому языку как иностранному – важнейшая задача методики преподавания РКИ (довузовский этап)	127
<i>Соболева О.В.</i> Графическая интерференция при изучении русского языка как иностранного: типичное и индивидуальное	133
<i>Тарасенко Т.В., Тарасенко В.Е.</i> Семантическая ситуация: взгляд исследователя (семантический, переводческий, лингвокультурологический и методические аспекты) ..	142
<i>Тер-Саркисян Л.А.</i> Об одном из способов повышения мотивации изучения русского языка	152

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

<i>Алексеева М.О.</i> О проблемах перевода русской поэзии на польский язык и о стихах Юлиана Тувима в русских переводах.....	162
<i>Анисимова А.Г.</i> Лексикографический аспект проблемы перевода полисемантических терминов (на примере экономических терминов и терминов банковского дела).....	172
<i>Артемяева Ю.В., Миронов Н.С.</i> Адекватность перевода или перевод с русского на русский язык	184
<i>Виейра Годинью Соарэш Н.</i> Применение электронных корпусов в испанско-русских и русско-испанских переводческих тренингах	196
<i>Гарбовский Н.К.</i> Отечественная школа устного перевода	204
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> Словарь русской философии во французском прочтении	217

<i>Грибановская Е.С.</i> Стратегии перевода «чужого»	226
<i>Есакова М.Н., Харатсидис Э.К.</i> культурно-антропологическая парадигма науки о переводе (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на французский и греческий языки)	239
<i>Иноуэ Ю.</i> Методика перевода русских стихотворений на японский язык	252
<i>Исмагулова Б.Х., Базарбаева А.С., Саметова Ф.Т.</i> Проблемы качественного перевода в переводоведении Казахстана.....	262
<i>Исолахти Н.Б.</i> Опустить за ненадобностью – точность перевода судебного допроса	270
<i>Какзанова Е.М.</i> Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода.....	281
<i>Карданова Н.Б.</i> Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. И неизвестный русский оригинал	290
<i>Комарова З.И.</i> Идиоматичность единиц научных языков: к проблеме сопряжения парадигм терминоведения и переводоведения.....	312
<i>Костикова О.И.</i> Образная ономастика: язык, культура, перевод.....	325
<i>Кулешова Н.М.</i> Особенности методики преподавания устного перевода с иностранного языка и на иностранный язык в современных условиях	336
<i>Мешкова Е.М.</i> Лингвопоэтическая стратификация драмы «Юлий Цезарь» У. Шекспира: оригинал и переводы	344
<i>Миронова Н.Н.</i> Историческая вариативность в переводном дискурсе	354
<i>Мишкурлов Э.Н.</i> О функционировании герменевтической парадигмы перевода.....	360
<i>Моцаж М.</i> Перевод заглавия фильма в межкультурной коммуникации.....	375
<i>Мухортов Д.С.</i> О некоторых особенностях использования приёма конкретизации как лексико-семантической трансформации при переводе англоязычных разножанровых текстов	383
<i>Ордабекова Х.А., Куркебаев К.К.</i> Лингвистические особенности перевода изобразительных средств с казахского языка на русский язык	392
<i>Папулова Ю.К.</i> О проблеме перевода заглавий.....	401
<i>Раздобудько-Чович Л.И.</i> К вопросу взаимодействия культур в художественном переводе (вербализация концепта «героизм» в черногорской и русской языковых картинах мира в поэме П.П. Негоша «Горный венец» и его перевода на русский язык)	412
<i>Разумовская В.А.</i> Остранение в художественном оригинале и переводе: мистические сцены «Евгения Онегина»	430
<i>Ремхе И.Н., Гиллести Д.</i> Об актуальности метода фреймового моделирования перевода на примере системы систематизации знаний FrameNet и переводческого эксперимента «Думай вслух» с русского языка на английский.....	440
<i>Салимова Д.А.</i> Перевоплощение художественного замысла автора в стихотворении “Время” Гафура Гуляма в переводе Светланы Сомовой.....	452
<i>Труханова Е.В.</i> Использование когнитивной теории фреймов в сопоставительном переводческом анализе художественного текста	461
<i>Ундритцова М.В.</i> Лингвокультурологические и функционально-стилистические характеристики гастрономического дискурса в художественном тексте и особенности его перевода.....	466

<i>Уржа А.В.</i> Интерпретация перцептивных фрагментов в переводе для детей: тактики Б. Заходера и М. Литвиновой (повесть p.l. travers 'Mary Poppins')	479
<i>Шестакова Ди Франко</i> Язык права и перевод	489
<i>Чович Б.</i> К вопросу об отношении интер- и интралингвистического к интерсемиотическому переводу	496
КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Абдикеримова Г.С.</i> О единстве логических и эмоциональных элементов в аргументации риторической коммуникации	508
<i>Адилова Г.А., Суатай С.К.</i> Этнографизмы как отражение взаимосвязи истории языка и культуры	517
<i>Александрова Е.М.</i> Специфика создания языковой игры в анекдотах на русском языке ..	523
<i>Алтаева А.К., Дарменкулова Р.Н.</i> Характер категории определённости/неопределённости в синтаксисе речи: роль формы условного наклонения	533
<i>Атабаева М.С.</i> Этнокультурная функция фразеологизмов с компонентом «ат/лошадь» ..	539
<i>Ахметжанова З.К., Мирзоева Л.Ю.</i> К вопросу о лингвокультурологической компетенции переводчика.....	547
<i>Белик Н.А.</i> Лексико-семантическое поле «Степь» и его репрезентация в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова	558
<i>Волкова А.А.</i> Роль контекста в восприятии и понимании иноязычных вкраплений в радиокommunikации.....	569
<i>Герасименко И.Е.</i> Аксиологический потенциал гендерно-маркированных ассоциатов как отражение русского национального сознания.....	575
<i>Гончарук Е.Ю.</i> Этнокультурная специфика взаимодействия носителей русского и китайского языков в ситуации коммуникативного конфликта.....	583
<i>Иванова О.Ю.</i> Древнегреческая литература и русская картина мира.....	594
<i>Имангазинов М.М.</i> Древнеказахские предания в драме Еврипида по переводу ученых литераторов XIX-XX века	603
<i>Карпова В.В.</i> К вопросу об изменениях в структуре концепта ЧУДО в русской волшебной сказке (на примере региональных текстов))	609
<i>Кастеева Т.Б., Тунгышбаева Г.Ж.</i> Творчество поэтов-песенников (сал, сери) – драгоценное наследие народа.....	615
<i>Касым Б.К.</i> Сравнительно-лингвокультурологические концепты в системе священных чисел	620
<i>Коровкина М.Е.</i> О влиянии национальной картины мира на перевод (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык)	627
<i>Кулиева Р.Г.</i> <i>гызы</i> Концепция Востока в русской литературе «Серебряного века» (на материале творчества Фёдора Сологуба).....	639
<i>Лычкина Ю.С.</i> Лексические единицы, обозначающие волевые черты характера в русском языке	650
<i>Моклецова И.В.</i> Образ апостола андрея первоозванного в творчестве А.Н.Муравьева.....	661

<i>Мусатаева М.Ш., Таидемир О.П.</i> Паремнологические репрезентанты концепта <i>цвет</i> в русской и украинской языковых картинах мира (на материале фрагмента <i>белый</i>).....	669
<i>Нестерова Н.М.</i> Интертекстуальное пространство «гамлет»: аффирмативные и контроверзные тексты.....	679
<i>Смагулова Г.Н.</i> Лингвокультурный статус казахских фразеологизмов.....	687
<i>Суатай С.К., Адилова Г.А.</i> Проблемы лингвокультурологического изучения региональных наименований обрядов и традиций	695
<i>Фацанова С.В.</i> Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса).....	701
<i>Шомахова Т.М., Пхитиков Х.М.</i> Шумеро-аккадские, ассирио-вавилонские, хатто-хетто-адыгские параллели в зеркале перевода (на материале клинописных текстов).....	710
<i>Хромова И.А., Сюй Лили</i> Пьесы А.П. Чехова «Три сестры» и «Вишневый сад» в современном китайском театре.....	719

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Бердичевский А.Л.
Университет прикладных наук
г. Бургенланд (Австрия)

Berdichevski Anatoli
University of Applied Sciences
Burgenland (Austria)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

MAIN TRENDS OF LANGUAGE POLITICS IN MODERN EUROPE

Статья посвящена проблемам современной языковой политики в Европе. В статье анализируется современное состояние преподавания иностранных языков в Европе. В качестве цели обучения языку выдвигается формирование межкультурной компетенции личности, в результате чего достигается взаимопонимание в процессе межкультурного диалога. Данная цель реализуется в процессе межкультурного образования средствами РКИ. Новые задачи ставит перед методикой РКИ преподавание русского языка как второго или третьего иностранного, а также детям российских соотечественников за рубежом. Основываясь на проведенном анализе, в качестве ближайших неотложных задач методики РКИ автор предлагает выделить следующие:

Разработка современной технологии межкультурного образования средствами русского языка, как второго или третьего иностранного и специальной методики преподавания семейного русского языка как аспекта русской культуры;

Разработка теории современного межкультурного учебника и мультимедийных средств по русскому языку как второму или третьему иностранному и межкультурного учебника по русскому языку как семейному для детей соотечественников за рубежом;

Подготовка преподавателей «русского языка как семейного».

The article deals with the problems of foreign language teaching in Europe. The pure communicative methods do not satisfy the modern demands of studying languages in the changed conditions of Europe. With the aim of teaching foreign languages the auther offers cross culture competence for the achievement of mutual understanding in cross culture dialogue. This aim will be realised in cross culture teaching of foreign languages. Teaching Russian as a second or third language and for the children of compatriots abroad invokes new problems witch methods of teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: культуuroобразующая концепция обучения, межкультурная компетенция, межкультурное образование, русский язык в качестве второго или третьего иностранного, преподавание русского языка детям российских соотечественников за рубежом.

Key words: Communicative methods, culture teaching theory, cross culture competence, cross culture teaching, teaching Russian as a second or third language and for the children of compatriots abroad.

В качестве основной задачи в области изучения иностранных языков жителями Европы Европейским советом выдвигается **многоязычие**: владение каждым жителем Европы как минимум двумя иностранными языками (ИЯ), одним из них активно. По данным British Council многолетнее господство английского языка приближается к концу, в результате произошедших изменений в Европе и в мире. Что касается распространения ИЯ в Европе, то, наряду с английским, который является обязательным для изучения во всех школах Европы как первый иностранный, наиболее изучаемыми являются языки развитых в экономическом отношении стран, в первую очередь, немецкий, за ним

следуют французский и итальянский. Намечается распространение русского языка в Европе, в связи с известными изменениями в последние десятилетия. А комиссия по многоязычию ЕС считает необходимым изучение русского языка всеми европейцами. Причём предполагается, что в восточной Европе немецкий язык (которым большинство жителей Европы пользуются свободно) будет постепенно вытеснять английский как язык международного общения. Французский сохранит свою позицию как язык общения вне Европы. Испанский, оставаясь в основном языком латиноамериканского континента, вряд ли в ближайшее время получит в Европе большее распространение, т.к. этот континент не увеличивает своего удельного веса в поле зрения европейских политиков. Эти языки и определяют в настоящее время языковую политику в странах ЕС.

При определении языковой политики учитываются все три ипостаси: история, настоящее и будущее. Выделение же лишь одной из них, по мнению специалистов, нарушает саму сущность языка, сохраняющего в себе историю, позволяющего жить в настоящем и открывающего пути в будущее. Поэтому литература и культура страны изучаемого языка являются неотъемлемыми частями содержания обучения иностранным языкам в Европе на всех уровнях. На современном этапе развития общества резко возрастает культуuroобразующая функция образования, которое из способа просвещения должно превратиться в **механизм развития культуры**, формирования образа мира и человека в нём. Поэтому коммуникативный подход в изучении языка требует дополнений в связи с образованием новой Европы, а именно:

- Расширение границ **иммерсионного обучения**, в ходе которого изучаемый иностранный язык используется как язык обучения на нём других предметов школьной программы, прежде всего таких, как естествознание, география, экономика, спорт и др.; появилась сеть европейских билингвальных школ, которая всё больше и активней расширяется;

- Как известно, для продуктивного усвоения ИЯ с целью последующего общения на нём требуется довольно много времени. В качестве альтернативы предлагается **модель рецептивного усвоения ИЯ**, при которой каждый из участников общения говорит (пишет) на своём родном языке, но понимает своего партнёра, также говорящего (пишущего) на своём родном языке.

Один из методов рецептивного усвоения ИЯ получил название **Fremdsprachenwachstum** ("прирост" в иностранном языке). Он основывается на психологическом постулате о том, что каждый человек с рождения обладает способностью к пониманию и производству как родной, так и иноязычной речи. Развитие этой способности проходит через определённые этапы:

- восприятие (аудитивное или визуальное) и понимание речи других людей;
- длительный языковой контакт;
- творческое производство речи.

Основной источник усвоения иностранного языка состоит не в развитии навыков и имитации препарированных текстов учебника, утверждают авторы данного метода, а в творчестве и понимании аутентичных, естественных текстов, с которыми люди встречаются в жизни. Понимание при этом рассматривается как активный внутренний процесс, основывающийся на специфических языковых стратегиях и законах, которыми человек владеет с рождения и которые являются универсальными для всех людей. Поэтому для развития такой способности необходимо дать ученику возможность как можно больше воспринимать естественную, неадаптированную речь со всеми присущими ей характеристиками: сочетанием простых и сложных пассажей, эмоциональной окраской, естественным темпом и т.д. Для усвоения ИЯ по данной модели требуется значительно меньше времени, чем для активного его усвоения. Данная форма коммуникации с успехом используется во многих регионах Европы: в скандинавских странах, Словакия – Польша, Белоруссия (Украина) – Польша и др. Но таким же образом можно изучать не только близкородственные языки, но и языки одной группы: немецкий – английский, французский – испанский и т.д. Важным при этом является даже не близкородственность, а, как свидетельствуют исследования при обучении взрослых ИЯ, опыт в усвоении хотя бы одного иностранного языка. Разработка модели рецептивного усвоения ИЯ позволит достичь многоязычия в относительно короткие сроки.

Ещё одно направление в изучении иностранного языка (как самостоятельно, так и с преподавателем) получило название **Birkenbihl-Methode** по имени его создательницы – Веры Биркенбиль. Изучение иностранного языка по данному методу также включает несколько этапов-шагов.

1 шаг – декодирование текста, которое состоит в пословной дешифровке (декодировании) текста учащимися или преподнесении им готового, пословно дешифрованного текста. При этом, чем абсурднее "перевод", тем легче ученики осознают различия в структурах родного и иностранного языков, считает автор метода.

2 шаг – активное слушание. Учащиеся читают декодированный на родной язык текст и одновременно слушают текст на иностранном языке с диска.

Благодаря этому понятия иностранного и родного языков соединяются между собой в коре головного мозга учащихся неотрывно и одновременно, а не с определённым промежутком времени, как при обычной системе обучения (сначала произносится слово "сегодня", а за ним следует перевод "heute"). При этом выводятся на сознательную основу

грамматико-структурные различия в языках, т.е. грамматические правила усваиваются наглядно без специального их заучивания. Так, например, читая декодированный текст, учащиеся чётко осознают русскую структуру ("сегодня мы покажем") или сразу видят, что в русском языке слово "школа" женского рода, как и в немецком и т.д. При этом, необязательно на этом этапе читать иностранный текст, если нужно научиться только слушанию и говорению. Текст необходимо слушать до тех пор, пока ученики будут понимать его без перевода.

- **Социально-психологическая оптимизация учебного процесса** связана с теорией учебных когнитивных стилей, по которой учащиеся с разными учебными стилями отличаются и характером восприятия учебной информации, и типом общения со сверстниками и учителями, и многими другими параметрами. Несоответствие между стилем преподавания и стилем обучения учащегося приводит к конфликту стилей: то, чего преподаватель ожидает от учащихся на занятии, основывается на его собственных предпочтениях в обучении. И когда эти предпочтения не совпадают с предпочтениями учащихся, возникает конфликт стилей.

Учебные стили основаны на доминировании правого или левого полушария головного мозга человека. Учащиеся с доминированием **правого полушария** относятся к **коммуникативному, или рационально-логическому типу** изучения иностранного языка с лабильной нервной системой: они часто зависят от контекста, у них лучше развита произвольная и аудитивная память, они лучше воспринимают на слух и быстро запоминают материал (но быстро его и забывают), им часто нужен музыкальный фон, они не могут работать в полной тишине, не могут заучивать списки слов – им нужно связать их в рассказ, они с удовольствием составляют диалоги в ролевых играх, не контролируют правильность своей речи, поэтому у них больше ошибок в речи и т.д. Эти учащиеся с удовольствием работают по современным учебникам русского языка коммуникативного типа. Учащиеся с доминированием **левого полушария** относятся к **некоммуникативному, или аналитическому типу** изучения иностранного языка с инертной нервной системой:

- у них лучше развита произвольная и визуальная память, они должны обязательно увидеть новые слова и работают медленно, но зато на более длительное время запоминают материал;

- они могут работать только в полной тишине, лучше заучивают списки слов, тяготеют к логико-грамматическим аспектам языка – им нужно обязательно заучить правило, для них всё нужно писать на доске;

- они не любят составлять диалоги в ролевых играх, любят делать письменные переводы, слишком контролируют свою речь, поэтому у них меньше ошибок в речи и т.д.

Попытки преподавателя вовлечь их в свободную беседу, особенно на первых этапах обучения, редко имеют успех: эти учащиеся должны дождаться, когда они закончат запоминать новые слова и правила. Поэтому эти учащиеся (и преподаватели) больше тяготеют к учебникам, построенным по грамматико-переводному методу.

- **Раннее обучение ИЯ**, в котором в Восточной Европе имеется большой опыт (а Западная Европа только приступает к нему в качестве эксперимента), должно быть использовано не для удлинения сроков обучения одному языку, а для предоставления возможности изучения второго и третьего ИЯ (по данным психологов через 4 года изучения одного ИЯ наступает утомляемость и уменьшается интерес к нему). Следовательно, если первый ИЯ начинается с 1 класса, то второй - может начинаться в 5-ом, а третий – в 10-ом. При этом 3-7-летние дети лучше всего сразу усваивают фонетическую систему нового для них языка, 8-9-летние – морфологическую, а более старшие школьники – лексическую и синтаксическую системы. Более старшие школьники быстрее изучают иностранный язык, чем их младшие братья и сестры, при этом последние быстрее забывают изученное. Так, школьники, начавшие изучать французский язык в школьных условиях с 12 лет и получившие 1400 часов языка, достигли того же уровня во владении языком, что и дети, начавшие его изучать с 5 лет и получившие 4000 часов. Взрослые же обладают значительным преимуществом по сравнению с детьми любого возраста в усвоении морфолого-синтаксической системы языка и испытывают трудности при усвоении его фонетической системы.

Эти данные разрушают наши представления о преимуществе более раннего обучения иностранному языку в школьных условиях – вне страны языка / в западной методике в настоящее время в связи с этими данными чётко различаются понятия "иностранный язык" (язык, изучаемый вне страны данного языка) и "второй язык" (язык, изучаемый в стране данного языка). / Приведённые факты могут представить несомненный интерес для разработки методик обучения детей разного возраста и взрослых, в том числе и второму иностранному языку.

- В связи с всеобщей европеизацией и глобализацией экономики увеличивается **роль языков специальности** (экономический русский, медицинский испанский и т.д.), основа которых должна закладываться уже в школе. В связи с этим необходимы исследования по определению потребностей различных профессиональных групп обучающихся;

- Увеличение **роли общеучебных умений и навыков** в связи с задачами непрерывного образования, в том числе, и при изучении иностранных языков, а также выбор различных стратегий обучения в зависимости от психофизиологического типа обучающегося. При этом увеличивается роль интерактивных форм обучения, в частности, ТАНДЕМА, а, следовательно, языковых межкультурных обменов;

- Увеличение роли **мультимедиаальных средств** обучения в ходе самостоятельной работы учащихся: использование новейших информационных технологий, напр., вынос этапа тренировки фонетики, лексики, грамматики в компьютерные классы, использование аутентичных материалов из интернета и т.п.;

- Задача **объективизации и стандартизации контроля обученности** учащихся с помощью различных аутентичных тестов, моделирующих их будущую деятельность общения на иностранном языке; при этом контроль уровня коммуникативной компетенции обучающихся часто происходит за пределами данного учебного заведения (сертификаты ЕС, модули, языковые портфели, интернет и т.д.);

- В связи с задачей формирования межкультурной компетенции значительно возрастает **роль и место родного языка и родной культуры** при изучении иностранного.

Трудности и помехи в общении и возникают как раз тогда, когда собеседники исходят из того, что они без проблем могут общаться на основе хорошего владения системой языка. В особой мере это относится к общению в области бизнеса: менеджеры, которые, как правило, очень хорошо владеют языком, часто попадают в критические ситуации, вызванные различиями в культурах. Поэтому в Западной Европе возникло направление исследований под названием "Critical incidents" – "критические случаи". Новые задачи ставит перед методикой РКИ изменившийся статус русского языка в Европе.

С начала 90-х годов **русский язык** перестал быть обязательным для изучения в качестве первого иностранного языка в Восточной Европе, а в Западной Европе он всегда изучался **в качестве второго или третьего иностранного**. Практически сейчас он везде изучается как второй или третий иностранный при первом, как правило, английском или немецком в Европе и испанском или французском в Америке. Однако методика РКИ этого изменившегося факта не учитывает и продолжает развиваться как методика обучения русскому языку как первому иностранному, рассматривая обучающихся как *tabula rasa* в иностранном языке.

В этом плане межкультурное образование средствами русского языка как второго, а чаще – третьего иностранного должно иметь последовательную ориентацию на языковой, учебный и межкультурный опыт обучающихся и учитывать стратегии устного

и письменного общения, полученные ими в процессе изучения первого (второго) иностранного языка и культуры его носителя или, если это имело место, в процессе межкультурного образования средствами первого (второго) иностранного языка.

Это в значительной мере интенсифицирует и оптимизирует учебный процесс и сокращает сроки изучения языка. Следовательно, необходимо и новое поколение учебников по **русскому языку как второму или третьему иностранному**.

В последнее десятилетие методика РКИ столкнулась ещё с одной, совершенно новой для неё проблемой: **преподавание русского языка детям российских соотечественников за рубежом**.

Дело в том, что эти дети не являются чисто русскоязычными, т.к. со сверстниками, а в двуязычных семьях – и с одним из родителей, они общаются на языке страны проживания, который в этом случае преобладает в их общении. Для них русский язык фактически перестал быть родным, но в то же время и не стал иностранным.

Если в России ребёнок поступает в школу со словарным запасом в 5-7 тысяч русских слов, то за границей его словарь к этому периоду не превышает 400-500 слов. Поэтому для обучения этих детей не срабатывает методика преподавания русского языка как родного или как иностранного. Необходима специальная методика «русского как семейного». Значит, и преподавателям русского языка как родного или русского как иностранного очень сложно преподавать «русский как семейный». Для этого нужна специальная подготовка.

Не годятся для обучения таких детей и учебники для детей с родным русским языком или учебники русского языка для иностранцев, изданные в России, какими бы красочными они ни были. Необходимы национально ориентированные учебники для детей из смешанных семей, проживающих в данной конкретной стране, учитывающие особенности культуры России и страны проживания.

Суммируя всё вышеизложенное, в качестве ближайших неотложных задач методики РКИ можно выделить следующие:

- 1. Разработка современной технологии межкультурного образования средствами русского языка, как второго или третьего иностранного и специальной методики преподавания семейного русского языка как аспекта русской культуры;**
- 2. Разработка теории современного межкультурного учебника и мультимедийных средств по русскому языку как второму или третьему иностранному и межкультурного учебника по русскому языку как семейному для детей соотечественников за рубежом;**
- 3. Подготовка преподавателей «русского языка как семейного».**

Список литературы

- Бердичевский А.Л.* Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе. РЯЗР. 2/2002.
- Бердичевский А.Л.* Почему дети российских соотечественников за рубежом не хотят учить русский язык? Журнал «Русский язык в центре Европы». 13/2010.
- Бердичевский А.Л. и др.* Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. М., Русский язык – Курсы, 2011.
- Buttaroni, Susanna.* Fremdsprachenwachstum. Sprachpsychologischer Hintergrund und didaktische Anleitungen. Max Hueber Verlag, 1997.
- Birkenbihl, Vera.* Fremdsprachen lernen für Kinder. Heinrich Hugendubel Verlag. München, 2008.
- Bolten, Jürgen.* Interkulturelle Kompetenz. Landeszentrale für politische Bildung Thüringen. Erfurt, 2001.
- Böckmann, K.-B.* Dimensionen von Interkulturalität im Kontext des Fremd-Zweitsprachenunterrichts. ZIF. 11(3), 2006.
- Byram, M.* Describing intercultural communication and the intercultural speaker. Language and Culture Awareness in Language Learning / Teaching for the Development of Learner Autonomy. European Centre for Modern Languages, Report, Workshop. 3/97.
- Ringeisen/Buchwald/Schwarzer.* Unterrichtsgestaltung aus interkultureller Perspektive. Interculture journal. 4/2007.

Голубева А.В.
Учебно-издательский центр «Златоуст»
г. Санкт-Петербург (Россия)

Golubeva Anna
Educational-publishing centre «Zlatoust»
St. Petersburg (Russia)

АУТЕНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ В НАЧАЛЬНОМ КУРСЕ РКИ

AUTHENTIC TEXTS IN THE INITIAL COURSE OF RCTS

Одним из главных критериев отбора текста для урока или пособия должно стать соответствие аутентичной речевой ситуации. Учебный текст желательно помещать в речевую ситуацию, которую «описывать» в заданиях. Внедрению аутентичных речевых ситуаций в преподавание зачастую мешает разрыв языкового и социального опыта преподавателей и студентов, незнание преподавателем актуального аутентичного дискурса.

Compliance of an authentic speech situation has to become one of the main selection criteria of the text for a lesson or the textbook. It is desirable to place the educational text in a speech situation which "to describe" in tasks. To introduction of authentic speech situations in teaching often stirs a rupture of language and social experience of teachers and students, ignorance by the teacher of an actual authentic discourse.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебники, аутентичные тексты.

Key words: Russian as a foreign language, textbooks, authentic texts.

С начала 90-х годов русский язык перестал быть обязательным для изучения в качестве первого иностранного языка в Восточной Европе, а в Западной Европе он всегда изучался в качестве второго или третьего иностранного. Сейчас практически везде он изучается как второй или третий иностранный при первом, как правило, английском или немецком в Европе и испанском или французском в Америке. Однако методика РКИ всё ещё не учитывает в должной степени наличие у учащихся опыта изучения другого иностранного языка. Между тем опора на этот опыт в значительной мере могла бы интенсифицировать и оптимизировать учебный процесс, сократить его сроки.

Учебник «Контакты» является одним из первых учебников, который ликвидирует этот пробел на рынке изданных учебников РКИ. Он предназначен для обучения русскому языку как третьему иностранному при первом английском и втором немецком учащихся старших классов гимназий и студентов университетов (15-18 лет). При разработке учебника авторы (А.Л. Бердичевский, А.В. Голубева) ориентировались на следующие особенности возраста учащихся:

1. В подростковом и юношеском возрасте в значительной мере развивается

теоретическое рефлексивное мышление. Психологи отмечают такие активно развивающиеся в этом возрасте операции, как классификация, аналогия, обобщение.

2. Тренировочные виды упражнений (хоровые, групповые, индивидуальные) на уровне бессознательных повторов, характерные для начального этапа обучения первому иностранному языку в 10-11-летнем возрасте, сменяются заданиями и упражнениями, требующими осмысления языковых явлений на фоне уже имеющихся в индивидуальном лингвистическом опыте учащихся.

3. Имитативно-интуитивные приёмы в обучении уступают место аналитическим формам работы, обобщению, систематизации, сравнению.

4. Более эффективными и отвечающими особенностям этого возраста оказываются приемы обучения, основанные на «лингвистических открытиях».

5. В старшем подростковом возрасте учащиеся предпочитают не составлять диалоги по различным ситуациям, как они это делали на первом и втором языке, а дискутировать на различные темы, выражая собственное мнение, пусть и ограниченными языковыми средствами. Поэтому основным генератором реального общения на уроке третьего иностранного языка является не создание (искусственных, естественных) ситуаций, а обсуждаемая проблема, т.е. тематика, заданная прочитанным текстом.

В связи с вышеизложенным в качестве основной единицы обучения авторы избрали аутентичные тексты, а в качестве основной стратегии усвоения третьего иностранного языка – переход от глобального чтения (слушания) и понимания к говорению и письму, от похожего (знакомого) к новому (неизвестному).

Тематика текстов была выделена на основе анкетирования старших школьников. Кроме того, авторы учитывали также опыт учащихся в изучении двух иностранных языков в плане усвоения грамматики, лексики, фонетики и стратегий усвоения языка. Поэтому большое внимание уделяется самостоятельному усвоению материала, общеучебным навыкам и развитию стратегий самостоятельной работы над языком.

Учебник предполагает достижение уровня А2 в соответствии с европейскими уровнями. «Общеввропейские компетенции» предусматривают на этом уровне переход от понимания отдельных слов и очень простых предложений в хорошо предсказуемом контексте (плакаты, каталоги и пр.), простых вопросов на знакомые темы и ответов на них, заполнения готовых формуляров и списывания элементарных текстов к следующим умениям: понимание основного смысла коротких простых предложений в знакомом контексте (меню, расписания, проспекты и пр.), употребление стандартных фраз в повседневном общении, участие в диалоге — пока без умения управлять им, в монологе —

продукция элементарных описаний, создание коротких записок, написание простых личных писем на стандартные темы.

Учитывая ограниченное число часов и отсутствие языковой среды, авторы решили сосредоточиться на формировании ограниченной коммуникативной компетенции в соответствии с уровнем, но зато больше внимания уделить межкультурной (на уровне знаний, как это предполагает уровень А2) и общеучебной компетенциям, опираясь на первый иностранный язык, каковым обычно является английский. Но даже ограниченная коммуникативная компетенция формируется у учащихся на почти целиком аутентичном материале (т.е. созданном носителями языка для носителей языка в реальных речевых ситуациях), что практически не встречается в современных учебниках по РКИ. Более того, оказалось возможным привлечь для этого уровня широкий спектр текстов различных жанров: формуляры, карты, планы, схемы, билеты, расписания, афиши, визитки, личные документы, проспекты турфирм, реклама, информационные сайты о городах, странах, музыкальных группах, кинофильмах и др., формы Интернет-заказа, меню, рецепты, информационные сообщения и статьи, тематические молодежные форумы, бытовые диалоги, резюме, объявления о вакансиях, таблицы и графики.

В качестве основных приемов работы с материалом, значительно оптимизирующих процесс усвоения русского языка, используются:

- системная подача грамматического материала, необходимого для понимания текстов;
- подача общей с первым и вторым языком лексики тематическими полями, без её семантизации;
- обсуждение с учащимися не только результатов, но и самого процесса изучения языка;
- параллельное преподнесение текста на английском и русском языках с целью сравнить языковой материал и выделить особенности русского языка в отличие от английского или другого известного учащимся, развитие языковой догадки на основе интернациональной лексики и тематической предсказуемости в контексте.

Каждый урок-контакт в учебнике начинается с информации учащихся о умениях, которые они усвоят, работая над материалом, например:

В конце работы над уроком учащиеся осуществляют рефлексию усвоенного, где эксплицитно показываются их успехи в усвоении языка.

Актуализированы следующие общеучебные навыки: работа с двуязычным словарём и онлайн-переводчиками, использование подсказок в Word, поисковых системы Интернета, взаимодействие в группе, трансформация текстовой информации в таблицу,

языковые и внеязыковые опоры при понимании текста, сопоставление разных источников информации.

В страноведческом приложении к каждому уроку на английском языке освещены следующие темы: краткая история России, государственное устройство, Москва и ее достопримечательности, образование в России, ведущие университеты, Санкт-Петербург, Казань, Владивосток, Сибирь, Сочи, «Золотое кольцо», увлечения российских школьников, Россия в космосе, русский балет, русские имена, малые народы России, ресурсы Рунета.

Общие выводы сводятся к следующему:

- Одним из главных критериев отбора текста для урока или пособия должно стать соответствие аутентичной речевой ситуации.
- Учебный текст желательно помещать в речевую ситуацию, которую «описывать» в заданиях.
- Внедрению аутентичных речевых ситуаций в преподавание зачастую мешает разрыв языкового и социального опыта преподавателей и студентов, незнание преподавателем актуального аутентичного дискурса.

Жаннар К.З.
Казахский государственный женский педагогический университет
г. Алматы (Республика Казахстан)

Zapper Karlygash
Kazakh State Teacher Training University
Almaty (Republic of Kazakhstan)

*ПРОБЛЕМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УЧЕБНО-НАУЧНОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО*

PROBLEM INTERPRETATION OF EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC MATERIAL IN
TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье рассматривается вопрос о применении инновационных методов при обучении русскому языку как неродному, который приобретает всё большую актуальность в современном образовательном пространстве нашего государства – Республике Казахстан. Данное направление образовательной деятельности имеет весьма важное значение в высшем учебном заведении, где инновационные подходы в преподавании дисциплин базируются на формировании коммуникативной и профессиональной компетенции, на регулярной тренировке творческой деятельности студента.

Языковая подготовка студентов нашего университета предусматривает согласно образовательной политике государства профессионально ориентированную систему обучения русскому языку в качестве дополнительного по отношению к государственному (казахскому) языку источника знания, которая позволяет студентам получить более качественное профессиональное образование, а, следовательно, расширить потенциальные профессиональные возможности.

В последнее время большое внимание уделяется вопросам внедрения проектной методики в образовательный процесс высшей школы.

В процессе занятий при изучении тематического блока «Культура профессиональной речи. Оформление научных работ» студентам-биологам было предложено создание проекта курсовой работы на тему «Нервная система человека: её деятельность и способы эффективного функционирования в условиях современной жизни».

После краткого изложения основных положений названного проекта курсовой работы, выполненного студенткой группы «Научная биология-105», даётся вывод о том, что проектная технология обучения является одним из наиболее перспективных направлений в современном образовании, позволяющем использовать процесс обучения русскому языку в качестве инструмента получения студентом вуза профессиональных знаний и умений.

The article discusses the application of innovative methods in teaching Russian as a foreign language, which is becoming increasingly essential in today's educational environment of our country – the Republic of Kazakhstan. This direction of educational activity is very important in higher education, where innovative approaches in teaching disciplines are based on the formation of communicative and professional competence on a regular training of students' creative activity.

Language training of students of our University according to educational policy of our country provides professionally oriented system for teaching Russian as additional to the state language (Kazakh) source of knowledge, which allows students to obtain higher-quality professional education and, therefore, to expand the potential professional opportunities.

Nowadays, much attention is paid to the matter of implementation of project methodology in the educational process of higher education.

During the courses in the study of the thematic cluster "Culture of professional speech. Formalization of scientific works" biology students were invited to create a project course work on the theme "The human nervous system: its activities and methods of effective functioning in the conditions of modern life".

After a summary of main items of above mentioned project coursework made by a student group "Scientific biology -105 ", it has been concluded that the project technology training is one of the most perspective

trends in modern education allowing to use the Russian language learning the as a tool for obtaining student university of professional knowledge and skills.

Ключевые слова: коммуникативная и профессиональная компетенция, инновационные методы обучения, профессионально ориентированная система обучения русскому языку, проектная технология обучения.

Keywords: communicative and professional competence, innovative methods in teaching, professionally oriented system for teaching Russian, project technology training.

В современном образовательном пространстве нашего государства все большую актуальность приобретает применение инновационных методов в обучении и воспитании подрастающего поколения. Основным принципом педагогического процесса на уровне применения инновационных технологий является личностно-ориентированное обучение, при котором создаются условия для развития учащегося как личности.

Данное направление образовательной деятельности имеет весьма важное значение в высшем учебном заведении, где инновационные подходы в преподавании дисциплин базируются на формировании коммуникативной и профессиональной компетенции, на регулярной тренировке творческой деятельности студента.

Современные информационные технологии существенно расширяют диапазон возможностей для изучения и преподавания дисциплин. В частности, при выполнении заданий по русскому языку доступ к огромному количеству электронных ресурсов позволяет объединить текстовые, аудио-, видеоматериалы и способствовать формированию социокультурной и лингвострановедческой компетенции студентов; интерактивные учебные задания и обучающие программы позволяют работать над развитием навыков во всех видах речевой деятельности; использование мультимедийных средств делает возможной эффективную презентацию языкового материала; дистанционный доступ к учебным ресурсам позволяет сделать более гибкой и мобильной организацию обучения, значительно индивидуализировать его, увеличить объем самостоятельной и творческой работы студентов, усилить роль преподавателя как консультанта и координатора (фасилитатора) учебного процесса. Позиция педагога как фасилитатора основана на том, что он не доминирует, а ненавязчиво направляет деятельность студентов путём стимулирования, одобрения, поощрения, установления благоприятной обстановки в общении и выполнении заданий.

Благодаря такому подходу обучаемый наравне с преподавателем является соиздателем педагогического процесса, развивая в себе стремление к самопознанию и самосовершенствованию, что будет способствовать достижению успехов как в учебной, так и в будущей профессиональной деятельности.

Формирование профессионального мышления студентов – это, по сути дела, выработка творческого, проблемного подхода. Вузовская подготовка в рамках применения инновационных технологий обучения имеет своей целью сформировать у будущих специалистов необходимые творческие способности, основными из которых являются: 1) как с помощью педагога, так и самостоятельно увидеть и сформулировать проблему; 2) выдвинуть гипотезу, найти или изобрести способ её проверки; 3) собрать данные, проанализировать их, предложить методику их обработки; 4) сформулировать выводы и увидеть возможности практического применения полученных результатов; 5) осознать проблему в целом, ее аспекты и наметить этапы решения, а при коллективной работе – определить меру личного участия в решении проблемы.

Суть проблемной интерпретации учебно-научного материала состоит в том, что преподаватель не сообщает знаний в готовом виде, а ставит перед учащимися проблемные задачи, побуждая искать пути и средства их решения. Проблема сама прокладывает путь к новым знаниям и помогает студенту определить свои потенциальные творческие возможности.

Важным аспектом образовательного процесса с применением инновационных методов является системный подход к типам заданий с позиции их индивидуального и коллективного выполнения. Задания, рассчитанные для индивидуального выполнения, позволяют «запустить» процесс развития личности обучаемого, состоящий из следующих основных этапов: самоизучение, самонаблюдение, самоанализ, познание своего внутреннего мира, определение собственных возможностей в достижении поставленных целей в настоящем и будущем. Решение задачи, поставленной преподавателем перед творческой группой (из двух и более человек), развивает такие качества, как взаимоуважение, взаимовыручка, умение работать в коллективе с учётом мнения партнёра; овладение этими качествами за студенческой партией будет способствовать развитию корпоративного духа в статусе специалиста на предприятии.

К основным инновационным технологиям обучения относятся проблемная, модульная и проектная технологии.

В последнее время большое внимание уделяется вопросам внедрения проектной методики в образовательный процесс высшей школы. Само понятие «проект» в переводе с латинского означает «самостоятельный поиск пути» («брошенный вперёд»). Метод проектов был разработан американским педагогом У. Килпатриком (последователь Дж. Дьюи) в 20-е годы XX века. В отечественной лингводидактике особенности обучения с использованием метода проектов впервые сформулировано Е.С. Полат (1998).

Проектное обучение или метод проектов – это особая технология, с помощью

которой можно организовать учебный процесс при максимальном учёте интересов и способностей обучаемого, так как студент, выполняющий проект, получает полную самостоятельность в планировании собственной деятельности: постановке целей и задач, распределении времени, организации труда, выборе способов получения информации и приёмов контроля. Проекты в полной мере отвечают идеям компетентностного подхода, признанного в отечественной и зарубежной дидактике и методике обучения языкам. Компетентность представляет собой сложное соединение когнитивной составляющей (знаний) с предметно-практическим и индивидуально-личностным опытом (навыки и умения), а сформированная в процессе обучения компетентность служит показателем личностной самореализации, осознания индивидом собственной значимости (Тюрина, 2011, с. 4).

Метод проектов считается особенно продуктивным, так как может использоваться в условиях недостатка учебного времени, перегруженности образовательного контента.

Проектное обучение базируется на самостоятельной активности учащихся, предполагает владение большим объёмом знаний и определёнными умениями, такими как: а) интеллектуальные (умение вести поиск информации, анализировать информацию, делать выводы); б) творческие (умение генерировать идеи, находить множество вариантов решения проблемы, прогнозировать последствия того или иного явления); в) коммуникативные (умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, лаконично излагать мысли, находить компромисс с собеседником); г) исследовательские (умение выявлять проблему, изучать, наблюдать, проводить эксперименты, анализировать, строить гипотезы, обобщения). Таким образом, проектную технологию обучения можно рассматривать как одну из наиболее эффективных методик, способствующих достижению высоких результатов в деле осознания студентами их собственной познавательной активности в процессе языковой подготовки.

В центре проектной деятельности находится учащийся, у которого имеются замечательные возможности реализовать себя, ощутить успех, продемонстрировать другим свою компетентность. В процессе работы над проектом организуется и осуществляется широкое взаимодействие студентов с преподавателем (как координатором) и между собой в проектных группах, а также привлечение консультантов из различных сфер будущей профессиональной деятельности. Возможность свободного выбора темы, партнёров в разработке проекта, метода исследования, формы представления результатов способствует повышению ответственности учащихся, их мотивации и познавательной активности. Происходит соединение академических знаний и практических действий. Предполагается, что проектная работа в той или иной степени

направлена на улучшение окружающего мира, проект имеет прагматическую направленность на результат.

Что касается этапов подготовки проекта, изучение данного вопроса в методической литературе позволило обобщить результаты использования проектной технологии обучения опытными педагогами и выделить следующие этапы работы над проектом:

1. Выбор темы проекта и её конкретизация.
2. Формирование проектных групп (в случае выполнения в группе), распределение в них обязанностей.
3. Определение актуальности и цели, формулирование задач.
4. Поиск необходимых учебных и научных источников, создание предварительного списка литературы.
5. Обсуждение структуры проекта, составление примерного плана работы.
6. Выдача рекомендаций о требованиях по оформлению проекта, назначение даты и места защиты.
7. Планирование способов сбора и анализа информации.
8. Проведение исследования; сбор и систематизация материалов в соответствии с целями и жанром работы, подбор иллюстративной части.
9. Промежуточные отчёты и консультации учащихся с преподавателем-координатором в ходе реализации проекта.
10. Оформление выводов и результатов, подготовка иллюстративного материала (схемы, таблицы, диаграммы, рисунки и др.).
11. «Предзащита» проекта.
12. Доработка проекта с учётом замечаний и предложений.
13. Определение сценария публичной защиты (медиаподдержка, подготовка аудитории, видео- и фотосъёмка и т.д.).
14. Публичная защита проекта.
15. Подведение итогов, конструктивный анализ выполненной работы с позиции уровня усвоения языкового материала и развития речевой и коммуникативной компетенции, содержания проекта, темы, конечного результата.
16. Оценка проекта.

Относительно типов проектов можно констатировать, что в учебно-методической литературе по рассматриваемой теме в качестве наиболее эффективных для РКИ разновидностей проектной деятельности обучающихся предлагаются следующие:

1) *поисковые* проекты – проекты, развивающие, в первую очередь, языковую компетенцию, служащую основой для формирования речевых навыков; это простейшая

форма проектной деятельности, при котором учащийся собирает языковой материал по какой-либо теме (лексической, грамматической), в результате чего узнает значения лексических единиц, учится использовать их в речи;

2) *дискурсивные* проекты – проекты, которые предполагают подготовку текстов определённых форм и жанров по образцу (записок, поздравлений, писем, реплик на специальных форумах, диалогов), наделение участников проектной деятельности определёнными социальными ролями в зависимости от тематики проекта, моделирование типовых ситуаций общения и работу по этим ситуациям;

3) *творческие* проекты - проекты с наивысшим уровнем сложности, благодаря которым учащиеся получают возможность создавать ситуации реального общения, участвовать в дискуссии, полемизировать по вопросам, которые представляют для них интерес. Работа над творческим проектом предполагает самостоятельную постановку проблемы, сбор и анализ информации, подготовку информационного продукта на русском (неродном) языке для конкретного адресата и достижение такой цели, как совершенствование общих компетенций (в первую очередь социальных), а также коммуникативной и профессиональной компетенций.

4) *исследовательские* проекты ориентированы на поиск и обмен научной информацией, её аналитическую обработку; перед учащимися ставятся цели, побуждающие их к освоению текстов по будущей специальности и к разработке собственных идей по дальнейшему совершенствованию в области выбранного объекта исследования.

Указанные виды проектов могут выполняться учащимися как индивидуально, так и в коллективе учебной группы.

Как преподаватель, в течение многих лет ведущий занятия русского языка на казахском отделении факультета биологии и биотехнологии университета, хочу предложить коллегам свой опыт применения проектной технологии обучения.

Языковая подготовка студентов нашего университета предусматривает согласно образовательной политике государства профессионально ориентированную систему обучения русскому языку в качестве дополнительного по отношению к государственному (казахскому) языку источника знания, которая позволяет студентам получить более качественное профессиональное образование, а, следовательно, расширить потенциальные профессиональные возможности. Учебный процесс на уровне преподавания русского языка как неродного построен на изучении языка по двум дисциплинам – русский язык (основной курс) и профессиональный русский язык (элективный курс). Поскольку мы рассматриваем проектную технологию обучения в

рамках элективного модуля, подробнее остановимся на его задачах. Основными задачами дисциплины «профессиональный русский язык» являются следующие: а) помочь в формировании умения выступать публично, доказывать свою точку зрения; б) повышать уровень культуры общения на русском языке в межличностной, межкультурной и профессиональной коммуникации; в) познакомить с приёмами поиска научных источников и работы с ними; г) научить оформлять научное сочинение.

В процессе занятий при изучении тематического блока «Культура профессиональной речи. Оформление научных работ» студентам-биологам было предложено создание проекта курсовой работы на тему «Нервная система человека: её деятельность и способы эффективного функционирования в условиях современной жизни». Студенты, планируя ход работы над проектом, с помощью предложенных мной советов отметили, что им предстоит изучить нервную систему человека с точки зрения её строения, разновидностей, роли в регуляции функций организма, значения в биологической системе в целом; затем выдвинуть свои предложения о способах эффективного функционирования нервной системы человека в сложившихся условиях современной жизни.

Процесс работы над проектом включает (в контексте выше названных) следующие основные этапы:

- 1) сбор информации по теме в учебно-научных, научных источниках;
- 2) исследование психологического фактора в деятельности нервной системы современного человека;
- 3) разработка и предложение собственных идей по предупреждению влияния негативных обстоятельств жизни.

Один из проектов курсовой работы на тему «Нервная система человека: её деятельность и способы эффективного функционирования в условиях современной жизни», выполненный и защищенный студенткой группы «Научная биология – 105» Оразбековой Мерей, имеет следующее содержание:

I. Введение

II. *Глава 1.* Нервная система человека: центральная и периферическая нервная система;

Глава 2. Функции нервной системы;

Глава 3. Функционирование нервной системы в сложившихся условиях современной жизни;

Глава 4. Способы обеспечения благоприятной деятельности нервной системы студента.

III. Заключение

IV. Список использованной литературы.

Хотелось бы привести основные положения проекта по пунктам содержания.

Введение. Нервная система человека – целостная морфологическая и функциональная совокупность различных взаимосвязанных нервных структур, которая обеспечивает взаимосвязанную регуляцию деятельности всех систем организма и реакцию на изменение условий внутренней и внешней среды.

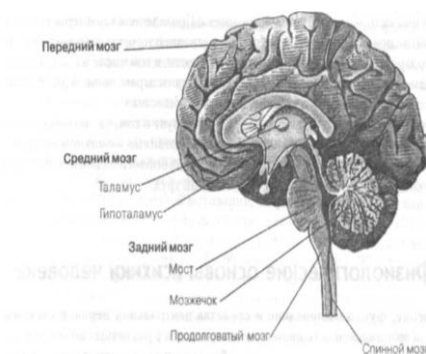
Высокая значимость и недостаточная практическая разработанность проблемы «Нервная система человека: ее деятельность и способы эффективного функционирования в условиях современной жизни» определяют *актуальность* данного исследования.

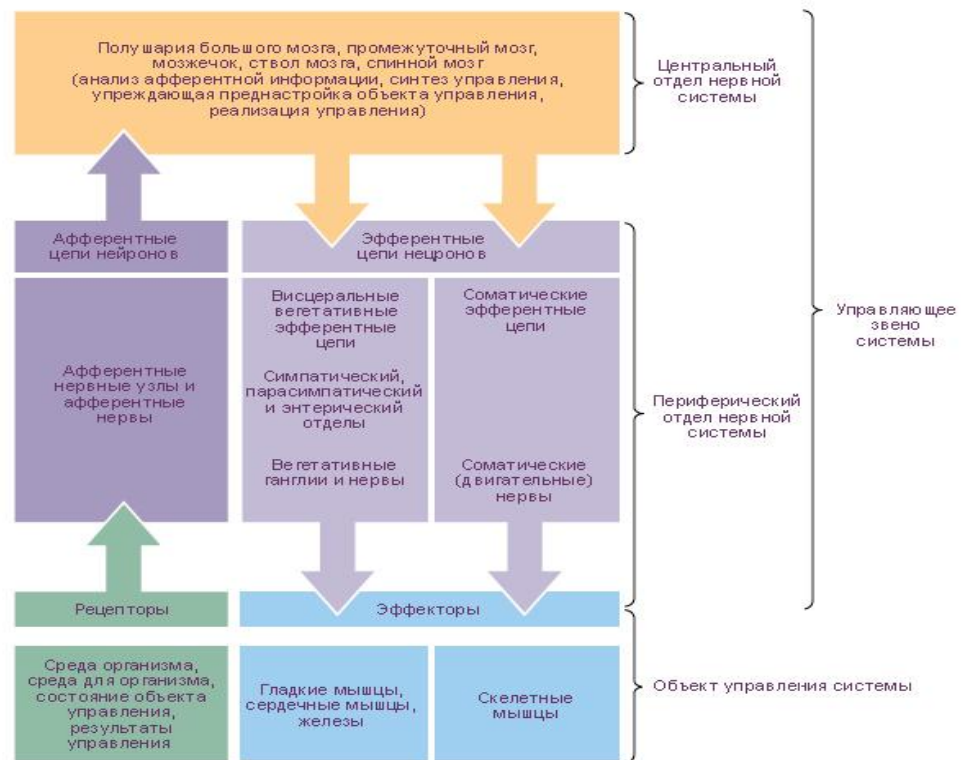
Цель проекта курсовой работы – исследование нервной системы человека, ее строения, значения в биологической системе в целом.

В работе предпринята попытка решить следующие *задачи*:

1. рассмотреть виды нервной системы человека;
2. исследовать функции нервной системы;
3. изучить особенности функционирования нервной системы в сложившихся условиях современной жизни;
4. провести соцопрос среди будущих специалистов-биологов, которым предстоит ответить на вопрос о том, каким образом можно избежать отрицательного влияния на нервную систему;
5. предложить собственные идеи по обеспечению благоприятной деятельности нервной системы студента.

Глава 1. Нервная система человека состоит из двух разделов: **центрального и периферического**. Центральная нервная система (ЦНС) состоит из головного и спинного мозга. Головной мозг состоит, в свою очередь, из переднего, среднего и заднего мозга. В этих основных отделах центральной нервной системы также выделяются важнейшие структуры, имеющие непосредственное отношение к функционированию психики человека: таламус, гипоталамус, мост, мозжечок, продолговатый мозг (рис. 1).

Глава 2. Нервная система является ведущей физиологической системой организма. Без неё было бы невозможно соединение бесчисленного множества клеток, тканей, органов в единое гормональное работающее целое. Она играет важнейшую роль в регуляции функций организма. Нервная система обеспечивает согласованную работу клеток, тканей, органов и их систем. При этом организм функционирует как единое целое. Благодаря нервной системе осуществляется связь организма с внешней средой. Нервная система вместе с железами внутренней секреции является главным интегрирующим и координирующим аппаратом, который, с одной стороны обеспечивает целостность организма, с другой – его поведение, адекватное внешнему окружению.

Глава 3. В сложившихся условиях учебного процесса современному студенту сложно обеспечивать правильное функционирование своей нервной системы. При стрессовых воздействиях в кровь начинают выделяться определённые гормоны. Под их влиянием изменяется режим работы органов и систем организма. Например, учащается ритм сердца, повышается свёртываемость крови, ослабевают защитные свойства организма.

Глава 4. Так как в настоящее время доказано, что нарушение гомеостаза сильно влияет на нервную систему человека, я решила провести социальный опрос среди своих однокурсников – будущих биологов. По результатам соцопроса выяснилось, что вопрос о нарушении функций нервной системы волнует всех. Например, на вопросы «Как студенту

сохранить нервную систему в порядке?», «Что предпринять в стрессовых ситуациях студенческой жизни?» я услышала в ответ разные и полезные ответы как поверхностного, так и более глубокого содержания:

1. Чаще заниматься любимым делом.
2. Открывать для себя что-то новое.
3. Уделять время релаксации, медитации.
4. Слушать музыку, рисовать, посещать курсы танцев.
5. Отключить все телефоны и побыть одному.
6. Пойти к реке и на фоне шума речной воды громко крикнуть.
7. На бумаге написать причины плохого настроения и затем сжечь её.
8. Читать психологическую литературу о выходе из стрессовых ситуаций.
9. Когда не нервничать просто невозможно, попытаться остановиться и не драматизировать события, чтобы сохранить нервы в порядке.

10. Если мучают неразрешимые проблемы, сесть перед зеркалом и начать проговаривать ситуацию вслух; вполне возможно, "договоритесь" до верного решения.

11. Для того чтобы успокоиться, нужно взять в руки какой-либо предмет и проделать с ним манипуляции. При этом включается так называемая активность рук. Научно доказано, что работа руками может способствовать тому, что человек успокаивается, это происходит благодаря находящимся в кончиках пальцев нервным окончаниям, которые имеют непосредственную связь с мозговыми центрами, и в случае начала работы руками к пальцам приливает кровь, что в свою очередь благотворно влияет на психологическую устойчивость и здоровье человека.

12. Кроме физических методов противостояния нервным нагрузкам существуют психологические приёмы, используя которые можно существенно укрепить нервную систему. Прежде всего, психологи советуют просто научиться умию радоваться мелочам. Нужно помнить о том, что каждый человек должен научиться уважать свои собственные чувства, быть уверенным в себе человеком и не стыдиться своих чувств.

13. Человеку нужно постараться научить себя получать удовольствие от каждого позитивного момента в жизни.

14. Нужно уметь радоваться настоящему дню плюс не допускать рутину в свою жизнь. Стараться украшать жизнь яркими моментами, добавлять в неё позитивных эмоций и радости. В таких условиях человеку будет легче сохранить веру в жизнь и умение радоваться, что так важно для человека в наш динамичный и такой напряженный век.

Сохранение и укрепление нервной системы является важнейшей предпосылкой здоровья и долголетия человека. Поэтому необходимо соблюдать определенные правила

сохранения крепкой нервной системы, особенно студентам. Вот некоторые из этих правил, рекомендованные доктором Брэггом (в дополнение к советам моих однокурсников):

1. Контролируйте свое настроение. Хорошее настроение – слишком ценная вещь, чтобы терять его.

2. Избегайте ссор. Старайтесь избегать людей, которые вас раздражают, но не нужно их ненавидеть.

3. Не замыкайтесь в себе. Высказывайте другим свое беспокойство. Если вы чувствуете, что у вас есть законное недовольство против кого-либо, подойдите к этому человеку и спокойно объясните все.

4. Старайтесь почаще улыбаться и смеяться. Смех – это в известном смысле упражнение, которое создает улучшенную циркуляцию крови. Он создает здоровье благодаря счастливому душевному состоянию смеющегося.

5. Не будьте слишком чувствительны к словам. Если вам говорят резко – забудьте это. Не делайте из этого большой проблемы.

6. Учитесь жить с самим собой. Замечательно, если имеешь хороших и верных друзей, но кроме этого необходимо научиться жить с самим собой.

7. Не занимайтесь самоистязанием. Избавляйтесь от горя и других эмоциональных потрясений методом забвения их.

8. Прекратите беспокоиться понапрасну. Беспокойство, подобно горя, может разрушить вас, но часто оно сильно преувеличивается людьми.

9. Создавайте себе хорошее настроение. Для этого нужно любить ту погоду, какая есть: дождь, снег, темноту, жару. Когда вы сами светитесь изнутри, погода не будет вас беспокоить [Маклаков, 2008, с. 212].

Заключение. Деятельность нервной системы лежит в основе чувств, обучения, памяти, речи и мышления, психических процессов, с помощью которых человек не только познает окружающую среду, но и может активно её изменить.

Таким образом, проектная технология обучения является одним из наиболее перспективных направлений в современном образовании, позволяющее использовать процесс обучения русскому языку в качестве инструмента получения студентом вуза профессиональных знаний и умений.

В заключение хочется отметить, что тенденция возрастания интереса к инновационным технологиям обучения в сфере высшего образования, являясь одним из важных принципов образовательной политики вузов, способствует получению хороших

результатов в процессе обучения и воспитания учащегося как личности, стремящейся к постоянному самосовершенствованию.

Список литературы

Тюрина Е.А. Проектная деятельность в практическом курсе русского языка как иностранного. Вестник Екатеринбургского института. Москва, 2011. № 2.

Маклаков А.Г. Общая психология. С.-Петербург: «Питер Пресс», 2008.

Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие. М.: Издательский центр "Академия", 1999.

Рускова Д. Использование проектного метода при обучении русскому языку с целью соединения учёбы с практикой и повышения мотивации учащихся // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Направление IV. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. СПб., 2003.

Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Материалы 2 международной научно-практической конференции, 25-28 апр. 2011 г. М.: Издательство «Высшая школа перевода МГУ им. М.В. Ломоносова», 2011.

Калита О.Н.

Гарцов А.Д.

Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Павлидис Г.С.

Греческий государственный университет
г. Патры (Греция)

Kalita Oxana

Gartsov Alexander

Russian People's Friendship University
Moscow (Russia)

Pavlidis George

State University of Patras
Patras (Greece)

МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ИНСТРУКТИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ГРЕЧЕСКУЮ АУДИТОРИЮ

MODEL OF AN INNOVATIVE INTELLIGENT TUTORING E-LEARNING SYSTEM ORIENTED TO GREEK AUDIENCE

В настоящее время электронные формы обучения имеют два основных вида: с использованием *автономных электронных средств обучения* и с использованием *сетевых технологий*, где управление процессом обучения осуществляется преподавателем через системы управления контентом и посредством системы управления обучением. Основная цель этой статьи – описание архитектуры интеллектуальной, инструктирующей системы электронного языкового образования в этнометодическом аспекте. Предлагаем новую модель электронного образования, адаптированной к индивидуальным особенностям греческих обучающихся, что способствует более эффективной оптимизации усвоения учебного материала, при обучении русского языка как иностранного.

Currently, electronic forms of education are two types: using autonomous, standalone tools for learning and, using network technology, where the process of education is performed by the professor through content and learning process management systems. The main purpose of this paper is to describe the current status and to present the architecture of an intelligent tutoring system for learning Russian language from ethno methodological point of view. We propose the development of a new system model for e-learning, adapted to the ethnical and individual characteristics of Greek students, so in such a way it supports more effective optimization of the received educational material, when teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: электронное обучение, лингводидактика, сетевые технологии, информационный обмен, модель и архитектура интеллектуальной системы.

Key words: e-learning, linguodidactic, network technologies, transfer of information, model and architecture of an intelligent tutoring systems.

Мировое и российское образование находятся в состоянии реформирования традиционных форм и видов осуществления педагогических процессов, что обусловлено сверх динамичным ростом технических, технологических, гуманитарных преобразований, вызванных научно-технической революцией XXI века. Следовательно, необходимо

развивать электронное языковое образование с учётом *межпредметного* взаимодействия электронных технологий, инновационных педагогических методик и других сопредельных дисциплин (электронная педагогика, электронная лингводидактика, электронная лексикография, когнитивная психология в электронной среде и др.). Это и есть одна из важнейших задач сегодняшнего инновационного образования.

В связи с вышесказанным, преподаватели нового поколения должны уметь квалифицированно выбирать и применять те технологии, которые в полной мере соответствуют содержанию и целям изучения конкретной дисциплины, максимально учитывая индивидуальные потребности и особенности учащихся, реализуя методологическую стратегию личностно-ориентированного обучения. Одной из ключевых задач современной переподготовки и повышения квалификации является формирование новых компетенций, связанных с организацией электронного обучения (ЭО) языку в свете происходящей реформы образования, которая определяется устойчивой тенденцией – сокращением аудиторных часов и увеличением самостоятельной работы, с использованием электронных, цифровых и телекоммуникационных технологий.

Аудиторная форма работы обучения, как форма коллективного обучения, в предыдущие века была основной. Однако с изменением информационно-образовательной среды подобная форма обучения становится менее целесообразной и эффективной. Наблюдается постепенный переход от коллективной формы организации обучения к индивидуально-опосредованной.

ЭО языку – это естественная современная форма обучения языку с применением информационно-коммуникационных технологий и электронных обучающих ресурсов, которая появилась благодаря классической, фундаментальной методике обучения иностранным языкам, построенной на традиционном учебнике, но с учётом объективных научно-технических и гуманитарных реалий сегодняшнего дня. ЭО наследует структурно-содержательные закономерности традиционного обучения. Как показала практика обучения языку в электронной форме, в качестве основной структурной единицы целесообразно использовать структуру классического урока с его основными этапами: введение нового материала, объяснение, отработка или закрепление (в ЭО этот этап определяется как «тренинг»), самоконтроль и контроль усвоенности введённого материала.

По сравнению с традиционным, в интерактивных моделях обучения меняется взаимодействие с преподавателем: его активность уступает место активности обучающихся. Задачей преподавателя является фасилитация (поддержка, облегчение) –

направление и помощь процессу обмена информации, а также побуждение обучающихся к самостоятельному поиску и созданию условий для их инициативы [Мухина, Соловьева, 2011, 384 с.]. Можно выделить три режима информационного обмена:

А. Экстраактивный режим: информационные потоки направлены от субъекта (обучающей системы) к объекту обучения (обучающемуся), но циркулируют в основном вокруг него, не проникая внутрь объекта. Такой режим чаще всего является пассивным, и характерен для традиционных технологий¹.

Б. Интерактивный режим: информационные потоки идут на обучаемого или группу, вызывают их активную умственную деятельность, замкнутую внутри них. Обучающиеся выступают здесь как субъекты учения для себя, учащие себя. Этот режим характерен для технологий самостоятельной деятельности, самообучения, самовоспитания, саморазвития.

В. Интерактивный режим: в этом случае информационные потоки проникают в сознание, вызывают его активную деятельность и порождают обратный информационный поток, от обучаемого к учителю. Информационные потоки, таким образом, или чередуются по направлению, или имеют двусторонний (встречный) характер: один поток исходит от учителя, другой – от обучающегося. Этот режим и характерен для интерактивных технологий.

При ЭО с интерактивным режимом обмена информации необходимо создать креативную образовательную среду, учитывая следующие способы повышения мотивации обучения:

(1) Ориентация на достижение конкретных и личных целей обучающегося. Мотивация будет намного выше, если план обучения будет выработан в зависимости от индивидуальных планов, возможностей и личных потребностей обучающихся. (2) Повышение актуальности и новизны содержания. Использование информационно-коммуникационных технологий и электронных обучающих ресурсов позволяет постоянно дополнять, модернизировать, обновлять материал без неоправданных затрат времени и материальных средств.

(3) Создание электронной искусственной развивающей языковой среды. Исходя из целей обучения иностранному языку, необходимо учитывать, что языковая среда должна иметь, прежде всего, развивающий характер. Все методические приёмы, средства обучения, и оборудование должны создавать и поддерживать развивающий и обучающий характер иноязычной среды.

---

¹ Метод проектов на уроках // Школьные технологии. 2009. № 6.

(4) Использование сравнений, аналогий и ассоциаций, понятных и близких по сравнению с родным языком. Принцип опоры на родной язык является одним из базовых в методике обучения иностранным языкам.

(5) Индивидуализация педагогического взаимодействия. Структурирование учебного материала, разделение его на целостные, небольшие по размеру и педагогически правильно подобранные части, выделение главных идей и подчинённых мыслей, с целью обеспечения наиболее полного понимания.

В настоящее время ЭО в языковом образовании находится в стадии становления, как и во многих других предметно-дисциплинарных областях. В ходе проведения научно-исследовательской работы было установлено, что можно говорить о разнообразных электронных формах обучения языку. К таковым относятся два основных вида обучения:

А. С использованием *автономных электронных средств обучения* (оптический диск, установочный пакет обучающей программы на компьютер, планшет и др.). Данная форма обучения языку предполагает более активное участие обучающегося в построении траектории самообучения и предназначена больше для овладения отдельным учебным предметом или аспектом (фонетикой, лексикой, грамматикой) или для формирования отдельных навыков и умений. Консультационная форма общения с преподавателем-методистом может осуществляться как офлайн (e-mail), так и онлайн (Skype). Как показывает практика обучения языку, самый трудоёмкий и длительный по времени является этап закрепления или тренинга введённого материала, автоматизации навыков и умений, на основе многочисленных повторений одного и того же действия. Следовательно, в общей системе электронного урока лингвометодический тренажёр является наиболее значимым и эффективным инструментом *внеаудиторной работы*.

Б. С использованием *сетевых технологий* с открытыми обучающими ресурсами. Управление процессом обучения осуществляется педагогом через систему управления контентом (CMS)² и через систему управления обучением (LMS)³.

При ЭО с использованием сетевых технологий комбинируются (онлайн и офлайн) формы обучения, использует серверные технологии, базы данных, позволяющие регистрировать обучающегося, формировать для него обучающие модули с разнообразными формами практикумов, тренинга, контроля, отслеживать все его действия в информационно-образовательном пространстве. И в первом и во втором случаях предполагается использование достаточного количества электронных средств обучения

---

² Content Management System.

³ Learning Management System.

для обеспечения полноценной внеаудиторной работы по оптимальному и эффективному усвоению планового задания.

Одной из наиболее известных и распространённых систем управления ЭО является Модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда (LMS Moodle). Эта среда позволяет создать единое информационное образовательное пространство для студентов и преподавателей. Число функций Moodle и вариантов её применения огромно. Преподаватель может не только спроектировать свой учебный курс с учётом возможностей ЭО, но и эффективно реализовать его с использованием интерактивных технологий, выстраивая индивидуальные траектории и учитывая индивидуальные особенности обучающихся в процессе образования. Речь идёт о качестве, потому что представляемый через ЭО учебный материал и процедуры адаптируются к уровню знаний, интересам и возможностям обучающегося. Следовательно, чтобы ЭО получило значение оно должно использоваться как часть осторожно планированной и поддерживаемой подходящим способом среды. С этой точки зрения ЭО делится на две основные фазы:

I) разработка контента (content development),

II) предоставление содержания и техническое обслуживание (content delivery and maintenance).

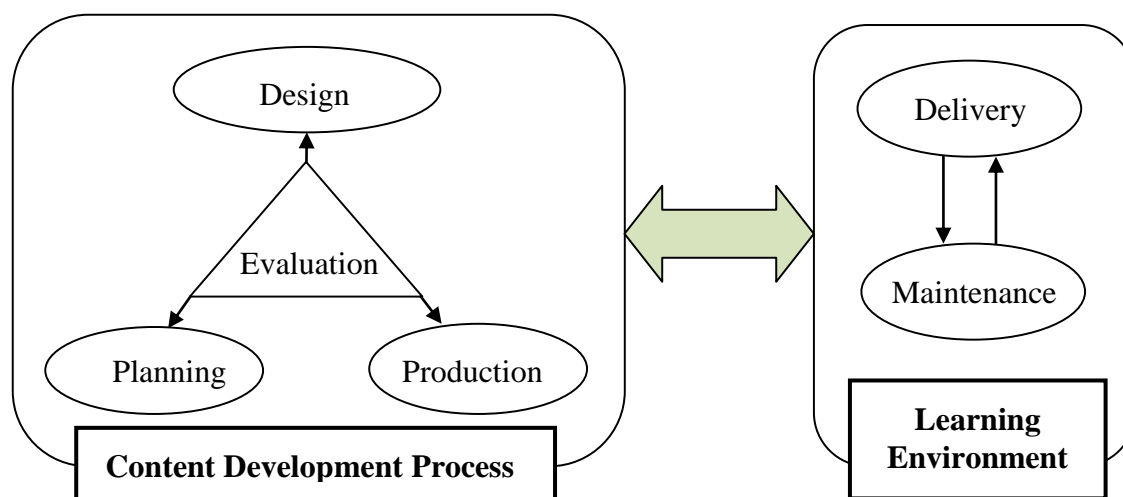

Рис.1 Основные фазы электронного обучения.

Продолжительность этих фаз, так же, как и количество людей, задействованных на различных этапах процесса ЭО, может варьироваться, потому что многие задачи взаимосвязаны и взаимозависимы. При этом их функции и обязанности могут совпадать. Параллельно постоянно оцениваются междуэтапные и конечные результаты на каждой

стадии процесса ЭО. Во всех случаях есть определённые роли, которые должны быть включены в процесс обучения, чтобы он был полным. В классической системе ЭО принимают участие в процессе разработки и поддерживают основные потребности процесса ЭО минимум три группы (роли):

1. Обучающийся
2. Преподаватель
3. Администратор

Для каждой из этих ролей должна быть разработана соответствующая модель. Обучающийся, например, с одной стороны, имеет конкретную квалификацию, цели и интересы, а с другой, требует подходящую адаптацию учебного материала в соответствии с его приоритетами, знаниями, возможностями и т.д. В соответствии со своей моделью компетенций у обучающегося появляется возможность обучаться по индивидуальной программе, адаптированной под его персональные особенности, при этом меняются только способы подачи материала. Появляется персональная среда для каждого, в которой он может отслеживать ход своего обучения. Учебное окружение или учебная среда выступает как реальность, в которой обучающийся находит для себя область осваиваемого опыта. Опыт обучающегося – это один из центральных активаторов учебного познания. Он важен не менее чем опыт преподавателя, который не столько даёт готовые знания, сколько побуждает их к самостоятельному поиску. Обучающийся акцентируется на самостоятельной подготовке, развивая, тем самым, такие качества как самоорганизация и индивидуальная ответственность за свою деятельность, а преподаватель осуществляет мотивационное управление его обучения, то есть мотивирует, организует, консультирует и контролирует. Преподаватель выступает в роли помощника в этой работе, одного из факторов, активирующих взаимонаправленные потоки информации.

Преподаватели-русисты в Греции в новых условиях образовательной системы, развития поликультурного информационно-сетевого пространства и использования информационно-коммуникационных технологий озабочены проблемой разработки полимасштабной этноориентированной методики для греческой аудитории с опорой на родной язык и элементами сопоставления. Не смотря на то, что были изданы некоторые печатные учебные пособия, ориентированные на греческую аудиторию⁴, ключевой проблемой является отсутствие достаточного материала для всех уровней и аспектов

---

⁴ *Амириди С.Г.* Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Международная научно-практическая конференция. Салоники, 2010.

обучения, в связи с недостаточным количеством сопоставительных исследований русской и греческой грамматики и сопоставления этнопсихологических особенностей русских и греков.

В области преподавания языка произошёл серьёзный прорыв – обосновано новое научное направление, электронная лингводидактика. [Есакова, Литвинова, 2010; Οικονόμου, 1828; Гарцов, 2011]. Это реакция на изменение формата представления учебно-методического материала и новых коммуникационных средств взаимодействия преподавателя и обучающегося. Основное предназначение лингводидактики заключается в обеспечении теоретической и практической базы для обучения языкам в новых информационных условиях. Важной целью электронной лингводидактики является расширение сектора самостоятельной работы и перевода процесса обучения языку в режим 24 часовой доступности и свободной географической локализации обучающегося. В сложившихся обстоятельствах существуют реальные перспективы изменить ситуацию, что сделает доступным и всеобъемлющим ЭО русского языка.

Для усовершенствования и разработки оптимальных путей и способов обучения русскому языку для греческой аудитории, мы разрабатываем систему для ЭО типа интеллектуальная инструктирующая система (intelligent tutoring system). Эта система состоит из компонентов, которые представляют учебный материал, стратегии обучения, руководства обучающимся и механизмы, умеющие определить, в большей степени, уровень знания студента. С точки зрения архитектуры, все эти компоненты располагаются в три модуля (подсистемы):

1. Экспериментальный, оценивающий производительность студента и генерирующий содержание соответствующих инструкций для его обучения.

2. Моделирующий студенческий профиль. Представляет уровень знаний студента и оценивает стратегию и концепцию его поведения. Эта информация используется системой ЭО, чтобы определить, как процесс обучения должен развиваться.

3. Генерирующий инструкции. Содержит информацию для выбора инструкционного материала и руководствует студента. Эта информация описывает, когда и как учебный материал должен быть представлен.

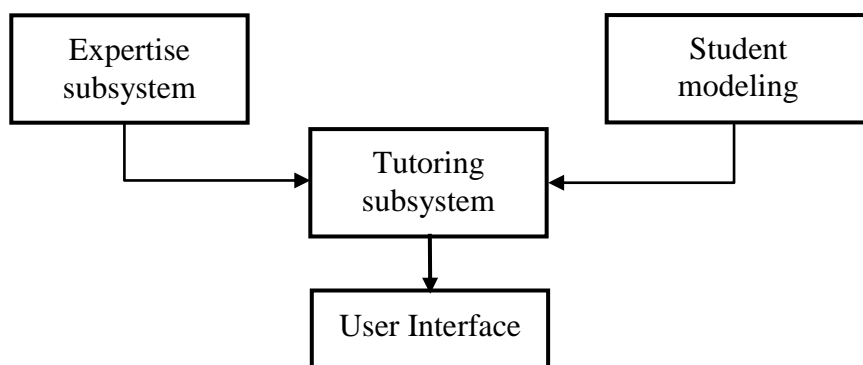

Рис.2 Архитектура Информационной инструктирующей системы электронного обучения.

Как представлено на рис.2 последний модуль связан с интерфейсом потребителя. Интерфейсный модуль пользователя – коммуникационный компонент, который управляет взаимодействием между студентом и системой. Три выше упомянутые подсистемы, также, как и интерфейс потребителя должны базироваться на требованиях международных организаций для ЭО – IEEE LTSC, CEN/ISSS, LTW, IMS and ADL SCORM.⁵ Приложение этих правил облегчают преподавателю диффинировать правила для адаптации, а также логики для навигации студента в процессе усвоения учебного материала в соответствии с текущими условиями.

Всё вышеописанное позволяет заключить, что проведённое научно-экспериментальное исследование имеет не только *теоретическую значимость*, которая выражается в разработке информационной инструктирующей системы электронного обучения в аспекте её дидактических свойств, и оптимальных путей обучения русскому языку греческой аудитории, но и *практическое использование* при её создании и внедрении, что позволит эффективно работать в быстро меняющихся условиях информационного общества.

Список литературы

- Амириди С.Г.* Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Международная научно-практическая конференция. Салоники, 2010.
- Балыхина Т.М.* От методике к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М.: РУДН, 2010.
- Гарцов А.Д.* Пять шагов в электронную педагогику. Германия, Саарбрюккен: LAP, 2011.

⁵ SCORM. available: <http://adlnet.org/index.cfm?fuseaction=scormabt&cfid=74335&cftoken=23123828>
 IEEE LTSC. available: <http://ieeeltsc.org>
 IMS. available: <http://www.imsproject.org>
 CEN/ISSS LTW. available: <http://www.cenorm.be/iss>
 ADL. available: <http://adlnet.org/>

Есакова М.Н., Литвинова Г.М. Об опыте создания национально – ориентированного пособия по фонетики // Русская фонетика и интонация (для грекоговорящих учащихся), II Международная научно-практическая конференция. Салоники, 2010.

Метод проектов на уроках // Школьные технологии. 2009. № 6.

Мухина С.А. Соловьева А.А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 2011.

Мердок М, Мюллер Т. Взрыв обучения. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Οικονόμου, Κ. Δοκίμιον περί της πληρεστάτης συγγενείας της σλαβωνορωσικής γλώσσης προς την ελληνικήν. Πετρούπολη, 1828.

SCORM.available:<http://adlnet.org/index.cfm?fuseaction=scormabt&cfid=74335&cftoken=23123828>

IEEE LTSC. available: <http://ieeeltsc.org>

IMS. available: <http://www.imsproject.org>

CEN/ISSS LTW. available: <http://www.cenorm.be/iss>

ADL. available: <http://adlnet.org/>

Кулакова В.А.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Kulakova Valentina
Russian University of People Friendship
Moscow (Russia)

*КОМПЛЕКСНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ, ГРАММАТИКИ,
ОРФОГРАФИИ (БЕЗ ПРАВИЛ) ПО ФОРМУЛЕ «ИНВАРИАНТ СТ»*

COMPLEX-PROCEDURE METHOD OF STUDYING VOCABULARY, GRAMMAR,
ORPHOGRAPHY (WITHOUT RULES) BY "INVARIANT ST"

В этой статье предлагается научная методическая концепция изучения русского словообразования, лексики, грамматики, орфографии без правил по формуле М.Ш. Шекихачевой «Инвариант СТ», которая направлена на научный подход и практику оптимизации познавательных целей иностранных учащихся. В этой новой учебной единице находятся богатые потенциальные возможности. Учебный процесс приобретает качественно новое свойство, так как характерной, ведущей его чертой является не заучивание орфограмм, а доказательство выполнения действий, адекватных высокой научной теории, что стимулирует творческую активность учащихся.

In this article we propose a scientific methodological concept of learning Russian word formation, vocabulary, grammar, spelling without rules under the formula of MS Shekihacheva "Invariant ST", which focuses on the scientific approach and practice of cognitive optimization purposes of foreign students. This new course unit has rich possibilities. Learning process acquires a qualitatively new property because its characterised leading feature is not learning the orphogramms by heart but proof of actions' completion that is adequate to high scientific theory what stimulates the creative activity of students.

Ключевые слова: М.Ш. Шекихачева, комплексно-процессуальный метод, русское словообразование, структурно-схематическая схема, структурная методика, формула «Инвариант словообразовательного типа», лексика, грамматика, орфография без правил, познавательная оптимизация, творческая активность учащихся.

Key words: M.Sh. Shekihacheva, complex procedural method, Russian word formation, structural schematic diagram, structural technique formula "Invariant derivational type", vocabulary, grammar, orphography without rules, cognitive optimization, creative activity of students.

Вопрос о преподавании русского словообразования в практике обучения языку, в частности РКИ, стоит в настоящее время очень остро. Существующие стабильные учебники и программы вызывают справедливые нарекания преподавателей и методистов. В этих условиях особую важность приобретает разработка новых подходов и методик преподавания, опирающихся на современное научное понимание системы русского языка и её основных единиц.

Авторы раздела «Словообразование» в академической «Русской грамматике» [М.1980] В.В. Лопатин и И.С. Улуханов убеждены в том, что центральной единицей словообразования в русском языке должен быть не способ словообразования, а

словообразовательный тип (СТ) как структурно-схематическая схема построения ряда производных слов, отражающая динамику словообразовательной системы языка. В советской лингвистической традиции идея СТ восходит к Г.О. Винокуру, В европейской лингвистике этот подход связан с именами Р. Якобсона, М. Докулила и школой структурного анализа. Дидактическая и методическая интерпретация этого подхода принадлежит М.Ш. Шекихачевой и эта интерпретация убедительно представлена операционно и процессуально в её научных трудах.

М.Ш. Шекихачева на стыке 3-х наук (структурной лингвистики, педагогической психологии, экспериментальной методики) впервые в области словообразования в России открыла и разработала (1968-1978гг) новую лингводидактическую единицу – формулу «Инвариант словообразовательного типа». Это первый в лингводидактике эксперимент, где в области русского словообразования был применён статистический анализ.

М.Ш. Шекихачева хорошо известна широкому кругу специалистов как автор новой структурной методики преподавания русского языка, основы которой были заложены в её монографии «Содержание и приёмы обучения русскому словообразованию: выход в лексику, грамматику и орфографию». Дальнейшее развитие это направление лингводидактики получило в книге «Модели и схемы словообразовательных типов русского языка» под редакцией М.Ш. Шекихачевой, а также в учебниках «Русское слово» для 5, 6, 7 и 8 классов школ с русским (неродным) языком обучения, в книге «Формула «Инвариант СТ»: усвоение русской орфографии без правил» и монографии «Формула «Инвариант СТ» – основа комплексно-процессуального метода изучения языков (на примере русского языка».

В отличие от традиционных учебников и программ по русскому языку, где словообразованию уделяется обособленное от других разделов место, М.Ш. Шекихачева видит в словообразовании тот важный участок языковой системы, в котором тесно переплетены разные уровни языка – лексический, фонологический (с выходом на орфографию), морфологический – и который может поэтому служить опорой при изучении этих языковых уровней. М.Ш. Шекихачева избирает в качестве основной лингводидактической учебной единицы центральную инвариантную единицу словообразовательной системы – словообразовательный тип – СТ. Каждый СТ имеет комплекс достоинств как собственно словообразовательных, так и грамматических. И эти два аспекта-стороны СТ – открывают новые пути комплексного подхода изучения многих вопросов курса русского языка в процессе моделирования.

Введение этой учебной единицы позволяет сосредоточить внимание методиста и преподавателя на общих особенностях семантики производных слов определённой

структуры, на грамматических свойствах этих слов, их связях с производящими словами определённой части, на их орфографическом облике, а поскольку производных слов в языке большинство (в русском языке их более 95 % всего лексического запаса), то и вся лексика русского языка будет контролироваться формулой «Инвариант СТ». Орфография усваивается произвольно без правил через структуру. 163 правила, которые нужно было зубрить учащимся, покинут страницы учебников.

Один из возможных путей – это изучение во взаимосвязи ряда вопросов грамматики, орфографии и лексики на основе СТ. Учащиеся руководствуются схемами СТ при образовании слов, при составлении словосочетаний того или иного вида, при составлении предложений. Этим объясняется высокая активность учащихся, убеждённость, доказательность и самостоятельность их ответов.

В ходе моделирования производных слов произвольно, без заучивания специальных орфографических правил, усваивается и их написание. Из наблюдения над моделью вытекает логический и «орфографический облик» слова. Благодаря этому отпадает необходимость в изучении правил орфографии и, в первую очередь, касающихся правописания приставок и суффиксов.

В.В. Лопатин, как специалист, вплотную занимающийся проблемами русской орфографии утверждает, что методика, разработанная М.Ш. Шекихачевой позволяет увязать усвоение орфографии в школе с систематическим курсом изучения самого русского языка и, таким образом, добиваться грамотности учащихся, не тратя, как это делается теперь, очень большую часть учебного времени на чисто орфографические проблемы [Лопатин, 2006, 5]. Словообразование на основе формулы «Инвариант СТ» выявляет логическую связь структуры слова с правописанием и приводит учеников к осознанному орфографическому выбору.

Содержание обучения по русскому словообразованию в школах и вузах, построенное на традиционной теории языкознания, выдаёт механический анализ состава и структуры слова. И в этих условиях русская орфография может изучаться через зубрежку ошибочных по своей сути, алогичных правил. В традиционной теории языкознания «измерительным прибором» словообразования, т.е. производности – непроизводности служит СС – словообразовательный способ. Вэтом способе не запрограммированы ни план – а) конкретного значения форманта, ни его – б) выражения. И, наоборот, основной единицей словообразования является словообразовательный тип, только через СТ раскрывается, познаётся и глубоко усваивается структура производного слова. Поскольку предметом схемы СТ является построение производных слов, то, следовательно, производные слова являются и предметом, и итогом словообразовательного процесса.

Процесс этот проходит через четыре конкретных пункта, в результате чего порождается итог. Контрольные пункты – это ориентировочные основы действия:

- 1) к какой части речи относится производящее слово («запущенный предмет»);
- 2) какой формант присоединяется к производящей основе (производящему слову);
- 3) какое добавочное значение приобретает при этом «запущенный предмет»;
- 4) подтверждается ли, что «запущенный предмет» приобрёл в итоге добавочное значение.

Например, имена существительные с суффиксами -ни(е), -ени(е) и др. образуются от глаголов совершенного и несовершенного вида: хранить- хранение, гореть – горение, выступать – выступление, говорить – говорение, выполнять – выполнение.

Существительные среднего рода с суффиксами -ни(е), -ени(е) и др. как и глагол, обозначают действие, состояние. Только глагол обозначает действие во времени, существительное – вне времени. Эти существительные, как существительные с суффиксами -аци(я), -ици(я), называются отглагольными, так как они обозначают действие по глаголу.

Данный СТ отличается высокой продуктивностью. Студенты повседневно встречаются с такими словами: на уроках истории, химии, физики и математики.

Суффикс -ни(е) образует существительные от глагольных основ на -а, -ова или на -е-:

наказа(ть) – наказа+ ни(е) = наказание

рисова(ть) – рисова+ни(е)= рисование

уме(ть) – уме+ни(е) = умение

Суффикс -ени(е)образует существительные от глагольных основ на -и-, -а-, -я, -ну(ть) и т.д. Причём гласные, а также суффикс –ну – усекаются: хранИ(ть) – хран+ ени(е), упражнЯ(ть) – упражн+ени(е). Суффиксы -ани(е), -ть(е) выступают редко: окончИ(ть) – оконч-ани(е), ши(ть) – шить(е).

В СТ с суффиксами -ни(е), -ени(е) и т.д. «запрограммированы» следующие темы: 1. Виды глагола. Неопределённая форма глагола: написать- хранить. 2. Переходные – непереходные глаголы: запевать – заболевать. 3. Род (средний), склонение 2. Словосочетания: существительное+ существительное в косвенном падеже; деепричастие + существительное; глагол + существительное в косвенном падеже.

Применительно к конкретному словообразовательному процессу это оказалось возможным выразить через последовательность из четырёх операций, обозначаемых римскими цифрами от I до IV.

II III IV

производящее – формант производное – лексическое значение (часть речи)
производного слова

Модель СТ

I II III IV

глагол – суффикс -ни(е)= существительное лексическое значение производного
слов

отрицатьотрица+ни(е) =отрицание действие по глаголу

(«отвергнуть что-либо, не соглашаться с чем –либо»). Итак, вначале следует
построить слова, пропустить через контрольные пункты процесса и только затем
обобщить суть операций в схеме. А именно: I – *от чего*; II – *при помощи чего...*; III –
образуем; IV – *со значением* (абстрагированным). (*курсив мой – В.К.*) И в итоге получаем
формально – семантическую схему построения слов. А это и есть действие, иначе –
моделирование.

– от производящей основы глагола (I)

– при помощи суффикса -ни(е), или -ени(е) -ани(е),-ть(е), -и(е) (II)

Схема СТ – образуем имя существительное (III)

– совмещающее в своём значении, присущее производящему глаголу значение
процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как
части речи (IV)

Частные значения СТ реализуются в тренировочных упражнениях.

1 Прочитайте значения глаголов, затем от глаголов по схеме СТ смоделируйте
существительные. Составьте с этими словами предложения.

2. Спишите, ставя слова в скобках в нужном роде, числе, падеже.

Влияние – действие, оказываемое кем – либо на кого-, что -либо- воздействие.
Влияние – какое? (большой, сильный, глубокий, серьёзный, слабый, некоторый,
постоянный, хороший, положительный, плохой, вредный, отрицательный, опасный).

Влияние кого? чего? (человек, отец, мать, сестра, подруга, поэт, писатель,
коллектив, группа, радио, кино, телевидение, книга, улица) на кого? на что? (человек,
студент, писатель, поэт, молодёжь, организм, результат).

В целом же модель и схема СТ есть формула построения мотивированных слов.
Таким образом, модель СТ – это конкретное действие, которое состоит из четырёх
операций: I, II, III, IV; схема СТ – это абстракция, которая тоже состоит из четырёх
операций, обозначаемых точками, где постоянно присутствуют слова-фиксаторы: *от...
при помощи... образуем... со значением...* (*Курсив мой – В.К.*)

Операционные опорные основы модели СТ (любой) строго повторяются во всех моделях СТ. При моделировании заменяются «детали». Сама заменяемость «деталей» обладает контролируемым свойством. Суть всех (любых) моделей СТ поддается обобщению в конкретных схемах СТ, а суть же всех схем СТ – в единой универсальной схеме – инварианте нового действия – СТ, где столько же ООД, сколько в каждой схеме СТ.

Общеизвестно, что изучение словообразования способствует повышению орфографической грамотности. Орфографическое правило констатирует застывшую истину, не вызывая сомнений, не подвергая анализу и не отвечая на вопрос: «почему?» Но зубрёжка орфограммы отупляет мозг, а многократное её закрепление в форме трудных упражнений вырабатывает лишь механический навык, который со временем утрачивается. Возникает ситуация, когда ученик знает правило, а писать грамотно не умеет.

Словообразование на основе формулы «Инвариант СТ» выявляет логическую связь структуры слова с правописанием и приводит учеников к осознанному орфографическому выбору.

Инвариант СТ – это синтез академической теории СТ и научно-педагогического эксперимента. Это новое направление в методике изучения самого словообразования и связанных с ним разделов курса русского языка.

Изучение словообразования по формально-семантическим схемам имеет чисто практические цели. Оно является активным средством расширения словарного запаса учащихся. Изучение структуры мотивированных слов (а их в словарном составе русского языка не менее 96% - 126 690 слов) направлено на то, чтобы учащиеся, во-первых, могли правильно употребить и образовать необходимое слово для выражения определённого значения составляющих морфем, и, во-вторых, могли правильно употребить и образовать необходимое слово для выражения определённого значения. За счёт этого учащиеся могут расширить свой словарный запас в 10-15 раз.

Учебная единица «Инвариант СТ» – порождающая основа для интенсивного обогащения лексики по моделям и схемам СТ, комплексного усвоения фонетики, грамматики и орфографии, анализа структуры и состава слова, обучения стилям речи, выхода в текст. Очевидно, что логично и разумно изучать основы, порождающие возможность объединять большие группы лексических единиц, а не сами разрозненные единицы. Дело в том, что по схемам одних СТ моделируется сто-двести слов, а по схемам других СТ – тысячи и более. Каждый СТ имеет свой комплекс характеристик как собственно словообразовательных, так и грамматических. И эти два аспекта – стороны СТ – открывают новые пути комплексного подхода к изучению словообразования. И самое

главное - это изучение во взаимосвязи ряда вопросов фонетики, грамматики, орфографии и лексики на основе свойств СТ. У учащихся появится «чутьё» языка, они начнут понимать, что значение образуемого слова объясняется через значение исходного. При этом вырабатывается навык «узнавания» родственных слов не только по внешнему виду, но и внутреннему их содержанию, что очень важно при чтении текстов. Знание законов построения слов, основных способов словообразования, морфемики языка даёт возможность вместо механического заучивания слов сознательно догадываться о значении многих тысяч производных и сложных слов, даже если они встретились впервые. Такая интенсификация процесса овладения лексикой разгружает память, облегчает и делает активным весь процесс обучения, так как высвобождает аудиторное время для активной речевой практики учащихся.

Это позволяет учащимся устанавливать отношения между словами, определять формальное и семантическое отличие производного слова от производящего. При организации такой работы на уроке важным является отбор определённого лексического минимума. Необходимо использовать слова с частотными морфемами, значение которых без труда можно выразить с помощью уже известных слов.

Необходимо взять из учения о русском словообразовании те и только те сведения, которые необходимы для обучения русскому языку: 1) сведения о том, что существует конкретный круг значимых единиц по протяжённости меньших, чем слово; 2) сведения о том, что эти единицы функционируют нерегулярно, непоследовательно (эти два типа сведений в основном соответствуют языковой интуиции, которой обладают носители языка); 3) сведения о тех немногочисленных и ограниченных в своём употреблении правилах, которые отражают более или менее последовательные моменты в функционировании таких единиц, как морфы. Эти сведения наиболее ценны для изучающих русский язык как иностранный.

В новой учебной единице заложены богатые потенциальные возможности. Сложная словообразовательная теория, изучаемая через инвариант СТ, может быть доступно объяснена, усвоена, принята – это главное! – при моделировании и семантизации производных слов, при определении правописания частей слов через их структуру, что освободит учащихся от необходимости заучивания наизусть правил правописания многочисленных суффиксов, приставок и т.д.. В «Инварианте СТ» заложены возможности, которые могут обеспечить грамотность учащихся. Жизненность и практическая необходимость интерпретации любого словообразовательного акта через СТ давно получила теоретическое и через эксперимент - практическое доказательство и подтверждение на уроках русского языка в иностранной аудитории.

Многогранная формула «Инвариант СТ» даёт возможность усвоения орфографии через структуру слова, последняя же раскрывается при построении производных слов по моделям и схемам СТ. Если множество подчиняется одному закону, значит, надо знать этот закон, как таблицу умножения, чтобы не зубрить частные случаи, которых множество. Недочёты правил орфографии раскрываются при моделировании по схемам СТ.163 правила (орфограммы) покинут страницы учебников, как только формула построения производных слов «Инвариант СТ» будет включена в школьные программы и учебники. То же самое повторится и в других языках, как только в них будет принята формула «Инвариант СТ». Это неминуемо: «Инвариант СТ» – структурирующая единица. В будущем все, кто умеет читать и писать, научатся легко строить производные слова, которых в любом языке более 90%, а в русском – 96%. Так, понятие «грамота» обогатится ещё одним видом (помимо чтения и письма) деятельности, а именно: умением строить производные слова, а значит и писать грамотно.

Список литературы

- Лопатин В.В.* Отзыв о материалах, присланных М.Ш. Шекихачевой // Структурная методика преподавания языков. Нальчик, 2006, № 5.
- Шекихачева М.Ш.* Формула «Инвариант СТ»: основа комплексно-процессуального метода изучения языков. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003.
- Шекихачева М.Ш.* Модели и схемы словообразовательных типов русского языка. М., Высшая школа, 1993.
- Шекихачева М.Ш.* Формула «Инвариант СТ»: усвоение русской орфографии без правил. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001.
- Шекихачева М.Ш.* Структурная методика преподавания языков. Нальчик, 2006, № 5.

Кулик А.Д.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Kulik Alla
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

*СОЗДАНИЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СООТВЕТСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
ТРЕБОВАНИЯМ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

CREATION OF PREPARATORY FACULTIES AS INSTRUMENT FOR ENSURING OF
COMPLIANCE OF EDUCATIONAL LEVEL OF FOREIGN STUDENTS TO
REQUIREMENTS OF THE RUSSIAN SYSTEM OF THE HIGHER EDUCATION

Статья посвящена истории создания подготовительных факультетов МГУ, РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, МГИМО, МАДИ (ГТУ), что позволило обобщить опыт преподавания русского языка как иностранного, накопленного в перечисленных учебных заведениях, характеризующих направления учебно-методических исследований кафедр русского языка; наметить пути совершенствования системы обучения русскому языку как иностранному и общенаучным дисциплинам на русском языке как иностранном и отметить ведущее направление - научный стиль речи в условиях начального этапа; сформулировать тенденции развития методики преподавания русского языка на материале одного из этапов обучения РКИ.

This article is devoted to history of creation of preparatory faculties of the Moscow State University, RUDN, State. IRYa of A.S. Pushkin, MGIMO, MADI (GTU) that allowed to generalize experience of teaching of Russian as foreign, saved up in the listed educational institutions characterizing the directions of educational and methodical researches of chairs of Russian; to plan ways of improvement of system of training in Russian as foreign and to general scientific disciplines in Russian as foreign and to note the leading direction - scientific style of speech in the conditions of the initial stage; to formulate tendencies of development of a technique of teaching of Russian on a material of one of RKI grade levels.

Ключевые слова: подготовительные факультеты, методика преподавания русского языка как иностранного, научный стиль речи, образовательный уровень, система высшего образования, высшие учебные заведения, предвузовская подготовка, учебно-методическое обеспечение процесса обучения.

Key words: preparatory faculties, technique of teaching of Russian as foreign, scientific style of speech, educational level, system of the higher education, higher educational institutions, prehigh school preparation, educational and methodical ensuring process of training.

Дополнительная подготовка на подготовительных факультетах ориентирована на мировые стандарты общего среднего и на конечные результаты получаемого высшего профессионального образования, она позволяет иностранным учащимся: а) компенсировать несоответствие реального образовательного уровня иностранных граждан требованиям российской системы непрерывного образования; б) овладеть необходимым для дальнейшего обучения уровнем владения русским языком.

В 30-е годы Л.В. Щерба обосновал дифференциацию целей обучения в зависимости от социального заказа общества и условий обучения.

Создание подготовительных факультетов было ориентировано на выполнение социального заказа общества.

В послевоенный период растёт международный авторитет страны Советов, активизируются международные торгово-экономические, политические и культурные связи с зарубежными странами, получают развитие обмен опытом и педагогической работы, обмен студентами, аспирантами.

Во второй половине 50-х – начала 60-х годов в Советский Союз в высшие учебные заведения начинает приезжать молодёжь из развивающихся стран.

Первый в стране подготовительный факультет для иностранных граждан был открыт в **Московском государственном университете** в 1954 году. Ещё в конце 40-х годов в МГУ приехали учиться студенты из Албании, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польши, Монголии. Их включили в общие группы учащихся университета. Но потребовались дополнительные занятия по русскому языку. Постепенно сформировалось новое направление в прикладной лингвистике – русский язык как иностранный. В 1954 году, когда на учёбу стали приезжать студенты из Демократической Республики Вьетнам, в университете были организованы подготовительные курсы для иностранной молодёжи. На курсах вьетнамские студенты изучали также общеобразовательные предметы для поступления на основные факультеты высших учебных заведений Советского Союза.

За годы существования курсы по характеру и объёму работы превратились в особый факультет. В 1959 году на их основе был создан подготовительный факультет для иностранных граждан (позже Центр международного образования МГУ) в составе трёх кафедр: русского языка, естественных и гуманитарных наук. Перед факультетом были поставлены следующие задачи:

- подготовка иностранных граждан, прибывающих на обучение в вузы и научные учреждения СССР, по русскому языку и дисциплинам, определяющим их будущую специализацию;
- подготовка учебников, пособий и другой методической литературы для иностранцев;
- ознакомление учащихся иностранцев с общественной жизнью, наукой, экономикой, культурой и историей нашей страны.

Деятельность подготовительного факультета определялась как важная форма осуществления внешних связей МГУ и всей советской высшей школы с зарубежными вузами.

Вскоре после организации факультета его аудитория расширилась: появились курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка из стран Европы, Азии, Латинской Америки, которые приехали по линии Союза советских обществ дружбы. К студенческой и аспирантской аудитории присоединилась аудитория преподавателей-русистов из зарубежных стран.

В ЦМО была усовершенствована методика преподавания русского языка, общеобразовательных и специальных дисциплин иностранным учащимся, накоплен большой педагогический опыт, аккумулирован значительный научный потенциал. Преподавателями центра создавались программы, учебники учебные пособия, которые были признаны Минвузом СССР ведущими. По ним работали многие подготовительные факультеты, а также обучались учащиеся за рубежом.

Именно в ЦМО были разработаны первая программа по русскому языку (1954) и первый учебник русского языка для иностранных студентов – «Учебник русского языка» для студентов-вьетнамцев (1960), – выдержавший несколько изданий и награждённый специальной грамотой ВДНХ.

И в дальнейшем преподаватели МГУ играли ведущую роль в создании известных комплексов учебных пособий по русскому языку – «Учебник русского языка для студентов-иностранцев, обучающихся на подготовительных факультетах вузов СССР» (1968, 1973), «Старт» (1978, 1987), «Ритмы России», «Дорога в Россию» (2001), пособий по русскому языку, адресованных студентам различных специальностей, а также учебников и пособий по предметам.

На основе исследований лингвистического и методического характера на факультете были впервые созданы специальные учебные пособия с учётом интерферирующих явлений русского языка и родного языка обучающихся – корректировочные курсы русского языка для преподавателей-русистов из Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, Чехословакии.

В соответствии с новыми задачами, вставшими перед Московским университетом *в современных условиях*, в связи с необходимостью использовать новые формы и методы обучения иностранных граждан 1 ноября 1991 года подготовительный факультет был преобразован в учебно-научный Центр международного образования МГУ.

Он был призван обеспечить проведение учебного процесса на современном уровне; осуществлять предпринимательскую, коммерческую и рекламную деятельность в подготовке специалистов и услуг, предоставляемых Московским университетом; активизировать процесс интеграции МГУ в мировой рынок образования.

На Центр были возложены также следующие задачи:

- формирование контингента иностранных граждан, желающих получить образование или продолжить его в Московском университете;
- обеспечение курса предвузовской подготовки, повышения квалификации и стажировок по русскому языку;
- организация консультативной службы для содействия студентам, преподавателям и сотрудникам МГУ, связанным с преподаванием русского языка как иностранного;
- изучение мирового рынка образования и оперативное информирование о положении на нём МГУ.

В настоящее время в ЦМО ведётся обучение иностранных граждан в области предвузовской подготовки (подготовка к учёбе в МГУ со сроками 10 месяцев и 1,5 года; подготовка к учёбе в магистратуре и аспирантуре), а также на курсах русского языка (курсы для начинающих; практический курс для иностранцев, изучающих русский язык; курсы речевой практики по русскому языку для зарубежных студентов-русистов; спецкурсы, посвящённые актуальным вопросам жизни современного российского общества; курсы русского языка для зарубежных преподавателей-русистов, желающих повысить свою квалификацию; летние курсы русского языка (сроки – от 1 недели до 10 месяцев).

В 1997 году в ЦМО начал свою работу Центр тестирования иностранных граждан по русскому языку. Открытию Центра предшествовала большая научная и организационная работа: были впервые разработаны система уровней владения русским языком как иностранным, тестовые материалы [Абитуриент-тест, 1992; Нахабина, Степаненко и др., 1996].

Специалисты ЦМО участвовали в работе по созданию Государственных стандартов, определяющих содержание уровней владения русским языком как иностранным. В Центре проведена большая работа по стандартизации тестов, описанию сертифицируемых уровней владения русским языком, решаются теоретические проблемы создания, проводится большая работа по обучению преподавателей работе с тестовыми материалами. С 2000 года в Центре проводятся ежегодные семинары для авторов и разработчиков тестовых материалов.

За время своей работы Центр тестирования приобрёл широкую известность и авторитет в кругах российских и зарубежных специалистов. Центр тестирования с 1998 года является членом консорциума, принятым в Европейскую лингвистическую ассоциацию тестологов (ALTE).

Центр международного образования активно участвовал в создании Российской организации преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

В Центре создано отделение по обучению граждан из СНГ. Разработаны учебные планы и программы работы с этим контингентом учащихся.

В 2002 году в Центре международного образования разработаны программы дистанционного обучения иностранных учащихся русскому языку и культуре; мультимедийный интерактивный курс дистанционного обучения русскому языку и культуре «Новости из России». Данный проект прошёл экспертизу Министерства образования РФ и дважды стал победителем конкурса по федеральной целевой программе «Русский язык» в 2002 и 2003 годах и удостоен золотой медали Всероссийского выставочного центра в 2003 году.

Установлены контакты с представителями других центров и лабораторий дистанционного обучения, как в России, так и за рубежом.

Пройдя длительный путь развития, накопив значительный научный потенциал и опыт в области обучения иностранных учащихся, Центр международного образования занял прочное место и получил широкую известность и признание на международном рынке образовательных услуг.

В 1960 был создан **Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы**. Он стал учебным заведением для подготовки кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Занятия начались 1 октября 1960 года, но пока лишь на подготовительном факультете, основанном для подготовки к обучению на основных факультетах.

Важно было обеспечить овладение иностранными студентами русским языком в объёме, необходимом для продолжения обучения на основных факультетах по избранной специальности. Ведущей кафедрой подготовительного факультета стала кафедра русского языка, возглавляемая Е.И. Мотиной. Вместе с ней в УДН пришли не только коллеги из МГУ и других вузов, но и целая группа молодых специалистов, недавно окончивших филфак МГУ. Такое сочетание кадров преподавателей обеспечило высокий уровень подготовки по русскому языку: уже через полтора месяца студенты-иностранцы смогли приступить к занятиям по общеобразовательным предметам на русском языке. На кафедре была разработана современная методика овладения русским языком с учётом особенностей обучения студентов из разных стран и их родного языка. Разработка общих и частных проблем методики преподавания русского языка как иностранного стала одним из направлений научно-исследовательской работы кафедры. А в 1978 году преподаватели кафедры русского языка основных факультетов приступили к систематическим занятиям по русскому языку с зарубежными космонавтами в Центре подготовки космонавтов им.

Ю.А. Гагарина. С сентября 1961 г. наряду с подготовительным факультетом занятия начались и на основных факультетах: инженерном, физико-математических и естественных наук, сельскохозяйственном, медицинском, экономики и права, историко-филологическом. Студенты Университета иностранные и российские имели возможность получить, помимо основного диплома, второй – переводчика с одного (или с двух-трёх) иностранных языков. Таким образом, уже в эти годы стало очевидным, что в университете рождается уникальный по содержанию и методам преподавания учебный процесс. В 1961 году в УДН обучались студенты, представители более 65 стран Азии, Африки и Латинской Америки, всего около 700 человек, в том числе 100 граждан СССР. В 1965 году состоялся первый выпуск специалистов, который совпал с пятилетием УДН. 228 выпускников представителей 47 стран стали первым вкладом Университета в дело подготовки национальных кадров. К этому времени Университет дружбы народов выдвинулся в число ведущих университетов страны и стал крупным научным центром.

В 1992 году Университет был переименован в Российский университет дружбы народов (РУДН).

Подготовительный факультет РУДН представляет собой учебную структуру, которая на входе получает иностранного студента, не владеющего русским языком и имеющего уровень образования не полностью соответствующий российскому общему среднему образованию, а на выходе выпускает студента, способного учиться вместе с российскими студентами. Элементами данной системы являются кафедры факультета, работающие в тесной кооперации, предусматривающей не только координацию учебных действий, но и их взаимодополняемость.

В качестве основных направлений на начальном этапе обучения иностранных граждан выступают инженерно-технический, естественно-научный, медико-биологический, экономический, гуманитарный. В каждом направлении выделены дисциплины, определяющие профиль подготовки, соотношение её фундаментализации и профессионализации, структурно-логическую последовательность. Они преемственно взаимосвязаны с исходным уровнем подготовленности иностранных граждан и последующими специальными образовательными программами. Межпредметная координация и взаимодополняемость обеспечивают последовательность, непрерывность в усвоении знаний, навыков и умений, творческого мышления, а впоследствии – и профессиональную мобильность.

Деятельность РУДН с момента его создания и до наших дней соотносится с международной составляющей его деятельности.

Как уже отмечалось ранее, в 1966 году на базе подготовительного факультета МГУ был создан научно-методический центр русского языка (НМЦРЯ) для координации работы в области преподавания и изучения русского языка, реорганизованный в 1973 году в **Институт русского языка имени А.С. Пушкина**. В 1973 году в Институте появились первые учащиеся – студенты и преподаватели из стран Европы, Азии, Африки и Америки. На подготовительном отделении в течение 10 месяцев проходили подготовку иностранные граждане. Основной контингент – студенты-филологи.

Назовём и другие учебные заведения, где велась подготовка студентов-иностранцев по программам начального этапа обучения.

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) был создан 14 октября 1944 года, когда Совнарком преобразовал международный факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в самостоятельный институт. Первый набор в МГИМО составил 200 студентов. Сегодня в МГИМО учатся почти четыре тысячи человек. С 1946 года на учёбу в МГИМО стали направляться студенты из зарубежных стран. В первые годы своего развития в вузе существовало только три факультета: международный, экономический и правовой. В 1954 году на международном факультете МГИМО было открыто восточное отделение в результате слияния с Московским институтом востоковедения. В 1958 году в МГИМО влился Институт внешней торговли МВТ СССР. В результате был расширен экономический факультет, усилилась его ориентация на подготовку специалистов для внешней торговли, внешнеэкономической деятельности. В 1959 году международный факультет был преобразован в факультет международных отношений с западным и восточным отделениями, экономический факультет – в факультет международных экономических отношений с отделениями коммерции, валютно-кредитных отношений и международных транспортных перевозок, а также было создано вечернее отделение факультета МЭО. В 1969 году был образован подготовительный факультет с годичным сроком обучения, а к 1984 году – подготовительный факультет для иностранных граждан. В 1998 году учреждён новый факультет университета – *факультет политологии*, ведущий подготовку бакалавров и магистров по двум направлениям высшего профессионального образования «Политология» (программа «Сравнительная политология») и «Международные отношения» (программа «Анализ мировых политических процессов».)

Сегодня МГИМО – динамично развивающаяся структура с постоянно растущим образовательным потенциалом, сохраняющая в своём развитии главное: высокое качество предоставляемого образования, базирующееся на высоком уровне профессорско-

преподавательского состава в сочетании с эффективной системой управления университетом.

Подготовительный факультет для иностранных граждан **МАДИ (ГТУ)** был создан в октябре 1960 года. Это старейший после МГУ им. М.В. Ломоносова подготовительный факультет России. За истекшие годы на факультете обучение прошли более 12 000 иностранных граждан.

Факультет является головным в системе довузовской подготовки по пяти профилям обучения: инженерно-техническому, медико-биологическому, экономическому, естественно-научному, гуманитарному. На факультете преподаются русский язык, математика, физика, химия, биология, черчение, страноведение, история России, социальная и экономическая география, русская литература.

На гуманитарном профиле в настоящее время обучаются одна-две группы. В группах занимаются студенты разных гуманитарных специальностей, например, в одной группе учатся и журналисты, и художники, и юристы. Обучение русскому языку проходит на материалах учебного пособия «Наше время-1, 2, 3» и «Русский язык в упражнениях» [Хавронова, 1983].

В первом семестре на изучение русского языка отводится 36 часов в неделю, во втором семестре – 14 часов в неделю на изучение русского языка и 10 часов в неделю на изучение русской литературы. Рассматриваются биография, творчество и анализ произведений таких писателей, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев. Язык специальности не изучается.

История России преподаётся на научном стиле речи по учебному пособию «Готовимся к изучению истории России» [Кесарева, 2007].

На кафедре «Страноведение» изучаются такие предметы, как «История России», «История культуры России», «Страноведение», «Экономика».

Каждый год на факультете учатся 250-300 студентов из 50-70 стран мира. На базе факультета функционирует Центр русского языка, который взаимодействует с Российским центром международного научного и культурного сотрудничества. Преподаватели Центра имеют большой опыт преподавания русского языка иностранным гражданам по оригинальным авторским методикам. Накопленный педагогический опыт и научно-методический потенциал коллектива факультета позволяют решать важнейшие задачи по совершенствованию и интенсификации системы обучения русскому языку как иностранному и общенаучным дисциплинам на русском языке как иностранном.

За последние годы факультетом выполнен ряд проектов по плану научно-исследовательских работ Минобразования РФ и науки, в том числе разработка:

- тестовых оценочных средств по общетеоретическим дисциплинам предвузовского курса подготовки иностранных граждан», 2001-2002 гг. (создан банк заданий для проведения единого экзамена в объёме более 6 000 единиц), в рамках программы «Оценка качества образования, разработка средств и технологий тестирования;
- научно-методического обеспечения функционирования международного образовательного центра (по программе «Федерально-региональная политика в области образования»);
- научно-методических основ комплексной многоуровневой профессионально направленной довузовской подготовки иностранных граждан в поликультурной образовательной среде (2003).

В 2004 году по «Федеральной программе развития образования» выигран грант и начата работа над проектом «Нормативное, программное и организационное обеспечение функционирования международного образовательного центра», выполнение проекта предусматривает получение оборудования для оснащения факультета.

Факультет является одним из разработчиков второй редакции «Требований к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников факультетов и отделений предвузовского обучения иностранных граждан» (Отраслевого стандарта) (1997) в рамках решения Координационного Совета центров довузовской подготовки иностранных граждан при Минобрнауки РФ. (Факультет представлен в составе Координационного Совета, председателем которого является декан факультета МАДИ, профессор Ременцов А.Н.)

На факультете ведётся большая работа по созданию учебно-методического обеспечения процесса обучения на уровне современных технологий. Кафедры и деканат факультета проводят систематические консультации и принимают на стажировки преподавателей и сотрудников образовательных центров РФ, обеспечивают их методическими материалами и учебной литературой, осуществляя, таким образом, функции головного вуза в области предвузовской подготовки иностранных граждан.

На факультете и в Центре русского языка учатся студенты из разных стран мира.

Были созданы подготовительные факультеты для иностранных учащихся и в других учебных заведениях страны.

Рассмотрена история создания подготовительных факультетов МГУ, РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, МГИМО, МАДИ (ГТУ), что позволило обобщить опыт преподавания русского языка как иностранного, накопленного в перечисленных учебных заведениях, характеризующих направления учебно-методических исследований кафедр

русского языка; наметить пути совершенствования системы обучения русскому языку как иностранному и общенаучным дисциплинам на русском языке как иностранном и отметить ведущее направление – *научный стиль речи* в условиях начального этапа; сформулировать тенденции развития методики преподавания русского языка на материале одного из этапов обучения РКИ.

Список литературы

Учебник русского языка: Для студентов-иностранцев, обучающихся на подготовительных факультетах вузов СССР / Е.Г. Баш, Е.Ю. Владимирский, Т.М. Дорофеева и др. М., 1968; 3-е изд. перераб. М., 1973. 303 с.

Старт-1-2: Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР: М.М. Галеева, М.М. Нахабина, Л.С. Журавлёва. М., 1978, 1987. 510 с.

Дорога в Россию. Учебник рус. яз. М.М. Нахабина. СПб: Златоуст, 2001. 344 с.

Абитуриент-тест: Типовой тест по русскому языку для иностранцев, поступающих в вузы России / Л.П. Клобукова и др. М., 1994. 122 с.

Хавронина С.А., Широценская А.И. Русский язык в упражнениях. М.: Прогресс, 1983. 284 с.

Кесарева В.Г. Готовимся к изучению истории России. М.: МАДИ, 2007.

Требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников факультетов и отделений предвузовского обучения иностранных граждан (отраслевой стандарт). Утверждён приказом Минобразования России № 866 от 08.05.97. 23 с.

Лесневская Д.С.
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

*ДИСКУРС ТОРГОВОЙ СДЕЛКИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ*

DISCOURSE OF BUSINESS TRANSACTION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN

Статья посвящена особенностям дискурсивного подхода к обучению русскому языку как иностранному студентов болгарских экономических вузов. В эпоху языковой глобализации преподавание русского языка как иностранного в славянском мире приобретает особое значение. Главная цель преподавания РКИ в болгарских вузах – поддержка русского языка как славянского языка, защита исконного славянского письма – кириллической азбуки. Дискурс торговой сделки выделяется как разновидность дискурса торговли в рамках экономического дискурса. Исходя из дискурсивной теории межкультурной коммуникации, выделяется дискурс внешнеэкономической сделки (ДВС) купли-продажи в качестве учебно-методического материала обучения экономическому РКИ в болгарских экономических вузах. Проанализированы дискурсивные измерения ДВС купли-продажи, указаны его основные жанры и поджанры.

Новый дискурсивно-стилистический подход к обучению русскому языку в специальных целях в болгарских неязыковых вузах, в частности, к обучению русскому ДВС купли-продажи в экономических вузах, основывается на коммуникативном и сравнительно-сопоставительном методах преподавания.

The paper is devoted to the particularities of discursive approach to teaching Russian as a foreign Language to students studying in Bulgarian Universities of Economics. In the epoch of linguistic globalisation teaching Russian as a foreign Language in Slavic countries is of great importance. The main purpose of teaching Russian as a foreign Language in Bulgarian Universities is to support the Russian Language as a Slavic Language and to defend the Cyrillic alphabet. The term Discourse of business transaction as one of versions of Discourse of trade within the framework of Economic Discourse is allocated. According to discourse theory of cross-cultural communication, the Discourse of foreign trade contract of sale as educational subject of teaching Professional Russian in Bulgarian Universities of Economics is allocated. The main discourse-building characteristics of the Discourse of foreign trade contract of sale are described, its principal genres and subgenres are considered.

The new discourse-stylistic approach to teaching Russian Language as a foreign Language for Specific Purposes in Bulgarian non-linguistic Universities, in particular to teaching Russian Discourse of foreign trade contract of sale in Universities of Economics, is based on communicative and comparative teaching methods.

Ключевые слова: дискурс, межкультурная коммуникация, дискурсивное обучение иностранным языкам, личностно-деятельностный подход, компетентностный подход, контекстное обучение, дискурсивно-стилистический подход, дискурс торговой сделки, дискурс внешнеэкономической сделки купли-продажи, концепт „Русский мир”.

Key words: discourse, cross-cultural communication, discursive practice in foreign language teaching, learner-centered approach, competence approach, context education, discourse-stylistic approach, discourse of business transaction, discourse of foreign trade contract of sale, concept „Russian World”.

В эпоху глобализации идет процесс создания единого поликультурного образовательного пространства. Унификация международных учебных программ ведет к

формированию единого международного образования. Болгарское образование интегрируется в мировое пространство посредством международного сотрудничества с зарубежными учебными заведениями.

Вступление Болгарии в ЕС способствует дальнейшей интеграции болгарских вузов в современное мировое образование. Европейская комиссия четко определяет роль университетов в построении «Европы знания»: основной целью высших школ является улучшение работы и привлекательности в международном масштабе европейских институций высшего образования и повышение качества образования и обучения в Европейском Союзе.

Исключительное развитие информационных технологий, в частности Интернета, создает условия построения общества без границ. Благодаря современным техническим средствам общения учебный процесс имеет возможность непрерывно обновляться и обогащаться. Необходимо принять новые синхронизированные образовательные стандарты и международные критерии оценки качества. Союз ученых в Болгарии утверждает практику ежегодных рейтингов высших школ [Становище, 2013, с. 46].

В условиях многоязычия и мультикультурной среды нужно поддерживать академическую мобильность, поощрять международное межвузовское сотрудничество [Краснянский, 2013, с. 14].

Согласно современному синергетическому видению мира, современное образование предполагает открытость будущему. Синергетическая парадигма „открытая модель” образования должна увеличить творческий потенциал человека для свободных и осмысленных действий, обеспечить целостное открытое восприятие и осознание мира [Солодова, 2012].

Процесс глобализации затрагивает преподавание русского языка как иностранного (РКИ) в болгарских вузах. В эпоху языковой глобализации преподавание русского языка в славянском мире приобретает особое значение. В условиях пересмотра статуса многих языков и угрозы исчезновения «малых» языков [Ангелов, 2012] необходима официальная государственная политика по вопросам сохранения и развития национального литературного языка [Виденев, 2012, с. 59].

Славянская общность должна отстаивать позиции русского языка как мирового славянского языка. Стабилизация престижа и имиджа русского языка содействует сохранению славянской языковой группы в целом, в частности болгарского языка, общей кириллицы. Поддержка русского языка, защита исконного славянского письма – кириллической азбуки, созданной Кириллом и Мефодием в Болгарии, – одна из главных целей преподавания РКИ в болгарских вузах [Лесневска (1), 2013, с. 22].

О достижениях фонда „Русский мир” – деятельности русских центров и кабинетов русского мира во всем мире, в частности, в Болгарии, – говорилось на VII Ассамблее Русского мира, посвященной 1150-летию славянской письменности [Прилепина, 2013, с. 7].

Инновации в обучении русскому языку как иностранному в Болгарии связаны с осуществлением международного научно-исследовательского проекта Славистического общества Сербии „Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении”, выдвинутого профессором Боголюбом Станковичем [Станкович, 2010, с. 11]. Обучение русскому языку как инославянскому – как „ино языку” (РКИинсл.) – в славянских странах более быстрое и экономное.

В соответствии с синергетикой и гуманитаризацией современного образования профессионально ориентированное обучение РКИ в болгарских неязыковых вузах имеет личностную направленность и проводится в форме творческого диалога между студентом и преподавателем, с обеспечением свободного пользования различными информационными системами. Реализуя личностно-деятельностный и компетентностный подходы при обучении профессиональному РКИ, происходит переориентация контроля на оценку способности применять полученные знания и умения в различных профессиональных ситуациях.

Новой теоретической базой профессиональной лингводидактики, в частности, методики преподавания профессионального РКИ в болгарских экономических вузах, служат новейшие достижения коммуникативной стилистики: сближение функционально-стилистической концепции и теории дискурса [Кожина, 2004, с. 17], разработка дискурсивно-стилистического подхода [Баженова, 2005, с. 317], моделирование и типология дискурса межкультурной коммуникации [Мишланова, 2008, с. 211], сопоставление понятий дискурса, культуры, ментальности [Дискурс. Колл. моногр., 2011], выявление новых явлений в официально-деловом стиле [Буре, 2012], разработка типологии дискурса в профессиональной коммуникации [Акимова, 2004, с. 253], исследование дискурса как объекта обучения в преподавании иностранных языков [Аникина, 2011, с. 54], изучение синергетической парадигмы дискурса в обучении РКИ [Петрова, 2013, с. 79] и др.

Развивая идеи функционализма (Пермская школа функциональной стилистики, создателем которой является доктор филологических наук профессор Маргарита Николаевна Кожина /1925-2012/) [Котюрова, 2005, с. 11]), коммуникативная стилистика раздвигает границы лингвостилистики. Объектом коммуникативной стилистики является дискурс, как коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера, процесс

производства и понимания речи в коммуникативно-прагматическом пространстве [Манаенко, 2010, с. 72].

В настоящее время традиционное обучение иностранному языку на основе функциональных стилей обновляется посредством применения нового дискурсивно-стилистического подхода. Дискурсивно-стилистический подход синтезирует функционально-стилистический и дискурсивный подходы, предполагая учёт не только стилеобразующих экстралингвистических факторов (функциональный аспект), но и несильнодействующих, нестилеобразующих экстралингвистических факторов, таких как социально-культурные, этнические, индивидуальные факторы, демонстрирующие конкретные интенции коммуниканта – автора текста (дискурсивный аспект) и др. [Котюрова, 2011, с. 46].

Основными теоретико-методологическими понятиями в методике и практике преподавания иностранных языков являются межкультурная коммуникация, дискурс, личностно-деятельностный подход, компетентностный подход, контекстное обучение, дискурсивная компетенция и др.

Межкультурная коммуникация (МК) – вербально опосредованная деятельность, предполагающая взаимодействие коммуникантов, принадлежащих различным культурам и обладающих разными уровнями профессиональной компетенции [Пермякова, 2009]. Так, в рамках дискурса понимание МК расширяется до рамок общения людей разных компетенций: в дискурс МК входит межъязыковая, международная, межкорпоративная, межпоколенческая, межгендерная коммуникации [Мишланова, 2005, с. 340]. Именно новейшая дискурсивная теория МК, согласно которой язык и культура представляют собой единый интегративный объект, является исходной теоретико-методической основой современного преподавания иностранных языков.

Понятие дискурса шире понятия текста. Дискурс – многоуровневый феномен – языковой, речевой, психический, когнитивный, социальный. Дискурс имеет биполярную структуру, располагаясь в коммуникативном пространстве между автором, производящим его, и реципиентом (потребителем), воспринимающим этот дискурс. В то время, как текст – абстрактная, формальная конструкция, дискурс представляет собой различные виды её актуализации в рамках экстралингвистических факторов. Так, дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее текст и контекст, необходимый для понимания текста. Контекст вбирает в себя экстралингвистические знания о мире, мнения, цели адресата, отношения коммуникантов, социальная надстройка, историческое место и др. Дискурсивная формация детерминирует отбор речевых высказываний и выбор коммуникативных стратегий, репрезентируя „власть дискурса” [Чернявская, 2006].

Личностно-деятельностный подход основан на утверждении неразрывности сознания и деятельности, причём компетенции формируются в процессе деятельности. Так, овладение компетенциями и процесс деятельности связаны между собой. Личностный компонент подхода предполагает преломление учебного материала и учебной деятельности через личность обучаемого. Таким образом, компетентностный и личностно-деятельностный подходы органично дополняют друг друга, реализуясь посредством контекстного подхода к обучению. Контекстное обучение создаёт условия для трансформации учебно-познавательной деятельности в профессиональную, смещая акцент с пассивного воспринимания профессиональной информации на формирование готовности и способности осуществлять профессиональные функции. Для осуществления контекстного обучения необходима разработка педагогической технологии обучения [Татарина, 2009, с. 290].

Дискурсивная компетенция, как одна из составляющих коммуникативной компетенции, – это умение создания целостных и связных текстов, знание разных типов дискурса, способность использовать в практической деятельности имеющиеся знания. Дискурсивная компетенция формируется при успешном применении личностно-деятельностного, компетентностного и контекстного подходов к обучению иностранному языку.

Дискурсивное профессионально-ориентированное обучения РКИ имеет деятельностно-творческий характер и выдвигает на передний план гуманитаризацию учебного процесса в поддержку индивидуального развития обучаемого. Преподавание русского языка экономики в Болгарии базируется на близкородственности славянских языков, а также, на общем историческом и культурном славянском наследии. Перед современным обучением специальному русскому языку экономики в болгарских вузах стоит задача формирования многоязычной и поликультурной славянской языковой личности – специалиста в области международного бизнеса.

Следуя постулатам интеграции в международное образование, учебные программы РКИ болгарских экономических вузов базируются на Российской системе тестирования по русскому языку как иностранному в сфере профессионального общения. Система уровней владения русским языком делового общения разработана Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина совместно с Торгово-промышленной палатой Российской Федерации. Данная система включает три уровня: базовый, средний и продвинутый, и соответствует европейской системе уровней владения иностранными языками в сфере профессиональной бизнес-среды.

Цель обучения профессиональному общению на русском языке болгарских студентов-будущих экономистов – достижение базового уровня владения русским языком как иностранным в сфере профессионального общения (РЯПО), модуль «Бизнес» с элементами среднего уровня владения РЯПО [Лесневска (2), 2013, с. 139]. Практическая цель заключается в формировании иноязычной, русской профессиональной коммуникативной компетенции в области экономики, в состав которой входят её составляющие: лингвистическая, дискурсивная, стратегическая, профессиональная, социокультурная, лингвокультурологическая, страноведческая компетенции.

Считаем целесообразным в теоретических и прикладных лингвистических целях выделить дискурс торговой сделки как разновидность дискурса торговли в рамках экономического дискурса [Лесневска (3), 2013, с. 75]. Торговая сделка – правовой нормативный акт договаривания между двумя или несколькими сторонами по поставке установленного количества и качества товарных единиц либо оказанию услуг в соответствии с согласованными сторонами условиями.

Дискурс торговой сделки, как вербально опосредованная профессиональная и знаковая деятельность, репрезентируется в двух аспектах: деятельностном и системном. Деятельностный (коммуникативно-прагматический) аспект данного дискурса находит выражение в устной коммуникации бесед и переговоров. Системный аспект дискурса выражается в совокупности текстов и наличии определённого понятийного аппарата.

Дискурс торговой сделки понимается как мультикультуральная деятельность языковой личности в специальной сфере торговли, коммуникативно- прагматическое событие социокультурного, идеологического и нормативно-правового характера, обусловленное конкретной общественно-исторической ситуацией. Социокультурный аспект дискурса торговой сделки репрезентируется в определенных стандартах коммуникативно-речевого поведения коммуникантов (продавец – покупатель) в типичных ситуациях.

Исходя из дискурсивной теории межкультурной коммуникации и положений дискурсивного, профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам считаем целесообразным выделить дискурс внешнеторговой сделки (ДВС) купли-продажи (подвид дискурса торговой сделки) в качестве учебно-методического материала обучения экономическому РКИ в болгарских экономических вузах. Торговая сделка купли-продажи (в частности внешнеторговая) – основная традиционная сделка среди других торговых сделок. Внешнеторговая сделка (контракт) представляет собой соглашение между двумя или несколькими сторонами, находящимися в разных странах, по поставке товаров и услуг.

ДВС купли-продажи, как профессиональный тип дискурса межкультурной коммуникации – вербально опосредованная профессиональная деятельность в области международного бизнеса. В дискурсе ДВС купли-продажи формируется профессиональная языковая личность.

Предлагаем следующее определение ДВС купли-продажи: это речевое межкультурное взаимодействие участников (контрагентов) процесса совершения сделки в рамках концептов внешней торговли, купли-продажи, экспорта, импорта, товара, прибыли, конкуренции, риска и результат этого взаимодействия – корпус документов, концептосфера, культурный код, терминосистема.

Категорию концепта (лат. *conceptus* – понятие) рассматриваем как дискурсивно-коммуникативное понятие, отражающее культуру и представляющее собой комплекс представлений, понятий и переживаний.

Обособление ДВС купли-продажи при обучении РКИ как инославянскому в болгарских экономических вузах отвечает основному дидактическому принципу минимизации учебного материала, дает возможность сознательному, сравнительному обучению специальному РКИ в инославянской среде.

Учебный процесс реализуется в соответствии с выделяемыми четырьмя измерениями дискурсивного пространства ДВС купли-продажи:

1) Речевая деятельность (взаимодействие) коммуникантов: профессиональный коммерческий диалог/ полилог коммуникантов: экспортёр – импортёр, продавец – покупатель, производитель – потребитель, рекламодатель – рекламист, страхователь – страховщик, истец – ответчик и др. Участники дискурса образуют цепочки: продавец – агент – покупатель; клиент – банковский служащий – продавец; поставщик – экспедитор – клиент и др.;

2) Процесс (смена фаз деятельности): подготовка, договаривание и реализация внешнеторговой сделки, в частности: запрос, уторговывание, рекламная презентация, ведение международных торговых переговоров, заключение сделки, поставка, экспедиция, складирование, таможенная очистка, франкировка, экспедиция, оплата, фактурирование, рекламация, арбитраж;

3) Результат деятельности (совокупность текстов, репрезентирующих внешнеторговую сделку, в устной и письменной разновидности);

4) Совокупность знаков (знаковая система), репрезентирующая национально-культурный код, понятийно-категориальный аппарат (концептосфера, терминосистема).

Речевые жанры и поджанры ДВС купли-продажи представлены в устной и письменной разновидности.

К устному подвиду ДВС относятся такие жанры, как коммерческие переговоры, деловая беседа, совещание, презентация, телефонный разговор, дискуссия, выступление, монолог.

Письменный подвид ДВС состоит из таких речевых жанров, как контракт, нормативные документы, инструкции (ИНКОТЕРМС), коммерческие письма, торговая документация, учебники, статьи на экономические темы, бизнес-хроника, торговая реклама.

В ДВС купли-продажи представлен в основном функциональный официально-деловой стиль (ОДС) (договоры, законы, документация, коммерческие письма), но, также, имеют место публицистический (реклама, презентации, бизнес-хроника), научный (учебники, статьи) и деловой разговорный (устное неофициальное бизнес-общение, простые письма) стили, причем письма репрезентируют эпистолярный жанр [Лесневска (4), 2013, с. 131]. Объединяющим звеном стилей и жанров ДВС купли-продажи служит общая внешнеторговая терминосистема.

ДВС купли-продажи имеет ярко выраженный полидискурсный характер, пересекаясь с другими дискурсами, такими как правовой, рекламный, медийный, эпистолярный дискурсы.

При обучении ДВС купли-продажи в качестве РКИ инсл. особое внимание уделяется его репрезентациям как речевой деятельности и как процессу – смене фаз деятельности (межкультурный коммерческий диалог по отдельным фазам совершения внешнеторговой сделки, ведение международных коммерческих диалогов) с целью приобретения навыков и умений профессионально-делового общения, учитывая национально-культурные особенности родного славянского и изучаемого русского языка.

Диалоговое, межличностное, сравнительно-сопоставительное обучение на базе качественного двустороннего учебного перевода (межъязыковая коммуникация, синергетическая теория перевода) осуществляет интерактивность преподавания иноязычного, русского ЯСЦ в рамках ДВС купли-продажи, а, именно, связь с экономическими дисциплинами по конкретной специальности студентов, изучаемыми на родном языке.

Работа с текстами, репрезентирующими внешнеторговую сделку, а также, репрезентация национально-культурного кода, концептосферы и терминосистемы ДВС купли-продажи в сравнительно-сопоставительном плане – другая ответственная задача дискурсивного обучения профессиональному РКИ инсл.

Эффективность дискурсивного обучения профессиональному РКИ, в частности, ДВС купли-продажи, обеспечивается, с одной стороны, сопоставительным анализом,

качественным „гармоничным” переводом для специальных целей посредством межкультурных преобразований и этнолингвокультурной адаптации (новая дисциплина – синергетика перевода – [Кушникова, 2013, с. 116]), с другой стороны, творческим полиязычным диалогом. Новое дискурсивное, профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам сочетает в себе коммуникативный и сравнительно-сопоставительный методы преподавания.

Итак, иноязычная профессионально ориентированная коммуникативная компетентность является одной из значительных составляющих профессиональной компетентности выпускников неязыковых вузов.

Выделяя русский ДВС купли-продажи в качестве учебной дисциплины в обучении РКИ в сфере международного бизнеса в болгарских экономических вузах, становится возможным выявление национально-культурного своеобразия русского и болгарского подязыков коммерции. В учебные программы обучения РКИ болгарских студентов – будущих экономистов включаем концепт „Русский мир” как обязательный компонент, реализующий лингвокультурологическую и страноведческую компетенций.

Концепт „Русский мир” – базовый концепт русской культуры и русской ментальности. В ядерной структуре культурологического концепта Русский мир ядро (основное, базовое значение) составляют такие компоненты, как *Россия, русское зарубежье, евразийское пространство, русский язык, русская культура, православие, евразийская интеграция, славянский мир, славянская культура и письменность (кириллица)*, периферию занимают составляющие: *согласие, диалог, примирение, лад, гармония, объединение, взаимное прощение* и др. [Лесневская (1), 2013, с. 29].

В заключение следует подчеркнуть важность активного владения русским языком как иностранным в сфере профессионального общения для будущих болгарских специалистов-экономистов. Знание русского профессионального подязыка экономики поможет молодым бизнесменам Болгарии в успешной коммерческой деятельности за рубежом, в частности, на российском рынке.

Список литературы

- Ангелов А.Г. Еколингвистика или екология на застрашените езици и лингвистика на застрашените екосистеми / А.Г. Ангелов. Международно социолингвистическо дружество. София.: INSOLISO, 2012. 328 с.
- Аникина О.В. Дискурс как объект обучения в курсе иностранного языка./ Вестник Томского госуд. пед. университета, вып. № 2. Томск: Издательство ТГПУ, 2011. С. 54-60.
- Акимова О.В., Солнышкина М.И. Типология дискурса в профессиональной коммуникации / Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб.: СПбГПУ, 2004. С. 253-260.

- Баженова Е.А.* Дискурсивно-стилистический подход к исследованию научного текста / Stylistyka-XIV / Ополе: 2005. С. 3-20.
- Буре Н.А.* Основы русской деловой речи / Н.А. Буре и др. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под ред. проф. В.В. Химика. СПб: „Златоуст“, 2012. 448 с.
- Виденев М.* Българският език и глобализацията се свят / Наука, №3. София: Печатница на СУБ, 2012. С. 59-61.
- Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография. Отв. ред. Олешков М. / Серия „Язык и дискурс“. Вып. 3. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия, 2011. 526 с.
- Кожина М.Н.* Речеведение: функциональная стилистика и дискурсивный анализ / Стил. Международен журнал. Белград: 2004. С. 17-20.
- Котюрова М.П.* Стилистическая школа профессора М.Н. Кожиной / Стил. Международен журнал. Белград: 2005. С. 11-20.
- Котюрова М.П.* Дискурсивно-стилистическое рассмотрение стереотипности речи (на материале текстов научных статей) / Стереотипность и творчество в тексте. № 15. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Типография ПГУ, 2011. С. 46-61.
- Краснянский С.* За дипломом – в Россию / Optima study. Международное образование и языки, № 2 (8). Самара: ООО „Международный образовательный центр ОПТИМА СТАДИ, 2013. С. 14-20.
- Кушникова Л.В.* Синергетическая системность в переводе в аспекте междисциплинарных исследований / Стереотипность и творчество в тексте. № 17. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Типография ПГУ, 2013. С. 116-125.
- Лесневская Д.С.* (1). Русское зарубежье в эпоху глобализации / Русское зарубежье и славянский мир. Славистическое общество Сербии. Фонд „Русский мир“, Филологический факультет Белградского университета. Белград: Графичар д.о.о., 2013. С. 22-32.
- Лесневская Д.С.* (2) Эффективное преподавание русского подъязыка экономики в болгарских экономических вузах / Инновации в обучении языку. Международен межвуз. научно-метод. сборник статей. Международная академия бизнеса. Алматы: ТОО „Полиграфкомбинат“, 2013. С. 139-150.
- Лесневская Д.С.* (3) Коммерческая корреспонденция: язык для специальных целей, эпистолярный дискурс, дискурс торговой сделки / Стереотипность и творчество в тексте. № 17. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Типография ПГУ, 2013. С. 75-84.
- Лесневская Д.С.* (4) Коммерческая корреспонденция в дискурсивно-стилистическом аспекте / Русистика XXI века: традиции и перспективы. Сборник материалов международной научной конференции. Шумен: Университетско издателство „Епископ К. Преславски“, 2013. С. 131-139.
- Манаенко Г.Н.* Дискурс и дискурсивный аспект лингвистических исследований / Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции. Пермь: Типография ПГУ, 2010. С. 72-79.
- Мишланова С.Л., Пермьякова Т.М.* Дискурс, культура, личность: к истокам межкультурной коммуникации / Стереотипность и творчество в тексте. № 12. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Типография ПГУ, 2008. С. 211-220.
- Мишланова С.Л., Пермьякова Т.М.* Межкультурная парадигма и перспективы межкультурной коммуникации / Стереотипность и творчество в тексте. № 8. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Типография ПГУ, 2005. С. 340-350.
- Пермьякова Т.М.* Моделирование и типология дискурса межкультурной коммуникации. Автореф. дис. ... доктора фил. наук: 10.02.19 / Т.М. Пермьякова. Пермский гос. ун-т. Пермь: Полигр. центр, 2009. 22 с.
- Петрова С.М.* Синергетическая парадигма дискурса в обучении РКИ / Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Вып. №1. т. 10. Якутск: 2013. С. 79-85.

- Прилетина О.* Через времена и пространства / Русский Мир.ru. Москва: Фонд „Русский мир”, декабрь 2013. С. 7-17.
- Солодова Е.А.* Новые модели в системе образования. Синергетический подход / Е.А. Солодова. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 344 с.
- Станкович Б.* Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного / МАПРЯЛ 2010. Десятый международный симпозиум. Доклады и сообщения. Велико-Тырново: ИВИС, 2010. С. 11-15.
- Становище на Съюза на учените в България по проблеми на науката и висшето образование / Наука, № 6. София: Печатница на СУБ, 2013. С. 46-52.
- Татарина Т.М.* Реализация контекстного подхода при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. № 102. СПб: 2009. С. 290-296.
- Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса / В.Е. Чернявская. Учебник. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Литвинова Г.М.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Litvinova Galina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ПЕРЕВОДЧИКА*

MOTHER TONGUE AS A FRAMEWORK FOR DEVELOPING TRANSLATOR'S
LANGUAGE PERSONALITY

В статье говорится о необходимости создания нового, комплексного подхода к изучению родного (русского) языка в системе подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации, который будет отличаться от подходов, применяемых в процессе подготовки лингвистов, журналистов, преподавателей и т.п. Будущий переводчик должен не только хорошо разбираться в особенностях современного стиля изложения предложенного ему материала, но и уметь быстро переключаться с одного стилистического регистра на другой, при этом контролируя свою речь как на русском, так и на иностранном языке. Принимая во внимание тот факт, что в современном обществе, к сожалению, господствующим типом речевой культуры стал среднелитературный или даже фамильярно-разговорный тип, а также учитывая не всегда достаточно высокий уровень лингвистической и общей культуры пришедших получить специальность переводчика, преподаватели должны пересмотреть методы работы, обратившись к интегративным системам обучения, подразумевающим индивидуализированный подход к каждому учащемуся и базирующимся на последних достижениях в лингводидактике. В процессе подготовки будущих переводчиков необходимо развивать в обучаемых стремление к формированию в себе основных черт элитарной языковой личности, а также навыки самостоятельной работы.

The article deals with the need to devise a new comprehensive approach to teaching Russian as the mother tongue to intercultural communication students, which is different from approaches used in training linguists, journalists, teachers and others. Aspiring translators are supposed to have a good command of the style they deal with when translating a text; moreover, they are to be able to switch freely between registers and to monitor their own speech both in Russian and in another language. Considering the fact that nowadays the prevalent speech register is neutral or even colloquial as well as that newly admitted T&I students' linguistic and educational background is often limited, teachers are to overhaul their methods and to take up comprehensive teaching systems with their individual approach to every student and innovations in language didactics. In T&I training it is necessary to encourage students to aspire to elite language personality and to build up independent work skills.

Ключевые слова: элитарная языковая личность, лингвистическая культура, кодифицированный литературный язык, способность к переключению с одной стилистической идиомы на другую, навыки активной самостоятельной работы.

Key words: elite language personality, language culture, standardized language, switching from one stylistic idiom to another, active independent work skills

В современном мире растет востребованность в высококвалифицированных переводчиках-профессионалах, обеспечивающих разностороннюю информационную деятельность общества. В связи с этим повышаются и требования к качеству их подготовки, так как «уровень компетентности будущего специалиста зависит от заложенной языковой и культурологической базы» [Есакова М.Н., Литвинова Г.М.; 2011,

с.279]. В парадигме современного образования остро стоят вопросы оптимизации обучения русскому языку в процессе подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации, решение которых требует создание новых, интегративных систем обучения, базирующихся на последних достижениях в лингводидактике и дидактики перевода. Опираясь на собственный преподавательский опыт, подкрепленный мнением наших коллег - специалистов в области обучения переводу, подчеркнем, что методика преподавания родного языка (в данном случае русского) будущим переводчикам несколько отлична от методики преподавания языка будущим филологам, лингвистам, преподавателям. Основной задачей дидактики перевода является формирование «личности переводчика, обладающего соответствующими компетенциями и наделённого определённой социальной ролью», поэтому «дидактика перевода лишь частично затрагивает область лингводидактики. Можно сказать, что дидактика перевода начинается там, где заканчивается лингводидактика» [Гарбовский Н.К., 2012, с. 42].

Переводчику необходимо не просто хорошо знать систему языка, но и уметь осуществлять «трансляцию, «перекодирование» одной системы в другую в процессе текстовой деятельности» [Зимняя И. А.; 1981, с.20], уметь порождать тексты различных жанров устной и письменной речи, контролировать свою речь в любой ситуации и т.д. «Перевод – дискурсивная деятельность, результатом которой является целостный текст, и поиск адекватных стратегий перевода требует наличия у переводчика дискурсивной, социокультурной компетенции, связанной «с умением создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения» [Серебрякова С.В., Серебряков А.А.; 2012]. В связи с этим на данный момент назрела серьезная необходимость создания программы «Русский язык для переводчика», удовлетворяющей всем требованиям подготовки квалифицированного специалиста в этой области.

В последнее время в центре внимания многих исследователей оказывается проблема формирования языковой личности переводчика. Неоднократно говорилось о том, что специалист по переводу должен выступать как элитарная языковая личность или личность, стремящаяся к элитарному типу речевой культуры. Понятие элитарной речевой культуры было введено в работах О.Б. Сиротининой, в которых автор выстраивает иерархию типов речевой культуры [Сиротинина О.Б.; 2001]. Для этого типа языковой личности характерно «владение нормами литературного языка, владение этическими и коммуникативными нормами, незатрудненное использование соответствующих ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, богатство активного и пассивного словарного запаса, отсутствие самоуверенности в своих знаниях и др. Очевидно, что элитарный тип речевой культуры есть воплощение общей культуры: знание достижений

мировой и национальной культуры, способность логично излагать свои мысли, умение ориентироваться в речи на прецедентные феномены общекультурного значения, стремление творчески воспринимать язык» [Кушникова Л. В., М. С. Силантьева М.С.; 2011]. И в процессе подготовки будущих специалистов в области перевода преподаватели русского языка должны стремиться заложить основы для формирования подобного типа речевой культуры, дать интеллектуальный инструмент, который учащимся поможет в дальнейшем качественно осуществлять профессиональную деятельность. «Дело переводчика - разобраться в том, что представляет собой современная культура родного языка, что признано литературной нормой, какие возможны отклонения, какие существуют жанры письменной и устной речи - и работать над их активным овладением [Алексеева И. С.; 2001, с.12].

Однако в реальности мы встречаем огромное количество объективных трудностей, к числу которых относится, например, невысокий уровень лингвистической культуры пришедших обучаться переводу. Лингвистическую культуру того или иного человека, как известно, формируют речевое поведение и лингвистическая компетенция. «Лингвистическая компетенция – знание словарного состава языка, включающего лексические и грамматические элементы, способность их использования в речи» [Берсиров Б. М.; 2010]. Уровень сформированности данной компетенции у обучающихся языку (родному или иностранному), а также переводу, как правило, оценивают по степени развития лексического и грамматического навыков, нередко совершенно упуская из виду такие важные аспекты, как семантический, орфографический, пунктуационный и орфоэпический. На практике преподаватели русского языка сталкиваются с проблемой слабой подготовки выпускников средних школ. Это обусловлено многими факторами: падением уровня преподавания русского языка в школе, нехваткой профессиональных кадров, заинтересованных не только в успешной сдаче ЕГЭ учащимися, но и в том, чтобы развить в школьниках настоящий, живой интерес к словесности, общим падением уровня культуры речи в современном обществе и т.д.

Известного ученого Ландау однажды спросили: «Какой предмет для вступительных экзаменов, по-вашему, самый важный?» - «Русский язык, - ответил академик, - физике мы научим»⁶. Продолжая мысль великого ученого, мы можем сказать, что обучить профессии переводчика можно, если есть база общей и языковой культуры. Парадокс современного образования заключается в том, что выпускники российских школ должны сдавать Единый государственный экзамен по русскому языку, кроме того, при поступлении практически на все гуманитарные факультеты учитываются результаты

---

⁶ Цит. по Б.Д. Гаймакова «Учебный процесс - ближе к телевизионной практике» // <http://www.tvmuseum.ru>

именно этого экзамена, но при этом, несмотря на достаточно высокие статистические показатели результатов ЕГЭ по русскому языку, на практике учащиеся плохо владеют родным языком, не умеют использовать его лексическое и стилистическое богатство, порождать тексты различной тематики. Кроме того, в последнее время наблюдается общее падение орфографической и пунктуационной грамотности, одной из причин которого нередко становится традиция Интернет- и sms-общения, не требующего вдумчивого и внимательного отношения к написанному (неправильное написание слов (по принципу: «лишь бы было понятно»), использование слов из «языка падонкоф», отсутствие знаков препинания, особое место занимает употребление сленговых междометий, выражающих согласие/несогласие, целую гамму эмоций (*ога, ахахаха, хddd, ржунемогу* и т.д.)). Все это усложняет задачу преподавателя вуза, который, с одной стороны, должен восполнить пробелы школьного образования, с другой – подготовить квалифицированных лингвистов, филологов, переводчиков и т.д.

В основе второй составляющей лингвистической культуры человека - «речевого поведения» - лежит его речевая и коммуникативно-практическая деятельность. Общение молодежи в свободное время, качество информации и предпочитаемые источники ее получения – все это уходит из-под контроля преподавателя.

То, что молодежь не читает или зачастую читает литературу, которая не способствует культурному обогащению, стало уже общим местом. Основную информацию о мире, культуре, политике и пр. учащиеся получают в основном из Интернет- или теле-источников и гораздо реже из книжных ресурсов. Безусловно, умелое использование компьютерных и сетевых ресурсов имеет свои неоспоримые преимущества в рамках образовательного процесса: быстрый доступ к необходимой информации, сокращение времени на ее поиск, возможность подбора материалов и их анализа без лишних энергетических и временных затрат, развитие мыслительных процессов и т.д. Однако слабо развитый навык чтения в целом приводит к падению лингвистической и культурологической грамотности учащегося и как следствие становится одной из причин снижения качества общей культуры студента.

При создании собственных текстов учащиеся испытывают многочисленные трудности, не умея выразить мысли. Нарушения в логическом построении текста, незнание семантики слов, неуместное использование слов другого стиля речи, ошибки в управлении, орфографические и пунктуационные ошибки – вот далеко не полный перечень того, с чем приходится сталкиваться преподавателю. Так, на одном из занятий по русскому языку и культуре речи студентам 1 курса было предложено написать небольшое сочинение на тему «Перевод: ремесло или творчество?» Вот выдержки из некоторых работ

(мы сохранили авторскую орфографию и пунктуацию):

1. «На мой взгляд перевод различных документаций или проектов должен исключать любые порывы к творчеству, он должен быть выполнен сухо, четко, без каких-либо личных дополнений переводчика» (отсутствие запятой после вводного словосочетания, употребление слова «документация» во множественном числе, неуместное использование в данном контексте словосочетания «порывы к творчеству», избыточное употребление прилагательного «личные» в словосочетании «дополнения переводчика»).

2. «Если рассматривать перевод как ремесло, переводчик обязан придерживаться строгих правил, а так же обладать определенными качествами, такими как аккуратность, ответственность и самое главное хорошо разбираться в том о чем идет речь в его трудах» (раздельное написание союза «также», отсутствие тире перед сказуемым, выраженным инфинитивом, отсутствие запятых в сложном предложении, неуместное использование в данном контексте слова «труды»).

3. «Переводчик переводит, согласно тексту, который ему дан, и не может вставлять свои мысли и идеи» (переводчик переводит не «согласно тексту», а сам текст, вернее, транслирует смыслы, которыми обмениваются адресант и адресат, неуместное использование слова «вставлять» по отношению к абстрактным существительным «мысли» и «идеи»).

4. «Главная мысль данного определения то, что перевод – это именно интерпретация» (неверное синтаксическое оформление фразы).

5. «Второй аргумент, который можно привести в доказание...» (употребление несуществующего в языке слова).

6. «А подытожить свою позицию я бы хотел метафорой...» (глагол «подытожить» нельзя употреблять с существительными «позиция» и «метафора»).

7. «Язык не повернется назвать подобные вещи [басни Крылова] «ремеслом» (неуместное употребление разговорного фразеологизма «язык не поворачивается», кроме того, этот фразеологизм звучит в неудачном контексте – по отношению к басням Крылова, что создает комический эффект).

Большинство этих ошибок в речи учащихся в процессе обучения удастся устранить благодаря изучению современных норм литературного языка и законов их эффективного использования, установлению пределов возможного и недопустимого в устной и письменной формах речи. Одна из трудностей выполнения поставленной перед преподавателем задачи заключается в том, что, выходя из аудитории, учащиеся переходят на другой – «сленговый» - язык, таким образом нередко снижая результат, достигнутый на

занятии.

Интересно в этой связи проанализировать общение учащихся на различных Интернет-форумах, на которых студенты, не скованные никакими правилами, выражают свои мысли свободно, не опасаясь контроля. В качестве примера хотелось бы привести несколько выдержек из Интернет-общения студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», в социальной сети «ВКонтакте»:

1. Надпись под фотографией «90% учеников не вспомнят как по-английски будет "овца", но вот слово "мычать, бляеть" они после этой картинки точно не забудут =))))))))))))))!» (отсутствие запятой в сложноподчиненном предложении, незнание реалий или невнимательное отношение к смыслу своего высказывания: овцы «не мычат»).

2. «Культовый фотограф Джозеф Сабо стал культовым благодаря тому, что всю свою сознательную жизнь снимал американских подростков, с середины 1960-х до конца 1980-х» (неуместное использование книжного слова «середина»).

3. «Ахаххаха похоже, что оно ровно так и делается! хДД» (здесь уместнее было бы использовать частицу «именно»).

4. «Позволю себе влезть в разговор, с вашего позволения» (тавтология: «позволю» - «с вашего позволения», книжное слово «позволю» и разговорное «влезть»).

5. «Мы поглазели))» (вместо «посмотрели»).

6. «У меняяяя?! да щас нет! у меня есть... БАБУШКА!!! это круче хДДДД» (неверное написание слова «сейчас», использование «хддд» (как буквенная замена смайлика, изображающего гомерический смех) вместо описания выражения эмоций).

7. «Угу, я это хорошо вижу после бутылки абсента хором...))))))))))» («хором» вместо «в компании»).

8. «Поскольку ты ЯВСТВЕННО НАСТАИВАЛА (несмотря на моё сопротивление) на чём-нибудь весёленьком, а новое видео эстонов через youtube мне скидывать лень» (смешение паронимов («явственно» вместо «явно»), незнание или намеренное искажение названия народности («эстонов» вместо «эстонцев»)) и т.д.

Все приведенные высказывания, несмотря на то что они представлены в письменной форме, относятся к сфере разговорного дискурса, у которого свои законы развития. Отсутствие интонационных, темповых, тембровых, мимических и т.п. средств передачи тональности, присущих устному разговорному дискурсу, налагает на пишущего свои обязательства: эмоции передаются при помощи условных обозначений, реакция на сказанное выражается в виде легко усваиваемых коротких комментариев, «домашних» намеков и т.д. Анализ подобных сетевых диалогов помогает в создании коллективного речевого портрета современного студента. Безусловно, необходимо учитывать тот факт,

что общение в различных сетях подчиняется своим правилам и условностям, о чем неоднократно писали исследователи. Так, М. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва», в частности, отмечает, что использование «языка падонкоф» на страницах Интернет-форумов нередко становится знаком «своего», «избранного», «причастного». В сфере неформального личностного общения, в непринужденной, неофициальной ситуации, в которой иногда отрицаются действующие в обществе нормы, особенно в условиях высокой степени знакомства, одинаковых социальных отношений, носитель элитарной речевой культуры также не всегда следует правилам и предписаниям, поэтому в его речи наблюдаются многочисленные отхождения от кодифицированного литературного языка. «Отечественные исследователи (Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, В.Д. Девкин, Л.А. Капанадзе, В.В. Химик и др.) неоднократно отмечали, что интеллигентный носитель языка может употреблять сниженные средства в обиходно-деловых и обиходно-профессиональных ситуациях, демонстрируя «функционально-регистрационное речевое поведение» [Картер Е.В.; 2007, с. 4]. Во многих случаях использование сниженных единиц языка, особого синтаксиса становится формой самовыражения говорящего, включающегося в языковую игру, или же особым тактическим приемом – «языковой маской».

Не следует забывать, что культура речевого общения предполагает не только правильное, но и уместное (оптимальное) использование языковых средств в определенной речевой ситуации. Носитель элитарной культуры должен владеть как низшей, так и «высшей ступенью освоения литературного языка (ему подчинены правильность и культура речи в собственном смысле), он имеет большую и разнообразную практику речевого общения, в том числе обязательно публичного, любой коммуникативный акт осуществляется им с учетом стилистического соответствия и коммуникативной целесообразности» [Кочеткова Т.В.; 2011]. Это помогает говорящему или пишущему в достижении поставленных коммуникативных задач. Необходимо отметить, что носитель элитарной речевой культуры характеризуется свободным переключением с одного стиля на другой в зависимости от ситуации и цели высказывания. Речь образованного человека XXI века, несомненно, не должна быть искусственно сконструированной, «чистенькой». Специалисты-переводчики неоднократно выражали обеспокоенность тем, что в русском переводном дискурсе десятилетиями формировался «дистиллированный», в каком-то смысле искусственный язык, в котором все стремится к норме. Такой язык создавал впечатление «бледного однообразия переводных текстов», поскольку «полное устранение интерференции и стремление никоим образом не отклониться от нормы, могут привести к некой

«дистилляции» создаваемых в процессе перевода речевых произведений» [Гарбовский Н.К., 2012, с.133].

В этой связи вспоминаются метафоры «прозрачности» и «зеркальности» перевода. «Прозрачность» перевода предполагает соответствие традициям и нормам, существующим в принимающем языке и культуре. «Зеркальность» позволяет сравнить оригинал и перевод по степени их близости. Современные исследователи теории и критики перевода считают, что «для переводческой критики понятие «зеркальности» не менее значимо при описании перевода, нежели понятие «прозрачности» [Костикова О.И., 2010, с. 48]. Ведь зеркало открывает для глаза человека гораздо больше возможностей, чем прозрачность стекла: «Зеркало же, позволяющее видеть одновременно и сам оригинальный объект, и его отражение, позволяет сравнивать их, устанавливать степень сходства и различия, степень эквивалентности и при необходимости оценить эстетические свойства одного относительно другого» [Костикова О.И., 2010, с. 48]. Таким образом, в процессе перевода, следуя логике переводимого текста, переводчику случается отходить от правил и норм переводящего языка.

Однако вышесказанное не исключает необходимости внимательного отношения к системе родного языка. Человек, который не владеет в совершенстве правилами и нормами оформления речи, не знаком с законами речевого мастерства, зачастую оказывается под мощным воздействием субкультуры Интернета, натиска телевизионных программ, где не всегда можно услышать грамотную речь, господства среднелитературного, фамильярно-разговорного или просторечного типа речевой культуры, и ему сложнее развить в себе навыки речевой деятельности, предполагающие умение создавать тексты различных жанров и свободное, автоматическое, без усилий, переключение с одного стилистического регистра на другой.

Говоря о необходимости формирования у учащихся языкового вкуса, развития языкового чутья, нельзя не упомянуть о том, что студенты порой воспринимают кодифицированный литературный язык как искусственный. Часто на занятиях можно услышать сетования на то, что «в реальной жизни так не говорят». Действительно, понятие образцовой речи в последнее время оказалось слишком размытым, что значительно усложняет задачу преподавателей. Многие исследователи неоднократно писали о том, элитарную речевую культуру «можно считать «почти не сохранившейся», но, к счастью, все же «редко встречаемой» в естественных ситуациях общения. Именно она, еще «имея возможность возродиться», продолжает оставаться «образцом истинно русской речевой культуры» [Кочеткова Т.В.; 2011].

Отсутствие навыка работы в парадигме кодифицированного литературного языка приводит к тому, что при создании собственных текстов различных жанров или при переводе студенты демонстрируют косноязычие, неумение правильно строить фразы, следуя законам синтаксиса русского языка, незнание семантики слов, недостаточное владение грамматическими правилами. Учащиеся попадают под влияние грамматики иностранного языка, поскольку его систему и стилистические особенности они изучали тщательнее. «Лингвистическая интерференция вызвана тем, что одна языковая система доминирует в языковом сознании билингва над другой. Поэтому при использовании подчиненной языковой системы в его речи наблюдаются некоторые искажения, привнесенные из доминирующей языковой системы» [Гарбовский Н.К.; 2012, с.134]. В качестве аргументов приведем несколько примеров из переводов студентов-старшекурсников:

«Мы собираем эту ассамблею в то время, когда мы становимся свидетелями очень тревожного феномена: бессмысленное насилие, которое распространяется по всему региону как результат бездумного оскорбления религиозных чувств».

«С тех пор насилие переросло в Гражданскую войну, которая постыдна для Организации Объединенных Наций».

«Это кризис, который имеет длительный эффект, воздействует негативно на три основы ООН: мир и безопасность, развитие и права человека».

«И ООН настолько эффективно, насколько и позволяет ее политические органы».

«Это кризис человеческой безопасности и угроза международному миру и безопасности».

«Мы столкнулись с невозможностью осуществить и выполнить нашу ответственность для защиты граждан».

«Однако мы не должны возлагать каких-то надежд, что это принесет к справедливости и все виновные будут осуждены».

«Мы заглядываем в историю и видим, что она очень успешная».

«В заключение хотелось бы сказать несколько слов, которые особенно важны для меня».

Ошибки такого рода, к сожалению, частотны как в устных, так и письменных переводах, что еще раз подчеркивает необходимость развивать у студентов стремление к формированию высокой степени речевой культуры, которая станет основой для дальнейшей успешной работы в профессиональной сфере. Приближаясь к речевому эталону, языковая личность овладевает умением в любой коммуникативной ситуации

демонстрировать искусство использования всего богатства возможностей языка, не выходя за рамки строгой уместности этого пользования.

Хотелось бы отметить, что в задачи данной статьи не входит сопоставление ошибок в устном и письменном переводе. Это может стать отдельным и, на наш взгляд, очень интересным исследованием. Письменный перевод предоставляет учащемуся прежде всего время, которое помогает скорректировать текст, обойти опасные места при помощи уместных лингвостилистических средств, обратиться к помощи мастеров перевода. В условиях устного перевода, когда время предельно сжато, психические и физические силы на пределе, количество «ляпов», безусловно, увеличивается, что обусловлено и теми факторами, о которых мы говорили выше: стихия фамильярно-разговорного типа речевой культуры ворвалась в речь основной массы говорящих на русском языке.

Таким образом, уже на начальном этапе обучения будущих специалистов в области перевода важно не только развивать профессиональные знания, навыки и умения у учащихся, но и способствовать формированию элитарной языковой личности, которой свойственны «высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разностилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи и безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных целей; соблюдение существующих этических норм, всемерное уважение к адресату» [Кочеткова Т.В.; 2011]. Решение этих задач предполагает индивидуализированный подход к каждому учащемуся. Однако в условиях работы в группе, а также дефицита учебного времени, отведенного программой на аудиторные занятия, сложно рассчитывать на высокие результаты при отсутствии активной самостоятельной работы учащихся. Исследователи неоднократно отмечали, что по завершении обучения выпускники вузов испытывали серьезные трудности в профессиональном общении вследствие неустойчивой мотивации к познавательной деятельности, несформированности навыка самостоятельной, творческой работы, что отрицательно сказывается на результатах работы. Поэтому нужно с первых дней учебы прививать студентам навыки самообразования, чувство ответственности за эффективность своего образования, поощрять стремление к самосовершенствованию, поддерживать мотивацию к поиску оптимальных решений того или иного вопроса.

Список литературы

- Алексеева И. С.* Профессиональный тренинг переводчика // Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей, «Союз», С-Пб, 2001, 287 с.
- Берсиоров Б.М.* Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: педагогика и психология. 2010. №2.
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // «Русский язык и культура в зеркале перевода», М., 2012.
- Гарбовский Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №4, 2012.
- Есакова М.Н., Литвинова Г.М.* Особенности преподавания русского языка в русскоязычной аудитории (к проблеме подготовки переводчиков) // «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка и в переводе», М., изд-во МГУ, 2011.
- Зимняя И. А.* Психология перевода: учеб. Пособие // И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. ПГПИИЯ им. М. Тореца, М., 1981, 52 с.
- Картер Е.В.* Социальная стратификация языка в речевой репрезентации элитарной языковой личности: на материале современной русской прозы. Автореф. дис. канд. фил. наук / Картер Е.В., Череповец, 2007, 22 с.
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, № 3, 2010, с.44 – 55.
- Кочеткова Т.В.* проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // <http://portal.tpu.ru/SHARED/e/ELENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf>.
- Кушникова Л.В.* Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушникова, М. С. Силантьева // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
- Серебрякова С.В., Серебряков А.А.* К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: педагогика и психология, № 3 (103) / 2012.
- Сиротинина О.Б.* Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 16-28.

Мартынова М.А.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Николенко Е.Ю.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Martynova Margarita
Russian Academy of national economy and public administration
Nikolenko Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ РКИ

THE PROBLEM OF TRANSLATION IN THE MODERN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS

В статье представлен взгляд на проблему с точки зрения преподавателей русского языка как иностранного, авторов учебников и пособий по РКИ. Анализируется использование перевода в современных учебниках по русскому языку как иностранному. Рассматривается использование/неиспользование перевода в зависимости от метода, уровня, контингента учащихся, форм обучения, авторской концепции, политики издательства. Затрагивается также проблема перевода на родной язык или язык-посредник. Более подробный анализ использования перевода проводится на материале учебно-методических комплексов, авторами которых являются написавшие данную статью. Это учебный комплекс для элементарного, базового и первого сертификационного уровней Г.М. Левина, Е.Ю. Николенко «Золотое кольцо – Владимир», Москва-СПб, Златоуст, Росноу, 2003-2011 и учебно-методический комплекс Козлова Н.А., Мартынова М.А. «Мы в России», Русский язык. Курсы, 2014.

The article presents a look at the problem from the point of view of teachers of Russian as a foreign language, who are the authors of textbooks and manuals. The use of translation in modern textbooks on the Russian language as foreign is analyzed. The use/non-use of the translation, depending on the method, level, contingent of students, training forms, author's concept, publishers' policy is discussed. The problem of translation to a students' native language or mediator language is also discussed. A more detailed analysis of the use of translation is carried out on the material of the educational-methodical (texts books, exercise books etc.) which the authors are who wrote this article. These are the educational courses for elementary, basic and first certification levels: G.M. Levina, E.Yu Nikolenko 'The Golden Ring – Vladimir', Moscow-SPb, Zlatoust – Rosnou, 2003-2011; N.A. Kozlova, M.A. Martynova, 'We are in Russia', Russkiy yazyk. Kursy, 2014.

Ключевые слова: перевод, родной язык, язык-посредник, грамматико-переводной метод, коммуникативный подход, учебник, учебное пособие учебно-методический комплекс.

Key words: translation, native language, mediator language, grammar-translation method, communicative approach, textbook, tutorial, educational-methodical complex

Давно отгремели бои между грамматико-переводным и коммуникативным подходом к обучению РКИ. Нам кажется, пришла пора спокойно обсудить проблемы перевода в современных учебниках и учебных пособиях по РКИ, тем более, если принять во внимание общую проблематику нашей конференции.

Что такое перевод с нашей точки зрения?

Существуют всевозможные трактовки термина. Нам ближе определение В.Г. Костомарова и О.Д. Митрофановой [Костомаров, Митрофанова, 1979], которые квалифицируют перевод как использование родного языка (языка-посредника – М. Мартынова, Е. Николенко) при обучении иностранному языку. Хотелось бы сказать несколько слов о переводе на языке-посреднике. Конечно, если группа мононациональная, например, китайская, японская и пр. можно использовать перевод на родной язык. Широко известны положительные примеры таких пособий. Можно вспомнить учебники: Балыхина Т.М., Евстигнеева И.Ф., Румянцева Н.М. и др. «Учебник русского языка для говорящих по-китайски. Элементарный и базовый уровни», Москва: РУДН, 2008, Антонова В.Б., Нахабина М.М. и др. «Дорога в Россию» (китайский вариант), СПб-Москва: Златоуст, 2007, И.Э. Давкова «Цуёси и Минако едут в Москву», учебное пособие по развитию речи для говорящих на японском языке, 2010: Русский язык. Курсы и др.

Что касается мультинациональных групп, гораздо удобнее и эффективнее работать с учебниками и пособиями, где используется перевод на язык-посредник. В последние десятилетия это английский язык. Практически все наши взрослые учащиеся владеют им хотя бы на элементарном уровне. Конечно же, эти учебники и пособия предназначены и для носителей английского языка.

Проблемы перевода в учебниках иностранного языка рассматривались многими исследователями: И.М. Пулькина А.Н. Леонтьев, Е.И. Пассов, В.С. Лизунов, О.Е. Дергачева, Л.Т. Нечаева, И.Ю. Попович.

Перевод используется в учебниках по иностранному языку в разных функциях.

1. Прежде всего, перевод используется как основной инструмент метода (переводной и грамматико-переводной методы), в которых перевод является основой обучения. На первый план выдвигается освоение системы изучаемого языка. Осознание читаемого текста и умение его перевести признается в качестве цели обучения. Развитие навыков самостоятельной речи отходит на второй план.

При господствующем сегодня коммуникативно-ориентированном подходе к обучению появляются иные ориентиры. На первый план выходит не только освоение лексико-грамматической системы нового языка, но и умение применить полученные знания в ситуациях реального общения. Коммуникативно-ориентированное обучение, естественно, коснулось и русского как иностранного.

К счастью, прошли те времена, когда перевод полностью отвергался и считалось, что овладение иностранным языком возможно без развития умений перевода. Бытовавшее тогда мнение большинства методистов о ненужности и нежелательности использования

перевода при обучении иноязычной речи в скором времени сменилось осознанием необходимости его использования вне зависимости от ведущего метода обучения.

Сейчас перевод используется в качестве вспомогательного средства овладения языком, но он по-прежнему необходим и занимает важное место.

2. Как методический приём перевод используется при работе над лексико-грамматическим материалом в разных методах, в том числе и в коммуникативно-ориентированном. В качестве обучающего приёма перевод может быть использован очень успешно.

Перевод помогает как студенту, так и преподавателю. Обращаться к переводу возможно при аудиторной работе, а также при самостоятельной. Однако нас в данный момент интересуют его «возможности» в учебниках и пособиях РКИ.

Использование перевода в учебнике РКИ часто зависит от уровня учащихся. На элементарном и базовом уровнях перевод используется гораздо больше, чем на других, более высоких уровнях. В успешных беспереводных учебных пособиях для продвинутого этапа, например, [Шилова, 2013], трудности понимания снимаются комментариями на русском языке. Однако было бы неверным считать, что необходимость использования учебного перевода с повышением уровня усвоения отпадает. Упражнения на перевод с родного (языка-посредника) на русский, на наш взгляд, должны присутствовать в учебнике по русскому языку любого уровня, так как именно перевод является одним из наиболее эффективных способов обучения выражению мыслей на иностранном языке.

3. Использование перевода в значительной степени зависит от контингента и форм обучения, авторской концепции, политики издательства.

В последние 20 лет в РКИ пришло много преподавателей иностранных языков. Некоторые из них пишут учебники и учебные пособия, в которых перевод используется гораздо шире, чем в пособиях, созданных преподавателями русского как иностранного. Например, в пособии Т. Юзвик «Какой падеж?» [Юзвик, 2008] объяснения даются по-русски и по-английски, формулировка заданий по-английски.

Использование перевода во многом зависит от авторской концепции. В данной статье мы попытаемся продемонстрировать, как в разных пособиях и учебниках используется перевод и как это связано с концепцией создателей учебников.

Немаловажную роль играет и политика издательства. На сегодняшний день можно выделить три ведущих издательства, занимающихся РКИ. Это «Златоуст», «Русский язык. Курс» и «Флинта». Все используют перевод в учебниках и учебных пособиях по РКИ.

Хотелось бы сказать добрые слова в адрес издательства «Златоуст». В учебниках и пособиях, выпущенных этим издательством, всегда уделяется внимание переводу: он

качественный, часто это перевод не на один, а на несколько языков как, например, в учебнике С. Чернышова, А. Чернышовой «Поехали» [Чернышов, Чернышова, 2010].

Рассмотрим использование перевода в учебниках, начиная с наших «классиков»: Ю.Г. Овсиенко [Овсиенко, 2008], С.А. Хаврониной и А.И. Широчинской [Хавронина, Широчинская, 2002], опубликованных в издательстве «Русский язык. Курсы».

Мы не случайно выбрали в качестве примера именно эти два пособия. С одной стороны, они являются просто чемпионами по количеству переизданий, т.е. по популярности. С другой стороны, важное место в них принадлежит переводу. Если говорить о «Русском в упражнениях» С.А. Хаврониной и А.И. Широчинской, то огромная популярность этих упражнений связана, прежде всего, с системной подачей материала. Однако мы должны констатировать, что не последнюю роль в том, что книга до сих пор используется многими преподавателями и учащимися, сыграло и то, что все задания и комментарии переведены, причём, не только на английский, но и на другие европейские языки, а сейчас и на китайский язык.

Если же мы будем рассматривать учебник Ю.Г. Овсиенко, то уже название говорит само за себя ‘Russian for Beginners’ (для говорящих на английском языке). За что же этот учебник так ценится преподавателями и студентами? Не за тексты и упражнения. А ценна книга тем, что в ней есть вводно-фонетический курс с переводом, словарь с картинками и с переводом по семантическим группам, например, человек, части тела человека, семья и т.д., грамматические комментарии и таблицы с переводом.

В большинстве современных учебников авторы дают возможность при желании использовать перевод в различных его формах. Учебник (пособие) может быть ориентирован на один язык и на несколько языков, например, очень популярное пособие по чтению для учащихся элементарного и базового уровня «Шкатулка», [Шкатулка, 2008]. предназначено как для англоговорящих, так и для франкоговорящих учащихся. Обращение к переводу накладывает определённую ответственность на автора. Заявка на широкое использование перевода делается уже на титульном листе, например, в пособиях: Н. Волкова, Д.Д. Филлипс; Арто Мустайоки, начиная с обложки всё представлено на английском языке. В учебнике И.Э. Давкова «Джеймс и Катрин едут в Москву» репертуар языковых средств выражения интенций с переводом расширяется, например, в диалогах реплики одного участника даются по-русски, реплики другого – по-английски.

В наших учебниках «Владимир 1», «Владимир 2», «Кольцо», «Золотое кольцо 1» «Золотое кольцо 2» мы активно используем перевод. Причём, если в учебниках для элементарного и базового уровня перевод играет заметную роль, то в учебнике для первого сертификационного уровня («Владимир 2») роль перевода специализируется. Мы

его используем только в первом тексте первого раздела, в переводах стихов, а также даём перевод некоторых слов в текстах, чтобы чтение не становилось «мучением». Такой приём впервые описала в своей диссертации Ольга Каган [Каган, 1996]. На полях даются некоторые слова с переводом.

Этот же приём очень удачно используется в одной из самых популярных книг для чтения на базовом уровне Н.С. Новикова, О.М. Щербакова «Удивительные истории. 116 текстов для чтения, обучения и развлечения», которая неоднократно переиздавалась издательством «Флинта».

Что касается использования перевода в наших учебниках для элементарного и базового уровня, он используется в переводах заданий (первый урок элементарного уровня), постепенно мы отменяем перевод в формулировке тех заданий, которые уже встречались раньше. В начале каждого занятия даётся подробное изложение содержания с переводом, все грамматические объяснения, стихи обязательно сопровождаются переводом. После каждого занятия и в конце учебника даётся словарь с переводом, в котором есть следующие разделы: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, вопросительные слова (дискурсивные слова), выражения. В конце учебника словарь даётся в алфавитном порядке.

Наши тексты в учебниках для базового уровня снабжены переводом. Тексты большие (до 1500 словоформ). Перевод даётся для того, чтобы у учащихся была уверенность, что они все поняли правильно.

Способы включения учебного перевода в систему заданий практического курса по РКИ могут быть различны и не всегда отражаться непосредственно в учебном пособии, однако сам учебный материал предоставляет достаточно возможностей варьировать работу с использованием учебного перевода в зависимости от состава группы, опыта преподавателя, наличия или отсутствия языковой среды, лингвистического опыта студента и т.п.

Учебный комплекс Козлова Н.А., Мартынова М.А. «Мы в России», также ориентирован на иностранцев, которые живут и работают в нашей стране. Комплекс, состоящий из трёх пособий с тематически связанными текстами и упражнениями, а также лексико-грамматического словаря и лингвострановедческой мини энциклопедии, предоставляет нам широкие возможности для овладения навыками учебного перевода. Автономный русско-английский лексико-грамматический словарь, охватывающий все слова, встречающиеся в текстах (в объёме 1-ого сертификационного уровня) позволяет учащимся работать или под руководством преподавателя или самостоятельно. В нашем случае выбор английского языка был продиктован тем, что для большей части обучаемых

он является родным, для остальных же – языком-посредником. Грамматические пометы, сопровождающие каждую лексическую единицу, с учётом контекстного перевода, также смогут помочь при переводе.

Такого рода трудности, связанные с усвоением русских глаголов дали нам основание выделить их в отдельную группу.

Тексты, объединённые тематически в разделы «Наш дом», «Жизнь в большом городе» и «Будьте здоровы! или «...Здравствуйте!», дают возможность преподавателю разнообразить работу, используя как перевод студентами всего текста (с русского на английский), так и отдельных лексических единиц, изучение которых требует дополнительных пояснений.

В одну из тематических частей «...Здравствуйте!» включены русские этикетные формы общения, полностью переведённые на английский язык.

Мы сочли это методически оправданным, т.к. они тоже зачастую вызывают затруднения при изучении русского языка. Лексико-грамматические упражнения с разнообразными заданиями сформулированы таким образом, что позволяют понять их русскую формулировку даже без перевода. Однако сам материал заданий может быть успешно использован для учебного перевода. Важно заметить, что мы говорим о потенциальных возможностях данного учебного комплекса для овладения навыками учебного перевода, а не об обучении переводу.

Конкретные формы работы зависят не только от наших рекомендаций, но и от мастерства и фантазии самого преподавателя.

Итак, перевод можно расценивать как осознанное освоение языка (на любом уровне). При переводе учащийся может наглядно ощутить результаты овладения иностранным языком. Доказано, что овладение навыками перевода необходимо учащимся любых специальностей и всех уровней.

Только перевод обеспечивает реальное понимание русского дискурса. Дискурсивные слова, например, невозможно найти ни в одном словаре. Именно перевод приучает учащихся использовать дискурсивные слова в реальном общении.

Кроме того, адекватный перевод является гарантией того, что учащийся идет правильным путем, не запоминает приблизительные, иногда ошибочные, значения, правильно понимает слова и словосочетания. На начальном этапе изучения языка (элементарный и базовый уровни), когда формируются базовые знания, очень важно, чтобы у ученика было абсолютно точное, адекватное понимание значений слов и грамматических явлений. Перевод – это также путь перехода к эквивалентным смысловым заменам на родном языке. Мышление в формах иностранного языка никогда

не станет аналогичным мышлению на родном языке, в нем всегда будут присутствовать «вкрапления» мгновенного перевода [Ляховицкий, 1981].

Список литературы

- Антонова В.Б., Нахабина М.М. и др.* Дорога в Россию (Базовый уровень) (китайский вариант), СПб-Москва: ЦМО-Златоуст, 2003, 344 с.
- Антонова В.Б., Нахабина М.М. и др.* Дорога в Россию (Элементарный уровень) (китайский вариант), СПб-Москва, ЦМО-Златоуст, 2007, 231 с.
- Балыхина Т.М., Евстигнеева И.Ф., Румянцева Н.М. и др.* Учебник русского языка для говорящих по-китайски. Элементарный и базовый уровни, М.: РУДН, 2008, 352 с.
- Волкова Н., Филлипс Д.Д.* 'Let's Improve our Russian' / Улучшим наш русский! СПб: Златоуст, 2006, 216 с.
- Давкова И.Э.* «Джеймс и Катрин едут в Москву. Пособие по обучению диалогической речи для говорящих на английском языке», М.: Русский язык. Курсы, 2009, 245 с.
- Давкова И.Э.* «Цуёси и Минако едут в Москву». Учебное пособие по развитию речи для говорящих на японском языке, М.: Русский язык. Курсы, 2010, 256 с.
- Каган О.* Теория и практика написания личностно-ориентированного учебника русского языка как иностранного: диссертация кандидата педагогических наук, 13002, М., 1996.
- Костомаров В.Г. Митрофанова О.Д.* Учебник русского языка для иностранцев: типизация и комплексность. Журн. Вестник высшей школы, 1979, №3.
- Козлова Н.А., Мартынова М.А.* Мы в России, М.: Русский язык. Курсы, 2014, 711 с.
- Левина Г.М., Николенко Е.Ю.* «Владимир 1», СПб.: Златоуст, 1991, 268 с.
- Левина Г.М., Николенко Е.Ю.* «Кольцо», М.: Станкин, 1993, 128 с.
- Левина Г.М., Николенко Е.Ю.* «Владимир 2» М.-СПб.: Златоуст, МГТУ Станкин 2003, 143 с.
- Левина Г.М., Николенко Е.Ю.* «Золотое кольцо 1», М.: Росноу, 2011, 152 с.
- Левина Г.М., Николенко Е.Ю.* «Золотое кольцо 2», М.: Росноу, 2011, 175 с.
- Ляховицкий М.В.* Методика преподавания иностранных языков, М., 1981, 159 с.
- Мустайоки А., Алестало М., Виймаранта Т.* Багаж. Русская грамматика с упражнениями, М., 2011, 510 с.
- Овсиенко Ю.Г.* Русский язык для начинающих (Russian for Beginners), М.: Русский язык. Курсы, 2008, 472 с.
- Новикова Н.С., Щербакова О.М.* Удивительные истории. 116 текстов для чтения, обучения и развлечения, М.: Флинта, 2010, 368 с.
- Чернышов С., Чернышова А.* «Поехали» Начальный и базовый курс, СПб.: Златоуст, 2010, 282 и 163 с.
- Хавронина С.А., Широкинская А.И.* Русский язык в упражнениях, М.: Русский язык. Курсы, 2002, 172 с.
- Шилова А.К.* Телефонные разговоры делового человека, М., 2013.
- Шкатулка. Пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык, под редакцией О.Э. Чубаровой, М.: Русский язык. Курсы, 2008, 219 с.
- Юзвик Т.* «Какой падеж? 175 упражнений для изучающих русский язык как иностранный», М.: Русский класс, 2008.

*Муджири С.А.
Капанадзе И.Б.*

Тбилисский государственный университет имени Ив. Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)

*Mujiri Sophio
Kapanadze Irina*

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

*СЛОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ВОКАЛИЗМА
РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ В ГРУЗИНСКОЙ АУДИТОРИИ*

TEACHING DIFFICULTIES AND LINGUO-DIDACTIC DESCRIPTION OF RUSSIAN
AND GERMAN LANGUAGES VOCALISM IN THE GEORGIAN AUDITORIUM

В настоящей работе предметом контрастивного исследования является система гласных иностранных языков – русского и немецкого и родного языка – грузинского. Произносительные ошибки фонематического характера допускаются обучаемыми именно в процессе реализации гласных, поэтому в работе особое внимание уделяется выявлению причин подобного рода ошибок. С этой целью было проведено теоретическое исследование вокальных систем и артикуляционных баз русского, немецкого и грузинского языков, а также был осуществлён эмпирический анализ произносительных ошибок студентов-грузин. В результате исследования было выявлено частичное сходство между системами гласных русского и грузинского языков (количественный и качественный состав вокализма), обуславливающее наличие не только негативных, но и положительных трансферов. Нарушение произносительных норм русского языка в основном связано с неадекватной реализацией согласных в слоге (отсутствие сочетаемости в грузинском слоге гласных и палатализованных/непалатализованных согласных. С другой стороны, значительное отличие артикуляции немецких гласных от артикуляции гласных грузинского и русского языков обуславливают существование негативных трансферов и доминирование произносительных ошибок фонематического характера в немецкой речи грузиноязычных студентов. Фонематические ошибки наблюдаются при реализации тех фонем и дистинктивных оппозиций, которые релевантны для немецкого языка, но отсутствуют в русском и грузинском языках (долгие закрытые и напряжённые гласные, лабиализованные и нелабиализованные долгие гласные переднего ряда среднего подъёма). Произносительные ошибки фонетического характера обусловлены особенностями артикуляции немецких гласных (продвинутая вперёд артикуляция, контакт языка с передними нижними зубами, наличие «дополнительного резонатора» между верхними передними зубами и верхней губой, сильное напряжение речевых органов, большая экспирация воздуха и т.д., что вызывает некорректную фонетическую реализацию редуцированных гласных, сильного приступа гласных, долготы закрытого гласного и т.д.

The subject of contrastive description in the article is the vowel systems of foreign – Russian and German languages and native – Georgian language. The learners of foreign languages make mistakes in pronunciation of phonemic type namely by the time of pronouncing the vowels, that is why, in the work, the emphasize is put on specifying the reasons of such mistakes. For this purpose, besides the implementation of theoretical study of vocal systems and articulation basis, the empiric analysis of pronunciation mistakes of students, who study foreign languages, is also made. As a result of the study, the existing partial similarities between Russian and Georgian vowel systems have been revealed (quantitative and qualitative composition of vocalism), that causes existence of not only negative transfer, but positive one as well. Irregularity of Russian pronunciation is mainly related to inadequate realization of consonants in a syllable (nonexistence of a vowel and palatalized/non-palatalized consonants in Georgian syllable). On the other hand, the significant differences of German vowels and articulation basis from the articulation skills of Georgian and Russian vowels, determine dominance of pronunciation mistakes of phonemic type and negative transfer during the process of speech in German. Those vowels and distinctive oppositions represent the main source of phonemic mistakes, which are relevant for German, but they do not exist in Russian and Georgian languages (long, closed and tense vowels, front labialized, non-labialized long

vowels of tongue medium level). Negligence of articulation skills, typical for German language, is the source of emerging pronunciation mistakes of phonemic character (fronting articulation, in-touch capabilities with front lower teeth, existence of “additional resonator” between upper front teeth and upper lip, strong tension of speech organs, strong expiration of the air etc.), which causes: incorrect phonetic realization of reduced vowel, strengthening of a vowel, length of a closed vowel etc.

Ключевые слова: контрастивное исследование, система гласных русского, немецкого и грузинского языков, произносительные ошибки, негативные и положительные трансферы.

Key words: contrastive description, vowel systems, Russian, German, Georgian languages, pronunciation, negative, positive transfer.

На протяжении последних лет контрастивное описание фонетических систем языков стало объектом пристального внимания лингвистов. В условиях формирования общеевропейского образовательного пространства, а также в контексте требований Евросоюза, касающихся многоязычного обучения, знание минимум двух иностранных языков становится почти необходимым. Лингвистически обоснованное обучение иностранному языку, в частности его фонетическому аспекту, строится в соответствии с системой изучаемого языка при ориентировке на родной язык обучаемых и сопоставлении систем изучаемых и родного языков.

В настоящей работе предлагается лингвистическое сопоставительное исследование вокализма немецкого, русского и грузинского языков, относящихся к различным языковым семьям, в целях прогнозирования звуковой интерференции, возникающей в результате контактирования данных языков. При этом объектом сопоставления является не только состав и система фонем, но и особенности реализации фонематических единиц в речи, обусловленные как фонетическими законами, так и спецификой артикуляционной базы исследуемых языков.

С целью установления артикуляционно-акустических ошибок в речи студентов-грузин, изучающих русский и немецкий языки, особое внимание уделяется не только теоретическому описанию вокальных систем этих языков, но и эмпирическому анализу произносительных ошибок в русской и немецкой речи грузиноязычных студентов.

Выбор в качестве объекта исследования вокализма русского и немецкого языков обусловлен тем, что грузинские студенты, изучающие данные языки, допускают грубые фонематические ошибки именно при произношении гласных звуков, что значительно затрудняет процесс понимания на иностранном языке. Причиной произносительных ошибок студентов являются различные артикуляционные базы языков и интерлингвальная интерференция, в результате которой появляются речевые ошибки различной степени: грубые интерферентные ошибки, препятствующие коммуникации, и речевые ошибки, отличающиеся друг от друга по степени отклонения от произносительной нормы. Для блокирования таких негативных трансферов необходимо

знание специфики фонетико-фонологической системы как родного, так и изучаемых иностранных языков. Считаем целесообразным описать систему гласных изучаемых языков – русского и немецкого – в сравнении с особенностями гласных грузинского языка. Несмотря на то, что в отличие от немецкого языка, в русском и грузинском языках отсутствуют некоторые гласные и дистинктивные оппозиции, в настоящей работе гласные русского, немецкого и грузинского языков описаны в соответствии со следующими дистинктивными особенностями: квантитет (краткий/долгий); квалитет (закрытый/открытый); активность губ (лабиализованный/нелабиализованный); степень подъёма языка (низкая, средняя, высокая); движение языка в определённом направлении (гласные переднего, среднего и заднего ряда); участие резонаторных полостей (оральный/назальный).

Как известно, анализ системы гласных с точки зрения возможных в языке оппозиций даёт представление о количестве фонем, но не о внутренней организации этой системы. Так, наборы гласных в русском и грузинском языках очень близки, однако системные отношения в них совершенно различны: русские [a] – [o] и [e] – [i], например, связаны отношениями чередования, тогда как в грузинской системе гласных таких отношений нет. Следует также отметить, что для русских гласных характерна широкая фонетическая вариативность, которая определяется, прежде всего сравнительно небольшим количеством фонем в системе. Так, отсутствие противопоставления широких и узких гласных среднего подъёма допускает реализацию фонемы [e] и как широкого [ɛ] (например, в слове «шест»), и как узкого [e] (как в слове «честь»), кроме того, сочетаемость гласных заднего ряда [a] и [u] с мягкими согласными обуславливает дифтонгоидность этих гласных.

Среди русских гласных фонем не находит соответствия в грузинском только [ы]. Остальные гласные грузинского языка по произношению достаточно близки к русским. Можно отметить их большую качественную однородность, слегка более переднюю артикуляцию [e] и [a], а также чуть более закрытое образование [e] в соседстве с твёрдыми согласными (в отличие от русского открытого аллофона в этой позиции). Все грузинские гласные очень мало редуцируются (в зависимости от позиции в слове).

Увеличение числа гласных фонем в языке (например, в немецком), а также отсутствие мягких согласных (например, в грузинском языке – при пятичленной системе вокализма) ограничивает фонетическую вариативность. Кроме того, особенностью фонетической (звуковой) системы русского языка является неоднородное произношение ударных и безударных гласных. Они различаются по длительности, в частности ударные гласные почти всегда длительнее безударных.

Звуковой состав немецкого языка в значительной степени отличается от звукового состава русского и грузинского языков. Особо следует отметить наличие в немецком языке гласных [ø:], [y:], [œ], [y], [ə], отсутствующих в русском языке, точно так же, как и отсутствие в немецком языке гласных [ы], [л], [ъ], характерных для русского языка.

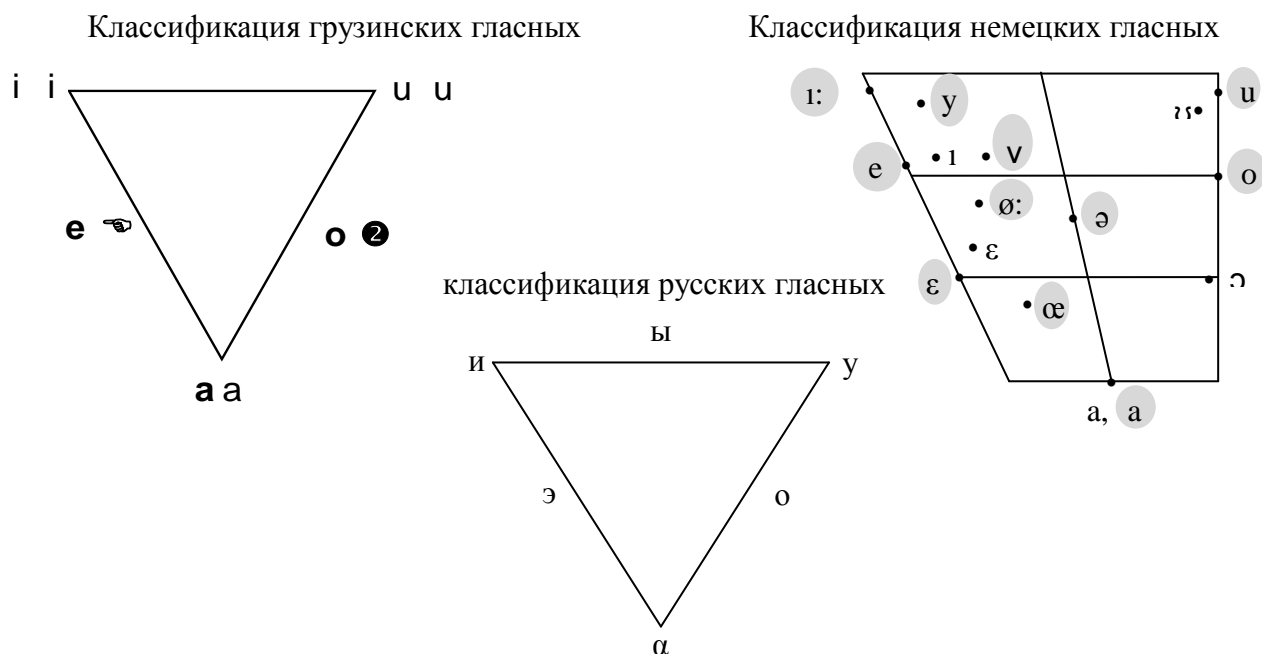
Указанные различия между звуковыми составами немецкого и русского языков обусловлены различиями артикуляционных баз данных языков. Существование в звуковом составе немецкого языка гласных [ø:], [y:], [œ], [y] объясняется тем, что немецкая артикуляционная база характеризуется одновременным совершением двух элементарных работ активных органов речи, в частности продвижением тела языка вперёд и вверх и округлением и некоторым оттопыриванием губ. Русская артикуляционная база, не предусматривающая комбинации этих элементарных движений языка и губ, отличается отсутствием этих гласных. Поэтому как для целей научного изучения немецкой фонетики, так и для целей практического обучения немецкому и русскому произношению необходимо описание звуков немецкого и русского языков с точки зрения их артикуляции.

Система гласных фонем немецкого языка включает 15 монофтонгов (противопоставленных по таким фонологически взаимосвязанным дистинктивным признакам, как качество, долгота, подъем, ряд, лабиализация) а также 3 дифтонга, причём звукотипы [≡] (редуцированный «е») и [⓪] (вокализованный вариант фонемы [Ⓛ]), не обладающие фонологическими функциями, в это количество не входят.

Таким образом, количество гласных фонем немецкого языка превышает количество гласных фонем русского и грузинского языков более чем в 3 раза, а количество дистинктивных признаков – в 2 раза. Трапеция гласных немецкого языка представляет собой дальнейшее развитие первоначального треугольника гласных, и пополнена она за счёт серии лабиализованных гласных переднего ряда, а также за счёт напряжённых и долгих гласных. Поэтому в последние десятилетия в работах по немецкой фонетике все чаще используют так называемый копенгагенский четырёхугольник, принятый в качестве стандартной схемы представления системы гласных звуков того или иного языка ещё в 1925 году на фонетической конференции в Копенгагене. Эта схема позволяет не только охарактеризовать каждый гласный по его ряду как передний, задний или средний, но и практически точно определить ступень подъёма языка для каждого гласного звука и наглядно показать соотношения всех гласных и по этому признаку [Второй иностранный язык, 2004, с. 9].

Гласные фонемы русского и грузинского языков образуют симметричные треугольники.

В нижеприведённых графиках гласных русского, немецкого и грузинского языков, те гласные, которые существуют только в немецком языке, выделены темным цветом.

Дифференциальный признак «качество» гласных, который описывается в терминах напряжённый/ненапряженный или закрытый/открытый, основан на различии в мускульном напряжении, сопровождаемом периферическим положением артикуляционных органов, в частности языка и губ, относительно их нейтрального положения. В фонологической теории общепринятым является постулат, согласно которому «качество» немецких гласных коррелирует с их длительностью: долгие гласные ([a:], [o:], [u:], [i:], [y:], [e:], [ε:], [ø:]) произносятся закрыто напряжённо, в то время как краткие ([a], [ɔ], [ɔ̃], [i], [y], [ε], [œ]) отличаются открытой ненапряжённой артикуляцией. Отмеченная корреляция нарушается вследствие наличия в системе немецких гласных фонем долгого ненапряжённого открытого монофтонга [ε:], уподобляющегося по тембру соответствующему краткому гласному и противопоставляющегося ему исключительно по квантитативному признаку. Краткие гласные реализуются кратко, как в ударной, так и в безударной позиции. В этом заключается одна из методических трудностей обучения немецкому произношению, поскольку по правилам русского языка гласные в ударной позиции всегда долгие. В отличие от немецкого языка для грузинского языка не характерны квантитеты и квалитеты гласных.

В практической фонетике и пособиях по обучению произношению немецкого языка утверждается, что долгие гласные в безударной позиции реализуются полудолго. Это утверждение следует рассматривать как методический приём, позволяющий обучаемому не уделять внимания качеству гласных, а не как факт, соответствующий

реальному произношению. Так называемая «полудолгота» заставляет обучаемого сохранять произносительное намерение напряжённого гласного и в безударной позиции, благодаря чему ему удаётся сохранить их напряжённость, поскольку напряжённость для этих гласных и является смыслоразличительным дистинктивным признаком. В реальном произношении «полудолгота» сохраняется в основном в заимствованных словах типа Aut [o[⦿]], Kin [o[⦿]], Aut [o[⦿]]mat и т.д. Ненапряжённые долгие гласные [a:] и [ɛ:] обладают смыслоразличительной силой только в ударных морфемах, поэтому их долгая реализация в безударных слогах фонологически нерелеванта, нормативно они манифестируются через ординарные краткие гласные.

Направление движения языка и степень его подъёма в русском, грузинском и немецком языках имеет фонематическое значение. При образовании гласных переднего ряда [и], [э] в русском, [ɛ], [i] грузинском и [a], [e:], [ɛ:], [ɛ], [ø:], [œ], [i:], [i], [y:], [y] в немецком языках вся масса языка продвинута вперед. Гласные заднего ряда [o], [y] в русском, [a], [ɤ], [Y] в грузинском и [a:], [o:], [ɤ], [u:], [ʊ] в немецком языках образуются в задней части гортани. В силу особенностей своей артикуляции гласный [ə] называется центральным гласным и обычно рассматривается как неопределённый звук, являющийся чем-то средним между звуками “e” и “ae”. Следует также выделить центральный, вокализованный вариант [⦿] согласной фонемы [ʎ] [Hirschfeld, Stock, 2011, s. 32-49].

По степени вертикального подъёма языка в грузинском, русском и немецком языках различаются гласные трёх ступеней подъёма: в русском языке – гласные верхнего подъёма [и], [ы], [у], в грузинском – [i], [ɤ], в немецком – [i:], [i], [y:], [y], [u:], [ʊ]; гласные среднего подъёма в русском – [э], [е], [о]; в грузинском – [ɛ], [ɤ]; в немецком – [e:], [ɛ:], [ɛ], [ø:], [œ], [o:], [ɤ]; гласный нижнего подъёма в русском – [а], в грузинском – [a]; в немецком – [a:], [a].

В отличие от немецкой артикуляции, для которой характерен продвинутый вперёд язык и контактура языка с передними нижними зубами, русскую артикуляцию отличает бóльшая подвижность губ при произнесении гласных звуков. Для грузинского произношения типичным является среднее положение языка и, соответственно, отсутствие контакта языка с передними нижними зубами.

Ещё одним дифференциальным признаком немецких гласных является характеристика гласных по признаку лабиализованности/нелабиализованности. Акустически лабиализованные гласные отличаются некоторым понижением тональности. При произнесении немецких лабиализованных гласных [ɤ], [o:], [œ], [ø:], [y], [y:] губы более активны, чем при образовании лабиализованных гласных [o], [y] русского языка

(губы округляются и вытягиваются вперёд) и грузинских лабиализованных гласных [ɸ], [u].

Так как в русском и грузинском языках отсутствуют лабиализованные гласные переднего ряда, грузинские студенты, изучающие немецкий язык, при их реализации часто допускают фонетические ошибки. Они произносят или сходный звук родного языка или же заменяют его двумя звуками родного языка.

Следует отметить, что все немецкие и грузинские гласные произносятся немножко назально.

Особое место в реализации гласных фонем немецкого языка занимает редуцированный [ə], не обладающий фонемным статусом. Редуцированный [ə] реализуется в безударных окончаниях, суффиксах и двух безударных префиксах *be-* и *ge-*, кроме того [ə] может реализоваться в «соединительных» слогах между корнем и конечной морфемой в словах типа *schlimm[ə]re*, *besond[ə]re* и др., в быстрой речи этот [ə] проявляет тенденцию к элизии. Правда, в грузинском языке нет такого редуцированного гласного, однако грузинские гласные в конце слова и предложения произносятся редуцированно. В русском языке также нет соответствующего редуцированного звука. По этой причине привитие навыков правильного произношения указанного редуцированного звука представляет определенные трудности.

Все гласные фонемы русского языка подвергаются в процессе реализации в безударных слогах количественной и качественной редукции. Исключение составляет гласный [y], который не подвергается качественной редукции. На реализацию некоторых гласных в русском языке влияет также позиция по отношению к «твёрдому» или «мягкому» согласному.

В реализации русских гласных фонем можно выделить четыре позиции по отношению к месту ударения в слове и по структуре слога: I) гласная фонема в ударном слоге; 2) в любом безударном неприкрытом слоге и в первом предударном слоге после непалатальных согласных; 3) в любом безударном (кроме первого предударного) слоге после непалатальных согласных и 4) в любом безударном слоге после палатальных согласных.

В ударной позиции гласные фонемы реализуются каждая в соответствующем звукотипе, кроме [и], которая зависит от позиции по отношению к признаку палатальности/непалатальности предыдущего согласного: после палатальных согласных [и] реализуются в звукотипе [и], после непалатальных – в [ы]. Во II позиции [a] и [o] реализуется в звукотипе [a]. Фонема [э] в неприкрытых безударных слогах реализуется также, как и [и]. В III позиции все гласные фонемы реализуются через два звукотипа – [ь]

и [y], т.е. фактически здесь происходит реализация четырёх фонем [a], [o], [э] и [и] в одном звукотипе [ъ] ([пърахòт] паракòд'). В IV позиции только два звукотипа. Здесь после непалатальных согласных на месте [ъ] появляется [и] после палатальных ([р'иби'нь] «рябина»). Методически эти особенности реализации русского вокализма весьма существенны. Как результат интерференции русского языка можно отметить такие ошибки в произношении обучаемых, как: [appazition] Opposition, [palitik] Politik и др.

Следует отметить, что в русском языке под влиянием соседних согласных меняются артикуляционно-акустические свойства гласных звуков. Это явление получило название аккомодации. Наиболее существенные модификации гласных бывают вызваны твёрдостью-мягкостью окружающих согласных, при этом наибольшее влияние на гласный звук оказывает предыдущий согласный. Присоединяясь к мягкому согласному (при произнесении которого все тело языка продвинуто вперёд), гласные [a], [o], [y], [e] «продвигаются» вперёд, приспособляясь к согласному. Присоединяясь к твёрдому согласному, гласный [e] продвигается назад. Если фонема <И> оказывается в позиции после твёрдого согласного, она реализуется в звуке [ы], что в ряде случаев находит отражение и на письме (играть – сыграть) [Битехтина, Климова, 2011, с. 24].

В грузинском языке, где отсутствует категория твёрдости-мягкости, гласные не меняют своего качества, наоборот, согласные, соединяясь с гласными в потоке речи, артикуляционно приспособляются к ним. Это свойство артикуляционной базы грузинского языка грузиноязычные студенты переносят на русский язык, что влечёт за собой не только неправильное произн

] – пять).

Немецкие и русские гласные различаются по характеру примыкания к ним последующих согласных. Для немецкого языка характерно плотное примыкание согласного к последующему краткому гласному, а при слабом примыкании, согласный присоединяется к последующему долгому гласному свободно, в момент затухания интенсивности его звучания, как бы после некоторой очень краткой «паузы».

Для русского языка характерно только слабое примыкание согласных к предшествующему гласному.

Следует также отметить ещё одну отличительную особенность немецкого вокализма. В немецком языке чётко различаются длинные и краткие гласные, что не свойственно русскому и грузинскому языкам. Долгота и краткость гласных часто имеют в немецком языке смысловозначительное значение.

В немецком языке гласные и дифтонги произносятся в начале слова или ударного слога с новым, или твёрдым приступом. Это явление чуждо грузинскому и русскому языкам. Твёрдый приступ возникает в гортани от плотного смыкания голосовых связок перед произнесением немецких гласных.

Гласный с твёрдым приступом, для произнесения которого следует усилить выдох воздуха на лёгких, задержав его в гортани, очень напоминает русский звук в слове «Ах!», а также грузинский звук в междометиях «ah!», «eh!» при их достаточно энергичном произнесении.

Систему гласных немецкого языка еще больше расширяет наличие дифтонгов [a@e], [a@o], [ɥ@ø], отсутствующих в русском и грузинском языках. При произнесении немецких дифтонгов первый гласный звук произносится кратко и ясно, а второй гласный – нечётко и растяжённо. Грузиноязычные студенты произносят немецкие дифтонги не как сочетание двух гласных в одном слоге, а как отдельные гласные.

Речь студентов, изучающих иностранные языки во 2 и 3 семестре (на основании проведённого собеседования и прочтения ими короткого незнакомого аутентичного текста), была записана нами на аудиокассете. В результате перцептивного анализа нами были протранскрибированы неправильно произнесённые ими гласные и проведена систематизация произносительных ошибок. Для того чтобы избежать субъективной интерпретации и оценки ошибок, запись речи студентов была перепроверена в результате аудиторного анализа опытными фонетистами.

Проведённое контрастивное исследование вокализма грузинского и русского языков, а также анализ интерферентных явлений в речи студентов-грузин позволяет выделить следующие характерные произносительные ошибки:

1. Следует отметить произношение русского звука [ы]. Он чужд грузинскому языку, поэтому в речи он систематически заменяется на «похожий» звук. Возможно произношение [и] вместо [ы], особенно в сочетании с губными (был, пыль, вы, мы).

Отсутствие в грузинском языке эквивалента гласного [ы] приводит к его замене гласным переднего ряда [и]. Замена фонемы [ы] на [и] особенно отчётливо воспринимается тогда, когда предшествующий согласный также реализуется как смягчённый. Это часто наблюдается при произнесении слогов типа ши-, жи-. Такое произношение после шипящих поддерживается (а, возможно, провоцируется) написанием. Однако довольно часто на месте [ы] после твёрдого согласного произносится гласный более переднего образования, воспринимающийся как фонема [ы], не вполне соответствующая русской орфофонической норме, как, например, в слове р[i]бак. В то же время грузиноязычные студенты произносят гласный [и] и на месте русского [i] после

согласных, которые артикулируются как твёрдые, вместо требуемых в русской речи мягких.

Таким образом, в русском произношении грузин заменяется не только фонема [ы] на [и] из-за отсутствия соответствующего звука в грузинском, но и фонема [и] на [ы], в силу особого качества гласного, произносимого после твёрдых согласных.

Следовательно, фонемные замены гласных в русском произношении студентов-грузин связаны с рядом факторов, в частности с составом гласных грузинского языка, а также с отсутствием в грузинском противопоставления твёрдых и мягких согласных.

В русском произношении грузинских студентов наблюдаются также отклонения от нормативных характеристик гласных, что нередко связано с реализацией согласных, начинающих слог. После недостаточно мягких согласных (или даже твёрдых, заменяющих требуемые мягкие) звучит более открытый однородный гласный [ɛ] вместо дифтонгоидного [i̯e]: ч[ɛ]ловека, зд[ɛ]сь. Такое произношение встречается систематически в ударных слогах, вполне последовательно оно фиксируется и в безударной позиции, где грузинские студенты читают [ɛ] в соответствии с написанием: «вс[ɛ]гда», «на наб[ɛ]р[ɛ]жной». Открытый гласный [ɛ] произносится и в тех случаях, когда грузинские студенты опускают начальнослоговой [j], например, как в слове «переехали» [p'ɛg'ɛɛxali].

Следует отметить, что произносимый в этих случаях гласный не совпадает с русским [e] в позиции между двумя твёрдыми согласными: он является более передним, а после частично смягчённых согласных и несколько более закрытым, чем русский звук в словах «темп», «шест» и т.п. В то же время в слогах с начальным [с] (как ударных, так и безударных) студенты нередко произносят гласный более закрытый, чем это требуется русской нормой, и слегка смягчают согласный. Возможно, что это гиперкоррекция, вызванная незнанием правил чтения. Довольно часто в произношении почти всех грузиноязычных студентов наблюдаются излишне дифтонгоидные гласные [i̯a], [i̯o], [i̯u] после мягких согласных, а для [i̯a] и в безударных слогах в позиции абсолютного начала исхода: зел[i̯o]ные, непон[i̯a]тно, вс[i̯u]уду, врем[i̯a]. Наконец, свойственные грузинскому языку очень слабая редукция безударных гласных и удлинение [a] в начальном слоге четырёх- и пятисложных слов приводит к произношению более долгого, чем в русской норме и нередуцированного [a] на месте безударных а, о: г[a]рниту(р, п[a]ве(р)хность. В этих случаях на русский слух часто воспринимается дополнительное ударение, хотя отчётливое удлинение первого гласного (только оно фиксировалось при анализе) встречается не часто. В целом отклонения от русской нормы произношения зависят главным образом от неверной артикуляции согласных соответствующего слога. Иными словами, грузинский акцент в русском языке определяется прежде всего произношением

согласных. По словам А.С. Чикобава, «...общим для всех кавказских языков является то, что во всех четырёх группах иберийско-кавказских языков существуют специфические согласные: супраглоттальные (надгортанные), или резкие (абруптивные) согласные $\square$, t , $\square$, k , k , $\square$ ... При произнесении этих согласных проявляется т.н. «кавказское произношение» [Чикобава, 2010, с. 55].

В ходе эксперимента была выявлена еще одна особенность редукции гласных, в частности в отдельных случаях грузиноязычные студенты редуцируют гласные «не до конца», то есть вместо $[a^b]$ в первом предударном слоге после твердых согласных произносят звук, промежуточный между $[a]$ и $[o]$, а вместо $[i^e]$ после мягких согласных – звук, средний между $[и]$ и $[e]$.

Кроме анализа характеристик фонетической интерференции необходимо изучение особенностей восприятия грузиноязычными студентами русской звучащей речи.

Например, на начальном этапе грузины воспринимают русскую редукцию в отрыве от ударения, что обусловлено тем, что в грузинском языке ударение не играет такую роль, как в русском и немецком и, соответственно, гласные звуки не подвергаются изменениям в зависимости от позиции в слове. Больше выражено ударение в двусложных словах и падает всегда на второй слог от конца, а во всех многосложных словах ударение всегда падает на третий слог от конца.

Как известно, разноместность ударения используется в русском языке для различения омографов и их грамматических форм (Орган – орган) и отдельных форм различных слов (мОю – мою), а в некоторых случаях служит средством лексической дифференциации слова (хаос – хаОс) или придаёт слову стилистическую окраску (мО лодец – молодец). Подвижность и неподвижность ударения служит дополнительным средством при образовании форм одного и того же слова. Подвижность ударения обеспечивает различение грамматических форм (купите – кУпите, нОги – ноги и т.п.). А это в свою очередь создаёт дополнительные трудности для изучения и постановки правильного произношения и восприятия студентами-грузинами русской звучащей речи.

Контрастивный анализ системы гласных грузинского, немецкого и русского языков, а также наблюдение над произносительными ошибками грузиноязычных студентов выявил интерферентное влияние родного языка на фонологическую и фонетическую системы русского и немецкого языков. Исходя из дидактических целей, интерферентные произносительные ошибки разделены нами на грубые, т.е. препятствующие коммуникации интерферентные ошибки, и произносительные ошибки, отличающиеся определенной степенью отклонения от произносительных норм.

Грубые дистинктивные ошибки нарушают важные фонемные оппозиции иностранного языка. Носитель иностранного языка не может идентифицировать такие ошибки. Они мешают им понимать информацию. Студентам-грузинам сложно реализовать те фонемные оппозиции немецких фонем, которые не характерны для русского и грузинского языков. Различение монофтонгов по количеству (долгота – краткость) и качеству (напряженный/ненапряженный), лабиализация/нелабиализация чужды грузинскому и русскому языкам. Богатому немецкому вокализму в грузинском и русском языках противопоставляется пятичленная система гласных. Этот фактор обуславливает следующие интерферентные ошибки фонематического характера в немецкой речи студентов-грузин:

1. Не реализована фонологическая оппозиция между долгими и краткими гласными. Долгие, закрытые гласные произносятся как соответствующие краткие, открытые гласные, например: mahnen [ma:n★n] (предупреждение) как mannen [ˈman★n] (морск.: передавать из рук в руки), (die) Bienen [bi:n★n] (пчелы) как binnen [ˈbin★n] (на протяжении) и т.д.

2. Лабиализованные немецкие гласные переднего ряда [ʁ:-, y@ – y] произносятся нелабиализованно, например: lösen [ˈlʁ@z★n] (решение) произносится как [lo:z★n] (бросать жребий), или [lio9@z★n], küssen [ˈkys★n] (поцелуй) – как[kis★n] (подушка), или [kiu9s★n] и т.д.

3. Долгие гласные среднего подъема реализуются как соответствующие открытые гласные, например, звук [e:] в слове Ehre [ˈe:R★] (честь) произносится как Ähre [ɛ:R★] (колос), звук [ɛ:] в слове käme [kɛ:m★] (пришел было) как (die) Kämme [ˈkɛm★] (расчески).

Для немецкой речи характерна сильная напряженность активных речевых органов и большая экспирация воздуха. Если под влиянием грузинской артикуляционной базы эта напряженность и экспирация ослабевают, то тогда становится невозможным корректное произнесение целого ряда звуков. Например, реализация редуцированного звука [★] и сильного присупа гласного [ɛ], адекватная реализация долготы закрытых гласных и т.д.

Для немецкого также характерно продвижение артикуляции вперед, контакт передней части языка с нижними передними зубами и существование «дополнительного резонатора» между передними зубами и верхней губой. Если указанное положение артикуляционных органов не соблюдается, то немецкие гласные не произносятся открытым тембром, а лабиализованные звуки [ʁ@], [t@], [ʁ@], [y@], [ɛ@], [y], [o], [u] будут неправильно реализованы. Следовательно, значительные различия между немецкой и

грузинской артикуляционными базами, обуславливают в речи грузиноязычных студентов следующие произносительные ошибки фонетического характера:

1. «Сильный (твёрдый) приступ» гласного в начале слога заменяется «слабым приступом», например, am Anfang (вначале) [am anfa[♁]] вместо [am anfa[♁]].

2. В закрытых слогах отсутствует «сильный приступ» кратких гласных, а в открытых слогах – «слабый приступ» долгого гласного.

3. В безударной позиции редуцированный звук [★] заменяется звуком [e:] или [e̞]: Ich lese (я читаю) [i[♁]le[♁]z[♁]] или [i[♁]le[♁]z[♁]] вместо [i[♁]le[♁]z[♁]] и т.д.

Фонетические реализации подобного вида выходят за рамки произносительных норм немецкого языка, но не выполняют дистинктивную функцию. При артикуляции немецких гласных фонетический вид интерференции представлен в меньшей степени, чем фонематический.

В противоположность относительно вялой артикуляции грузинского языка для немецкого языка характерна напряжённость артикуляционных органов, что обуславливает твёрдый приступ, произношение редуцированного звука [≡], корректная реализация качества и количества гласных. Значительно меньшая артикуляционная напряжённость характерна для грузинского языка (слабо выражены движения губ, языка и челюсти). Соответственно, все грузинские гласные произносятся с меньшей напряжённостью.

В процессе прогнозирования произносительных ошибок в речи грузиноязычных студентов, изучающих два иностранных языка, в частности русский и немецкий, решающую роль играет интерлингвальная интерференция, которая имеет как позитивное, так и негативное влияние, в частности уже сложившиеся навыки в грузинском языке затрудняют образование новых произносительных навыков при изучении русского и немецкого языков либо снижают их эффективность.

Результаты описания и сопоставления системы вокализма исследуемых языков можно использовать в качестве лингводидактической базы для разработки методико-дидактических рекомендаций по совершенствованию произносительных навыков грузиноязычных студентов, изучающих русский и немецкий как иностранные языки.

Список литературы

- Битехтина Н.Б., Климова В.Н.* Русский язык как иностранный: фонетика. М.: Издательство «Русский язык». Курсы, 2011. 76 с.
- Второй иностранный язык. Фонетика и морфология немецкого языка. Ответственный за выпуск Кожевникова Е.Д. М.: НОУ «Современная Гуманитарная Академия», 2006. 74 с.
- Чикобава А.С.* Введение в иберийско-кавказское языкознание. Перевод с грузинского И.Б. Капанадзе. Тб.: Издательство «Универсал», 2010. 342 с.

Hirschfeld, U., Stock, E. Aussprache. In: Pabst-Weinschenk, Marita (Hg.): Grundlagen der Sprechwissenschaft und Sprecherziehung. München / Basel: Ernst Reinhardt Verlag, 2011. 386 s.

Mujiri, S., Achvlediani, Ts., Khuparadze, G. Kontrastive Beschreibung der Lautsegmente des Deutschen, Georgischen, Englischen und Französischen und ihre Bedeutung für den interlingualen Phonetikunterricht. S. 34. Bozen-Südtirol. Cornelsen. IDT 2013. 181 s.

Нестерова Н.Г.
Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Nesterova Natalia
National research Tomsk state university
Tomsk (Russia)

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ РАДИОТЕКСТОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР⁷

THE ROLE OF THE AUTHENTIC RADIO TEXTS IN A CULTURAL DIALOGUE

Статья посвящена роли радиоресурсов в диалоге культур при обучении русскому языку как иностранному. Осуществляется краткий анализ тематического содержания российских интернет-радиостанций, реализующих культурно-просветительскую стратегию, предлагаются методические рекомендации по включению радиоматериалов в учебно-образовательный процесс. Радиопередачи культурно-просветительской тематики рассматриваются как источник аутентичных текстов при обучении не только аудированию, но и других видов речевой деятельности. Акцент делается на возможностях, которые обеспечивают современные информационно-коммуникационные технологии для аудиторной и самостоятельной работы студентов с архивами записей передач и с радиоскриптами. С опорой на исследования российских и зарубежных исследователей и личный практический опыт, выявляются достоинства учебной работы с данным типом аутентичных текстов и трудности, перед которыми оказывается студент. Анализируются трудности восприятия и перевода радиотекстов культурно-просветительской тематики и пути их разрешения.

The article presents an analysis of the role of radio resources in a cultural dialogue in teaching Russian as a foreign language. Brief analysis of the subject scope of Russian Internet Radio realizing cultural and educational strategies is realized. Methodological recommendations for joining broadcast in the educational process are suggested. The author investigates cultural and educational broadcast as a source of authentic texts for teaching different types of speech skills, not just listening. Feasibilities provided by new information communication technologies for in-class and out-of-class student's work with broadcast records and radio scripts are stressed. Relying on the studies of Russian and foreign researchers and personal teaching experience the article explores advantages of educational activities with this type of authentic texts and the difficulties encountered by students. Perception and translation problems of cultural and educational radio texts and the ways of resolving them are analyzed.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, диалог культур, аутентичные радиотексты, интернет, аудирование, трудности перевода, безэквивалентная лексика, радиоресурсы, культурно-просветительские передачи.

Key words: Russian as a foreign language, cultural dialogue, authentic radio texts, Internet, listening, difficulties of interpretation, culture-specific vocabulary, radio resources, cultural and educational broadcast.

Введение

Радикальные перемены в общественной жизни постсоветской России повлекли за собой изменения социального контекста общения, что не могло не отразиться не только на языке в целом, но и на обучении языку, и, в частности, русскому языку как иностранному.

---

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

К числу наиболее заметных изменений можно отнести деидеологизацию всего процесса преподавания русского языка иностранным гражданам, что более всего отразилось на лексическом уровне, и, как следствие, сказалось на подборе текстового материала. При этом, безусловно, сохраняется основная идея в определении круга текстов для чтения, тем для диалогов и других заданий – тема России. Едва ли у кого-то может вызвать сомнение приоритетность такого подхода: иностранец, обучающийся в России, должен получить представление о жизни русского человека, о социальных изменениях в стране изучаемого языка. Значимым фактором становится целесообразный выбор источников, среди которых ключевое положение занимают российские СМИ. Учащегося необходимо не просто научить читать газеты и популярные издания, слушать радиопрограммы, но и воспринимать разные уровни текста: событийный, к которому, как правило, удаётся привести без особых затруднений, и «подтекстовый» уровень, который предполагает переход к смысловому восприятию текста, поэтому требует от обучающегося напряжённой интеллектуальной работы.

Развитие деловых и личных контактов, расширение и укрепление связей между народами выдвигает на первый план задачу воспитания человека, для которого важны общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности. Эта задача связана с проблемой взаимопонимания людей. Одним из способов её решения может быть приобщение учащихся к культурному наследию и духовным ценностям своего народа и других народов [Гулак, 2001, с. 78]. С помощью иностранного языка и осуществляется непосредственный и опосредованный диалог культур – иностранной и родной. Необходимо развивать интерес к русскому языку как носителю своеобразной культуры.

Новый период развития российского социума ознаменовался изменением подхода к формированию у изучающих русский язык как иностранный «культурной компетенции, являющейся неотъемлемой составляющей коммуникативной компетенции» [Гудков, Клобукова, Михалкина, 2001, с. 248]. По наблюдениям исследователей, это выразилось в замене модели «язык – цель, культура – средство», традиционно действовавшей в практике преподавания РКИ, на модель «культура – цель, язык – средство». Объяснение такому пересмотру видится в изменении научной парадигмы и развитии когнитивного направления в гуманитарных науках, и прежде всего в лингвистике: стала активно изучаться картина мира и языковая картина мира как совокупность объективных знаний человека о мире, как образ мира, запечатлённый в структуре языка. В методике преподавания РКИ отмеченные явления проявились в ориентации на технологии диалога культур. «Диалог культур (межкультурная коммуникация) стал в наши дни основополагающим концептом методической теории» [Хватов, 2010, с. 238].

По замечанию исследователей, имеющих значительный опыт работы с иностранцами, современный социальный и исторический контекст общения в качестве доминирующего определяет принцип учёта иностранцем особенностей новой для него культуры и умения адекватно воспринимать и понимать её, но не требования обязательности её «присвоения». Преподаватель в процессе обучения не должен стремиться к тому, чтобы составляющие осваиваемой иностранцем культуры «заняли место тех категорий и моделей, которые характерны для родной культуры инофона. Таким образом, нужно не оценивать те или иные реакции иностранца как «неправильные», а знакомить его с принятыми у русских представлениями, оценками и т.п., не добиваясь невозможного – того, чтобы последние стали для инофона «своими» [Гудков, Клобукова, Михалкина, 2001, с. 254]. Обучаясь у себя на родине и не имея достаточных контактов с носителями языка, учащийся, как правило, не обладает необходимыми фоновыми знаниями. Это может привести к неправильному пониманию воспринимаемой информации и к нарушению контакта с носителями языка.

Обоснование подхода и материала

2014-й объявлен в России годом культуры, что определило в качестве приоритетной задачи содействие развитию и продвижению русской культуры как в России, так и за её пределами. В концепции реализации мероприятий по поддержке русского языка и образования на русском языке, которая обсуждалась в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина в январе 2014 года, в числе ключевых позиций закономерно оказалась деятельность, связанная с проведением просветительских и культурно-образовательных мероприятий. Специальное внимание обращено на формирование у зарубежных преподавателей РКИ и учащихся положительного образа России и россиян.

Современный социокультурный контекст общения характеризуется теснейшим взаимодействием человека с различными видами коммуникации, когда межличностное общение сочетается с радио-, видео-, интернет-коммуникацией, что не могло не отразиться на организации учебного процесса в иноязычной аудитории. С одной стороны, это выразилось в необходимости сделать доступным для понимания учащегося пространство радио- и телеэфира, русскоязычного Интернета. С другой стороны, технические средства обучения (возможности интернет-сети, видео, радио) становятся эффективным средством обучения русскому языку, так как являются неиссякаемым источником аутентичных текстов.

Ценность радиоматериалов в обучении иностранцев русскому языку и культуре обусловлена тем, что СМИ традиционно отводится значимая роль во всестороннем

развитии человека, в формировании идеологических, культурных, речевых стандартов. Одной из важнейших функций СМИ является культууроформирующая, связанная с пропагандой и распространением в жизни общества высоких культурных ценностей, с воспитанием людей на образцах мировой культуры [Прохоров, 2011, с. 77]. Таким образом, иностранный гражданин, осваивающий русский язык и русскую культуру, через российские СМИ постигает культурную составляющую страны изучаемого языка в реальном её проявлении.

К вопросу о методологических основах исследования

Научно-методическая литература 21-го века отражает поиск новых технологий обучения языкам. Автор широко востребованных учебников, ориентированных на обучение русскому языку как иностранному через российские СМИ, А.Н. Богомолов в методических исследованиях раскрывает возможности интернет-технологий, которые могут быть использованы в лингводидактической деятельности. Оценивая Интернет как источник информации, он приводит перечень справочно-информационных ресурсов Рунета, среди них: справочно-образовательные и информационно-образовательные порталы, веб-сайты, каталоги и др. Для данной публикации особую значимость приобретает заключение автора о широких возможностях этих ресурсов: их «можно использовать в качестве современного аутентичного языкового и культурологического материала на занятиях по РКИ и как иллюстративный материал при изучении лексико-грамматических и коммуникативных тем, и как опорный материал для организации поисковой деятельности иностранных учащихся в российских Интернет-ресурсах, и как инструмент для поиска и сбора информации по темам исследовательских проектов» [Богомолов, электронный ресурс].

К вопросам использования коммуникационно-информационных технологий в обучении русскому языку активно обращаются зарубежные специалисты. Отметим публикации Симоны Корычанковой, которая отмечает, что в современных условиях главной задачей образования является не только получение учениками определённой суммы знаний, но и формирование у них умений и навыков самостоятельного их приобретения. Опираясь на многолетний практический опыт, чешский исследователь с уверенностью заключает, что у учащихся, активно работающих с компьютером, формируется более высокий уровень навыков самообразования, которые позволяют ориентироваться в бурном потоке информации, развиваются умения выделять главное, обобщать, делать выводы [Koryčankova, 2009, s. 232].

Интернет расширяет возможности обучения русскому языку как иностранному в условиях обучения вне языковой среды. Сайты Рунета, как отмечает автор, позволяют

найти любую актуальную информацию по самым разным темам и вопросам. Зарубежный преподаватель русского языка может оживить урок по русскому языку и воспользоваться тысячами страниц Рунета, которые предлагают в помощь учителю «предподготовленные» уроки русской истории, литературы, культуры и др. [Koryčankova, 2007, с. 54]. В публикациях Симоны Коричанковой на примере конкретных тем продемонстрирована методика обучения русской культуре на материале русскоязычного интернета, предложены формы учебной аудиторной и внеаудиторной работы студентов, предлагается алгоритм работы с Интернет-ресурсами [ibid].

Роль интернета повышается тем, что он является источником аутентичных текстов. Именно аутентичные материалы способствуют разъяснению действительности страны изучаемого языка, условий, обстоятельств с точки зрения носителей языка. «Общая цель всех аутентичных материалов – рассмотрение иностранного языка как выражения иных отношений, способов мышления, действий, речи и обучение языку в соответствии с ними» [Лейфа, 2002, с. 88-89].

При этом результаты исследований специалистов расходятся в оценке влияния электронных СМИ на развитие речевых навыков при изучении чужого языка. В небольшом обзоре работ, предложенном Р. Говон [Gowon, 2009] отмечается, с одной стороны, бесспорная ценность телевидения и радио как источника аутентичной речи: они представляют реальные языковые ситуации, способны сочетать язык с экстралингвистическими факторами; важна их способность мотивировать к изучению чужого языка. С другой стороны, указывается, что привлечение в качестве аутентичных текстов материала электронных СМИ требует постоянного развития методики его использования, отвечающей уровню стремительно развивающихся технологий СМИ. В контексте обоснования дидактической ценности записей радиоэфира в обучении русскому языку как иностранному отмеченное замечание играет весьма и весьма существенную роль. С нашей точки зрения, специальное внимание к методике работы с этим типом материала обусловлено серьёзными техническими изменениями СМИ и, как следствие, дискурсивными изменениями этой сферы речи.

Результатам привлечения в обучении английскому языку подкастов (аудиоматериалов, опубликованных в интернете) посвящена публикация литовского исследователя Г. Кавалиаускиене. Автор квалифицирует этот приём как онлайн-коммуникационную технологию и отмечает в качестве достоинств подкастов возможность использовать их в самостоятельной работе, как аудиторной, так и внеаудиторной, их доступность и возможность обращения к ним в удобное время. Преподавателю подкасты дают возможность связывать различные элементы курса между собой, расширяют

границы для устной работы, активизируют заинтересованность учащихся в изучении языка [Kavaliauskienė]. Онлайн-подкасты предоставляют преподавателю иностранного языка (естественно, и русского языка как иностранного) богатый выбор материалов для практики аудирования. Со ссылкой на П. Константина автор отмечает, что даже очень короткое прослушивание звучащей речи (до пяти минут ежедневно) даёт более полное представление об изучаемом языке и речи. Дополним к указанному моменту, связанный с возможностью (благодаря подкастам) слушать разные голоса: мужские и женские, с разной тембровой окраской и другими фонетико-интонационными особенностями.

Роль радиоресурсов в развитии навыков аудирования

Аудирование в классификации видов речевой деятельности (ВРД) относится к перцептивному (непродуктивному) ВРД, при этом является очень сложным процессом в силу скрытого протекания. Сложность этого ВРД связана и с отмечаемой специалистами многоэтапностью, которая предусматривает: определение причины аудирования, прогнозирование воспринимаемой на слух информации, попытку организации информации, определение смысла сообщения, перевод информации из краткосрочной памяти в долгосрочную [Kavaliauskienė]. Аудирование нацелено на восприятие и понимание информации. Успешность же понимания находится в полной зависимости от объёма словарного запаса и способности распознавания его при аудировании.

Информационно-коммуникационные технологии обеспечивают представление радиоматериалов также в форме стенограмм. Из зарубежного опыта работы с этим материалом отметим сайт радиоскриптов американского радио, созданный С. Риском с целью обогащения дополнительных ресурсов для чтения и находящийся в публичном доступе (bits.westhost.com/scripts) [Skip Reske, 2005]. Мы разделяем положительную оценку стенограмм как учебного материала, которой придерживается Скрип Риск. Ценность радиоскриптов мы видим в том, что они знакомят с интересными историями и интересными людьми, и, как следствие, расширяют кругозор адресата; их жанровая многоплановость может удовлетворить запросы самой разной аудитории, выполняя гедонистическую функцию; их аутентичность обеспечивает расширение разговорных моделей, что важно для изучения русского языка; они легкодоступны через интернет.

В нашей практике преподавания русского языка в иностранной аудитории апробировано использование подкастов и стенограмм в работе по аудированию. Методически работа с этим материалом организуется по принципу самопроверки. Студенты выполняют несколько этапов работы: 1) слушают эфирную запись радиопередачи и определяют степень понимания звучащего текста; 2) читают стенограмму, сверяя правильность услышанного звучащего текста по печатной версии

(при этом студенты могут пользоваться словарём); 3) выявляют сложные для восприятия моменты прослушанного текста: грамматические, лексические, стилистические, смысловые, а также связанные с фонетико-интонационными особенностями; 4) формулируют вопросы, на которые не удалось ответить самостоятельно. Другой тип работы, акцентирующий внимание на фонетической стороне речи, проводится в «обратном порядке» выполнения первых двух этапов. Сначала студенты проводят интонационную разбивку текста стенограммы, затем слушают эфирную запись и сверяют своё интонационно-логическое понимание текста с оригиналом. Анализ и выяснение трудностей фонетического, орфоэпического характера, а также связанных с фонетическим членением речи и логическим ударением, осуществляется под руководством преподавателя в ходе аудиторной работы (когда обсуждаются типичные трудности и ошибки) и в ходе индивидуальных консультаций. Обратим внимание на такой факт, что стенограмма не всегда демонстрирует полное совпадение с эфирной записью [Нестерова, 2013], о чём студенты должны быть предупреждены.

Задания такого рода выходят за рамки решения вопросов по аудированию и освоению фонетико-интонационной стороны языка. Они способствуют расширению словарного запаса, повышают скорость чтения. Подкасты могут использоваться как основа для аудиоупражнений на понимание устной публичной речи и для организации дискуссий.

Самостоятельная работа с радиозаписями обеспечивает независимую оценку студентом эффективности использования аутентичных материалов в изучении языка и помогает развивать критический подход к оцениванию собственных результатов. Следует отметить, что некоторые студенты выбирают лёгкие записи, а некоторые ищут более сложные. Выполнив задания и упражнения, студенты могут провести самопроверку при помощи «ключей» к заданиям (если они предлагаются), посредством обращения к стенограмме или к словарю. Такой подход к независимой проверке понимания текста помогает студентам определить свои возможности восприятия аутентичной речи.

Принципы дидактики требуют, чтобы учебные материалы отвечали критериям информативной насыщенности, адекватности страноведческим реалиям, соответствовали жизненному и речевому опыту студентов. Это общие требования к учебным материалам. Привлекая аутентичные радиоматериалы, как представляется, необходимо следовать также следующим принципам: отбор звучащих речевых фрагментов осуществлять с учётом скорости звучания речи; учитывать особенности речи участников передачи: она должна отличаться чёткостью произношения, выраженным фразовым и тактовым ударением, это позволит учащимся установить границы целостных в смысловом

отношении фрагментов речи; наращивать текстовые сложности постепенно; начинать работу с аутентичными радиотекстами с предложенного преподавателем материала, постепенно подготавливая студентов к возможности самостоятельного выбора интересующей тематики и персоналий (участников передачи) в соответствии с индивидуальными интересами студентов.

Пути разрешения трудностей работы с аутентичными радиоматериалами

Как представляется, необходимо дифференцировать два уровня разрешения трудностей. Первый – это уровень деятельности преподавателя. Работу с аутентичными радиотекстами следует квалифицировать как сложную, поэтому вводить такой материал следует постепенно.

На первом этапе работы с аутентичными материалами следует особое внимание обратить на предтекстовые задания (при условии, что текст для прослушивания определяет преподаватель). При самостоятельном выборе студентами текста желательно сориентировать их на самостоятельную работу, направленную на формирование лексического минимума по теме.

Аутентичные материалы являются обязательной и неотъемлемой частью в обучении иностранных учащихся, однако при работе с материалами СМИ важно учитывать, что в них могут встречаться ошибочные употребления лексических единиц, их форм и т.д. Особенно это касается звучащих текстов с преобладанием спонтанной речи. Необходимо делать тщательную выборку аудиозаписей, в которых преобладает спонтанная речь, проговаривать в аудитории особенности данного материала. Студент, работая с аутентичным радиотекстом, должен знать о возможных ошибках в речи говорящих. На высоком этапе обучения данный факт можно использовать и в качестве обучающего момента, составив задания по целенаправленному поиску ошибочных словоупотреблений.

В условиях конвергенции СМИ расширяются способы восприятия радиоречи/радиотекста адресатом: с появлением *видеорадио* адресат может не только *слушать* радио, но одновременно *визуально наблюдать* за происходящим в эфире, а также *прочитать* стенограмму передачи, отмеченные формы репрезентации радиоматериалов успешно реализуются крупными радиостанциями, такими как «Эхо Москвы», «Маяк», «Радио Россия. Культура», а также другими радиостанциями. Указанные возможности должны быть учтены преподавателем в определении методики работы с радиоматериалами.

Второй уровень – это уровень работы студента по реализации алгоритма разрешения трудностей понимания устно звучащей речи. Он также включает несколько

этапов. На первом этапе студенты пытаются понять общий смысл звучащего текста и отдельных слов и конструкций в контексте. Второй этап работы связан с прочтением стенограммы и реализуется посредством распознавания значения слова уже в печатном тексте. Эта деятельность осуществляется в значительной степени с опорой на графический облик слов, оборотов речи. Завершающим шагом является отбор языковых фактов, понимание которых осуществляется посредством обращения к словарю, это наиболее верный способ выяснения значения непонятных слов.

Плюсы самостоятельной работы с фонограммами в качестве аутентичных записей состоят в возможности обращаться к ним как к текстовому материалу многократно, для решения различных вопросов в рамках всех видов речевой деятельности. Так, С. Риск отмечает целесообразность использования фонограмм с мультимедиа и интерактивными элементами для обогащения опыта различных стилей обучения [Skip Reske, 2005]. В то же время некоторые специалисты отмечают определённую ущербность аутентичных материалов этого типа. Так, по данным Р. Говон, телевидение и радио положительно влияют на навык говорения у студентов, но никак не отражаются на навыке письма [Gowon, 2009]. Здесь мы считаем необходимым отметить целесообразность послетекстовой работы с аутентичными материалами. В нашей педагогической практике она реализуется в форме написания аннотаций к прослушанным материалам, сочинений, специальных записей в учебных дневниках, которые студенты ведут весь период обучения с целью совершенствования письменной речи. Указанные формы самостоятельной работы студентов закрепляют освоение нового лексико-грамматического материала и заметно улучшают письменную речь.

В построении методологических основ использования теле- и радиоресурсов при обучении чужому языку автор опирается на социально-когнитивную теорию Мэдкальфа Глина и Мура, в центре которой идея моделирования поведенческих ситуаций и эмоциональной реакции: теория основана на том, что люди моделируют своё поведение, наблюдая за окружающими и подражая им. Ценность этой теории для практики обучения русскому языку как иностранному нами видится в том, что акцент делается не на расширении собственно языковых компетенций, а на коммуникативных компетенциях обучающегося.

Интернет-радиоресурсы как источник аутентичных текстов

Новые технические медиаусловия создали возможность появления интернет-радиостанций культурно-просветительской направленности. В их числе «Радио России. Культура», функционирующее в структуре «Радио России» (<http://www.cultradio.ru>), «Литературное радио» (<http://litradio.ru>) – радиопроект, в центре внимания которого

находится популяризация и информационная поддержка современной русской литературы. В качестве ценного источника культурной информации отметим интернет-радио «Русский мир» (<http://www.rfm.fm>) – радиорупор общественного фонда «Русский мир», давшего название радиостанции. Эта интернет-радиостанция является лауреатом премии им. Попова в номинации «За развитие русскоязычного вещания в мире». Будучи адресованной эмигрантам, нашим соотечественникам, проживающим за рубежом, выходцам из России, людям, интересующимся русским языком и культурой, она включает передачи о русском языке, литературе, культурные новости, музыку, программы для детей. Арсенал культурно-просветительских передач может быть расценён как банк аутентичных материалов для работы в иностранной аудитории. Однако работа с текстами культурно-просветительской направленности потребует лингвокультурологического комментария, предусматривающего расшифровку культурных и исторических фактов, собственных и нарицательных имён, значимых дат и т.п. К примеру, в рамках изучения темы «Российское кино» при работе с текстом ток-шоу, участниками которого были поэт Андрей Дементьев (ведущий авторской программы) и народный артист Александр Михайлов, возникла необходимость в лингвокультурологическом комментарии к языковым единицам *народный артист, послужной список, старообрядка, полуземлянка, два с половиной метра на три, топчанчик*, а также *гордыня, поклониться*, наполненным специальным религиозным смыслом. Потребовалось также разъяснение к названиям фильмов и песни «*Любовь и голуби*» и «*Мужики!*», «*По диким степям Забайкалья...*» («Радио России. Культура». Передача «Вирази времени». 18. 01.2014).

По данным опроса китайских студентов трудности, которые возникли при восприятии радиоматериалов, носят разный характер, связанный с «распознаванием» и переводом единиц разных уровней языка.

Лексические трудности связаны с поиском эквивалентности, то есть с поиском языковых средств, которые эту эквивалентность обеспечивают. Основной трудностью для китайских студентов стало отсутствие в их родном языке эквивалентов русским словам с национально-культурным компонентом семантики, то есть безэквивалентная лексика, а также топонимы, лексемы из специальной сферы. Так, в культурно-просветительских передачах часто принимают участие люди творческих профессий, обладающие званиями, отмеченные наградами, в том числе правительственными; тексты часто насыщены историческими и культурными фактами и под. Переводной словарь не всегда даёт полное представление о ситуации и о личности гостя передачи из-за отсутствия лексического эквивалента. Мы согласны с позицией методистов, что такая ситуация должна восприниматься как нормальное языковое явление, и отсутствие слова в словаре не может

служить препятствием для его перевода [Гостева, 2001, с. 47] и для работы с данным текстом.

Так как коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку предполагает общекультурное, страноведческое и лингвострановедческое обогащение [Аксёнова, 2002 с.75], деятельность студента, связанная с переводом текста, должна выполняться сознательно и творчески, а преподавателю следует добиваться того, чтобы его страноведческий и культурный потенциал был усвоен максимально полно и адекватно. Особое значение имеет развитие у обучающихся интеркультурного сознания, в которое свою долю может внести преподавание РКИ [Лейфа, 2002, с. 88].

Неоспорима в диалоге культур роль переводного словаря: при восприятии звучащего текста и в процессе работы со стенограммой естественным образом возникает потребность в обращении к словарю: «...лексикографическому изданию присуща роль своеобразного «зеркала», в которое заглядывает участник межкультурного диалога в целях самоидентификации в контексте иной культуры» [Хватов 2010, с.238]. Исследуя вопрос о базисе перевода, С.Л. Бурмистров отмечает, что при переводе текста, как правило, просто подставляются на место переводимых слов и выражений эквивалентные им слова родного языка. Эта эквивалентность основана на наличии общих у чужой и родной «культур реалий, форм мышления и других знаковых структур, сложившихся в процессе развития в сходных исторических условиях и в постоянной коммуникации, что обеспечивает существование у слов и выражений разных языков общих денотатов» [Бурмистров, электронный ресурс]. Более сложно выстроить общий базис для культур, развивающихся независимо друг от друга, в очень различающихся условиях. Особенно заметно этот фактор проявляется, когда студенты обучаются вне страны изучаемого языка. Многолетний опыт работы с китайцами позволяет утверждать, что, даже когда иностранные студенты живут в стране изучаемого языка, культурные знания прививаются довольно сложно. В то же время китайский исследователь Ло Сяоя отмечает, что знакомство с культурными символами России в сравнении с культурными символами Китая определяет мотивацию учащихся к изучению русского языка и способствует развитию эмоционального и познавательного интереса к культуре народа изучаемого языка [Ло, 2006].

Работа со стенограммой радиопрограммы предполагает этапы, которые свойственны переводческой деятельности: 1) уяснение значения слова в контексте; 2) передача этого значения средствами переводящего языка [Хватов, 2010]. Для этого следует обращать внимание обучаемых на разнообразие проявлений иноязычной культуры в тексте, учить их видеть информацию о культуре страны, адекватно

воспринимать отдельные лингвострановедческие объекты и учитывать их роль в тексте [Лейфа, 2002, с. 88].

Стилистические трудности в работе с радиоматериалами обусловлены тем, что при изучении языка СМИ иностранные студенты знакомятся прежде всего с публицистическим стилем на примере российских газет. Что касается российского радио, то в последние два десятилетия под влиянием деидеологизации и децентрализации оно испытало серьёзные изменения в форме и содержании материалов. Стирание грани между демократичностью и вседозволенностью привело к изменению приоритетов в речевой культуре. Насыщенность радиоречи стилистически и эмоционально-экспрессивно окрашенными словами нередко становится препятствием на пути адекватного восприятия текста.

Грамматические трудности обусловлены усилением роли спонтанной речи в электронных СМИ, её стремлением к естественному непосредственному общению с адресатом, что сказывается на её грамматической оформленности, нередко далёкой от литературной нормы.

Выводы

Овладение иностранным языком всегда связано с большим количеством страноведческих и культурных знаний, так как изучаемый язык иначе «воспринимает» мир и иначе отражает общественные условности. В подготовке к успешному диалогу культур эффективны аутентичные тексты Интернет-радиоресурсов.

Работа с радиоресурсами предполагает серьёзную подготовку преподавателя, который должен хорошо знать содержательные возможности сайтов и интересы студентов – только в этом случае эффективность от привлечения аутентичных радиотекстов может быть высокой. Учащиеся должны получить алгоритм анализа текстов СМИ, который даст знания о том, какого рода информацию следует искать в передачах той или иной тематики в тех или иных жанрах.

Апробация заданий, выполняемых с привлечением материалов радио, свидетельствует о заинтересованности студентов. Интернет-радиоресурсы способствуют формированию навыка самостоятельного поиска материала, его интерпретации, анализа. Студент может реализовать свои интересы в отборе материала. Разнообразие затрагиваемых тем способствует расширению словаря студента-иностранца и развитию всех видов речевой деятельности.

Новые технологии в образовании нацелены прежде всего на организацию самостоятельной работы студентов. Интернет-технологии предполагают скачивание различных подкастов и прослушивание и прочтение их в удобное время. Обсуждение в

аудитории результатов самостоятельной работы позволяет студентам оценить свои способности понимания аутентичных записей. Отражение разного опыта аудирования в веб-блогах/дневниках позволяет отслеживать собственный прогресс.

Информация, полученная из различных радиисточников, может расцениваться как основной материал и работа с ними в рамках курсов, связанных с изучением российских СМИ и их источниковедческих возможностей, тоже может квалифицироваться как основная, но чаще она носит сопровождающий характер, так как является опосредованной коммуникацией, в которой учащийся является сторонним наблюдателем реальной речи.

Список литературы

- Богомолов Н.А.* Интернет-среда в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dist-learn.ru/movie/publications/internet_and_russian_language.doc
- Бурмистров С.Л.* О концептуальных основаниях диалога культур в условиях глобализации // Антропология: [сайт]. СПб., 2005-2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/burmistr/dialogueglob.html>
- Гостева Н.Ю.* Проблемы перевода неологизмов в английских экономических текстах // Развитие социокультурной компетенции при обучении иностранным языкам: Материалы научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 46-47.
- Гудков Д.Б., Клобукова Л.П., Михалкина И.В.* Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник МГУ. 2001. Сер. 9. Филология. № 6. С. 244-257.
- Ло Сяося* Использование русско-китайских параллелей при обучении русскому языку как иностранному: автореф. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-ispolzovanie-russko-kitayskih-paralleley-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu#ixzz2vHobYmzp>
- Нестерова Н.Г.* Радиотекст в условиях конвергенции СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 54-65.
- Нестерова Н.Г.* Интернет и Интернет-СМИ как средства инновационных технологий в обучении лингвистическим дисциплинам / Н.Г. Нестерова, С.В. Фашанова // Открытое и дистанционное образование. Томск, 2013. С. 22-27.
- Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.
- Хватов С.* Роль переводного словаря в межкультурной коммуникации // Kalba ir kontekstai / Mokslo darbai. 2010 m .III tomas (2 dalis). Vilniaus pedagoginis universitetas. Filologijos fakultetas. Vilnius, 2010. С. 237-244.
- Gowon, Rahila P.* Effects of Television and Radio on Speaking and Writing Skills of Senior Secondary School Students in Jos Metropolis // An International Multi-Disciplinary Journal, Ethiopia Vol. 3 (2), January, 2009. P. 92-108.
- Kavaliauskienė, G.* Podcasting: A tool for improving listening skills // Teaching English with Technology. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tewtjournal.org/VOL%208/ISSUE%204/A%20WORD%20FROM%20A%20TECHIE>.
- Koryčankova, S.* Urok "Muzei Moskvy i Sankt-Peterburga" s ispolzovanijem Runeta. In Vyučovanie ruského jazyka ako cudzieho: súčasné metodické postupy. 1. vyd. Prešov: Prešovská univerzita, 2007. S. 54-62.

- Koryčankova, S.* On-line urok ruskogo jazyka. In *Russkij jazyk v jazykovom i kulturnom prostranstve Jevropy i mira*. Polsko, Varšava: Uniwersytet Warszawski, 2008.
- Koryčankova, S.* Ispolzovanije novyh tehnologij i programm distancionnogo obučenija na urokach ruskogo jazyka v vuze. In *Aktualnyje problemy obučenija ruskomu jazyku IX*. 1. vyd. Brno: Masarykova Univerzita Pedagogická fakulta, 2009. S. 232–237.
- Skip, Reske.* Using Radio Scripts in English Language Learning // *Proceedings of the CATESOL State Conference*, 2005. P. 1-5 (<http://www.catesol.org/Reske.pdf>)

Плотникова Г.Н.
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
г. Екатеринбург (Россия)

Plotnikova Galina
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg (Russia)

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

SEMANTIC IDIOMATICITY OF WORD IN LINGUODIDACTIC ASPECT

На современном этапе развития языкознания довольно большое внимание уделяется раскрытию отношений между формальной структурой слова и его содержанием. При этом речь идёт, прежде всего, о производном слове, отличительной особенностью которого является его мотивационность. В статье анализируются различные подходы к определению и структурированию мотивационной базы производного слова.

Пристальное внимание учёных к мотивационной базе производного языкового знака вообще, и особенно производного слова, отчасти объясняется тем, что большинство производных слов в русском языке имеют фразеологическую семантику, которая даёт основание для многомерной интерпретации взаимоотношений между производящим и производным. В связи с этим следует учитывать, что, так как в толковых словарях дефиниции не всегда даются с учётом максимального показа структурно-семантической взаимосвязи производного и производящего, то нередко возникают затруднения в нахождении этих связей даже у носителей языка, не говоря уже об иностранных учащихся.

Лингводидактический подход к этому явлению может быть связан, по мнению автора, с выделением степеней фразеологичности в семантике производного слова. Автор выделяет три степени фразеологичности на основе характера построения формальной структуры производного слова и локализации связующего смыслового компонента в семантическом пространстве производящего и производного. В статье подчёркивается важность разграничения степеней фразеологичности семантики для определения методов работы с производными словами разного типа в иностранной аудитории с целью более глубокого усвоения лексического состава русского языка и выработки более прочных коммуникативных навыков.

At the present stage of linguistics development much attention is paid to relations between formal structure of a word and its meaning. With regard to the above mentioned it firstly concerns derivative word which is characterized by being motivated. The article analyses different approaches to the definition and structuring of derivative word motivational basis.

Careful attention generally paid to motivational basis of derivative linguistic sing and especially to derivative word motivational basis can be partly explained by the fact that phraseological semantics peculiar to the majority of derivative words in Russian give grounds for multidimensional interpretation of relations between derivative and deriving words. In this context it is to be taken into account that definitions given in explanatory dictionaries don't always show as much as possible structural semantic connections between derivative and deriving words. Therefore these connections are often not obvious even for native speakers without mentioning foreign students' difficulties.

The author supposes that linguodidactic approach to this phenomenon can consist in finding degrees of idiomaticity in derivative word semantics. The author refers to three degrees of idiomaticity according to formal structure characteristics of derivative word and location of the semantic component connecting derivative and deriving words in semantic space. As it is underlined in the article, it is important to differentiate semantic idiomaticity degrees for choosing appropriate methods of work with derivative words of different types when teaching foreign students for the purpose of a better assimilation of Russian language vocabulary as well as making communication skills stronger.

Ключевые слова: фразеологичность; семантика слова; производное слово (derivated); производящее слово; семантическое пространство (сфера); словообразовательный формант; словообразовательный тип; деривация.

Key words: idiomaticity; word semantics; derivative word; deriving word; semantic space; derivational formant; derivational type; derivation.

В современном словообразовании в свете новой научной парадигмы, основанной на когнитивно-познавательной деятельности человека, все чаще поднимается вопрос о соотношении формальной структуры слова и его содержания. При этом речь, прежде всего, идёт о производном слове, отличительной особенностью которого, как известно, является его мотивационность. Именно эта особенность и заставляет по-новому взглянуть на взаимосвязь между мотивированным и мотивирующим, или производным и производящим, с целью более глубокой и полной интерпретации семантики производного слова. Однако без учёта семантики и производящего в этом случае не обойтись, поэтому семантические отношения между производящим и производным выступают на первый план, так как, по словам А.Н. Тихонова, «семантика лежит в основе всех словообразовательных процессов, приводя в движение весь механизм словообразования, контролируя его работу и определяя особенности его функционирования» [Тихонов, 1971, с.8]. К тому же следует учесть, что разнообразные и сложные семантические отношения между производящим и производным отражают не только сложнейший механизм словопроизводства, но и те взаимоотношения, которые существуют между реалиями действительности. Поэтому словообразовательные законы относятся к числу типологических особенностей языка, отражающих вербальное мышление его носителей, способ восприятия мира определённым социумом, что раскрывается, прежде всего, в значениях слов.

В последнее время семантика производного слова рассматривается в духе полимотивации, которая, по мнению некоторых учёных (О. И. Блинова, Н.Д. Голев, П.А. Катъшев, М.Н. Янценецкая и др.), выступает в качестве «фундаментального свойства любого производного языкового знака и предстаёт как совершенно естественный и необходимый механизм (и одновременно результат) деривационной и мотивационной деятельности» [Голев, 2006, с. 33]. С этим связывают и непрерывную вариативность мотивации, обусловленную закономерностями текстопорождения и спецификой языкового сознания. Подчёркивая ярко выраженный когнитивизм данной концепции, учёные рассматривают «осмысление носителями языка мотивационного плана производного слова как одну из форм познавательной деятельности в широком смысле этого слова» [там же, с. 34].

Пристальное внимание учёных к мотивационной базе производного языкового знака и, прежде всего, производного слова отчасти объясняется тем, что большинство производных слов в русском языке имеют фразеологичную семантику, которая даёт

основание для многомерной интерпретации взаимоотношений между производным и производным, что вытекает «из принципиальной множественности интерпретации явлений действительности» [Голев, 2006, с. 36].

Под фразеологичностью семантики слова в лингвистике принято понимать способность слова выражать нечто большее, чем заложено в сумме его значимых частей. Термин принадлежит М. В. Панову, хотя задолго до него на это явление обратил внимание А.М. Пешковский, отмечая, что часть смысла в слове создаётся за счёт индивидуального соединения «двух принадлежностей и не относится ни к одной из них в отдельности» [Пешковский, 1959, с. 81].

Фразеологичность семантики была неоднократно объектом исследования многих отечественных лингвистов: А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, Н.А. Янко-Триницкой и др., и до сих пор остаётся в кругу научных интересов довольно большого количества учёных (см., например, работы: О.И. Блинова, 1997; Н.Д. Голев, 1998, 2006; Э.П. Кадькова, 1998; П.А. Катышев, 2005; В.П. Панченко, 2006 и др.). Во многих из этих работ неоднократно описывались и типы слов с фразеологичной семантикой. При этом типология строилась на разных основаниях: с учётом словообразовательного значения производного слова, характера смыслового приращения (семантическое, лексическое, синтаксическое), степени словообразовательного потенциала производящего, принадлежности производного к определённой тематической или лексико-семантической группе и т.д. К тому же характер направленности анализа также видоизменялся: на смену семасиологическому подходу к анализу семантики производного слова пришёл ономазиологический подход, завоевавший в последнее время более прочные позиции (см., например: Л.А. Булаховский, 1949; В. Дорошевский, 1973; О.П. Ермакова, 1984; Е.А. Земская, 1975; Е.С. Кубрякова, 1977; В.Н. Телия, 1980; А.Н. Тихонов, 1972; И.С. Улуханов, 1977; Н.А. Янко-Триницкая, 1977 и др.).

Следует отметить, что каждая классификация представляет собой особый научный интерес, поскольку строилась на основе довольно большого фактического материала, который подвергался глубокому анализу с целью выявления существенных сторон фразеологичности семантики слова. Но, к сожалению, эти классификации обычно касаются определённых групп слов, что ограничивает возможность выработки общих принципов анализа семантики производного слова в этом аспекте, хотя надо понимать, что эта задача далеко не из лёгких в силу сложности самого языкового феномена, каким является фразеологичность семантики, как было отмечено выше, в силу неоднозначного решения вопроса о мотивационной базе производного слова, представляющего собой продукт речесмыслительной деятельности.

Однако, на наш взгляд (в дидактических целях) целесообразно использовать классификацию, основанную на учёте степени фразеологичности семантики, что определяется местом расположения смыслового компонента (в некоторых случаях – нескольких компонентов) производящего, который является (или не является) основополагающим в организации семантической структуры производного слова.

Как известно, отличительной особенностью производного слова является то, что оно, как правило, не бывает «одиноким» (с синхронной точки зрения), так как семантико-деривационная сущность производного объединяет его в словообразовательную пару. При этом следует учесть, что семантико-деривационная сущность его включает не только наличие общих семантических элементов с производящим, но и «семантическую выводимость производного слова из производящего, что является главным условием их объединения в словообразовательную пару» [Тихонов, 1985, с.42].

Из этого следует, что производное слово обычно наследует определённую часть семантики производящей лексемы, добавляя к ней нечто своё (и не только то, что вносит словообразовательный формант), что в сочетании с наследуемым формирует содержательную структуру слова. Однако объём, степень и характер унаследованного не всегда соотносится с какими-либо правилами и регламентами. Иначе говоря, в производном слове имеет место «смысловое приращение, не получающее формального выражения» [Ермакова, 1984, с.6], размер которого может быть, как незначительным, так и глобальным, составляющим основную суть семантики производного слова. Это явление можно объяснить с позиции ономаσιологического подхода к производному слову, лежащего в основе когнитивного словообразования, когда производное слово рассматривается в качестве единицы языкового сознания, и человек в процессе его создания «руководствуется не только своими знаниями словообразовательных правил, но и представлениями о пространстве коммуникации» [Антипов, 2006, с. 201]. Коммуникативное пространство является той средой, где функционируют языковые знаки разного рода, имея свои точки соприкосновения с определённым кругом понятий, из которых черпается созидательная энергия для формирования смыслового содержания производимого слова и для определения его синтагматических и парадигматических связей.

Это свидетельствует о том, что производное слово для формирования своей семантической структуры использует не только лексическую семантику производящего, но и более широкое его жизненное пространство, наполненное элементами, разнообразными в плане содержания, что в общем вытекает из известного постулата, которого придерживаются многие учёные: содержательная сторона слова не

исчерпывается его значением. В связи с этим в семантике слова выделяется смысловое ядро, или понятийные элементы (компоненты, доли), и периферийная часть, включающая в себя непонятийные (добавочные, ассоциативные) семантические компоненты, которые иногда называют «лексическим фоном» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 20]. Однако, несмотря на свою периферийность, эти компоненты бывают очень важны для более глубокого представления о той реалии, которая обозначена определённым словом. Экспликация подобных семантических долей часто бывает необходима в процессе обучения русскому языку как иностранному, так как даже эквивалентные слова в разных языках отличаются фоновыми семантическими долями. Например, слово **рис**, в значении «Кушанье» [СТСРЯ, 2004, с. 703] имеет эквиваленты во многих языках, т.е. оно передаёт межъязыковое лексическое понятие, которое зафиксировано в толковых словарях. Однако, как известно, в японском языке это слово имеет специфические фоновые семантические доли, вытекающие из характерного для японца жизненного опыта обращения с этим продуктом (кушаньем), и потому они не свойственны для языкового пространства, в котором функционирует русское слово *рис*. Так, например, японцы никогда не варят *рис* в солёной воде (и вообще не солят его); *рис* обычно не употребляется в качестве гарнира ко вторым блюдам, но обязательно подаётся как самостоятельное блюдо в конце обеда или ужина; *рис* едят палочками; варёный *рис* является сырьём для приготовления теста, из которого готовят кондитерские изделия и т.д. Из этого следует, что у данного слова (и у производных от него) будут разные парадигматические и синтагматические связи в русском и японском языках.

В свою очередь, семантические компоненты периферийного типа также неодинаковы по своей функциональной значимости. Если придерживаться теории семантического поля, то одни из них можно соотнести с ближайшей периферией, и другие – с отдалённой периферией. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в своей работе «Лингвострановедческая теория слова» соответственно выделяют *эзотерические* семантические доли (объективирующие собственно семантику слова) и *экзотерические* (внешние, находящиеся за пределами собственно семантики слова) [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 116].

Семантические компоненты ближайшей периферии в силу своей непосредственной связи с семантикой слова обычно представлены в статьях репрезентативных толковых словарей. Одни из них иногда даются непосредственно в толковании слова, другие – в иллюстративном материале словарной статьи, то есть через синтагматические связи его в речевой практике. Набор их обычно бывает ограничен. Что касается семантических компонентов отдалённой периферии, то они, как правило, не фиксируются в толковых

словарях, и их перечень всегда открытый. Это связано с тем, что язык обладает не только коммуникативной функцией, но и кумулятивной, которая тоже играет немаловажную роль в содержательной наполняемости производного слова, так как раздвигает границы поиска и использования необходимых для этих целей семантических компонентов в языковом пространстве производящего, создавая тем самым в большей степени предпосылки для возникновения фразеологичности в семантике производного слова. Это значит, что для экспликации подобных семантических компонентов требуются словари и справочники другого рода: энциклопедические, этимологические, лингвострановедческие и др.

Исходя из того, в какой части содержательной стороны производящего слова находится тот семантический компонент (компоненты), на основе которого строится значение производного слова, можно выделить, на наш взгляд, три степени фразеологичности, поскольку она находится в прямой зависимости от степени удалённости этого элемента от смыслового ядра. А так как процесс идиоматизации слова рассматривается в соотношении семантики и формальной структуры производного слова, то немаловажное значение при этом имеет характер словообразовательного форманта, лексико-грамматические характеристики членов словообразовательной пары, морфологические явления в производном слове и некоторые другие моменты.

Учёт степени фразеологичности семантики производного слова очень важен при обучении русскому языку как иностранному, так как помогает правильному отбору лексики для конкретной аудитории учащихся и диктует приёмы семантизации слов с разной степенью фразеологичности.

Рассмотрим каждую степень в отдельности.

Первая степень фразеологичности (идиоматичности) характеризуется незначительным расхождением между словообразовательной структурой и значением производного слова. Она имеет место в том случае, если связующий семантический элемент находится в собственно семантике производящего, а словообразовательная структура производного оформляется при помощи продуктивного словообразовательного аффикса, передающего вместе с производящей основой довольно большой объем семантики производного слова, но некоторые семы при этом остаются неактуализованными. Например: камень+ щик = *каменищик*. Суффикс -щик придаёт слову значение лица, чья деятельность связана с предметом, обозначенным производящей основой (камнем). Однако характер этой деятельности никак не обозначен. *Каменищик* – «тот, кто производит кладку сооружений из камня» (а не тот, например, кто делает какие-либо поделки из камня или собирает камни для коллекции или с какой-либо другой целью; ср.: *травщик* – «собиратель и знаток лекарственных трав»). Различный характер

деятельности имплицитно заложен в названиях следующих лиц: *мебельщик* – «изготавливает, делает», *мусорщик* – «убирает, вывозит», *свирельщик* – «играет», *паромщик* – «перевозит», *старьёвщик* – «собирает, торгует» и др. Не обозначена в словах подобного рода и сема *постоянная деятельность* или даже *профессиональная деятельность*, как в случае: *каменщик, мебельщик*, а также: *стекольщик, бетонщик, обувщик, краснодеревщик* и др. Следует обратить внимание на то, что для данной группы слов производящими являются номинативные основы.

В других структурных типах производных слов (глагольная основа + суффикс – щик) обнаруживаются неактуализованные семы иного порядка, например, нет указания на объект действия в существительных: *перекупищик* (перекупает что?), *упаковщик* (упаковывает что?), *доставщик* (доставляет что?), *вербовщик* (вербует кого?), *носильщик* (носит что?) и др.

Как видим, первая степень фразеологизации обнаруживает определённые закономерности, связанные с грамматической семантикой производящего и лексико-грамматическим значением производного. При этом затрагиваются обычно довольно большие группы слов. Так, в отсубстантивных названиях лица, как было показано выше, неактуализованный компонент обозначает действие, а в отглагольных названиях лица не находит своего выражения значение объекта. На эту закономерность указывали ранее некоторые учёные, например, В. Дорошевский, О. П. Ермакова. Однако следует иметь в виду, что в словах с первой степенью фразеологичности семантики приращение во многих структурных типах относится, как правило, к языковым универсалиям, то есть соотношение актуализованных и неактуализованных компонентов, относящихся к ядерной зоне семантики определённого слова, характерно для многих языков. Поэтому большой работы по осознанию невыраженного семантического компонента семантики производного слова не потребуется. На продвинутом этапе обучения учащиеся во многих случаях могут самостоятельно восстановить его при усвоении значения слова и его морфемно-структурной модели.

Вторая степень фразеологизации производных слов отражает более значительные расхождения между словообразовательной структурой слова и его значением. Это проявляется в том, что формальная структура производного слова обычно формируется в этом случае по непродуктивному словообразовательному типу (иногда речь может идти об единичном образовании по определённой модели), хотя при этом может быть избран довольно продуктивный словообразовательный формант, нередко имеющий омонимичные варианты.

Подобные явления, например, можно наблюдать в существительных, образованных от прилагательных (со значением цвета) и являющихся названиями конкретных предметов, в которых остаётся невыраженным сам предмет. Ещё А.М. Пешковский писал по этому поводу, что смысл таких слов, как *белок* и *желток* формируется только «индивидуальным соединением» элементов словообразовательной структуры [Пешковский, 1959, с. 81]. Ср. также: *синяк* – «посиневший кровоподтёк на теле» (а не все, что синее); *чернушка* – «травянистое растение семейства лютиковых, (обычно с голубоватыми цветками), а также черные семена растения» [МАС]; *краснуха* – «заразная болезнь (обычно детская), сопровождающаяся красноватой сыпью на теле».

Вторую степень фразеологизации находим и в том случае, когда происходит модификация одного из трёх составляющих продуктивной словообразовательной модели, обычно это касается последнего звена – семантики производного слова. Например, в русском языке довольно много существительных, образованных от названий предметов различного рода при помощи суффикса -ниц (-а). Среди них чётко выделяются три продуктивных модели, различающихся функциональной значимостью данного суффикса и содержательным наполнением последнего звена модели, так как в результате словообразовательного процесса образуются существительные с разным значением: со значением блюда, приготовленного из того, что названо производящим (грибница, горошница, ячница); со значением посуды/ёмкости для того, что названо производящим (сахарница, салатница, перечница, селёдочница и др.), и со значением лица (женского пола), чья деятельность связана с названием предмета, обозначенного производящим (лыжница, шляпница, ягодница, птичница, станочница, цветочница и др.).

С точки зрения фразеологизации значений существительные, образованные по первой и второй модели, можно считать изоморфными, т.е. лишёнными смыслового приращения. Что касается третьей разновидности модели с суффиксом -ниц (-а), то в ней обнаруживается невысокая степень фразеологичности (первая степень), т.к. в производных существительных не совсем явно выявляется характер деятельности лица, о чем мы говорили выше.

Если учесть, что суффикс -ниц (-а) в других словообразовательных типах тоже очень часто формирует производные со значением «лицо» (ср.: чудесница, отличница, слушательница, неудачница, дошкольница и т.д.), то неслучайно у иностранных учащихся возникло затруднение при определении значения производного слова в словообразовательной паре капуста-*капустница*, так как в этом случае производное слово выбивается из общего пространства функционирования представленных ранее продуктивных моделей. Поэтому в результате проведённого эксперимента из 48

участников (иностранцы студенты-филологи III курса) ни одно слово *капустница* не воспринял как название бабочки, 31 человек посчитал это названием лица, 8 – названием посуды, 9 человек сделали прочерк. А между тем, при толковании этого производного слова в словарях производящее является компонентом дефиниции, например, в МАС: «белая дневная бабочка, гусеницы которой поедают листья капусты». Таким образом, в этом случае мы наблюдаем процесс формирования содержательной стороны слова на основе фоновой семантической доли производящего: у капусты, как и у многих овощей (и растений вообще), есть свой вредитель – *капустница*.

В русском языке существует ещё два слова, образованных по такой же модели (название растения + суффикс –ниц (-а)=название бабочки), это *крапивница* и *лимонница*. Но при образовании этих слов использовались другие семантические доли лексического фона производящих: некоторые растения, в том числе и крапива, могут служить пристанищем, «домом» для насекомых и семя цвета, присущего плоду растения (лимону), название которого и явилось производящим. Как видим, даже в этом случае семантический связующий компонент не повторился. Ср. толкования этих слов в БАС: *крапивница* – «пёстрая дневная бабочка, гусеницы которой живут на крапиве»; *лимонница* – «дневная бабочка жёлтого цвета» (жёлтого, как у лимона).

Однако необходимо учесть, что не всегда дефиниции в толковых словарях строятся с учётом максимального показа структурно-семантической взаимосвязи производного и производящего, что может вызвать затруднение в нахождении этих связей даже у носителей языка.

Таким образом, слова со второй степенью фразеологичности семантики производного слова требуют большего внимания при работе в иностранной аудитории, так как формальная структура (часто очень прозрачная, с продуктивным аффиксом) наводит учащихся на ложное представление о семантике производного слова. Характер смыслового приращения в каждом конкретном случае должен быть раскрыт, а при самостоятельной семантизации подобных лексических единиц обязательно проверен. В противном случае учащиеся допускают ошибки: *пустяк* – «человек пустой; с пустыми руками» (ср.: толстый – *толстяк*); *бумажник* – «человек, который делает бумагу» (ср.: сапоги – сапожник), и др.

И в этом нет ничего удивительного. Даже не для всех носителей языка ясно, например, что *зеленушка* – это «птица оливково-зелёной окраски». Безусловно, для правильного восприятия семантики таких слов значительную роль играет контекст, который помогает раскрыть и многие фоновые семантические доли, участвующие в

формировании содержательной структуры слова. При отсутствии же контекста, конечно, эта роль ложится на преподавателя.

Третью степень фразеологичности семантики производных слов наблюдаем в том случае, если связующий семантический элемент относится к экзотерическим семантическим долям лексического фона производящего слова, при этом формальная структура слова не раскрывает семантику производного, например, *прикарманить* не означает «положить в карман». Следует учесть, что экзотерические семантические доли, «сопрягаясь с дальнейшими семантическими долями самой различной степени абстракции, неисчерпаемы» [Верещагин, 1980, с.121], что делает словопроизводственный процесс бесконечным, так как каждая из семантических долей может послужить основой для возникновения нового слова. Отметим также, что семантические доли фона могут отражать как общечеловеческие знания или региональные, так и личностные, «поскольку в сознании человека выделяются знания, принадлежащие исключительно ему» [там же, с. 66], вследствие чего обнаруживается и один из источников возникновения всевозможных окказиональных образований, хотя, с другой стороны, в индивидуальном сознании фоновые знания о какой-либо реалии могут быть ограничены. Все это делает процесс образования слова для того или иного человека (а тем более – для иностранного учащегося) непонятным, а формально производное слово – немотивированным, так как в словах подобного рода смысловое приращение практически занимает весь объем собственно семантики производного.

Экзотерические семантические доли, имея ассоциативную природу, делают выбор их для словопроизводства непредсказуемым, а для выявления мотивации производимых на их основе слов требуют иногда и специальных знаний, поскольку мотивирующие семантические доли такого плана обычно не отражаются (или уже не отражаются) в толкованиях производных слов. Даже носители языка не всегда соотносят такое слово с истинным производящим, см., например: *проморгать* в значении «упустить, не заметить»; *колесить* в значении «ездить, разъезжать в разных направлениях»; *чешки* – «спортивные тапочки на облегчённой подошве для занятия гимнастикой» и др.

Слова с третьей степенью фразеологичности, естественно, представляют трудность для учащихся, но для раскрытия их значения нецелесообразно прибегать к сопоставлениям с производящими основами, хотя они и входят в формальную структуру производного слова. В этом случае оправдывает себя лексическое и контекстное усвоение подобных слов.

Безусловно, предлагаемая градация степеней фразеологичности семантики слова не является жёсткой, так как можно выделить промежуточные типы между степенями,

особенно между второй и третьей, которые связаны с лексическим фоном. Это объясняется тем, что для генезиса лексического фона факультативность и избирательность семантических долей – вполне закономерный процесс. Между тем, учёт степени семантического приращения в слове в процесс обучения иностранных учащихся вполне оправдан, так как делает работу учащихся более целенаправленной.

Список литературы

Антипов А.Г. Иконичность производного слова в русском языке (к обоснованию функций формальной структуры мотивированного знака) / А.Г. Антипов // Актуальные проблемы современной лингвистики: Тихоновские чтения. Материалы междунауч. конф., посвящённой 75-летию профессора А.Н. Тихонова. Т. I. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 199-203.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1980, 320 с.

Голев Н.Д. О современном когнитивном словообразовании: заметки о книге П.А. Катышева «Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы» / Н.Д. Голев // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды междунауч. конф. (2005, Кемерово). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 33-37.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке / О.П. Ермакова. М.: Русский язык, 1984, 251 с.

Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? / А.М. Пешковский // Избранные труды. М., 1959.

Словарь русского языка в 4 т. [МАС] / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984.

Словарь современного русского литературного языка в 17 т. [БАС]. М.-Л.: Наука, 1950-1965.

Современный толковый словарь русского языка [СТСРЯ]. Под ред. С.А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: Т. I. М.: Русский язык, 1985. С. 18-52.

Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций / А.Н. Тихонов. Самарканд: Изд-во Самаркандского ун-та, 1971. 126 с.

Румянцева Н.М.

Клименко Н.Н.

Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Rumyantseva Nataliya

Klimenko Nataliya

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

*К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ – ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ
(ДОВУЗОВСКИЙ ЭТАП)*

THE PROBLEM OF THE RAISING THE QUALITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A
FOREIGN TEACHING IS THE MAIN OF THE RFL TEACHING METHODOLOGY (PRE-
UNIVERSITY STAGE)

Повышение качества обучения – важнейшая задача методики преподавания иностранных языков, в частности русского языка как иностранного. В статье представлена информация о работе кафедры русского языка (довузовский этап обучения), которая осуществляет подготовку иностранных учащихся по русскому языку для их дальнейшей учебы на филологическом факультете гуманитарных и социальных наук.

The raising of the quality of education is the most important aim of foreign languages methodology teaching, particularly Russian language as a foreign. The article is described the work of the Chair of the Russian language (Pre-University stage). The Chair of the Russian language realizes preparation of foreign students in Russian language for their future study at Philological faculty and Humanitarian and Social studies Faculty.

Ключевые слова: повышение качества обучения русскому языку как иностранному, довузовский этап обучения, гуманитарные специальности, содержание обучения, подготовка к языку будущей специальности.

Key words: raising of the quality of the teaching the Russian language as a foreign, Pre-University stage, Humanitarian specialties, content of teaching, acquirement of the specialized language.

В условиях нарастающей в мире конкурентной борьбы за рынок образовательных услуг остро встает проблема переосмысления старых и разработки новых технологий качественного обучения иностранных студентов – будущих специалистов в разных сферах профессиональной деятельности, получающих образование в России, на русском языке, в условиях русскоязычной среды. Пропаганда российской системы образования тесно связана с пропагандой русского языка как иностранного и наоборот.

Традиции, новации, качество – вот главные составляющие, в соответствии с которыми функционирует сегодня отечественная методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Как известно, в настоящее время овладение неродным, в частности русским, языком связывается с формированием коммуникативной компетенции. Принцип коммуникативности, определяющей построение содержания обучения РКИ в российской высшей школе, должен интегрировать учебную, познавательную, практическую деятельность студента в систему. Он связан и с другими методическими принципами: комплексности целей обучения к отбору языкового материала и овладению им, этапности и ряда других. Несомненно, по причине, углубляющейся интеграции научного знания особое значение приобретает и принцип профессиональной направленности обучения.

Преподавателям русского языка как иностранного всегда было свойственно желание сделать процесс изучения языка более результативным, совершенным, интенсивным. Именно поэтому деятельность педагога-русиста характеризует стремление к целесообразному сочетанию приемов и способов обучения, свойственных разным методам, в частности, максимальная интенсификация довузовского этапа обучения посредством создания новых Программ по русскому языку как иностранному; Государственных образовательных стандартов по РКИ, учебников по русскому языку, пособий по языку специальности, тестов, компьютерных программ и т.д.

Так, преподаватели кафедры русского языка Факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин (ФРЯ и ОД) для студентов гуманитарных специальностей являются авторами (Иванова А.С., Крылова Н.Ю., Сучкова Г.А.) следующих, широко известных среди русистов, программ: «Русский язык как на ладони. ч I и II»; «Образовательная программа по русскому языку как иностранному».

Безусловно, базовые учебники по русскому языку нового поколения в значительной степени решают проблему интенсификации процесса обучения. И в этой связи нельзя не отметить активное участие преподавателей кафедры в их создании.

В частности, учебник «Прогресс. Элементарный уровень»; «Прогресс. Базовый уровень» (Иванова А.С., Сучкова Г.А. и др.); «Учебник русского языка для говорящих по-китайски» (Евстигнеева И.Ф., Румянцева Н.М. и др.); «Продолжаем изучать русский...» (Царева Н.Ю., Румянцева Н.М. и др.); «В мире знаний» (Богатырева И.В., Митрова Т.В., Полянская В.И., Румянцева Н.М. и др.); «Разбег» (Чаузова Л.И.); «Исток» (Чаузова Л.И.), «Интенсивный курс русского языка» (Гусева И.С., Румянцева Н.М.).

Отметим, что на кафедре РКИ №3 готовят студентов по следующим специальностям: «Филология», «Философия», «Журналистика», «История», «Лингвистика», «Социология», «Международные отношения», «Политология», «Психология», «Зарубежное регионоведение», «Связи с общественностью», «Искусство и

гуманитарные науки» - всего по двенадцати специальностям. Это, в свою очередь, вызывает немалые трудности, сопряженные с обучением студентов языку специальности, что в настоящее время является приоритетным направлением работы кафедры. Об этом свидетельствуют многочисленные пособия по научному стилю речи, написанные преподавателями кафедры и предназначенные учащимся разных специальностей. Назовем лишь некоторые из них: «Профессия-журналист» (Никитина Е.В., Рубцова Д.Н.), «Профессия - филолог»(Косарева Л.А., Оганезова А.Е.); «Введение в языкознание» (Богатырева И.В., Косарева Л.А. и др.), Сборник контрольных работ для иностранных учащихся- филологов и лингвистов к учебнику «Введение в языкознание») (Богатырева И.В. и др.); «Изучаем фольклор»(Косарева Л.А., Рубцова Д.Н.), Контрольные работы по научному стилю речи к учебному пособию «Изучаем фольклор»; «Пособие по научному стилю речи. География. Начальный этап обучения» (Клименко Н.Н., Костина С.Г., Лучковская С.В. и др.); «По-русски - о политике. ч. I» (Румянцева Н.М., Оганезова А.Е.), «По-русски - о политике. ч. II»(Румянцева Н.М., Оганезова А.Е.), « Изучаем античную литературу» (Косарева Л.А., Шабаева И.Ю. и др.), Контрольные работы по античной литературе (Косарева Л.А., Шабаева И.Ю. и др.), «Профессия – политолог», ч. I, II (Кулик А.Д.), «Сборник контрольных работ по научному стилю речи» (Кулик А.Д.); «Сборник контрольных работ по научному стилю речи для иностранных студентов. Гуманитарный профиль. ч. I и ч. II. Базовый уровень, Первый сертификационный уровень» (Евстигнеева И.Ф., Румянцева Н.М. и др.).

Повышению качества обучения русскому языку иностранных студентов в немалой степени способствует внедрение в учебный процесс новых форм измерения знаний учащихся. В этом направлении на кафедре уже в течение двадцати лет проводится тестирование учащихся. Еще в начале 90-х годов были созданы первые тесты, проверяющие знания учащихся в области грамматики и лексики, контролирующие навыки и умения студентов в таких видах речевой деятельности, как чтение и аудирование. Позднее были написаны «Адаптационные тесты по русскому языку. Первый сертификационный уровень. Общее владение» (Румянцева Н.М., Царева Н.Ю. и др.), выдержавшие несколько переизданий; «Тетрадь тестора. Элементарный, Базовый, Первый сертификационные уровни» (Костина С.Г., Румянцева Н.М., Царева Н.Ю. и др.); «Каталог тестовых заданий. Первый сертификационный» (Голиков С.Н., Костина С.Г. и др.), «Предтестовый тренинг по русскому языку как иностранному» (Голиков С.Н.), «Готовимся к тестированию Базовый уровень» (Долгушина Е.К., Митрова Т.В., Румянцева Н.М., Сидельникова А.В.), «Готовимся к тесту по русскому языку. Первый

сертификационный уровень» (Румянцева Н.М., Костина С.Г., Жиндаева А.Г., Гусева И.С.).

Очевидно, что внедрение в учебный процесс технических средств обучения в немалой степени способствует повышению качества обучения иностранных учащихся русскому языку, так как у студентов повышается мотивация его изучения. Именно поэтому на уроках, например при работе с газетой, используются видеозаписи кратких новостных телеинформаций (Румянцева Н.М., Крылова Н.Ю. и др.), компьютерные программы и курсы.

Значительное место в интенсификации процесса обучения занимает разработка компьютерных программ. Необходимо особо отметить применение компьютеров в качестве дидактического средства обучения РКИ. В данном случае мы не можем не упомянуть о теоретической и практической значимости разработок в области использования информационных технологий, которые были предприняты на «заре компьютеризации» преподавателями нашей кафедры – О.И. Руденко-Моргун, А.Л.Архангельской.

В настоящее время преподавателями кафедры (Архангельская А.Л., Руденко-Моргун О.И. и др.) создано электронное пособие к вводно-фонетическому курсу учебника «Прогресс. Элементарный уровень», которое называется «Русский язык с компьютером. Шаг первый». Продолжается работа над учебно-методическими комплексами: «Русский язык с компьютером. Инновационный электронный методический комплекс по русскому языку для иностранных учащихся на этапе довузовской подготовки» (Руденко-Моргун О.И., Архангельская А.Л.); мультимедийными курсами «Окно в мир» (Крылова Н.Ю., Оганезова А.Е., Румянцева Н.М.) и «Русский язык – всем» (Иванова А.С., Гиринская Л.В., Максимова Н.А.).

На базе кафедры ведется курс повышения квалификации преподавателей-русистов – «Преподавание РКИ на начальном этапе с использованием информационных технологий».

Однако констатируем, что в настоящее время в силу ряда причин информационные технологии еще явно недостаточно используются преподавателями-русистами, в то время как хорошо продуманная система работы с мультимедийными средствами позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения, осуществлять контроль с обратной связью – с диагностикой ошибок, достигать максимальной визуализации учебной информации и т.д.

Компьютер, наконец, должен занять подобающее ему место в системе управления обучением русскому языку иностранных учащихся, так как с его помощью можно

регулировать темп подачи учебного материала, улучшать его качество, дифференцировать трудности учебных заданий, осуществлять контроль, организовать эффективную самостоятельную работу студентов.

Учитывая трудности обучения русскому языку китайских и корейских учащихся на кафедре создан курс «Основы русской грамматики» с переводом на китайский и корейский языки (Богатырева И.В., Евстигнеева И.Ф., Румянцева Н.М., Чжан Цзюйси).

Аксиоматично, что любая деятельность, в том числе и речевая, результативна, если она мотивирована и целенаправленна. Нет сомнения в том, что личностные мотивы занимают главное место среди других. Вследствие этого в процессе обучения преподавателю необходимо учитывать возраст, языковой и учебный опыт учащихся, принадлежность их к иной культуре, уровень образования и социальный статус обучаемых. В этом случае уроки русского языка приобретут положительную эмоциональную окрашенность. (Балыхина, 2002, с.357)

Важна и социальная направленность мотивов учащихся, т.е. культурно-экономические традиции и возможности в данном случае России, социальное окружение, общественные условия, которые имеют место в нашей стране и т.д.

Нельзя не учитывать престижность и атмосферу учебного заведения, характер и содержание учебного процесса, взаимоотношения его участников, учет их индивидуальных и возрастных особенностей.

Важным мотивом является и вопрос о международном статусе изучаемого языка в профессиональной и личной деятельности. Исходя из сказанного, преподаватели русского языка должны постоянно помнить о тех мотивах, которые позволят им интенсифицировать процесс обучения и повысить качество подготовки учащихся по РКИ.

Иностранные студенты стремятся не только к овладению необходимыми знаниями, умениями и навыками в области русского языка для получения профессии, но и к расширению познаний, связанных с культурно-историческим наследием русского народа, что способствует повышению мотивации учения. В связи с этим уже на этапе довузовского образования необходимо планомерное введение в курс обучения русскому языку элементов социокультурного содержания. Безусловно, данный тезис находит подтверждение в определении содержания обучения на элементарном, базовом и первом сертификационном уровнях. Текстовые материалы учебников подтверждают данное положение. Однако их объем не может вместить необходимую информацию культурологического характера, которая заложит основу формирования социокультурной компетенции учащихся. В этой связи преподавателями кафедры написан ряд пособий страноведческого характера. В качестве примеров назовем некоторые из них: «XX век в

портретах выдающихся людей» (Богатырева И.В. и др.); «Дорогая моя, Москва!» (Шитова С.Я.); «Россия и россияне» (Темкина Н.Е.); «Разные истории, серьезные и веселые»(Валеева Л.Ш.); «Московское метро»(Царенко Л.И.) и др.

Подводя итог сказанному, заметим, что повышение качества обучения русскому языку студентов гуманитарных специальностей довузовского этапа обучения в Российском университете дружбы народов в значительной степени осложняется тем обстоятельством, что в последнее десятилетие радикально изменился национальный и социальный состав учащихся, общеобразовательный уровень студентов, сроки их обучения (поздний и разорванный заезд студентов). Именно поэтому следует искать резервные возможности для интенсификации учебного процесса, в частности, акцентировать внимание на самостоятельной работе учащихся, учитывать индивидуальные особенности обучающихся.

Список литературы

Балыхина Т.М. Состояние и динамика преподавания русского языка как иностранного в вузах России. Русский язык, литература и культура в современном обществе. Материалы международной конференции. Иваново, 2002.

Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного. Учебная монография. М., РУДН, 2002.

Проблемы межкультурной коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции «Язык как средство формирования интернациональной ментальности». Липецк, 2007.

Соболева О.В.

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
г. Пермь (Россия)

Soboleva Olga

Perm National Research Polytechnic University
Perm (Russia)

*ГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО: ТИПИЧНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ*

GRAPHICAL INTERFERENCE WHEN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE: A TYPICAL AND INDIVIDUAL

Статья посвящена проблеме выявления и предупреждения графической интерференции в письменной речи иностранных студентов, изучающих русский язык. В работе описаны типичные и индивидуальные случаи проявления графической интерференции при изучении русского языка как неродного и охарактеризованы причины, способствующие появлению интерференции на уровне графики.

The article deals with the identification and prevention of graphic interference in writing speech of foreign students studying Russian. The paper describes typical and individual instances / cases of graphic interference in studying Russian as a second language and describes reasons for the interference at the level of graphics.

Ключевые слова: интерференция, графическая интерференция, русский язык как иностранный.

Key words: interference, graphic interference, Russian language as a second one.

Исследование языковых контактов – активно развивающийся раздел современной лингвистики. Изучение явления интерференции (как прямого и неизбежного следствия языковых контактов) можно считать одним из перспективных направлений современных исследований, которое находится в сфере внимания целого комплекса гуманитарных наук: лингвистики, психолингвистики, лингводидактики, переводоведения, методики преподавания РКИ. Однако следует заметить, что, несмотря на существование многочисленных работ, затрагивающих теоретические аспекты интерференции, вопросы непосредственного преодоления интерференции в практике преподавания русского языка как иностранного поднимаются в научной литературе значительно реже. Между тем, в настоящее время актуальной становится проблема интерференции на всех уровнях, в том числе и на графическом.

Вполне очевидно, что сходство графической системы английского и русского языков может привести как к положительному переносу, помогающему при изучении русского языка, так и к графической интерференции, затрудняющей коммуникацию.

Этому и будет посвящено наше небольшое исследование, материалом для которого послужили письменные работы группы нигерийских студентов (10 человек), проходивших обучение в Пермском национальном исследовательском политехническом университете в 2010-12 гг.

Говоря о самом термине «интерференция», следует отметить, что в настоящее время он активно используется в самых разных сферах науки:

- в физике интерференция понимается как изменение в характере звуковых, тепловых, световых и электрических явлений, объясняемое колебательным движением;

- в психологии интерференция – это взаимоподавление одновременно осуществляющихся психических процессов, обусловленное ограниченным объёмом распределяемого внимания;

- в ботанике интерференцией принято считать вариант конкуренции, неблагоприятные взаимодействия, возникающие при наличии близких соседей того же или близких видов;

- в зоологии интерференция — угнетение или уничтожение животных животными своего же вида;

- в генетике под интерференцией понимается подавление кроссинговера на участках, непосредственно соседствующих с точками уже произошедшего обмена.

При всём разнообразии этих формулировок следует отметить общий принцип, лежащий в их основе. Каждая из наук под интерференцией подразумевает процесс или результат какого-либо взаимодействия, наложения каких-либо явлений.

В лингвистике термин «интерференция» появился позже, чем в физике, биологии, психологии и других науках. Среди исследователей нет единого мнения о том, кто именно впервые использовал это понятие, однако, объективным фактом можно считать то, что широкое распространение понятие интерференции получило благодаря трудам У. Вайнрайха. Он связал интерференцию с понятием языкового контакта и рассматривал её как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия. По мнению Вайнрайха, интерференция проявляется в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного [Вайнрайх, 2000]. Авторитетными работами в области исследования языковых контактов являются и труды Э. Хаугена, который трактует интерференцию как «лингвистическое переплетение, при котором какая-нибудь лингвистическая единица оказывается одновременно элементом двух систем» [Хауген, 1972].

Наряду с термином «интерференция» в теории языковых контактов используется и термин «перенос». Вслед за С.К. Гураль и Е.И. Сорокиной мы считаем перенос (трансференцию) родовым понятием по отношению к понятию интерференции, так как

психические механизмы действия положительного переноса и интерференции одни и те же. Разница наблюдается лишь в результатах, которые наблюдаются в речи билингов и полилингов. Положительный перенос создаёт благоприятные условия для усвоения нового материала, интерференция же создаёт помехи.

С.К. Гураль и Е.И. Сорокина отмечают, что в методической литературе мало внимания уделяется положительному переносу, гораздо больше внимания привлекает к себе интерференция, поскольку она является причиной ошибок [Гураль, Сорокина, 2012].

Хотелось бы отметить и то, что для исследовательской литературы сегодня характерно широкое и узкое понимание интерференции.

Согласно первой точке зрения, под интерференцией понимается отклонение от норм контактирующих языков, включая сюда все виды и типы взаимодействия и сближения языков (взаимовлияние, контактирование, слияние, смешение языков, заимствование, гибридизация и т.п.). Лингвистическая интерференция в данном случае понимается как результат взаимодействия систем и элементов систем двух языков, как вторжение норм одной системы в пределы другой в условиях языковых контактов.

Интерференция в широком понимании – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причём не имеет значения, идёт ли речь о родном, исконном языке для говорящего, или о его втором языке, так как интерференция может осуществляться в обоих направлениях. Основная лингвистическая проблема, возникающая в связи с изучением интерференции, состоит в следующем: «в какой мере две контактирующие структуры могут сохраняться в неизменном виде, и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга, и в какой степени их функционирование будут способствовать развитию и обогащению контактирующих языков?» [Шомова, 2010, с. 35]. В широком понимании под интерференцией принято понимать явление, охватывающее все виды и формы взаимовлияния языков: от факторов обновления языковых элементов, до постепенного их вытеснения. По мнению Д.З. Шомовой, в соответствии с таким подходом интерференция «должна рассматриваться как положительное явление, способствующее взаимообогащению контактирующих языков и выработке общих линий их конвергенционного, дивергенционного развития, проникновению структурных элементов одного языка в другой, создавать предпосылки для дальнейших сдвигов в развитии их систем» [Шомова, 2010, с. 37].

В нашей же работе мы рассматриваем интерференцию в узком смысле, говоря о переносе норм родного языка на другой в процессе речи. Этот подход прослеживается в работах по методике преподавания неродного языка. Здесь интерференция обычно трактуется лишь как отрицательный перенос навыков родного языка на изучаемый второй

или третий язык. Перенос этот сам по себе не может оказать какого-либо заметного влияния на нормы и структуру изучаемого языка. Ведь в данном случае не имеет место взаимовлияние языков, мы сталкиваемся только с фактами неосознанного ошибочного переноса норм родного языка на второй или третий изучаемый язык.

Опираясь на существующие подходы к классификации видов интерференции, мы хотели бы охарактеризовать проявления интерференции, которые послужили предметом исследования в нашей работе. Исходя из уровневой классификации, все эти проявления относятся к *графической интерференции*. В свете дихотомии «язык-речь» данные проявления мы можем определить, как *речевую интерференцию*. Наконец, в коммуникативном аспекте она является *коммуникативно-нерелевантной*, так как отклонения в графике письменной речи существенно затрудняют понимание или полностью его исключают.

Изучение русского языка как неродного мы можем считать частным случаем проявления языковых контактов, следовательно, затрудняющее коммуникацию наложение системы родного языка на систему изучаемого (русского) языка мы будем оценивать, как проявление интерференции. Степень влияния системы родного языка может быть разной и варьироваться в разных группах иностранных учащихся в зависимости от степени близости родного языка русскому.

Появление ошибок в речи человека, изучающего русский язык как неродной, обусловлено во многом интерференцией со стороны его родного языка, которая соотносится со стадией некоординированного билингвизма, т.е. «такого состояния языковой компетенции говорящего, когда два кода и две системы норм – родного языка и изучаемого – не дифференцированы полностью» [Цапко, 2012, с. 1452].

При изучении русского языка как иностранного интерференция есть не что иное как подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка либо видоизменение первых по образцу вторых.

Поскольку речь на русском языке (в том числе письменная, которую мы рассматриваем в данной работе) отличается от речи на родном языке только кодом, а все остальные компоненты речи (мышление, оперативная память, опережающее планирование и т. д.) универсальны, функционирование или нефункционирование этих универсальных компонентов в речи на русском языке зависит от того, как усвоен новый для человека код, т. е. иностранный материал.

Говоря о русском языке как иностранном, мы можем сказать, что на частотности проявлений интерференции в том числе на графическом уровне, безусловно, сказывается постепенность освоения языкового материала. Наиболее сложным и ответственным для

преподавателя в этом плане является начальный этап обучения, так как именно на нем интерференция проявляется наиболее отчётливо. Недостаточное внимание, которое преподаватель уделил работе над преодолением графической интерференции в письменной речи учащихся на начальном этапе, приводит к тому, что неверное написание отдельных элементов закрепляется и воспринимается учащимися как допустимое. К тому же интерференция, казалось бы ушедшая из письменной речи в условиях обучения, возвращается в стрессовой ситуации: при выполнении тестов, заполнении документации и т. д. Все это говорит о том, что в своей работе преподаватель русского языка как неродного просто обязан уделять время выявлению и профилактике графической интерференции, а для этого необходимо хорошо представлять себе проблемные зоны, приводящие к появлению графической интерференции в речи иностранных учащихся.

С этих позиций мы проанализируем письменные работы группы учащихся из Нигерии, которые проходили обучение в Пермском национальном исследовательском политехническом университете в 2010-11 и 2011-12 уч. г. Необходимо отметить, что занятия не представляли собой непрерывного учебного процесса: кроме того, что по просьбе учащихся занятия прерывались на продолжительные летние и зимние каникулы, администрация вуза несколько раз на длительный период прекращала работу группы, когда студенты задерживали оплату очередного учебного модуля. Несомненно, все это не могло не сказаться на качестве обучения, которое в июне-июле 2012 года завершилось итоговым тестированием по русскому языку как иностранному в рамках международной системы тестирования ТРКИ/TRFL.

Официальным языком Нигерии является английский, но в целом в стране складывается сложная картина многоязычия: на территории страны насчитывается около 500 языков. Большая часть населения Нигерии владеет несколькими языками. Для студентов, обучавшихся в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, английский язык выполнял следующие функции (в зависимости от того, на каком языке говорили в семье и каким по счету стоял английский язык в ряду изучаемых):

- родного языка;
- первого иностранного языка;
- второго иностранного языка.

В ходе обучения русскому языку как иностранному преподаватели столкнулись с безусловными проявлениями интерференции со стороны английского языка в речи всех учащихся. К сожалению, мы не можем анализировать полную интерференционную картину, так как не владем языками коренного населения Нигерии, которые считаются родными для некоторых студентов (языки фула, игбо и др.) Мы можем только

предположить, что система этих языков тоже оказала некоторое влияние на усвоение форм русского языка, однако изучение этого вопроса требует отдельного исследования и не затрагивается в рамках данной работы.

Наблюдения за устной и письменной речью нигерийских учащихся позволили нам выявить практически все виды интерференции (если рассматривать разновидности интерференции, опираясь на уровневую классификацию).

Приведём лишь несколько примеров:

1. Фонетическая интерференция проявилась в неверном произношении и ударении: [адр'Эс] (по аналогии с английским *address*).

2. Орфографическая интерференция была отмечена нами как перенос в русский язык правил написания слов английского языка (в частности были выявлены ошибки, связанных с написанием удвоенных согласных): *паспорт* (по аналогии с английским *passport*).

3. Грамматическая интерференция, возникающая при смешении грамматических форм и конструкций, проявилась, например, в речи всех студентов при описании интерьера комнаты (конструкции типа *на стене есть часы* вместо *на стене висят часы*).

4. Лексическая интерференция (как вмешательство лексики английского языка в лексическую систему русского языка) была отмечена как на начальном, так и на последующих этапах обучения, по мере введения новой лексики. В качестве примера можно привести слово *офис*, которым нигерийские студенты во всех ситуациях стремились заместить сложное для понимания слово *отдел*.

Обобщая свои наблюдения за влиянием английского языка на речь нигерийцев, изучающих русский язык как неродной, мы можем сказать, что интерференция со стороны английского языка затронула всех учащихся, хотя и в разной степени, и особенно отчётливо проявилась на начальном этапе обучения.

Наиболее простыми для коррекции оказались проявления графической интерференции. Если на начальном этапе обучения она присутствовала в письменной речи значительной части учащихся, то в конце обучения многие избавились от влияния графики английского языка.

Рассмотрим объективные причины появления графической интерференции, сопоставив графику английского и русского языков (под графикой в данном случае мы понимаем совокупность начертательных средств того или иного письма).

Сопоставительный анализ алфавитов русского и английского языков позволил нам сделать следующие выводы. Несмотря на то, что графические системы русского и английского языков созданы на разной основе: английский алфавит, как и других

романских и германских языков, базируется на латинском алфавите, а русский алфавит основывается на кириллице, – в графике русского и английского языков присутствуют сходные черты, которые могут, с одной стороны, стать основанием для положительного переноса и облегчить усвоение русского языка, а с другой – послужить источником интерференции и затруднить коммуникацию.

Ниже представлены графические элементы, освоение которых может проходить на базе положительного переноса: их начертание в русском и английском алфавитах схоже.

Английский алфавит	Русский алфавит
Aa [эй]	Aa [а]
B [би]	B [вэ]
Cc [си]	Cc [эс]
Ee [и]	Ee [е]
K [кей]	K [ка]
M [эм]	M [эм]
Oo [оу]	Oo [о]
X [экс]	X [ха]

Хотелось бы подчеркнуть, что в ряде случаев мы внесли в список только прописные буквы, так как при написании парных им строчных русская и английская графика обнаруживает ряд существенных различий, которые могут служить причиной интерференции, но не положительного переноса.

Таким образом, графические элементы, представленные в таблице, могут облегчить усвоение русского языка, помочь при овладении навыками письменной речи. Однако целый ряд схожих элементов в графике английского и русского языков способствует возникновению интерференции на графическом уровне и препятствует изучению языка.

При анализе письменных работ нами были выявлены как единичные, индивидуальные случаи проявления интерференции, свойственные письменной речи отдельного студента, так и массовые, характерные практически для всех обучаемых.

Так, к индивидуальным проявлениям интерференции мы можем отнести:

постановку английской буквы *l* вместо русской *л* в середине слова (Олайвола Фифе Кеми Мария);

замещение русской буквы *z* английской *s* (Джонбул Бекки);

замещение русской буквы *p* английской *r* в начале слова (Шаibu Осита);

замещение заглавной русской *Д* английской *D* при написании своего имени (Илуобех Рашеед Деннис).

Наряду с индивидуальными проявлениями интерференции мы выделили типичные нарушения русской графики, которые в работах нигерийских студентов носили системный характер. К таким массовым ошибкам мы можем отнести следующие случаи интерференции:

создание окказионального графического элемента на базе английской буквы *R* и использование его вместо русской *p* (как прописной, так и строчной);

использование английской буквы *w* вместо русской буквы *ш*;

замещение русской буквы *с* английской *s* (в середине слова).

Стоит отметить, что проявления графической интерференции усиливались в стрессовых ситуациях (контрольная работа, тестирование) и при выполнении заданий, связанных с записью со слуха (диктанты, аудирование). В этих случаях в письменных работах даже тех студентов, которые, казалось бы, уже преодолели графическую интерференцию, встречались совершенно неожиданные её проявления: например, замещение сочетания *кс* в слове *Алекс* английской буквой *x*.

С этой точки зрения показателен пример из тестовой работы, которую выполнила Олайвола Фифе Кеми Мария. Волнуясь во время выполнения теста, студентка при написании фразы «Александра Сергеевича Пушкина» практически полностью перешла на графику английского языка, заменяя русские буквы *л, д, р, С* и т.д. английскими *l, d, r, S* и т.д.

Для преодоления графической интерференции преподавателями были предприняты следующие действия: введение регулярной работы с прописями как на занятиях, так и дома, увеличение числа письменных заданий с разбором графических ошибок. Как нам представляется, эти меры позволили частично, но не полностью скорректировать случаи графической интерференции в письменной речи студентов.

Представляется, что изучение графической интерференции и особенностей влияния графики английского языка на письменную речь студентов, изучающих русский язык, должно быть продолжено, а опыт практической работы по преодолению графической интерференции должен быть обобщён в виде конкретных методических рекомендаций для преподавателя русского языка как неродного.

Список литературы

Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. Благовещенск, 2000. 264 с.

Гураль С.К. Интерферентные языковые явления и положительный перенос (английский, французский и итальянский языки) / С.К. Гураль, Е.И. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 7-11.

Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61-80.

Цапко Т.П. Проблемы интерференции при обучении русскому языку на начальном этапе / Т.П. Цапко // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: Материалы V Международной научной конференции [Электронный ресурс]. Варшава, 2012. С. 1450-1454.

Шомова Д.З. Явление интерференции родного и русского языков при контакте с иностранным языком / Д.З. Шомова // Вестник Югорского университета. 2010. Вып. 3 (18). С. 35-40.

Тарасенко Т.В.
Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени академика М.Ф. Решетнева
Тарасенко В.Е.
Школа английского языка "Green Tower"
г. Красноярск (Россия)

Tarasenko Tatiana
Siberian State Aerospace University
academician Mikhail F. Reshetnev
Tarsenko Vasilisa
English School "Green Tower"
Krasnoyarsk (Russia)

*СИТУАЦИЯ: ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)*

SITUATION: THE VIEW OF THE RESEARCHER (SEMANTIC, TRANSLATION,
LANGUAGE AND CULTUROLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

В работе семантическая ситуация рассматривается в разных исследовательских ракурсах: с позиции семантического синтаксиса анализируется денотативная ситуация винопития, её языковая репрезентация, предикаты и участники. В переводческом аспекте рассматривается японский перевод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», насколько изоморфно переводчик передал ситуацию винопития на японском языке. В лингвокультурологическом аспекте рассмотрена ситуация чаепития в русской, японской и китайской культурах. В методическом аспекте описана возможность преподавания семантической ситуации на уроках РКИ.

In this work semantic situation is considered in different research perspectives: from the perspective of semantic syntax denotative situation of drinking is analyzed, its language representation, predicates and participants. In the translation aspect Japanese translation of the novel M.A. Bulgakov "The Master and Margarita" is considered – how isomorphic the translator reproduced the situation of alcohol drinking in Japanese. In language and culturological aspect the situation of tea drinking is considered in Russian, Japanese and Chinese cultures. In methodological aspect the possibility of teaching the semantic situation on the lessons of Russian as a Foreign Language is described.

Ключевые слова: семантическая ситуация, винопитие, чаепитие, семантический синтаксис, перевод, японский язык, методический аспект.

Key words: semantic situation, alcohol drinking, tea drinking, semantic syntax, translation, Japanese, methodological aspect.

Термин «семантическая ситуация» введён в отечественную науку в 70-е годы прошлого столетия, что стало следствием учения о семантике предложения. В центр внимания исследователей попала ситуация, отображаемая в предложении, и её семантическая модель – пропозиция. С точки зрения Л. Теньера, предложение – это дерево, определяемое синтаксическими связями слов, а предикат – вершина, который связан с актантами, заполняющие его валентности [Теньер, 1988].

В основе предложения как языкового факта лежит экстралингвистический факт, по теории лингвистики – денотат, представляющий не отдельный предмет, а событие или ситуацию. Семантическая организация предложения, её составляющие и их репрезентанты стали объектом исследования лингвистов. В их поле зрения попали структура ситуации и её элементы, механизмы взаимодействия между элементами ситуации [Золотова, 1988; Шмелева, 1988]. Поэтому реконструкция семантической ситуации позволяет описать её как фрагмент обыденной и языковой картины, сопоставить языковую и научную картины мира одного языка, сравнить семантическую ситуацию и её репрезентацию в двух и более языках [Tarasenko, 2012]. Постулируя взаимозависимость и взаимовлияние языка и культуры, можно говорить о возможности изучения феноменов материальной культуры в рамках лингвистики, теории перевода и лингвокультурологии. В качестве примеров для рассуждений стали две семантические ситуации – винопития и чаепития. Выбор этот не случаен. Обе эти ситуации входят в группу «физиологическое действие», типовая семантика которых описывается следующим образом: «Человек или живое существо совершает физиологические действия, необходимые для нормального функционирования организма, обеспечения его жизнедеятельности или как реакция на что-л.» [Русские глагольные предложения, 2002, с. 240]. Базовая модель: субъект – предикат физиологического действия – объект, основные предикаты – *есть, пить, кормить, поить, дышать, реагировать*. Ситуации объединены предикатом *пить*, а различие их в объекте питья – водка или чай. Поэтому обе эти ситуации занимают особое место в национальной картине мира. Известный историк и культуролог В.В. Похлебкин в своей книге «Чай и водка в истории России» так отвечает на вопрос о русском национальном напитке: «Русская драматургия довольно убедительно отвечает на такой извечно спорный и щекотливый для национального достоинства вопрос – что считать русским национальным напитком – чай (причём китайский чай...) или водку – свою, родную, собственного производства и изобретения? Ответ однозначен – чай. Почему? Да потому, что чай пьют во всех русских пьесах, начиная с восемнадцатого века и до наших дней...» [Похлебкин, 1995, с. 453]. С другой стороны, для большинства иностранцев Россия ассоциируется, прежде всего, с водкой. Е. Карасюк описывает реакцию граждан зарубежных стран на один из принятых недавно российских законов: *«Стойкое нежелание глобального бизнеса ассоциироваться с дерьмовой политикой не особенно идёт на пользу делу – кто-нибудь всегда оказывается крайним. На сей раз не повезло водкам «Столичная» и «Русский стандарт». А всё почему? Принятый в России закон о гей-пропаганде вызвал волну возмущения на Западе, и вот уже американские, канадские и британские бармены демонстративно выливают литры сорокаградусной на тротуар и*

убирают её с барных стоек. Логика, как всегда, очаровательна: в этой стране преследуют геев, и вы думаете, после этого мы станем пить их водку?» (slon.ru).

Ситуация винопития (*далее – СВ*), или распития алкогольных напитков, с точки зрения семантического синтаксиса входит в группу ситуаций «действие», является социально-физическим действием, минимальная модель которого следующая: субъект – предикат физиологического действия – объект: человек поглощает алкоголь, например, – *Я пил водку крохотными глотками, и раскалённые пьяные слезы текли по щекам* (М. Елизаров. Библиотекарь).

Ситуация винопития как денотат одноименного процесса, включающего поглощение крепких напитков и закуски, имеет целью «достижение состояния алкогольного опьянения», представлена в русском языке глаголом *пить*. В русском языке возможен и более сложный взгляд на данное положение дел. В частности, выявляется модель *Субъект пьёт + общается (душевно)*, которая включает не только действие винопития, но и пропозицию эмоционально-психологического состояния и речевого действия, например: *Каждое утро мы просыпались в каком-нибудь новом регионе, знакомились с местными успешными капиталистами и шли с ними пить водку, а между тостами они нам про себя рассказывали* (Д. Соколов. Нет больше сил терпеть безнадёгу).

В ситуации винопития, как и в любой другой деятельности, наиболее значимой является фигура субъекта, без которого реализация данного процесса становится невозможной. Для его обозначения в литературном русском языке нет специального нейтрального номинатива. Соучастниками в данной ситуации становятся *друзья, приятели, товарищи, коллеги, родственники, случайные знакомые*. Лексема «*собутельник*» является стилистически маркированной (разговорное, сниженное), а *пьяница* обозначает человека, зависимого от алкоголя.

В содержание данного кластера включаются представления о состояниях алкогольного опьянения, которые имеют следующие языковые репрезентации: *в зюзя пьяный, нажрамышь, нажрался как свинья, пьяный вдрызг, еле языком ворочает, напиться до потери пульса, пьяный в хлам, пьяный в сиську, готовый* (из анекдотов).

Для обозначения средней степени опьянения используются следующие языковые единицы: *в нетрезвом состоянии, поддавший, выпивши* (прост.), *подвыпивший, подшофе, под градусом, (быть) под мухой*.

Образ «человека, злоупотребляющего спиртным» объективируется следующими лексемами, имеющими отрицательные коннотации: *пьяница, пьющий, пьянь, выпивоха, алкоголик, алкоголичка, пьянь, забулдыга, запойный, спившийся, изрядно подвыпивший*. А

также: *алконавт, агал, алик, бухарик, синяк, сквалыга, алкаш, сливарез, Кирюха, колдырь, в сосиску бухой* [Химик, 2000, с. 189-190; Глушкова, 2009, с. 13].

Несложно угадать выбор объекта винопития русского человека – это водка.

Рассмотрим основные значения слова *водка*.

1) «Русский семантический словарь» даёт следующее определение: алкогольный напиток – смесь очищенного спирта с водой. *Пшеничная водка; Беседа за рюмкой водки; Водка погубила кого-н.* (о том, кто окончательно спился) [Русский семантический словарь, 2000, с. 277].

2) В «Словаре» Г.Ю. Багриновского основные значения слова *водка* таковы: 1. напиток (получаемый промышленным способом), представляющий раствор винного спирта, полученного брожением зернового или плодовоовощного сырья с последующей перегонкой и очисткой; 2. бутылка водки; 2.1. порция водки. Синонимический ряд слова *водка* насчитывает около 600 лексем, приведём некоторые из них: *беленькая, белое вино, белочка, Адамовы слезы, слеза божия, мокруха, горькая, огненная вода, горилка, жидкая валюта, антигрустин, говорушка, сногшибаловка, родимая, антигриппин* и т.д. [О вине и пьянстве, 2001, с. 280].

3) В «Идеографическом словаре русского языка» в кластере *водка* даются лексемы *горькое вино, белое вино, зелёное вино, шнапс, зелье* [Баранов, 1995, с. 300].

4) В.В. Химик в главе «Поэтика пьянства в массовом языковом сознании» своей книги «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» описал подсистему номинаций спиртных напитков в разговорной речи и просторечии; на основании метафорического переноса выделяются следующие группы названий: 1) внешние признаки объекта (цвет жидкости или фрагмента ёмкостей) – *белое, красное, цветное, белая головка, красная шапочка*. Например, – *Худого не скажу, они люди культурные... Ни тебе политуры, ни одеколона... А только – белое, красное и пиво* (С. Довлатов. Заповедник); 2) назначение – *керосин, горючее, горючка, подогрев, замазка, выпивон: Он попросил вольнонаёмного работника сходить в близлежащую деревишку и добыть самогону... «Горючее» прибыло в срок* (Московский комсомолец. 1994. 19 октября); 3) качественная оценка напитка – *сивуха, вермутъ, зелье, дрянъ, бурдель: Водка – зверь!*; 4) эмоциональная оценка – *водяра, винище, спиртяга, сухенькое, сушняк*. Например, – *День работаешь, неделю пьёшь... Другим водяра – праздник. А для меня – суровые будни* (С. Довлатов. Заповедник); 5) особенности алкогольного воздействия – *отрава, балда, бормотуха. Болтливых женщин он называл таратайками. Плохих хозяек – росомахами. Неверных жён – шаландами. Пиво и водку – балдой, отравой, керосином* (С. Довлатов. Заповедник); 6) происхождение напитка – *самогон, андроповка* [Химик, 2000, с. 158-170].

Водка может быть представлена и метонимически – *пол-литра, поллитровка* (поллитровая бутылка), *чекушка, мерзавчик, пузырьёк, чекушка, четвертинка, икалик*. Чекушка,

мерзавчик, четвертинка – бутылка водки ёмкостью 250 г. [Русский семантический словарь, 2000, с. 346]. Шкалик – винная посуда ёмкостью 1/8 штофа, примерно 160 г.; (подробнее о шкалике см.: [О вине и пьянстве, 2001, с. 370]). Т. Г. Никитина приводит в своём «Словаре молодёжного сленга» дифференциацию ёмкостей спиртного по вместимости: большая – *огнетушитель, сабонис, фугас, фуфырь*; литровая – *бомбер, литрович*; пол-литровая – *бимбер, полбанки*; ёмкость 250 г. – *мальши, раиска, чебурашка* [Никитина, 1998, с. 546].

Инструмент – актанты, обозначающие питейную посуду, с помощью которой осуществляется процесс винопития: бокал, кружка, рюмка, стакан, стопка, фужер.

Комитатив – «компонент, обозначающий сопровождающее действие, признак, сопутствующий предмет» [Золотова, 1988, с. 431]. Роль комитатива в СВ выполняет закуска. Закуска (закусон, закусь – просторечное) – еда, которой закусывают выпитое вино. *На закуску – икра* [Русский семантический словарь, 2000, с. 251].

Метод сплошной выборки позволил определить круг наиболее популярных закусок. Приведём их в порядке частотности: огурец, хлеб, колбаса, селёдка, квашеная капуста, грибы, отварной картофель, икра и т.д. С названиями некоторых из них образуются устойчивые парные сочетания *водка и икра, водка и раки, водка и огурец, водка и селёдка*. Например, – *Разговор, конечно, происходит с неизбежной выпивкой и характерной русской закуской в виде балыка, салфеточной икры, солёных огурцов* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *Начали попервоначалу «под селёдочку»*. – *Для рифмы, как говаривал И.Ф. Горбунов: водка – селёдка* (В.А. Гиляровский. Москва и москвичи); *В футбол поиграешь, набегаясь, а потом за стол – обычный солёный огурец под водку сказочным блюдом кажется* (Мегаполис-Экспресс. 1999. № 4); *Где огурцы, тут и пьяницы*. Об экспериментах с закуской говорят следующие тексты: *Хочу попробовать «Вискас». Говорят, хорошая закуска под водку* (М. Веллер. Приключения майора Звягина).

Переводческий «взгляд» на семантическую ситуацию позволяет сказать, насколько изоморфно переводчик посредством перевода передал языковые и культурные особенности текста перевода. Изучение соотношения фрагментов оригинала и перевода показывает, что семантическая ситуация и репрезентирующие её предикаты и актанты в принципе изоморфны. Одновременно с этим присутствует асимметрия при переводе, детерминированная, с одной стороны, актуализированными связями в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления или опущения семантических компонентов оригинала, а с другой – различиями культур, участвующих в процессе перевода.

Рассмотрим указанные теоретические и практические вопросы подробнее. Материалом для наших рассуждений послужил роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод, выполненный Мидзуно Тадао в 1977 г.

Группа глаголов ситуации винопития (*далее – СВ*) с общим значением *выпить* в романе М.А. Булгакова представлена глаголами, которые в основном значении близки, но различаются семантическими и стилистическими оттенками.

Глагол *выпить* как показатель определённого этапа СВ имеет в своём значении компонент *быстро*: например, – *выпить до дна – выпить быстро и без остатка в питейной посуде; выпить залпом – выпить быстро, сразу, без передышки; осушить – выпить содержимое чего-нибудь до дна* (разг.). Мидзуно Тадао выбирает глагол «пить крепкие алкогольные напитки залпом», отчего авторские нюансы потеряны.

Например, в романе М.А. Булгакова читаем: *Маргарита покорно выпила, думая, что тут же ей и будет конец от спирта*; у переводчика – *Думая, что, выпив это, она точно умрёт, Маргарита покорно выпила все до капли. Или Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...* в переводе стало *Мирно, тихо сидели, ели...*

В результате сопоставления оригинала и перевода становится понятно, что участники ситуации выпивали и общались одновременно, в японском переводе этот смысл утерян из-за замены глагола.

Объяснением этого могут служить несколько факторов. Во-первых, в японской культуре винопития не принято закусывать вообще, т.к. она предполагает более слабые алкогольные напитки (16 градусов). Во-вторых, это слово *закуска*, заимствованное из французского языка *hors d'oeuvre* («небольшое количество еды подаётся в холодном виде перед основным блюдом»), в японском языке у него нет такого значения, как в русском языке: «еда, которой закусывают выпитое вино» [Русский семантический словарь, 2000, с. 251]. Поэтому в японском языке отсутствует глагол *закусить* в узком значении *заесть выпитое вино*, в широком – *выпивать*. По этой же причине в японском переводе *закуска* «потеряла» изысканность и аристократизм.

Сложными для переводчика оказалось перевести слово *спирт*, для передачи которого выбирается английская лексема *alcohol*, показывающая неяпонское происхождение напитка, и японская *pozirikenonaiarikouru* «неочищенный алкоголь». Булгаковское *он совершенно перестал пить портвейн и пьёт только водку, настоящую на смородиновых почках, отчего сильно поздоровел* переведено как: *Портвейн пить вообще перестал, а если и пьёт, то только водку, настоящую на смородине, отчего говорят, поправил здоровье*. Среди большого количества водочных настоек, представленных в русской культуре винопития, особое место занимают водочные настойки на ягодах и травах. Одни настойки (на травах, почках

деревьев) используются в народной медицине как лекарство, другие (на ягодах и травах) как алкогольный напиток с ярко выраженным вкусом, например, рябиновка, анисовка, можжевельная, коричневая.

Автор романа, рассказывая о судьбе Лиходеева, подчёркивает произошедшие перемены с ним: он перестал пить алкоголь (портвейн) и стал пить водочную настойку на почках смородины как лекарство. А в переводе персонаж просто «переключился» с одного алкогольного напитка на другой.

Для передачи количества выпитого используется лексема *hai* со значением «ёмкость для напитка», а дополнительное значение она получает в контексте: например, *hai* + водка = рюмка/стопка водки. Однако наряду с иероглифом *hai* переводчик использует в качестве синонима и английское *glass*. Поэтому трудно определить, где автор соблюдает симметрию при переводе, а где нарушает её, так как выбор питейной посуды не всегда мотивирован. Булгаковский *лафитный стакан* передаётся как бокал для вина, тем самым меняется не только количество напитка, но и сам напиток.

Таким образом, можно утверждать, что при переводе СВ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» переводчик постарался передать общий авторский замысел, но в деталях не был точен, что, во-первых, отчасти отражает общее стереотипное представление, в том числе и у переводчиков, о русских людях как сильно пьющих (среди них и женщины), пьющих крепкие напитки, пьющих не рюмками, а стаканами; во-вторых, неточность в мелочах создаёт иную культуру винопития, чем авторская, что, на наш взгляд, влияет на восприятие всего романа в целом.

С позиции лингвокультурологии мы хотели бы остановиться на ситуации чаепития, точнее, на объекте чаепития – чае. Лексема ЧАЙ была заимствована из китайского языка русским и японским языком. Чай прошёл в японской и русской культуре свой путь, создал неповторимое лингвокультурное пространство и поэтому относится к ярким и значимым фрагментам японской и русской концептосфер. Специфика «культурного пространства» ЧАЯ («cha» по-китайски; «ocha» по-японски) определена многими составляющими: историей (чай известен в Китае с рубежа новой эры и в качестве лекарства с VIII века).

Япония заимствовала чай в качестве медицинского напитка из Китая во второй половине XII века. Чайная церемония, которая развилась вокруг него, является при этом чем-то уникальным для Японии. Она была изобретена в XV веке Мурата Дзюко, приверженцем жизни в гармонии с природой.

«Чайный стол» в России, в Китае и Японии принципиально различны: богатство и разнообразие различных закусок и добавок к чаю в русском застолье и полное их отсутствие в китайском. В качестве лёгких закусок к чаю у японцев выступают кусочки

сырой рыбы, рис на пару и суп из растёртой заквашенной сои, а «сладости» из соевой пасты, муки и крахмала, совершенно несладкие.

Таким образом, чай в китайской, русской и японской культурах представляет собой уникальные конфигурации знаний агротехнического, технологического, кулинарного, медицинского, исторического, мифологического, эстетического, философского и литературного характера, отражая тем самым специфику бытового уклада нации и ценностные представления народа. Так в китайском и японском языках лакунизировано русское значение «чай – чаепитие», а также отсутствуют словосочетания «*чай с*» или «*к чаю*», например, *чай с мёдом*, т.к. чай в Китае пьют в процессе еды без каких-либо добавок. Носителям японского и китайского языков придётся объяснять такие понятия, как *самовар, сахар, лимон, молоко, пироги, варенье; друзья и беседа*. Традиции китайского чайного застолья не связаны с долгими дружескими беседами, как это принято в России. В русском языке лакунизировано значения китайского и японского языков «чай – вечнозелёное дерево с длинными листьями...»; из китайского – «подарок невесте при помолвке», «чайное масло», «чайный цветок», в китайском и русском языках отсутствует значение «чайная комната» японского языка, а значение «чайный домик» в китайском и японском языках наполнены разными смыслами.

Не включены в словари и существительные с суффиксами субъективной оценки, например, – *чаёк, чаёчек, чайничек*; на русский язык невозможно дословно перевести с китайского *chaqingse* (оливковый цвет, дословно: *чайный цвет*), *chajiug* (тёмные очки, дословно: *чайные очки*), с японского *маття* – порошкообразный чай, который употребляется при чайной церемонии [Мещеряков, 2003; Цзоу Сюецян, 2007].

При анализе лексемы ЧАЙ было выявлено четыре универсальных микрополя во всех трёх языках: «растение», «высушенные листья чайного растения», «напиток» и «чаепитие». Сравнение китайского и русского языков дало следующие результаты:

1) в китайском языке микрополе «ЧАЙ – растение» имеет сложную и многоуровневую систему и включает в себя, кроме микрополя «растение», например, *чайное дерево, маленькие ворсинки на поверхности молодого листа зелёного чая*, ещё и микрополя «место выращивание» и «человек» (сборщик чая). В русском языке микрополе «ЧАЙ – растение» отсутствует.

2) микрополе «ЧАЙ – высушенные листья чайного растения» в русском языке представлено словами *чай, заварка и чаинки*, в эту группу можно включить и подгруппу – «страна/регион-производитель»: *индийский, цейлонский, английский, китайский, грузинский*, которая отсутствует в китайском языке. В китайском языке микрополе «ЧАЙ – высушенные листья чайного растения» представлено несколькими группами:

приготовление и обработка чайного листа (*сушка, обжаривание на сковороде, окисление, вяление, накалывание* и т.п.); инвентарь для обработки чайного листа (*корзина, решётка, мельница, печь для поджаривания чайного листа*); сорта чая (*Пуэр, Кинмунг Оранж Пеко, улунский*); форма выпуска чая (*прессованный, в таблетках, в кирпичиках, плиточный, шариками* и т.д.); способ скручивания листа (*жемчужный, спиралевидный, плоский*); торговля чаем; место продажи (*рынок, лавка, лоток, магазин*). В китайском языке в данное микрополе попадает подгруппа со значением «свадебный подарок»: *дарить чай в честь помолвки, чайные подарки* (подарки семьи жениха при помолвке семье невесте).

3) микрополе «ЧАЙ-напиток» включает следующие подгруппы обоих языков, но разные по объёму и семантике: качество напитка; крепость; температура; аромат; цвет; приготовление напитка; утварь для чая; процесс; закуски к чаю; место процесса; человек, приготавливающий чай или его подающий; деньги. В русском языке отсутствует китайская подгруппа, условно которую можно назвать «напитки из чая, но не чай»: мучной кисель, миндальное молоко, чай и компот и т.д.

4) в русском и китайском языках выделяется и микрополе «чаепитие», которая отражает культуру и традиции двух народов: в китайском – чайная церемония, идущая от философии; в русском – чаепитие, отражающее важную способность чая для русского человека – согреть душу.

Фразеологизм *давать на чай* в значении «вознаграждать за мелкие услуги», чрезвычайно употребителен в русском языке (что подтверждается многочисленными примерами из русской литературы), не имеет соответствия в китайском языке.

Методический аспект. Рассмотрение СВ на уроках РКИ возможно в рамках темы «Русский быт» вместе с изучением особенностей кулинарии, гастрономии и напитков, русского застолья. Для этого на одном из уроков посмотреть подготовленный видеоматериал из фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», предварительно проработав тематическую лексику, связанную с празднованием Нового года, с винопитием и застольем. Рассмотреть сценарии застолья и его этапы: подготовка (магазин, приготовление еды), накрывание стола, застолье, беседа и т.д. Провести проектную работу: подобрать художественные произведения, видеосюжеты, песни, связанные с русским застольем.

Кроме этого ситуацию винопития на уроках РКИ можно изучать в рамках проекта «Русские национальные напитки», сравнив ситуацию чаепития и винопития в русской культуре: участников, предикаты, объект питья, закуски.

Подобная работа на уроках РКИ важна для студента другой (неевропейской) культуры, выросшего в условиях иного образа жизни, поэтому важно не только

сравнивать сведения, полученные из словаря, но и дополнять их. Кроме этого, семантизация лексики конкретной группы должна сопровождаться объяснением с привлечением исторических и этимологических сведений, что поможет сделать понятными слова, обозначающие конкретные реалии или понятия.

Итак, итоги наших рассуждений таковы. Семантическая ситуация может стать той языковой единицей, при исследовании которой будут применимы разные междисциплинарные подходы как самой науки о языке, так и других наук. В качестве перспективы можно обозначить «исторический» подход: проследить, как менялось представление, например, о винопитии или чаепитии последние сто лет; сопоставительный подход: 1) сравнить представление о винопитии и чаепитии в разных культурах; 2) сопоставить винопитие и чаепитие как семантические ситуации, их модели и репрезентации.

Список литературы

- Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка: 4166 статей / О.С. Баранов. М.: ЭТС, 1995. 820 с.
- Глушкова Т.С.* Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глушкова Татьяна Сергеевна. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 21 с.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1988. 440 с.
- Мещеряков А.Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2003. 556 с.
- Никитина Т.Г.* Так говорит молодёжь: Словарь сленга. По материалам 70-90-х годов / Т.Г. Никитина. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки / Сост., предисл., словарь, примеч., Г.Ю. Багриновского. М.: «Аграф», 2001. 480 с.
- Похлебкин В.В.* Чай и водка в истории России / В.В. Похлебкин. Красноярск: Красноярское книжное издательство; Новосибирское книжное издательство, 1995. 463 с.
- Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общей ред. Л.Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-тут рус. яз. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000. Т. 2. 670 с.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
- Цзоу Сюецян.* Лингвокультурная специфика концепта «чай» и её учёт в обучении русскому языку китайских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Цзоу Сюецян. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2007. 20 с.
- Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: Текст лекций / Т.В. Шмелева. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. 53 с.
- Tarasenko, T., Tarasenko, V.* Situation of alcohol drinking: semantic and linguistic aspects (based on the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita" and its translation into Japanese Language) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. №5 (6). P. 880-888.

Тер-Саркисян Л.А.
Ереванский государственный университет
г. Ереван (Армения)

Ter-Sargsyan Luiza
Yerevan State University
Yerevan (Armenia)

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ON ONE OF THE MEANS OF RAISING THE MOTIVATION FOR LEARNING RUSSIAN

Вследствие ситуации, обусловленной как политикой государства, так и социально-экономическими и геополитическими факторами, на первых курсах вузов имеется контингент студентов, языковая компетенция которого выявляет целый ряд проблем и у которого к тому же нет мотивации к изучению русского языка.

Следовательно, возникает настоятельная необходимость подготовки в краткие сроки (на изучение русского языка в вузах Армении выделен по учебным планам один год – первый курс обучения в бакалавриате) специалистов, владеющих нейтральной, лишённой отклонений разговорной русской речью, культурой грамотного общения в быту и в профессиональной сфере.

С этой целью нами разработано *Пособие по развитию речи*, целевой установкой которого является целенаправленное и последовательное обучение русскому языку, его простейшим грамматическим формам и конструкциям и на основе этих знаний дальнейшее обучение лексике и словарным конструкциям, которые могут быть использованы в обиходе и деловой речи.

Такое облегчённое и целевое преподавание основ грамматики и лексического запаса языка может способствовать созданию коммуникативной мотивации – потребности, которая будет способствовать студентам участвовать в общении с целью изменить свой стиль разговора, поведения и речевой культуры. повышению мотивации изучить русский язык.

As a consequence of the situation conditioned with the policy of the state as well as social-economic and geopolitical factors, in the first years of higher institutions there are groups of students whose language competence reveals a number of problems when looking at a more serious glance – that is a lower level of culture in general and the language culture in particular, poor Russian lexical knowledge, the use of a great many words-parasites in speech, violations of language norms at all levels, lack of skills for constructing the message from a simple re-telling to text reference and a number of other skills.

The formation of the language personality from all the above, whose speech would correspond to the generally accepted norms and differ by its logics, clarity, correctness and expressiveness, is rather a complex and complicated problem.

Consequently, it is strictly necessary to prepare specialists mastering fluent neutral colloquial Russian language, the culture of the educated communication in everyday life and in professional sphere without any deviations (the Armenian higher education institutions provide one year`s curriculum for learning the Russian language – the first year in baccalaureate).

For this purpose we have developed *Manual for Speech Development*, the target of which is the inculcation of an educated and reasoned speech.

We hope that the Manual targeted at the gradual mastering of the language material will bring to the creation of a communicative motivation – the necessity which will help the students to participate in the communication with the purpose of changing their style of speaking, manners and speech culture.

Ключевые слова: Разнородный контингент студентов, проблема обучения в краткие сроки, востребованность специалистов с хорошим знанием русского языка, традиционная методика преподавания, постепенное овладение речевым материалом, создание коммуникативной потребности в изучении языка.

Key words: Diverse groups of students, problem of learning in short terms, the demand for specialists with good knowledge of the Russian language, traditional methods of teaching, the gradual mastering of the language material, creation of a communicative necessity for learning the language.

Одним из аспектов проблемы обучения русскому языку, требующей разностороннего рассмотрения и безотлагательного решения является психологический аспект при изучении русского языка молодым населением Армении. Студенты-первокурсники не понимают, зачем в качестве иностранного языка они должны изучать русский. Отсюда и несерьёзное отношение к предмету. Проблема усугубляется также тем немаловажным фактором, что контингент студентов – первокурсников состоит, с одной стороны, из студентов – армян – лиц, выросших в Армении и не владеющих русским языком и, с другой стороны, юношей и девушек из семей мигрантов, вернувшихся в Армению, которые обучались в русских школах в России, однако дома говорят по-армянски. Рассмотрим проблему подробнее.

Одна часть контингента – это студенты, выросшие в Армении и умеющие в лучшем случае перевести русский текст со словарём, не имеющие элементарных навыков разговорной речи – не говоря уже о деловой и научной речи. Причины этого кроются в социально-экономической и геополитической ситуации в стране. После распада СССР сфера использования русского языка в Армении стала постепенно ограничиваться. Все русские школы были преобразованы в армянские, сократились сроки изучения русского языка в вузах, отменился показ художественных, документальных и научно-популярных кинофильмов на русском языке по основным каналам Армянского телевидения и др. – все эти мероприятия привели к большим пробелам в знаниях многих молодых людей.

И ещё один немаловажный фактор. Если в многонациональных странах, таких, например, как страны Средней Азии, Прибалтики, Украины на уровень владения русским языком оказывает влияние соседство с русскоговорящими людьми, что даёт возможность активно пользоваться русским языком в ежедневном общении, то в Армении, являющейся в основном однопациональным государством, население лишено возможности практиковаться в устной речи, может быть и не совсем правильной, – но это уже другая сторона вопроса. В свете этого лишь небольшой процент населения Армении владеет русским языком.

Кроме того, в настоящее время в Армении, как и в других странах постсоветского пространства, наблюдается следующая ситуация: при сохранении доминирования государственного языка английскому языку отводится роль языка инновационных технологий, русскому – языка межнационального общения. Поэтому выпускники школ и бакалавриатов вузов, как правило, уделяют основное внимание английскому языку, обязательному при поступлении и на большую часть факультетов вузов республики, и в аспирантуру.

Другая часть контингента студентов – первокурсников – это юноши и девушки, выросшие в России, но вернувшиеся в Армению и считающие себя практически носителями русского языка. Количество таких студентов значительно выросло за последнее время по причине реиммиграции определённой части членов армянской диаспоры на родину.

Активная иммиграция многих из армян в Россию после землетрясения, войны и других бедствий, постигших Армению на рубеже XX-XXI вв. и расселение их по всей стране привело к образованию многочисленной диаспоры. По информации Генерального консула Армении в Южном Федеральном округе РФ А. Гацяна от 10 октября 2008 г. отмечается, что “...Анализ процессов этносоциального развития армян в достаточно контрастных специфических условиях России представляет особый интерес хотя бы потому, что здесь их сейчас проживает намного больше, чем в любой другой стране за пределами Армении. За период между переписями 1989 и 2002 гг. армянское население в РФ более чем удвоилось, достигнув численности 1 млн 130 тыс. человек. А если добавить к ним армян, проживающих в России временно, то общее их количество превысит 2 млн человек. Это – практически две трети населения самой Армении”⁸ Естественно, что на процесс интегрирования в относительно благоприятную для них социальную среду большое влияние оказывали уровень образования и социального статуса.

Как пишет Ю.В. Арутюнян «... армянская диаспора в российской среде далеко не одинакова. Столичные армяне отличаются высоким социальным статусом и уровнем образования. Они выделяются не только среди своих соотечественников в других местах России, но и среди русских. Соответственно распределяются и социальные позиции. До половины из них принадлежат к числу специалистов, руководителей, предпринимателей и, соответственно, почти столько же (больше 40%) имеют высшее образование, что опережает пропорции этих групп среди русских. В других городах России, например, в Краснодаре, образованных и мобильных групп – специалистов, руководителей, предпринимателей – было намного меньше, чем в столице. Но и здесь армяне по сравнению с доминирующим русским населением в группах квалифицированного труда были представлены в достаточно весомых пропорциях». И далее: «Тут хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что речь идёт об армянах-россиянах (гражданах РФ и “старожилах”) – людях, уже утвердившихся, можно даже сказать, укоренившихся в России. Ситуация с армянами, временно проживающими в РФ, иная, и она требует отдельного исследования. Вкратце лишь отмечу, что индикаторы, характеризующие их социальный статус,

---

⁸ Арутюнян Ю.В. Армяне – россияне: опыт социально-культурной адаптации. В журн. Общественные науки и современность. Национальные отношения. 2010. № 4, С. 92.

значительно отличаются по сравнению с показателями старожилков. Достаточно сказать, что в столице, например, более половины таких приезжих занимались физическим трудом, делом куда менее привычным и характерным для армян, имеющих российское гражданство. Временно проживающие армяне в большинстве своём с известными сложностями приобщались к российской среде и были склонны к реиммиграции. Начиная с 2005 г. они стали всё чаще возвращаться на Родину».⁹

Несмотря на обучение в русских школах, студенты из семей армян, временно проживавших в России и вернувшихся в Армению, владеют языком поверхностно, это в основном разговорный, грамматически неправильный язык с использованием диалектных и жаргонных слов, свойственных неграмотной и малообразованной части русского населения.

Таким образом, у нас имеется контингент, языковая компетенция которого при более серьёзном взгляде на неё выявляет целый ряд проблем. Прежде всего, это низкий уровень культуры вообще и языковой культуры, в частности. Бедный лексический запас русского языка, использование в речи многочисленных слов-паразитов, нарушения на всех уровнях языковой нормы, отсутствие навыков построения собственного сообщения от простого пересказа до реферирования текста и целого ряда других навыков.

Формирование из вышеуказанного разнородного контингента языковой личности, речь которой соответствовала бы общепринятым нормам, отличалась логичностью, ясностью, правильностью и выразительностью при использовании традиционной системы обучения языку представляется весьма сложной и затруднительной проблемой.

Отметим также, что в настоящее время с изменением общественно – политической и экономической ситуации и расширением экономических, культурных и торговых связей с Россией в стране создаётся большое количество российских фирм, организаций и предприятий. В связи с этим значительно выросли роль и значение уровня владения русским языком, поскольку стали крайне востребованы специалисты с хорошим знанием русского языка.

Следовательно, возникает настоятельная необходимость подготовки в краткие сроки (на изучение русского языка в вузах Армении выделен по учебным планам один год – первый курс обучения в бакалавриате) специалистов, владеющих нейтральной, лишённой отклонений разговорной русской речью, культурой грамотного общения в быту и в профессиональной сфере.

---

⁹ Там же, С. 93

Однако за один год обучить русскому языку с тем, чтобы знание языка соответствовало бы всем выше перечисленным критериям и нормам, конечно, невозможно. Сложности русской грамматики и лексики, её восприятие и усвоение огромного грамматического материала требуют полного погружения в изучаемый материал, трата большого количества времени и усилий в выполнении грамматических упражнений и приобретении навыков письменной и устной речи. Следовательно, перед нами ставится задача целенаправленного и последовательного обучения языку, его простейшим грамматическим формам и конструкциям и на основе этих знаний обучение лексике и словарным конструкциям, которые могут быть использованы в обиходе и деловой речи.

Такое облегчённое и целевое преподавание основ грамматики и лексического запаса языка может способствовать повышению мотивации изучать русский язык.

С этой целью нами разработано *Пособие по развитию речи*, которое может быть использовано как в языковых и неязыковых вузах и других учебных заведениях, так и на курсах русского языка, где целевой установкой обучения является приобретение навыков правильной и осмысленной речи.

Курс *Пособия* рассчитан на один год обучения и представляет собой первый этап обучения при 2-4 часах аудиторных занятий в неделю.

Пособие состоит из *Вводного курса* (12 уроков), *Основного курса* (12 уроков) и *Приложений*.

В *Вводном курсе* проходит минимальный грамматический материал, необходимый для овладения речью, состоящей из простых двусоставных и двухкомпонентных предложений.

Грамматический материал основан на следующей тематике: Простое двусоставное предложение. Главные и второстепенные члены предложения. Связь слов в предложении. Отметим, что изложение грамматики ведётся на родном – армянском языке студентов, что, на наш взгляд, будет способствовать более полному и лучшему пониманию излагаемого материала.

Каждый урок посвящён определённой грамматической теме, которая поэтапно переходит в следующую, являющуюся логическим продолжением предыдущей.

Приведём порядок прохождения грамматических тем во *Вводном курсе*.

Урок 1.

1. Классификация предложений по структуре.
2. Классификация предложений по цели высказывания.

3. Простое двусоставное предложение. Главные и второстепенные члены. Выражение подлежащего. Типы сказуемых.

4. Составное именное сказуемое в настоящем времени.

5. Подлежащее, выраженное указательными и личными местоимениями.

6. Вопросительные предложения. Специальные вопросы с вопросительными местоимениями кто, что.

Урок 2.

1. Понятие о связи слов в предложении. Согласование.

2. Согласованное определение, выраженное притяжательными, указательными местоимениями и порядковыми числительными. Согласование определения в роде, числе и падеже с определяемым существительным.

Урок 3.

1. Согласованное определение, выраженное прилагательным.

2. Составное именное сказуемое с прилагательным в именной части.

Урок 4.

1. Подлежащее, выраженное существительным в именительном падеже единственного или множественного числа.

2. Составное именное сказуемое в прошедшем и будущем времени с именной частью, выраженной существительным или прилагательным в творительном падеже единственного или множественного числа.

3. Простое глагольное сказуемое в настоящем времени. Согласование с подлежащим в лице и числе.

Урок 5.

1. Простое глагольное сказуемое в прошедшем времени. Согласование с подлежащим в роде и числе.

Урок 6.

1. Простое глагольное сказуемое в будущем времени. Согласование с подлежащим в лице и числе.

2. Составное глагольное сказуемое в настоящем, прошедшем и будущем времени.

3. Связь слов в предложении – управление.

4. Синтаксические функции винительного падежа. Прямое дополнение.

Урок 7.

1. Употребление родительного падежа вместо винительного в отрицательных предложениях.

2. Употребление родительного падежа вместо винительного при обозначении части целого.

3. Несогласованное определение

4. Синтаксические функции беспредложных форм родительного падежа.

Урок 8.

1. Средневозвратный залог.

2. Страдательный залог. Образование страдательных оборотов с глаголами несовершенного вида. Образование страдательных оборотов с глаголами совершенного вида.

3. Синтаксические функции беспредложных форм творительного падежа существительных.

Урок 9.

1. Синтаксические функции беспредложных форм дательного падежа существительных.

2. Синтаксические функции беспредложных форм предложного падежа существительных.

Урок 10.

1. Связь слов в предложении – примыкание. Обстоятельства. Выражение обстоятельств. Синтаксические функции предложных форм падежей существительных.

2. Обстоятельства времени.

Урок 11.

1. Обстоятельства места.

Урок 12.

1. Обстоятельства образа действия, меры и степени, причины и цели, уступки и условия.

Темы из морфологии изучаются в зависимости от проходимой синтаксической темы. Например, при прохождении согласованного определения проходятся категории рода, числа существительного, родовые окончания прилагательных и их правописание, указательные и притяжательные местоимения, образование и правописание порядковых числительных и т.д. По каждой грамматической теме приводятся задания по учебному переводу с армянского языка на русский, поскольку перевод является не только средством понимания и изучения нового грамматического материала, но и способом проверки степени его усвоения.

Основная часть состоит из социокультурных текстов, содержащих информацию о разных сферах повседневного общения. Слова и выражения на русском и армянском

языках, составляющие лексико-грамматический материал темы, а также система диалогов и заданий даны с учётом коммуникативного принципа.

Каждый урок *Основного курса* включает в себя:

I. Слова и выражения по теме урока, подлежащие самостоятельному переводу их на армянский язык и заучиванию наизусть.

II. Тексты. Вначале все тексты пересказываются на армянском языке, далее предлагается выполнить все последующие задания урока и только после устной практики тексты рассказываются на русском языке.

III. Диалоги. Рекомендуется заучивать диалоги наизусть и применять их в ролевых упражнениях в группе.

IV. Лексико-грамматические пояснения с заданиями по изучению проходимого лексического и грамматического материала. Здесь проходятся наиболее трудные случаи употребления глаголов, паронимов, синонимов, некоторые типы односоставных и придаточных предложений.

V. Задания по переводу адаптированных текстов по тематике урока с армянского языка на русский.

VI. Устная практика включает в себя составление диалогов, ответы на вопросы, разыгрывание ситуаций, составление сообщений и небольших докладов и т.д.

Приводим поурочную тематику текстов:

- Урок 1. Давайте познакомимся.
- Урок 2. Семья. Родные. Друзья.
- Урок 3. Характер. Внешность. Черты лица.
- Урок 4. Комната. Квартира. Дом.
- Урок 5. Учёба. Профессия. Языки.
- Урок 6. Обязанности. Увлечения. Интересы.
- Урок 7. Распорядок дня. Привычки и обычаи.
- Урок 8. Питание дома и вне дома. Пища.
- Урок 9. Продукты питания. Одежда. Покупки.
- Урок 10. Каникулы. Путешествия.
- Урок 11. Городской транспорт. Улицы.
- Урок 12. Город. Достопримечательности.

Для обеспечения мотивации при обучении русскому языку мы исходим из следующей посылки: студенты, приехавшие учиться в Ереван из других стран или из отдалённых районов страны, обладают минимальной и крайне общей информацией о нашем городе. Мы ставим перед собой задачу открыть перед ними историю города,

эмоционально воздействовать на них через информацию о городе, дать им возможность почувствовать себя полноценными жителями города. Поэтому последние два урока посвящены истории, архитектурному стилю, транспорту и жизни в городе.

Все это направлено на повышение общей культуры студента, расширение его кругозора.

В то же время этот материал даёт возможность акцентировать внимание на трудностях русского языка, вырабатывать определённые навыки и умения, углублять языковую компетенцию студентов от расширения их языкового запаса до воспитания у них языкового вкуса.

В *Приложении 1* даны дополнительные краткие сведения о частях речи русского языка, в *Приложении 2* – основные правила по словообразованию частей речи русского языка с упражнениями. Материал приложений может быть использован по усмотрению преподавателя.

Надеемся, что *Пособие*, нацеленное на постепенное овладение речевым материалом, приведёт к созданию коммуникативной мотивации – потребности, которая будет способствовать участию студентов в общении с целью изменить свой стиль разговора, поведения и речевой культуры.

Список литературы

Арутюнян Ю.В. Армяне – россияне: опыт социально-культурной адаптации. В журн. *Общественные науки и современность. Национальные отношения.* 2010. № 4.

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Алексеева М.О.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Alekseeva Marianna
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И О СТИХАХ
ЮЛИАНА ТУВИМА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ*

PROBLEMS OF TRANSLATION OF RUSSIAN POETRY TO POLISH AND POEMS BY
JULIAN TUWIM IN RUSSIAN TRANSLATIONS

В статье рассматриваются специфические особенности польского стихосложения и связанные с ними сложности, возникающие при переводе с польского языка на русский и наоборот. Автор анализирует некоторые просодические аспекты поэтических текстов: способы рифмовки, стихотворные размеры, строфику и т.д. и особенности их реализации в польском и русском языках. Проблемы перевода русской поэзии на польский язык и польской на русский раскрываются на примере оригинальных стихов и переводов Ю. Тувима.

The article discovers specific peculiarities of Polish versification and correspondent difficulties, appearing in translation from Polish to Russian and back. Author analyzes several prosodic aspects of poetic texts: rhyme methods, meter, strophe scheme, etc. And also peculiarities of them in Polish and Russian languages. Problems of translation of Russian poetry into Polish and Polish poetry into Russian are explained based on examples of genuine poems and translations of J. Tuwim.

Ключевые слова: польская поэзия, поэтический перевод, просодика, система рифм, стихотворный размер, Юлиан Тувим.

Key words: Polish poetry, poetic translations, prosody, rhyme system, poetic meter, Julian Tuwim.

Юлиан Тувим – может быть, наиболее знаковый польский поэт, воплотивший в своих стихах хрупкость и стойкость, нежность и иронию, безнадежность и веру в лучшее, столь свойственные душе польского интеллектуала и интеллигента. Однако он проявил себя и как блистательный переводчик. Ещё в детстве прикоснувшись к великой русской литературе, он был навсегда очарован русской поэзией. Впоследствии именно Тувим познакомил польского читателя со многими русскими поэтами – от Пушкина и Грибоедова до Пастернака и Твардовского. Северин Поллак, известный литератор, издатель и переводчик, писал: «Он был одновременно самым крупным популяризатором русской поэзии в Польше и создателем современной школы перевода» [Pollak, 1952, s. 104]. В качестве переводчика Тувим всегда ставил перед собой максимально объёмные задачи и виртуозно их решал. Одарённый моцартовским (или пушкинским!) лёгким и многогранным талантом, он одинаково ярко работал во всех жанрах: был органичен и блестящ в любовной и философской лирике, в сатире и гражданской поэзии.

Юлиан Тувим был убеждён, что переводчик должен не только максимально точно передать содержание поэтического текста, скрупулёзно выстраивая стилевые и лексические соответствия, но и следовать в переводе ритму и мелодии оригинала. Как он сам писал, стихотворение «плывёт музыкально, вздымается, опадает, звучит, играет оттенками слов и скрытыми в них звучаниями, управляется логикой своей мелодии» [Тувим, 2000, с. 4], и эту мелодию переводчик обязан услышать и подхватить.

Именно в работе над русскими стихами проявился не только самобытный поэтический дар Тувима-переводчика, но и его способность подчинить свою индивидуальность строю и ритму чужой речи.

Польский язык, по сравнению с русским, существенно более традиционен. Это связано с двумя, казалось бы, взаимоисключающими явлениями: с достаточно поздней самоидентификацией поляков, с одной стороны, и с их обострённым чувством национальной принадлежности, с другой. Польский язык до сегодняшнего дня опирается на праславянские языковые реликты (результат длительного отсутствия ментальной и, соответственно, языковой самостоятельности) и тщательно и трепетно их сохраняет на протяжении всего периода своего существования и развития (демонстрация самости, сознательная консервация особенностей и отличий польского языка от других славянских языков). Можно утверждать, что в польском языке получило отражение своеобразие ментальности польского народа. И яркая иллюстрация тому – польские носовые гласные (*nosówki*). Этот праславянский реликт сохранился только в польском языке, что говорит о его приверженности старославянской традиции и – одновременно – является своеобразным знаком его исключительности в семье славянских языков и предметом особой гордости поляков¹⁰. Русский язык, в отличие от польского, на протяжении своего развития испытал на себе множество самых разнородных влияний¹¹ и существенно дальше ушёл от своих праславянских истоков.

Эти особенности во многом определили отношение к своему языку поляков и русских. Польские писатели и поэты всегда позиционировали себя как хранители уникальности языковой картины польского мира. Носители русского языка – даже

---

¹⁰ Польский язык в меньшей мере, нежели русский литературный язык, унифицирует систему склонения существительных, сохраняя у них традиционные праславянские окончания. В польском по-прежнему используются энклитические формы местоимений, формы плюсквамперфекта и условного будущего времени. Польским индивидуализмом можно объяснить и сохранение личных окончаний у глаголов прошедшего времени и в формах сослагательного наклонения.

¹¹ Можно говорить о первом, втором и третьем южнославянском влиянии, о важном периоде заимствований в Петровскую эпоху, о формировании «нового русского слога» в эпоху Н.М. Карамзина и так далее.

литераторы и лингвисты – были на порядок демократичней, мобильней и, следует признать, беспечней.

Непосвящённым может показаться, что стихотворный перевод с русского на польский (и наоборот) не представляет особых трудностей: языки родственные, их лексическое и синтаксическое сходство очевидно, зачастую переводчик может обойтись и без подстрочника. Однако профессиональные переводчики знают, что такое сходство в ряде случаев может не только не облегчать, но даже затруднять перевод: в попытках использовать аналогичную языковую конструкцию переводчик теряет стилевое и ритмическое соответствие, нарушает органичность построения фразы, грамматические и лексические нормы. Чуть позже у нас будет возможность подтвердить это конкретными примерами из переводов стихов Тувима на русский язык.

Целый комплекс сложных проблем встаёт перед переводчиком поэтических текстов с польского или на польский. Здесь мы будем говорить даже не о передаче полнообъёмного семантического содержания подлинника, а о сохранении его ритмической организации (прежде всего стихотворного размера) и системы рифм (мужских, женских, дактилических, гипердактилических).

Почти непреодолимые трудности возникают из-за разности просодий в польском и русском языках. Речь идёт в первую очередь об ударении. В русском языке ударение подвижное и может падать на любой слог, а в польском оно фиксировано на предпоследнем слоге – и исключений практически нет. Причём при изменении количества слогов в парадигме ударение почти всегда остаётся на том же предпоследнем слоге.

Эта особенность польского языка порождает массу формальных сложностей в стихотворном переводе с русского на польский.

Во-первых, дактилическая и гипердактилическая рифмы в польских стихах – явление априори невозможное. А как без неё переводить Некрасова и Лермонтова, в поэтике которых особенно ярко являет себя дактилическая рифма, или Брюсова и Маяковского, которые виртуозно использовали рифму гипердактилическую, – не говоря уже о русском фольклоре? Тувим, кстати, блистательно перевёл поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» с огромным числом дактилических рифм и пушкинскую «Сказку о попе и о работнике его Балде» с гипердактилическими рифмами.

Во-вторых, возникают определённые сложности с адекватной передачей ритмической организации стихов с мужской рифмой. В русской поэзии она используется очень активно, так как способна сообщать строфе особую энергичность, витальность – без неё невозможен знаменитый русский ямб. В польском стихосложении очень мало мужских рифм и ямбический стих используется крайне редко, что, безусловно, связано с

акцентацией: в польском мужская рифма возможна, только если в конце стиха стоит односложное слово. Согласитесь, крайне затруднительно сохранить адекватную передачу содержания, используя в концевых рифмах исключительно односложные слова! Кроме того, в любом языке число таких слов весьма незначительно. Нельзя не привести здесь высказывание самого Тувима, демонстрирующее его неподдельное отчаяние, облечённое как всегда в чуть ироничную форму: «Ограниченное количество односложных слов в польском языке плюс постоянство польского ударения (на втором слоге от конца) — сущее наказание для переводчика. Тот, кто стремится верно передать ритм оригинала (а к этому надо стремиться всегда), как правило, сталкивается с невероятными затруднениями. И лишь с помощью головоломных вывертов, хитрых приёмов, вольтов и выкрутасов удаётся довести постройку четверостишия до конца. Сколько слов приходится переставить, переделать, покалечить, укоротить или вытянуть, дабы целое вошло в тесную колею определённого ритма, достойно связалось с предыдущей и последующей строками, сцепилось бы с ними рифмой и прочно утвердилось на фундаменте последнего стиха» [Тувим, 2000, с. 6].

Однако дело не только в этом. Для польской поэзии более органична силлабическая система стихосложения, а русское стихосложение ушло от силлабического стиха уже к середине XVIII века, активно развивая и доводя до совершенства силлаботоническую систему.

Надо сказать, что Тувим-переводчик виртуозно справлялся с подобного рода сложностями. В качестве иллюстрации приведём некоторые примеры. Так, в стихотворении Константина Бальмонта «Разлучённые» [Бальмонт, 1969, с. 87] мы слышим классическую мелодию романса. Женская рифма здесь чередуется с дактилической, создавая плавный, изысканный ритм:

Наклонюсь ли я, полный печали,	Czy spoglądam ze smutkiem, z tęsknotą,
О, печали глубоко-мучительной! —	О, z tęsknotą głęboką, bezkresną!
Над водой, над рекой безглагольной,	W głębię rzeki, w toń wód onemiała,
Безглагольной, безгласной,	Onemiała, bezgłośną, bolesną
томительной...	[Balmont, 1921, s. 25].

Переводчик заменил дактилическую рифму женской – это, естественно, изменило ритмический рисунок и придало стихотворению несколько иную мелодию, но не лишило его романсового обаяния и задушевности.

Стихотворение Бальмонта «Тишина» [Бальмонт, 1969, с. 61] построено только на мужской рифме, и Тувим, несмотря на трудности подбора односложных слов, сумел её сохранить во всех четырёх строках перевода. В оригинале лишь немногие строки

завершаются односложным словом, а в переводе – все без исключения. Приведём только одно четверостишие:

Задремавшая река	Odzwierciedla głębia wód,
Отражает облака,	Cichy, blady odcień chmur,
Тихий, бледный свет небес,	Cichy, ciemny, senny bór
Тихий, тёмный, сонный лес.	[Balmont, 1921, s. 13].

Jaśń obłoków, modry cud,

Здесь переводчик воссоздал бальмонтовскую хореическую стопу и ямбическую рифму при том же количестве стоп. В последнем двустишии благодаря общности польского и русского языков удалось сохранить даже авторскую синтаксическую конструкцию и аллитерацию.

Экстремально сложной для перевода является пушкинская «Сказка о попе и о работнике его Балде» (Wajka o porcie i jego parobku Jołopie) – с её неожиданными ритмическими перебивками и многообразием рифм. Во имя сохранения общего звучания, смысла и стиля переводчик вынужден идти на серьёзные жертвы. Вот только один пример:

Черти стали в кружок,	Nie ma co — zebrali czarci wszystkie myta,
Делать нечего - собрали полный оброк.	Niesie Jołop worek na plecach, zębami zgrzyta.
Идёт Балда, покрякивает,	Zobaczył go pop – skoczył za popadnię,
А поп, завидя Балду, вскакивает,	Łydki mu się trzęsą, ledwo ze strachu nie upadnie
За попадью прячется,	
Со страху корячится	[Puszkin, 1954, s. 207].

[Пушкин, 1960, с. 307-308].

Ритмическая организация строфы у Тувима столь же прихотлива, как и у Пушкина, но при этом оригинал и перевод существенно различаются и просодически, и структурно – меняется строфика, число стоп, размер. И вместо мужской, дактилической и гипердактилической рифм в польском переводе используется только женская. Обращает на себя внимание, что Тувим «перевёл» и имя главного героя сказки: Балда в польском тексте зовётся Jołop (тупица, остолоп, олух, болван). Действительно, это необходимая мера – очевидно, что в данном случае имя героя в переводе обязательно должно вызывать тот же комплекс ассоциаций, что и в оригинале.

Поэзия Юлиана Тувима всегда была созвучна рефлектирующей русской душе. Надо сказать, что Тувима в России переводили довольно активно – однако, совсем не так хорошо и полно, как хотелось бы, несмотря на то, что его стихи привлекали внимание очень крупных поэтов – Анны Ахматовой, Марии Петровых, Давида Самойлова, Леонида Мартынова. Много поколений российских детей выросли на его детских стихах – знаменитые «Азбука» или «Птичье радио» до сих пор помнятся наизусть. А в более

романтическом возрасте мы заслушивались тувимовским «А может, нам с тобой в Томашев сбежать хоть на день, мой любимый...» в исполнении прекрасной и грустной Эвы Демарчик.

Но всё же во всей красоте и глубине Тувим в русских переводах раскрывается редко. Ведь перевод с польского требует особых усилий, особых переводческих навыков, особого музыкального слуха и особой душевной лабильности.

Переходя от общих картин к конкретике, поговорим об очень известном стихотворении Юлиана Тувима «Rzuciłbym to wszystko...». [Tuwim, 1980, s. 26-27] На первый взгляд польский текст кажется прозрачным и ясным как по форме, так и по содержанию. И в представленном русском переводе содержание передано вполне достоверно, а вот форма... (Здесь и далее в представленных переводах подчёркивания выделяют некорректные слова и фразы, явные смысловые несоответствия или неудачные рифмы):

Rzuciłbym to wszystko, rzuciłbym od razu,
Osiadłbym jesienią w Kutnie lub Sieradzu.

W Kutnie lub Sieradzu, Rawie lub Łęczycy,
W parterowym domu, przy cichej ulicy.

Wyłoby tam ciepło, ciasno, ale miło,
Dużo by się spało, często by się piło.

Tam koguty rankiem na opłotkach pieją,
Tam sąsiedzi dobrzy tyją i głupieją.

Poszedłbym do karczmy, usiadłbym w
kaćiku,
Po tym, co nie wróci, popłakał po cichu.

Pogadałbym z Tobą przy ampułce wina:
"No i cóż, kochana? Cóż, moja jedyna?"

Żal ci zabaw, gwaru, tęskno do stolicy?
Nudzisz się tu pewno w Kutnie lub
Łęczycy?"

Nic byś nie odrzekła, nic, moja kochana,

Słuchałabyś wichru w kominie do rana...
I dumiała długo w lęku i tęsknicy:
– Czego on tu szuka w Kutnie lub Łęczycy?

Покинуть бы это однажды решиться,
Осенним бы делом заехать в Ленчицу.
В Серадзе иль Раве, Ленчице иль Кутно
Нашёл бы домишко и зажил уютно.
Тепло бы там было, мы б печку топили,
И поздно бы спали, и сладко бы пили.
Там кочеты утром поют на заборах,
Соседи глупеют в пустых разговорах.
Пошёл бы в харчевню, засел в уголочек,
О том бы поплакал, чего не воротишь.
Тебе бы промолвил, винца наливая:
– Ну что, дорогая? Ну что, золотая?
Соскучилась, видно, грустишь по
Варшаве?
Небось, надоело в Серадзе иль Раве?
А ты бы в ответ не сказала ни слова,
Всё слушала б жалобы ветра ночного,
И думала б долго, смежая ресницы:
– Чего он здесь ищет, в Серадзе, в
Ленчице?

Сразу возникает ряд вопросов, главный из которых – почему тувимовский мягкий и зыбкий хорей с многочисленными пиррихиями переводчик заменил на жёсткое, регулярное стаккато амфибрахия? Ради чего? Давид Самойлов – а это именно его перевод – большой поэт и замечательный, тонкий переводчик, всегда бережно относящийся к тексту оригинала. Возможно только одно объяснение: недостаточно зная польский язык,

он неверно прочёл первую строчку: здесь один из редких случаев, когда ударение, всегда в парадигме падающее на предпоследний слог, здесь смещается и оказывается на третьем слоге с конца - гзусіѡум. Если поставить ударение, как в абсолютном большинстве случаев, на предпоследний слог, то схема стиха будет выглядеть так: - / - - / - - / - - / - (четырёхстопный амфибрахий), а на самом деле она выглядит так: / - ( ) - / - / - ( ) - / - (шестистопный хорей с двумя пиррихиями).

Кроме того, Самойлов использует два некорректных для русского языка оборота: «осенним бы делом заехать» и «поздно бы спали». Первый невозможен априори, а второй нарушает смысловую связь глагола с наречием – спать можно «долго», но нельзя спать «поздно». А нежно-интеллигентное обращение к лирической героине «любимая, единственная» почему-то заменяется фольклорно-цыганским «дорогая, золотая», что вместе со словом «харчевня» окрашивает текст определённым образом.

Два других перевода этого же стихотворения, в отличие от самойловского, в целом сохраняют хореический размер, но вызывают другие нарекания. Первый перевод принадлежит Эрнсту Левину, а второй – Надежде Далецкой. Сразу бросается в глаза отсутствие естественного течения речи, органичного и свободного рождения стиха – оба русских текста стихотворения демонстрирует отчётливые следы насилия, принуждённости:

Бросить бы всё это, бросить бы не глядя,
Поселиться осенью в Кутно иль Серадзе.

Разом бы покинуть всё, всё покинуть разом
И осесть бы осенью в Кутно иль в Серадзе.

В Кутно иль Серадзе, в Раве иль Ленчице,
В тихом переулке, в хатке поселиться.

В Кутно иль в Серадзе, в Раве ли, в Ленчице,
В доме низкорослом, тихом приютиться.

Было б там уютно, тесновато малость,
Хорошо пилося бы, хорошо дремалось.

Тесно бы там было, но тепло и мило,
И спалось бы сладко, хорошо бы пилося.

Петухи бы утром на заборах пели,
Добрые соседи пухли и глупели.

Петухи там утром глотки не жалеют,
Добрые соседи, сдобные, глупеют.

Сел бы я за столик в кабачке напротив
И оплакал тихо то, что не воротить.

Я в корчму пошёл бы в закуток приткнуться,
Тихо бы оплакал дни, что не вернутся.

У тебя спросил бы, отхлебнув вина, я:
"Ну и что ж, любимая? Что ж, моя родная?"

Поболтал с тобой бы, чарку наливая:
«Ну чего, голубка, что, моя родная?"

Жаль тебе веселья, гомона столицы?
Ты, небось, скучаешь в Кутно иль Ленчице?"

Жалко шума, блеска и забав столицы?
Скучно тебе, верно, в Кутно иль в Ленчице?"

А моя родная, слова не ответив,
До утра бы слушала в дымоходе ветер

Ты в ответ, ни слова так и не ответив,
Слушала б, как плачет, жалуется ветер.

И с тоскою думала, опустив ресницы:
"И чего он ищет в Кутно иль Ленчице?"

– Надо же такому, - думала, – присниться!
– Что он ищет в Кутно, что забыл в Ленчице?"

Каждый из этих переводов по-своему не совершенен: есть очевидные потери на уровне формы, стиля, смысла – и, увы, русской грамматики.

А теперь, абстрагируясь от конкретных достоинств и недостатков представленных переводов, зададим себе вопрос: а переводимо ли это стихотворение в принципе? То есть возможна ли *полноценная* передача – любыми способами! – всего объёма смыслов и коннотаций, содержащихся в его тексте?

Обращает на себя внимание, что формальная, и смысловая структура стихотворения построена на чередовании четырёх топонимов. Это названия маленьких польских местечек, расположенных в географическом центре Польши (в Лодзинском воеводстве), но удалённых от столицы страны – Варшавы. Именно в этих городках сохранилось не только то неспешное течение жизни, которого совершенно лишён светливый городской быт, но и та квинтэссенция «польскости», которая неизбежно размывается в столичном космополитизме. Для польских читателей каждое название – Кутно, Серадз, Рава, Ленчица – наполнено особенными историческими и культурными коннотациями и содержит целый букет разного рода ассоциаций (в том числе и глубоко личных, индивидуальных – поляки прекрасно знают свою страну). Тувим в одной из своих статей предостерегал: в переводе ни в коем случае «не следует недооценивать этих факторов, этой подсознательной деятельности образов и ощущений!» [Тувим, 2000, с. 8] Но все эти смыслы невозможно выявить, не будучи носителем польской культуры. Простого знания языка здесь явно недостаточно.

Эти маленькие даже по польским меркам городочки расположены как бы по окружности, на некотором отдалении от города Лодзи, в котором прошли детство и юность автора, – так что в стихотворении разворачивается глубоко личная история. Мы же из этого текста способны понять только, что речь идёт о глухой провинции, которая для нас абсолютно лишена какого бы то ни было обаяния. А для лирического героя, тождественного автору рефлектирующего интеллигента, эта внешне бессмысленная и лишённая энергетики жизнь – возможность вернуться к самому себе. Лирический герой стихотворения мечтает уехать из столицы, полной развлечений и шума (*zabaw, gwaru*), сбросить с себя шелуху пёстрой столичной круговерти, однако его любимая, без которой гармония в жизни героя невозможна, совершенно не разделяет его стремления жить тихой жизнью в глухой провинции. (Очень, кстати, пушкинская ситуация!). И для неё слова Кутно, Серадз, Рава, Ленчица звучат совершенно иначе – бессмысленно и скучно (как и для русского читателя). А автор настойчиво чередует в тексте названия этих городков, как бы перебирая их в памяти, ибо они для него наполнены особой музыкальностью и нежностью. (Так же, как и упоминание в уже цитируемом стихотворении маленького

города Томашев, который расположен в том же регионе) Для Тувима эти названия символизируют некий личный «потерянный рай» - отсюда тихо-безнадёжная интонация стихотворения: герой знает, что никогда не вернётся в эти места – и никогда не будет спокоен и счастлив.

Таким образом, можно говорить о двух семантических пластах стихотворения: об очевидном смысловом наполнении традиционной дихотомии «столица-провинция» и о множестве неочевидных смыслов, содержащихся в противопоставлении «*Варшава – Кутно, Серадз, Рава, Ленчица*». Первый семантический пласт универсален и легко считывается в переводе: в любой европейской стране есть вполне определённые (и сходные) приметы жизни в многолюдном столичном городе и в тихом провинциальном городишке. А вот второй семантический пласт в переводе остаётся не наполненным вовсе: названия эти ничего не говорят ни сердцу, ни уму русского человека, более того, их форма, их звучание чужеродно и даже неблагозвучно для русского уха. И с этим ничего нельзя поделать! Это же не вымышленная станция под названием Chandra Unyńska, которая легко перекладывается на русский. И не до боли созвучный русской душе Mordobijski powiat из знаменитой «сентиментальной поэмы» Тувима «Пётр Плаксин», который Лев Бондаревский так и вписывает в русский текст: «Мордобойский повет». И правильно делает, потому что – при полноценном сохранении семантики – этот топоним сообщает русскому тексту особую «польскую» окрашенность:

На станции «Смертная Скука»,
Что в Мордобойском повете,
Телеграфист Пётр Плаксин
Играть не умел на кларнете.

Na stacji Chandra Unyńska
Gdzieś w Mordobijskim powiecie,
Telegrafista Piotr Płaksin
Nie umiał grać na klarnecie.

К сожалению, четыре польских топонима из стихотворения «Rzuciłbym to wszystko...» нельзя сделать значимыми для носителей русского языка и органичными для русского слуха. И мы не можем заменить Кутно, Серадз, Раву и Ленчицу на Муром, Вологду, Кострому и Тарусу, которые вызывают у нас множество национально-исторических, культурно-художественных и эмоционально-личностных ассоциаций. Получается, что даже при гипотетическом – идеальном, безупречном! – переводе основная часть плана содержания стихотворения теряется, и потеря эта – невозполнима. Сам Тувим совершенно не обольщался возможностью достижения адекватности перевода. Стихотворение (если это не грубая версификация, а подлинное произведение искусства) – это очень хрупкий мир, сплетённый из сложных образов, еле уловимых звуков и запахов, неосознанных ассоциаций, чувств и воспоминаний. Вся эта сложнейшая структура воплощена в конкретной языковой системе и закодирована в очень небольшом объёме текста.

Увы, поэзия непереводаема. Но можно создать по-своему прекрасное отражение чужого поэтического мира, обладая вкусом, душой и талантом. И, конечно, стихотворный перевод – особенно, если речь идёт о гениальных стихах, – это кропотливая и трудоёмкая работа. Как писал Юлиан Тувим, стихи надо «разложить на составляющие кубики, разрезать, как картонную головоломку, и только после этого в поте лица старательно приладить фрагментик к фрагменту, чтобы все прилегало — пусть переделанное, опоященное, но все-таки, если не точно такое же (ибо сие недостижимо), то разительно похожее, вернее говоря, бесконечно приближающееся к идеалу совершенства, то есть к оригиналу» [Тувим, 2000, с. 10].

Список литературы

- Бальмонт К.* Стихотворения. Л., 1969. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. Том третий. Поэмы. Сказки. С. 306-307.
- Тувим Ю.* «Четверостишие в работе» / *Czterowiersz na warsztacie* / пер. А. Эппель, Polska, Warszawa: Instytut Książki, Новая Польша, 2000, № 6, С. 3-17
- Balmont, Konstanty.* *Briusow Walery* Liryki / Julian Tuwim, Towarzystwo Wydawnicze “Ignis”, Warszawa, 1921.
- Pollak S.* Nad nowym przekładem «Eugeniusza Oniegina», «Nowa Kultura», 1952, № 50, 115 s.
- Puszkina, A.S.* Dzieła wybrane. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, tt. I—VI, 1953—1954. Tom II. Poematy i baśnie / *J. Brzechwa*, *M. Jastrun*, *S. Pollak*, *J. Tuwim*, 1954, 318 s.
- Tuwim, J.* Siódma jesień, Czytelnik, Warszawa, 1980, S. 26-27.

Анисимова А.Г.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Anisimova Alexandra
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
И ТЕРМИНОВ БАНКОВСКОГО ДЕЛА)*

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF TRANSLATION: A CASE STUDY OF POLYSEMANTIC
ECONOMIC AND BANKING TERMS

Данная статья посвящена проблеме перевода англоязычных полисемантических экономических терминов и терминов банковского дела. Автор показывает, что зачастую терминологические словари регистрируют все значения слова – и терминологические, и нетерминологические. Существуют также случаи, когда полисемантический английский термин обретает в русском языке такой вариант перевода, что превращается в моносемантический. Авторы словарей также нередко порождают "ложную полисемию" тем, что в включают в одну словарную статью термины-омонимы из других отраслей знания и, следовательно, из других терминологических систем. В целях оптимизации процесса перевода авторам-составителям терминологических словарей было бы целесообразно определять рамки семантических полей и не выходить за их пределы, включая в профессиональные терминологические словари только специальные термины данной области знания.

The present article deals with the translation of English polysemantic economic and banking terms. The author states that terminological dictionary-compilers more often than not do include not only terminological meanings but also general language ones. There are also cases when an English polysemantic term is given one translation equivalent in a terminological dictionary, which turns it into a monosemantic term. Sometimes, terminological dictionary-compilers trigger "false polysemy" by including into one entry homonymous terms from other terminological systems. In order to optimize the translation process, it would be advisable to define the semantic fields of the terminology under consideration and, consequently, to include only specific terminological meanings found within the defined boundaries if one compiles a truly terminological dictionary.

Ключевые слова: информативный срок, срок многозначные, одноименный термин, эквивалентный перевод, ложных полисемии, терминологических систем, семантическое поле, оптимизации процесса перевода.

Key words: monosemantic term, polysemantic term, homonymous term, translation equivalent, false polysemy, terminological systems, semantic field, optimization of the translation process.

Проблеме полисемии и омонимии в терминологии посвятили свои труды многие учёные, самыми авторитетными из которых являются фундаментальные исследования А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, О.С. Ахмановой, Н.Б. Гвишиани, С.В. Гринева, В.М. Лейчика, В.А. Татарина, С.Д. Шелова, М.Н. Володиной.

В технических и естественных науках проблема полисемии не стоит столь остро, как в науках гуманитарных и общественно-политических. Что же такое полисемия? Ответ на этот вопрос сформулирован М.Н. Володиной: "Под многозначностью термина следует понимать внутреннюю способность (языкового знака) термина как элемента данного подязыка (отрасли) одновременно обозначать два и более (научных) понятий одной или разных семантических категорий (общезыковых семантических классов именуемых объектов), терминируемых в языке науки и техники <...>. Эта способность одного термина выражать два или более понятий в системе понятий данной отрасли рассматривается как общезыковая закономерность, обусловленная взаимосвязью понятий и определёнными формально-логическими отношениями сходства, смежности или партитивности в структуре одного термина [Володина, 1998]. С.В. Гринев предлагает своё видение данной проблемы: "Название нескольких понятий, в особенности принадлежащих к одной предметной области, с одной лексической формой является одной из важных терминологических проблем, поскольку оно встречается практически во всех областях знания и приводит к многозначности и неточности значения термина, что затрудняет общение специалистов и учёных"[Гринев, 1993].

Действительно, по многочисленным оценкам количество полисемантических терминов варьируется, но в среднем составляет от 15% до 25% в различных терминологических системах.

В терминологии банковского дела картина несколько иная, но не менее сложная. Вот лишь один пример из Oxford Dictionary of Finance and Banking:

account –

- 1) a statement of indebtedness from one person to another; an invoice;
- 2) a named segment of a ledger recording transactions relevant to the person or the matter named. Accounts consist of two sides: increases are recorded on the one side and decreases on the other;
- 3) an account maintained by a bank or a building society in which depositor's money is kept;
- 4) a period during which dealings on the London Stock exchange were formerly made without immediate cash settlement. Up to the end of each account, transactions were recorded but no money changed hands. Settlement of all transactions made within an account was made ten days after the account ended;

5) in an advertising, marketing, or public-relations agency, a client of an agency from whom a commission or fee is derived, in return for the services.

Англо-русские словари дают следующие варианты перевода:

Новый англо-русский банковский и экономический словарь (Федоров Б.Г., 2000.):

- 1) счёт; банковский вклад;
- 2) счёт, бухгалтерская запись, статья в бухгалтерской книге;
- 3) отношения между брокером и клиентом по купле-продаже ценных бумаг;
- 4) операционный период на лондонской фондовой бирже;
- 5) клиент.

Англо-русский экономический словарь (Жданова И.Ф., Вартумян Э.Л., 2001):

- 1) счёт, запись на счёт
- 2) финансовый отчёт
- 3) англ. период, когда биржевые сделки заключаются с закрытием позиции в расчётный день; амер. запись брокера о сделках, совершенных по поручению клиента;
- 4) pl. отчётность;
- 5) pl. бухгалтерские книги;
- б) pl. деловые книги.

Очевидно, что значения, данные в *Oxford Dictionary of Finance and Banking*, не полностью совпадают с русскоязычными эквивалентами.

Объясняя явление полисемии, учёные ссылаются на разные причины. По нашему мнению, наиболее глубинными являются две, а именно:

"The most important reason for the terminological problems found in the social sciences arises, I believe, from the reluctance of social scientists to accept *neologisms*, i.e. new words, phrases or acronyms that can unambiguously name a concept. Because of this reluctance, new meanings are often stipulated for old words, leading to polysemy. Since most of these words are borrowed metaphorically from ordinary language vocabulary, it is easy to confuse their original senses with the various specific meanings arbitrarily assigned to them by different scholars... Paradoxically, an author who re-defines a familiar word somehow expects readers to remember its newly stipulated meaning, whereas a neologism will be remembered" [Riggs, 1983]. Данную точку зрения разделяют многие западные учёные-терминоведы, такие как, например, John C. Catford, Jaques Maurais, J.R. Firth, Peter Fawcett, Andrew Chesterman, E. Hexner, R.T. Bell.

В отечественном терминоведении взгляды на эту проблему достаточно разные, однако, учёные единодушно выделяют две основные причины: либо появление нового

понятия, имеющего сходные черты с понятием, называемым данным термином, либо развитие и видоизменение понятия, вызывающее необходимость в расщеплении семантики называющего его термина.

Традиционная точка зрения на проблему полисемии/омонимии терминов такова: термины, совпадающие по форме, но имеющие разные значения в рамках одной терминосистемы, являются полисемантическими, если такая же картина наблюдается в двух разных терминосистемах, то мы имеем дело с омонимами.

Однако на практике, терминологические словари, основной целью которых является оптимизация процесса перевода, напротив, только усложняют данный процесс. Так, например, авторы словарей включают так называемые "ложные" значения полисемантических терминов. Например, в словаре Oxford Dictionary of Finance and Banking. Oxford University Press термин "currency" имеет четыре значения:

Currency –

1. any kind of money that is in circulation in an economy;
2. anything that functions as a medium of exchange, including coins, banknotes, cheques, bills of exchange, promissory notes;
3. the money in use in a particular country;
4. the time that has to elapse before a bill of exchange matures.

Однако, если мы сравним первое и третье значения данного термина, то расхождений вовсе не обнаружится – действительно, экономику или народное хозяйство можно рассматривать только с позиций принадлежности той или иной стране.

Далее, в том же словаре нередко не разносятся по отдельным статьям глаголы и существительные, что также порождает "ложную полисемию":

Downstream –

1. to borrow funds for use by a subsidiary company at the better rates appropriate to the present company, which would not have been available to the subsidiary company.
2. denoting the respondent bank in an arrangement with a correspondent bank.

Помимо этого, многие науки и отрасли знания пересекаются, а, следовательно, пересекаются и системы терминов. Если говорить о терминологии банковского дела, которое является частью экономики, то зачастую словари, которые позиционируют себя как Dictionary of Banking Terms, включают общеэкономические значения, делая, таким образом, термин полисемантическим:

Exposure –

1. total amount of credit committed to a single borrower, or to a single country if external debt is considered.

2. in foreign exchange and futures market trading, the potential risk for suffering a gain or loss from fluctuations in market prices.

3. bank's risk of suffering a loss when it credits a customer's account before funds are collected from the payer.

Действительно, термин "exposure" – полисемантический, имеющий два различных значения. Так для чего же включать ещё одно значение, никак не связанное с деятельностью банков в словарь, как, например, это делает Thomas P.Fitch. в словаре Dictionary of Banking Terms.

Хотя "идеальный" термин должен быть независим от контекста, на практике именно контекст помогает дифференцировать значения полисемантических терминов. Более того, иногда словари под понятием "контекст" имеют в виду саму сферу применения термина. Так, например, в словаре Barron's Dictionary of Banking Terms приводится полисемантический, по мнению автора, термин и указываются сферы его употребления, а, следовательно, и различные значения в этих областях:

ability to pay: capacity to meet future obligations from earnings or income.

1. **banking:** a borrower's capacity to make principal and interest payments from disposable income. When making loans, lenders look closely at a credit applicant's current salary and expected future earnings, and at an organization's cash flow from conversion of assets into cash.

2 **securities, municipal bonds:** the issuer's capacity to generate sufficient income from taxes of other sources, based on property taxes, bond rating, and so on.

3. **finance:** the ability to meet debt service payments on bonds and other long-term obligations.

Интересно отметить, что в авторитетном словаре Б.Г. Федорова "Новый англо-русский банковский и экономический словарь» данный термин также включён, как полисемантический. Однако, все три значения, приведённые в англо-русских словарях, переведены одним термином "платёжеспособность", а второе значение, которое автор включает в словарь, не зарегистрировано в таких авторитетных изданиях, как "Oxford Dictionary of Finance and Banking" и "Barron's Dictionary of Banking Terms". Ниже следует перевод этого термина в словаре Б.Г. Федорова:

ability to pay – способность платить:

1. способность выполнять обязательства, обслуживать долг;
2. концепция налоговой политики, при которой ставка налога меняется в зависимости от дохода или богатства (прогрессивное налогообложение).

Есть также случаи, когда словари искусственно увеличивают количество значений полисемантических терминов, как, например, тот же Б.Г. Федоров включает перевод значения, вовсе не существующего в терминологии (ни в общей экономической, ни в частной), но присутствующего в общелитературном языке:

acquisition –

1. addition of new accounts through marketing, resulting in deposit growth or new money. Deposit growth is accomplished by direct mail promotion, advertising, in-branch promotions, and so on;

2. takeover of one company by another through a purchase acquisition, a mostly cash transaction, or a pooling of interests in which two banks agree to swap common stock.

Перевод, данный в словаре Б.Г. Федорова, таков:

- 1) приобретение;
- 2) поглощение компании путём приобретения контрольного пакета её акций;
- 3) привлечение новых клиентов, счетов с помощью рекламы, маркетинга.

Следует отметить, что другие словари [Коваленко, 1994] регистрируют лишь два значения данного термина. Следовательно, зачастую терминологические словари регистрируют все значения данного слова – и терминологические, и нетерминологические – тем самым усложняя проблему, так как в английском языке, в целом, и в терминосистемах, в частности, и так содержится значительное количество полисемантических терминов.

Итак, термины зачастую бывают моносемантически в рамках одной терминосистемы, отражая в своём значении одно явление или понятие данной области. Лексикографы, видимо, стремясь к совершенству, нередко регистрируют значения, и не относящиеся к данной области знания.

Так, по словам С.В. Гринева: «Расширение масштаба работ по межъязыковой унификации значений терминов и практика подбора эквивалентов иноязычным терминам в научно-техническом переводе вскрыли явление скрытой многозначности термина, когда однозначному термину <...> соответствуют в другом языке два или более близких по значению, но явно разных термина» [Гринева, 1993].

Существуют случаи, когда полисемантический английский термин обретает в русском языке такой вариант перевода, что превращается в моносемантический. Рассмотрим это на примерах экономической терминологии:

asset management –

1. the management of the financial assets of a company in order to maximize the return on the investments.

2. an investment service offered by banks and some other financial institutions.

account history –

1. summary of a deposit account's activity, including interest earned, during a particular period;

2. summary of transaction activity by a credit card or other open-end credit account, including late payments, overlimit activity, average daily balance, etc.

Однако в англо-русском экономическом словаре И.Ф. Ждановой и Э.Л. Вартумян эти термины имеют лишь одно значение, а именно:

asset management – управление активами;

account history – история счета.

Данный случай не единичен. Подобное явление наблюдается с такими экономическими терминами, как *firm commitment* – твёрдое обязательство, *grace period* – льготный период, *interest-rate margin* – процентная ставка, которые утрачивают одно из своих значений, превращаясь таким образом в моносемантические термины.

Анализ показал, что в четвёртом издании *Barron's Dictionary of Banking Terms* из 3000 терминов примерно 12% зарегистрированы как полисемантические. Для терминосистемы такое количество терминов-полисемантов достаточно велико. Если же взять для сравнения Новый англо-русский банковский и экономический словарь Б.Г. Федорова, то в нем из 15 000 терминов полисемантические составляют примерно 5%.

Итак, наряду с тем, что определённое количество терминов в разных терминосистемах действительно являются полисемантическими, авторы-составители словарей могут либо усложнить, либо упростить картину. Анализ показал, например, что в терминологии банковского дела примерно 50% терминов, которые в словарях указаны как полисемантические, на самом деле не являются таковыми в рамках данной терминосистемы. Действительно, в разных областях экономики (финансы, бухгалтерский учёт и т.д.) эти термины развивают другие значения (зачастую с одной общей семьей), что, естественно, отражается в переводе. Но в рамках указанной системы эти термины

являются моносемантическими, а, следовательно, по классификации О.С. Ахмановой – это омонимы. Так, например, экономический термин **fee** – a charge for services performed развивает разные значения в терминологии банковского дела и в терминологии гражданского права, а именно:

1. **Banking.** A lender's charge for making credit available, for example, a commitment fee. Also, charges for non-credit services, such as a trust department's allowance or commission.

2. **Estates.** An inheritable estate in land, usually referred to as a fee simple estates.

В словаре Фитча этот термин указан как моносемантический для разных отраслей экономики. Б.Г. Федоров в своём словаре регистрирует следующие значения данного термина:

fee – плата, комиссия, гонорар, вознаграждение:

1. плата (комиссия) за услугу; проведение операции в виде процента от цены или фиксированной суммы (может устанавливаться в ходе переговоров, например, оплата услуг юристом или аудиторов);

2. плата за учёбу в частной школе или университете;

3. чаевые;

4. сбор, пошлина;

5. вступительный взнос в клуб;

6. абсолютное право собственности; право наследования без ограничений.

В данном случае объяснимо наличие большего количества значений, так как словарь Б.Г. Федорова – экономический, т.е. включающий все разделы экономики. На наш взгляд, неправомочно лишь включение нетерминологических значений (плата за учёбу, чаевые, вступительный взнос в клуб). Учащимся затруднительно, например, перевести следующее предложение: *Violation of any of representations or warranties would justify invalidation of the memorandum and withholding payment of the signing fee* [10], используя словарь Б.Г. Федорова. Действительно, что такое "signing fee" – гонорар, плата, комиссия или вознаграждение? В банковском деле есть термин "бонус за подписание", который, к сожалению, не указан ни в словаре Б.Г. Федорова, ни в одном другом из приведённых словарей.

Известный терминолог Ladislav Zgusta (University of Illinois) так комментирует эту проблему: "only the technical meanings or terms themselves are accepted as entries and in the case of polysemantic words, only the technical-terminological senses are indicated, the other, non-terminological senses being passed over in silence"[Zgusta, 2006].

На практике, однако, данный принцип зачастую нарушается. Действительно, в каких целях Dictionary of Banking Terms включает значения терминов-омонимов из других – хотя и родственных – понятийных систем? Так, например:

allowance:

1. **Accounting.** An account for adjusting the value of an asset through charges to current income; reserve for depreciation
2. **Banking.** loan loss reserve for anticipated charge-off of bad debt.
3. **Trusts.** A probate court's award' to a fiduciary, for example, a widow's allowance.

Следует отметить, что наряду с вышеупомянутыми случаями, терминосистемы действительно имеют в своём составе полисемантические термины, как, например:

affiliate:

1. organization owned or controlled by a bank through stock ownership, or whose officers are directors of a bank holding company or financial holding company;
2. company owned by a federally insured bank or bank holding company that performs services such as credit card processing or data processing for financial institutions;
- 3 financial institution that issues MasterCard International or Visa International debit cards and credit cards. Also called agent bank.

В словаре И.Ф. Ждановой и Э.Л. Вартумян этот термин переводится "как дочернее предприятие, дочерняя компания". Словарь также даёт вариант "филиал", который бы более соответствовал термину "branch". Так или иначе, большинство словарей дают вариант "аффилированное лицо", или "аффилированная компания", что подтверждается реальным функционированием данного термина:

The present Agreement constitutes the entire agreement among the Parties relating to the subject matter hereof, and supersedes any prior agreements and understandings between the Parties or their Affiliates as to the subject matter hereof.

Настоящий Договор представляет собой полный объем договорённости между сторонами в отношении предмета настоящего Договора и заменяет и отменяет все предшествующие соглашения, и договорённости между сторонами и их Аффилированными Лицами в отношении предмета настоящего Договора.

Однако, термин **affiliate** имеет ещё одно значение, к сожалению, не включённое в исследованные словари. На сайте www.bankofamerica.com приводится следующий текст:

Bank of America's investment affiliate offers comprehensive, professional brokerage services to help you address your investment needs.

В данном случае более подходящим эквивалентом перевода был бы вариант "инвестиционные отделения" – термин, широко применяющийся российскими специалистами.

Существуют ещё более сложные случаи, когда на явление полисемии накладывается терминологическая синонимия, нарушающая "the law of the sign", когда одно и то же понятие называется по-разному:

bank statement –

1. **report of condition** – financial statement disclosing a bank's income and condition of its balance sheet, filed quarterly with its primary regulator. These statements are also available on request for public inspection;

2. **customer's account** - statement of deposits, withdrawals, transaction activity, and bank service charges, usually made monthly.

Таким образом, полисемантический термин **bank statement** имеет два значения, причём в обоих случаях существуют синонимичные способы выражения этих понятий. Контекст в этом случае играет решающую роль:

The only way to unburden yourself of volumes of multi-page bank statements is to stop spending so much money-which is not such a bad idea. But if that's simply out of the question, the next best thing is to learn how to read your monthly bank statement and reconcile it against your checkbook and savings passbook [10].

В англо-русских словарях данный термин имеет следующие эквиваленты:

1. выписка из банковского счета;
2. счёт прибылей и убытков.

Зачастую разные словари по-разному определяют один и тот же термин. Так, например, термин **current account** в Oxford Dictionary of Finance and Banking указан как полисемантический, имеющий следующие значения:

- 1) an active account at a bank or building society into which deposits can be paid and from which withdrawals can be made by cheque;
- 2) the part of the balance of payments account that records non-capital transactions;
- 3) an account in which intercompany or interdepartmental balances are recorded;
- 4) an account recording the transactions of a partner in a partnership that do not relate directly to his or her capital in the partnership.

В словаре Barron's Dictionary of Banking Terms этот же термин представлен как моносемантический:

current account – portion of the balance of payments consisting of exports and imports of goods and services, as well as transfer payments such as foreign aid grants.

В англо-русских терминологических экономических словарях представлены два эквивалента данного термина: 1) текущий платёжный баланс 2) текущий счёт.

Исследования показывают, что наиболее частотным способом перевода терминов в экономической терминологии в целом, и в терминологии банковского дела, в частности, является беспереводное заимствование зачастую сопровождающееся дескриптивным переводом: **aval** – аваль, гарантия по векселю.

Термины, заимствованные из общелитературного языка и созданные на основе метафоры, обычно калькируются:

bullet – облигация "пуля";

upstream – "вверх по течению".

В двухкомпонентных атрибутивных терминах один элемент может иметь лексический эквивалент, а второй являться беспереводным заимствованием:

account hold – чековый холд.

Хотя многие учёные-терминоведы считают, что поток беспереводных заимствований в целом отрицательно сказывается на развитии национальных языков, тем не менее многие другие терминологи и терминографы полагают, что процесс беспереводных заимствований обогащает язык. С их точки зрения, количество национальных элементов в терминосистемах должно быть минимизировано, так как интернациональные термины в большой степени способствуют укреплению связей и облегчают общение между специалистами.

С нашей точки зрения, в данных утверждениях нет никакого противоречия. Действительно, в настоящее время правительства многих стран озабочены сохранением родного языка из-за бесчисленных англоязычных "монстров", наводняющих национальные языки. С другой стороны, интернациональные термины действительно укрепляют терминосистему, всецело способствуя её унификации. Но это утверждение верно лишь по отношению к действительно интернациональным/интерлингвистическим терминам и совершенно неприменимо в отношении "псевдо-интернациональной" лексики и беспереводных заимствований, например, таких как: симультаннный профит, девелопер, овердрафт, посы (points of cash), которые засоряют и размывают наш родной язык.

Список литературы

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация. М., 1998, 71 с.

Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993, С. 100-104.

Riggs, F. Social Science Terminology: Basic Problems and Proposed Solutions. Amsterdam, 1983, 200 p.

Zgusta, Ladislav. Lexicography Then and Now. Selected Essays. (Lexicographica. Series maior 129. Edited by Fredric S.F. Dolezal and Thomas B.I. Creamer). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006, 14 p.

Словари

Аникин А.В. Англо-русский словарь по экономике и финансам. СПб.: Экон. шк., 1993.

Бобылев Ю.А. Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках. М., 1992.

Жданова И.Ф., Вартумян Э.Л. Англо-русский экономический словарь / English-Russian Economic Dictionary. М: Русский язык, 5-е издание, 2001.

Коваленко Е.Г. Англо-русский словарь банковской терминологии. М.: Центр "Наука и техника", 1994.

Королькович В.А., Королькович В.Ф. Англо-русский бизнес словарь. М.: Юрист, 2000.

Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2000.

Oxford Dictionary of Finance and Banking, 3rd Edition, Market House Books Ltd. 2005.

Thomas P. Fitch. Dictionary of Banking Terms. N.Y.: Barron's, 2000.

www.bankofamerica.com

www.ms.money.com

<http://www.cronicle.com>

Артемяева Ю.В.

Миронов Н.С.

Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

г. Москва (Россия)

Artemyeva Yulia

Mironov Nikolay S

University of Mechanical Engineering (MAMI)

Moscow (Russia)

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ИЛИ ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

THE ADEQUACY OF TRANSLATION OR TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO RUSSIAN

В статье рассматривается адекватность перевода и перевод с русского языка на русский. Автор рассматривает соотношение единицы смысла как единицы перевода с референциальным аспектом и сравнивает различные варианты перевода. Статья посвящена русскому языку и очищению его от суррогата. В ней также представлены различные примеры ненормативного русского языка, взятых из различных источников.

The article covers the adequacy of translation, and translation from Russian into Russian. The author considers links between meaning as a unit of translation and referential aspect and compares different variants of translations. The article is devoted to Russian language and its purification. There are several examples to demonstrate unprintable Russian language from different sources.

Ключевые слова: перекодировка образов, адекватность перевода, референциальный аспект, референциальный компонент, интерференция.

Key words: the transcoding of concepts, the adequacy of translation, referential aspect, referential component, interference.

Перевод, как известно, существует испокон веков, его сущность состоит в означении, овнешнении (Е.Ф. Тарасов), перекодировке образов, смыслов, знаков. По словам известного лингвиста, одного из основоположников отечественного переводоведения, А.В. Фёдорова, переводом является передача письменной или устной речи средствами другого языка. Разные языковые системы имеют свои особенности, которые часто ставят в тупик переводчиков при передаче смысла оригинального текста. Процесс перевода всегда сопровождается референцией, которая возникает на базе нескольких семиотических систем, что в свою очередь нередко приводит к интерференции – влиянию одной языковой системы на другую. Успешное преодоление негативных последствий этого влияния – залог получения полноценного перевода, адекватного оригиналу. Однако для достижения адекватного перевода необходимо одинаково хорошо владеть всеми теми знаковыми системами, с которых и на которые

делается перевод. Всё это является прописными истинами для людей, серьёзно занимающихся процессом перевода. Но довольно часто, особенно в последнее время, встречаются примеры недопонимания и халатного отношения к результату перевода. И в первую очередь это касается случаев перевода на русский язык. Так, например, при переводе с английского языка на русский студентами допускаются ошибки стилистические, грамматические и даже лексические в два раза чаще, чем при переводе с русского языка на английский. Речь в данном случае идёт о старшекурсниках, родной язык которых – русский. Сравнивая их работы по материалу темы “THE EXPLORATION OF SPACE” [Алимов, Артемьева; 2011, с. 140-148], была отмечена разница в качестве перевода с английского языка на русский и обратно почти у всех обучаемых. При переводе с английского языка трудность для студентов состояла в подборе лексического материала и грамматических конструкций, что в итоге повлияло на стиль текста перевода. Его анализ показал, что в подавляющем большинстве (83-85% обучаемых) справляются с передачей смысла, но стиль (грамматика и лексика) перевода далеки от желаемого результата. При последовательном переводе на слух наблюдались те же затруднения у обучаемых в разных студенческих группах и вузах одного уровня подготовки (4, 5 курсы очной формы обучения, 6 курсы – заочной формы обучения). Для того чтобы подтвердить фактически наличие серьёзной проблемы, было проведено изложение на русском языке с восприятия на слух английского текста у тех же респондентов. Несмотря на то, что текст был взят из художественной литературы – фрагмент романа Ж. Верна «Путешествие на Луну», изложение на русском языке было написано только удовлетворительно. Ошибки были допущены всевозможные: от фактических до пунктуационных, часто встречалось нарушение лексической сочетаемости слов, что свидетельствовало о невысоком уровне владения родной речью, что и требовалось доказать.

При проверке сочинений по литературе (в течение всего года по 10 темам), а также контрольных работ по русскому языку (диктанты и грамматические задания и задания по развитию речи) в колледже были выявлены мной неутешительные результаты: лишь 15-20% успешно справились с работой среднего уровня сложности. Наблюдение проводилось в течение пяти лет. В результате был накоплен богатый материал, в том числе и в виде неподражаемых фраз и высказываний обучаемых, часть из которых приводится ниже и может быть использована в работе для обучения редактированию.

Скажу так: я вёл себя тактично и без дурасти, с чувством совести и достоинства.

Всем нужно сдерживать свои эмоции, но даже если захочешь применить активность и дерзость, то запомни, что дело и смелость – вещь привходящая.

Проблему отцов и детей можно назвать вечной, но особенно она обостряется на переломные темы: развития общества, старшие и младшие поколения становятся в противоречие двух разных эпох. В нём (романе) изображён конфликт отцов и детей, который выходит далеко за семейные дела.

Кирсанов человек внешне привлекательный, он носит белые рубашки, лаковые сапожки, бывший светский лев, некогда шумевший в столичном обществе, он сохранил свои привычки у брата в деревне.

В произведении говорится о том, как сельская девушка Татьяна Ларина влюбилась в Евгения Онегина, любящего себя, бабника, лицемера, но, несмотря на это, начитанного и умного.

Татьяна верила в приметы, увидя кота, умывающего лапкой рыльце, разглядела верный знак – едут гости.

Она описывалась как женщина дубинноголовая.

Пушкин был человеком высоким, благородным и страстно отзывавшимся на всё, что происходит в жизни.

Искусство соединило Пушкина со своими друзьями.

Но это было не только большой радостью, но и вдохновением, которое дало сильный поэтический всплеск эмоций.

Мне Пушкин ближе как поэт.

Друзья Пушкина были несколько людьми, с которыми он щедро делился своими мыслями и чувствами.

Он пишет о верной дружбе, которая сквозь пространство и время соединяет разлучных друзей, сводит их в тайных кругах.

Пушкин принадлежал к поколению, на долю которого выпали и Отечественная война 1812 года, и воспитание декабристов в 1825 году.

Пушкину же посвящены стихотворения, написанные поэтом в лицее, например, «Воспоминание», в котором поэт называет его «мой брат по чаще», описывает весёлую студенческую пирушку.

У каждого человека есть люди, которых можно называть друзьями.

Дружбу Пушкин понимал не только как отношения, возникающие между двумя людьми.

Она знает местную жизнь до тонкостей, поэтому она может всем помочь вовсе без никакой магии.

В «отцах и детях» заключительный момент эпилога – описание природы сельского кладбища – является окончательным доказательством несостоятельности базарской теории.

Он всегда предвзято и ровно относился к женщинам, но, увидев на балу образ Анны Сергеевны Одинцовой, у него что-то встрепенулось в душе.

Он смотрит взглядом наблюдателя.

Евгений Базаров – представитель противоположного лагеря – нигилистов. Изобразив это, Тургенев как бы предсказывает разную направленность нигилистических взглядов.

Кирсанов-старший – англоман, который не отступает от своих устаревших правил, он самоуверен и принципиален. Его белые руки, на которые Тургенев обращает внимание, не допускают физического труда.

Главный герой романа «Отцы и дети» – Базаров не вкусил плоды своего страшного чувства.

Обломов – обычный дворянин, хотел создать обломовщину, но в связи с его смертью этого не случилось, и Штольц занял его место.

Такое положение дел свидетельствует о небрежном отношении к родному языку, что, безусловно, должно не просто настораживать, но и заставлять предпринимать контрмеры по улучшению владения русским языком. Для развития устной речи существует достаточное разнообразие форм и методов в современной лингводидактике. Важно воспользоваться ими правильно и своевременно. На занятиях студенты не должны испытывать трудностей при переходе с одного языка на другой, а доля их говорения должна быть «подавляющей» по сравнению с предлагаемым материалом или самим преподавателем. В таком случае положительный результат гарантирован, а скорость его наступления будет зависеть от лингводидактического материала, предлагаемого преподавателем, усердия и одарённости обучаемых.

Так, для проработки определённой темы лучше придерживаться известной в отечественной лингводидактике схемы: английский вариант текста с лексикой (в любой форме – устной или письменной) и перевод с русского на иностранный (также любая форма, в том числе, диалоги). Как показывает практика, чем больше прорабатывается

студентами тема, тем лучше она усваивается и запоминаются грамматические конструкции и лексический материал.

Для поддержания интереса к изучаемому и родному языкам обучаемым полезно предлагать творческие задания. Причём, приоритетными считаю переводы на русский язык художественных текстов, в том числе стихотворных произведений. Это заставляет студентов думать, напряжённо и постоянно, подбирая необходимый материал, слова, фразы, предложения; рифмуя, если находится подходящая рифма, или просто передавая смысл, как он понят. Также изложение и сочинение небольших объёмов на изученную тему, диалоги раскрывают потенциал каждого обучаемого, тренируют его память, создают навыки и умения, а успешность при ответах влечёт за собой повышение интереса к изучаемому предмету. Данный факт был неоднократно мной фиксирован.

A Dream Within A Dream by

Edgar Allan Poe

Take this kiss upon the brow!

And, in parting from you now,

Thus much let me avow –

You are not wrong, who deem

That my days have been a dream;

Yet if hope has flown away

In a night, or in a day,

In a vision, or in none,

Is it therefore the less gone?

All that we see or seem

Is but a dream within a dream.

Сон во сне Эдгар По

Перевод Ижболдиной Александры 1 курс

Прими мой поцелуй прощальный в лоб

Тебя сейчас, увы, я покидаю,

Так что признаться должен тебе в том,

Что не ошибся тот, кто полагает,

Что моя жизнь была всего лишь сном.

Уж если и надежды нет в тебе –

Ушла она бесследно и незримо

Или при свете дня и осязимо –

Уходит с ней всё мелкое, весь тлен.

Всё, что мы видим, кажемся ли чем,

Есть просто сон во сне.

В данном примере студентка продемонстрировала свой подход, хотя уже есть переводы данного стихотворения известных поэтов-переводчиков. Анализируя перевод Ижболдиной Александры, нетрудно заметить её знакомство с переводами, но это говорит прежде о заинтересованности её и желании сделать не хуже, что достойно похвалы. Чем больше будут студенты читать и знакомиться с образцами перевода и русской речи, чем чаще, тем лучше будет их собственная речь и переводы на русский язык.

СОН ВО СНЕ

(Перевод К. Бальмонта)

Пусть останется с тобой
 Поцелуй прощальный мой!
 От тебя я ухожу,
 И тебе теперь скажу:
 Не ошиблась ты в одном, –
 Жизнь моя была лишь сном.
 Но мечта, что сном жила,
 Днём ли, ночью ли ушла,
 Как виденье ли, как свет,
 Что мне в том, – её уж нет.
 Все, что зрится, мнится мне,
 Все есть только сон во сне.

Я стою на берегу,
 Бурю взором стерегу.
 И держу в руках своих
 Горсть песчинок золотых.
 Как они ласкают взгляд!
 Как их мало! Как скользят
 Всё – меж пальцев – вниз, к
 волне,
 К глубине – на горе мне!
 Как их бег мне задержать,
 Как сильнее руки сжать?
 Сохранится ль хоть одна,
 Или все возьмет волна?
 Или то, что зримо мне,
 Все, есть только сон во сне?

СОН ВО СНЕ

(Перевод В. Брюсова)

В лоб тебя целую я,
 И позволь мне, уходя,
 Прошептать, печаль тая:
 Ты была права вполне, –
 Дни мои прошли во сне!
 Упованье было сном;
 Все равно, во мгле иль днем,
 В дымном призраке иль нет,
 Но оно прошло, как бред.
 Все, что зримо в мире мне,
 Или мнится, – сон во сне.

Стою у бурных вод,
 Кругом гроза растёт;
 Хранит моя рука
 Горсть зернышек песка.
 Как мало! Как скользят
 Меж пальцев все назад...
 И я в слезах, – в слезах:
 О Боже! Как в руках
 Сжать золотистый прах?
 Пусть будет хоть одно
 Зерно сохранено!
 Все ль то, что зримо мне
 Иль мнится, – сон во сне?

СНОВИДЕНЬЕ В
 СНОВИДЕНЬИ

(Перевод М. Квятковской)

Печально лоб целую твой,
 Но прежде чем прощусь с
 тобой,
 Поведаю тебе одной...
 Да, ты не зря твердила мне
 Что жизнь моя течет во сне,
 Но, если нет надежды боле,
 То - ясным днем иль при луне
 Она ушла – не все равно ли,
 Во сне ушла иль не во сне?
 Все, что несут нам сон и
 бденье,
 Лишь сновиденье в
 сновиденье.
 ...Стою на берегу морском,
 У ног – прибоя вечный гром,
 И бережно держу в руках
 Песчинок золотистый прах,
 А он сквозь пальцы, как струя,
 Стекает в море бытия -
 И горько, горько плачу я!
 О Боже! Что ж моя рука
 Не может удержать песка?
 О Боже! Где мне силы взять
 Хоть бы песчинку удержать?
 Ужели всё – и сон, и бденье –
 Лишь сновиденье в
 сновиденье?

В последнее время мы чаще обращаем внимание на ошибки, сделанные в переводе на английский язык. Но ведь неграмотная русская речь вызывает не меньшую, а большую досаду и даже стыд за своего соотечественника, небрежно относящегося к своему родному языку. Все мы прекрасно осознаём, что язык человека – это средство его самоидентификации, самоопределения в социокультурном и этническом мире. И если у студентов ещё есть время и возможность исправить недостатки владения родным языком, то люди, выставляющие на всеобщее обозрение постыдно исковерканный русский язык достойны прилюдного порицания.

Так, например, мы часто встречаемся с выражениями, вызывающими недоумение и непонимание в рекламе, вывесках на магазинах, других учреждениях так называемого соцкультбыта. Эти случаи становятся всё более частыми и вызывают большую озабоченность в связи с явным небрежением к правилам нашего языка. К тому же этот

факт подчас демотивирует покупателя. Возможны ли штрафы для недобросовестных владельцев лавок, где по-русски написано следующее?

На продаже имеется мужской обуви. Есть сюрприз.

Чай из травы. Сырой материал: трава из Китая. Назначение: для горла хорошо. Кровь пойдёт. Предупреждение гриппу.

Пожалуйста стенной шкаф бумага бросать.

Осторожно!!! Я КЧШЧ.

Безусловно, интерес к россиянам как покупателям возрастает с каждым днём. Но это не значит, что русский язык представляет собой гуттаперчу и его можно использовать, невзирая на правила и нормы. На территории России соблюдение норм и правил использования русского языка защищается законом, но, к сожалению, что-то не припоминаю, кто и когда понёс заслуженное наказание за нещадную эксплуатацию русского языка! Возможно выпускать рекламу, книги, фильмы, листовки и другую продукцию, в которой русский язык, выступающий как средство донесения информации, не является таковым априори: принято игнорировать правила и нормы литературного языка, как будто его не поймут «потребители». Так, например, Визуальный словарь. М.: РИПОЛ классик, 2010. 1192 с.

«Каждое слово, включённое в словарь прошло все этапы тщательного отбора лексического материала. Часто для обозначения одного и того же понятия используются разные слова. В подобных случаях приводится слово, наиболее часто употребляющееся известными авторами».

Словарь отпечатан в Гонконге, поэтому качество изготовления и качество иллюстраций выше всяких похвал. Что же касается перевода некоторых слов, то начнём с названия – «Визуальный словарь». Крайне неудачная калька с оригинала – Visual Dictionary. С точки зрения русского языка, словарь следовало бы назвать Иллюстрированным.

Стр.14, 15: написано по-русски – установочный круг склонений. Написано по-английски – declination setting scale. Скорее всего это горизонтальная шкала настройки.

написано по-русски – установочный круг прямого восхождения. Написано по-английски – right ascension setting scale. Скорее всего это вертикальная шкала настройки.

Стр.20: написано по-русски – фотоаппарат с 35-мм плёнкой. Написано по-английски – 35 mm still camera. Неужели в космосе до сих пор используется фотоаппарат с 35-мм плёнкой?

Стр. 22: написано по-русски – ферменная конструкция. Написано по-английски – truss structure. Скорее всего это просто ферма.

Стр. 49: написано по-русски – область разгрузки подземной реки. Написано по-английски – resurgence. Скорее всего это бассейн подземной реки.

Стр. 51: написано по-русски – аллювий. Написано по-английски – alluvial deposits. Скорее всего это речные наносы или вынос почвы речным стоком.

Стр. 57: написано по-русски – томболо (перейма). Написано по-английски – tombolo. Согласно словарю – песчаный перешеек, песчаная коса.

Стр. 61: написано по-русски – меса. Написано по-английски – mesa. Согласно словарю – плоский холм, останец.

Стр. 61: написано по-русски – вади. Написано по-английски – wadi. Для араба – это понятно, а в России это высохшее русло реки.

Стр. 80, 82: написано по-русски – ископаемое горючее. Написано по-английски – fossil fuel. Следовало бы написать – сжигание ископаемого топлива (горючего). Английский вариант может быть – combustion of fossil fuel.

Стр. 82: написано по-русски – утечка окиси азота. Написано по-английски – nitrogen oxide emission. На самом деле это выбросы окиси азота.

Можно продолжать приводить примеры, однако суть понятна и комментарии излишни.

Таким образом, понятие адекватности и полноценности носит оценочный характер, поэтому является субъективным. Однако и в этом случае можно говорить о соблюдении необходимых требований в переводе, благодаря которым можно получить объективную картину о качестве перевода. При наличии определённых знаний, соответствующих пособий и словарей можно сделать адекватный или полноценный перевод любого текста. Но не следует делать самому перевод, изобретая в очередной раз велосипед, если уже имеется известный и всеми принятый вариант, а также чтобы не попасть впросак, как это случилось с переводчиком, которого в качестве примера приводит в своей книге «Высокое искусство» К.И. Чуковский. Переводя с немецкого языка книгу, автор перевода не обошёл стороной и эпиграф. Очевидно, не узнав строки из пушкинской «Полтавы»:

Богат и славен Кочубей, Его поля необозримы,

Там табуны его коней пасутся вольны, нехранимы.

Вокруг Полтавы хутора окружены его садами.

И много у него добра мехов, атласа, серебра и на виду, и под замками.

в немецком переводе, переводчик с немецкого на русский перевёл их следующим образом:

*Был Кочубей богат и горд, Его поля обширны были,
И очень много конских морд, мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили.*

Приводя этот курьёзный случай, Корней Иванович Чуковский заметил, что если бы мы вздумали знакомиться с творчеством Пушкина по этому переводу, то автор бы предстал перед нами «дубиноголовым кретином». Вот так сурово была оценена работа переводчика, не догадавшегося просто процитировать самого А.С. Пушкина.

При переводе с одного языка на другой заглавий статей, названий книг, рассказов, новелл, эссе, стихотворений необходимо сначала прочитать весь текст, все произведение, чтобы составить себе представление, о чем идёт речь. Только тогда можно полноценно и адекватно перевести заголовок или название. Например:

The Sportsman

*There was a little man, and he had a little gun,
And his bullets were made of lead, lead, lead;
He went to the brook, and shot a little duck,
Right through the middle of the head, head, head.*

*He carried it home to his old wife Joan,
And bade her a fire for to make, make;
To roast the little duck he had shot in the brook,
And he'd go and fetch her drake, drake, drake.*

После прочтения стихотворения (автор которого неизвестен) название его можно и нужно перевести как «Охотник», хотя перед знакомством с текстом название его можно было перевести иначе.

Полноценность и адекватность перевода авторского текста очень хорошо можно проследить на примерах перевода стихотворения, поскольку структура поэтической речи допускает «уход за текст».

Для этих целей можно взять поэзию Роберта Бёрнса (1759-1796 гг.), изобилующую просторечными формами, стилистически больше подходящую к разговорному языку со сниженной лексикой (что затрудняет её адекватный и полноценный перевод). Большую часть жизни Роберт Бернс прожил в Эйршире (Ayrshire), обширной области на юго-западе

Шотландии, омываемой с запада заливом Ферт-оф-Клайд (Firth of Clyde). Холмы и долины Эйршира с востока на запад пересекают воспетые Бернсом реки Эйр, Дун, Ир-Клайд. В языковом отношении в творчестве Бернса можно выделить четыре группы произведений: на шотландском языке (большинство произведений); на английском языке; на шотландском языке с использованием местного диалектального просторечия; на английском литературном языке с использованием английского просторечия (достаточно редко встречается в творчестве). Шотландский язык сложился не на основе кельтских (гэльских) говоров, на которых говорили предки современных шотландцев – скотты, бритты и пикты (некоторые исследователи считают, что пикты – докельтское население Британии), на основе северного (ранее – нортумбрийского) диалекта среднеанглийского языка. Для лексики шотландского диалекта характерно:

- обилие слов, отличающихся от соответствующих английских как по форме, так и по значению;
- значительное количество слов, совпадающих с английскими по форме, но отличных по значению;
- специфическая сочетаемость и значительное количество несвободных словосочетаний, имеющих специфический смысл.

Поэтому при переводе Роберта Бернса мало изучить английский язык или шотландский вариант с просторечными формами, необходимо знать особенности словоупотребления, референциальную ситуацию, способы соотнесения (референцию) с действительностью. И если, увидев название “The Twa Dogs. A Tale”, можно догадаться, что речь идёт о двух собаках, то как перевести правильно “Ye hae lien wrang, lassie” («Ты не там спала, где надо» – С.Я. Маршак; «Не там ты, девушка, легла» – В. Федотов) без специальных лингвокультурологических знаний невозможно. Ye – ты (you), hae – have, lien – lain, wrang – wrong, lassie – noun, Colloquial. Scottish informal a LASS: *Who’s that wee lassie over there?* – Scottish a girl or young woman [MACMILLAN English DICTIONARY FOR ADVANCED LEARNERS. International Student Edition:800].

Сравнивая переводы стихотворного произведения Р. Бёрнса, можно отметить разницу референциального компонента, вызванного разными причинами. Художественный текст позволяет использовать различные средства художественной выразительности – тропы и стилистические фигуры, которые «в руках» различных авторов по-разному используются. Пунктуационные знаки, особенности языка как системы (например, тема-рематическое членение предложения, порядок слов)

накладывают свой отпечаток на референциальный аспект текста, затрудняя или упрощая понимание того, о чём идет речь.

Рассмотрим примеры перевода фрагмента стихотворного произведения Р. Бёрнса:

The Jolly Beggars. A Cantata.

Recitativo –

When Iyart leaves bestrow the yird,
Or wavering like the Bauckie-bird,
Bedim cauld Boreas' blast;
When hailstones drive wi' bitter skyte,
And infant Frosts begin to bite,
In hoary cranreuch drest;
Ae night at e'en a merry core
O' randie, gangrel bodies,
In Poesie-Nansie's held the splore,
To drink their orra duties:
Wi' quaffing, and laughing,
They ranted an' they sang;
Wi' jumping, an' thumping,
The vera girdle rang.

Robert Burns

Весёлые нищие. Кантата.

Речитатив

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорождённый мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, –

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

С. Маршак

Весёлые нищие

КАНТАТА

Речитатив

Уж листья жёлтые с ветвей
Летят на землю, и Борей
Деревья голые качает;
Луга одел покров седой,
И уж морозец молодой
Порядочно кусает.
Вот в эту пору вечером
Кружок весёлой братии нищей
Собрался к Пузи Нанси в дом
Попировать за скудной пищей
И весело пропить своё
Последнее тряпье.
Хохочут они и горланят,
И песни поют, и свистят,
И так по столам барабанят,
Что стены харчевни дрожат.

П. Вейнберг

Голь гулящая

КАНТАТА

Речитатив

Когда, как рой нетопырей,
листву пожухлую Борей
по воздуху гоняет,
когда морозец молодой –
от инея уже седой

Весёлые нищие

Листва набегом ржавых звёзд
Летит на землю, и норд-ост
Свистит и стонет меж стволами,
Траву задела седина,
Морозных полдней вышина
Встаёт над сизыми лесами.
Кто в эту пору изнемог
От грязи нищенских дорог,
Кому проклятья шлют деревни:
Он задремал у очага,
Где бычья варится нога,
В дорожной воровской харчевне;
Здесь Нэнси нищенский приют,
Где пиво за тряпье дают.
Здесь краж проверяется опыт
В горячем чаду ночников.
Харчевня трещит: это топот
Обрушенных в пол башмаков.

Э. Багрицкий

Весёлые попрошайки

КАНТАТА

Речитатив

Когда прозрачная листва покинет сад,
Волной подхваченная так, как стайка птиц,
Порывом северного ветра – вперёд-назад;
Когда, покинув свой приют, и с неба вниз
На землю мёрзлую град сыпаться начнёт,

и за щеки щипает,
тут к Дусе-Нансе в поздний час
весёлые Галахи –
бродяжъя братья собралась
пропитья до рубахи.
Буянили, горланили
и пели, кто о чем,
и хлопали, и топали,
аж плоски ходуном.
С. Петров

А в дыры на одежде молодой мороз
Пролезет и начнёт кусать всерьёз,
Под вечер, ближе к ночи станет лёд,
Укрыться на ночлег придёт черед,
Тогда ватага храбрецов, кто нищ и гол,
Пошлѣпает в таверну, чтоб сесть за стол;
Грязнуля-Нэнси там приветит всех,
И будет клубом дым и громом смех.
И опрокинув чарки чередой,
Завяжут разговор между собой
Горластые пропойцы-мужики,
Которым и лохмотья не с руки:
Все отдадут, пропьют, повеселятся всласть,
А нашумевшись, упадут, где им пришлось упасть.
Ю. Артемьева

К сожалению, всё чаще мы слышим суррогат вместо русской речи. Говорить правильно и красиво на русском языке в последнее время немодно. Необходимо прививать моду на наш замечательный, неповторимый русский язык, подаривший миру возможность ощутить всю полноту человеческих переживаний, красоту природы, возможность освоить сложнейшие технологии и понять людей, которые говорят на этом несравненно богатом поговорками, пословицами, присказками языке. Нельзя дать погибнуть такому пласту человеческой культуры!

Список литературы

- Алимов В.В., Артемьева Ю.В.* Специальный перевод: Практический курс перевода. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 208 с.
- Бёрнс Роберт.* Стихотворения. М.: Радуга, 1982. 708 с.
- Визуальный словарь. М.: РИПОЛ классик, 2010. 1192с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы: для ин-тов и фак-тов иностр яз-в. Уч. пособие. 5 изд. СПб., Филологический ф-т СПб. ГУ; М.: ООО Изд. дом «Филология три». 2002. 416 с.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2008. 448 с.
- MACMILLAN English DICTIONARY FOR ADVANCED LEARNERS. International Student Edition. Cover design by Conor Mangat of Boag Associates, London, 2006. 1692 p.
<http://www.dominus.ws>

Виейра Годинью Соареш Н.
Португальский центр всемирной истории
Центр истории культуры
Новый лиссабонский университет
г. Лиссабон (Португалия)

Vieira Godinho Soares, Nataliya
Portuguese Centre for Global History/
Centre of the History of Culture
Nova University of Lisbon
Lisbon (Portuguese)

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ В ИСПАНСКО-РУССКИХ И РУССКО-ИСПАНСКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРЕНИНГАХ

APPLICATION OF ELECTRONIC CORPORA IN SPANISH-RUSSIAN AND RUSSIAN-SPANISH TRANSLATOR TRAININGS

Обучение переводу на основе электронных корпусов продолжает оставаться во внимании учёных (Baker, 1993; Bower, 2000; Lavish, 2002; Zanettin и др., 2003; Corpus Pastor, 2008; Kruger, 2011; Gallegos Hermáned, 2012). Одной из важных причин применения электронных корпусов в переводческих тренингах является возможность «создать атмосферу» практики переводческой деятельности. Так как различные типы электронных корпусов содержат примеры из письменных и устных аутентичных текстов, они являются подходящими ресурсами, например, для выявления лингвистических калек и переводческих эквивалентов, обнаружения различий между лингвистическими моделями Я1 и Я2, что оказывает существенное влияние на результаты перевода, способствует совершенствованию профессиональных навыков посредством интерпретации культурно-обусловленных концепций.

В статье демонстрируются примеры упражнений, основанные на электронных корпусах, которые могут быть использованы в испанско-русских и русско-испанских переводческих тренингах. Предложенные упражнения, базируемые на ресурсах испанских корпусов *Corpus del Español*, *Corpus de referencia del español actual (CREA)* и *Национального корпуса русского языка*, сосредоточены на следующих аспектах: исследования семантической совместимости и подбор переводческих эквивалентов, прямой анализ переводческих эквивалентов, подбор синонимов, практика синхронного перевода.

Corpus-based translation studies has continued to be explored (Baker, 1993; Bowker, 2000; Laviosa, 2002; Zanettin et al, 2003; Corpas Pastor, 2008; Kruger, 2011; Gallego Hernández, 2012). One of important reasons of the application of corpus-based resources in translator trainings is to help learners 'to immerse in the reality' of translation practice. As different types of electronic corpora content samples from written or oral authentic texts, they are suitable resources for discovering language patterns and translation equivalents, finding L1 – L2 contrasts that impact on translation outcomes, and improving professional skills through interpreting culturally-bound concepts or specific vocabulary.

The present paper demonstrates a number of corpus-based activities that may significantly support Spanish-Russian and Russian-Spanish translator trainings. These activities are based on the resources of the *Corpus del Español*, *Corpus de referencia del español actual (CREA)* and *Russian National Corpus* and focused on the following aspects: investigations of semantic compatibility and selection of translation equivalents, direct analysis of translation equivalents, synonym selection, simultaneous interpreting.

Ключевые слова: электронные корпуса, переводческие тренинги, испанско-русский/русско-испанский перевод.

Key words: electronic corpora, translator training, Spanish-Russian/Russian-Spanish translation.

В научной литературе можно встретить различные толкования понятия «корпус». Это латинское слово появилось ещё до возникновения компьютеров. В настоящей статье корпус определяется как «коллекция письменного или устного материала в машиночитаемой форме, собранная для целей лингвистического исследования» [Oxford Dictionaries, 2011], либо «большая коллекция аутентичных текстов, которые были собраны в электронном виде в соответствии с определённым набором критериев [Bowker & Pearson, 2002, р. 9] (*перевод мой – Н.В.*). Первоначально электронные корпуса использовались исключительно в лингвистических исследованиях. На сегодняшний день, в связи с разработкой многочисленных многоязычных, параллельных и мультимедийных корпусов, их применение получает широкое распространение в других целях, среди которых – изучение иностранных языков и переводческая деятельность.

В конце прошлого столетия, когда корпусная лингвистика начинала активно развиваться, учёные только строили гипотезы о потенциальных преимуществах использования корпусов в переводоведении. Например, один из известных представителей и основателей корпусной лингвистики, Джон Синклер, высказал мнение о том, что «новые корпусные ресурсы должны иметь глубокое влияние на переводы будущего. Попытки машинного перевода, последовательно демонстрируют лингвистам, что они не знают достаточно о языках в отношении осуществления приемлемого перевода. В принципе, корпусы могут предложить такую информацию» [Sinclair, 1992, р. 395] (*перевод мой – Н.В.*). На современном этапе использование корпусов в переводоведении привлекает внимание всё большее число исследователей, изучающих данную область в различных направлениях: возможные виды корпусов, которые могут быть созданы с помощью текста источника и переведённого текста [Baker, 1998], применение корпусной методологии в переводоведении [Shlesinger, 1998], потенциальные преимущества использования корпусов в обучении переводу [Zanettin, Bernardini, Stewart, 2003].

Применение электронных корпусов в обучении иностранным языкам и переводческих тренингах имеет ряд преимуществ. Корпус – эффективное средство для подготовки дидактических материалов.

Технически электронные корпуса обладают насыщенным многофункциональным интерфейсом, что обуславливает скорость поиска, систематизацию и наглядность материала, возможность запроса статистических данных относительно употребления той или иной лексической единицы. «Основным преимуществом корпуса как источника упражнений является скорость подборки примеров. Благодаря этому преподаватель может найти необходимый иллюстративный материал или составить нужное упражнение непосредственно перед занятием – в связи с конкретной поставленной перед учащимися проблемой, обнаружившейся лакуной в знаниях студентов или в качестве ответа на вопрос, возникший на семинаре» [Добрушина, 2009, с. 336].

Содержательно электронные корпуса могут предложить обширную базу данных из широкого разнообразия источников, представляющие примеры аутентичного дискурса, различающиеся по времени опубликования и воспроизведения; библиографическую ссылку на источник; зафиксированный пример на языке оригинала и его перевод на один или несколько иностранных языков; транслитерацию устной речи, и т.д.

Упражнения, базирующиеся на электронных корпусах можно подразделить на две основные категории: тренировочные и исследовательские [Vieira, 2013].

Тренировочные упражнения, основанные на электронных корпусах, состоят из примеров, заранее подобранных преподавателем с определённой целью. Эти виды упражнений дают возможность учащимся проанализировать некоторые аутентичные лингвистические модели посредством заранее извлечённой информации.

Исследовательские упражнения предполагают изучение лингвистических моделей непосредственно в онлайн системе электронных корпусов с целью выявления различных закономерностей их функционирования. Такие упражнения также могут быть подготовлены преподавателями для тренировки специфических навыков, однако, учащиеся должны самостоятельно извлекать и анализировать информацию, непосредственно из электронных корпусов, чтобы прийти к необходимым выводам.

Составляя упражнения, базирующиеся на электронных корпусах, важно учитывать цели создаваемых заданий и технические возможности того или иного корпуса. Например, для испанско-русских и русско-испанских переводческих тренингов могут быть использованы ресурсы следующих, достаточно разработанных, но, всё ещё, находящихся в процессе усовершенствования, корпусов – Corpus del Español (100 млн. слов), Corpus de referencia del español actual – CREA (100 млн. слов) и Национальный корпус русского языка (500 млн. слов).

Рассмотрим некоторые упражнения, которые могут быть полезны при проведении испанско-русских и русско-испанских переводческих тренингов.

1. Исследования семантической совместимости и подбор переводческих эквивалентов.

Семантические отношения между лексическими единицами непростые: некоторые лексические комбинации не имеют смысла в случае их буквального перевода на иностранный язык, либо те же самые лексические единицы способны выражать различные значения в зависимости от контекста. Например, основываясь на базе Corpus del Español легко приготовить тренировочное упражнение, нацеленное на подбор переводческих эквивалентов с испанского на русский язык для словосочетаний с существительным 'expansión'. Активизация опции GRÁFICO, и ввод необходимого существительного в строку поиска даёт возможность за секунды получить разнообразные контексты с ключевым словом, что позволяет преподавателю очень быстро подобрать необходимые примеры для их последующего анализа и перевода.

Таблица 1. Набор контекстов с ключевым словом 'expansión' из Corpus del Español.

*...sí, muy digna y muy altiva, y sólo abría su alma a la **expansión** del dolor, en los días de sufrimiento que muy pronto amanecieron para ella...*

*...nuevo a funcionar. Invitaban al pueblo en general a pasar un momento de sana **expansión** en compañía de los suyos y demás familiares a la vez de tener la posibilidad...*

*...se sucedían intentos hegemónicos, competencias entre pueblos y tribus, luchas denodadas por la **expansión** del poder, grandes devorando a los chicos, una y otra cultura imponiéndose sobre...*

*...y de comercio exterior adecuadas a la realidad, el estrecho mercado interno, la **expansión** del contrabando y sobre todo la anemia. Tomemos hierro. Es la mejor receta...*

*... un bocinazo sostenutto, de una cólera sostenutta, de un desmadramiento sostenutto; la **expansión** de la boca de Benny es tal que Parece De Cocodrilo. Con la boca...*

*...las tasas bancarias, las tazas de café con la justa capacidad, la **expansión** de las medidas de calzado (siempre se quejó de no encontrar zapatos para su...*

Обучающимся может быть предложено следующее исследовательское упражнение: на основе ресурсов испанского электронного корпуса проанализировать с какими прилагательными и существительными совместимо испанское существительное 'expansión', и подобрать к выбранным словосочетаниям, содержащим данную единицу, русские эквиваленты.

2. Прямой анализ переводческих эквивалентов.

С помощью Национального корпуса русского языка возможно реализовать более сложную процедуру – исследовать набор контекстов, которые содержат русский и испанский вариант интересующей лексической единицы. Данные параллельного русско-испанского подкорпуса позволяют проанализировать русско-испанские переводческие эквиваленты.

Таблица 2. Набор контекстов с ключевым словом 'поставить' из параллельного русско-испанского подкорпуса Национального корпуса русского языка.

*ru Это только сказать просто: выполняй хорошо любое дело, на которое тебя **поставили**...*

*es Resultaba fácil decir: cumple correctamente cualquier trabajo que te **encarguen**...*

*ru Кому-то удалось-таки **поставить** машину поперёк, и свет фар озарил неровный гребень, оцетиненный обломками старой мебели, взлохмаченным тряпьем и обрывками бумаги...*

*es Alguien había logrado **girar** el camión, de tal manera que los faros alumbraban la cima de las colinas, erizadas de restos de muebles viejos, trapos y trozos de papel, brillantes por los trozos de cristal...*

*ru Она вдруг **поставила** на колено маленькую лакированную коробочку, чуть больше спичечного коробка...*

*es De repente, se **colocó** sobre la rodilla una pequeña cajita laqueada, algo más grande que una caja de cerillas...*

*ru Ты это отнеси и **поставь** воду в большой кастрюле, – сказал он...*

*es Lleva esto tú, y **pon** a hervir agua en la olla grande – indico...*

*ru Только стул Андрея по другую сторону от Сельмы был пуст, и был печально пуст стул, **поставленный** для Дональда...*

*es El único lugar vacío, al otro lado de la mesa frente a Selma, era la silla de Andrei, y también el asiento **reservado** para Donald permanecía tristemente desierto (подчёркнуто мной – Н. В.).*

Как показывают примеры, параллельные электронные корпуса играют значительную роль в исследовании переводческих эквивалентов. Они способны продемонстрировать большой набор контекстов на языке оригинала и языке перевода, что позволяет эффективно совершенствовать знания иностранного языка.

Благодаря параллельным корпусам переводчики имеют возможность быстро извлекать необходимую информацию для составления индивидуальных глоссариев и словарей специфической терминологии, знание которой необходимо в определённых областях деятельности.

Данные параллельного русско-испанского подкорпуса Национального корпуса русского языка могут помочь в случаях возникновения трудностей с переводом наречий, описательных прилагательных, междометий, и т. п. Интерфейс корпуса снабжён опциями расширенного поиска по грамматическим, семантическим и другим дополнительным признакам.

3. Подбор синонимов.

В некоторых случаях в процессе перевода с одного языка на другой, в особенности на неродной язык, не так просто принять решение о выборе синонима, подходящего для определённого типа дискурса. Испанский Corpus del Español обладает поисковыми опциями GRÁFICO, ORDENAR (FRECUENCIA), предлагающими статистическую информацию относительно частотности употребления определённой лексической единицы в академическом дискурсе, периодических изданиях, художественной литературе и зафиксированной устной речи, а также во временном периоде с XIII по XX века. Более того, данный электронный корпус позволяет сравнить частотность употребления двух лексических единиц при помощи опции COMPARAR, что даёт возможность, например, получить аутентичные примеры контекстов с необходимыми синонимами, и определить уместность их употребления в различных типах дискурсов. Благодаря таким функциям Corpus del Español является хорошим источником для консультаций по подбору синонимов в практике перевода.

4. Синхронный перевод.

Существует немало способов для тренировки синхронного перевода. Электронные корпуса являются подходящими источниками для занятий по интерпретации различных видов дискурса. Например, аудиовизуальный подкорпус МУРКО, входящий в состав Национального корпуса русского языка содержит электронную базу видео фрагментов из художественных, документальных и анимационных фильмов, которая, как и другие подкорпуса, снабжена специальной разметкой, позволяющей поиск необходимых словоформ, в том числе элементов невербальной коммуникации. Это даёт возможность составлять упражнения для имитации синхронного перевода на определённую тематику и

тренироваться подбирать переводческие эквиваленты для культурно-маркированных контекстов.

В случае составления упражнений для синхронного перевода с испанского на русский язык можно воспользоваться ресурсами Corpus de referencia del español actual (CREA). Этот электронный корпус состоит из текстов, принадлежащих различным сферам деятельности (например, наука и технология, социальные науки, политика, экономика, финансы, искусство, средства коммуникации, и т.д.), выбранных из большого числа источников многих испаноговорящих стран. Данный корпус снабжён специальной многофункциональной разметкой, предусматривающей поиск лексических единиц по различным критериям и предоставляющей статистические данные относительно их употребления. Корпус предоставляет возможность визуализировать большие отрывки из текстов, в которых встречаются интересующие словоформы. Каждый отрывок сопровождается ссылкой на библиографический источник.

В заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время во многих странах корпусная лингвистика находится в процессе развития, поэтому вполне вероятно, что вышеперечисленные аспекты, касающиеся применения электронных корпусов в переводческих тренингах, станут более расширенными и многообразными.

Список литературы

Добрушина Н.Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009, С. 335-352.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы/ Отв. ред. В.А. Плуноян. СПб.: Нестор-История, 2009. 502 с.

Baker, M. (1993) "Corpus linguistics and translation studies. Implications and applications", *Baker, M., Francis, G., Tognini Bonelli, E.* (eds.) Text and Technology. In Honour of John Sinclair. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, P. 233-250.

Baker, M. (1998). "Réexplorer la langue de la traduction: une approche par corpus", *Meta*, 43/4.

Bowker, L. (2000) "Towards a Methodology for Exploiting Specialized Target Language Corpora as Translation Resources", *International Journal of Corpus Linguistics* 5 (1): 17-52.

Bowker, L. and J. Pearson (2002). Working with Specialized Language: A practical guide to using corpora, London and New York: Routledge.

Corpas Pastor, G. (2008) Investigar con corpus en traducción: los retos de un nuevo paradigma. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Corpus del Español: 100 million words, 1200s-1900s. [Online resource]. Available online at: <http://www.corpusdelespanol.org>.

Gallego Hernández, D. (2012) Traducción económica y corpus: del concepto a la concordancia: aplicación al francés y al español. Alicante: Universidad de Alicante.

- Kruger, A., Wallmach, K., Munday, J.* (eds.) (2011) *Corpus-based Translation Studies: Research and Applications*. London and New York: Continuum.
- Laviosa, S.* (2002) *Corpus-based Translation Studies: Theory, Findings, Applications*, Amsterdam and New York: Rodopi.
- Oxford Dictionaries, 2011. [Online resource]. Available at: <http://oxforddictionaries.com/>
- Real Academia Española: Banco de datos (CREA). Corpus de referencia del español actual. [Online resource]. Available at: <http://corpus.rae.es/creanet.html>.
- Shlesinger, M.* (1998). "Corpus-based Interpreting Studies as an offshoot of Corpus-based Translation Studies", *Meta*, 43/4.
- Sinclair* (1992) "The Automatic Analysis of Corpora". *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82, Stockholm, 4 – 8 August, 1991*. In *Svartvik, J.* (ed.) *Direction on Corpus Linguistics*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- Vieira S. G., N.* (2013) "Not to Teach but Give Insights: Corpus-Based Approach in Portuguese-English and Portuguese-Russian Cross-linguistic Error Correction", *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Volume 95, P. 522-527.
- Zanettin, F., Bernardini S. & D. Stewart* (eds.) (2003) *Corpora in Translator Education*. Manchester, Northampton: St Jerome.

Гарбовский Н.К.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Garbovskiy Nikolay
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ШКОЛА УСТНОГО ПЕРЕВОДА

RUSSIAN SCHOOL OF INTERPRETATION

В выступлении будут освещены основные этапы становления и развития отечественной школы устного перевода с момента ее зарождения в советский период и до настоящего времени. Школа перевода рассматривается прежде всего как научное направление, представляющее собой теоретическую и методологическую основы для процесса обучения и разработки дидактики устного перевода. Будет представлена и аргументирована специфика отечественной школы устного перевода, отличающая ее от европейских аналогов, определен статус теории устного перевода в современной науке о переводе.

The speech will highlight the major stages in the development of the Russian school of interpretation from its birth in the Soviet period to the present moment. The school of interpretation is regarded primarily as a scientific field that provides a theoretical and methodological basis for training interpreters and the development of didactics. The speech will present the distinguishing features of the Russian school of interpretation that make it different from the European schools, provide relevant arguments and determine the status of the theory of interpretation in the modern science of translation and interpretation.

Ключевые слова: устный перевод, советская научная школа, единица перевода

Key words: interpretation, Soviet scientific school, unit of translation

Советская школа устного перевода зарождается в 40-е годы XX в., когда в ответ на вызовы международной политики начинают создаваться первые учебные заведения, специально ориентированные на подготовку профессиональных переводчиков. В тот начальный период устный перевод еще не рассматривается как особый вид речемыслительной деятельности. В международной коммуникации даже на конференциях доминирует последовательный перевод, который представляется еще скорее как некая алхимия, нежели чем специфическая деятельность, которую следует изучать, описывать, разрабатывать методику. Методологические разработки, связанные с основными операциями в ходе последовательного перевода, такими, как запоминание больших фрагментов речи, восприятие на слух, речевая компрессия, трансформации разного типа, начинаются позднее, когда возникает альтернатива последовательному переводу, а именно, синхронный перевод.

Устный перевод, прежде всего, синхронный, становится объектом научных и методических исследований лишь после Второй мировой войны, когда стала очевидной необходимость массовой подготовки переводчиков для обеспечения устного перевода в международном общении в политической сфере, на международных форумах и конференциях. Как известно, Нюрнбергский процесс стал точкой отсчета в советской истории синхронного перевода, как, в прочем и в мировой истории устного перевода.

Советская школа устного перевода и унаследовавшая ее основные традиции российская школа, обладают рядом специфических черт и особенностей, отличающих их от западных аналогов.

Первая особенность советской школы устного перевода состоит в том, что она формировалась и развивалась в русле *общей теоретической парадигмы перевода* как особого вида речевой деятельности. Устный и письменный перевод оказываются вариантами этого вида интеллектуальной деятельности и различаются лишь способами восприятия (на слух / зрительно) и порождения (устное / письменное) и речевых произведений в акте перевода. Эта амбивалентность концепта «перевод» находит свое отражение в русской терминологии. Термин «перевод» означает вид рече-мыслительной деятельности без различения ее форм и условий осуществления и получает необходимое уточнение только в дополняющих определениях: «устный перевод» / «письменный перевод».

Амбивалентность концепта «перевод» в русской языковой картине мира отражает специфику переводческой деятельности в СССР и отчасти в современной России, заключающуюся в том, что четкое разделение функций между письменными и устными переводчиками происходит не всегда. Такая практика отмечалась еще на этапе становления устного синхронного перевода как особого вида деятельности. Евгений Гофман, возглавлявший бригаду советских переводчиков на Нюрнбергском процессе в 1945 г., отмечал, что в отличие от переводческих бригад других стран, где были строго разграничены функции между синхронными и письменными переводчиками, советские синхронные переводчики привлекались к письменному переводу документов, к редактированию и корректуре стенограмм переводов и пр. (Гофман 1963: 22-23). Амбивалентность концепта «перевод» в русской языковой картине мира предопределила формирование парадигмы советской и российской научной школы перевода, центральная ветвь которой строилась главным образом как «общая теория перевода», а также дидактическую модель, лежащую в основе подготовки переводчиков. В русле этой

парадигмы изучались вопросы, общие для всех видов перевода и выработывались наиболее общие категории науки о переводе (эквивалентность, единица перевода и пр.) строились модели перевода (денотативная, семантическая, трансформационная и др.), имеющие, по сути, сугубо лингвистическую основу. Исследования устного перевода как особой формы рече-мыслительной деятельности составили второстепенную парадигму советской научной школы. Асимметрия интересов исследователей к общим проблемам перевода с одной стороны, и специальным, характерным лишь для устного перевода, с другой стороны, проявилась уже в первой книге по теории перевода Андрея Федорова «Введение в теорию перевода» (Федоров 1953). Книга Федорова, открыла лингвистическую парадигму в советской теории перевода, основным постулат которой заключался в следующем: «поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе» (Федоров 1953: 13). Федоров практически не упоминает об устном переводе. Он посвятил лишь несколько страниц (с.249-255) краткому анализу особенностей перевода ораторской речи, как заранее подготовленного устного высказывания, которое будучи предназначенным для устного выступления сохраняет в себе многие черты письменной литературной речи. Федоров отмечал, что «при переводе ораторской речи переводчик ставит себе то же условие, какое ставит себе о оратор, а именно – ориентируется на слушателя»¹². Федоров строит практически методологическую модель перевода ораторской речи: «Это практически означает необходимость представить себе текст перевода произнесенным вслух, избегать труднопроизносимых скоплений согласных, слишком заметного повторения одних и тех же звуков на близком расстоянии, рифмующихся слов и, наконец, слов и словосочетаний, затрудняющих течение фразы ее произнесении. Жанрово-стилистическая специфика подлинника здесь непосредственным образом определяет практические задачи перевода»¹³. Очевидно, что многие из высказанных положений, основаны на опыте письменного перевода художественных произведений, «внутреннее» прочтение которых, также дает переводчику некоторые ориентиры просодического, фонетического и ритмического характера. Можно вспомнить типологию переводческих ошибок, построенную Горьким на основании анализа переводов художественных текстов и его рекомендации переводчикам художественной литературе. Среди прочих ошибок переводчиков Горький отмечал «небрежность в работе над русским предложением, невнимательность к

---

¹² Федоров А.В. Указ. соч. С. 252.

¹³ Там же.

соотношению слов, складывающемуся в переводе», а также недопустимое скопление труднопроизносимых звуков в одном месте» (*Очень жаль! – жестоко ответил Жан*)¹⁴.

Федоров опирается на собственный опыт, главным образом художественного перевода, но и перевода произведений ораторской речи, в частности на практику спецпропаганды в годы Великой Отечественной войны. В одном из интервью дочь Федорова рассказывала: «Во время войны отец занимался, в том числе, агитацией. Я до сих пор помню колоритный папин рассказ о том, как они выезжали за линию фронта, агитировали немцев, предлагали им сдаваться. Его произношение было настолько прекрасным, что те принимали его за своего! И были прецеденты – немцы действительно сдавались»¹⁵.

В последующий период на фоне огромного числа работ советских и российских ученых, написанных более чем за полувековую историю науки о переводе в СССР и в современной России, исследований, концентрирующих внимание на устном переводе, оказывается сравнительно немного. Советская школа устного перевода возникает и развивается как ветвь общей теории перевода. Амбивалентное представление о переводческой деятельности, обусловило и соответствующую дидактическую концепцию: школы перевода нацелены на подготовку «переводчика» и строят образовательные программы, предполагающие формирование у обучаемых навыков как письменного, так и устного перевода. Устный перевод начинает изучаться не как феномен «в себе и для себя», а как социально востребованная деятельность, системная подготовка к которой требовала осознания ее онтологических, когнитивных и аксиологических аспектов.

В 1959 г. выходит в свет книга выпускника Военного института иностранных языков переводчика первых лиц советского государства Рюрика К. Миньяра-Белоручева (1922-2000) «Методика обучения переводу на слух» (Миньяр-Белоручев 1959). В ней отчетливо отражается свойственная советской школе амбивалентная концепция перевода. Обучение переводу на слух рассматривается как один из аспектов подготовки переводчика, который «не только не исключает обучение зрительно-письменному переводу, а, наоборот, его предполагает» (Миньяр-Белоручев 1959: 5). Автор концентрирует свое внимание на восприятии исходного текста на слух в процессе перевода. Основываясь на положениях советской психологической школы в той ее части,

---

¹⁴ См.: Федоров А.В. Горький и культура перевода.

¹⁵ Шараланова Е. Легенды переводческого фронта / Андрей Венедиктович Федоров/ Интервью с Натальей Андреевной Федоровой. ru-translate.livejournal.com/12963413.html.

которая посвящена изучению речевой деятельности (Артемяев; Выготский; Леонтьев), автор выделял три основных аспекта психической деятельности устного переводчика, требующие изучения: восприятие на слух, понимание и запоминание исходного текста в условиях невозможности повторной рецепции. Осмысление личного опыта устного переводчика позволяет автору впервые представить теоретические модели последовательного и синхронного перевода и предложить системы тренировочных упражнений для формирования навыков перевода на слух на разных этапах подготовки переводчиков.

Эта первая теоретическая работа, посвященная деятельности устного переводчика, иллюстрирует еще одну специфическую черту советской школы устного перевода – ее дидактическую доминанту. Поэтому не случайно основным жанром публикаций, содержащих в наиболее концентрированном и полном виде результаты теоретических разработок советских ученых, работавших в данной области, оказываются жанр учебного пособия для подготовки переводчиков.

Периодом расцвета советской научной школы устного перевода можно считать 60-80 годы XX в. Устные переводчики, переводчики международных конференций накопили достаточный опыт, чтобы построить теоретические модели этой деятельности. В ежегоднике «Тетради переводчика», первый номер которого вышел в 1963 г., публикуются статьи Р.К. М.Я. Цвиллинга, Г.В.Чернова, А.Д. Швейцера (Цвиллинг 1966; Чернов 1969, 1971, 1975, 1977; Швейцер 1967), описывающие результаты исследований синхронного перевода.

В этот период выходят из печати книги Рюрика К. Миньяр-Белоручева «Последовательный перевод» (1969), «Пособие по устному переводу» (1969), «Общая теория перевода и устный перевод» (1980), Гелия В. Чернова «Теория и практика синхронного перевода» (1978), Анатолия Ф. Ширяева «Синхронный перевод» (1979).

Миньяр-Белоручев сосредоточивает внимание на последовательном переводе. В предложенной им теории перевод предстает как средство передачи информации. Основываясь на математической теории сообщений К.Шеннона, Миньяр-Белоручев выстраивает теорию информативности текста, релевантную для устного последовательного перевода. Эта теория позволяет ему впервые в советской науке о переводе разработать систему фиксации информации в последовательном переводе, а также предложить категорию «несоответствия» в устном переводе, которая, по мнению

автора может быть положена в основу оценки качества устного последовательного перевода.

Гелий В. Чернов и Анатолий Ф. Ширяев обратились к исследованию синхронного перевода с позиций советской психолингвистики. Ширяев исследует синхронный перевод как деятельность и предлагает свой взгляд на структуру этой деятельности. В поле зрения исследователя оказываются параллелизм процессов восприятия исходного текста и порождения текста на языке перевода, механизмы, обеспечивающие понимание исходного текста во время произнесения текста на языке перевода, количественные характеристики и приемы речевой компрессии в синхронном переводе. Основываясь на данных экспериментального исследования, проведенного по собственной методике, Ширяев выделяет единицу ориентирования в синхронном переводе как «отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения» (Ширяев 1979: 19). Понятие «единицы ориентирования» позволило уточнить содержание понятия «единица перевода», одного из основополагающих понятий теории перевода.

Несколько иначе строили свою концепцию единицы перевода Вине и Дарбельне. Они отождествляли понятие единицы перевода с понятиями лексикологической единицы и единицы мысли. Для них эти термины обозначают одну и ту же реальность, лишь рассматриваемую с разных точек зрения. Единицы перевода - это лексикологические единицы, в которых лексические элементы обеспечивают выражение одного элемента мысли. Можно также сказать, утверждали исследователи, что единица перевода есть наименьший сегмент сообщения, в котором спаянность знаков такова, что они не должны переводиться раздельно¹⁶.

В самом деле, процесс перевода - это не процесс преобразования знаков одного языка в знаки другого языка, а процесс сохранения и частичного, но неизбежного преобразования системы смыслов, заключенной в знаках исходного языка, при ее передаче знаками языка перевода. Поэтому категория смысла оказывается наиболее важной. Переводчик оперирует смыслами, и единицей перевода в этом случае оказывается некий квант информации, смысловой элемент, точнее, единица смысла. В этом случае оказывается неважным, заключен ли этот элемент смысла в морфему, слово или словосочетание. Если мы обратимся к категориям мышления, то увидим, что наименьшей единицей смысла оказывается понятие, которое в самом деле может быть заключено и в

---

¹⁶ См.: Vinay J.P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. P. 1958. P. 37

морфеме, и в слове, и в словосочетании. Свидетельствует ли это о том, что понятие является единицей перевода? Возможно, что это действительно так. Но практика перевода, главным образом устного, показывает, что далеко не всегда отдельное понятие может соответствовать единице перевода. Так, в синхронном переводе переводчик "вступает" только тогда, когда в его сознании слова оратора обрели определенный смысл, часто заключенный в речевом сегменте, содержащем более, чем одно понятие. М. Ледерер, анализируя понятие единицы смысла на примере синхронного перевода, отмечала, что речь оратора доходит до слуха переводчика, слова следуют друг за другом, и вдруг наступает нечто подобное "включению" то есть момент, когда смысл оказывается понятым. Ж. Лакан сравнивал этот процесс с обивкой мебели, когда каждое подобное "включение" напоминает гвоздики, вбиваемые в ткань на некотором удалении друг от друга¹⁷.

Опыт синхронного перевода позволяет ближе подойти к проблеме единицы перевода. Почему мы не можем использовать категорию понятия, если оно является элементарной единицей смысла? Потому, что понятия обличены в словесные формы, с которыми и сталкивается переводчик прежде всего. Но эти словесные формы, как известно, могут быть многозначными и даже омонимичными, обладать переносными и идиоматическими значениями. Переводчик не всегда может правильно расшифровать смысл, то есть понять содержание понятия, заключенного в той или иной форме, вне его взаимодействия с другими понятиями. Эксперименты, проводившиеся для анализа механизма понимания исходного сообщения переводчиком-синхронистом, показали зависимость степени осмысленности сочетаний слов в предложении от наличия повторяющихся семантических компонентов значений в следующих друг за другом словах. "При максимальной повторяемости (избыточности), - пишет Г.В. Чернов, - сочетание можно считать осмысленным; при наличии (но недостаточном числе) повторяющихся компонентов (малой избыточности) сочетание можно считать принципиально "осмысленным", при отсутствии общих сем - полностью бессмысленным"¹⁸. Именно таким образом и развивается процесс перевода: только "накопив" необходимое количество информации благодаря повторяющимся компонентам значения, переводчик способен осмыслить конкретное сочетание слов, то есть понять содержание, заключенных в нем понятий и толковать их на языке перевода.

---

¹⁷ Lederer M. La traduction aujourd'hui. P. 1994. P. 27

¹⁸ Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М. 1978. С. 99.

Процесс осмысления последовательности языковых знаков синхронным переводчиком довольно подробно описан Ю.С. Степановым. Положив в основу классификации единиц перевода величину отставания переводчика от отправителя исходного текста, то есть величину расхождения между произнесением говорящего и пониманием слушателя, Степанов делит единицы перевода на три группы. Первую группу составляют единицы перевода (ЕП), имеющие минимальное временное расхождение, то есть переводимые тотчас по произнесении. Такие ЕП, уточняет автор, совпадают со словом. Ко второй группе относятся ЕП, имеющие некоторое отставание. Величина их, по мнению автора классификации, может выступать как мера переводимости, характеризуемой лексически, морфологически и синтаксически. Чем более многозначна лексическая, морфологическая или синтаксическая форма, тем больше величина отставания переводчика. К третьей группе Степанов относит такие ЕП, которые не могут быть переведены вплоть до окончания предложения, то есть имеющие максимальное временное расхождение¹⁹. К этому можно добавить, что в некоторых случаях понимание наступает только после восприятия группы предложений.

Степанов начинает анализ со следующего отрывка французского текста: *Contrairement 1 / aux moeurs un peu débraillées des artistes 2 /...* "Переведя первый отрезок этой слышимой (или читаемой) нами речи словами *в противоположность*, мы вынуждены остановиться и переждать" - пишет он. Следующий фрагмент может быть переведет только после его полного завершения в силу ряда грамматических и семантических причин - *несколько развязным манерам людей искусства*- и так далее по мере развертывания исходного сообщения²⁰.

Таким образом, согласно концепции Степанова, границей, маркирующей единицу перевода, оказывается момент начала порождения переводчиком очередного "транша" переводного текста после восприятия очередной порции исходного сообщения. Предложенный метод действительно помогает вычлениить некие порции, на которые делится речевой поток переводчика, соотнести их с единицами языка и убедиться в том, что их величина различна. Более того, он позволяет понять, почему одни сегменты речи переводчика, то есть единицы перевода, оказываются более протяженными, чем другие. Но в этой концепции весь процесс перевода оказывается ориентированным только на

---

¹⁹ Степанов Ю.С. Французская стилистика. М. 1965. С. 258-266

²⁰ Там же. С. 261

понимание. "Будем считать, - пишет Степанов, - что «понятность» и «переводимость» одно и то же", и продолжает: "Все, что понято, должно и может быть переведено"²¹.

Разумеется, понимание составляет первое и необходимое условие всякой переводческой деятельности. Еще Иероним в 4 веке писал: "Я могу перевести только то, что до того понял". Но, ведь понимание - это только одна сторона переводческого процесса, за ней столь же обязательно следует порождение речи на другом языке. Если мы вернемся к анализирувавшемуся Степановым примеру, то должны будем задать себе вопрос, почему переводчик французскую форму *contrairement* перевел в *противоположность*, а не *вопреки*, почему французское *manieres* переведено как *манеры*, а не как *нравы, обычаи, поведение*, почему *un peu* переведено *несколько*, а не *немного*, почему *débraillées* - это *развязный*, а не *небрежный*, а *des artistes* - *люди искусства*, а не *артисты, художники, мастера, или даже несерьезные люди, выдумщики и т.п.* Разве все эти формы **автоматически** проистекают из осмысления, понимания исходного сообщения? Вряд ли. На самом деле, переводчик сделал свой выбор, перебрав ряд возможных вариантов. Вспомним заслуживающую внимания гипотезу Латышева о многократном "переборе" вариантов. Переводчик пришел к тем формам, которые мы видим в окончательном варианте путем многократного возвращения к "ядерному" смыслу форм исходного текста для выбора оптимального эквивалента. Этот выбор обусловлен, разумеется, не только контекстом, но и всем опытом переводчика как двуязычной и "двукультурной" личности.

Таким образом, граница, отделяющая одну фазу "накопления" необходимой для принятия решения информации от другой, маркирует единицу понимания, которая сама по себе еще не является единицей перевода. А.Ф. Ширяев, также опирающийся на исследования деятельности синхронных переводчиков, предлагал называть эту величину "единицей ориентирования", представляющую собой "отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения"²². Таким образом, "единица ориентирования" не является терминологическим аналогом "единицы перевода", а обозначает фазу осмысления некой порции исходного текста, необходимую для принятия решения.

Р.К. Миньяр-Белоручев, опираясь на идею А. М. Пешковского о том, что язык не составляется из элементов, а дробится на элементы, что первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы, утверждал, что

---

²¹ Там же. С. 260.

²² Ширяев А.Ф. Указ. соч. С. 19

"переводчик, за исключением только синхронного перевода и в некоторой степени перевода с листа, также воспринимает нечто смысловое целое и лишь потом, в процессе перевода дробит это целое на части в зависимости от тех действий, к которым он вынужден прибегать для выполнения своей задачи"²³. Но его оговорка об исключении синхронного перевода из этого процесса настораживает. Во-первых, если хотя бы одна разновидность перевода будет исключена из общей модели, то может ли эта модель претендовать на статус общей. Во-вторых, как мы видели именно синхронный перевод позволяет материализовать процесс перевода, реально ощутить и изверить те порции перевода, те кванты смысла, которые выдает переводчик. Вероятно, исследователь слишком идеализировал картину перевода, полагая, что "переводчик начинает свою сложную деятельность с получения речевого произведения в целом"²⁴. Он, разумеется, прав, но ровно настолько, насколько можно понимать под термином "нечто смысловое целое" именно единицу ориентирования, но не речевое произведение в целом. Даже в письменном переводе, когда у переводчика есть возможность неоднократно обращаться к тексту оригинала и изначально воспринять его как некое смысловое целое, собственно процесс перевода разворачивается поэтапно. Прочитав весь текст от начала до конца и уяснив его систему смыслов в целом, точнее, в общих чертах, переводчик возвращается к первой странице, к первому предложению и начинает "по порциям" вникать в смысл составляющих текст языковых знаков, делая остановки там, где можно принимать решение на перевод и начинать воспроизводить понятые смыслы на другом языке.

Сам процесс чтения письменного текста, имеющего определенную линейную протяженность, разворачивается во времени поэтапно. Специалисты в области разных видов чтения могут возразить, что есть такое чтение, которое предполагает одновременный охват зрением и, вероятно, сознанием всего текста, есть чтение "по диагонали", по опорным вехам и т.п. Но все эти виды скоростного чтения несовместимы с переводческим восприятием исходного текста, так как предполагают лишь поверхностное ознакомление с содержанием речевого произведения. После такого прочтения переводчик в лучшем случае может сказать на языке перевода, о чем идет речь в исходном тексте, но это уже не будет переводом. Более того, даже такое просмотровое чтение предполагает некоторые последовательные операции, ведь оно не может выйти за пределы одной страницы письменного текста. И страница, которую необходимо просто перевернуть, уже составляет определенный этап даже такого комплексного восприятия текста.

---

²³ Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М. 1996. С. 77 (выделено мной - Н.Г.).

²⁴ Там же. С. 78.

Таким образом, восприятие текста переводчиком во всех случаях осуществляется последовательно, по порциям, независимо от того в каких условиях и в какой форме осуществляется перевод. Но, как мы видели выше, освоение смыслов исходного речевого произведения иногда требует восприятия значительных смысловых блоков, превышающих уровень отдельного понятия. Необходимый для освоения смысла и достаточный для принятия переводчиком решения отрезок исходного текста составляет единицу ориентирования. Осмыслив эту единицу смысла как нечто целостное, переводчик разлагает ее на отдельные понятия, находя им соответствующие эквиваленты. Он может строить сложные понятия из более простых и находить в языке перевода имена для этих сложных понятий.

Таким образом, единица перевода предстает как сложное системное образование, как элемент общей структуры целостного акта перевода. Она является подсистемой иерархически подчиненной системе в целом. Эта подсистема, отчетливо разлагается на три составные части: накопление информации, необходимой для принятия переводческого решения до определенного "пика", позволяющего сделать вывод о том, что воспринятый фрагмент понят (фаза понимания, осознания содержания понятий). Эта фаза процесса перевода называется единицей ориентирования. За ней следует фаза многократного перебора вариантов в поисках форм, способных оптимально выразить осознанные смыслы на языке перевода. На этой фазе переводчик оперирует единицами эквивалентности. Принятие окончательного решения, то есть остановка на одном из возможных вариантов и его выведение в речь знаменует завершение микропроцесса перевода, то есть переход от одной единицы перевода к другой.

Единица перевода - это сложная подсистема в целостной системе процесса перевода, строящаяся в своем внешнем проявлении на основе единицы ориентирования, но включающая в себя одну или несколько единиц эквивалентности, соотносящих понятия исходного текста с соответствующими формами текста перевода.

Г.В. Чернов также исследует синхронный перевод с позиций советской психолингвистики. Он строит вероятностно-прогностическую модель синхронного перевода, опираясь на понятия избыточности речи, грамматического и семантического согласования как основы для вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

Миньяр-Белоручев, Ширяев, Чернов стояли у истоков советской научной школы устного перевода. Экспериментальные исследования деятельности устных переводчиков, предпринятые этими исследователями, позволили построить образовательные модели

подготовки переводчиков, которые успешно используются и в современной российской образовательной системе.

Список литературы

- Башикардин Э.А.* О начальном этапе процесса последовательного перевода. ТП-23, М. 1989
- Беляев С.Ф.* Заметки на полях монтажного листа. ТП-18, 1981.
- Беляев С.Ф.* Замечания из зрительного зала. ТП-21, м. 1984.
- Бреус Е.В., Дементьев А.А., Сладковская Е.Н.* Синхронный перевод: пути овладения профессией. ТП-22, М. 1987.
- Бурляй С.А.* Последовательный перевод – переводческая запись? ТП-24. М.1999.
- Воеводина Т.В.* Устный перевод в коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода. ТП-20, М. 1983.
- Гофман Е.К.* истории синхронного перевода. Тетради переводчика (ТП). 1963.
- Ермолович Д.И.* К вопросу об одновременности слушания и говорения в процессе синхронного перевода. ТП-15, М. 1978.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Курс устного перевода: Фр. яз. — М.: Московский Лицей, 1999. — 144 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. М. 2005.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе: Учеб. пособие для вузов и фак. иностр. яз. — М.: Стелла, 1997. — 173 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Курс устного перевода: французский язык. — М.: Московский Лицей, 1998. — 144 с. ISBN 5-7611-0111-4
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. — М.: Изд-во ИМО, 1959. — 190 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и общий перевод. М. 1980.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. — М.: Воениздат, 1980. — 237 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод. М. 1969.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. — М.: Московский Лицей, 1996. — 207 с. ISBN 5-7611-0023-1
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Учебное пособие по устному переводу. — М., 1969.
- Михеев А.В., Семенова И.М., Чернов Г.В.* Опыт деловой игры в подготовке переводчика-синхрониста. ТП-23, М. 1989.
- Мосьяков А.В.* О роли штампов в синхронном переводе. ТП-22, 1987.
- Палажченко П.Р.* О предварительной обработке текста синхронным переводчиком. ТП-18, 1981.
- Полуян И.В.* Опыт эмпирической проверки интроспективной модели. ТП-22, М. 1987.
- Федоров А.В.* Введение в теорию перевода / ораторская речь / М. 1953
- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. /перевод ораторской речи / М. 1983.
- Чернов Г.В.* Еще раз о схеме организации синхронного перевода. ТП-14, М. 1977.
- Чернов Г.В.* Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения. ТП-12, М.1975
- Чернов Г.В.* Предложение о построении курса устного перевода. ТП -7, М. 1970.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М. 1978.
- Чужакин А.* Устный перевод. Теория +практика, переводческая скоропись. М. 2001.
- Ширяев А.Ф.* О некоторых лингвистических особенностях функциональной системы синхронного перевода. ТП-19. М. 1982.
- Ширяев А.Ф.* Пособие по синхронному переводу. Французский язык. М. 1982

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М.1979.

Штайер Б. О механизме синхронного перевода. ТП-12, М. 1975.

Голубева-Монаткина Н.И.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Nataliya
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СЛОВАРЬ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРОЧТЕНИИ

RUSSIAN PHILOSOPHICAL DICTIONARY IN FRENCH READING

Словарь был тем новым способом структурирования информации в книге, который был создан в эпоху Просвещения («Философский словарь» Вольтера, 1764). Включая самые распространённые термины и понятия в обширных сферах эпистемологии, метафизики и логики, поясняя то, что они обозначают для философа и какие проблемы с этими терминами и понятиями связаны, философский словарь является введением в самые важные области философии. Каждый философский словарь являет миру особенный «философский облик» того или иного народа, и это создаёт огромные трудности при переводе, необходимость которого обусловлена современной международной философской коммуникацией.

«Русская философия. Словарь» (Москва, 1995) и «Русская философия. Энциклопедия» (Москва, 2007) послужили основой создания французского «Словаря русской философии» (Лозанна, 2010). Сравнение русских и французского философских словарей позволило выявить возможности перевода на французский язык русского философского лексикона и особенности рецепции русской философии франкофонами, находящими под влиянием западной философской мысли.

The Dictionary was a new way of structuring information in books created by the Enlightenment (Voltaire “Dictionnaire philosophique”, 1764). Taking the most common terms and notions in the core fields of epistemology, metaphysics and logic, clarifying what they mean to the philosopher and what sort of problems he associates with them, the Philosophical Dictionary is an introduction to the core fields of the Philosophy. Every Philosophical Dictionary represents a specific philosophical face of this or that Nation what creates the greatest difficulties when translating into foreign languages, but the process of the philosophical communication makes translation necessary.

The “Russian Philosophy. Dictionary” (Moscow, 1995) and “Russian Philosophy. Encyclopedia” (Moscow, 2007) were the base for creating “Dictionnaire de la philosophie russe” (Lausanne, 2010). The comparison of the Russian and the French dictionaries allowed to reveal the potential of translating Russian philosophical lexicon into French and the specificity of reception of Russian Philosophy by French speakers being under influence of Western philosophical thought.

Ключевые слова: философский словарь, перевод философии, рецепция русской философии, перевод русской философии, русский философский лексикон на французском языке.

Key words: Philosophical Dictionary, translation of Philosophy, reception of Russian Philosophy, translation of Russian Philosophy, Russian philosophical lexicon into French.

Язык философии, его неодинаковость в национальных философиях играет особую роль среди факторов, которые осложняют международную философскую коммуникацию. Философский язык можно понимать как «систему средств организации мысли, которая существует по определённым правилам» и «систему языковых средств со своей лексикой, грамматикой, синтаксисом»; философия «воплощается в материальности языка и его

означающих механизмов», она построена в национальном языке: «Хайдеггер [...] родился в своём родном немецком языке, и Бибихин, переводчик Хайдеггера, родился в своём родном русском языке» [Автономова, 2011, с. 16-17, 25]. Созданные на материнском языке или переводные, философские словари и энциклопедии служат цели оптимизации философской коммуникации, в том числе, и потому, что «любой словарь удобен с функциональной точки зрения: он предназначен для самого широкого круга пользователей и всегда сохраняет возможность избирательного обращения к отдельным элементам содержания без детального погружения в текст» [Риторика, 2013, с. 10].

Как известно, специфике перевода философских произведений посвящено немало отечественных и зарубежных работ, авторы которых эксплицируют, в частности, трудности перевода философской лексики. Так, Поль Рикёр в речи, произнесённой в 1997 году в Немецком институте истории, подчеркнул: «[...] перевод философских трудов [...] выявляет трудности [...], в некотором смысле [...] непреодолимые, на уровне выделения семантических полей, не полностью совпадающих в разных языках. И наибольшие трудности возникают с основными словами, *Grundwörter*, которые переводчик порой ошибочно стремится перевести дословно, используя фиксированные эквиваленты из принимающего языка [...]. Дело не только в том, что не совпадают семантические поля, но и в том, что синтаксические конструкции не эквивалентны, а обороты речи выражают различные культурные наследия; что уж говорить о полунемых коннотациях, обременяющих даже наиболее чётко очерченные денотаты языка оригинала и плавающих где-то между знаками, фразами, более или менее длинными речевыми периодами [...]. Парадокс перевода обнажается в случае с философскими текстами, оснащёнными строгой семантикой [...].» [Рикёр, 2011, с. 150].

Рождение и бытование философии в национальном языке обуславливает и появление проблемы рецепции – «слов, понятий, концепций. [...] восприятие работ русских мыслителей (Бахтина, Лотмана или Выготского) тоже зависит от качества переводов и комментариев, от механизмов и обстоятельств межкультурной рецепции» [Автономова, 2008, с. 19]. Эта проблема имеет и другой аспект: «[...] традиции прочтения того или иного философского явления за рамками региона распространения того или иного «оригинального языка» оказываются трудными для тех, кто на этом языке говорит и думает: так, в Германии скептически встречают французские прочтения Хайдеггера, а на французские прочтения Витгенштейна германоязычные или англоязычные специалисты вообще не обращают внимания, будто их не существует» [Автономова, 2011, с. 325].

Все это обуславливает то, что каждый переведённый философский словарь может быть рассмотрен и как демонстрация решения проблем передачи философского лексикона, и как иллюстрация рецепции национальной философии, родившейся в одном языке, носителями другого языка.

Французский философский словарь «Dictionnaire de la philosophie russe» [Dictionnaire, 2010] создан на основе двух русских изданий – «Русская философия. Словарь» [Русская, 1995] и «Русская философия. Энциклопедия» [Русская, 2007]. Все три книги содержат персоналии, статьи о главных сочинениях русских мыслителей, отдельных философско-исторических периодах, основных течениях и направлениях русской мысли, философских кружках, журналах, обществах и дают толкование специфических понятий русской философии. В «Dictionnaire de la philosophie russe» вошли не все словарные статьи русских изданий (см. об этом далее), но, кроме переведённых текстов, он содержит и те, что написаны специально для франкоязычного западного читателя.

В аннотации русского словаря [Русская, 1995] говорится: «Авторы [...] исходят из того, что история философской мысли в России является органической частью всемирной истории философии. Русская философия в её развитии показывает, что основные проблемы мировой философии являются и её проблемами, хотя [...] подход к ним, способы их усвоения и осмысления глубоко национальны. В словаре [...] раскрываются особенности развития философского знания в России – в онтологических построениях, в теории познания, этике, эстетике, психологии». Что касается энциклопедии, то в ней «стремились изобразить не только прошлое русской философии, но и показать её современное состояние. Советский и постсоветский периоды её существования также являются важной частью её истории [...]. Равным образом и философия послеоктябрьского зарубежья рассматривается в энциклопедии как органическая часть единой отечественной философской культуры [...]» [Русская, 2007]. Замечателен и тот факт, что ряд статей энциклопедии и французского словаря посвящены современным русским философам, в том числе и ныне здравствующим.

Одной из целей этого издания «Dictionnaire de la philosophie russe» было «faire pressentir la richesse inattendue d'un domaine philosophique qui commence à se découvrir» [Dictionnaire, 2010, p. 14] 'создать предчувствие неожиданного богатства целой философской сферы, которая только начинает себя обнаруживать' (*перевод мой* – Н. Г.-М). Что касается проблемы рецепции русской философии на Западе, то её существование

(в том числе, как видно из следующей ниже цитаты, и для переводчиков-составителей словаря) декларировано уже в самых первых предложениях предисловия (Présentation), написанного руководителем французского проекта Франсуазой Лесур: «Le public français sera sans doute déconcerté par un «dictionnaire de philosophie» dans lequel très souvent il trouvera autre chose que ce qu'on entend par «philosophie» en Occident [...]. C'est une pensée philosophique souvent décriée en Occident, négligée, mais surtout mal connue [...]. Pour nous, slavistes occidentaux, il importait de faire ressortir la spécificité de cette philosophie et de ses conditions d'apparition, les circonstances dans lesquelles s'est dégagée une «philosophie» russe originale, et aussi les précautions avec lesquelles ce terme doit être employé pour la Russie au moins jusqu'au XIX siècle» [Dictionnaire, 2010, p. 7-8] 'Французский читатель будет, конечно, в замешательстве, очень часто обнаруживая в книге «Философский словарь» нечто другое, чем то, что понимается под словом «философия» на Западе [...]. Это – философская мысль, которую на Западе часто резко критикуют, которой пренебрегают, но, и это самое главное, плохо знают [...]. Для нас, западных славистов, было важно показать специфичность этой философии и условий её появления, те обстоятельства, в которых возникла самобытная русская «философия», а также то, с какой осторожностью этот термин должен употребляться применительно к России, по крайней мере до наступления XIX века' (перевод мой – Н. Г.-М.).

Стремление добиться оптимизации рецепции русской философии, очевидно, привела переводчиков-составителей французского словаря к необходимости решить, кроме прочих, две важные проблемы – во-первых, проблему выбора для перевода тех словарных статей, содержание которых обязательно должно было быть известно франкоязычному читателю философских текстов (и, стало быть, тех статей, с которыми этот читатель не сможет ознакомиться), и, во-вторых, проблему перевода русского философского лексикона.

Что касается второй проблемы, то, как указывает Франсуаза Лесур, у «Dictionnaire de la philosophie russe» были предшественники – «История русской философии» В.В. Зеньковского, изданная в переводе К.Я. Андроникова²⁵, а также появившийся в 2004 году под редакцией Барбары Кассен «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» («Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles»)²⁶.

---

²⁵ См. о нём, в частности, работу [Голубева-Монаткина, 2012].

²⁶ Публикация «Европейского словаря», содержащего также и русскую часть, вызвала ряд откликов российских профессиональных философов, в одном из которых отмечено: русская часть «создана, как ни

По-видимому, в том числе и с особенностями русской части «Европейского словаря» связано то, что обращение к предшествующим переводам практически не облегчило работу составителей словаря «Dictionnaire de la philosophie russe» над философской лексикой – Франсуаза Лесур утверждает в своём предисловии, в частности: «[...] les traductions habituellement admises des termes les plus courants se sont souvent révélées irrecevables, car trop approximatives» [Dictionnaire, 2010, p. 13] ‘обычно подходящие переводы самых употребительных терминов оказывались часто неприемлемыми, поскольку были слишком приблизительными’ (*перевод мой – Н. Г.-М.*). Однако, несмотря на все трудности, проблема передачи на французский язык русского философского лексикона переводчиками «Dictionnaire» была решена вполне удовлетворительным образом, что может быть проиллюстрировано, в частности, следующими примерами:

Беспочвенность («[...] термин Шестова, обозначающий в качестве задачи философии избавление от власти «почвы», или многоликостью необходимости» [Русская, 2005]) – «Déracinement [bespocvennost’]» [Dictionnaire, 2010, p. 179] ‘вырывание с корнем’ (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Богоискательство («[...] религиозно-философское течение, возникшее в начале XX в. в среде русской либеральной интеллигенции – философов, литераторов,

---

странно, украинской командой; хотя, собственно, почему бы и нет? Из одного интервью с Б. Кассен после выхода книги можно понять, будто она специально обратилась к украинцам, которые, абсолютно владея русским языком, достаточно внеположны, чтобы отнестись к русской философской терминологии с острающим удивлением [...]. Представленный ими русский отдел служит прекрасным примером упражнения в (авто)экзотизации. Статья о собственно русском языке написана французским индологом (!) Шарлем Маламудом (он перевёл «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) и украинским философом, специалистом по «модальному реализму» Валентином Омеляничком. Неудивительно поэтому, что модальность, избранная дуэтом, оказалось весьма экзотичной [...]. Их гипотеза состоит в том, что «русская философия формируется [в 30-40-е годы XIX в.], исходя из немецкой диалектики, истолкованной в рамках «диглоссийного мышления» [...]. Среди русских непереводаемых слов мы находим следующий список: соборность, богочеловечество, мир, поступок, правда, свобода, свет, другой, истина (а также: подноготная! важный философский термин...), народ, самость, страдание [...].

Увы, дело просто в том, что за последние три четверти века на европейские языки были переведены *считанные* книги русских философов. Проблемы, как передать русские философские «непереводаемости», просто-напросто не существует. [...] слово «богочеловечество» представляет собой вовсе не русскую «непереводаемость», а перевод греческой *theoantropia*. То же касается и «соборности», о которой автор соответствующей статьи Ж. Нива все же сообщает между делом, что это слово само есть попытка (небесспорная и оспаривавшаяся) перевести греческое *khatolikos* [...]. Что впоследствии и богочеловечество, и соборность обросли новыми коннотациями, делающими проблематичным их перевод «обратно», – несомненно. Но переводчики и традуктологи-переводоведы знают, что это справедливо для любого перевода, не обязательно перевода философских текстов» [Маяцкий, 2011, с. 17-19]. Автор этой рецензии пишет в заключении: «Легче и приятнее фанфаронить [...] многогранностью, неуловимостью, а потому якобы «непереводаемостью» «правды» (justice и truth), «мира» (world, community и peace), «света» (world и light), чем развивать свой философский язык [...]. Было бы гораздо интереснее и наверняка полезнее изучить и показать, как современный русский (украинский, армянский, татарский и др.) язык работает над освоением и переводом классической и современной философии [...]» [там же, с. 20-21].

«новоправославных» священников (Мережковский, Бердяев, Розанов, Булгаков...)» [Русская, 2005]) – «Chercheurs de Dieu [Bogoiskatel'stvo]» [Dictionnaire, 2010, p. 123] 'искатели Бога' (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Богостроительство («[...] религиозно-философское течение, возникшее в русской социал-демократии после революции 1905-1907 гг.» [Русская, 2005]) – «Constructeurs de Dieu [Bogostroitel'stvo]» [Dictionnaire, 2010, p. 158] 'строители Бога' (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Богочеловечество («[...] одно из ключевых понятий русской религиозной философии, восходящее к христианскому учению о единстве божественной и человеческой природы Иисуса Христа [...]» [Русская, 2005]) – «Divino-humanité» [Dictionnaire, 2010, p. 189].

Двоеверие («[...] древнерусское сознание при господстве православного учения включало элементы языческого прошлого, что принято называть «двоеверием»» [История, 1998]) – «Double foi [Dvoeverie]» [Dictionnaire, 2010, p. 199] 'двойная вера' (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Евразийство («[...] идейно-политическое и общественное учение в русском послеоктябрьском зарубежье 20-30-х гг.» [Русская, 2005]) – «Eurasianisme (ou Mouvement eurasiens)» [Dictionnaire, 2010, p. 246] 'евразийство (или евразийское движение)' (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Иосифляне («[...] сторонники и последователи Иосифа Волоцкого. Как церковно-политическое течение иосифлянство сложилось в конце XV– начале XVI в... Иосифляне выдвигали на первый план... социальную миссию религии и церкви как организующего начала человеческого общежития» [Русская, 2005]) – «Joséphiens [iosiflâne]» [Dictionnaire, 2010, p. 404] (<Joseph de Volok 'Иосиф Волоцкий').

Младороссы («[...] одно из течений русской эмиграции [...], соединившее в себе некоторые элементы сменовеховства [...] и евразийства на платформе признания свершившейся революции» [Русская, 1995]) – «Jeunes-Russes [Mladorossy]» [Dictionnaire, 2010, p. 403] 'молодые русские' (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Нестяжатели (сторонники религиозного течения во 2-й половине XV –середине XVI в., «нестяжатели выступали против втягивания церкви в мирские дела [...]» [Русская, 2005]) – «Nestiajateli [Nestâzateli] (lit. «non acquéreurs»)» [Dictionnaire, 2010, p. 989].

Новоградство («[...] течение в послереволюционной эмиграции, получившее своё название от социально-философского и общественно-политического журнала «Новый

град» [...]» [Русская, 2005]) – «Cité nouvelle [Novogradstvo]» [Dictionnaire, 2010, p. 140] ‘новый город’ (*перевод мой – Н.Г.-М.*).

Почвенничество («[...] литературно-общественное и философское направление 60-х гг. XIX в. [...] основополагающей была идея о «национальной почве» как основе и форме социального и духовного развития России» [Русская, 2005]) – «Enracinement [Pocvennicestvo]» [Dictionnaire, 2010, p. 223] ‘укоренённость’ (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Сменовеховство («[...] идейно-политическое и общественное движение, возникшее в начале 1920-х гг. в среде русской зарубежной либерально настроенной интеллигенции. Получило своё название от сборника «Смена вех» [...]» [Русская, 2005]) – «Changement de jalons [Smenovehovstvo]» [Dictionnaire, 2010, p. 119] ‘смена вех’ (*перевод мой – Н. Г.-М.*).

Соборность ([...] «специфическое понятие русской философии, выработанное Хомяковым [...], церковный Собор выражает идею «единства во множестве» [...]. В этом смысле, считал он, православная церковь, органично сочетая два принципа – свободу и единство, противоположна католической авторитарной церкви, где есть единство без свободы, и протестантской церкви, где существует свобода без единства» [Русская, 2005]) – «Sobornost (conciliarité)» [Dictionnaire, 2010, p. 781] («concile ‘церковный собор; постановлений собора’, conciliaire ‘соборный’).

Что касается выбора для перевода тех словарных статей, содержание которых, с точки зрения французских переводчиков-составителей, с необходимостью должно было сделаться известно франкоязычному читателю, то её решение, как представляется, было обусловлено особенностями рецепции русской философии французскими переводчиками-русистами, которые, как и большинство образованных людей на Западе, привыкли к определённой, западной, форме философствования (именно об этом свидетельствуют приведённые выше высказывания Франсуазы Лесур). Возможно, поэтому они считают возможным, например, существенно «проредить» персоналии, которые в обоих русских изданиях формируют обширную многовековую картину истории русской формы философствования, русской философии. В частности, во французском издании нет статей и даже упоминаний о многих русских мыслителях не только XI-XVII веков, но и XVIII-XIX веков...

По-видимому, в связи с этим можно говорить о некотором искажении во французском словаре истории русской мысли, развитие которой «несмотря на смену авторитетов, борьбу различных течений, ломку устоев, [...] представляет единый, непрерывный, имеющий тысячелетнюю традицию, процесс, в ходе которого с самого

раннего периода были заложены основы русского философского менталитета: повышенный интерес к морально-этической, антропологической, историософской проблематике; учительный, проповеднический, просветительский характер мыслительной деятельности; стремление выражать идеи и концепции более в пластических формах, близких искусству, нежели в дискурсивных, как это присуще Западу со времён средневековой схоластики [...]» [История, 1998]. Российские философы подчёркивают, что «рационализм и эмпиризм являются не единственно возможными, а лишь одними из многих форм философствования²⁷, доминирующими в западной традиции», что, в частности, «при рассмотрении отечественной философии Средневековья, прежде всего следует отбросить навязчивые стереотипы о её неразвитости, слабом присутствии в духовной жизни общества или даже о полном отсутствии как таковой» и что «подобные взгляды объясняются либо незнанием подлинных памятников древнерусской культуры и прежде всего богатейшего культурного наследия, либо односторонней, неадекватной, ограниченной их интерпретацией» [История, 1998].

Вместе с тем, публикация на французском языке в лексикографической форме обширной информации об истории и современности русской философии, несомненно, способствует оптимизации как рецепции русской философской традиции франкоязычными читателями разных стран, так и философской коммуникации в целом.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с.
- Автономова Н.С.* Философия языка Жака Деррида / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
- Голубева-Монаткина Н.И.* Русский переводчик французских президентов // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 23-30.
- История русской философии: Учеб. пособие: ИФРАН [Электронный ресурс] / Отв. ред. М.Н. Громов. 1998.
– Режим доступа: [plfile/root/biblio/1998/Hist_rus_ph_1.pdf iph.ras.ru/](http://iph.ras.ru/plfile/root/biblio/1998/Hist_rus_ph_1.pdf)
- Маяцкий Михаил.* Непереводаемости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводаемостей» под ред. Б. Кассен // Логос. 2011. № 5-6 (84). С. 13-21.

---

²⁷ См. об отношении к древнекитайской форме философствования, например, в работе [Рыков, 2012, с. 12-13]: «Те, кто отказывается признать наличие в Древнем Китае подлинной философии, обычно ссылаются на то, что там якобы отсутствовали рациональные методы аргументации (перефразируя на наш язык, в Древнем Китае были «мудрецы», но не было тех, кто «рассуждал», «разъяснял» и «аргументировал»). Это объясняется только лишь их неосведомлённостью, поскольку современная синология довольно много узнала о древнекитайской рациональности [...], которая во многих отношениях была похожа на западную [...]. Имелся в древнекитайской мысли и общий набор тем, сходных с [...] трактовками предметов западной философии».

Рикёр Поль. Вызов и счастье перевода // Логос. 2011. № 5-6 (84). С. 148-153.

Риторика М.В. Ломоносова: проект словаря / Науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Геликон Плюс, 2013. 132 с.

Рыков С.Ю. Древнекитайская философия / С.Ю. Рыков. М.: ИФРАН, 2012. 312 с.

Русская философия. Словарь [Электронный ресурс] / Под общей редакцией М.А. Маслина. 1995. – Режим доступа: www.logic-books.info/node/425

Русская философия. Энциклопедия [Электронный ресурс] / Под общей редакцией М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. 2007. – Режим доступа: log-in.ru/books/russkaya-filosofiya-enciklopediya-kollektiv-avtorov-filosofiya.

Dictionnaire de la philosophie russe / Sous la direction de Mikhaïl Masline (éd. Respublika, 1995; éd. Komplex, 2007). Édition française sous la direction de Françoise Lesourd. Lausanne : Editions L'Age d'Homme, 2010. 1009 p. (Collection SLAVICA dirigée par Gérard Conio, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevic. Série Idéa).

Грибановская Е.С.
Общество распространения русского языка
и культуры г. Салоники
г. Салоники (Греция)

Gribanovskaya Elena
Russian Language and Culture Center, Thessaloniki
Thessaloniki (Greece)

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА «ЧУЖОГО»

TRANSLATION STRATEGIES OF «FOREIGN»

В данной статье мы рассматриваем в синхроническом и диахроническом аспекте проблему выбора стратегии перевода «чужого» – понятий, не нашедших отражения ни в культуре, ни в языке перевода. Нами подчёркивается первостепенное значение определения цели в каждом конкретном переводческом акте при выборе перевода «точного по образу» или сохраняющего «остатки чуждости». На материале исследований учёных-лингвистов и переводчиков анализируются противоположные точки зрения о выборе той или иной переводческой стратегии. Приводятся мнения Шлейермахера, Гумбольдта, Гердера, Мунена, Венути, Балью и др. Выбор между адаптационным или дословным переводом, «прозрачным» или «цветным» представляет собой вечный спор между оригиналистами и целевиками. Выделяются два базовых принципа, лежащих в основе переводческих стратегий – «остранение» или «одомашнивание». Рассматриваются эпоха «прекрасных неверных» во французском переводе и комментарии переводчиков того времени, выбирающих адаптационный перевод, а также новая парадигма XIX века и стратегия «остранения». Делается вывод, что выбор стратегии перевода во многом зависит от личности переводчика и является его личным выбором, и спор о правильности того или иного выбора представляется возможным отнести к одному из парадоксов переводов.

This article is concerned with synchronic and diachronic aspects of strategic choice in translation of “foreign” i.e. the concepts which haven't found reflections neither in target-language culture, nor in its language. Author emphasizes key importance of aim determination in each particular translation act whether dynamic or functional equivalence is chosen. Researches of linguistic scientists and translators expressing opposite points of view in the issue are analyzed and opinions of scientists such as Schleiermacher, Humboldt, Herder, Mounin, Venuti, Balliu etc. are studied. The choice between literal translation and adaptation, “transparent” and “color” translation represents never-ending dispute between originalist and objectivist theories. Two basic principles underlying the choice of translation strategies are emphasized: «foreignization» and «domestication». The 19th century paradigm of «foreignization» as well as the tradition of «belles infidèles» in France and translators' comments of that time choosing the adaptation strategy are viewed. Author comes to conclusion that the choice of translation strategies is a personal act and depends in many respects on the identity of the translator, and that is possible to refer the dispute on correct choice of this or that strategy to one of the paradoxes of translation.

Ключевые слова: стратегии перевода, «чужое»/«свое», «прозрачный»/«цветной» перевод, «остранение»/«одомашнивание».

Key words: Translation strategies, «national»/«foreign», «transparent»/«color» translation, «foreignization»/«domestication».

Переводом в широком понимании можно считать процесс передачи письменного или устного сообщения с одного языка на другой, но его сложно оценивать, как переход от языку А к языку Б или как результат «клонирования» оригинала [Костикова, 2010, 158]. Многогранность и сложность этого понятия, не может быть выражена в одном

определении. Преступая к переводу, переводчик становится частью системы «универсального», «своего» и «чужого», последнее из которых является самым сложным элементом этой системы, т.к. именно его переводчику необходимо осмыслить и передать принимающей культуре. В процессе перевода переводчику непрерывно приходится соприкасаться с концептами другой культуры, на нем лежит сложнейшая задача трансформировать внутринациональный текст, предназначенный для восприятия только одной определённой культурой, и сделать его наднациональным, т.е. доступным другой этнолингвистической общности. Сталкиваясь с универсальными понятиями, переводчик не испытывает большой трудности в их передаче на другой язык, но существуют понятия неотражённые ни в культуре, ни в языке перевода, которые и являются тем «чужим», что требует особого внимания в процессе перевода.

Соприкасаясь с элементами чужой культуры в тексте, переводчик встаёт перед выбором стратегии перевода, а любая стратегия определяется целью: перед тем, как сделать вывод в пользу той или иной стратегии, необходимо понять, какая цель стоит в данном конкретном акте перевода. В художественном переводе перевод «точный по образу», то есть который сохраняет прагматику текста «приспосабливаясь к прагматическим правилам переводящего языка» [Нойнберг, 1978, с. 195], но теряет элемент «чуждости», вряд ли представляется возможным, ведь каждый переводчик старается быть верным оригиналу и сохранить его своеобразие.

Так, немецкий поэт и переводчик И.Г. Гердер (1744-1803) предлагает сохранять «чуждость» оригинала и выступает за переводческие комментарии, а также критикует адаптационный подход к переводу, когда переводчик максимально приближает текст оригинала к принимающей культуре, оправдывая такую стратегию совершенством своего языка. Вот, что он пишет о французской традиции «прекрасных неверных» переводов, в частности о переводе Гомера: «Французы гордятся своим национальным вкусом, к которому они все приноравливают, вместо того, чтобы приноравливаться самим ко вкусу иных времён. А мы, бедные немцы, напротив не имеем Родины и почти не имеем читающей публики. Ещё свободные от тирании национального вкуса, мы хотим видеть эпоху такой, какая она есть. Наилучший перевод не может этого достичь, если его не сопровождают примечания и комментарии, отмеченные высоким критическим умом» [Копанев, 1972, с. 179].

Современный американский учёный Н. Шапиро высказывает другую точку зрения: «Я рассматриваю перевод как стремящийся произвести текст настолько прозрачный,

чтобы даже и ощущения не было, что это текст переведённый. Хороший перевод – как стеклянная поверхность. Понимаешь, что она есть, когда замечаешь небольшие дефекты – царапины, пузырьки. В идеале их быть не должно. Они никогда не должны привлекать к себе внимания» [Цит. по: Venuti, 1995, p. 1].

Французский лингвист Ж. Мунен (1910-1993) также использует метафору стекла для описания стратегий, который может выбрать переводчик, но он говорит не только о прозрачном стекле, но и о цветном. Он предлагает различать два вида перевода, два пути, которыми может пойти переводчик. «Прозрачными стёклами» Мунен называет трансляты, в которых ничто не выдаёт их переводного характера, переводчик, таким образом, выбирает стратегию отхода от форм языка оригинала и создания у читателя впечатления, что текст изначально был написан на языке перевода. Он стремится передать своеобразие произведения, но не эпохи и культуры, в которых оно было отражено [Mounin, 1994, p. 74].

Другую стратегию Мунен назвал «цветные стекла», т.е. перевод дословный, который постоянно обращает читателя к палитре эпохи, культуры и языка оригинала [ibid, p. 91].

Метафора «прозрачности» довольно часто появляется в научных трудах при описании качества перевода, а именно степени его близости к оригиналу. Так, современный французский переводовед К. Балью говорит о «прозрачных переводчиках» эпохи классицизма во Франции, когда перевод упрощался в целях удобства прочтения [Balliu, 2002, p. 24]. Однако, критерий прозрачности можно найти ещё раньше, уже в XVI веке французский писатель и философ эпохи Возрождения Мишель де Монтень подчёркивал чистоту язык и высоко оценивал известного переводчика того времени Жака Амио, который переводил греческих классиков. В частности, им были переведены практически все сочинения Плутарха. Вот, что пишет Монтень во второй книге «Опытов»: «Среди всех французских писателей я отдаю пальму первенства – как мне кажется, с полным основанием – Жаку Амио. Я вижу, что на протяжении всего его перевода смысл Плутарха передан так превосходно и последовательно, что, либо Амио в совершенстве понимал подлинный замысел автора, либо он настолько вжился в мысли Плутарха, сумел настолько отчётливо усвоить себе его общее умонастроение, что нигде, по крайней мере, он не приписывает ему ничего такого, что расходилось бы с ним или ему противоречило. Но главным образом я ему благодарен за находку и выбор книги, столь достойной и ценной, чтобы поднести её в подарок моему отечеству. Мы, невежды, были

бы обречены на прозябание, если бы эта книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы погрязли. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить, и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами. Амико – это наш молитвенник» [Монтень, 1992].

К. Балью, современный теоретик перевода, в своей книге «Прозрачные переводчики» («Les traducteurs transparents») приводит мнение А. Класс, который полагает, что дискуссии в XVII веке велись именно вокруг эпитета «прозрачности». Сегодня этот спор интерпретируется как оппозиция между «оригиналистами», т.е. теми, кто был верен оригиналу и добивался максимальной близости, и «целевиками» – сторонниками адаптации текста перевода к культурной и социальной среде целевой аудитории, для которой совершается перевод. [Balliu, 2002, p. 12-15].

Л. Венути, современный американский переводчик, историк и теоретик перевода, в своей работе «Переводчик-невидимка» («The translator's invisibility») говорит о роли переводчика и степени его влияния на переводной текст. Венути является сторонником «цветного» перевода и выступает против его «прозрачности», говоря о том, что верность критерию прозрачности приводит к искажению оригинала в пользу «своего» в ущерб «иному», что в свою очередь, способствует укоренению эстетики этноцентризма в переводе. Венути критикует «натурализацию» перевода в принимающем языке, т.к. такой перевод воспроизводит только образы принимающей культуры.

Долгое время в европейской теории перевода критерии идеального перевода, по мнению Венути, основывались на динамической эквивалентности и коммуникативном подходе Ю. Найды, американским теоретиком перевода. Согласно его теории динамическая эквивалентность – это качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передаётся на языке-рецепторе таким образом, что реакция рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов. При этом под реакцией подразумевается общее восприятие сообщения, включающее понимание его смыслового содержания, эмоциональных установок [Толковый переводоведческий словарь, 2003]. Венути не был сторонником такого «целевого» перевода, он, напротив, поддерживал переводчиков «оригиналистов», нацеленных на автора и на оригинал.

Венути в своей работе употребил термины *foreigning* и *domesticating* (рус. «остранение» и «одомашнивание»), где первое – сохранение своеобразия и особенностей текста оригинала, а второе – это адаптация текста оригинала к культуре языка перевода [Venuti, 1995]. Сам Венути выступал за сохранение «остатков чуждости» (*reminders*) в

тексте перевода и предлагал переводчикам оставлять комментарии с объяснениями семиотико-художественной значимости знаков «чужой» культуры. Стратегию «остранения» можно сравнить с концепцией «Левия мытаря», «когда переводчик, подобно евангелисту Левию Матфею, неотступно следовавшему за Христом и старавшемуся как можно более точно интерпретировать затем его речи на арамейском языке, следует за автором, не стараясь продемонстрировать собственный писательский талант. Его талант в том, чтобы преодолеть преграды, расставляемые на каждом шагу переводящим языком, отражающим своеобразное видение и понимание мира, и попытаться передать авторский замысел, авторские образы, авторскую философию» [Гарбовский, 2010, с. 6].

Ярким примером стратегии «одомашнивания» может послужить XVII век, когда господствовала эпоха «belles infidèles» (фр.) – «прекрасных неверных»: перевод античного наследия осуществлялся с целью обогащения и развития собственного языка, за счёт потери своеобразия оригинала. Происходило абсолютное «одомашнивание» исходного текста. Подробно данная теория была описана в монографии Р. Зюбера. Перевод античных текстов был всего лишь переложением, сознательно отдалённым от оригинала. Переводчику отводилась роль «улучшителя» текста оригинала, он должен был адаптировать его под вкусы современных читателей, суметь вызвать «те же» эмоции, ассоциации, настроения, что вызывал текст в той эпохе, в которой он был написан, и избавить его от всего лишнего и недостойного с точки зрения морали и культурных традиций того времени [Zuber, 1995].

В предисловии к своему сатирическому роману «Персидские письма» (1721) Шарль Луи Монтескье перечисляет функции переводчика следующим образом: «Все мои старания были направлены на то, чтобы приспособить [...] произведение к нашим нравам. Я по возможности облегчил читателям азиатский язык и избавил их от бесчисленных высокопарных выражений, которые до крайности наскучили бы им. Но это ещё не все, что я для них сделал. Я сократил пространные приветствия и опустил бесконечное число мелочей, которым так трудно выдержать дневной свет» [Цит. по изд.: Французский фривольный роман, 1993, с. 209].

А вот что пишет Жаном-Пьером Флорианом в предисловии к его переводу «Дон Кихота» Сервантеса (1799), который правильнее было бы назвать переложением, т.к. в нем полностью удалена реально-сатирическая струя испанского романа «Рабская верность есть порок. В романе «Дон Кихот» заметны изъяны, черты дурного вкуса. Почему бы их

не выбросить? Самый приятный перевод является самым верным» [Цит. по: Голубков, 2008].

Таким образом, стратегией перевода становится угодить публике. В 1620 г. появляются переводы посланий Овидия, которые были выполнены Ла Броссом и Линжандом. При этом Линжанд ставит переводы в той последовательности, которая представляется ему логичной и более связной по сюжету для восприятия, а Ла Бросс сокращает ряд фрагментов, а также добавляет одно подражание [там же].

Франсуа Малерб, который выполнил перевод-переложение Тита Ливия, пишет о методологии работы в предисловии к своему переводу 33-й книги: «В моем переводе наличествуют места, куда мною было добавлено то, чего не хватало в латинском тексте, в других местах я поменял слова, которые очевидно были неправильно употреблены». И далее: «Коли где-то я добавлял или выбрасывал что-то, то первое я производил, чтобы прояснить тёмные места, затрудняющие чтение тем, кто не желал бы этих препятствий, второе же я делал, чтобы не повторяться и не говорить не к месту, против чего восстаёт наш тонкий ум. В том, что касается истории, я описывал её точно и пунктуально, правда, я не хотел хаоса, которого не избежать при буквальном переводе» [Malherbes, 1862, p. 465].

В 1699г. появляется прозаический перевод «Илиады» Гомера, выполненного Анной Дасье. После чего французский поэт и драматург, член Французской академии Антуан Удар де Ламотт опубликовал в 1714 г. стихотворное переложение этого перевода в значительно сокращённом и изменённом виде (сократив 12 песен из 24 и значительно переделав остальные). В предварявших перевод «Рассуждениях о Гомере» (фр. *Discours sur Homère*) Ламотт писал о том, что современная литература далеко ушла вперёд от античной, и следует приблизить античные шедевры к современности, упрощая стиль и форму: «Переводя «Илиаду» в стихах, я ставил себе целью дать публике французскую поэму, которая читалась бы, и полагал, что могу достигнуть этой цели только в том случае, если поэма будет короткой, интересной и свободной, по крайней мере, от больших недостатков. ...Я часто позволял себе большую смелость: выпускал целые книги, изменял порядок событий и даже осмелился измышлять некоторые эпизоды [...]. Я сократил количество книг в «Илиаде» с двадцати четырёх до двенадцати, и они у меня гораздо короче, чем у Гомера. Я думаю, что в моем сокращённом переводе они [важнейшие части действия] образуют более правильное и более впечатляющее целое, нежели у Гомера» [Цит. по: Голубков, 2008].

Цель перевода, выполненного в соответствии со стратегией «belles infidèles», оказывается в том, чтобы познакомить читателя с тем текстом, который его достоин, где отсутствуют оскорбительные для его вкуса места; при этом, очищая исходный текст, переводчик явно «улучшал» образ его автора в глазах публики. Происходит сознательная нейтрализация первоисточника, из которого изгоняются не только низкие выражения, но и все то индивидуальное авторское своеобразие, что культивированным обществом XVII века, приписавшим себе качества носителя экспертного знания, могло быть воспринято как стилистический или смысловой дефект. Таким обществом оказались в XVII веке многочисленные салоны, ассамблеи и частные академии. К числу самых знаменитых таких организаций относился изначально и кружок Валентена Конрара, который волей Ришелье был превращён во Французскую академию [Голубков, 2008].

В XIX веке стратегия перевода снова пересматривается, меняется переводческая парадигма, и появляется большое количество повторных переводов. Переводчики уже больше не создают «прекрасные», но далёкие от текста источника переводы, а, наоборот, стремясь к точности и приблизиться к оригиналу, выбирают стратегию «остранения». Так, Шатобриан в 1828 году выполняет перевод на французский язык произведения Мильтона «Потерянный рай», которое уже неоднократно переводилось. В предисловии к своему переводу Шатобриан критикует предыдущие переводы за слабость и неточности и объясняет свой выбор стратегии, которую он считал революционной для своего времени. Он пошёл по пути сохранения точности и максимальной близости к оригиналу. Свой перевод он называл «словарём поэмы Мильтона». Для того, чтобы «остранить» перевод Шатобриан прибегает к следующим приёмам: созданию неологизмов, сохранению речевых регистров, как они присутствуют в оригинале, калькирование синтаксиса английской фразы, сохранение интертекстуальности благодаря цитированию Сенеки, Библии и т.п. из уже существующих на французском языке переводов.

Гете уверен, что выбор стратегии зависит от менталитета переводчика. Так, сравнивая переводы одних и тех же произведений на немецкий и на французский язык, он выявляет два принципиально различных подхода: «Француз, произвольно обращающийся со словами оригинала, так же произвольно поступает с чувствами, мыслями, да и со смыслом вообще, он во что бы то ни стало требует заменить сочный плод любым суррогатом, но только чтобы этот суррогат вырос на его собственной почве. [...] А в характере немца – почитать все иностранное и применяться к чужеземному своеобразиею» [Цит. по: Копанев, 1972, с. 189, 191]. Таким образом, французы, по мнению Гёте, склоны

выбирать стратегию «одомашнивания», приближая текст оригинала к своей культуре, а немцы – стратегию «остранения», сохраняя своеобразие оригинала.

Рассуждения о вопросе выбора стратегии перевода мы находим также у Шлейермахера. Он различал два типа переводов – верные, т.е. нацеленные на автора и оригинал, и прозрачные, т.е. нацеленные на читателя и принимающий язык и культуру [Костикова, 2010, с. 45]. Именно переводоведческое наследие Шлейермахера изучал Венути и нашёл в них поддержку своей теории «очуждающего» перевода: «Сегодня [...] мы пытаемся возродить традицию очуждающего перевода, противопоставить её царствующему культу прозрачности, гладкости. [...] Прозрачный дискурс пользуется широчайшим спросом на современном культурном рынке, а тот в свою очередь диктует издательскую политику, предопределяя скептическое отношение к иностранным текстам, не поддающимся гладкому чтению». И далее: «Шлейермахерская лекция даёт прекрасный материал для осмысления того бунта против прозрачности, что наблюдается в современной англоязычной переводческой практике» [Venuti, 1995, p. 11-12]. В своей лекции «О разных методах перевода», прочитанной в 1823 году в Берлинской Академии наук, Шлейермахера один из первых заговорил о системном подходе к переводу. Так, вот что говорил о выборе стратегии перевода: «Либо переводчик делает все возможное, чтобы оставить в покое писателя, и движет ему навстречу читателя, либо он делает все возможное, чтобы оставить в покое читателя, и движет ему навстречу писателя. Эти два пути настолько отличны друг от друга, что, встав на один из них, нужно пройти его до конца со всей возможной строгостью. От попытки пройти оба пути сразу можно ожидать лишь самых сомнительных результатов с риском потерять как писателя, так и читателя» [Шлейермахер, 2000, с. 133]. Сегодня столь строгий критерий представляется довольно спорным, для современных текстов важна гибкость выбора приёмов и стратегий перевода, и выбор ориентации, на текст-источник или на читателя, может изменяться от предложения к предложению. Только соблюдая баланс между двумя членами этой оппозиции и употребляя те приёмы, которые наиболее уместны в той или иной ситуации, возможно, как подвести читателя к пониманию лингвистического и культурного универсума оригинального текста, так и сделать текст доступным для читателя, принадлежащего к другому языку и культуре. Совершенным, по мнению Шлейермахера, является такой перевод, если бы он был выполнен самим автором, владеющим языком перевода, но чаще всего встречаются лишь переводы-подражания, когда сохраняется только коммуникативный эффект, производящийся на читателя. Сам Шлейермахер делает

выбор в пользу стратегии «остранения»: «приближения читателя к автору» как способу его приобщения к «иной культуре» и обогащения языка перевода.

Гумбольдт, рассуждая об оценке качества перевода с точки зрения соотношения в нем «чужого» и «своего», пишет следующее: «Пока ощущается не чуждое, а только налёт чужого, перевод достигает своих величайших целей, но когда чуждое заявляется во всей красе и может затушевать даже чужое, тогда ясно, что переводчик не дорос до своего оригинала [Цит. по: Verman, 1984, p. 246].

Выбор стратегии перевода: одомашнивать или остранять, пожалуй, можно отнести к одному из «парадоксов перевода», сформулированных американским филологом Т. Сейвори в книге «Искусство перевода». Автор приводит противоречивые требования к переводу в виде 6 оппозиций: перевод должен передавать слова оригинала – перевод должен передавать мысли оригинала; перевод должен читаться как оригинал – перевод должен читаться как перевод; перевод должен отражать стиль оригинала – перевод должен отражать стиль переводчика; перевод должен читаться как современный переводчику – перевод должен читаться как современный оригиналу; перевод вправе прибавить нечто к переводу к оригиналу или убавить от него – перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить; стихи следует переводить прозой – стихи следует переводить стихами [Цит. по: Швейцер, 1988, с. 19]. Отношение к этим оппозициям менялось от одной эпохи к другой, соответственно в разные исторические периоды модифицировались нормы перевода согласно переводческой моде и новым культурным канонам. Мы видим, что данные противоречия подчиняются двум переводческим стратегиям, о которых мы говорили выше: перевод или «остраняется», то есть максимально приближается к оригиналу, сохраняя в себе «чуждость», свойственную произведению, созданному на другом языке и другой культурой; или «одомашнивается», то есть приближается к принимающей культуре, делая произведение близким для читателя. В диахроническом плане «одомашнивать» значит делать текст понятным для современника переводчика, а «остранять» – переводить так, чтобы текст читался как современный оригиналу. Выбор в пользу одной или другой оппозиции, также как одной или другой стратегии, вряд ли можно сделать однозначный: переводческая деятельность слишком многогранна и неоднозначна. Задача осложняется ещё и тем, что современная теория перевода недостаточно способствует развитию переводческой критики, целью которой как раз является разработка критериев оценки и качества перевода. Таким образом, переводческая теория становится оторванной от практики, что приводит к тому, что о трудностях

перевода начинают задуматься не только теоретики перевода, но и сами писатели, которые в своей практике сталкиваются с переводом.

Так, У. Эко в своей научно популярной работе «Сказать почти то же самое» рассматривает способы передачи чужой культуры при переводе литературных произведений и вслед за Венути говорит о двух переводческих стратегиях – «остранении» и «одомашнивании» [Эко, 2006, с. 205]. Самым ярким примером «одомашнивания», по мнению Эко, является лютеранский перевод Библии, где текст Священного писания был адаптирован к современному немецкому языку. Что касается «остранения», то его можно проиллюстрировать переводом Гомера на английский язык Фрэнсисом Ньюэном, который использовал архаическую лексику и балладный стих, для того чтобы максимально сохранить дух гомеровского произведения [Эко, 2006, с. 205].

Советские переводчики также задумывались о выборе стратегии. Так, поэт, переводчик, один из создателей советской школы поэтического перевода М.Л. Лозинский (1886-1955), который перевёл произведения таких классиков, как Шекспир, Корнель, Мольер, Лопе де Вега, Сервантес, Мериме, Роллан, и главной работой которого стал перевод «Божественной комедии» Данте, намеренно архаизировал свои переводы, добиваясь, таким образом, эффекта «остранения»: «Помимо изучения истории создания текста, его языковых особенностей, фигур стиля оригинала, Лозинский занимался предварительным анализом возможностей русского языка [...] он одним из первых начал уделять особое внимание исторической дистанции текста, определив для себя лексическую архаизацию как одно из средств её воссоздания» [Алексеева, 2008, с. 111-112].

Однако важно понимать, что, как посредник между автором и читателем, переводчик всегда остаётся «слабым звеном», и выбор той или иной стратегии будет вызывать как положительные, так и отрицательные оценки: «во-первых, из-за его объективной неустранимости из межъязыкового посредничества по определению, во-вторых, из-за неизбежного субъективизма в его творческой работе, в-третьих, из-за объективно обусловленной предвзятости в оценке его труда обществом в лице «профессиональных читателей» – коллег, редакторов, критиков и др., а также просто «читающей публики» [Мишкурлов, 2013]. Переводчик, по мнению Э.Н. Мишкурова, это игрок, который ведёт «рисковую деятельность», и результат этой деятельности априори будет по-разному оцениваться как критиками, так и читателями. «Субъективность положительных и отрицательных оценок работ переводчиков – неотъемлемая черта всей

переводоведческой литературы, что, однако, не мешает, а скорее помогает нескончаемой деятельности по поиску «заветного ключика» к методологии «идеального перевода» [там же]. Часто можно найти самые противоречивые мнения о деятельности одних и тех же переводчиков. Переводческие школы Лозинского, Маршака, Федорова, Комиссарова резко критиковались, однако, «несмотря на шквал критики и хулы, доказали свою теоретическую и практическую состоятельность и заложили прочные основы «классического» отечественного переводоведения» [там же].

Выбор стратегии перевода во многом «зависит от личности переводчика, от концепции, предопределяющей его отношение к «своему» и «иному», от его умения интерпретировать «иное», от его мастерства в использовании форм переводящего языка, от его литературного и переводческого дара» [Костикова, 2010, с. 44-47]. Именно верность переводчиков разным стратегиям перевода становится одной из причин появления новых переводов одного и того же оригинала. Плюральность переводов является закономерным процессом, на который влияет, в первую очередь, время: меняется язык и представления людей, а также происходит «переоценка культурно-исторической значимости духовного наследия прошлых эпох, усиление роли социальных запросов на характер переводов, выполняемых разными методами – «украшающим», «исправляющим», «буквальным», «подчинённым», «независимым» и др. [Пилатова, 2007, с. 353-355]. Н.К. Гарбовский, выполнивший перевод новеллы П. Мериме «Кармен», которая уже неоднократно переводилась на русский язык, так объясняет необходимость появления новых переводов: «Новые переводы имеют право на существование, даже если предшествующие переводы были выполнены признанными мастерами: изменяется общество и его представление о событиях, описанных в оригинале, изменяется переводящий язык. Переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными. Различны и переводческие стратегии [...] изменяются способы поиска информации, необходимой каждому переводчику для преодоления «культурно-исторического невежества», обусловленного значительной пространственной и временной отдалённостью мира оригинала от мира, в котором живёт и творит переводчик» [Гарбовский, 2011, с. 15].

Итак, не существует «плохой»/«хорошей» стратегии, или «верной»/«неверной», любая стратегия является личным выбором каждого переводчика, и спор о правильности

того или иного выбора вряд ли представляется целесообразным. Как говорил Рикер о бесконечных спорах переводчиков о качестве переводов своих коллег: «единственно возможная критика чужого перевода [...] состоит в том, чтобы предложить свой перевод, столь же сомнительный по своей удачности, но будто бы лучший или будто бы иной. И это как раз то, чем постоянно занимаются профессиональные переводчики. Все великие произведения мировой культуры известны нам, в основном, в повторных переводах, которые в свою очередь, тоже не могут считаться непревзойдёнными. Это относится к переводам Библии, Гомера, Шекспира [...], а также философов от Платона до Ницше и Хайдеггера» [Рикер, 1998, с. 7]. Определяя перевод как «особый [...] способ перевыражения оригинального художественного текста на некий иностранный язык с целью порождения третичного художественного текста с максимально схожей родо-жанровой, композиционной и сюжетно-смысловой структурой и одинаковой дискурсивно-перлокутивной ориентацией на личность потенциального реципиента» [Мишкуроев, 2010, с. 18], не стоит забывать, что выбор стратегии неразрывно связан с личностью переводчика. Несмотря на то, что текст оригинала предстаёт перед всеми переводчиками в неизменном виде, каждый из них интерпретирует его по-своему и руководствуется личным опытом в выборе стратегии.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. С. 90-91.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011, № 1. С. 3-16.
- Гарбовский Н.К.* Перевод как художественное творчество // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010, № 3. С. 4-16.
- Голубков А.В.* «Прекрасная неверная»: Французский классический стиль и античная классика XVII-XVIII вв.», «НЛО», 2008, № 94. – Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/go5-pr.html> (дата обращения 31.07.2013).
- Копанев П.И.* Вопросы теории и истории художественного перевода. Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1972.
- Костикова О.И.* К основаниям теории переводческой критики. Труды Высшей школы перевода (факультета) 2005-2010 год. М.: Изд. Высшей школы перевода МГУ. 2010. С.148-164.
- Костикова О.И.* Теория переводческой критики. Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода, 2010, № 3. С. 41-54.
- Мишкуроев Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I). Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69-91.
- Мишкуроев Э.Н.* О метатрансляционных аспектах художественного перевода. Вестник Московского университета. Серия 22 «Теория перевода». 2010. № 3. С. 17-26.

- Монтень М.* [Электронный ресурс] Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. Пер. с фр. М.: Голос, 1992. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001003/st000.shtml> (дата обращения 23.07.2013)
- Нойнберг А.* Прагматические аспекты перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Пилатова В.Н.* Зачем переводить заново? (К вопросу об эквивалентности перевода) / Университетское переводоведение. Вып. 8. Материалы VIII юбилейной междунар. научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». СПб.: Филолог. факультет СПбГУ, 2007. С. 353-356.
- Рикер П.* Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестанской теологии в Париже в октябре 1998 г./ <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> (дата обращения 26.04.2013).
- Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003.
- Французский фривольный роман. М.: ИОЛОС, 1993.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода II Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 2. С. 127-145.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко, СПб.: «Симпозиум», 2006.
- Balliu, Ch.* Les traducteurs transparents. Les Editions du Hazard. Bruxelles, 2002.
- Berman, A.* L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique / A. Berman, Paris: Gallimard, 1984.
- Malherbes, F.* Oeuvres. Paris, 1862.
- Mounin, G.* Les belles infidels. Presses Universitaires de Lille, 1994.
- Venuti, L.* The translator's invisibility: A History of Translation. Routledge, Taylor & Francis Group, London; N.Y., 1995.
- Zuber, R.* Les «belles infidels» et la formation du goût classique. Paris, 1995.

Есакова М.Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Χαρατσιδης Э.Κ.
Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Esakova Maria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)
Charatsidis Eleftherios
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

*КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ (НА
ПРИМЕРЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ
НА ФРАНЦУЗСКИЙ И ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫКИ)*

CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN TRANSLATION STUDIES
(A STUDY OF FRENCH AND GREEK TRANSLATIONS OF *THE MASTER AND
MARGARITA* BY M.BULGAKOV)

Проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественного текста, в значительной степени связаны с тем, насколько он может выразить понятия чужой культуры средствами родного языка и адекватно представить их через понятия родной культуры. Естественно, это оказывается возможным лишь в том случае, если, помимо лингвистических знаний, у переводчика присутствуют и экстралингвистические знания культурно-антропологического порядка столь необходимые для порождения адекватного текста.

В чём загадка и притягательность творчества М.А. Булгакова? Может ли М.А. Булгаков быть понятен в переводе? Что остается от булгаковского текста при переводе на другие языки? Насколько М.А. Булгаков понятен иностранному читателю? В данной статье мы попытаемся ответить на данные вопросы, проанализировав некоторые сцены из романа «Мастер и Маргарита», связанные с такой понятной на первый взгляд, темой, как прием пищи, и их переводы на французский и греческий языки.

The issues a translator encounters translating a piece of fiction are to a considerable extent connected with how he or she can convey foreign realia and adequately present them through the realia of his native culture. Obviously, this only becomes possible if a translator, apart from linguistic knowledge proper, possesses extralinguistic knowledge of cultural-anthropological kind necessary for creating the adequate text.

What is so enigmatic and attractive in Mikhail Bulgakov's works? Can they be conceived and understood when translated into a foreign language? What is left of the original after the translation? How much is Bulgakov's message clear to a foreign reader? The present article is an attempt to answer these questions. We shall analyse some of the scenes from *The Master and Margarita* connected with meals as translated into the French and Greek languages.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, культурно-антропологическая парадигма, экстралингвистические знания, культурологические лакуны, культурно-антропологическая асимметрия.

Key words: translation, fiction translation, cultural-anthropological paradigm, extralinguistic knowledge, culturological lacunas, cultural-anthropological asymmetry.

«Почему его тянет читать и перечитывать?.. Почему всё, изображённое в его книгах, запоминается не как прочитанное, но как воочию увиденное?» – пишет один из исследователей творчества М.А. Булгакова М.С. Петровский в статье «Мастер на все времена» [Петровский, 1991].

В самом деле, читая Булгакова, мы, к нашему собственному удивлению, начинаем искренне верить в необычайные происшествия, о которых рассказывает автор. Например, нам не кажется необычной во встрече Воланда с Берлиозом и Иваном Бездомным на Патриарших прудах, нам не кажется и сверхъестественным то, что профессор Преображенский, сделав операцию собаке, превратил ее в человека и т.д. Понимая всю абсурдность этого состояния, мы ничего не можем с собой поделать и с удовольствием верим в то, что написано в его произведениях, хотя, если бы увидели это собственными глазами, – вряд ли бы поверили.

В чём же загадка и притягательность творчества М.А. Булгакова? Сотни исследователей уже пытались приоткрыть завесу загадочности булгаковского текста, но конкретного ответа так никто на этот вопрос и не дал. Мы, разумеется, не ставим перед собой задачу дать окончательный ответ на этот вопрос, но полагаем, что притягательность произведений Булгакова заключается, прежде всего, в их языке, в тех оборотах речи, которые автор использует, описывая даже самые обыденные ситуации, в тех эпитетах, которые он подбирает для характеристики персонажей и т.д.

Именно поэтому нам представляется интересным проанализировать тексты М.А. Булгакова и понять, может ли М.А. Булгаков быть понятен в переводе, что остается от булгаковского текста при переводе на другие языки, насколько М.А. Булгаков понятен иностранному читателю.

Следует отметить, что проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественного текста, связаны с тем, насколько он может выразить понятия одной культуры средствами другого языка и адекватно представить их через понятия родной культуры. Естественно, это оказывается возможным лишь в том случае, если, помимо лингвистических знаний, у переводчика присутствуют и экстралингвистические знания, столь необходимые для порождения адекватного текста.

Н.К. Гарбовский пишет: «...довольно часто переводчик сталкивается с этнографическими загадками иной культуры. Он должен их разгадать и растолковать на своем языке. Но это лишь частный случай переводческого толкования иного. В общем смысле «иное» для переводчика – это иное сознание, сознание автора, породившего систему смыслов речевого произведения, подлежащего переводу. Проникнуть в эту систему составляет основную задачу герменевтического этапа перевода» [Гарбовский, 2010, с. 110]. Таким образом, именно межкультурные знания – обязательный фактор мастерского перевода, так как, только обладая ими, переводчик может передавать «глубинные замыслы и идеи автора без ущерба смыслу подлинника» [Гудий, 2010].

Говоря о переводе в аспекте межкультурной коммуникации, Костикова О.И. пишет: «Осознание «своего» происходит не только при сравнении с чужим (через осознание «чужого»), но и через восприятие того, как «свое» осознается «чужим». Иными словами, для понимания процессов, происходящих в национальной литературе, важно понимать не только что, как и почему переводится с «чужих» языков и становится достоянием национальной литературы, но также и что, как и почему переводится из национальной литературы на чужие языки и становится достоянием иной культуры» [Костикова, 2010, с. 171].

Подобную точку зрения высказывал и Г.Д. Томахин. Он отмечал, что перевод – это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально-эстетическими нормами и многое другое [Томахин, 1997]. Именно поэтому процесс перевода художественной литературы оказывается достаточно сложным, и не всегда литературное произведение, обладающее «национальным своеобразием», может с абсолютной полнотой быть «воссоздано» на другом языке.

В подтверждение этому можно вспомнить высказывание известного русского писателя Ф.М. Достоевского, который утверждал, что русские писатели принципиально не переводимы. Он писал, что если из всех русских писателей взять хотя бы Тургенева, которого он считал самым западным из всех писателей второй половины XIX века, а из всех произведений Тургенева роман «Рудин» – самое европеизированное, то и оно вряд ли будет понятно европейскому читателю [Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв., 1960].

Но, тем не менее, переводчик должен стремиться к максимально точной передаче смысла и стиля оригинала, и многие исследователи перевода писали об этом, например, А.В. Федоров в работе «Основы общей теории перевода» говорил о том, что «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным, чтобы передать содержание, выраженное в единстве с формой средствами другого языка» [Федоров, 1968]. Переводческие ошибки создают культурологические лакуны и непонимание. Примером таких лакун, по мнению Н.Н. Дзида, является перевод романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский язык. В работах этого исследователя дан сопоставительный анализ оригинала и переводов данного романа на английский язык, это позволило автору выявить асимметричные черты картин мира автора и переводчика. В результате исследования показано, что при чтении оригинального художественного текста возникают лакуны понимания у переводчика, а затем у читателя переводного произведения. Это ведёт к асимметрии межкультурной коммуникации между представителями двух наций. В результате, как утверждает исследователь, английский читатель не может усмотреть за текстом перевода такую же мозаику смыслов, как читатель, владеющий русским языком [Дзида, 2009, с. 33] [цит. по: Кушина, 2010, с. 73].

Попробуем выяснить, так ли это, или только английский перевод романа был выполнен неудачно. С этой целью мы решили проанализировать фрагменты текста, которые представляются универсальными и на первый взгляд не составляют каких бы то ни было сложностей для переводчика, но на самом деле могут оказаться для него теми препятствиями, которые и создают понятийные лакуны для читателя. Для анализа мы выбрали несколько эпизодов из романа «Мастер и Маргарита», описывающих ситуации, связанные с приемом пищи, и их переводы на французский и греческие языки, сделанные Клодом Линем в 1997 году (французский перевод) и Тиной Караиорги и Юрием Яннакопулосом в 1991 году (греческий язык).

Выбор в качестве фактического материала для исследования подобных сцен не случаен. Булгаков уделяет большое внимание сценам трапезы. Его герои не только любят «поесть», но и умеют это делать. Если бы кому-то пришло в голову составить антологию фрагментов из произведений русских авторов, посвященных еде, то Булгаков наверняка занял бы в ней одно из первых мест. Следующая фраза, принадлежащая одному из персонажей Булгакова профессору Преображенскому, могла бы служить эпиграфом к такой антологии: *«Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, и*

представьте, большинство людей вовсе есть не умеет. Нужно не только знать, что съест, но и когда и как... И что при этом говорить, да-с!»

Итак, попробуем проследить, насколько полно и адекватно может быть переведён М.А. Булгаков, сравнив текст оригинала с текстами переводов в избранных фрагментах.

Анализируя булгаковский текст путём его сопоставления с переводами, мы, вероятно, сможем увидеть то, что ускользает от нашего внимания, когда мы читаем текст на русском языке. Может, в самом деле, идея, неоднократно высказывавшаяся в отношении сопоставления языков, а именно о том, что через сопоставление, через сравнение с другим языком мы можем лучше и полнее понять особенности своего собственного языка [см., например, Ладо, Ярцева], может быть применена и к сравнению целых художественных произведений, и, может быть, через перевод нам удастся разгадать тайны текста оригинала. Однако пока мы таких глобальных задач перед собой не ставим. В нашем исследовании мы попытаемся проанализировать лишь некоторые переводческие решения, демонстрирующие, на наш взгляд, как удаchi, так и неудачи при переводе булгаковского текста.

Мы не собираемся высказывать какие бы то ни было критические замечания в адрес переводчиков, тем более мы не хотим выступать подобно многим хорошо известным писателям, литературным критикам, философам, ставившим под сомнение возможность адекватной передачи в переводе художественного текста. Мы только попробуем понять, что из булгаковского текста сохраняется в переводе на греческий и французский языки, а что, напротив, полностью утрачивается.

В данной статье, основываясь на когнитивной теории фреймов [см. подробнее Есакова, 2010, с. 182-199], мы попытаемся определить, в чем состоит отличие описаний этих ситуаций трапезы в оригинальных и в переводных текстах и насколько асимметричны фреймы, восстанавливаемые из этих описаний на основе русской, французской и греческой культурных традиций.

Наиболее общее представление о ситуации еды – архифрейм трапеза – рассматривается с разных точек зрения, как система взаимодействующих во времени и в пространстве актантов. Категории времени и пространства создают внешние границы для взаимодействия актантов, собственно говоря, рамку ситуации (ср. англ.: frame, обозначающее не только некое состояние ума, то есть когнитивную категорию, но и «рамку»). Поэтому временной и пространственный аспекты являются первичными дифференциальными признаками, положенными в основу сравнения фреймов,

восстанавливаемых из описаний на русском, французском и греческом языках.

В данной статье мы остановимся на описании временного аспекта ситуаций, описывающих прием пищи, а в частности на фрейме первой фазы – еда утром, после сна, то есть завтраке. Три оставшихся фрейма: фрейм 2 фазы – еда в середине дня; фрейм 3 фазы – еда вечером и фрейм 4 фазы (факультативный) – промежуточная еда (полдник, завтрак, английский чай и т.д.) в данной статье рассматриваться не будут.

Следует отметить, что мы не ставим перед собой задачу системного описания всех фреймов, связанных со временем приёма пищи, во всем многообразии их элементов и отношений между ними. Мы обратимся лишь к тем, которые выводятся из текста анализировавшегося произведения. Мы постараемся показать, что каждый из них, насколько ясным ни казалось бы описание, представляет некоторые трудности для интерпретации человеком, когнитивный опыт которого сложился в иной культуре.

Обратимся к первому фрагменту текста, где упоминается одна из интересующих нас ситуаций, а именно ситуация «завтрака».

Булгаков описывает разговор Берлиоза и Ивана Бездомного с загадочным иностранцем на Патриарших прудах. Иностранец произносит следующую фразу:

«Ведь говорил я ему (Канту – Е.М.) тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

Берлиоз выпучил глаза. «За завтраком... Канту?.. Что это он плетёт?» – подумал он» (гл. 1 с. 329).

Во французском переводе данный фрагмент выглядит следующим образом: *«Du reste, je lui ai dit un jour en déjeunant avec lui: «Voyez-vous, professeur – excusez-moi – mais vos idées sont un peu incohérentes. Très intelligentes, sans doute, mais terriblement incompréhensibles. On rira de vous».*

Berlioz ouvrit des yeux ronds: «En déjeunant... avec Kant? Qu'est-ce qu'il me chante là?" pensa-t-il» (гл. 1, с. 33).

Русское «за завтраком» передаётся французским «en déjeunant». Решение переводчика заменить русскую именную предложную конструкцию герундием представляется вполне правомерным: во французской литературе герундий, уточняющий ситуацию общения, довольно часто сопровождает глагол речи. Однако некоторые важные, на наш взгляд, элементы ситуации оказываются при этом утраченными. Попытаемся понять, насколько существенны эти утраты.

Слово «завтрак» сразу вызывает в сознании определённый фрейм, с определёнными элементами и отношениями между ними. В русском описании актуализированным оказывается темпоральный компонент фрейма: завтрак – это утренняя еда. Потенциальными элементами являются: набор блюд, время, затраченное на еду, возможность общения и т.п. В обыденном сознании русского «среднего» человека первой половины XX века, к которому и обращается Булгаков, на завтрак время тратится немного, и возможности общения ограничены. Компонент коммуникации в данном фрейме характеризуется как незначительный. Но автор показывает иную, идеальную, картину. Она относится к иной жизни. Дьявол Воланд и философ Кант могут себе позволить неспешно беседовать не за обедом или за ужином, а именно за завтраком, и не о делах, не о дне насущном, а о существовании Христа и о доказательствах его существования. Иначе говоря, в данном конкретном описании ситуации коммуникативный компонент фрейма «трапезы» актуализируется уже как существенный. Картина, описанная Булгаковым, нарушает стереотипное представление о завтраке, она демонстрирует частное, нетипическое, проявление фрейма. Эта необычность значима. Она служит для характеристики персонажей: только «сильные мира сего» могут позволить себе подобную трату времени утром, за завтраком. Данное представление о персонажах не возникло бы, если бы Булгаков написал «за обедом» или «за ужином», когда у людей обычно больше времени для еды. Именно на ужин или на обед обычно приглашаются гости для совместного застолья, предполагающего и коммуникацию.

Использование во французском переводе герундия глагола «*déjeuner*» несколько изменяет картину.

Французский герундий «*en déjeunant*» нивелирует фрейм, делает его менее выразительным. Причина этого в следующем. В современном французском языке к XX веку сложилась традиция называть основные 3 приёма пищи следующими именами: «*petit déjeuner*» – *утром*, «*déjeuner*» – *в полдень*, «*dîner*» – *вечером*. Таким образом, в настоящее время можно установить довольно отчётливую эквивалентность между русскими и французскими названиями трапез, распределённых во времени:

завтрак – le petit déjeuner;

обед – le déjeuner;

ужин – le dîner.

В 18 веке, когда жил Кант, во Франции существовала несколько иная система обозначений «завтрака», «обеда» и «ужина»:

le déjeuner – завтрак;

le dîner – обед;

le souper – ужин.

Интересно, что подобное обозначение распределенных во времени суток трапез сохранялось еще и в 50-е годы двадцатого столетия для обозначения русских аналогов. Так, в известной французской методике самостоятельного изучения языков «Assimil» в самоучителе русского языка («Le russe sans peine») русские «завтрак» и «завтракать» регулярно обозначаются словом «*déjeuner*», «обед» и «обедать» – «*dîner*», а «ужин» и «ужинать» – «*souper*» [Assimil, 1952, p. 128, 152, 292 et alli]. Правда, иногда авторы методики путались и, конструируя искусственные тексты на русском языке, называли «обедом» вечернюю трапезу, предлагая при этом в качестве эквивалента лексему «*dîner*» [там же, с. 128], видимо, в силу уже изменившейся к тому времени системы обозначений данных фреймов во французском языке.

Сейчас, когда лексема «*déjeuner*» обозначает еду в середине дня, что эквивалентно русскому «обед», а «*dîner*» – еду вечером, то есть русское «ужин», лексема «*souper*» называется «еду после театра примерно в 2-3 часа ночи». Это слово употребляется довольно редко и обозначает нетипичные ситуации «полуночничества», то есть называется факультативный фрейм.

Глагол «*déjeuner*», обозначает процесс еды и утром, являясь эквивалентом словосочетания «*prendre le petit déjeuner*» (завтракать), и днем (обедать). Однако процесс утренней еды в сознании французов все больше ассоциируется со словосочетанием «*prendre le petit déjeuner*» [см. Гарбовский, Костикова, 2011, с. 127-128]. Более того, само словосочетание «*le petit déjeuner*» постепенно превращается в сложное слово «*petit-déjeuner*», о чем свидетельствуют некоторые из последних учебников французского языка для иностранных студентов [см.: Gruneberg, 2000]. Глагол «*déjeuner*» во французском языке все более прочно закрепляется за именем, обозначающим «обед». Соответственно, герундий этого глагола «*en déjeunant*» скорее воспринимается как описание ситуации обеда, чем завтрака. Для современных французов обед («*le déjeuner*») – это основная еда, во время которой можно отдохнуть, поговорить, пофилософствовать. В современной Франции получили широкое распространение так называемые *déjeuners d'affaire*, во время которых обсуждаются многие проблемы. Позволить себе это могут довольно многие. Иначе говоря, беседа за обедом – *en déjeunant* – воспринимается как нечто обычное и естественное. Поэтому и ситуация, реконструированная в переводе, не может служить для

характеристики персонажей.

Судя по всему, переводчик увлекся главным парадоксом ситуации – иностранец завтракал с Кантом, которого отделяла от современников Берлиоза более, чем одна жизнь. Он не обратил внимание на знак, заключенный в слове «завтрак».

Однако выбор у него был, ведь в современной французской культуре существует «особый завтрак», не характерный для среднего француза. Французы, достигшие определенного положения в обществе, в исключительных случаях особой значимости теряют массу драгоценного утреннего времени в парижских пробках, чтобы приехать на «*petit déjeuner*», заказанный заранее и весьма дорогой завтрак, например, в гостинице «Ritz», где бывали М.Пруст, Гитлер и многие другие знаменитости, или в каком-либо ином шикарном отеле. Там они, подобно Воланду и Канту, неспешно обсуждают важные проблемы. Сохранение в переводе обозначения именно «завтрака» («*petit déjeuner*») позволило бы показать не только исключительность ситуации, но и значительность ее участников. Французский язык не противодействует такому решению. Форма «*au petit déjeuner*» (вариант «*au petit-déjeuner*») не нарушила бы стиля повествования.

Таким образом, переводчик, приняв свое переводческое решение, осуществил в известном смысле дифференциацию значений. Он сместил фрейм трапезы, описанный Булгаковым, на одну фазу по временной шкале и «стер» сему необычности поведения, свойственного этим персонажам, что являлось их важной характеристикой. Во французской версии идеальная русская картина исключительной ситуации, в которой участвуют исключительные люди, оказалась несколько менее выразительной.

Обратимся теперь к переводу этой сцены на греческий язык, где, на наш взгляд, данная ситуативная реалья достаточно точно передана переводчиками.

Του τό' λεγα εγώ τότε **στο πρόγευμα**: «Καθηγητά μου, αν επιτρέπετε, επινοήσατε κάτι ασυνάρτητο! Ίσως να είναι κι έξυπνο, αλλά είναι φοβερά ακαταλαβίστικο. Θα γελούν με σας».

Ο Μπερλιόζ γούρλωσε τα μάτια του. «**Στο πρόγευμα...** στον Кант;... Τι τσαμπουνάει αυτός;» σκέφτηκε (гл. 1, с. 14).

В переводе на греческий язык русское выражение «за завтраком» звучит как «*στο πρόγευμα*».

Однако следует отметить, что в греческом языке, помимо слова «*το πρόγευμα*» (кстати, употребляемого не так часто), используются слова: ««*το πρωινό*» («завтрак») и *το коλατσιό* («лёгкий завтрак»).

Почему же переводчик выбрал форму, менее распространенную в языке? Рассмотрим значение каждого из существующих слов, имеющих значение «завтрак» и попытаемся определить, почему переводчики выбрали слово «*το πρόγευμα*» и насколько оно адекватно передает ситуацию, описанную в романе.

Начнём со слова «*το πρωινό*», которое до 1961 года использовалось только в значении «*утро*», «*утренние часы*» (на димотике; до 1961 года существовали два языка *димотики* и *кафаревуса*). Только после признания «димотики» литературным языком слово «*το πρωινό*» начинает использоваться в значении «*завтрак*». Сегодня это слово используется в двух значениях: «*часть дня, утро*» и «*первое принятие пищи в утренние часы*» [Σύγχρονον Ορθογραφικόν – Ερμηνευτικόν Λεξικόν Της Ελληνικής Γλώσσης (Καθαρεύουσας - Δημοτικής), Επιμελητής της ύλης Θ. Γούλας, Ο.Ε.Ε., «Ατλας», Αθηναί, 1961, с. 1606. Далее: Σύγχρονον Ορθογραφικόν]. Большой частью для обозначения второго значения оно используется вместе с глаголами «*παίρνω*» («*принимать, брать*») и «*τρώω*» («*есть, кушать*»). Например: *Εφυγε για δουλιά χωρίς να πάρει το πρωινό*/ (досл. перевод: *Ушёл на работу не приняв (не взяв) завтрака. Ушёл на работу не позавтракав*) [Λεξικό Της Κοινής Νεοελληνικής, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Θεσσαλονίκη, 1998, с. 1158. Далее: Μανόλη Τριανταφυλλίδη].

Следует также отметить, что слово «*το πρωινό*» широко используется и в рекламных буклетах гостиниц, кафе и ресторанов. Например: *Στο ξενοδοχείο σερβίρουν πρωινό, γεύμα και βραδινό* (*В гостинице предлагают завтрак, обед и ужин*) [Μανόλη Τριανταφυλλίδη..., там же].

В переводе на греческий язык данного фрагмента текста переводчик решил не использовать слово «*το πρωινό*», так как никаких ассоциаций, связанных с необычностью данного приема пищи и тех, кто участвует в этом процессе, оно не вызывает, так как для грека это просто действие – принятие любой пищи. В этом слове присутствует только темпоральный компонент – «*завтрак – это утренняя еда*».

Слово «*το κολατσιό*» (заимствованное из венецианского «*kolatsio*») также не было выбрано переводчиком, так как обычно оно используется, когда говорится об утренней еде, а большей частью вообще о еде, приготовленной на скорую руку [Σύγχρονον Ορθογραφικόν..., с. 1054].

Переводчик свой выбор остановил на слове «*το πρόγευμα*». Почему? В «Современном словаре греческого языка» [Σύγχρονον Ορθογραφικόν..., там же], изданном

в 1961 году, слово «*το πρόγευμα*» приводится в следующих значениях: «*утренняя пища*» или «*утреннее блюдо*». Данное слово обычно используется, если речь заходит не просто об утренней еде, а когда утренний прием пищи принимает официальный характер, например: *Ο πρωθυπουργός παρέθεσε πρόγευμα εργασίας* (Премьер-министр дал званый завтрак) [Μανόλη Τριανταφυλλίδη..., с. 1158].

Таким образом, в повседневной жизни, говоря о завтраке, греки употребляют слово «*το πρωινό*», а для того чтобы подчеркнуть исключительность ситуации и значительность её участников переводчик вполне резонно использовал слово «*το πρόγευμα*».

Приведём ещё примеры, описывающие интересующую нас ситуацию, а именно ситуацию, описывающую «завтрак».

Страннейший завтрак у покойного философа Канта... (гл. 3, стр. 360)

На французский язык данный фрагмент переводится как «*страннейший обед*» – ...*cet etrange dejeuner avec le defunt philosophe Kant...* (гл. 3, с. 73), что, также, на наш взгляд, менее точно передает ситуацию, представленную в тексте оригинала и «стирает» сему «необычности происходящего» и не дает того представления о персонажах, которое складывается у русского читателя.

В греческом языке данная фраза звучит следующим образом: *Ναι, πραγματικά έτσι εξηγούνταν όλα: και το υπεραλλόκατο πρόγευμα με τον μακαρίτη φιλόσοφο Καντ...* [Κερ., 3, σ. 47].

Здесь для перевода слова «завтрак» также используется слово «*το πρόγευμα*», подчеркивающее необычность персонажей, поэтому перевод вполне адекватен. Помимо этого, значение слова «завтрак» усиливается прилагательным в превосходной степени «*страннейший*» – «*υπεραλλόκοτος, το υπεραλλόκοτο πρόγευμα*». Данное прилагательное составлено переводчиками из двух слов «*υπερ – αλλόκοτο*» = «*υπερ (super) + αλλόκοτο (странный)*» = «*гиперстранный*». Данного слова нет в греческом словаре, это, так называемый, «переводческий фразеологизм», который был придуман переводчиками скорее всего для того, чтобы подчеркнуть необычность завтрака.

Рассмотрим еще один фрагмент текста, где речь заходит о завтраке.

«...*сидели в столовой квартиры, доканчивая завтрак...*» (гл. 27 с. 644).

В данной сцене речь идет опять же о Воланде, Аззелло и Коровьеве, которые «*в обычном своем наряде, а вовсе не во фразном праздничном, сидели в столовой квартиры, доканчивая завтрак*». Интересно, что за абзац до этого фрагмента Булгаков, описывая действия обычных людей, а именно «*мужчин, одетых в штатское*», пишет, что было

«около четырёх часов жаркого дня...», а еще за абзац – «между тем время приближалось к обеду...».

Создается впечатление, что М. Булгаков намеренно, описывая Воланда и его свиту, использует слово «завтрак», чтобы еще раз подчеркнуть исключительность этих героев, не подчиняющихся обычному распорядку дня.

Во французском переводе мы читаем: «... *finissaient de déjeuner dans la salle à manger*» (гл. 27, с. 458). Переводчик традиционно вместо слова «завтрак» использует слово «обед», таким образом стирая виртуальную сему, заложенную в тексте оригинала. Он следует логике, так как в предыдущих абзацах речь идет именно о времени обеда: «*cependant, l'heure du déjeuner approchait...*» («время приближалось к обеду...»).

В греческом варианте романа переводчики, напротив, проводят очень четкую грань между обычными людьми и компанией Воланда. Как и в начале романа, переводя слово «завтрак», они используют слово «*το πρόγευμά*» («...*καθόταν στην траπέζα του διαμερίσματος, τελειώνοντας το πρόγευμά τους*») (гл. 27, с. 376), описывая затянувшийся до 16 часов завтрак, который могли себе позволить только те, кто когда-то завтракал с Кантом.

А во фразе из предыдущего абзаца «*Στο μεταξύ πλησίαζε η ώρα του φαγητού...*» (гл. 27, с. 376) («Между тем время приближалось к обеду...») переводчики использовали слово «*το φαγητό*», которое в греческом языке используется в двух значениях: «еда, приготовленная определённым образом» и «принятие пищи в определённое время и определённым образом», т.е. указывает только на принятие пищи, то есть если в сцене, описывающей Воланда и его свиту, Булгаков стремится, на наш взгляд, подчеркнуть официальность и философскую натуру своих героев и переводчики чётко следуют за автором, выбирая именно слово «*το πρόγευμα*», то в данном случае речь идёт просто о том, что настало время обеда, принятия пищи.

Таким образом, проанализировав лишь несколько фрагментов из текста романа «Мастер и Маргарита», в которых речь идет о первом приеме пищи, а именно о завтраке, можно сделать вывод, что французскому переводчику передать необычность ситуации и исключительность героев, участвующих в ней удалось недостаточно хорошо, он «стер» сему необычности поведения, свойственного этим персонажам, что являлось их важной характеристикой.

А в переводе романа на греческий язык, напротив, на наш взгляд, переводчики попытались максимально подчеркнуть необычность описываемых героев, их исключительность и неординарность.

Можно предположить, что греческому коллективу переводчиков лучше удалось разобраться в «картине мира» М.А. Булгакова, глубже проникнуть в русскую культуру и традиции, знание которых необходимы для адекватного перевода.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005-2010. М., 2010. С. 110.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Не забывай сомневаться // Университетское переводоведение. Вып. 11: Материалы XI международной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 20-23 октября 2010, СПб: Филологический ф-т СПбГУ, 2011, С. 127-128.

Дзида Н.Н. Концептуальное пространство романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты. Тюмень: Вектор Бук, 2009. С. 36-41.

Есакова М.Н. Теория фреймов как способ представления действительности и категория ситуативных реалий // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005-2010. М., 2010. С. 182-199.

Костикова О.И. Переводческая критика, «критические переводы» и опыт освоения «чужого» // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005-2010. М., 2010. С. 171.

Кушникова Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник пермского университета, 2010. № 6. С. 73.

Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. М.: Прогресс, 1989. С. 32-62.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 111 с.

Петровский М.А. Мастер на все времена: к 100-летию со дня рождения М. Булгакова // Семья и школа, 1991. № 5. С. 46-49.

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю.Д. Левина и А.Ф. Федорова. Л.: «Советский писатель», 1960.

Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. М.: ИЯз РАН, 1997. С. 129-137.

Источники

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита, Минск: «Юнацтва», 1988.

Boulgakov, M. Le Maître et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny, P., 1997.

Μιχαήλ, Μπουλγκακόφ. Ο Μαιτρ και η Μαργαρίτα. Μετάφραση: Τίνα Καραγεώργη, Γιούρι Γιαννακόπουλος, Εκδόσεις Θυσμείο, Αθήνα, 1991.

Σύγχρονον, Ορθογραφικόν – Ερμηνευτικόν Λεξικόν Της Ελληνικής Γλώσσης (Καθαρεύουσας - Δημοτικής), Επιμελητής της ύλης Θ. Γούλας, Ο.Ε.Ε., «Ατλας», Αθηναι, 1961.

Λεξικό Της Κοινής Νεοελληνικής, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Θεσσαλονίκη, 1998.

А также: Новогреческо-русский словарь [Ελληνορώσικο Λεξικό], М.: Издательство «Культура и традиции», 1993.

Иноуэ Юкиёси
Университет Дзёти
г. Токио, (Япония)

Inoue Yukiyoishi
Sophia university
Tokyo (Japan)

МЕТОДИКА ПЕРЕВОДА РУССКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

TRANSLATION METHOD OF RUSSIAN POEMS INTO JAPANESE

Настоящая статья посвящена разработке методики перевода русских стихотворений на японский язык путём сравнения русского и японского стихосложения. Японский язык отличается от русского тоническим ударением, ярко выраженной разницей в долготе звучания гласных (существуют «короткие» и «длинные» гласные), мораническим «н» и пр. Естественно, эти особенности языка находят отражение в японском стихосложении и причиняют затруднения при переводе русских стихов на японский язык. Несмотря на большие различия между японским и русским стихосложением, обоим языкам свойственна метричность. Н.С. Гумилев, говоря о русских стихотворных метрах, отмечает, что у каждого метра есть своя душа, свои особенности. На наш взгляд, например, ямбические стихотворения с ударением на втором слоге в стопе и японская 5-7-морная метрика могут создать ощущение мужественности и мощности, а хореические стихотворения с ударением на первом слоге и японская 7-5-морная метрика могут вызвать настроение лёгкости и торопливости. Использование этих общих представлений позволяет разработать методику перевода русских стихотворений на японский язык. В настоящее время нам неизвестно о существовании или разработке такой методики.²⁸

Theme of this article is working out method of translation of Russian poems into Japanese by comparing Russian and Japanese versifications. Japanese language differs from Russia in tonic accent, mora (something of which a long syllable consists of two and a short syllable), moraic “n” and so on. As a matter of course, it affects Japanese versification and causes difficulty on translation of Russian poems into Japanese. In spite of differences between Japanese and Russian versifications, both languages may be characterized by their rhythmicity. N.S. Gumilev mentioned about Russian poetic meters that every meter has own spirit, own characteristics. In our opinion, between Russian iambic poems with accent on the second syllable in the foot and Japanese 5-7-mora-metrics there may be common image about masculinity and mightiness, and between Russian trochaic poems with accent on the first syllable in the foot and Japanese 7-5-mora-metrics there may be common image about lightness. Using these common images allows us to work out method of translation of Russian poems to Japanese. As far as we know, such research has never been made and such method has never been realized.

Ключевые слова: стихосложение, стихотворные метры, строфика, 5-7-морная и 7-5-морная метрика, японские трёхстишия «Хайку», пятистишия «Танка».

Key words: versification, poetic meters, composition of stanza, 5-7-mora-metrics, 7-5-mora-metrics, Japanese poem Haiku, Tanka.

Роман Якобсон говорил о непереводаемости поэзии. «В поэтическом искусстве царит каламбур, или, выражаясь более учёным языком и, возможно, более точным,

---

²⁸ Впервые этой теме мы касались в статье «Обучение японских студентов русскому стихосложению» // Серія 5 Педагогічні науки: реалії та перспективи, випуск 29, Київ, 2011, С. 77-81. Но в ней ещё не разработана методика перевода русских стихотворений на японский язык с использованием общих представлений о метричности русского и японского стихосложения.

парономазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является неперевожимой. Возможно только творческая транспозиция, либо внутриязыковая – из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая – с одного языка на другой, и наконец, межсемиотическая транспозиция – из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства – в музыку, танец, кино, живопись» [Якобсон, 1985, с. 367]. Но, с другой стороны, в реальности стихотворения переводятся с исходного на разные конечные языки. Японский язык существенно отличается от русского не только фонетикой, морфологией, но и синтаксисом. И различия между этими языками гораздо больше, чем между русским и европейскими языками. Они же, в свою очередь, вызывают большие различия в русском и японском стихосложении, что причиняет затруднения в переводе русских стихотворений на японский язык с сохранением их формы. Это привело к тому, что до сих пор фактически не была разработана методика перевода русских стихотворений на японский. Несмотря на большие различия между японским и русским стихосложением, обоим языкам свойственны не только звуковые повторы, но и метричность. Обращая внимание на метричность русского и японского стихосложения, мы ниже сравним их и попытаемся разработать методику перевода русских стихотворений на японский язык.

1. Сравнение русского и японского стихосложения

Для наглядности в приведённой ниже таблице мы сопоставили некоторые особенности русского и японского языков, а также русского и японского стихосложения.

Таблица сопоставления русского и японского языков и русского и японского стихосложения

	Русский язык	Японский язык
Ударение	Силовое	Тоническое
Слоги	Открытые и закрытые	Большинство слогов открытые. Согласный /n/ после гласных образует закрытые слог
	Русское стихосложение	Японское стихосложение
Стихосложение	Силлабо-тоническое	Морное
Единица метрики	Слог: «Nippon» (Япония) из 2 слогов (/nip/ и /pon/)	Мора (единица измерения долготы стопы): «Nippon» (Япония) из 4 мор, т.е. /ni/, /Q/, /po/ и /n/. Знак /Q/: геминированный согласный
Метрика	Двухсложные (ямб, хорей) и трёхсложные (дактиль, амфибрахий и анапест)	5-7-морная и 7-5-морная: «Хайку» из 17 (5, 7, 5) мор «Танка» из 31 (5, 7, 5, 7, 7) моры 7-5-морная: «Додоицу» из 26 (7, 7, 7, 5) мор

Ритмическое отсечение стиха	Цезура для ритмической симметрии размера	«Кугирэ» (смысловое отсечение) Хайку: 5, 7 / 5: 5-7-морное 5 / 7, 5: 7-5-морное 5, 7, 5: без «Кугирэ» Танка: 5, 7 / 5, 7, 7; 5, 7, 5, 7 / 7: 5-7-морное 5 / 7, 5, 7, 7; 5, 7, 5 / 7, 7: 7-5-морное 5, 7, 5, 7, 7: без «Кугирэ» Додоицу: 7, 7 / 7, 5: 7-5-морное
Строфика	Перекрёстная, охватная, смежная, комплексная рифма	
Рифма	Мужская, женская, дактилическая	Не принято использовать.
Указание на время года	Нет	«Киго» (сезонное слово) как обязательный элемент в «Хайку»

Как показано в таблице, в японском языке большинство слогов имеет одну длину (мору) и кончается гласными, являясь открытыми. С этим связано то, что в японском стихосложении не принято использовать рифмы, которыми характеризуется европейское стихосложение включая русское. А согласный «н» после гласных образует закрытые слоги. Иначе говоря, согласный «н» в японском языке, в отличие от русского, составляет одну мору. Мора представляет собой время, требуемое для произнесения одной стопы. Морой может быть и слог с кратким гласным, и геминированный согласный, т.е. долгий согласный на стыке двух слогов, обозначаемый фонетическим знаком /Q/. Например, слово «Нирроп» (Япония), состоящее из 2 слогов (/nip/ и /rop/), содержит 4 моры (/ni/, /Q/, /ro/ и /n/). Японскому языку присуща именно морная, а не слоговая метрика, например, 5-7-морная и 7-5-морная. Не только трёхстишия «Хайку», пятистишия «Танка», народные любовные песни (четырёхстишия) «Додоицу», которые состоят из 17 мор (5+7+5 мор), 31 моры (5+7+5+7+7 мор) и 26 мор (7+7+7+5 мор) соответственно, но даже лозунги в Японии строятся по принципу 5-7-морной или 7-5-морной метрики, которая определяется смысловым отсечением «Кугирэ». В отличие от цезуры русского стихосложения, которая рассекает одну из средних стоп и делит стих на два полустишия, «Кугирэ» делит трёхстишия, пятистишия и четырёхстишия на две части в зависимости от их синтаксического значения и ритмичности. Например, в 5-7-5-морном трёхстишии «Хайку» смысловое отсечение «Кугирэ» может находиться между вторым и третьим или между первым и вторым стихами, либо отсутствовать вообще.

5, 7 / 5 мор: **5-7-морная метрика**; 5 / 7, 5 мор: **7-5-морная метрика**
5, 7, 5: без «Кугирэ»

В первом варианте с «Кугирэ» между вторым и третьим стихами метрика трёхстишия 5-7-морная, а во втором – 7-5-морная.

А в 5-7-5-7-7-морном пятистишии «Танка» возможны 4 варианта «Кугирэ»: (1) между вторым и третьим, (2) между четвертым и пятым, (3) между первым и вторым и (4) между третьим и четвертым стихами. В первых 2 вариантах метрика 5-7-морная, а в следующих 2 вариантах – 7-5-морная

5, 7 / 5, 7, 7: **5-7-морная метрика**; 5, 7, 5, 7 / 7: **5-7-морная метрика**

5 / 7, 5, 7, 7: **7-5-морная метрика**; 5, 7, 5 / 7, 7: **7-5-морная метрика**

5, 7, 5, 7, 7: без «Кугирэ»

В 7-7-7-5-морном четырёхстишии «Додоицу» «Кугирэ» всегда находится между вторым и третьим стихами с постоянной 7-5-морной метрикой

7, 7 / 7, 5: **7-5-морная метрика**

5-7-морная и 7-5-морная системы представляют собой, с одной стороны, метрику, а, с другой стороны, своего рода строфику. Чередование 5 мор и 7 мор может быть ассоциировано с чередованием мужских и женских рифм, отличающихся друг от друга количеством слогов в стопе.

Русские стихотворные размеры делятся на два вида, определяемые последовательностью ударных и безударных слогов, – двухсложные размеры (ямб, хорей) и трёхсложные размеры (дактиль, амфибрахий, анапест). Но в русском языке средняя длина слова равна приблизительно 3 слогам (с точностью 1/10) [Томашевский, 1959, с. 315]. С этим связана необходимость внедрения пиррихия в двухсложных размерах. Таким образом русские размеры связаны с особенностями русского языка. Японские стихотворения также связаны с особенностями, в частности с ритмичностью японского языка, характеризующейся четырёхдольным размером, каждая доля которого состоит из двух мор. Иначе говоря, каждый стих японских 5-7-морных и 7-5-морных стихотворений состоит из 4 долей, каждая из которых состоит из двух мор, или из одной моры и одной паузы, или из двух пауз, т.е. каждый стих состоит из 8 мор и пауз. Ниже пустым кругом обозначена мора, а черным кругом – пауза.

5-7-5 морное «Хайку»:

○○ | ○○ | ○● | ●●   ○○ | ○○ | ○○ | ○●   ○○ | ○○ | ○● | ●●

5-7-5-7-7-морное «Танка»:

○○ | ○○ | ○● | ●●   ○○ | ○○ | ○○ | ○●   ○○ | ○○ | ○● | ●●

○○ | ○○ | ○○ | ○●   ○○ | ○○ | ○○ | ○●

7-7-7-5-морное «Додоицу»:

оо | оо | оо | о●   оо | оо | оо | о●   оо | оо | оо | о●
оо | оо | о● | ●●

Как показано выше, 5-7-5-морное «Хайку» состоит из 5 мор+3 пауз, 7 мор+1 паузы и 5 мор+3 пауз, 5-7-5-7-7-морное «Танка» – из 5 мор+3 пауз, 7 мор+1 паузы, 5 мор+3 пауз, 7 мор+1 паузы и 7 мор+1 паузы, а 7-7-7-5-морное «Додоицу» – из 7 мор+1 паузы, 7 мор+1 паузы, 7 мор+1 паузы и 5 мор+3 пауз. Разница в количестве пауз и смысловое отсечение «Кугирэ» дают стихотворениям ритмичную вариантность и сложность. Самые простые и лаконичные формы японских стихотворений включают в себя весьма богатую ритмичность, с которой связана большая свобода и выразительность изображаемых ими образов природы и человека.

Теперь обратим внимание на то, какие впечатления могут производить на читателей и слушателей метры русских стихотворений. Н.С. Гумилев отмечает: «у каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямба, как бы спускающийся по ступеням (ударяемый слог по тону ниже неударяемого), свободен, ясен, твёрд и прекрасно передаёт человеческую речь, напряжённость человеческой воли. Хорей, поднимающийся, окрылённый, всегда взволнован и то растроган, то смешлив; его область – пение. Дактиль, опираясь на первый ударяемый слог и качая два неударяемые, как пальма свою верхушку, мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героев. Анапест, его противоположность, стремителен, порывист, это стихии в движении, напряженье нечеловеческой страсти. И амфибрахий, их синтез, баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно-лёгкого и мудрого бытия» [Гумилев, 1990, с. 72-73]. Естественно, что впечатления от стихотворных размеров не единые и не всегда общие для всех читателей и слушателей. Несмотря на это, представления, вызываемые размерами, могут иметь нечёткий, но определённо общий контур.

Интересно, что можно отметить некоторые общие представления, создаваемые русскими размерами и японской морной метрикой. Например, свобода и твёрдость ямба с ударением на втором слоге в стопе могут ассоциироваться с твёрдостью и мощностью 5-7-морной метрики с большей сонорностью на втором стихе. Вообще тон 5-7-морной метрики характеризуется на японском языке словом «Масурао-бури», означающим мужественность и мощь. А взволнованность и смешливость хорей с ударением на первом слоге в стопе могут быть ассоциированы с лёгкостью и торопливостью 7-5-морной метрики с большей сонорностью на первом стихе. Тон 7-5-морной метрики

характеризуется словом «Таоямэ-бури», которое означает женственность. Термины «мужская рифма» и «женская рифма» перешли в европейскую поэзию, а затем и в русскую из средневековой французской поэзии, в которой появилась традиция чередования стихов с рифмующимися словами женского и мужского рода. Интересно отметить, что независимо от происхождения и значения этих терминов, мужская рифма русского стихосложения, оканчивающаяся на ударный слог после неударного (...U₋), может быть ассоциирована с таким представлением о мужественности и мощности, которое даёт ямб с ударением на втором слоге (U₋). А женская рифма, оканчивающаяся на неударный слог после ударного (...₋U), может давать представление о лёгкости, которое даёт и хорей с ударением на первом слоге (₋U). Иначе говоря, мужская рифма и ямб могут быть связаны с одним общим представлением, а женская рифма и хорей – с другим общим представлением.

Для сравнения представлений, вызываемых метрическими различиями, рассмотрим два «Хайку» поэта XVII века Мацуо Бассё с 5-7-морной и 7-5-морной метрикой соответственно.

Samidarewo   oo | oo | oo | ●●   5-7-морная метрика

Atumetehayashi   oo | oo | oo | oo● /

Mogamigawa   oo | oo | oo | ●●

Перевод В.Н. Марковой на русский язык [Маркова, 1973, с. 91]:

Какая быстрина!   U₋ | UU | U₋   6 слогов

Река Могами собрала   U₋ | U₋ | U U | U₋   8 слогов

Все майские дожди.   U₋ | UU | U₋   6 слогов

Тон 5-7-морного «Хайку», в котором смысловое отсечение находится между вторым и третьим стихами, ассоциируется с представлением о мощности и мужественности течения реки Могами.

Sizukasaya   oo | oo | oo | ●● /

Iwani simiiru   ●o | oo | oo | oo   7-5-морная метрика

Semino кое   oo | oo | oo | ●●

Перевод Марковой на русский язык [Маркова, 1973, с. 90]:

Тишина кругом.   UU | ₋ U | ₋   5 слогов

Проникает в сердце скал   UU | ₋ U | ₋ U | ₋   7 слогов

Лёгкий звон цикад.   ₋ U | ₋ U | ₋   5 слогов

7-5-морное «Хайку», где смысловое отсечение «Кугирэ» расположено между первым и вторым стихами, выражает тишину, в которой слышен лишь звон цикад. Тон этой метрики ассоциируется с представлением о лёгкости мира тишины. При этом смысловая пауза в самом начале второго стиха вдруг вносит изменение в ритмичность стихотворения, что ещё более усиливает ощущение лёгкости и мимолётности этого мира.

Таким образом, между ямбом и 5-7-мерной метрикой с одной стороны, и между хореем и 7-5-мерной метрикой с другой стороны, можно отметить общее психологическое и когнитивное действие, с которым может быть связан тот факт, что как хорей, так и 7-5-морная метрика часто употреблялись и употребляются в народных и популярных песнях.

2. Принципы перевода русских стихотворений на японский язык по стихотворным метрам и по чередованию мужских и женских рифм

Изложенные выше общие представления можно использовать для перевода русских стихотворений на японский язык по стихотворным метрам. Кроме того, чередование мужских и женских рифм можно переводить на 5 мор и 7 мор соответственно.

2.1. Принцип перевода по стихотворным метрам

Целесообразно переводить ямб на 5-7-морную метрику, хорей на 7-5-морную метрику, дактиль с ударением на первом слоге на 7-5-морную, анапест с последним ударяемым слогом на 5-7-морную, и амфибрахий с ударением на среднем слоге на 5-7-морную или 7-5-морную. Эта методика, естественно, не единственно возможная и эффективная. Она должна гибко применяться в зависимости от смысла и оттенков каждого стихотворения.

2.2. Принцип перевода по чередованию мужских и женских рифм

В стихотворениях с чередованием мужских и женских рифм слова каждого стиха с мужской рифмой имеют на один слог меньше, чем с женской. Чередование мужских и женских рифм, отличающихся друг от друга в количестве слогов, может быть ассоциировано с чередованием 5 мор и 7 мор в японских стихотворениях. В этой связи целесообразно переводить чередование мужских и женских рифм на чередование 5 мор и 7 мор. А в разностопных стихотворениях можно переводить стихи с меньшим количеством стоп на 5 мор или на 7 мор, а стихи с большим количеством стоп – на 5-5 мор или на 7-7 мор соответственно.

3. Примеры перевода русских стихотворений на японский

3.1. Ямб

Умом Россию не понять,   U_ | U_ | UU | U_   а
 Аршином общим не измерить: U_ | U_ | UU | U_U   В
 У ней особенная статья –   U_ | U_ | UU | U_   а
 В Россию можно только верить.   U_ | U_ | U_ | U_ U   В

(Тютчев Ф.И., 1860)

Ямбическое стихотворение переведено на 5-7-морное с смысловым отсечением «Кугирэ» между вторыми и третьими стихами. Перекрёстная рифма с чередованием мужской и женской рифм (аВаВ) выражена чередованием 5 мор и 7 мор.

Пример перевода:

Atamadewa rikaisikirenu / Rosiatowa   5, 7 / 5 мор (а)
 Kyoutsuuno monosasiwo-site / hakarenakimono   5, 7 / 7 мор (В)
 Rosiatowa dokujide-koyuu / sonosugata   5, 7 / 5 мор (а)
 Rosiatowa / sinjiru-kotoga   dekiru-dakenari   5 / 7, 7 мор (В)

3.2. Хорей

Дар напрасный, дар случайный,   _U|_U |_U|_U   А
 Жизнь, зачем ты мне дана?   _U|_U |_U|_   б
 Иль зачем судьбою тайной   _U|_U |_U|_U   А
 Ты на казнь осуждена?   _U|_U|_U|_   б

(Пушкин А.С., 1828)

Хореическое стихотворение переведено на 7-5-морное с «Кугирэ» между первыми и вторыми стихами. Перекрёстная рифма с чередованием женской и мужской рифм (АbАb) выражена чередованием 7 мор и 5 мор.

Пример перевода:

Munasiki-sai-yo / tamasakano-sai tennosaitaru   7 / 7, 7 (А)
 Bokuno-inoti-yo / dousite-bokuni fuyosareta?   7 / 7, 5 (b)
 Mata-naniyueni / makafusiginaru sadameniyotte   7 / 7, 7 (А)
 Omaewa-batuwo / ukerusadameto nattanoka?   7 / 7, 5 (b)

3.3. Дактиль

Молча сижу под окошком темницы;   _ UU|_UU |_ UU|_U   А
 Синее небо отсюда мне видно: _ UU|_UU |_ UU|_U   В
 В небе играют всё вольные птицы;   _ UU|_UU |_ UU|_U   А
 Глядя на них, мне и больно и стыдно.   _ UU|_UU |_ UU|_U   В

(«Пленный рыцарь», Лермонтов М.Ю., 1840)

Дактилическое стихотворение переведено на 7-5-морное с «Кугирэ» между первыми и вторыми стихами. Перекрёстная женская рифма (АВАВ) с одинаковым количеством слогов каждого стиха выражена одинаковым количеством в 5 мор.

Пример перевода:

Tadamokuzennto / gouno-madobeni zasinagara 7 / 7, 5 (A)
 Gunseino-sora / bokuwa-kokokara mieteiru 7 / 7, 5 (B)
 Oozorawo-mau / itumo-jiyuuna toritatiwa. 7 / 7, 5 (A)
 Tori-mirunituke / kokoro-kurusiku hazukasiku 7 / 7, 5 (B)

3.4. Анапест

Ты всегда хороша несравненно, UU_|UU_|UU_|UU_U A
 Но когда я уныл и угрюм, UU_|UU_|UU_|UU_ b
 Оживляется так вдохновенно UU_|UU_|UU_|UU_U A
 Твой весёлый, насмешливый ум; UU_|UU_|UU_|UU_ b

(Некрасов Н.А., 1847)

Анапестическое стихотворение переведено на 5-7-морное с «Кугирэ» между вторыми и третьими стихами. Перекрёстная рифма с чередованием женской и мужской рифм (АbАb) выражена чередованием 7 мор и 5 мор.

Пример перевода:

Kimi-tuneni utukusiki-hito / narabumononaki 5, 7 / 7 (A)
 Daga-bokuga utuna-kowosite / fusaidar 5, 7 / 5 (b)
 Reikanni afure-afurete / ikiiki-sidasu 5, 7 / 7 (A)
 Akarukumo nonosiru-youna / kimino-tiga 5, 7 / 5 (b)

3.5. Амфибрахий

Как ныне собирается вещей Олег U_U|U_U|U_U|U_ (4 стопы) а
 Отмстить неразумным хозарам: U_U|U_U|U_U (3 стопы) В
 Их сёла и нивы за буйный набег U_U|U_U|U_U|U_ (4 стопы) а
 Обрѣк он мечам и пожарам; U_U|U_U|U_U (3 стопы) В
 С дружиной своей, в цареградской броне U_U|U_U|U_U|U_ (4 стопы) с
 Князь по полю едет на верном коне. U_U|U_U|U_U|U_ (4 стопы) с

(«Песнь о вещем Олеге», Пушкин А.С., 1822)

Амфибрахическое стихотворение переведено на 5-7-морное с «Кугирэ» между вторыми и третьими стихами. Разностопные стихи с чередованием 4 стоп и 3 стоп выражены чередованием 7-7 мор и 7 мор.

Пример перевода:

Imamasani mukawanentosuru / keigan-narisi Oreegu-kouwa 5, 7 / 7, 7 (a)

Orokanaru Bazaarujinni / fukushuusento 5, 7 / 7 (B)

Susamajiki kano-shuuraini mukuinngatame / muraya-hatakewo 5, 7, 7 / 7 (a)

Turugi-mote hinotewoagete / nakimonotosen 5, 7 / 7 (B)

Mizukarano sinpei-hikii / miniwa-teitono kacchuu-matoi 5, 7 / 7, 7 (c)

Chuujituna umani-matagari / Oreegu-kouwa kouyawo-susumu 5, 7 / 7, 7 (c)

Из вышеизложенного можно заключить, что несмотря на большие различия между японским и русским стихосложением, обоим языкам свойственны не только звуковые повторы, но в первую очередь метричность. Ямбические и анапестические стихотворения с ударением на последнем слоге в стопе и японская 5-7-морная метрика могут создать ощущение мужественности и мощности, а хореические и дактилические стихотворения с ударением на первом слоге и 7-5-морная метрика могут вызвать настроение лёгкости и торопливости. Использование этих общих представлений позволяет разработать методику перевода русских стихотворений на японский язык.

Список литературы

Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с.

Маркова В.Н. Японские трёхстишия. М.: Художественная литература, 1973. 343 с.

Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. 535 с.

Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода. Перевод с английского Л.А.Черняховской. В кн. «Роман Якобсон. Избранные работы», М., 1985, 455 с.

Иноуэ Ю. Обучение японских студентов русскому стихосложению // «Серія 5 Педагогічні науки: реалії та перспективи, випуск 29», Национальний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, Київ, 2011, С. 77-81.

Исмагулова Б.Х.
Казахская академия транспорта и коммуникаций
Базарбаева А.С.
Казахский национальный технический университет
Саметова Ф.Т.
Университет Кайнар
г. Алматы (Казахстан)

Ismagulova Bayan
Kazakh Academy of Transport and Communications
Bazarbaeva Aiman
Kazakh National Technical University
Sametova Fauziya
Kainar University
Almaty (Kazakhstan)

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ КАЗАХСТАНА

PROBLEMS OF QUALITATIVE INTERPRETATION IN TRANSLATION STUDIES OF KAZAKHSTAN

В статье освещается проблема переводоведения в Казахстане. В ходе анализа научных работ этих лет было установлено, что актуальными оказались общие проблемы перевода: теоретические вопросы перевода, перевод художественных текстов, вопросы русско-казахского, казахско-русского и переводов с других языков на казахский язык, проблемы терминологии. Особое внимание уделяется вопросам перевода с подстрочника, не раз обсуждавшихся за годы развития перевода в советскую эпоху, но так и не нашедших своего решения. Кроме того, вопрос подготовки квалифицированных кадров всегда остаётся в центре внимания теоретиков перевода.

В современной теории перевода наметились следующие тенденции: помимо знания языка переводимого произведения, необходимо знание культурных концептов этноса, также понимание психологии другого этноса. Эти требования к переводчикам выносятся с учётом требований и запросов времени.

С момента официального провозглашения казахского языка в качестве государственного наблюдается медленный, но верный процесс формирования правовой базы для поддержания статуса языка, вышли в свет научные работы по теоретическим и практическим вопросам казахского языкознания. Многого делается в республике для выхода казахского языка на международную арену. Именно здесь велика роль адекватных переводов с казахского языка и на казахский язык.

The article highlights the issue of Translation Studies in Kazakhstan. During the analysis of scientific papers of these years, it was found that the actual translation problems were common: theoretical issues of translation, translation of literary texts, questions of Russian – Kazakh, Kazakh – Russian language translation and translations from other languages into the Kazakh language, terminology problems. Particular attention is paid to the interlinear translation, which has been discussed for years of the translation development in the Soviet era, but has not found its solutions. Besides the issue of training of qualified personnel is always the center of attention of theorists of translation.

The following trends in the modern theory of translation emerged: besides the knowledge of the language of the translated works, it is necessary to know the cultural concepts of ethnic group, an understanding of the psychology of another ethnic group. These requirements are submitted to interpreters to meet the requirements and demands of the real time.

Since the official declaration of the Kazakh language as the state language, it has been slow but steady process of developing of legal framework to maintain the status of language; papers on theoretical and practical issues of Kazakh linguistics were published. Much is being done in the country to exit the Kazakh

language in the international arena. It plays an important role here of an adequate translation from Kazakh and to Kazakh language.

Ключевые слова: теория перевода, казахско-русский перевод, государственный язык, художественный перевод.

Key words: theory of translation, Kazakh-Russian translation, official language, literary translation.

За годы независимости в Казахстане переводоведение развивается стремительными темпами. По данным библиографических каталогов в Казахстане по теории перевода было защищено более пятидесяти докторских и кандидатских диссертаций как на казахском, так и на русском языке. Изучение художественного перевода эпических, прозаических и поэтических произведений всегда представляло большой интерес для исследователей. Особо хочется отметить тот факт, что количество защищенных диссертаций по литературоведению составляет более 70 процентов из всего общего количества работ по переводу. С 1990 по 2000 годы было защищено около десяти диссертаций, и все работы были выполнены на русском языке.

Совсем иная картина наблюдается с 2000 по 2010 годы. На это десятилетие приходится около пятидесяти исследований по теории перевода, из них на казахском и русском языках примерно одинаковое количество работ. Всего защищенных диссертаций за годы независимости, по нашим данным – 57, из них на казахском языке – 24 работы.

Научные труды по теории перевода, защищенные за годы независимости, можно классифицировать по следующим направлениям:

- 1) проблемы художественного перевода поэтических и прозаических произведений;
- 2) исследования по изучению национальной специфики в переводах;
- 3) проблемы теории перевода;
- 4) проблемы перевода: а) на казахский язык; б) на русский язык; в) с иностранных (английского, немецкого, французского и др.) на казахский язык; 5) проблемы терминологии.

В современной теории перевода достаточно работ, в которых рассматриваются языковые и изобразительные средства, применяемые при переводе. Следует отметить наличие в теории перевода интенсивного роста исследований по качеству перевода – теории адекватности. Проблемы перевода на казахский язык исследовались в диссертациях Е.М. Абайдильденова; Б.А. Ауелбековой; Г.М. Адамбаевой; Б.К. Атыгаева; А.С. Амреновой; Г.А. Тастемировой; Р.К. Чакыра. Актуальная и животрепещущая тема перевода на казахский язык представлена рядом работ, в которых предлагаются по-

новому решать наболевшие проблемы плохого перевода. В этих работах обозначены такие проблемы, как: 1) сложности в переводе художественного текста; 2) формирование переводческой школы; 3) лингвистические аспекты переводных текстов.

Проблемы перевода с казахского на русский язык можно наблюдать в работах А.Н. Альмуратовой; А.С. Айкуловой; Ж.Ш. Ахметжановой; Г.Б. Асаубаевой; К.А. Алпеисовой; Г.Ж. Болатовой; К. Жанабаева; М.А. Копбосыновой; К.Н. Канапьянова; Ж.Е. Кенжебаевой; З.Х. Латыповой. Работы по русско-казахскому переводу в основном касаются насущных проблем переводов с русского языка на казахский: 1) теоретические аспекты переводов казахской литературы; 2) проблемы перевода поэтических произведений жырау; 3) проблемы перевода детской литературы; 4) перевод литературных жанров; 5) перевод произведений отдельных писателей и поэтов (Абай, Жамбыл, Машхур Жусип, Г. Мусрепов).

Годы независимости можно назвать периодом формирования правовой основы языкового строительства во всех сферах общественной жизни. Особо хочется отметить меры по развитию государственного языка как языка науки, законодательных актов и новых технологий, так как переводы на казахский язык помогут поднять значимость государственного языка как языка казахстанской науки. Современный период развития казахского языка в качестве государственного характерен отсутствием разработанной теоретической базы для его усвоения. Сейчас укреплению статуса государственного языка мешает недостаточность административных мер со стороны государственных органов. Для того, чтобы повысить престижность изучения государственного языка, нужно применять новейшие инновации, технологии обучения казахского языка. Необходимо продумать ряд мероприятий, способствующих мотивации знания государственного языка не только в основной профессиональной деятельности, но вне этой деятельности. «Нужна государственная программа по расширению сферы применения казахского языка, его кодификации и модернизации языковой системы. Необходимо также осуществление следующих мер: совершенствование письменности, стандартизация языка, упорядочение научно-технической терминологии, создание лексической основы для компьютеризации языка, автоматизации перевода» [Момынкулов, 2011, с. 176].

В настоящее время можно отметить тенденцию к возрастанию востребованности казахского языка во всех сферах жизнедеятельности в республике. Рост использования государственного языка наблюдается в госструктурах (армии, полиции, таможне), в деловых структурах (финансовой и банковской сферах). Многими исследователями

отмечается рост ведения делопроизводства на казахском языке, заметно оживился процесс внедрения казахского языка в военную терминологию Вооружённых Сил республики. Много сил прилагается для повышения роли государственного языка в сфере образования. В свете возрастания роли государственного языка в образовательной сфере, стала интенсивно развиваться разработка инновационных технологий в обучении языку, начиная с детского сада до вуза.

Реальная ситуация в Казахстане такова, что казахский язык должен взять на себя позиции доминирующего в республике официального языка – русского языка. Если меры, предпринимаемые правительством республики в развитии казахского языка, окажутся эффективными, то можно ожидать хотя бы равноправного участия казахского языка в реальной жизни общества (т.е. не только как языка бытового употребления). Если казахский язык действительно будет выполнять все общественные функции русского языка, ранее доминировавшего в этой сфере, этот факт можно считать переломным моментом в признании статуса государственного языка. Только тогда начнётся его признание в качестве основного признака лингвистического суверенитета независимого государства.

Роль казахского языка в теории перевода Казахстана определяется статусом государственного языка. Так, проблемы казахско-русского перевода в силу определённых социальных и политических установок изучены до сих пор недостаточно. Именно неразрешённые проблемы казахско-русского перевода вызывают столь серьёзные перебои в терминологии, отсутствие теоретических и практических наработок в самом процессе казахско-русского перевода, отсутствие квалифицированных кадров – переводчиков. О роли казахского языка Э.Д. Сулейменова говорит следующее: «Казахский язык сейчас все больше и больше выполняет функцию консолидации. Как русский язык – символ и носитель русской идентичности – использовался для построения советской идентичности, так сейчас казахский язык – символ и носитель казахской идентичности – используется для построения казахстанской государственной идентичности» [Сулейменова].

На заре зарождения казахского переводоведения как науки литературовед М. Каратаев ещё в пятидесятые годы двадцатого столетия, высказываясь о качестве переводов, отмечал необходимость изучения языковых средств для получения адекватного перевода: «В любом языке имеются невидимые на первый взгляд колоссальные возможности. Истинный виртуоз художественности может сделать абсолютно адекватное переложение любого мастерски сотканного кружева словесности

самой изящной тонкости и нежности. А многие задачи в переводческом деле определяются изучением средств, которыми переводчик пользуется в конкретном виде, для максимальной передачи различных свойств оригинала...» [Абдрахманов, 2008, с. 5].

Н. Сагандыкова убеждена, что переводы с русского языка на казахский язык более качественные, чем переводы наоборот: «Многолетние наблюдения позволяют сказать, что перевод произведений русской поэзии, вообще любые произведения русской литературы передаются на казахский язык качественно и добротнее, по крайней мере, нет искажений деталей, сюжетов, различного рода ляпсусов, алогизмов и прочих недоразумений, которых довольно много в русских переводах произведений казахских писателей и поэтов» [Сагандыкова, 1996, с. 132]. Одной из главных причин плохого казахско-русского перевода ученый называет качество подстрочных переводов с казахского языка, сыгравших в силу сложившихся традиций нелицеприятную роль: «Одним из важных факторов в данном процессе является знание языка оригинала. Мы не ошибемся, если скажем, что нет ни одного казахского писателя, не владеющего русским языком. Этого нельзя сказать о русских переводчиках, которые переводили всегда с подстрочниками, порой выполненными людьми, далекими от литературы, так как было время, когда выполнение подстрочных переводов было одним из дополнительных каналов для заработка. Один из главных виновников – некачественный подстрочный перевод» [там же, с. 135]. Современные учёные, занимающиеся теорией перевода в Казахстане, неустанно ищут новые способы качественного перевода. Обозначенная в трудах Н.Сагандыковой проблема подстрочника в переводах с казахского языка на другие поддерживается многими учеными.

Известный казахстанский переводчик Г.Бельгер, владеющий в совершенстве тремя языками, с тревогой пишет о качестве переводов в республике с казахского на русский и наоборот. В ходе многолетнего переводческого опыта художественной литературы на казахский язык писатель считает необходимым погружение переводчика в мир переводимой литературы: «Чтобы национальное произведение звучало в переводе на русском языке адекватно оригиналу, важны и схожесть творческих позиций переводчика и автора, контакт их вкусов, стилей, языковых пристрастий, индивидуальностей, а переводчику необходимо знать – историю, культуру, быт, нравы, традиции того народа, чью литературу он представляет на русском языке, быть душевно близким к «духу» народа и произведения» [Бельгер, 1995, с. 18]. Несомненно, знание языка для переводчика – это аксиома, но кроме этого качественный перевод предполагает знание переводчиком

культурных концептов одного этноса при адекватном понимании этих концептов в переводимом тексте. Значит, именно знакомство с культурой этноса переводимого произведения способствует качеству перевода. Так, по мнению писателя: «...при художественном переводе возникает немало трудностей, большая часть которых обусловлена тем, что слова различных языков обычно не покрывают полностью значений друг друга, потому что каждый народ называя ту или иную вещь, неизбежно выделяет в ней наиболее значимое для себя свойство в соответствии со своей национальной спецификой...» [там же, с. 9].

Переводы произведений Абая на русский язык, по мнению авторитетных переводчиков, получаются хуже оригинала. Если сравнить переводы отдельных переводчиков или группы переводчиков одного произведения Абая, то русский читатель не получает того удовольствия от чтения великих творений поэта и философа. В чем же причина? Согласно наблюдениям Г. Бельгера, не раз занимавшегося переводами произведений Абая, сложность перевода заключается в ряде причин. Во-первых, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность; во-вторых, сугубо национальная ментальность, национальный дух; в-третьих, многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова; в-четвертых, обилие историко-бытовых реалий [там же, с. 180]. Умение переводчика совместить в переводе все эти обозначенные особенности стиля Абая и является главным в качестве перевода.

Проблему качественного перевода А.Ж. Жаксылыков видит в умении переводчика постичь психологию этноса, с языка которого переводится текст: «Такой качественный перевод невозможен, если нет профессионализма, который мы понимаем, как основу мастерства переводчика, как по возможности более глубокое освоение базовых, корневых признаков психологии народа, с языка которого переводится произведение» [Жаксылыков, 2011, с. 11]. При соответствии оригинала переводимому тексту, по мнению учёного, происходит полное понимание представителями разных этносов текста произведения: «Когда налаживается переводческая связь между народами, происходит открытие огромной важности. Не потому ли слова немецкого писателя и переводчика Альфреда Куреллы звучат таким откровением, признанием свершившегося открытия: «Вы не прочли «Абая»? Значит, вы ничего не читали. Это невероятно, это удивительно! Степь ожила и пошла на вас всем великолепием ее первозданной природы, ее жестами и цельными характерами. Вы ощущаете эпоху, как ни в одном научном исследовании. А

какая поэзия! Ни одной прозаической строки в двух объемных книгах, напечатанных в форме прозы» [там же, с. 10].

Конечно, переводоведение Казахстана ещё не достигло определённых высот мастерства, но уже сделано очень много для создания собственной школы перевода. Проблема подготовки профессиональных переводчиков в Казахстане тесно переплетается с насущной проблемой современности – наличия собственно теоретической базы подготовки переводчиков, предназначенных для работы в своей стране. Причиной некачественного перевода А.Н. Альмуратова считает следующую: «К сожалению, современная теория перевода имела следующую черту: на русский язык переводили в основном русскоязычные переводчики Л. Соболев, С. Липкин, Ф. Кузнецов, В. Фирсов, Л. Жовтис, З. Кедрина. Но в последнее время когорту переводчиков пополняют кадры в совершенстве владеющие русским языком и литературными знаниями, чей генетический язык – казахский, для которых казахский менталитет, особенности психологии национального миропонимания запрограммированы в сознании, что ведёт к лучшему постижению и перевыражению подлинника» [Альмуратова, Казыбек, 1998, с. 71]. Вытекающая из данного определения проблема подготовки квалифицированных переводчиков, без сомнения, остаётся серьёзным препятствием в понимании перевода текста.

В свою очередь, С.А.Ашимханова в своих трудах проблему подготовки профессиональных переводчиков считает наиболее важной: «Исследователи проблемы художественного перевода Казахстана считают, что изоляцию казахского и русского читателя создаёт ряд проблем, и, не в последнюю очередь, малое количество профессиональных переводчиков, в совершенстве владеющих литературными казахским и русским языками» [Ашимханова, 2011, с. 18].

О состоянии перевода русскоязычной литературы в Казахстане пишет С.В. Ананьева. Так, первоочередным вопросом ученый видит нехватку двуязычных переводчиков: «...для перевода современных русских авторов на казахский язык необходим ряд переводчиков, литературно одаренных и в совершенстве владеющих русским и казахским языками» [Ашимханова, 2011, с. 7]. Эта проблема, поднимаемая большинством исследователей, занимающихся теорией перевода, является первоочередной, от решения которой зависит качество перевода. В Казахстане достаточно вузов, готовящих специалистов-переводчиков. Необходимо унифицировать требования к подготовке переводчиков, закреплённых стандартом образования.

Учёный отмечает два фактора, формирующих читателей, говорящих и мыслящих на казахском языке, т.е. казахоязычного читателя. Во-первых, это тот факт, что жители сельских местностей и южных районов мыслят и говорят на казахском языке. Во-вторых, весьма отрадным фактом мы считаем следующее высказывание С.В. Ананьевой: «В независимом Казахстане правомерно формируется тип казахоязычного читателя, который можно наблюдать на примере молодежи 17-20 лет, воспитанной уже в годы суверенитета республики» [Ананьева, 2004, с. 11]. За годы независимости в Казахстане успело вырасти казахоязычное поколение, говорящее и мыслящее на своем родном языке.

Таким образом, за годы независимости в республике принимается ряд мер, обеспечивающих качественный перевод на казахский язык. Во-первых, это признание казахского языка в качестве государственного языка. Статус государственного языка обеспечивает большие перспективы развития языка в целом, что послужит основой для добротного перевода. Во-вторых, теория перевода постоянно обогащается исследованиями как теоретического, так и практического назначения, что следует из анализа исследований.

Список литературы

- Абдрахманов С.* Перевод поэзии и поэзия перевода (исследование). Астана: Аударма, 2008. 472 с.
- Альмуратова А.Н., Казыбек Г.К.* Теоретические проблемы литературного перевода. Алматы: Қазақ университеті, 1998. 121 с.
- Ананьева С.В.* Встречи, которые нас выбирают. Алматы: Компьютерно-издательский центр ОО «Школа XXI века», 2004. 474 с.
- Ашимханова С.А.* Проза Г.Мусрепова в переводах: учебное пособие. Алматы, «Қазақ университеті», 2011. 164 с.
- Бельгер Г.* Гете и Абай. Земные избранники. Алматы: Жазушы, 1995. 220 с.
- Жаксылыков А.Ж.* Актуальные проблемы художественного перевода и развитие казахской литературы: хрестоматия. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 136 с.
- Момынкулов Ж.Б.* Развитие казахского языка в период Независимости Республики Казахстан // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 24 (63). № 3. 2011. С. 176-183.
- Сагандыкова Н.Ж.* Основы художественного перевода. Учебное пособие. Алматы: «Санат», 1996. 208 с.
- Сулейменова Э.Д.* «Казахизация vs русификация: pro et contra»./ <http://cat.convdocs.org/docs/index-25277.html>

Исолахти Н.Б.
Университет г. Тампере
(Финляндия)

Isolahti Nina
University of Tampere
(Finland)

ОПУСТИТЬ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ – ТОЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА СУДЕБНОГО ДОПРОСА

TO OMIT WHEN UNNECESSARY – ACCURACY OF INTERPRETING IN CRIMINAL TRIALS

Статья написана по результатам диссертационного исследования, посвящённого точности устного судебного перевода. В качестве материалов использовались аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский-русский. В исследовании проверялась гипотеза о существовании обратной зависимости между длиной переводимого отрезка и количеством пропусков в переводе. Основная гипотеза получила подтверждение. В исследовании также был сделан вывод, что на точность перевода кроме длины переводимой реплики влияет функционально-прагматическая особенности переводимого элемента. Статья освещает вторую из этих тем. В статье рассматривается, какие реплики являются функционально «нетипичными» для допроса с участием переводчика, и как такая «необычность» влияет на их перевод.

This paper deals with the results of a study of accuracy of court interpreting. It focused on omissions in the messages conveyed from the source language to the target language. The aim of the research was to find the factors that affect the accuracy of interpretation. Therefore, as the main hypothesis, I tested whether the length of interpreting sequences affects accuracy in such a way that the lengthening of the interpreted speech segment causes a decline in accuracy. My empirical analysis is based on tapes of authentic interpreter-mediated defendant interrogations recorded in court proceedings across Finland. Empirical analysis of the data shows that the length of the interpreting sequence impacts accuracy in such a way that the interpreters first omit modality markers or detailed and repetitive information whilst at the same time making efforts to convey the key information accurately. The statistical analysis indicates that the same kinds of omissions occur, regardless of the length of the interpreted speech. Omissions seem to be conducted for communicative purposes and for the benefit of the addressee in the target language.

Ключевые слова: точность устного перевода; судебный перевод; последовательный перевод.

Key words: accuracy of interpreting; court interpreting; consecutive interpreting.

Введение

В современной Финляндии вопросы судебного перевода²⁹ являются актуальными. За последние годы в судебных разбирательствах возросло количество участников, не владеющих языком судебного производства. К примеру, в 2012 году более 10 % всех приговорённых судами первой инстанции являлись гражданами других государств (около 6600 человек) [ГосСтат Финляндии]. В декабре 2013 года в Финляндии были внесены

---

²⁹ Судебный перевод подразумевает работу устного переводчика в судебном заседании. Судебный перевод является одним из подвидов юридического перевода. Подробнее о понятиях устного судебного перевода и юридического перевода см. [Исолахти, 2014 (в печати)].

изменения в законодательство, касающиеся права на перевод в уголовном процессе. Предполагается, что в результате данных изменений возрастёт потребность в юридическом, и в частности, в судебном переводе. Знаменательно и то, что в финское законодательство впервые включены нормы, касающиеся компетенции судебного переводчика [см. напр. ст. 6а главы 6 Уголовно-процессуального закона Финляндии (*перевод названия закона мой – Н.И.*)], и в настоящий момент готовится государственная система квалификационной сертификации судебных переводчиков.

Основным критерием качества устного перевода является точность перевода [см. напр. Tommola, 2006, p. 174; Setton, 2007, p. 219]. Точность особенно важна именно в судебном переводе. В судебном заседании, на разных его фазах, требуется перевод с различной степенью точности. Исключительная точность необходима при переводе допроса подсудимого [Isolahti, 2014, p. 43-44.]. В устном юридическом переводе используется понятие *юридическая эквивалентность*, которое подразумевает перевод предельной точности с передачей всех элементов оригинала, без изменений, пропусков, сокращений, добавлений, сохраняя при этом не только информацию и модальность, но и стиль, регистр речи и иные особенности исходного сообщения [González, 1991, p. 16]. При переводе допроса скопос-перевод должен определяться именно как достижение юридической эквивалентности [Isolahti, 2014, p. 44–45]. Юридически эквивалентный перевод не всегда отличается эстетичностью или логичностью. Бессвязные, неясные, с бесконечными повторами и нелепостями, показания допрашиваемого не должны становиться при переводе чёткими и логичными [Mikkelson, 2000, p. 69.].

Проблеме точности судебного перевода в целом и, прежде всего, пропускам в переводе допроса, посвящено диссертационное исследование «Точность перевода в суде по уголовным делам – недостижимый идеал?» [см. Isolahti, 2014 (*перевод названия мой – Н.И.*)]. Данная статья написана по материалам этой научной работы.

Ход исследования и исследовательский материал

В исследовании «Точность перевода в суде по уголовным делам – недостижимый идеал?» проверялась гипотеза о существовании обратной зависимости между длиной переводимого отрезка и количеством пропусков в переводе. В ходе работы было выдвинуто также предположение о существовании закономерности между пропусками в переводе и функционально-прагматической особенностью переводимого элемента. В публикуемой статье остановимся на последней, при этом рассмотрим лишь один аспект

данного вопроса – пропуски целых реплик в зависимости от их функционально-прагматической особенности.

В качестве материалов исследования использовались аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский-русский. Анализ производился на материале переводов 6 переводчиков. Общая продолжительность аудиозаписей более 5 часов. Записи были транскрибированы. Объем транскрибированных текстов составил 15.576 слов. Транскрибированные тексты были проанализированы и аннотированы. Для выявления отношений причинной зависимости между тестируемыми признаками был применён статистический каузальный анализ. Каузальный анализ производился с использованием компьютерной программы SPSS (Statistical Product and Service Solutions).

При анализе и аннотации транскрибированных текстов в качестве тестируемой переменной среди прочих была введена категория, названная «Нетипичные смежные пары реплик», в которую вносились сведения об отклонениях от стандартной схемы диалоговой организации допроса.

Структура допроса, чередование и прагматика реплик

Обычный судебный допрос без участия переводчика строится по схеме диалога *Вопрос – Ответ*, где реплика вопроса должна исходить от допрашивающего, а ответ, соответственно, – от допрашиваемого. При проведении допроса с последовательным переводом чередование реплик должно проходить по схеме *Вопрос – Перевод – Ответ – Перевод*. В таком переводимом диалоге допрашиваемый отвечает не на вопрос допрашивающего, а на перевод этого вопроса, являющийся переводческой интерпретацией оригинала. В исследованиях записей аутентичного устного перевода было обнаружено, что в реальных условиях перевод далеко не всегда строится по стандартной схеме. Переводчик, например, сам бывает инициатором вопроса или же самостоятельно отвечает на вопрос.³⁰ Кроме того, реплики собеседников, допрашивающего и допрашиваемого, не всегда являются вопросом или ответом, а имеют иные функционально-прагматические особенности. В материале исследования такие функционально «нетипичные» реплики были маркированы следующим образом:

---

³⁰ В исследованиях устного перевода такие нарушения схемы переводимого диалога интерпретировались как доказательства того, что переводчик является самостоятельным участником речевой ситуации, а не просто переносит или перекодирует сообщения собеседников с одного языка в другой [см. напр. Berk-Seligson, 1990; Wadensjö, 1998].

7 и 10) и, только получив ответ (строка 12), переводит его (строки 13,15). Реплики такого мини-диалога были аннотированы аналогично примеру 1.

Пример 2

- 01 (2.1)
02 Прокурор 3: no nin (.) mitä sitten tavaratal- tavaratalolta eteenpäin tapahtu?
'ну так что дальше марке- после маркета произошло'
03 Переводчик 3: = что дальше от универмага (0.4) что произошло?
04 (1.0)
05 Подсудимый 5: два человека сели в машину
06 (0.5)
07 Переводчик 3: в какую?
08 (0.6)
09 Подсудимый 5: а?
10 Переводчик 3: (.) в какую?
11 (0.7)
12 Подсудимый 5: в универмаге (.) в мо- в мою машину.
13 Переводчик 3: (0.3) e: kaksi henkilöä nousivat tavarotalon luona.: (.) autooni.
' два человека сели около маркета в мою машину'
14 (1.0)
15 Переводчик 3: °kyytiin

Инициатором «нетипичных» мини-диалогов могут быть также допрашивающий или допрашиваемый. В примере 3 недопонимание между участниками допроса возникло из-за ошибки переводчика. Адвокат задаёт вопрос, звонила ли по телефону спутница подсудимого (строка 02). Из-за ошибки переводчика вопрос в переводе получается несколько абсурдным (строка 4), и подсудимый, естественно, не понимает вопроса и переспрашивает переводчика (строка 6). Переводчик повторяет вопрос в его искажённой форме (строка 7), и подсудимый отвечает на переводческую интерпретацию вопроса (строка 9). В этом диалоге видно, как искажаются смежные пары в результате ошибки переводчика. На вопрос адвоката, звонила ли по телефону спутница подсудимого, он получает ответ: «Нет, она сидела со мной рядом». При этом, под отрицанием «нет» подсудимый подразумевает, что он не звонил своей спутнице, а на вопрос звонила ли спутница кому-либо, допрашиваемый не отвечает вовсе.

Реплики в таких диалогах, инициируемых допрашивающим или допрашиваемым, получили коды, как в примере 3. Уточняющий вопрос, в данном случае подсудимого (строка 6), получил код UNDERSTAND_4, а ответ переводчика (строка 7) – код UNDERSTAND_5. Уточняющий вопрос, который задаёт переводчику допрашивающий, а не допрашиваемый, получил код UNDERSTAND_8.

Пример 3

- 01 (1.5)
02 Адвокат 3: soittiko NIMI x14 SUK-x8 (0.2) ei (0.6) NIMI x8 SUKUNIMI x8
'звонила ИМЯ x14 ФАМИЛ- x8 нет ИМЯ x8 ФАМИЛИЯ x8'
03 (1.1)
04 Переводчик 2: e:: звонили ли вы NIMI x8 (0.2) SUKUNIMI x8
05 (2.2)
06 Подсудимый 3: не понял я
07 Переводчик 2: (.) звонили ли вы NIMI x8 (0.3) SUKUNIMI x8
08 (0.4)
09 Подсудимый 3: нет (.) она рядом со мной сидела
10 (0.4)
11 Переводчик 2: ei (.) hän istui minun vieressäni
'нет она сидела рядом со мной'

К категории «нетипичных» были отнесены также реплики, в которых переводчик сам исправляет перевод. В примере 4 переводчик затрудняется перевести вопрос адвоката (строка 3). В переводе вопрос о любовной близкой связи превращается в вопрос о дружбе. Подсудимый несколько удивлён таким вопросом, о чем свидетельствует то, что его реплика начинается с частицы *ну*, произношение которой растянуто *нуууууу*. Кроме того, он использует при формулировке ответа вводное слово *скажем*, которое указывает на неточность ответа. Переводчик понимает погрешность перевода и пытается исправить ошибку (строка 6), после чего подсудимый опять отвечает на вопрос (строка 8). Интересно то, что новая формулировка вопроса опять же неточна. В результате, подсудимый утвердительно отвечает на вопрос, дружил ли он с женщиной, и на вопрос, ухаживал ли он за ней, но на вопрос адвоката, была ли у него связь с этой женщиной, подсудимый не отвечает вовсе. В данном мини-диалоге ответ на некорректно переведённый вопрос (строка 5) получил код UNDERSTAND_6, а исправление собственного перевода получило код UNDERSTAND_7.

Пример 4

- 01 Адвокат 3: oletteko seurustelleet
'у вас была связь'
02 (0.5)
03 Переводчик 2: но вы дружили с ней?
04 (0.8)
05 Подсудимый 3: ну:::::: да скажем [так]
06 Переводчик 2: [ухаживали /] за ней..?
07 (0.5)
08 Подсудимый 3: скажем так
09 (0.7)
10 Переводчик 2: sanotaan (.) kyllä
'скажем да'

2) Отклонения от стандартной схемы *Вопрос – Ответ* происходят также в репликах фатической функции, которыми собеседник обозначает, что он участвует в разговоре, слушает говорящего, воспринимает сказанное. Такие реплики не являются ни вопросом, ни ответом. Реплики фатической функции зачастую короткие, состоящие лишь из одной дискурсивной частицы.

В примере 5 прокурор задаёт вопрос, касающийся фотографии из материалов уголовного дела, и просит показать её подсудимому (строки 1 и 2). Подсудимому показывают нужную страницу дела, а переводчик одновременно комментирует, на какую фотографию следует обратить внимание. Подсудимый коротко утвердительно хмыкает ухм (строка 6). Функция данной реплики – обозначить, что собеседник воспринял предложенную ему информацию и готов продолжить беседу. Реплики такого типа получили код RECEIPT.

Пример 5

- 01 Прокурор 3: joo näyt- näyttäkää tätä kuvaa (.) liite kolmetoista ja [valokuva]
' нуу пок- покажите эту фотографию приложение тринадцать и фотографию
- 02 numero kolme.
номер три'
- 03 Переводчик 3: [так тринадцатое]
- 04 приложение (.) третья фотография.
- 05 (0.5)
- 06 Подсудимый 5: ухм
- 07 (2.0)
- 08 Прокурор 3: tämänkö auton?
'эту машину'
- 09 (0.8)
- 10 Переводчик 3: эту машину

В материалах были также найдены реплики, в которых говорящий кратко комментирует свою же собственную предыдущую реплику, как бы подтверждая её достоверность. Такие реплики были аннотированы кодом JUST.

3) Нарушение функциональной схемы допроса с переводчиком *Вопрос–Перевод–Ответ–Перевод* происходит также в мини-диалогах, которые происходят между собеседниками, имеющими общий язык общения, будь то язык судебного заседания или же иностранный язык общий, скажем, для нескольких подсудимых. Все такие мини-диалоги объединены в категорию CONV.

Председательствующий судья может обратиться с вопросом к кому-то из юристов, прокурору или адвокату. Обращения председательствующего судьи к юристам и ответы на них юристов обозначены кодом CONV_3. Юристы могут обращаться друг к другу и к

членам суда с комментариями каких-либо юридически значимых вопросов, могут обсуждать правовые темы.³² Все реплики в диалогах между прокурорами и адвокатами на языке процесса получили код CONV_1. Общим для диалогов или отдельных реплик CONV_1 и CONV_3 является их прагматическая направленность. Они не обращены непосредственно к подсудимому или свидетелю, не говорящему на языке судопроизводства.

Одноязычные мини-диалоги происходят также между иноязычными участниками процесса, если таких участников несколько. Такие мини-диалоги получили код CONV_2.

Председательствующий судья руководит процессом, произносит различные процессуальные реплики, определяет порядок выступления участников процесса, предоставляя им слово. Прагматически такие реплики являются директивами, а не вопросами или ответами. При аннотации процессуальные реплики получили код PROCEDURE.

Каузальная зависимость между функционально-прагматической особенностью и пропуском реплик

Наличие каузальной зависимости между пропусками в переводе и функционально-прагматической особенностью переводимого элемента было проверено статистическими методами. В настоящей статье нет возможности подробно описать статистический анализ, поэтому лишь кратко осветим его ход. В первую очередь, было проверено наличие корреляции между двумя тестируемыми признаками. После этого тестировалось, не является ли обнаруженная взаимозависимость мнимой, т.е. возникшей под воздействием иных, косвенных, признаков. Высокая корреляция сохранялась, что позволило сделать вывод о наличии каузальной зависимости между функционально-прагматической особенностью реплики и пропусками целой реплики при переводе.

Статистически было также подтверждено, что функционально-прагматически «нетипичные» реплики опускаются при переводе независимо от их длины. В целом можно утверждать, что при переводе опускается большая часть таких реплик. В таблице 1 приведено количество «нетипичных» реплик разных подвидов (второй столбец) и данные, сколько из них переведено, а сколько нет. К примеру, переводчики задали уточняющие вопросы (UNDERSTAND_2) в общей сложности 60 раз, а переведена такая реплика была лишь 1 раз (2 % от всех реплик такого типа), в остальных случаях (59 раз, 98 %)

---

³² Подробнее о репликах такого типа см. [Isolahti, 2008, p. 4].

содержание уточняющих вопросов переводчика осталось недоступным для собеседников, не знающих язык.

Таблица 1: Количество «нетипичных» реплик и их перевод/пропуск

Подвиды нетипичных	Кол-во	Реплика переведена		Реплика не переведена	
		кол-во	%	кол-во	%
JUST	6	2	33 %	4	67 %
RECEIPT	30	0	0 %	30	100 %
CONV	31	3	10 %	28	90 %
UNDERSTAND_1	32	16	50 %	16	50 %
UNDERSTAND_2	60	1	2 %	59	98 %
UNDERSTAND_3	48	27	56 %	21	44 %
UNDERSTAND_4	36	14	38 %	23	62 %
UNDERSTAND_5	20	1	5 %	19	95 %
UNDERSTAND_6	2	1	50 %	1	50 %
UNDERSTAND_7	2	1	50 %	1	50 %
UNDERSTAND_8	2	0	0 %	2	100 %
PROCEDURE_1	48	7	14 %	42	86 %
PROCEDURE_2	19	2	11 %	17	89 %
PROCEDURE_3	31	13	40 %	18	60%
Всего	367	88	24 %	281	76 %

Выводы и дискуссия

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что при переводе допроса скопос-перевода стоит по принципу передачи информации, и переводчик принимает решения о переводе или пропуске какого-либо элемента³³ исходного сообщения, основываясь на его информационной значимости. Функционально-прагматически «нетипичные» реплики оцениваются переводчиками как второстепенные, не содержащие фактической пропозициональной информации. Такие второстепенные элементы исходного сообщения систематически опускаются переводчиками уже исходя из принципа языковой экономии. Данная переводческая стратегия подкрепляется, вероятно, ещё и тем, что переводчики не осознают значимость таких «нестандартных» реплик и посему не видят надобности в их переводе.

Задача судебного переводчика состоит в том, чтобы обеспечить лицу, не владеющему языком судебного производства, языковое равноправие в суде. Ко всему,

³³ В исследовании было также обнаружено, что практически всегда опускаются внутрифразовые элементы, имеющие фатическую функцию или же возникающие как результат речевого формирования. Для таких элементов также характерно то, что они не несут в себе пропозициональную информацию. (см. [Isolahti, 2014, p. 145-146; 170-172]).

сказанному в зале суда, иноязычный участник процесса должен иметь такой же доступ, как и лицо, понимающие язык судопроизводства в полном объеме. Иноязычный участник имеет также право на то, чтобы все, сказанное им в зале суда, было доступно на языке судопроизводства в том же объеме, что и сказанное лицом, владеющим языком суда. Пропуски в переводе нарушают принцип языкового равноправия и могут иметь последствия как в пользу иноязычного участника, так и ему во вред.

1) Лицо, не владеющее языком судопроизводства, не может комментировать, опровергать или подтверждать опущенную при переводе часть исходного сообщения, что может иметь для него негативные или позитивные последствия.

2) Соответственно, если суд, допрашивающие или иные участники процесса не получают какую-то часть сообщения иноязычного участника процесса, они не могут использовать эту информацию в пользу этого лица или ему во вред.

3) Пропуск перевода процессуальных реплик лишает иностранного участника возможности полностью понимать, что происходит в зале суда, кому предоставлено слово, для чего и на каком основании.

4) Пропуски реплик создают для допрашивающего и председательствующего судьи бесконтрольную ситуацию. Допрос выходит из-под их контроля, например, при мини-диалоге переводчика и подсудимого или же при диалоге на иностранном языке между двумя подсудимыми. Информацию о содержании и причине таких разговоров судьи, прокуроры, адвокаты могут получить только через переводчика.

5) Пропуск при переводе также создаёт почву для возникновения ложной информации, если переводчик отвечает на вопрос сам, на основании своих знаний, не переадресовывая вопрос.

6) Коммуникативная ситуация может быть затруднена в результате пропуска перевода уточняющего вопроса.

Приложение: обозначения, используемые при транслитерации

.	снижающаяся, завершающая интонация
,	ровная интонация
?	повышающаяся интонация
<u>juu</u>	логическое ударение или повышение тона в ином месте, чем в конце слова
[	начало наложения речи двух собеседников
]	окончание наложения речи двух собеседников
(.)	микро-пауза 0.2 секунды или менее
(0.5)	пауза длиннее микро-паузы; длина замерена в десятых долях секунды
=	две реплики произнесены без паузы между ними

>joo<	произнесено быстрее обычного темпа речи говорящего
<joo>	произнесено медленнее обычного темпа речи говорящего
e:i	(двоеточие) растянутый звук (одно двоеточие 0.2 секунды)
°joo°	произнесено тише обычной громкости речи говорящего
JOO	произнесено громче обычной громкости речи говорящего
jo-	(тире) слово прервано

Список литературы

- Berk-Seligson, Susan.* The Bilingual Courtroom. Court Interpreters in the Judicial Process. / Susan Berk-Seligson. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1990. 323 p.
- González, Roseann Dueñas.* Fundamentals of Court Interpretation. Theory, Policy, and Practice. / Roseann Dueñas González, Victoria F. Vásquez, Holly Mikkelsen Durham, North Carolina: Carolina Academic, 1991. 645 p.
- Isolahti, Nina.* Tulkkauksen tarkkuus rikosoikeudenkäynnissä – saavuttamaton ihanne: диссертация на соискание звания доктора философии: 08.02.14 / Nina Isolahti. Tampere: Tampere University Press, 2014. 244 p.
- Mikkelson, Holly.* Introduction to Court Interpreting / Holly Mikkelson. Manchester, UK/Northampton, MA: St. Jerome Publishing, 2000. 158 p.
- Setton, Robin.* Syntacrobatics: Quality and reformulation in simultaneous-with-text / Robin Setton & Manuela Motta. In: Interpreting: International Journal of Research & Practice in Interpreting 9:2, 2007. p. 199–230.
- Tommola, Jorma.* Tulkkauksen tutkimuskohteena / In: Jorma Tommola & Yves Gambier (ed.) Kääntäminen ja tulkkauksen – koulutusta ja tutkimusta. Turku University of Turku, Centre for Translation and Interpreting, 2006. p. 173–193.
- Wadensjö, Cecilia.* Interpreting as interaction. / Cecilia Wadensjö. London: Longman, 1998. 312 p.

Законодательные акты

Уголовно-процессуальный закон Финляндии = Laki oikeudenkäynnistä rikosasioissa 11.7.1997/689

Ресурсы удалённого доступа

- ГосСтат Финляндии (Статистика по обвиняемым, приговорённым и наказаниям за 2012 год) = Suomen virallinen tilasto (SVT): Syytetyt, tuomitut ja rangaistukset. Katsaus rangaistuksiin 2012 Tilastokeskus [Электронный ресурс] / Tilastokeskus. Helsinki, 2013. – Режим доступа: http://www.stat.fi/til/syyttr/2012/syyttr_2012_2013-12-16_kat_001_fi.html.
- Isolahti, Nina.* Tulkki oikeussaliviestinnän monitaiturina. In: Mikael. Kääntämisen ja tulkkauksen tutkimuksen symposiumin verkkojulkaisu. Vol. 2 (2008) / Nina Isolahti 2008. – Режим доступа: <http://www.sktl.fi/MikaEL/vol2/Isolahti.pdf>.

Какзанова Е.М.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Kakzanova Evgeniza
People's Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

СОКРАЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

ABBREVIATIONS IN MEDICAL TEXTS AND PARTICULARITIES OF THEIR TRANSLATION

В статье рассматриваются особенности перевода сокращений в медицинских текстах. Аббревиация – наиболее характерный вид словообразования в медицинских текстах, причём как на иностранных языках, так и на русском языке. Трудности при переводе вызывают не стандартные сокращения, а так называемые контекстуальные, или окказиональные сокращения, не являющиеся широко распространёнными и возникающие в рабочем порядке с целью сокращения длинных наименований. Каждый врач сокращает те или иные медицинские понятия по своему усмотрению. В статье затрагиваются вопросы омонимии медицинских сокращений, и делается вывод о её нежелательном появлении в медицинском документе. Рассматриваются способы передачи иностранных сокращений на русский язык. Дается классификация видов сокращений, встречающихся в медицинских документах. В статье на конкретных примерах доказывается, что подязык медицины нельзя рассматривать как застывшую систему. Делается вывод о том, что встречающиеся в каждом медицинском документе сокращения вызваны в первую очередь интралингвистическими факторами.

The article deals with the translation particularities of the abbreviations in the medical texts. The abbreviation is the most typical kind of the derivation in the medical texts at that not only in foreign languages but also in Russian. It is not the conventional abbreviations that cause translation difficulties, but so called contextual or occasional abbreviations which aren't widely used and come on in working order with a view to abbreviate the long naming units. Each doctor abbreviates any given medical concepts at his own free choice. The article deals with the questions of the homonymy of the medical abbreviations and a conclusion is drawn about its unwelcome introduction in one medical document. The translation methods of foreign abbreviations into Russian are considered. The classification of kinds of abbreviations in the medical documents is given. The author proves on the concrete presented the article that it is impossible to consider the sublanguage of the medicine as a constant system. A conclusion is drawn that the abbreviations in each medical text are first of all the result of the intertextual factors.

Ключевые слова: перевод, сокращения, медицинский текст, способы перевода, особенности перевода, виды сокращений, омонимия сокращений.

Key words: translation, abbreviations, medical text, translation methods, particularities of translation, kinds of abbreviations, homonymy of abbreviations.

Исторически сложилось, что основой языка медицины является латынь. Она долгое время была языком науки и общения во многих учебных заведениях средневековой Европы, и поэтому во многих европейских языках обозначения медицинских понятий основаны на латыни. Дж. Бернал [Бернал, 1956, с. 23] отмечает, что греческие медики испытывали большие неудобства из-за отсутствия медицинской терминологии в

греческом языке. Они должны были выражаться примитивно описательным образом – например, говорить о подчелюстной железе, как о «желудевидных опухолях под челюстью». В наши дни медицинская лексика пользуется терминами, созданными на основе латино-греческих элементов. Например, в справке от офтальмолога можно найти сокращения *OD*, *OS*, которые расшифровываются по-латыни как *oculus dexter* (*правый глаз*) и *oculus sinister* (*левый глаз*), что может вызвать затруднения у неопытного переводчика.

В наше время медицинский текст часто становится предметом исследования, причём не только лингвистов, но и учёных-медиков (например, Н.И. Кулиш³⁴, С.Д. Носов³⁵), а также биологов (например, М.Ш. Вайнберг³⁶) [Какзанова, 2011, с. 138]. С точки зрения содержания в медицинских текстах рассматривается в первую очередь терминология, причём часто такой её аспект, как словообразование.

Среди всех видов словообразования для медицинского текста наиболее характерным является образование сложносокращённых слов, или аббревиация. Аббревиация – это особый способ компрессивного словообразования, включающий в себя различные способы сокращения или формального сжатия таких исходных номинативных единиц, как слово и словосочетание [Макарова, 2010, с. 331]. Аббревиация стала массовым явлением в языке в XX веке и продолжает развиваться в XXI веке. Она появляется практически в каждом медицинском тексте, будь то научная статья в медицинском журнале или эпикриз, выписка из истории болезни, медицинское заключение, протокол о проведении операции или протокол вскрытия.

Ссылаясь на В.А. Татаринова, Т.С. Пристайко и др. считают, что рост аббревиатурных аналогов, всегда лингвистически мотивированных, выводимых из полных вариантов терминов и представляющих вариативность в чистом виде, обусловлен спецификой человеческого мышления, способностью человека к категоризации. Одним из способов категоризации специальных понятий и выступает аббревиация, являющаяся следствием мыслительной способности человека рефлексировать сокращённые

---

³⁴ Кулиш Н.И. Методические рекомендации по унификации терминологии в реконструктивной хирургии желчных протоков // Реконструктивная хирургия желчных путей. Тезисы докладов к Пленуму Правления Всероссийского научного медицинского общества хирургов. Киров, 1981. С. 56-58.

³⁵ Носов С.Д. О рационализации медицинской клинической терминологии//Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 32-35.

³⁶ Вайнберг М.Ш. О терминологии лучевой терапии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 56-60.

(аббревиатурные) структуры языка и оперировать ими как единицами лингвокреативного уровня [Пристайко и др., 2011, с. 68].

Последние 15 лет наши соотечественники активно ездят лечиться и обследоваться в немецкоговорящие страны, прежде всего в Германию, а также в Австрию и Швейцарию. Поэтому перевод медицинских документов с немецкого языка на русский является в настоящее время очень актуальным.

В медицинских документах наряду с устойчивыми, или стандартными сокращениями появляются аббревиатуры, не являющиеся широко распространёнными и возникающие в рабочем порядке с целью сокращения длинных наименований. Это так называемые контекстуальные, или окказиональные сокращения. Именно тот факт, что аббревиатуры не являются традиционно употребляемыми, и вызывает трудности при переводе медицинских документов. Существующие словари сокращений, например, «Словарь сокращений русского языка»³⁷ (1995) или «Großes Abkürzungsbuch» Х. Коблишке³⁸ (1980) не включают в свой состав медицинские сокращения. Терминологические медицинские словари, например, «Немецко-русский медицинский словарь»³⁹ выносят сокращения в приложение, крайне ограниченное по объёму. Включённые в это приложение сокращения давно известны переводчикам, работающим с медицинскими текстами, и практически не встречаются в современных медицинских документах. Появление сокращений в том или ином медицинском документе нельзя прогнозировать или запрограммировать, потому что чаще всего медицинские сокращения являются окказиональными, авторскими, принадлежащими тому или иному автору медицинского документа, врачу, который по своему усмотрению сокращает те или иные медицинские понятия. Правда, необходимо отметить, что и стандартные аббревиатуры создают трудности при переводе.

В научном медицинском тексте на французском языке «Связь между цитопатологией и эндоскопией: примеры пункции биопсии тонкими иглами с помощью эхо-эндоскопии при патологии желчного пузыря и панкреатите»⁴⁰ встречается буквенное сокращение, или акроним ЕЕ – echo-endoscopie. Учитывая тот факт, что термин «эхо-

---

³⁷ Новый словарь сокращений русского языка / Под общей редакцией Е.Г. Коваленко. М.: Издательство «ЭТС», 1995. 668 с.

³⁸ *Koblichke, H.* Großes Abkürzungsbuch. Abkürzungen, Kurzwörter, Zeichen, Symbole. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983.

³⁹ Немецко-русский медицинский словарь. М.: РУССО, 1995. 816 с.

⁴⁰ *Deprez, P.H., Weynand, B.* Collaboration entre cytopathologiste et endoscopiste: l'exemple de la ponction biopsie à l'aiguille fine sous echo-endoscopie dans la pathologie biliaire et pancréatique//Acta Endoscopica. Volume 36. N 3. 2006. P. 257-267.

эндоскопия» имеет греческие корни (*ēchō*, *endo* и *scopeo*), можно предположить, что он вошёл в другие индоевропейские языки и, очевидно, будет сокращаться так же. Конечно, термин «эхо-эндоскопия» есть и в русском, и в английском (*echo-endoscopy*), и в немецком (*Echo-Endoskopie*) языках. Но с сокращениями дело обстоит иначе. В электронном англо-русском словаре медицинских аббревиатур⁴¹ сокращения *EE* нет вообще. В карманном словаре медицинских сокращений на немецком языке⁴² сокращение *EE* есть, но значения «эхо-эндоскопия» у него нет. У немецкого сокращения *EE* есть семь значений: 1) захват электронов; 2) эмбриональный экстракт; 3) эритроцит-реципиент; 4) эндогенная экзема; 5) ферментная единица; 6) эквинусный энцефалит; 7) экссудативная энтеропатия. О наличии омонимии среди аббревиатур писала в своё время С.Е. Никитина [Никитина, 1987, с. 87], предлагая, по возможности, её избегать и даже переименовывать для этого название понятия. Точность и однозначность аббревиатуры, как и терминологии вообще, необходима в любой области науки, но в медицине данная проблема представляется исключительно важной. Омнимия среди медицинских аббревиатур сильно затрудняет перевод, так как значения одной аббревиатуры относятся к разным разделам медицинской науки, в тонкостях которых переводчик без специального медицинского образования может не ориентироваться. Так, значения немецкого сокращения *EE* относятся к лучевой диагностике и лучевой терапии (*захват электронов – здесь и далее курсив мой – Е.К.*), к мезотерапии (*эмбриональный экстракт*), к клинической лабораторной диагностике (*эритроцит-реципиент*), к дерматологии (*эндогенная экзема*), к диетологии (*ферментная единица*), к инфекционным болезням (*эквинусный энцефалит*), к гастроэнтерологии (*экссудативная энтеропатия*). Кому-то может показаться, что отнесение омонимических значений аббревиатур к разным разделам медицины облегчает их расшифровку. Практикующий переводчик, наоборот, понимает трудность перевода многозначной (или омонимичной) аббревиатуры, ведь в одном медицинском документе наряду с основным диагнозом описываются ещё и сопутствующие, а проводимые обследования охватывают, как правило, различные органы человека.

При переводе медицинских документов с немецкого языка на русский, пожалуй, нет вопросов, только к акронимам (буквенным сокращениям) *СТ* (*Computertomographie/компьютерная томография*), *MRT* (*Magnet-Resonanz-*

---

⁴¹ *Осадчий К., Удовиченко О.* Англо-русский словарь медицинских аббревиатур [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/med-abb.html#E>

⁴² *Dräger, H.* Medizinische Abkürzungen. Stuttgart/New York: Georg Thieme Verlag, 2006. 192 S.

Tomographie/магнитно-резонансная томография)’, EKG
(*Elektrokardiogramm/электрокардиограмма*) и EEG
(*Elektroenzephalogramm/электроэнцефалограмма*). Остальные аббревиатуры требуют специальных знаний или специальной расшифровки.

Подводные камни в виде неизвестных аббревиатур могут встречаться не только в описании лечения, анамнезе или проведённых процедурах, но и в официальных данных лечебного учреждения. Так, Евангелическая больница Кёльна указывает в официальном бланке, что её главврач является терапевтом, гастроэнтерологом, диабетологом и DDG. DDG может расшифровываться как «*dienstältester deutscher General bei der NATO*» (*старший по должности генерал бундесвера при НАТО*), но переводчик интуитивно должен исключить эту должность для главврача больницы. Остальные значения аббревиатуры касаются не должности, а структурной единицы – *Deutsche Dendrologische Gesellschaft* (*Германское дендрологическое общество*), *Deutsche Dialyse-Gesellschaft* (*Германское диализное общество*), *Deutsche Diabetes-Gesellschaft* (*Немецкое диабетологическое общество*), *Deutsche Dystonie-Gesellschaft* (*Немецкое общество дистонии*). Теоретически главврач больницы может быть членом трёх последних обществ, потому что все они имеют отношение к медицине.

Известное сокращение MRT в медицинском заключении из Евангелической больницы Кёльна было представлено как cMRT. В упомянутом карманном словаре медицинских сокращений на немецком языке такое сокращение отсутствует. Мы выяснили, что речь идёт о *craniale MRT* – МРТ головного мозга.

Известное сокращение CT было представлено как CCT, которое имеет пять разных значений. Учитывая, что речь идёт о форме обследования, мы исключили значения *cathodal closing tetanus* (*катодно-замыкательное сокращение (мускулатуры)*) – *здесь и далее перевод мой – Е.К.*), *chocolate coated tablet* (*таблетка, покрытая шоколадной оболочкой*), *coated compressed tablet* (*покрытая оболочкой прессованная таблетка*) и *congenitally corrected transposition of the great arteries* (*врождённо скорректированная транспозиция глубоких артерий*) и остановились на значении «*kranielle Computertomographie*» (*компьютерная томография головы*).

Довольно известное опытным переводчикам медицинской литературы сокращение DD (*Differentialdiagnose*) (*дифференциальный диагноз*) имеет ещё девять значений: *Dampfdichte* (*плотность пара*), *day of delivery* (*день родоразрешения*), *Diastolendauer* (*продолжительность диастолы*), *diastolischer Durchmesser* (*диастолический диаметр*),

diastolischer Druck (*диастолическое давление*), disc diameter (*диаметр шлифовального зубного диска*), Doppeldiffusion (*двойная диффузия*), dry dressing (*сухая повязка*), Duodenaldivertikel (*дивертикул двенадцатиперстной кишки*). Сложность при выборе правильного значения создаёт также тот факт, что в медицинском документе, как правило, отсутствуют знаки препинания и артикли, которые в немецком тексте указывают на связь слов друг с другом и на падежи.

В медицинском заключении о гастроскопии, адресованном профессору Клиники гастроэнтерологии, гепатологии и инфекциологии в Дюссельдорфе, после фамилии адресата написано фонетическое сокращение APID. Ни один из перечисленных словарей указанное сокращение не содержит. Только в электронном словаре акронимов⁴³ мы нашли такие расшифровки: *Association of Professional Interior Designers, Advanced Placement International Diploma, Application Process Identifier, Application Identification, Application Program Interface Division/Definition, Anchor Point Identifier, Air Photographic Interpretation Detachment, Agile Protein Interaction DataAnalyzer*. Со 100%-ной уверенностью выбрать какой-либо вариант мы в данной ситуации не смогли. Пришлось в переводе оставить оригинальное сокращение, что, учитывая вышеназванные трудности при переводе аббревиатур, конечно, допустимо, хотя и нежелательно. Следует помнить о том, что самые строгие требования предъявляются к переводным документам, предназначенным не для врачей, а для пациентов: в них не должно быть ничего непонятного для пациента, в том числе по возможности не должно быть латинских сокращений. Тем не менее, заимствование иностранного сокращения (с сохранением латинского написания) является одним из способов передачи аббревиатур на русский язык. Другими способами передачи иностранных сокращений на русский язык являются:

– передача буквенного состава иностранного сокращения русскими буквами (транслитерация), например, MRT – МРТ;

– передача аббревиатуры полнословным термином при отсутствии сокращения-эквивалента, например, *FISH (Fluoreszenz-in-situ-Hybridisierung)* переводится как «*флуоресцентная гибридизация in situ*» (цитогенетический метод для определения положения специфической последовательности ДНК на метафазных хромосомах *in situ*). Справедливости ради следует сказать, что допустим перевод «*метод FISH*», то есть, заимствование иностранного сокращения с сохранением латинского написания;

---

⁴³ <http://acronyms.thefreedictionary.com/APID>

– передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением, например, вошедшее в немецкий язык английское сокращение *HIV* (*human immunodeficiency virus*) передаётся русской аббревиатурой *ВИЧ* (*вирус иммунодефицита человека*);

Иногда переводчик должен до такой степени вникать в суть медицинского документа, что должен самостоятельно давать варианты авторских сокращений, исходя из контекста. Так, при переводе заключения об илеоскопии (исследовании тонкой кишки для выявления её патологии) и проктоскопии нам встретилось сокращение SH. Словарь медицинских сокращений даёт девять значений этого сокращения: 1) Schenkelhals (*шейка бедра*); 2) Schwerhörigkeit (*тугоухость*); 3) Serumhepatitis (*сывороточный гепатит*); 4) social history (*социальная история*); 5) somatotropes Hormon (*соматотропный гормон*); 6) Standard-Heparin (*стандартный/нефракционированный гепарин*); 7) Staupe-Hepatitis (*вирусный гепатит*); 8) Sulphydryl-(Gruppe) (*сульфгидрильная группа*); 9) Sylfonylharnstoff (*сульфонильная мочеви́на*). Ни одно из этих значений явно не подходило по смыслу. С помощью интуиции и логики нам пришлось догадаться, что имеется в виду *Schleimhaut* (*слизистая оболочка*), хотя раньше такое сокращение не встречалось.

Как видим, мозг переводчика может работать в различных режимах: от максимально экономичного до максимально напряжённого в экстремальных для переводчика ситуациях. В первом случае перевод сводится к последовательности формально-логических операций, во втором, названные операции сопровождаются интуитивно-эвристическими действиями с непредсказуемыми озарениями [Миронова, 2013, с. 79].

Помимо акронимов и фонетических сокращений в медицинских документах встречаются графические и слоговые сокращения.

Типичным примером слогового сокращения является аббревиатура *Ca*, например, *Матта-Са: карцинома молочной железы*. У опытных переводчиков слоговые сокращения, как правило, трудностей не вызывают.

Примерами графических сокращений в немецких медицинских текстах являются традиционные, стандартные: *Z.n.* (*Zustand nach / состояние после*), *i.v.* (*intravenös / внутривенно*), *i.m.* (*intramusculär / внутримышечно*), *Unters.* (*Untersuchung / обследование*), а также авторские, окказиональные сокращения, например, *Pfl.* Судя по всему, речь идёт о сокращённом варианте существительного *Pflegekräfte: младший и средний медперсонал*.

Встречается смешанный тип сокращений, например, *U-Modus*. В словарях расшифровка отсутствует. Кто-то на форуме переводчиков считает, что это *ультразвуковой режим (Ultraschallmodus)*. Мы полагаем, что это *режим обследования (Untersuchungsmodus)*.

Л.Ю. Зубова отмечает как довольно сложный для перевода класс усечённых сокращений, образованных на основе английских словосочетаний. Это может быть, как усечение каждого компонента: *bat fat* (← *battle fatigue*) «невроз военного времени»; *pharm chem* (← *pharmaceutical chemistry*) «фармакологическая химия»; *dent chem* (← *dental chemistry*) «стоматологическая химия», так и усечение одного из компонентов с полным опущением второго: *hype* (← *hypodermic syringe*) «шприц для подкожных инъекций»; *duo* (← *duodenal ulcer*) «язва двенадцатиперстной кишки». Этот случай представляет большие трудности для переводчика, так как опущена значительная доля информации и остаётся лишь намёк на термин, тот семантический сгусток, который рефлекторно вызовет в памяти реципиента соответствующий термин [Зубова].

Как видим, подъязык медицины ни в коем случае нельзя рассматривать как застывшую систему. Медицинская наука – это фрагмент концептосферы, где активно проявляется когнитивная компрессия. Важнейшим средством компрессии является аббревиатура как особый когнитивный комплекс, незаменимое средство передачи и хранения информации [Зубова, 2009]. Обращающие на себя внимание сокращения, встречающиеся в каждом медицинском документе, вызваны в первую очередь интралингвистическими факторами, то есть стремлением к сокращению практически любого термина.

Наука о переводе в XXI веке вступает в креативную полосу своего инновационного развития. И оттого, насколько успешно новое поколение переводоведов и практиков перевода сумеет освоить и обогатить современные транслатологические парадигмы и внедрить их в реальный переводческий процесс, будет зависеть качественный прорыв в теории и практике перевода [Мишуров, 2013, с. 24].

Список литературы

- Бернал Дж.* Наука в истории общества / Дж. Бернал М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 736 с.
- Зубова Л.Ю.* Английские медицинские аббревиатуры как часть профессиональной языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. [Электронный ресурс] / Л.Ю. Зубова. Воронежский государственный педагогический университет, 2009.

- Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/angliyskie-meditsinskie-abbreviatury-kak-chast-professionalnoy-yazykovoy-kartiny-mira>
- Зубова Л.Ю.* К вопросу об особенностях и трудностях перевода английских медицинских сокращений [Электронный ресурс] / Л.Ю. Зубова. – Режим доступа: <http://stud-baza.ru/k-voprosu-ob-osobennostyah-i-trudnostyah-perevoda-angliyskih-meditsinskih-sokrascheniy-statya-yazykoznanie-filologiya>
- Какзанова Е.М.* Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.21. / Е.М. Какзанова. М., 2011. 350 с.
- Макарова А.С.* О причинах возникновения и широкого распространения аббревиатур (на материале французского языка) / Язык и культура. К юбилею профессора Эммы Фёдоровны Володарской / Под. ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воротникова. М.: Издательство Института иностранных языков, 2010. С. 331-333.
- Миронова Н.Н.* Когнитивные аспекты перевода художественной литературы / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3. 2013. С. 77-83.
- Мишкуроев Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3. 2013. С. 3-29.
- Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки / С.Е. Никитина. М.: Наука, 1987. 143 с.
- Пристайко Т.С.* Очерки по русской терминологии экономики и права / Т.С. Пристайко, Е.А. Конопелькина, Э.В. Неженец. Днепрпетровск: Нова ідеологія, 2011. 303 с.

Карданова Н.Б.

Болонский университет, Школа языков и литератур, письменного и устного перевода
(Форли)
г. Болония (Италия)

Kardanova Nataliya

University of Bologna, Higher School of Languages and Literatures,
Translation and Interpretation (Campus of Forli)
Bologna (Italia)

*ПИСЬМА ФЛОРЕНТИЙСКОГО КУПЦА ФРАНЧЕСКО ГВАСКОНИ ИЗ МОСКВЫ ОТ 25
ИЮНЯ И 17 ИЮЛЯ 1696 Г. И НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ОРИГИНАЛ*

THE LETTERS OF THE FLORENTINE MERCHANT FRANCESCO GUASCONI FROM
MOSCOW OF JUNE, 25 AND JULY, 17, 1696 AND THE UNKNOWN RUSSIAN
ORIGINAL

Доклад посвящён письму флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 17 июля 1696 г. Он торговал в Москве и отправил ряд писем, официально адресованных его брату в Венецию, однако оказавшихся в руках такого важного органа Венецианской республики, как «государственные инквизиторы», в ведении которых находились наиболее важные государственные вопросы. Исследователям рассматривают Гваскони как неофициального осведомителя Венецианской республики, информировавшего Светлейшую республику о происходящем в Москве в ответственный исторический момент, когда Россия и Венеция оказались связаны участием в антитурецкой лиге. Рассматриваемые нами письма были посвящены военным столкновениям под Азовом. Гваскони ссылается на некие полученные им письма из-под Азова от 2 и 22 июня и от 4 июля 1696 г. Обращает на себя внимание то, что, описывая приход кораблей противника, Гваскони не только точно называет род и количество кораблей, и описывает произошедшие события, используя при этом местоимение «наш» при характеристике действий русской армии. Это – наряду со ссылкой на некие «полученные письма» – позволяет предположить, что Гваскони (вероятно, не без помощи переводчика) имел доступ к информации, поступавшей из-под Азова. Заметим, что те же сведения содержат письма Петра Первого с линии фронта от 11 и 23 июня и 3 июля 1696 г.

This talk is about the letter of the Florentine merchant Francesco Guasconi from Moscow of June, 25 and July 17, 1696. He traded in Moscow and sent a number of letters officially addressed to his brother to Venice (however appeared in the hands of “inquisitori di stato”, "the state authority", an important body of the Venetian republic under the authority of whom were are most important the state questions). Scholars consider Guasconi as an informal informer of the Venetian republic informing it about the events in Moscow during important historical period when Russia and Venice were connected by participation in the anti-Turkish league. The letters studied by us describe military collisions near Azov. Guasconi refers to letters received by him from Azov on the 2nd and 22nd of the previous month and the 4th of the current month. It attracts attention that, whriting about the arrival of the ships of the enemy, Gvaskoni not only precisely describes the type and the number of the ships but also whrites about the events, using the word "ours" characteristizing Russian army. This, together with the reference to some "received letters", suggests that Guasconi (probably not without the assistance of a translator) had access to the information coming from Azov. We notice that the same reports contain Peter I letters from the front line of June 11 and 23 and July 3, 1696.

Ключевые слова: Пётр Первый, Венецианская республика, Франческо Гваскони, письма, Москва, Азов.

Key words: Peter I, Venetian republic, Francesco Guasconi, letters, Moscow, Azov.

Настоящий доклад посвящён двум письмам флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня 1696 г. и от 17 июля 1696 г. Гваскони родился во Флоренции «в 1640 г., прожил около сорока лет в Московии, где умер в 1708 г.» [Di Salvo, 2011, p. 137].

Он происходил из аристократической флорентийской семьи, которая, как и многие другие знатные семейства во Флоренции XVII века, весьма преуспевала в торговле [Di Salvo, 2011, p. 137-138], причём в целом ряде европейских городов [Di Salvo, 2011, p. 137-138], в том числе и в Польше [Шаркова, 1981, с. 60; Di Salvo, 2011, p. 138]. Именно с этим успехом и со стремлением расширить дело исследователи объясняют появление Франческо Гваскони в Москве [Шаркова, 1981, с. 60-61], которое относят к 1666 г. и связывают «с предоставленным Алексеем Михайловичем правом свободной торговли в Москве тосканским купцам» [Шаркова, 1981, с. 59].

В Москве Франческо Гваскони сумел занять «особенное положение в Немецкой слободе и добиться расположения и протекции лиц, близких к самому Петру Первому» [Di Salvo, 2011, p. 142]. В частности, известна его дружба с ближайшим Петровским другом Францем Лефортом [Di Salvo, 2011, p. 142], с генералом Патриком Гордоном [Di Salvo, 2011, p. 140], военный талант которых Пётр ценил чрезвычайно высоко, тогда как в торговых книгах Гваскони встречается имя Андрея Виниуса [Di Salvo, 2011, p. 140] – сначала переводчика, а затем второго дьяка Посольского приказа, который с 1685 г. заведовал Почтовым ведомством (Виниусу принадлежат переводы с французского книг по артиллерии, фортификации и механике).

В 1696-1696 гг. Гваскони отправил из Москвы ряд писем, официально адресованных его брату в Венецию. Алессандро Гваскони действительно вёл там дела, владея, вместе со своим флорентийским знакомым и компаньоном Да Верраццано, компанией «Гваскони-Да Верраццано» [ibid, p. 138], однако в конечном счёте письма Франческо Гваскони из Московии оказались в руках такого важного органа Венецианской республики, как «государственные инквизиторы», в ведении которых находились наиболее важные государственные вопросы. Это позволило исследователям рассматривать Гваскони как осведомителя Венецианской республики⁴⁴: он передавал информацию о

---

⁴⁴ Деятельность Гваскони в качестве информатора венецианских властей указывалась дореволюционным исследователем, профессором Дерптского университета Е.Ф. Шмурло [Шмурло, 1903, с. XVIII], в советское время – историком И.С. Шарковой [Шаркова, 1981, с. 84], писавшей о российско-

происходящем в Москве в ответственный исторический момент, когда Россия и Венеция оказались связаны участием в антитурецкой лиге.

Начиная с августа 1696 года и до 16 апреля 1697 г. имя Гваскони достаточно регулярно встречается в письмах Джироламо Альберти⁴⁵ – дипломатического представителя (так называемого «резидента» – «residente») Венецианской республики в Польше, которые предназначались дожу Венеции, а также упоминается в письме от 18 мая 1697 г. апостолического нунция (дипломатического представителя Ватикана) в Венеции, монсиньора Кузано, государственному секретарю кардиналу Спаде [Шмурло, 1903, с. 234].

Из писем Альберти следует, на наш взгляд, что он пытался договориться с Гваскони о том, чтобы Гваскони регулярно сообщал ему новости из Москвы. Так, в письме от 20 августа 1696 г. Альберти писал дожу Венеции о том, что ожидает новостей от «некого господина Гваскони, находящегося в Москве» (*здесь и далее перевод писем Альберти наш – Н.К.*) («un tal sig. Guasconi, qual è in Moscu» [там же, с. 110]), которому венецианский дипломат «подсказал, что он может писать о хороших новостях прямо, ничего не опасаясь, тогда как плохие новости может приуменьшить, дабы не вызвать недовольство москвитов, если вдруг переписка окажется в их руках» («accennandoli che può scrivere li buoni avvisi francamente senza pericolo, et li cattivi, li può minuire per non spiacere alli Moscoviti, se mai fosse scoperta la sua corrispondenza [там же]. Альберти писал, впрочем, что не надеется, что Гваскони ответит, поскольку флорентинец «уже не раз объяснял свой отказ страхом каких-то странных преследований, если вдруг его заподозрят в связи с иноземцами» («Non spero che rispondi a proposito essendosene altre volte scusato sul timore di strane persecutioni, sempre che fosse sospettato di havere qual si sia comunicazione con forastieri [там же, с. 110]).

Видимо, именно этот способ передавать новости из Москвы, Альберти имел в виду, когда писал 2 апреля 1697 г. дожу Венеции о том, что «Г-н Гваскони не пишет мне ни строчки, несмотря на то, что я научил его способу, как делать это, не подвергаясь

итальянских торговых связях и первой уделившей внимание торговым делам Гваскони в Москве [Шаркова, 1981, с. 58-61], связав их с интересами его семьи [Шаркова, 1981, с. 60-61] и итальянской исследовательницей Марией Ди Сальво [Di Salvo, 2011, р. 141], посвятившей биографии Гваскони отдельную статью и реконструировавшей его биографию в контексте торговой деятельности его семьи, а также специально охарактеризовавшей его роль в Москве [Di Salvo, 2011, р. 137-144].

⁴⁵ Письма Дж. Альберти были опубликованы Е.Ф. Шмурло в «Сборнике документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого» [Шмурло, 1903, с. 110], в предисловии к этому изданию Е.Ф. Шмурло отдельно указал все письма Альберти, где встречается имя Гваскони [Шмурло, 1903, с. XVIII]. О переписке Гваскони с Дж. Альберти упоминает и И.С. Шаркова [Шаркова, 1981, с. 84].

опасности, не прибегая к шифрованию и не вызывая при этом никаких подозрений, на специальном, недоступном другим, языке» («Del resto il sig. Guasconi non mi scrive nemmeno un cenno de avvisi, benché gli habbi somministrato modo di farlo senza pericolo, senza ziffra et però senza sospetti, con un zergo impenetrabile [там же, с. 207]).

Об отсутствии новостей от Гваскони Альберти сообщали дожу и ранее, 4 декабря 1696 г.: «ещё не получил никакого ответа от г-на Гваскони, купца, находящегося в Москве» («non havendo mai ricevuto risposta dal sig. Guasconi negoziante in Moscuа [там же, с. 162]). В свою очередь, 16 апреля 1697 г. в письме к дожу Альберти строил предположения о том, что «Если резидент Польши (*ранее речь шла о решении некого кардинала отправить резидента в Московию – Н.К.*) уедет немедленно, то можно будет ожидать через него новостей оттуда, возможно, г-н Гваскони под его прикрытием осмелится писать, что по почте он делать не будет, поскольку все письма там открывают и проверяют, пишут ли хоть какие-то плохие или хорошие новости» («Se il ressidente di Polonia partisse presto, si potrebbe d'averе per suo mezzo le notizie di quelle parti, mentre forse il sig. Guasconi osarebbe sotto la di lui cuoperta di scrivere, il che non farà per la posta, dove tutte le lettere sono aperte, ed inquisito chiunque scrive la minima cattiva o buona nuova» [там же, с. 214]).

Отметим, что месяцем позже, 18 мая 1697 г., апостолический нунций в Венеции, монсеньор Кузано, сообщал государственному секретарю кардиналу Спаде о том, что «Господин Алессандро Гваскони, флорентийский дворянин, который постоянно проживает здесь в Венеции, получил последние новости от г-на Франческо, своего брата, который находится в Москве, о том, что тамошний государь отправляет посла к Нашему Господину (*Папе Римскому – Н.К.*), Императору (*Священной Римской Имерии – Н.К.*) и в эту республику» («Il sig. Alessandro Guasconi, chè un gentiluomo fiorentino, che risiede di continuo qui in Venezia, ha ricevuto con l'ultimo ordinario l'avviso dal sig francesco suo fratello, che si ritruova in Mosca, che quel principe abbia destinato un ambasciatore a Nostro Signore, all'Imperatore, ed a questa repubblica» [там же, с. 234]).

Семь писем Гваскони на имя брата Алессандро в Венецию хранятся в Государственном Архиве г. Венеции⁴⁶ и были опубликованы Е.Ф. Шмурло, изучавшим материалы, относящиеся к русской истории, в Венецианском государственном архиве. Они были написаны в 1696-1697 гг.: это письма от 8 января 1696 г. [там же, с. 47], от 26 февраля 1696 г. [там же, с. 57-58], от 19 марта 1696 г. [там же, с. 63], от 10 июня 1696 г.

---

⁴⁶ Archivio di Stato di Venezia. Inquisitori di Stato. Riferite di confidenti. Busta 610. Francesco Guasconi.

[там же, с. 93-94], от 25 июня 1696 г. [там же, с. 96-97], от 17 июля 1696 г. [там же, с. 100], от 26 февраля 1697 г. [там же, с. 196-197].

М. Ди Сальво отмечает, что письма Гваскони «появляются в венецианских архивах в контексте войны с Турцией» [Di Salvo, 2011, p. 141] и что Гваскони сообщает в Венецию о подготовке великого посольства [ibid, p. 141] и о ходе Азовской кампании [ibid, p. 141]. И.С. Шаркова пишет о том, что Гваскони писал «о последних событиях в Москве, например, о приготовлениях к новому азовскому походу, о походе к Азову казаков, о приготовлениях и посылке великого посольства» [Шаркова, 1981, с. 84]. Добавим, что в письмах от 26 февраля 1696 г. [Шмурло, 1903, с. 57-58], и от 19 марта 1696 г. [там же, с. 63], 26 февраля 1697 г. [там же, с. 196-197] Гваскони сообщал об отправлении в Венецию представителей знатнейших русских фамилий с целью обучаться морскому делу.

Первое письмо Гваскони от 8 января 1696 г. касалось подготовки Петра Первого войне (имелся в виду второй Азовский поход) [там же, с. 47]: «здесь ведётся огромнейшая подготовка к войне, как на воде, так и на суше, поскольку царь Пётр в этом году желает вновь вернуться к своим военным опытам, и с этой целью здесь строится от двадцати до тридцати небольших галер и других судов, дабы идти сильным флотом в Чёрное море на турок» (*здесь и далее перевод писем Гваскони наш – Н.К.*) («qui si vanno facendo grandissimi preparamenti di guerra tanto per terra che per acqua, volendo il czar Pietro in quest'anno prossimo tentare di nuovo i suoi esperimenti, et a tale effetto si vanno consturendo venti in trenta galere piccole con altri legni per andare con una competente flotta nel Mar Nero ai danni dei Turchi [там же, с. 47]).

В этом же письме Гваскони подчёркивал, что «поскольку здесь это будет первый флот, который выйдет в море, и здесь нет людей в этом опытных, то Его Царское Величество Пётр желал бы иметь точнейшие и полнейшие сведения, дабы знать, каково должно быть управление этим флотом («ma come questa sarà la prima flotta che si sia posta in mare, e che non si hanno qui persone pratiche, desidererebbe Sua Czarea Maestà Pietro avere una esatta e distinta informazione di costà, per potersi regolare nella disposizione e governo di essa flotta» ([там же, с. 47]), после чего запрашивал информацию об управлении галерами: количество офицеров, матросов и солдат; власть, обязанности и возможные наказания в случае необходимости, «словом, все точные сведения и наставления, которые необходимы для успешного управления флотом, который, как я говорил, здесь рассчитывают пустить в море» («in somma ogni più esatta informazione et istruzione per la buona condotta della flotta che come ho detto, qui si disegna di porre in mare» [там же, с. 47]).

Подчеркнём, что из этого письма Гваскони следует его близость к высоким московским сановникам: Гваскони просил сообщить ему «все вышеназванные сведения по почте как можно быстрее, дабы я мог передать эти сведения высокоставленному лицу, которое обратилось ко мне по личному распоряжению Его Величества царя Петра» («*tutte le predette informazioni la prego trametterle quanto prima per la posta, acciò le possa subito far tenere a questo ministro, che di comando preciso di Sua Maestà czar Pietro me ne ha portato le premure*» [там же, с. 47]).

К вопросу о русской военной кампании Гваскони вернулся в письме от 10 июня 1696 г. [там же, с. 93-94], когда во второй Азовский поход выступил лично Пётр (передвижение войск началось ранее). Не ссылаясь на определённый письменный или устный источник, Гваскони сообщал о том, что «как можно заключить вышеназванный светлейший царь Пётр прибыл со своими галерами под Азов или Азах и что вскоре мы услышим о том, продвинулись ли они дальше» («*le dirò intendersi, che il predetto serenissimo czar Pietro fusse di già arrivato con le sue galere, nelle vicinanze di Asof, o sia Asach, e di breve doveremo sentire, se si saranno più oltre avanzate*» [там же, с. 93]), предполагал («но, по всей видимости» – «*ma secondo tutte le apparenze*» [там же]), что «в этом году в Чёрное море они не выйдут» («*non scenderanno per quest'anno nel Mar Negro*» [там же]), писал о том, что «сухопутные войска собираются вокруг вышеназванной Азовской крепости и вскоре должны будут начаться военные действия; говорят, что армия эта сильна 130 тысячами солдат, хорошо и всем вооружена и снабжена и что даже инженеры и артиллеристы были отправлены сюда Императором Священной Римской Империи и курфюрстом Бранденбургским, и потому здесь надеются на счастливый исход дела («*L'armata terrestre s'andava radunando sotto la detta piazza di Asof, e ben presto dovevano dar principio alle operazioni militari dicendosi, che la detta armata sarà forte di circa 130 mila combattenti, ben provvista di tutto, et anche d'ingegneri e cannonieri stati qua mandati dall'Imperatore e dall'Elettore di Brandemburgo, onde se ne spera felice esito*» [там же, с. 93-94]).

Следующие два письма Гваскони – от 25 июня и от 17 июля 1696 г. – рассматриваемые в настоящей работе, были написаны, когда российская армия успешно вела боевые действия под Азовом. Как и в случае первого Азовского похода, она была разделена на армию, действовавшую под Азовом (под командованием генералиссимуса А.С. Шеина находились дивизии Гордона, Головина и Регемана) и на Днепре (под командованием Б.П. Шереметева). Новым было присутствие флота, подготовленного

Петром за прошедший год: первый Азовский поход не привёл к взятию Азовской крепости не в последнюю очередь потому, что осаждённые смогли получить подкрепление по воде.

О ходе Азовской кампании⁴⁷ Пётр Первый, для которого военные действия и, в особенности, судьба флота были не только делом государственной важности, но и делом жизни, бесконечно увлекавшим его ещё с детских лет, регулярно сообщал в Москву своим ближайшим сотрудникам: Ф.Ю. Ромодановскому, А.А. Винусу и А.Ю. Крефту (Кревету) – в письмах одного содержания и написанных в один день. В интересующий нас период появились письма Петра от 31 мая, от 11 и 23 июня и от 3 июля 1696 г.

В письме в Венецию от 25 июня 1696 г. Гваскони сообщал в Венецию о победе казачьих лодок над судами противника: «Пишет Франческо Гваскони из Москвы 25 июня 1696 г. своему брату Алессандро в Венецию. Что касается новостей, то в нашем распоряжении имеются полученные из-под Азова последние письма от 2 июня по старому стилю, где говорится, что казаки с Таная (*Дона – Н.К.*) на воде имели столкновение и взяли восемь или десять лодок, заполненных съестными и боевыми припасами и с некоторым количеством денег, а также с сукном, – всё, что было предназначено для оказания помощи и что было необходимо гарнизону Азовской крепости, и сожгли один корабль, а другой обратили в бегство, и захватили в плен 27 турок, что вызвало здесь большую радость, так как здесь надеются, что, лишив неприятеля возможности присылать подкрепление по воде, скорее можно будет побудить его сдаться, поскольку крепость осаждена уже и с суши, при этом, однако, никаких решающих военных действий пока не происходило. Его Величество царь Пётр находится со своими галерами под крепостью, и здесь полагают, что галеры эти не пойдут в Чёрное море, а останутся поблизости, дабы воспрепятствовать туркам, если те вдруг попытаются оказать содействие по воде. О том, что будет происходить далее, не премину Вам сообщить» («Scrive Francesco Guasconi da Mosco in data delli 25 Giugno, ad Alessandro suo fratello di Venezia. Di novità aviamo con l'ultime lettere venute da Asach in data delli 2 Giugno stil vecchio, che li Cosacchi del Tanai avessero per acqua avuto un incontro, e preso otto o dieci barche cariche di tutta sorte di monizioni da bocca, e da querra, con qualche somma di contanti, e di pannine, tutto destinato per soccorso, e servizio della guarnigione di Asach, con aver anche abbruciata una nave, e postone un'altra in fuga con prigionia di 27 Turchi, cosa che qui ha cagionato grande allegrezza, mentre

---

⁴⁷ Ход Азовских походов был реконструирован историками (Боевая летопись, 1948).

si spera col levare all'inimico il modo di soccorrere per acqua la detta piazza, di constringerla tanto più presto alla resa, essendo di già formalmente assediata per terra, senza però sentirsi sin ora che sia seguita nessuna azione di rimarco. Sua Maestà il czar Pietro si trova con le sue galere sotto la piazza medesima, e si crede che le galere medesime non s'avanzeranno più oltre nel Mar Negro, ma si fermeranno alli passi per impedire i soccorsi che fussero da' Turchi tentati per acqua. Di che anderà succedendo non lascierò darle ragguaglio» [Шмурло, 1903, с. 96-97]).

Эти сражения на воде были описаны в письмах Петра Первого от 31 мая 1696 года к Виниусу⁴⁸, Ромодановскому⁴⁹ и Крефту⁵⁰.

В письмах Петра Первого от 31 мая 1696 года казаки указаны как дополнительные силы («причём и казаков было несколько лодок»), Пётр не уточняет, что именно ими была произведена атака. Вместе с тем, Пётр подробно описывает вход в море, связанный с

---

⁴⁸ «Сего месяца в 15 день приехали мы в Черкасской и стояли 2 дни; и собрався з галерами, также и на Турскую, что взята, посадя людей, пошли в 18-м числе к каланчам в 9 галерах и пришли того же дни часу в 2-м ночи к каланчам. И наутрея пошли на море, при чем и казаков было несколько лоток; и той ночи и наутрея за мелиною устья пройти было невозможно, потому ветер был сиверной и воду всю в море збил; аднакоже, увидев неприятельских судов, в мелких судах на море вышли. А неприятель из кораблей, которых было 13, выгружался в 13 тунбас, для которых в провожанье было 11 ушколов, и как неприятель поровнялся с Каланчинским устьем, и наши на них ударили и помочию божиею оные суда разбили, из которых 10 тунбасов взяли, и из тех 9 сожгли; а корабли, то видя, 11 ушли, а один утопили сами, а другой наши сожгли; а в Азов ушли ушкола с три, и то безо всякого запаса. На тех тунбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по 5, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков, и иного всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесю, масла и рухляди многое число, а больше сукон; и все, что к ним на жалованья и на сиденье прислано, все нашим в руки досталось» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 69-70]).

⁴⁹ «15-го дня пришёл наш караван в Черкасской, и в 18 день пришли в Каланчу, в 19 день пришли на устье моря, и за мелиною на море галерам вытить было невозможно. А неприятель на море стоял в 13 караблях. И того ж дня неприятель, нагрузясь з жалованьем и с воинскими припасы, в 13 тунбасах, с каторыми для провожанья в 11 ушкалах были янычены, и как те суды поровнялись против устья Каланчинского, и мы, холопи твои, в малых судах, а казаки в лотках, прося у Бога милости, ударили на того неприятеля и милостию Божиею и пресвятыя Богородицы со всеми святыми молитвою, а вашим государским счастьем, те вышеспанные суды розбили, из каторых 9 сожгли, 1 взяли, а достальные ушли к караблям; и карабли, то видя, 11 ушли, а один затопили сами, а другой наши сажгли. Н атех тунбасах взято: 26 человек языков; пороху 85 бочек, 300 бомбов, 5000 гранат, 500 копей и все, что к ним везено, взято, болши всего сукон и иных вещей» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 69]).

⁵⁰ «Сего месяца в 15 день приехали мы в Черкасской и стояли 2 дни; и собрався з галерами, также и на Турскую, что взята, посадя людей, пошли в 18-м числе к каланчам в 9 галерах и пришли того же дни часу в 2-м ночи к каланчам. И наутрея пошли на море, при чем и казаков было несколько лоток; и той ночи и наутрея за мелиною устья пройтить было невозможно, потому ветр был сиверной и воду всю в море збил; аднакоже, увидяв неприятельских судов, в мелких судах на море вышли. А неприятель, из кораблей, которых было 13, выгружеса в 13 тунбас, для которых в провожанье было 11 ушколов, и как неприятель поровнялись с Каланчинским устьем, и наши на них ударили и помощью Божиею оные суды разбили, из каторых 10 тунбасов взяли, и из тех 9 сожгли; а карабли, то видя, 11 ушли, а 2-1 утопили сами, а другой наши сожгли; а в Азов ушли ушкала с три, и то безо всякого запаса. На тех тунбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по 5; 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков, и иного всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесю, масла и рухледи многое число, а больше сукон; и все, что к ним на жалованья и на сиденье прислано, все нашим в руки дасталось.» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 69]).

метеорологическими условиями, на которые обращает особенное внимание («и той ночи и наутре за мелиною устья пройтить было невозможно, потому ветер был сиверной и воду всю в море збил»). Русские войска обозначены как «наши», противник – в нейтральном стилевом регистре («неприятель» и «неприятелских судов»). Самым подробным образом описаны его силы, указаны различные типы кораблей и их число: «А неприятель, из кораблей, которых было 13, выгружеса в 13 тунбас, для которых в провожанье было 11 ушколов» (тунбас – турецкое парусное грузовое судно того времени, ушкол – лёгкое турецкое парусно-гребное судно). При описании боя указано стратегическое положение неприятеля: «и как неприятель поравнялись с Каланчинским устьем». Ссылка на волю Провидения дана при помощи стилистически нейтрального «помощию Божию». Для описания военных действий используются лексемы нейтрального регистра, обозначающие атаку русских войск («ударили»), их успешные военные действия («разбили», «взяли», «сожгли») и действия противника («ушли», «утопили») ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 69]).

Подробнейшим образом описаны трофеи («взято» и «в руки досталось»), их род и количество: «На тех тунбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по 5; 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков, и иного всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесю, масла и рухледи многое число, а больше сукон; и все, что к ним на жалованья и на сиденье прислано, все нашим в руки дасталось» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 70-71].

В своём письме от 25 июня 1696 г. Гваскони, сославшись на «полученные из-под Азова последние письма от 2 июня по старому стилю» («Di novità aviamo con l'ultime lettere venute da Asach in data delli 2 Giugno stil vecchio» [Шмурло, 1903, с. 96]), сообщает в Венецию о том, что «Пишет Франческо Гваскони из Москвы 25 июня 1696 г. своему брату Алессандро в Венецию. Что касается новостей, то в нашем распоряжении имеются полученные из-под Азова последние письма от 2 июня по старому стилю, где говорится, что казаки с Таная (*Дона – Н.К.*) на воде имели столкновение и взяли восемь или десять лодок, заполненных съестными и боевыми припасами и с некоторым количеством денег, а также с сукном, – все, что было предназначено для оказания помощи и что было необходимо гарнизону Азовской крепости, и сожгли один корабль, а другой обратили в бегство, и захватили в плен 27 турок» («li Cosacchi del Tanai avessero per acqua avuto un incontro, e preso otto o dieci barche cariche di tutta sorte di monizioni da bocca, e da querra, con qualche somma di contanti, e di pannine, tutto destinato per soccorso, e servizio della

guarnigione di Asach, con aver anche abbruciata una nave, e post|one un'altra in fuga con prigionia di 27 Turchi» [там же]).

Затем описана эмоциональная реакция на произошедшее со стороны русских («здесь» – не совсем ясно, имеются ли в виду русские войска под Азовом или о получившие эту новость в Москве): «что вызвало здесь большую радость», затем указан стратегический расчёт русских на ближайшую победу, мотивированный тем, что возможность получения неприятелем подкрепления по воде блокирована: «здесь надеются, что, лишив неприятеля возможности присылать подкрепление по воде, скорее можно будет побудить его сдаться, поскольку крепость осаждена уже и с суши» («cosa che qui ha cagionato grande allegrezza, mentre si spera col levare all'inimico il modo di soccorrere per acqua la detta piazza, di constringerla tanto più presto alla resa, essendo di già formalmente assediata per terra» [Шмурло, 1903, с. 96]. В то же время, Гваскони подчёркивает, что «при этом, однако, никаких решающих военных действий пока не происходило» («senza però sentirsi sin ora che sia seguita nessuna azione di rimarco» [там же]).

В письме Гваскони уточняется местонахождение Петра Первого и его кораблей и пересказывается чьё-то предположение («здесь полагают» – вновь неясно, где: под Азовом или в Москве) о дальнейших планах царского флота: «Его Величество царь Пётр находится со своими галерами под крепостью, и здесь полагают, что галеры эти не пойдут в Чёрное море, а останутся поблизости, дабы воспрепятствовать туркам, если те вдруг попытаются оказать содействие по воде» («Sua Maestà il czar Pietro si trova con le sue galere sotto la piazza medesima, e si crede che le galere medesime non s'avanzaranno più oltre nel Mar Negro, ma si fermeranno alli passi per impedire i soccorsi che fussero da' Turchi tentati per acqua» [там же, с. 96-97]).

Пётр, для которого морские сражения имели огромную важность и как для командующего русской армией, и как для человека, влюблённого в морское дело, описывает и само сражение, и его результаты самым подробным образом: он рассказывает о них своим соратникам, столь же горячо заинтересованным в положительном исходе дела. В свою очередь, из письма Гваскони от 25 июня 1696 г. венецианские власти получили необходимую информацию об успехах союзной русской армии: кем было выиграно сражение (казаки), узнали примерное количество захваченных, сожжённых, обращённых в бегство и взятых в плен вражеских судов, узнали о личном присутствии царя на галерах (соратники царя об этом знали) и о предполагаемых действиях последних. Таким образом, у Гваскони создан контекст, известный соратникам Петра и потому

отсутствующий в царских письмах – но неведомый венецианским властям, и в этом контексте обобщены данные, столь подробно описанные в письмах Петра Первого.

Письмо Гваскони от 25 июня 1696 г. в Венецию заканчивалось обещанием: «О том, что будет происходить далее, не премину Вам сообщить» («Di che anderà succedendo non lascerò darle ragguaglio») [там же, с. 97].

Следующее письмо Гваскони было датировано 17 июля 1696 г.: «Пишет Франческо Гваскони из Москвы 17 июля 1696 г. своему брату Алессандро в Венецию. Ставлю Вас в известность о том, что из писем из-под Азаха от 22 числа прошлого месяца и 4 числа текущего месяца мы узнали, что 14 июня прибыл перед устьем реки Танай (*Дон – Н.К.*) паша из Анатолии по имени Турноша, но, видя наш флот, состоящий из 30 галер, двух галеасов и 50 или 60 казачьих лодок, – судов, всех хорошо вооружённых и занимающих хорошее положение, чтобы его принять, отступил на значительное расстояние назад, однако оставаясь на виду нашего флота, возможно, для того, чтобы получать новости из города или же чтобы собраться с силами побольше и затем попытаться пройти на помощь, что будет ему сделать весьма непросто, поскольку наши имеют в своём владении все проходы и все они весьма укреплены, в том числе и на суше, поскольку продвинулись (*мы – Н.К.*) уже до рва первого укрепления города, продолжая работы, чтобы в скором времени пойти на главный штурм, и это вселяет надежду на успех, на то, что с благословения Господа, их проще будет принудить к сдаче. Сын татарского хана, султана Кирима Мурадина, находится с несколькими тысячами татар под Азовом, и они, в соединении с другими татарами из этих краёв, каждый день пребывают в военных столкновениях с московитами, однако до сих пор из этого не последовало ничего достойного внимания, и всего лишь немного убитых и с одной стороны, и с другой. Говорят, что татарский хан находится в Крыму, а другое наше войско, под командованием Шереметева, с казаками, находится в этих местах, чтобы наблюдать за военными действиями; это все, что могу я сказать вам в настоящий момент, если только станет известно что-то достойное внимания, я не премину сообщить вам об этом» («Scrive Francesco Guasconi da Mosca in data 17 Luglio 1696 ad Alessandro suo fratello di Venetia. Eccomi a parteciparle come con le lettere di Asach delli 22 del passato e quattro del corrente, intendiamo che il giorno 14 Giugno fusse arrivato avanti la bocca del fiume Tanai un pascia della Natolia chiamato Turnoija con una flotta di sei navi, tre galere, 14 fregate, et altri piccoli legni con disegno d'introdursi nella città assediata, ma vedendo la nostra flotta consistente in 30 galere, due galeazze, e 50, o 60 altre barche di Cosacchi tutte bene armate, et in buona positura

per riceverlo, e contrastarli l'ingresso si ritirò alquanto in dietro però tuttavia a vista della nostra armata forse per haver qualche nuova della città, ovvero per rinforzarsi d'avantaggio, e poi tentare il soccorso, che li riuscirà assai difficile, poi che li nostri si trovano in possesso di tutti li passi, et in essi ben fortificati, sì come per terra, sendo di già avanzati con li loro approcci fin sotto il fosso del primo recinto della città, continuando tuttavia il travaglio per ben presto darli un generale assalto, e danno buona speranza di felice successo, che piaccia a Dio segua, acìò poi più facilmente si possano costringere alla resa. Il figlio del Chan de' Tartari del Chirim Muradin sultan si ritrova anco con alcuni milgliara di Tartari sotto Asof, e questi congiunti con altri Tartari di quelli paesi sono giornalmente in azione con li Moscoviti, ma fin' hora non è seguito cosa di rimarco, e solo pochi morti dall'una, e l'altra parte. Il Can de Tartari si dice si ritrovi nel Crim, e l'altra nostra armata dal Sceremetof con li Cosacchi in campagna in quelli contorni per osservare li suoi andamenti, che è quanto per hora posso dirli, sempre ci sia qualche cosa di rimarco non mancherò parteciparglielo» [там же, с. 100]).

Передавая информацию «брату Алессандро», Гваскони ссылается на некие полученные им письма из-под Азова от 22 числа прошлого и 4 числа текущего месяца, не уточняя, по какому календарю: «Ставлю Вас в известность о том, что узнали мы из писем из-под Азаха от 22 числа прошлого месяца и 4 числа текущего месяца» («Eccomi a parteciparle come con le lettere di Asach delli 22 del passato e quattro del corrente, intendiamo che il giorno 14 Giugno fusse arrivato» [там же]).

Как видим, письмо Гваскони в Венецию от 17 июля 1696 г. было посвящено последним событиям под Азовом: речь идёт о приходе морских судов противника и о невступлении их в боевые действия, о проведении русской армией подготовительных работ к штурму и о периодических столкновениях царских войск с осаждёнными.

Рассмотрим письма Петра Первого с линии фронта, содержавшие сходную информацию, и сопоставим их с текстом Гваскони. Интересующие нас царские письма датированы 11 и 23 июня и 3 июля 1696 г. по старому стилю.

Прибытие к Азову турецкого флота, с упоминания которого начинается письмо Гваскони, было подробно описано Петром Первым в письмах от 23 июня 1696 года к Ромодановскому⁵¹, Крефту⁵² и Виниусу⁵³. Здесь говорилось о появлении турецких судов, которые, однако, стоят на якоре, не атакуют и не дают своих людей сухопутным войскам.

---

⁵¹ «по должности своей рабской, доношу, что сего месяца 14 дня прислан к Азову на помощь Анатолийский Турночи баша с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатов да несколько мелких судов, который намерен был в Азов пройтить; но, увидя нас, холопей ваших, принужде намерение свое отставить; и стоит вышепомянутый баша в виду отнашего каравана и смотреть, что над городом делается.

По-видимому, информация о прибытии паши и ходе военных действий была столь важна для Петра, что он поделился ею даже с любимой сестрой, царевной Наталией Алексеевной⁵⁴. В метафорической форме, доступной для адресата, шутя, Пётр не только сообщал о противостоянии двух флотов («Турки на помощь пришли, да к нам нейдут; а чаю, что желают нас к себе» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 77]), но и о том, что старается быть осторожным, как его, по всей вероятности, просила об этом сестра: «По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо» ([там же]).

В русской армии знали о предполагаемом приходе паши, к нему были готовы, о чём свидетельствуют письма Петра к соратникам – Ромодановскому⁵⁵, Виниусу⁵⁶ и Крефту⁵⁷ –

Народын просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов сухим путем; но он ему отказал, отговариваясь, что если де мне убавить людей, то де Московский караван, пришед, караван мой разорить, и в ту пору что мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые сказывают не равно: иные 4000, а иные больше и меньше. Aldach ir Kneh Piter. 3 галеры Прицыпиум, июня 23» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 74-75].

⁵² «Здесь, слава Богу, все здорово. К Азову на помощь прислан Турночи баша с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 караблей, 14 фурактов да несколько мелких судов, которой намерен был в Азов пройтить; но, увидя нас, принужден намерение свое отставить; и стоит вышепомянутой баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом зделаетца. Народын просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов людей сухим путем; но он ему отказал, отговариваясь, что естли де мне убавить людей, то де Московской караван, приш(едь), караван мой розорит, и в ту пору што д(е) мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые сказывают не равно: иные 4000, а иные болши и менши. Piter. 3 галеры Принцыпиум, июня 23 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 75-76].

⁵³ «Письмо твое, июня 2 дня писанное, мне отдано, в котором объявляея после заморских вестей а безмерном непогожем времени и стуже; а здесь великие жары, однако, слава Богу, лишних болезней нет. К Азову на помощь иза Анатолии прислан Турночи баша сего месяца в 14 день с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 караблей, 14 фурактов да несколько мелких судов, которой намерен был в Азов пройтить; но, увидя нас, принужден намерение свое отставить; и стоит вышепомянутой баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делаетца. Народын просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов людей сухим путем; но он ему отказал, отговариваясь, что естли де мне убавить людей, то де Московской караван, пришед, караван мой розорит, и в ту пору што де мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые сказывают не равно: иные 4000, а иные болши и менши. Piter. 3 галеры Принцыпиум, июня 23 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 76-77].

⁵⁴ Письмо от 1696 г., во второй половине июня: «Сестрица, здравствуй! А я, слава Богу, здоров. По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помощь пришли, да к нам нейдут; а чаю, что желают нас к себе. Piter.» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 77]).

⁵⁵ «А о здешнем возвещаю, что, слава Богу, все идет добрым порядком, и обозом город обняв кругом и поле в шанцы в одну ночь вступили так близко, что и мелкого ружья стрелятца стали; а за рекою еще нет. Черкасы пришли в Черкаской, и ждем их вскоре. Вчерашнего дня Народын-салтан с тысячею Татарами по утру ударил на обоз наш, где наша конница такой ему отпор дали, что принужден был бегством спасение себе приобрести и до Когольника гнан со всеми Татарами; и конечно был бы взят, толко дятко ево, пересадя на свою лошадь, упустил; а сам, против гонителей ево став и бився, в руки нашим за спасение ево отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как ево брали, он ушел; однако от Дигилея Калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен. На котором бою несколько их убито да 4 взято, а наших 8 ранено. Взятые языки сказывают, что помощь себе болши тысячи еще не чают; а морем, казывают, будто будет паша с 50-ю судами; толко то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галейх обретаются, и шоунтбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу оног паши есмы при помощи безопасны. Piter. 3 галеры Принцыпиум, июня 11 дня» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 71-72]).

от 11 июня 1696 г., см., к примеру, в письме к Ромодановскому «Взятые языки сказывают, что помочь себе болши тысени ещё не чают; а морем, казывают, бутто будет паша с 50-ю судами; толко то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галейх обретаецца, и шоунтбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу онога паши есмы при помощи безопасны. Piter. 3 галеры Принципиум, июня 11 дня» [там же, с. 72].

У Гваскони точно указана дата прибытия кораблей паши – 14 июня, как и в письмах Петра к соратникам («сего месяца 14 дня» и «сего месяца в 14 день», исключение – письмо к Крефту). Если в письмах Петра от 23 июня 1696 года подчеркнута, что паша «К Азову на помочь прислан», то есть прибыл по приказу, поскольку осаждённые нуждаются в помощи, то Гваскони говорит собственно о «прибытии» паши, но, в отличие от Петра, уточняет, куда именно: «14 июня прибыл перед устьем реки Танай» («il giorno 14 Giugno fusse arrivato avanti la bocca del fiume Tanai [Шмурло, 1903, с. 100]).

У Гваскони дано имя возглавлявшего турецкий флота паши и место, откуда он прибыл: «паша из Анатолии по имени Турноя» («un pascia della Natolia chiamato Turnoija» [там же]), как и в письмах Петра («Турночи баша», «Анатолский» и «из Анатолии»).

---

⁵⁶ «А о здешнем возвещаю, что, слава Богу, все идет добрым порядком, и обозом город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так близко, что из мелкого ружья стреляться стали; а за рекой еще нет. Черкасы пришли в Черкаской, и ждем их вскоре. Вчерашняго дня Народын-салтан с тысячею Татарами по утру ударил на обоз наш, где наша конница так ему отпор дали, что принужден был бегством спасение себе приобрести и до Когольника гнан со всеми Татарами; и конечно был бы взят, толко дятка его, пересадя на свою лошадь, упустил, а сам, против гонителей его став и бився, в руки нашим за спасение его отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как его брали, он ушел; однако от Дигилея Калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен. На котором бою несколько их убито да 4 взято, а наших 8 ранено. Взятые языки сказывают, что помочь себе больше тысячи еще не чают; а морем, сказывают, будто будет паша с 50 судами; только то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галерах обретаецца, и шуитбейнахта с достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили две крепости, и (к) приходу онаго паши есть при помощи безопасно. Piter. 3 галеры Прицыпиум, июня 11» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 73-74].

⁵⁷ «А о здешнем возвещаю, что, слава Богу, все идет добрым порядком, и обозом город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так близко, что из мелкого ружья стрелятца стали; а за рекою еще нет. Черкасы пришли к Черкаской, и ждем их вскоре. Вчерашняго дня Народын-салтан с тысячею Татарами по утру ударил на обоз наш, где наша конница такой ему отпор дали, что принужден был бегством спасение себе приобрести и до Когольника гнан со всеми Татарами; и конечно был бы взят, только дятка ево, пересадя на свою лошадь, упустил, а сам, против гонителей ево став и бився, в руки нашим за спасение ево отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как ево брали, он ушел; однако от Дигилея Калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен. На котором бою несколько их убито да 4 взято, а наших 8 ранено. Взятые языки сказывают, что помочи себе болши тысячи еще не чают; а морем, сказывают, бутто будет паша с 50-ю судами; толко то они слышали, а сами не видали. А наш караван на устье Дону в 22 галейх обретаецца, и шоудбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу онога паши есмы при помощи безопасны. Piter. 3 галеры Принципиум, июня 11 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 72-73].

В письмах от 23 июня 1696 года у Петра подробно указывались типы и количество судов («с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатов да несколько мелких судов»). У Гваскони находим ту же синтаксическую конструкцию, корабли – в том же количестве и тех же типов – перечислены в ином порядке: «со флотом из шести кораблей, трёх галер, 14 фрегатов и других небольших судов» («con una flotta di sei navi, tre galere, 14 fregate, et altri piccoli legni» [там же]).

В письмах от 23 июня 1696 года у Петра продвижение к Азову, входившее в стратегические планы («намерен») противника, представлено при помощи глагола движения «пройтить» («которой намерен был в Азов пройтить»), у Гваскони – «с намерением проникнуть в осаждённый город» («con disegno d'introdursi nella città assediata» [там же]).

В письмах Петра от 23 июня 1696 года вынужденный отказ от этих планов дан в словосочетании «принуждён намерение своё отставить», причина – близость российского флота – указана в словосочетании «увидя нас», включающем деепричастие от перцептивного глагола «увидеть» («увидя») и личное местоимение «нас», обозначающее русские суда: «но, увидя нас, принужден намерение своё отставить». У Петра дальнейшее бездействие противника и наблюдение его за осадой Азова дано в предложении «и стоит вышепомянутой баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом зделаетца», где лексема деловой письменности «вышепомянутой» использована по отношению к паше, тогда как лексеммы нейтрального регистра описывают нахождение противника в визуальной близости от русского флота («стоит в виду») и наблюдение за происходящим («смотрит, что над городом зделаетца»), русские суда обозначены лексемой «караван» («от нашего каравана») [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 74].

В письме Гваскони в описании причины, по которой паша изменил свои планы, находим деепричастие от перцептивного глагола «видеть» (так в итальянском оригинале «vedendo» – «видя»), при этом российский флот, произведший такое впечатление на пашу, описан подробно и точно, с указанием боевых единиц: «но, видя наш флот, состоящий из 30 галер, двух галеасов и 50 или 60 казачьих лодок, – судов, всех хорошо вооружённых и занимающих хорошее положение, чтобы его принять» («ma vedendo la nostra flotta consistente in 30 galere, due galeazze, e 50, o 60 altre barche di Cosacchi tutte bene armate, et in buona posituira per riceverlo» [Шмурло, 1903, с. 100]). Подчеркнём, что Петровский флот в

письме Гваскони назван «наш»⁵⁸, как если бы письмо было написано самим царём, одним из его русских подданных или иностранным сотрудником у него на службе. Невозможно, на наш взгляд, с точностью утверждать, появилось ли местоимение («наши») в тексте Гваскони случайно, в спешке работы над текстом, или же было оставлено специально, на тот случай, если письма в Венецию окажутся в руках русских властей.

Сообщив своим сотрудникам о том, что турецкому паше пришлось отказаться от дальнейшего продвижения к осаждённой крепости («принуждён намерение своё отставить»), Пётр говорит о дальнейшем бездействии противника и наблюдении его за осадой Азова: «и стоит вышепомянутой баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом зделаетца», где лексема деловой письменности «вышепомянутой» использована по отношению к паше, тогда как лексемы нейтрального регистра описывают нахождение противника в визуальной близости от русского флота («стоит в виду») и наблюдение за происходящим («смотрит, что над городом зделаетца»), русские суда обозначены лексемой «караван» («от нашего каравана») [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 74].

Гваскони уточняет, что паша «отступил на значительное расстояние назад» («si ritirò alquanto in dietro» [Шмурло, 1903, с. 100]), сообщает, как и Пётр, что паша ведёт наблюдение. Но если у Петра наблюдение за русским флотом подразумевается указанием на близость к нему турецкого флота: «стоит в виду от нашего каравана», акцент, однако, сделан на наблюдении за городом: «смотрит, что над городом зделаетца»), то Гваскони уточняет, что паша ведёт наблюдение именно за русским флотом: «однако оставаясь на виду нашего флота» («però tuttavia a vista della nostra armata» [там же]). Кроме того, Гваскони делает предположение о том, с какой целью с турецких кораблей следят за осаждённой крепостью: «возможно, для того, чтобы получать новости из города или же чтобы собраться с силами побольше и затем попытаться пройти на помощь» («forse per haver qualche nuova della città, ovvero per rinforzarsi d'avantaggio, e poi tentare il soccorso» [там же]).

Это предположение позволяет Гваскони перейти к описанию действий русских войск, полностью контролирующих подходы к крепости и готовящихся к решающему штурму, – этому посвящена следующая часть его письма.

О том, что российские войска не допустят прохождения турецких судов к крепости, Пётр Первый, как мы помним, писал своим сотрудникам ещё в письмах от 11 июня 1696

---

⁵⁸ Итальянская исследовательница Мария Ди Сальво также обратила внимание на использование местоимения «наш» по отношению к русским войскам в тексте Гваскони [Di Salvo, 2011, p. 141].

г., когда приход этих судов лишь ожидался: «А наш караван на устье Дону в 22 галейх обреаетца, и шоудбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре; а на устье Дону учинили 2 крепости и к приходу оног паши есмы при помощи безопасны.» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 72-73].

При этом Пётр ссылался на присутствие русских кораблей («А наш караван на устье Дону в 22 галейх обреаетца»), на ожидаемое подкрепление другими галерами («и шоудбейнахта з достальными галерами ожидаем вскоре») и на построенные две крепости в устье Дона («а на устье Дону учинили 2 крепости»), что позволяло ему делать вывод о полной готовности к отражению флота противника («и к приходу оног паши есмы при помощи безопасны») [там же]. Гваскони, в свою очередь, предполагает, что пройти к крепости противнику будет «весьма непросто», характеризуя в подтверждение своих слов стратегическое преимущество в расположении русских войск (они вновь названы «наши») в целом – на море и на суше: «что будет ему сделать весьма непросто, поскольку наши имеют в своём владении все проходы и все они весьма укреплены, в том числе и на суше» («*che li riuscirà assai difficile, poi che li nostri si trovano in possesso di tutti li passi, et in essi ben fortificati, sì come per terra*» [Шмурло, 1903, с. 100]).

Что же касается подготовительных работ к штурму крепости, то о строительстве необходимого для штурма земляного вала Пётр писал в письмах от 3 июля 1696 года к Ромодановскому⁵⁹, Виниусу⁶⁰ и Крефту⁶¹: «вал валят блиско и 3 мина зачали».

---

⁵⁹ А о здешнем возвещаю, что вал валят блиско и 3 мина зачали. Приезжие Брандебурцы с нашими непрестанно труждаютьца в брасании бомбов. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни с нашими бьютца; толко, слава Богу [кроме одного бою, где прогнавшись наши, по прадедовским обычаем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, паки их пронали], всегда прогнаны от наших бывают. Турночи баша еще стоит на море, и канун Петрова дни был от них подъезд в 24-х судах, и как блиско подъехали, и наши якори вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас, парусы подняв, побежали. Iv daheleix Knech «Piter. «Kamondor. 3 галеры Принцыпиум, июля 3 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 77-78].

⁶⁰ «А о здешнем известен, ваше (так в подлиннике) милость, будь, что вал валят блиско и 3 мина зачали. Приезжие Брандебурцы с нашими непрестанно труждаютьца в брасании бомбов. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни с нашими бьютца, толко, слава Богу [кроме одного бою, где прогнавшись наши, по прадедовским обычаем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, паки их прогнали], всегда прогнаны от наших бывают. Турночи баша еще стоит на море, и канун Петрова дни был от них подъезд в 24 судах, и как блиско подъехали, и наши якори вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас, парусы подняв, побежали. Piter. 3 галеры Прицыпиум, июля 3 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 78-79].

⁶¹ «А о здешнем известен, ваша милость, будь, что вал валят блиско и 3 мина зачали. Приезжие Брандебурцы с нашими непрестанно труждаютьца в брасании бомбов. Цесарцы еще не бывали. Татары мало не по вся дни с нашими бьютца, толко, слава Богу [кроме одного бою, где прогнавшись наши, по прадедовским обычаем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, паки их прогнали], всегда прогнаны от наших бывают. Турночи баша еще стоит на море, и канун Петрова дни был от них подъезд в 24-х судах, и как блиско подъехали, и наши якори вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас, парусы подняв, побежали. Piter. 3 галеры Принцыпиум, июля 3 дня» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 78-79].

У Гваскони о подготовительных работах (в целом, не упоминая именно вала) сообщается в связи с готовящимся штурмом крепости. Гваскони, говоря о том, что войска Петра («наши») «имеют в своём владении все проходы и все они весьма укреплены, в том числе и на суше» («*li nostri si trovano in possesso di tutti li passi, et in essi ben fortificati, si come per terra [там же]*»), мотивирует это не в последнюю очередь тем, что русские «продвинулись уже до рва первого укрепления города, продолжая работы, чтобы в скором времени пойти на общий штурм, давая надежду на успех, на то, что с благословения Господа, их проще будет принудить к сдаче» («*sendo di già avanzati con li loro approcchi fin sotto il fosso del primo recinto della città, continuando tuttavia il travaglio per ben presto darli un generale assalto, e danno buona speranza di felice successo, che piaccia a Dio segua, acio poi più facilmente si possino costringere alla resa*» [там же]). Гваскони, тем самым, не упоминая земляного вала, точно указывает нахождение русских войск – у первой оборонительной линии неприятеля («уже до рва первого укрепления города») и о ведении ими работ («продолжая работы»), предваряющих будущий штурм крепости. Таким образом он специально сообщает в Венецию о готовящемся штурме – сотрудники Петра, которым было очевидно, для чего «вал валят», в таком сообщении не нуждались.

Далее в своём письме от 17 июля 1696 г. Гваскони характеризует численный состав татарских войск, указывает, под чьим командованием они находятся («Сын татарского хана, султана Кирима Мурадина, находится с несколькими тысячами татар под Азовом» – «*Il figlio del Chan de' Tartari del Chirim Muradin sultan si ritrova anco con alcuni milgliara di Tartari sotto Asof*» [там же]) и сообщает об их частых военных столкновениях с русскими войсками, подчёркивая, что эти повседневные сражения не представляют особенного стратегического интереса и что обе стороны несут минимальное количество потерь: «и они, в соединении с другими татарами из этих краёв, каждый день пребывают в военных столкновениях с московитами, однако до сих пор из этого не последовало ничего достойного внимания, и всего лишь немного убитых и с одной стороны, и с другой.» («*questi congiunti con altri Tartari di quelli paesi sono giornalmente in azione con li Moscoviti, ma fin' hora non è seguito cosa di rimarco, e solo pochi morti dall'una, e l'altra parte*» [там же]).

Отметим, что почти ежедневные военные столкновения с противником описаны Петром в письмах к Петра от 3 июля 1696 года к Ромодановскому, Виниусу и Крефту: «Татары мало не по вся дни с нашими бьютца» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 77-78], где противник указан при помощи этнонима «Татары», русские

войска – при помощи притяжательного местоимения «наши» («с нашими»), военные столкновения описывает лексема нейтрального регистра «бьютца», тогда как разговорное «мало не по вся дни» указывает на то, что столкновения происходят почти ежедневно.

Одерживаемые победы русскими войсками даны Петром в предложении «толко, слава Богу ...всегда прогнаны от наших бывают» [там же], где глагол «бывают» в сочетании с лексемой «всегда» указывает на регулярность данных действий, лексема «прогнаны» – отступление противника, русские войска вновь обозначены притяжательным местоимением «наши» («от наших»), тогда как в ссылке на волю Провидения использован нейтрально-разговорный регистр («слава Богу»).

В квадратные скобки Петром была помещена информация, расценённая им как исключение, на что указывает, помимо графического оформления, лексема «кроме»: «[кроме одного бою, где прогнавшись наши, по прадедовским обычьем, не приняв себе оборонителя воинского строю, несколько потеряли, но, когда справились, паки их прогнали]» [там же]. О неудаче русских войск (по всей видимости, человеческих потерях) в данном бою сказано в словосочетании «несколько потеряли», дальнейший успех, овладение ситуацией обозначает лексема нейтрального регистра «справились» («но, когда справились»), конечную победу русских войск – вновь лексема «прогнали» («паки их прогнали»). Пётр объясняет временный неуспех войск существующими традициями («по прадедовским обычьем»), тем, что во время атаки («где прогнавшись наши»), не смогли осуществить оборону («не приняв себе оборонителя воинского строю»).

Если у Петра подробно описана ситуация, увиденная глазами воина русской армии, каким был молодой царь, участника войны, заинтересованного в успехе русского оружия, радующегося каждой победе и уделяющего внимание даже единичному поражению и объясняющего его причину, то Гваскони стремится передать в Венецию информацию, необходимую венецианским властям: о том, насколько важны военные действия для взятия крепости и каковы потери обеих армий. Российские войска при этом названы «московитами» (ср. «наши» у Петра), о победах русских не упоминается (ср. у Петра «толко, слава Богу ...всегда прогнаны от наших бывают»).

В завершение своего письма Гваскони специально сообщает о местонахождении татарского хана и о том, чем занято второе российское войско под командованием Шереметева, – в отличие от Петра, сотрудникам которого это было хорошо известно и который не счёл необходимым упоминать об этом в рассмотренных нами письмах: «Говорят, что татарский хан находится в Крыму, а другое наше войско, под

командованием Шереметева, с казаками находится в этих местах, чтобы наблюдать за военными действиями» («Il Can de Taratri si dice si ritrovi nel Crim, e l'altra nostra armata dal Sceremetof con li Cosacchi in campagna in quelli contorni per osservare li suoi andamenti, che è quanto per hora posso dirli, sempre ci sia qualche cosa di rimarco non mancherò parteciparglielo» [Шмурло, 1903, с. 100]).

Следует также отметить ту информацию из писем Петра, которую в письмах Гваскони от 25 июня 1696 г. и от 17 июля 1696 г. мы не находим.

Таково сообщение в письмах Петра от 11 июня 1696 г. занятие позиций русской армии вокруг крепости и начало военных действий частью армии («и обозом город обняв кругом и после в шанцы в одну ночь вступили так близко, что из мелкаго ружья стреляться стали; а за рекой ещё нет»), о прибытии союзных черкесов («Черкасы пришли в Черкасской, и ждём их вскоре»), и о нападении «Народын-салтана», который едва не был взят русскими в плен, причём Пётр подробно описывал, что помешало этому осуществиться: «и конечно был бы взят, толко дятко ево, пересадя на свою лошадь, упустил; а сам, против гонителей ево став и бився, в руки нашим за спасение ево отдался, того для, дабы тем временем, как он бился и как ево брали, он ушёл; однако от Дигилея Калмыченина помянутой Народын меж крылец ранен» [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 78-79].

В письмах Петра Первого от 23 июня 1696 года был приведён – предполагаемый, по всей видимости, – диалог паши с «Народыном», запросившим у турецкого командующего помощь войскам на суше: «Народын просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов сухим путём; но он ему отказал, отговариваясь, что если де мне убавить людей, то де Московский караван, пришед, караван мой разорить, и в ту пору что мне делать? ты не поможешь. С вышеписанным башею языки взятые сказывают не равно: иные 4000, а иные больше и меньше» ([там же, с. 74-75]).

Кроме того, в этих же письмах Пётр специально ссылался на приблизительную информацию от языков («языки взятые сказывают не ровно»), указывавших количество людей («иные 4000, а иные болши и менши»), прибывших с пашой, паша при этом охарактеризован при помощи лексемы деловой письменности «вышеписанным»: «С вышеписанным башею языки взятые сказывают не ровно: иные 4000, а иные болши и менши» ([там же, с. 76]).

В письмах Петра Первого от 3 июля 1696 г. говорилось о постоянном ведении артобстрела крепости, в котором принимали участие иностранные мастера

(«Приезжия Брандебурцы с нашими непрестанно труждаютца в брасании бомбов» ([Письма и бумаги императора Петра Великого, 1887, с. 77]), тогда как из сообщения о том, что «Цесарцы ещё не бывали» ([там же]), адресату было ясно, что инженеры, направленные Императором Священной Римской Империи в Азов специально по просьбе Петра, ещё не прибыли. Обозначение мастеров по месту происхождения – «Цесарцы» – было достаточно для тех, кто был введён в курс дела автором писем ранее. Можно предположить, что об ожидании иностранных специалистов Гваскони не писал, поскольку уже говорил об этом в своём письме от 10 июня 1696 г. [Шмурло, 1903, с. 94].

Подводя итог проведённому анализу, отметим, что нам неизвестно, чьи письма из-под Азова служили источником информации для флорентийского купца Франческо Гваскони, успешно торговавшего в Москве. Разумеется, мы не можем утверждать, что Гваскони, пусть и имевший связи в высших кругах столицы (знакомые ему Лефорт и Гордон находились под Азовом, тогда как другому его знакомому, Виниусу, Пётр писал в Москву), пользовался именно письмами Петра, что они каким-то образом оказывались в его распоряжении или же что ему периодически становилось известно их содержание в чьём-то пересказе. Трудно также себе представить, чтобы Гваскони получал специальные сообщения от Гордона или Лефорта. В любом случае, следует напомнить, что молодой царь писал своим ближайшим сподвижникам, бывшим в курсе дела, и давал им ту информацию, которая интересовала и захватывала самого Петра и его адресатов, разделявших взгляды молодого царя. В своих письмах от 25 июня и 17 июля 1696 г. Гваскони, в свою очередь, должен был сообщить в Венецию столь ожидаемые там сведения о том, каково положение и осаждённой, и осаждающей армии. Именно эта коммуникативная задача и организует структуру двух его писем, рассмотренных нами, и диктует отбор информации из оригинального русского источника.

Список литературы

- Боевая летопись русского флота: хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 492 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1: 1688-1701. СПб., 1887. 998 с.
- Шаркова И.С.* Россия – Италия: торговые отношения XV-первой четверти XVIII в. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.И. Рутенбурга. Л.: «Наука», 1981. 210 с.
- Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Recueil des documents et matériaux se rapportant à l'histoire du règne du Tsar Pierre le Grand publié par E.Schmourlo, Prof. à l'Université Impériale de Gouriev (Dorpat). Т. 1: 1693-1700. Юрьев, 1903. XLV, 728 с.

Di Salvo, M. Florence, Amsterdam, Moscow: an Italian Merchant in Peter the Great's Time / Di Salvo M. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari. A cura di A. Alberti, M. C. Bragone, G. Brogi Bercoff, L. Rossi. Firenze: Firenze University Press, 2011. P. 137-144.

Комарова З.И.
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург (Россия)

Комарова Zoya
Ural Federal University (UrFU)
Ekaterinburg (Russia)

*ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЕДИНИЦ НАУЧНЫХ ЯЗЫКОВ: К ПРОБЛЕМЕ СОПРЯЖЕНИЯ
ПАРАДИГМ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ*

IDIOMATIC NATURE OF SCIENTIFIC LANGUAGE UNITS: TO THE PROBLEM OF
LINKING PARADIGMS OF TERMINOLOGY AND TRANSLATION STUDY

Статья посвящена одной из междисциплинарных дискуссионных проблем: идиоматичности единиц научных языков с позиции сопряжения парадигм терминоведения и переводоведения, то есть проблема рассматривается в русле «терминологизированной переводческой деятельности» (терминированное понятие Б.Ю. Городецкого). Раскрываются области пересечения общего и научно-технического перевода с терминоведением. С этой позиции обосновываются методология и методика установления идиоматичности терминов в языке науки. Выдвигается идея изучения идиоматичности/мотивированности единиц языка науки только в рамках строго определённой научной парадигмы терминоведения. Проблема решается в двух основных парадигмах: нормативно-прескриптивной и дескриптивной (когнитивно-дискурсивной). Выявляются и рассматриваются основные объективные факторы, обуславливающие степень идиоматичности терминов: динамика научных понятий, вторичность семиозиса терминов, способы терминотворчества, взаимодействие логосной и лексисной системности терминов, а также степень формализации конкретного научного языка (подъязыка, LSP).

The paper studies one of interdisciplinary highly disputed problems: idiomatics of units of scientific languages in terms of linking paradigms of terminology and translation study, that is the problem is considered from the aspect of “terminologised translation practice” (termed concept introduced by B. Gorodetskiy). The fields of overlap between general and scientific technical translation are revealed. The methodology and methods of determining idiomatic nature of terms in the language of science are presented from this perspective. The paper puts forward the idea of studying idiomatic/motivational nature of scientific language units only in the framework of a specific scientific paradigm of terminology study. The problem is solved in two basic paradigms: normative prescriptive and descriptive (cognitive-discursive). The paper reveals and analyses basic objective factors influencing the degree of idiomaticity of terms: dynamics of scientific concepts, secondary nature of terms’ semiosis, ways of creating terms, interrelation between systematic character of terms on the levels of logos and lexis as well as degree of formalization of a definite scientific language (sublanguage, LSP).

Ключевые слова: терминоведение, переводоведение, перевод, научно-технический перевод, языковая идиоматика, мотивированность терминов, факторы идиоматичности, научное понятие, терминотворчество.

Key words: terminology study; translation study; translation; scientific technical translation; language idiomatics; motivation of terms; factors of idiomaticity; a scientific concept; terms creation.

Переводчики – почтовые лошади просвещения
А.С. Пушкин

История терминологии – это проблема мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории культурных взаимодействий и группировок народов.

В.В. Виноградов

Союз терминоведения и переводоведения обусловлен рядом факторов. Прежде всего, необходимо отметить, что терминологическая и переводческая деятельности осуществлялись задолго до возникновения этих наук. Так, известный науковед М.В. Вартофски в монографии *«Генезис научной мысли»* выделяет три типа протонаучных знаний: мифологию, житейский опыт и технологию изготовления изделий, лежащих у истоков научных и технических знаний. Потому формирование специальной лексики и предтерминов началось ещё 3 млн. лет тому назад [Гринёв, 1993, с. 192].

Перевод как вид деятельности также имеет долгую историю: своими корнями восходит к тем временам в истории человечества, когда праязык начал распадаться на свои отдельные разновидности и возникла необходимость в людях, способных выступать при общении представителей разных языковых общин в роли посредников – сначала устных (*толмачей*), а затем с развитием письменности и письменных – *переводчиков* [Алексеева, 2004; Гарбовский, 2004; Нелюбин, 2006 и др.]. При этом длительное время эта посредническая деятельность была синкретичной, т.к. переводились любые слова и любые тексты.

Второй общий фактор для обеих наук заключается в том, что несмотря на долгую историю переводческой и терминологической деятельности, обе науки молоды – детища XX века: переводоведение (англ. translation studies; нем. *Übersetzungswissenschaft* или *Translationswissenschaft*) – наука, изучающая различными методами и приёмами структуру и закономерности, присущие всякому переводу [Гарбовский, 2004, с. 2], оформилась к середине XX века, а терминоведение (как наука о терминах и их сообществах: терминологиях и терминосистемах) сформировалось к началу 70-х годов XX века. При этом обе науки выделились из лона лингвистики (Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.И. Ревзин, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, О. Каде, Дж. Кэтфорд, Ж. Мунен, Ю. Найда, Р. Якобсон и др.), а потому возникла транслационная лингвистика [Комиссаров, 2007, с. 3], но они быстро

стали междисциплинарными. Терминоведение находится на пересечении четырёх групп наук: лингвистических (≈ 80), логико-философских, математических и предметных, интегрируя несколько десятков наук [Комарова, 2013, с. 215]. То же можно сказать и о переводоведении, поскольку междисциплинарен сам перевод как искусство выражения: переводя с одного языка на другой, переводчик использует не только разные языки, но и соответствующие им культуры, с их мировоззренческими, социальными, поведенческими особенностями, а также самые разнообразные экстралингвистические знания о физической природе мира, о человеке, об обществе и ситуациях, в которых был порождён текст перевода, передающий систему смыслов, заключённую в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому [Гарбовский, 2004, с. 214].

Сложившийся союз терминоведения и переводоведения в новом веке актуализирован тем, что научно-технический и научный переводы, составляющие от 60 до 80% общей массы переводов [Татаринов, 2006, с. 281], являются **общим объектом исследования**, прежде всего этих двух дисциплин, т.к. имеют дело с одной реальностью, названной Б.Ю. Городецким «**терминологизированной переводческой деятельностью**», в которой можно выделить три основные «пограничные» области, зоны пересечения [Лейчик, 1973; Комарова, 2008-б].

Во-первых, лексикографическое и терминографическое обеспечение любого перевода через владение переводчиками словарями и справочниками. В наши дни, когда, по словам А. Рея «современная цивилизация есть цивилизация словаря», лексикографию и терминографию перевода следует считать мощным информационным ресурсом для переводчика, способствующим эффективности всей переводческой деятельности [Борисова, 2002, с.13].

Во-вторых, терминологическое редактирование специальных текстов для достижения правильного использования терминов и их субститутов с позиции их роли в переводимом тексте и с позиции их места в терминосистеме. Методологическая база для этой деятельности создаётся в новом прикладном разделе терминоведения – гармонизация терминов, под которой понимается вид терминологической деятельности, заключающийся в согласовании терминов на национальном и международном уровне [Татаринов, 2006, с. 38; Лейчик, 2007, с. 210-211; Комарова 2008-б, с. 61-86]. В принципе терминологическое редактирование направлено на устранение дисгармонии терминов – «такое использование терминов в научном дискурсе,

которое приводит к неоднозначной, неопределённой передаче научной информации и неадекватной, непредсказуемой реакции на неё субъектов научной коммуникации» [Комарова, 2008-б, с. 65].

В-третьих, это перевод терминов в научно-техническом тексте, т.е. **терминологические аспекты научно-технического перевода**. Основной задачей этого направления является разработка теории и практики трансляции сущности термина как логико-языкового знака языка науки, как «кванта» знания, выступающего средством презентации ментальности учёного-автора переводимого специального текста – оригинала.

Для разработки проблемы типологизации научно-технического перевода и подготовки квалифицированного переводчика – профессионала [Борисова, 2002] первостепенной является его терминоведческая компетенция.

С этой позиции вторая часть данной статьи посвящена одной из крупных дискуссионных проблем современного теоретического терминоведения – идиоматичности научных языков, которая может вызвать значительные сложности для переводчика профессиональной коммуникации.

К началу XXI века в лингвистике сложились две традиции исследования языковой идиоматики. Одну из них можно назвать европейской, континентальной, а другую - англо-американской [Савицкий, 2006, с. 9].

Европейская континентальная традиция своими корнями уходит в учение Шарля Балли (1909 г.) и ранние труды российских учёных: В.К. Поржезинского, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и др. Их почин развился далее на почве французского, немецкого и отечественного языкознания и завершился созданием в 20-40-е годы XX века самостоятельной отрасли лингвистики - фразеологии.

Англо-американская традиция в изучении идиоматики восходит к работам Г. Суита (1900 г.), развивается в русле различных отраслей лингвистики и характеризуется очень широким охватом языкового материала, что привело в наши дни, к чрезвычайно широкому пониманию идиоматики на базе теории лексико-семантической и грамматической сочетаемости слов и их элементов.

Изучение этих двух традиций и их развитие, к сожалению, не привели к формированию «единой системы воззрений на идиоматику, которая пока не разработана» [Баранов, 1996, с. 51; Савицкий, 2006, с. 3].

Потому, уходя от дискуссионности проблемы, отметим, что в данной работе под

идиоматичностью понимается свойство единиц языка, состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычлняемых в их формальном строении. Из такого понимания следует, что идиоматичность любой языковой единицы, в том числе - и терминов, возникает вследствие утраты регулярной мотивированности отношений между планом содержания и планом выражения языковой единицы за счёт переосмысления составляющих её элементов.

Следовательно, установление идиоматичности терминов научных языков напрямую связано с одной из кардинальных, но нерешённых проблем современного терминоведения, «требующих скорейшего решения» [Лейчик, 2007, с. 201], проблемой мотивированности терминов.

Более того, наше исследование проблемы мотивированности термина свидетельствует о том, что решение этой проблемы возможно только в рамках строго определённой научной парадигмы, с опорой на её методологию [Комарова, 2008-а, с. 140].

В терминоведении выделяем четыре основных парадигмы: *подготовительная* (от древности до начала XX в.); первая – *нормативно-прескриптивная* (20-е – 60-е годы XX в.); вторая – *институционализация терминоведения* как самостоятельной науки (60-е – 70-е XX в.); третья – *зрелость терминоведения как интегративной науки* (80-е – 90-е годы XX в.) и *современная* – формирование терминоведения как метадисциплины и переход к когнитивно-дискурсивной парадигме (с 90-х годов XX в. по настоящее время) [Комарова, 2008-а, с. 141-142].

Следовательно, анализ идиоматичности терминов следует проводить в рамках каждой из них, что невозможно в формате статьи. Если же к тому учесть ещё и проблему языка науки как среды обитания исследуемых терминов [Комарова, 2010], то понятно, что проблема полностью может быть рассмотрена только в жанре монографии.

В связи с этим сузим и трансформируем обозначенную проблему: цель статьи заключается в выявлении факторов, обуславливающих идиоматичность терминов в языке науки.

Для этой цели можно ограничиться только первым подходом к термину как к социокультурному феномену и последним, современным.

На первом этапе развития терминоведения господствовал «нормоцентрический», а точнее *нормативно-прескриптивный* подход к термину, при котором основной целью исследования терминов было создание «правильно построенной терминологии» [Лотте, 1961], в которой должен проявиться изоморфизм системы понятий и системы

терминов.

Были сформулированы требования к «правильным» терминам. Для этого Д.С. Лотте выдвинул категорию «соответствия термина», в основу которой был положен критерий «соответствия буквального значения термина его действительному значению» [Лотте, 1961, с. 47], выраженному дефиницией термина.

С этой позиции, проанализировав научно-техническую терминологию, Д.С. Лотте установил три типа терминов: правильно ориентирующие; неправильно, или ложно ориентирующие термины и нейтральные термины.

Под правильно ориентирующими терминами понимаются такие, буквальное значение которых создаёт правильное представление о самом понятии, то есть это мотивированные неидиоматичные термины, например: *электродвигатель*, *двигатель внутреннего сгорания*, *килокалория* и др.

К неправильно, или ложно ориентирующим терминам принадлежат такие, в которых терминологические элементы противоречат действительному значению термина и вызывают неправильное представление о понятии, например: *атом* («неделимый»), *азот* («безжизненный»), *громоотвод* («отводящий гром») и др. Это полностью идиоматичные термины.

Нейтральные термины - это такие термины, буквальное значение которых не противоречит понятию, выраженному термином, но связано с его действительным значением косвенно, то есть опосредовано, через несущественные признаки, например, «фамильные» термины типа: *дизель*, *кардан*, *ом*, *герц*, которые не содержат никакой производной семантики, кроме внутренней формы - имени изобретателя. Это частично идиоматичные термины.

Такой логико-языковой подход оказался достаточно продуктивным и был положен в основу работы КТТ (Комитета научно-технической терминологии), возглавившего работу по упорядочиванию, унификации и стандартизации терминов на протяжении всего XX века. Более того, такой критерий идиоматичности принят рядом исследователей и в наши дни [Савицкий, 2006, с. 166].

Однако в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, то есть в дескриптивном терминоведении, в которой термин стал пониматься как определённая информационно-когнитивная структура, как «квант» научного знания, осознана полиморфная природа термина и многомерность соотношения формы и содержания термина.

Это привело к семиотически широкому пониманию мотивированности: неизвестное мотивируется известным [Лейчик, 2007], при котором внутренняя форма понимается очень широко: как «телеологический способ коррелирования креативных и лингвистических феноменов» [Татаринов, 2006, с. 275].

Такая структура внутренней формы позволяет, чтобы поименованное понятие «вместило» в себя весь концептуальный спектр относящихся к данному понятию информационно-фоновых знаний номинатора (профессиональной языковой личности), а также соответствующую сеть когнитивно-языковых структур для выбора одной из них. Иначе говоря, внутренняя форма предстаёт как сложная (многокомпонентная и многоуровневая) система воплощения научной мысли в слове-термине.

Такой подход привёл к тому, что в современном терминоведении мотивированность стала пониматься **расчленённо**: мотивированность **формы** и мотивированность **семантики** и **функций**. Так, по нашему мнению, следует рассматривать и идиоматичность.

Мотивированность **формы** термина понимается как объяснённость выбора этой формы языковым субстратом термина - лексической единицей определённого естественного языка [Лейчик, 2007, с. 39]. В этом смысле мотивированность формы термина является вторичной по отношению к мотивированности лексической единицы как таковой: немотивированное слово общего языка может быть мотивированным термином. Вот почему в момент создания новых терминов (период первоначального наименования) они являются всегда формально мотивированными, т. е. неидиоматичными.

Мотивированность **семантики** и **функции** термина определяется прямым отношением к объекту обозначения и местом термина в терминосистеме, для чего изучается одновременно и формальная, и содержательная структура термина с точки зрения того, какие именно признаки терминируемого понятия кладутся в основу номинации и каково оптимальное число этих признаков, необходимых и достаточных для создания мотивированности.

Такой оптимальной формально-содержательной структурой, по мнению В.М. Лейчика, обладают термины, включающие название объекта и как минимум один отличительный (*differentia specifica*) существенный признак. Таковы, например, названия каталогов в терминосистеме библиотечного дела: *алфавитный каталог*, *предметный каталог*, *хронологический каталог* и др. Таковы многие названия наук и научных

областей: *патентоведение, вирусология, ревматология, языкознание...* [Лейчик, 2007, с. 43]. Такие термины в формально-семантическом плане можно отнести к терминам с нулевой идиоматичностью.

Однако, существует множество факторов, которые приводят к идиоматичности терминов.

В качестве одного из важнейших факторов, обуславливающих утрату мотивированности и возникновение идиоматичности разной степени, следует указать то, что объем и содержание терминованных понятий постоянно модифицируются от одного этапа развития науки к другому, от одной теории к другой.

В связи с этим очень частотными факторами являются **расширение** или **сужение** объёма термилируемого понятия. Так, в момент своего возникновения термин *телефония* (греч. tele - «дальний» и phone - «звук») был и формально, и семантически мотивированным, так как это был единственный способ передачи звука на дальнее расстояние с помощью кабеля.

Но с появлением других видов связи этот термин стал семантически немотивированным, поскольку существенный признак «с помощью кабеля» был утрачен, возникла семантическая идиоматичность, которая имеет тенденцию к нарастанию.

Отметим, что при этом действует логический закон обратно пропорциональной связи между объёмом и содержанием понятия: увеличение объёма понятия неизбежно приводит к сужению содержания этого понятия и наоборот.

К примеру, термин ботаники *хвойные* был мотивирован существенным диагностическим признаком: *хвоя* - «игловидные листья растения». Однако по мере развития, ботанической таксономии объем термилируемого понятия значительно расширился: подкласс этих голосеменных растений сейчас насчитывает более 600 видов, среди которых часть видов растений не имеет листьев в виде хвои. Признак, положенный в основу номинации, стал несущественным, не диагностирующим, потому семантика термина стала идиоматичной.

Более того, динамика научных понятий как фактор, определяющий степень идиоматичности терминов, как мы уже указывали, связан не только с развитием науки, теории, методов и приёмов анализа, но и с характером научного мышления учёных, отражённым в знаковой структуре единиц научных языков.

Так, в ряде научных областей, особенно новых, малоизученных, объект осмысливается исследователем **по аналогии** с чем-то уже известным, что приводит к

созданию терминологических метафор и, следовательно, к идиоматичности семантики таких терминов, как например: *усталость и утомление металлов, сухой двигатель* (в технике); *замороженность и омертвление синтаксических связей, слияние и спаянность лексических компонентов слов* (в лингвистике); *возмущение плазмы, тушение молекул* (в биофизике); *солнечность глаза* (в биологии); *стада, рои, косяки, стаи, выводки объектов* (в системологии): *ворота инфекции, хозяин паразита* (в фитопатологии) и др.

Названные факторы идиоматичности терминов в научных языках ещё связаны с таким объективным фактором, как вторичность семиозиса термина, который заключается в том, что терминопорождение является сложным многомерным процессом, в котором терминологическая категоризация и номинация являются вторичными по отношению к языковой категоризации и номинации.

Иначе говоря, «номинативным материалом» для выражения понятийно-специальных смыслов служит в целом естественно-языковой субстрат.

А это обуславливает, во-первых, сложное взаимодействие общенародного лексикона с терминологическим и целый ряд специфических процессов их взаимодействия: 1) терминологизация (переход общеупотребительного слова в термин); 2) детерминологизация (переход терминов в общеупотребительную лексику); 3) транsterминологизация (переход терминов из одной отрасли в другую); 4) ретерминологизация (возвращение термина в свою область после его транsterминологизации).

Хотя сами эти процессы на первый взгляд просты и очевидны (в приведённых здесь определениях!), но при их изучении оказываются очень неоднозначными и противоречивыми, что уже было выявлено ранее нами [Комарова, 2008-б].

А во-вторых, вторичность семиозиса термина связана ещё и со способами терминотворчества.

Приведём несколько примеров.

1. Самая высокая степень семантической идиоматичности возникает у термина тогда, когда в результате терминологизации у общенародного слова как бы «отсекается» его семантика (в объёме элементарного языкового понятия) и ему «приписывается» научная дефиниция (в объёме научного понятия), например: *кибернетика* (греч. *kybernao* - «правлю рулём судна») - «наука об общих законах

получения, хранения, передачи и переработки информации». Термин формально частично мотивирован (на уровне «дальнейшего понятия» по А.А. Потебне), но семантически почти абсолютно идиоматичен, если учесть градуальность идиоматичности [Баранов, 1996, с. 57].

Термин *боронование* - «приём обработки почвы зубовой или игольчатой бороной, обеспечивающий крошение, рыхление и выравнивание поверхности почвы, а также частичное уничтожение проростков и всходов сорняков» - формально мотивированный на уровне бытового языкового понятия (*боронование* - «действие по глаголу бороновать», а *бороновать/боронить* - «рыхлить **бороной** вспаханную землю»), - который выражает научное агрономическое понятие, семантически является слабо идиоматичным, так как включает в свою семантику бытовое понятие как «предзнание» в результате взаимодействия разных типов знания.

Таков в общих чертах механизм идиоматичности терминов при терминологизации.

Остановимся на других типах взаимодействия общенародного лексикона и терминологического.

2. При транстерминологизации и ретерминологизации термины, сохранив частичную формальную мотивированность, в результате множественной перекатегоризации становятся семантически идиоматичными, причём в высокой степени. Например, *субстрат*⁸ - «общая и относительно элементарная основа содержания явлений; строительный материал того или иного структурного уровня бытия либо бытия в целом». Эту идиоматичную семантику современный философский термин приобрёл, пройдя указанные процессы, тогда как термин античной философии был формально - семантически мотивированным: *субстрат*¹ (в поздней латыни *substratum* - «подстилка, основа, подкладка») - «то, что лежит в основе каких-либо явлений, состояний» [См.: Комарова, 2008-б, с. 72-73].

Как мы уже указали, фактор вторичности семиозиса термина органично «сопряжён» со способами терминотворчества, которые широко освещаются в научной литературе по терминоведению и достаточно эмпирически обследованы в разных научных языках.

Степень идиоматичности терминов, обусловленная способами терминотворчества, проявляется настолько многообразно и сложно, что её освещение требует самостоятельного отдельного рассмотрения. К тому же в этом явлении участвует ещё один фактор - логосная и лексисная системность термина. Потому в

данной работе раскроем лишь основные закономерности.

- **Базовые**, как правило, **однословные термины** (их, к примеру, в агрономической терминосистеме всего лишь чуть более 200) какой-либо науки или области знания в целом подчинены действию выше описанных факторов. Формально они чаще являются в разной степени мотивированными, реже - идиоматичными, а семантически, как правило, обладают разной степенью идиоматичности.

- У **узкоспециальных составных терминов** (в агрономической терминосистеме - от двухсловных до шестисловных моделей), созданных синтаксическим способом образования (фразообразования), в группе взаимодействующих факторов, обуславливающих семантическую идиоматичность, самым сильным является фактор *логосной* (понятийной) *системности*, который задаёт строго определённое место термина в терминосистеме.

Показательно, что сама формальная структура термина обычно отражает иерархический уровень данного термина. Так, в агрономической терминосистеме установлено девять иерархических уровней терминов, на каждом из которых выделяется определённое число словообразовательных моделей. При этом ярко проявляется закономерная тенденция: с понижением уровня иерархии количество моделей и их «словность» увеличивается, но наполняемость моделей снижается, вплоть до единичных.

Исходным является положение о том, что «формальные границы термина находятся в прямой зависимости от содержательных границ терминируемого понятия» [Даниленко, 1977, с. 36]. Иначе говоря, каждый понятийный признак имеет самостоятельное «словное» выражение, что приводит к разной степени формальной мотивированности и очень слабой семантической идиоматичности, вплоть до нулевой. Подтвердим примерами терминов многословных моделей: питомник испытания клонов первого года, степень гумификации органических веществ почвы, минеральная теория питания растений, локализация очага карантинного объекта, степень обеспеченности почвы питательными веществами [Комарова, 2008-а].

Наконец, упомянем ещё один объективный фактор, обуславливающий идиоматичность терминов, - это степень формализации конкретного научного языка.

Ещё в 60-е годы XX века акад. Н.Д. Андреев обосновал идею иерархичности подъязыков науки и элементы типологии подъязыков. Согласно этой теории подъязыки «вещной» тематики (ботаники, зоологии, астрономии...) менее формализованы, чем

подъязыки «антропоморфической» тематики (антропология, медицина, юриспруденция...) и тем более подъязыки «наук о коммуникации» (языкознание, информатика, кибернетика...) [Андреев, 1965].

Ясно, что степень семантической идиоматичности находится в прямой зависимости от уровня формализации данного научного языка.

Таковы основные факторы, обуславливающие идиоматичность языковых единиц научных языков.

В завершение подчеркнём, что как проблема мотивированности, так и проблема идиоматичности терминов на сегодняшний день ещё далеки от исчерпывающего решения, а потому обе представляют значительные сложности при переводе.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. М.; СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. 317 с.
- Андреев Н.Д.* Статистико-комбинаторное моделирование подъязыков / Н.Д. Андреев. М.-Л.: Наука, 1995. 403 с.
- Баранов А.Н.* Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 1996. №5. С. 51-64.
- Борисова Л.И.* Учебная экспериментальная программа по курсу «Теория и практика научно-технического перевода» (английский язык) / Л.И. Борисова. Пенза: Приволжский дом знаний, 2002. 30 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Гринёв С.В.* Введение в терминоведение / С.В. Гринёв. М.: Моск. лицей, 1993. 309 с.
- Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.
- Комарова З.И.* Проблема мотивированности терминов в различных научных парадигмах / З.И. Комарова // Формы и механизмы лингвокреативной деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008-а. С. 139-153.
- Комарова З.И.* Гармония/дисгармония терминов в научном дискурсе в аспекте гармонизации / З.И. Комарова // Язык и культура: Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2008-б. С. 61-86.
- Комарова З.И.* Терминоведение и переводоведение: история и современность / З.И. Комарова // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация. Екатеринбург: ИМС, 2008-в. С. 64-73.
- Комарова З.И.* Проблема языка науки / З.И. Комарова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. С. 7-23.
- Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З.И. Комарова. М.: Флинта: Наука, 2013. 820 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.
- Лейчик В.М.* Области пересечения терминоведения и перевода научной и технической литературы / В.М. Лейчик, И.П. Смирнов // НТИ. Сер. 1, 1973. №12. С. 30-33.

- Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
- Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. 107 с.
- Нелюбин Л.Л.* Наука о переводе. История и теория с древнейших времён до наших дней / Л.Л. Нелюбин. М.: Наука, 2006. 317 с.
- Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
- Татаринов В.А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. М.: Моск. лицей, 2006. 528 с.

Костикова О.И.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kostikova Olga
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

«КОЛУМБОВО ЯЙЦО» ИЛИ ОБРАЗНАЯ ОНОМАСТИКА: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПЕРЕВОД

EGG OF COLUMBUS OR FIGURATIVE ONOMASTICS: LANGUAGE, CULTURE,
TRANSLATION AND INTERPRETATION

Связь имен собственных с конкретной языковой и культурной средой делает их ценнейшим объектом исследования для самых разных научных дисциплин. Изучая имена собственные, историю их возникновения, эволюцию и функционирование в языке, лингвисты уже давно пришли к выводу о том, что эти единицы занимают особое место в системе лексического фонда языка и имеют своеобразное, отличное от иных лексических единиц, назначение в процессе коммуникации людей. Сопоставительные исследования с очевидностью демонстрируют, что имена собственные несут в себе специфическую этнокультурную информацию и воспринимаются как знаки, наделённые значением символов, представляющих культуру того или иного народа. Эти особенности проявляются со всей очевидностью при межъязыковых и межкультурных контактах, что создает определенные трудности для перевода и, определяет актуальность изучения ономастики для самых разных парадигм науки о переводе – культурно-антропологической, герменевтической и когнитивной. Особый интерес в этой связи представляют образные имена собственные, передача которых всегда вызов переводчику, требующий нестандартных решений. Речь идет не о принципиальной невозможности или возможности перевода, а о понимании и (распо)знании, которых требует та или иная единица, и о возможностях переводческого выбора. Многоязычный глоссарий образной ономастики может представлять определенный интерес для осознания проблем переводческой ономастики и поиска путей их решения.

The study of proper names, history of their origin, evolution and functioning in a language long ago led linguists to a conclusion that these units have a specific place in the system of the language lexical fund and play a unique role in people's communication that differs from the role of other lexical units. The comparative studies show that proper names carry specific ethno-cultural information and are perceived as signs endowed with the meaning of symbols that represent peoples' cultures. These characteristic features become absolutely relief in international and intercultural contacts and make certain difficulties for translation and interpretation. Studying onomastics is relevant for a whole range of paradigms of the science of translation and interpretation: cultural-and-anthropological, hermeneutic and cognitive. In this regard, figurative proper names are of particular interest. Their translation or interpretation is always a challenge for any translator or interpreter and requires non-standard solutions. This concerns the understanding and detection (knowledge) that a unit requires and the opportunities for translation or interpretation a translator or an interpreter has rather than the fundamental impossibility or possibility of their translation or interpretation. A multilingual glossary of figurative onomastics may be of a certain interest for understanding the problems of onomastics in translation and interpretation and finding the ways of their resolution.

Ключевые слова: образная ономастика, языковой знак, имя собственное, этно-культурная информация, стратегия перевода, корпус онимов

Key words: proper names, multilingual glossary, figurative onomastics, language sign, strategy of translation, ethno-cultural rooting

Перевод – многогранная деятельность, включающая в себя исследовательскую, аналитическую и творческую составляющие. Общеизвестно, что скрупулезный труд переводчика, независимо от вида, сферы, тематической и жанровой вариативности переводческой деятельности, требует широкого кругозора и развитых поисковых компетенций, логики и интуиции, чувства меры и языкового чутья, хорошей памяти и адекватной самооценки. Истинный же артистизм переводчика проявляется в ситуациях, когда необходим поиск неординарных решений, а для сложных задач находятся неожиданные, смелые и остроумные решения.

Вспоминается история с Христофором Колумбом, описанная итальянским историком и путешественником Джироламо Бенцони в пятой главе книги «История Нового Света»⁶². Как-то во время приема один испанский вельможа усомнился в важности заслуг великого мореплавателя, открывшего Америку – ведь в Испании тоже много космографов, умных и образованных людей, которые могли бы это сделать вместо Колумба. Не желая отвечать на провокацию, мудрый путешественник приказал принести яйцо: «Держу пари, что никто из вас не сможет поставить его вертикально, как это сделаю я – без какой-либо дополнительной опоры». Пари было принято. Каждый из гостей безуспешно пытался поставить яйцо. Когда дошла очередь до Колумба, он стукнул пару раз одним концом о стол и, примяв скорлупу, поставил яйцо вертикально. Просто? Без сомнения. Но никто, кроме Колумба не догадался, как этого сделать.

История получила широкую известность, а выражение «колумбово яйцо» или «яйцо колумба», став символом находчивости и изобретательности, существует сегодня во многих языках – *œuf de Colomb* (фр.), *huevo de Colón* (исп.), *egg of Columbus / Columbus's egg* (англ.), *Ei des Kolumbus* (нем.), *uovo di Colombo* (ит.), *Яйце на Колумб / Колумбово яйце* (болг.), *Columbi egg* (норв.), *Ovo de Colombo* (порт.), *Kolumbovo vejce* (чеш.), *Columbus-æg* (дат.), *Jajko Kolumba* (польск.), *哥伦布的蛋* (*Gēlúnbù de dàn*, кит.), *コロンブスの卵* (*Koronbusu notamago*, яп.). Его, по всей видимости, можно было бы отнести к ключевому в лингвистической теории перевода разряду межъязыковых эквивалентов – мечте переводчика – т.е. тем языковым единицам ИЯ, которые имеют однозначное соответствие в ПЯ и совпадают по семантике, по функции и даже по форме независимо от контекста высказывания. Так ли это?

---

⁶² Girolamo Benzoni. *La Historia del Mondo Nuovo, laqual tratta dell' Isoli, et Mari nuovamente ritrovati, et delle nuove Citta di lui proprio vedute, per acqua et per terra in quattordecì anni*. Woodcuts. Venetia. (1565). С.22-23.

Сравним три перевода:

Das andre Kennst du doch, mit <i>Hänschens Ei</i>? Womit viele hoch erhabne Geister sich umsonst bemühten, Um auf einem Tisch von Jaspis Solches aufrecht hinzustellen; Aber <i>Hänschen</i> kam und gab ihm Einen Knicks nur, und es stand. Solche schwer geglaubte Sachen Sind es nur, bis man sie weiß; Weiß man sie – wie leicht ist alles! Übersetzt von Johann Diederich	Ты когда-нибудь слышала О <i>колумбовом яйце</i>? Как учнейшие люди Бились-бились без конца, Чтоб яйцо стоймя поставить На столе из гладкой яшмы! А <i>Колумб</i> яичко кокнул, И оно отлично встало. Очень трудно догадаться, Коль не знаешь, в чем секрет, А узнаешь - все так просто! Перевод Т. Щепкиной-Куперник	Surely you've heard of <i>the egg</i>, that more than one genius tried to stand on its end, and along came <i>a simple man</i> who gave it just one tap and it stood right up? The greatest problems are just that until they are solved. If one knows the trick, everything is easy. Translation by Matthew D. Stroud

Во всех трех текстах описывается одна ситуация, похожая на ту, о которой шла речь выше. Отличаются лишь действующие субъекты: в английском варианте это *simple man*, в немецком – *Hänschens*, в русском – Колумб. По-разному названы и объекты, над которыми они совершают действие – *the egg*, *Hänschens Ei*, *колумбово яйцо*. Почему переводчики пошли такими разными путями? Ведь Колумба сложно назвать «простым человеком», а кто такой *Hänschens* и что общего у него с Колумбом не совсем понятно. И если выражение «колумбово яйцо» существует во всех трех языках с одинаковым значением, то почему немецкий и английский переводчики уходят от этого образа? Ответ на этот вопрос мы, разумеется, найдем в оригинале.

Речь идет о комедии П.Кальдерона «Дама-невидимка» (1629 г.). Одна из главных героинь, Донья Анхела, обращается к своей знакомой донье Беатрис, в оригинале читаем:

"¿El cuento, mi amiga, sabes
de aquel huevo de Juanelo
que los ingenios más grandes
trabajaron en hacer
que en un bufete de jaspe
se tuviera en pie, y Juanelo
con sólo llegar y darle
un golpecito lo tuvo?
Las grandes dificultades
hasta saberse lo son;
que sabido, todo es fácil".

П.Кальдерон использовал выражение «*huevo de Juanelo*» (букв. яйцо Хуанело) – «простой выход из сложной ситуации» – хорошо известное в Испании еще во времена Колумба, т.е. до появления труда Дж.Бенцони, автора эпизода с колумбовым яйцом, благодаря которому выражение стало действительно крылатым, т.к. закрепилось во многих языках. Испанское выражение «яйцо Хуанело» возникло из фольклора, оно связано с народной притчей о том, как некие мудрецы тщетно пытались поставить яйцо на стол, но лишь один простак Хуанело (параллель с русским Иванушкой-дурачком)

догадался уflatten яйцо с одной стороны, стукнув его о поверхность и таким образом смог решить задачу [Серов]. Именно эту притчу и цитирует П.Кальдерон, вкладывая ее в уста своей героини, светской дамы, которой очевидно был ближе анекдот про Хуанело, чем трактат итальянского ученого, написанный на латыни⁶³.

Что происходит в переводе?

Английский переводчик пошел по пути генерализации, отойдя от фольклорных испанских реминисценций. Он говорит о яйце и описывает «простого» человека (т.е. простака, как и Хуанело), который в отличие от «гениев» смог это яйцо поставить. Суть передана верно, утрачена этнографическая составляющая и идиоматическая образность.

Немецкий переводчик действует несколько иначе – он подменяет один народный образ другим. Хуанело превращается в Хансхена – персонажа детской народной песенки «Малыш Хансхен» (Hänschen klein), появившейся в Германии в XIX веке (перевод пьесы Кальдерона опубликован в 1826 году) и повествующей о мальчике, который после долгих странствий вернулся домой взрослым юношей. Такая адаптация в переводе свидетельствует об избранной переводчиком стратегии одомашнивания (или форенизации в терминологии Венути), заимствуя образ у Ф.Шлейермахера, можно сказать, что переводчик приводит автора к читателю [Schleiermacher, 48-49]. Этот факт оказывается примечательным в контексте переводческих веяний в Германии в ту эпоху. Ведь, по мнению исследователей, на рубеже XVIII-XIX вв. деятельность немецких переводчиков была на пике – переводы современных авторов, новые переводы классики стали не только важным этапом в истории перевода, но и обогатили немецкую литературу и культуру переводными шедеврами в исполнении Фосса, Шлегеля, Шлейермахера, Гумбольдта, Гёльдерлина и др. Взгляды на перевод, которые они разделяли, были сформулированы Гейне: «переводчик должен оставить автора в покое и сделать так, чтобы читатель шёл ему навстречу» [Thomas, 149]. Такая установка идёт вразрез с одомашниванием, проиллюстрированным в нашем конкретном примере. Переводчик верно передает суть, но подменяет одну этнографическую реалию другой, «онемечивая» главных героев, при этом

---

⁶³ Нужно учитывать и еще один факт культурно-исторического плана. По мнению некоторых исследователей в XVI в. между испанцами и итальянцами существовало разногласие: испанцы не могли смириться с тем, что титул вице-короля Индии был присвоен генуэзцу Х.Колумбу, который таким образом обрел власть над представителями испанской знати, отправлявшимися покорять новые земли. Поэтому заслуги Колумба-первооткрывателя часто оспаривались, и итальянцам, как например Бенцони, приходилось вступаться за своего соотечественника [См.: Vologne, эл.ресурс]. Поэтому упоминание о яйце Хуанело в устах светской испанской дамы созвучнее веянию эпохи, чем, например, колумбово яйцо, даже если это выражение существовало бы в испанском языке уже тогда.

создает новое выражение – яйцо Хансхена (как бы выдавая его за общеизвестное благодаря контексту комедии) и соответственно новый образ.

Наконец, русская переводчица избирает третью стратегию, отчасти близкую описанной выше, но имеющую некоторое отличие. В тексте комедии Кальдерона вместо простака Хуанело появляется образ великого мореплавателя Христофора Колумба. На первый взгляд – решение удачное. Во-первых, в нем нет «склонения на наши нравы», ведь имя путешественника помимо Америки, которую он открыл и Италии, где он родился, связано и с Испанией, откуда он совершал свои экспедиции. Во-вторых, что касается хронологии, все последовательно – к моменту создания Кальдероном комедии имя Колумба и слава о его путешествиях уже были хорошо известны и в Испании и за ее пределами. В-третьих, само выражение «колумбово яйцо» семантически тождественно выражению «яйцо Хуанело», более того, в испанских словарях они маркированы как синонимы. Казалось бы, и смысл, и аллюзия на испанские реалии переданы, и образное выражение сохранено. Но помимо языковых знаков, которые воспринимаются из текста и интерпретируются переводчиком, и в которых сразу можно разглядеть единицу перевода, тот самый квант информации, для которого требуется переводческое решение – поиск соответствий закономерных и не очень – существуют еще и контекст, и подтекст и интертекст. Они заставляют по-особому функционировать интерпретируемые знаки и в любой момент могут нарушить «эквивалентную идилию». Итак, вместо народной байки про оказавшегося изобретательнее самых изощренных умов Хуанело Донья Анхела пересказывает своей знакомой историю из трактата итальянца Бенцони, написанного на латыни, про мореплавателя-генуэзца, отношение к которому в кругах испанской знати было отнюдь не самым доброжелательным. Возможно, это неважно, читатель даже и не заметит подмены, ведь главное – мораль истории: «когда не знаешь, как сделать, кажется сложно, а когда кто-то сделал до тебя, то все кажется легко», а она прозрачна во всех трех переводах. Интересно то, как благодаря избранной переводчиком стратегии образ Доньи Анхелы прирастает новыми чертами – здесь и образованность, и определенная политическая позиция. Это не просто дама, озабоченная любовными интригами, у нее появляется некоторая глубина благодаря тем возможностям толкования образа, которые дает русский текст. Этот пример удачно иллюстрирует тезис о том, что проблемы герменевтического плана при переводе располагаются в двух областях: в области референции имени, и в области сигнификации [Гарбовский, 2004а: 119]

Описанный пример с колумбовым яйцом показателен не только потому, что позволяет наглядно продемонстрировать герменевтическую составляющую процесса перевода и разные переводческие стратегии, но и обратить внимание на одну из специфических языковых категорий – имена собственные, на их функционирование в языке, на проблемы асимметрии ономастикона и ономастического узуса разных языков и, кроме того, задуматься над методами решения этих проблем в переводе.

Имена собственные представляют собой особую подсистему языка как специфической семиологической коммуникативной системы [Пак, 7]. Являясь опорными точками в межъязыковой коммуникации, в изучении иностранного языка [Ермолович, 6], они в то же время оказываются одной из самых сложных и неоднозначных для перевода групп имен.

Так, принято считать, что от нарицательных слов ИС отличает тенденция к универсальности: переходя в разговоре на другой язык, для знакомых предметов и понятий используются иные нарицательные слова, а знакомого человека мы будем называть одним и тем же именем, независимо от того, на каком языке мы к нему обращаемся [Ермолович, 6]. С этим утверждением трудно не согласиться, но с оговоркой. Произнося, например, имя генерального секретаря ООН, нам придется использовать (фонетически) различные формы имени в русском, французском, арабском и китайском языках (Ср.: *Пан Ги Мун* [pan gi mun], *Ban Ki-Moon* [bã ki mun], *مون كي بي ان* [ban ka mwn], *潘基文* [pãn jīwén]). Обратимся к более простому имени – *Мария*, универсальному для всех европейских языков, и попытаемся произнести его на разных языках (сначала европейских – английском, французском, испанском, немецком, а затем на более экзотических – китайском и корейском). Мы приходим к выводу, что можно говорить о существовании межъязыковой фонетической парадигмы этого имени как системы форм, отражающей его видоизменения по существующим в разных языках фонетическим принципам. На существование этого феномена указывают и случающиеся иногда в международной практике «ономастические» недоразумения, когда участники конференции «не узнают» себя в новом фонетическом облике.⁶⁴ О нем свидетельствует и вариативность в номинации одного и того же объекта, в зависимости от времени и способа заимствования (Ср.: *Ганс Христиан Андерсен* / *Ханс Кристиан Андерсен*;

---

⁶⁴ М.Балляр приводит случай с югославским делегатом, описанный президентом ассоциации «Culture Française» Огюстом Виаттом. Господин Чурчин (на латинице его имя было записано как Curgin) ожидал, пока его позовут выступать. В это время из президиума неоднократно вызывали к микрофону участника по фамилии «Курсен» [kyrɛ] - именно так по-французски звучало записанное в программе имя.

Дидерот / Дидро; Поп / Поуп) и от того, из какого языка было заимствовано имя собственное при переводе (ср. Stein – Стейн\Стайн (англ.) / Штейн (нем.)). Последний факт – заимствование одного и того же ИС из разных языков - может приводить к появлению супплетивных форм ИС (Ср.: *Эверест* (англ.) / *Джомолунгма* (тибет.); *Малин* (фр.) / *Мехелен* (флам.), *Фолклендские* (англ.) / *Мальвинские* (исп.) острова).

Считается, что имена собственные, как правило, стараются передать в их фонетической *или* графической форме, но уже сама по себе эта альтернатива вкупе с описанным выше феноменом межъязыковой фонетической парадигмы и супплетивными формами ИС иногда приводит к хаосу номинаций, проявляющемуся в ошибках, неточностях и разночтениях. Они возникают как передаче иноязычных имен собственных, так и при их дальнейшем использовании в принимающем языке.

Приведенные выше примеры касаются имен собственных, которые лингвистическая теория перевода традиционно относит к так называемой прецизионной лексике, т.е. к однозначным общеупотребительным словам, не вызывающим, как правило, конкретных ассоциаций [Нелюбин, 165]. Считается, что собственные имена, или онимы, в отличие от других слов языка не связаны непосредственно с понятием, которое служит для рождения смысла слова в речи. Его основное значение в связи с денотатом, т.е. означаемым. Раз собственные имена не вызывают ассоциаций, значит, по-видимому, они неспособны рождать смысл. В переводе же главный приоритет отдается передаче смысла.

Таким образом, появление собственного имени в переводе представляется, на первый взгляд, весьма благоприятным фактором, не способным существенно затруднить процесс перевода.

Вместе с тем, рассматривая перевод как «общественную функцию коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами». [Гарбовский, 2004б: 214], мы можем предположить, что имена собственные, относясь к несовпадающим элементам языка, обозначая понятия, чуждые для других культур, всегда представляют в процессе перевода особую сложность. По мнению Ю. Лотмана «в ряде языковых ситуаций, — поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [Лотман, Успенский, 127]. В результате исследований ученые приходят к выводу об обусловленности имен собственных культурно-историческими и социопсихологическими параметрами, определяя статус ИС как

социолингвистического артефакта. Подчеркивается, что «существенным содержательным фактором имен собственных как знаков являются глубоко закодированные в языке и часто неосознаваемые знания о том, как национальная культура представлена в языке» [Пак, 8-9].

Этот тезис напрямую связан с особой категорией ИС, которые можно квалифицировать как образные. Пример с «колумбовым яйцом» лежит в плоскости данной проблематики. В этом случае проблема переводческой герменевтики оказывается в области переносных значений. Действительно, иногда имена собственные обозначают больше, чем кажется на первый взгляд. Обратимся к некоторым образным выражениям русского языка, с компонентом-онимом:

<i>Камчатка</i>	<i>- самая задняя парта или несколько самых задних парт в классе, куда в старое время сажали самых плохих учеников; Школьники, сидящие на этих партах.</i>
<i>Финка</i>	<i>финский нож особый тип ножа, получивший широкое распространение в Российской империи и Советском Союзе в первой половине XX в</i>
<i>ВАНЯ, ВАНЁК, ванька, , и, м.</i>	<i>1. (или ванька с пресни) - Простой, недалекий человек.</i>
<i>Валять Ваньку -</i>	<i>Прост. Неодобр. 1. Дурачиться, поясничать, потешать глупыми выходками. 2. Притворяться глупым, непонимающим.</i>
<i>Жорж</i>	<i>Мошенник ; Священнослужитель ; арм. Пьяный курсант.</i>
<i>Филькина грамота -</i>	<i>Разг. Экспрес. Документ, не имеющий никакой силы; пустая бумажка.</i>
<i>Китайская грамота</i>	<i>иноск.) неразборчивое, непонятное писаніе.</i>
<i>Шанхай</i>	<i>Беспорядочная и бедная массовая застройка</i>
<i>Бастилия</i>	<i>Гоавное здание МГУ на Воробьёвых горах</i>

Рискнем предположить, что далеко не каждый переводчик-иностранец, владеющий русским языком с легкостью расшифрует эти ИС. Сложно будет понять и значение игры слов, построенной на копировании: *Безарабия – Израиль, Балконский – балкон, Болдуин – балда, дурак, Клава – клавиатура, Анисим, анискин - Анисовая водка, настойка.*

Такие образно переосмысленные ИС есть во многих языках, что позволяет говорить об универсальности явления образной ономастики, по крайней мере, для большинства европейских языков. Существуют даже некоторые соответствия, особенно, в выражениях, задействующих мифологические и некоторые библейские ИС, что

объясняется общими греко-латинскими корнями европейской цивилизации. Однако зачастую одно и то же ИС в разных языках может быть переосмыслено по-разному, что представляет определенные проблемы для перевода. Так, например, ставшее уже нарицательным имя *Альфонс*, переосмысленное, «как мужчина, живущий за счет женщины» имеет разные нюансы значений в русском, французском и английском языке, несмотря на то, что источник заимствования имени в этих языках один и тот же язык – комедия А.Дюма «Мосье Альфонс». В русском языке – *альфонсами* называют как правило молодых мужчин на содержании у богатых дам средних лет, в английском французском языках *Alphonse – сутенер*. Носителям русского языка хорошо известна поговорка – «У каждого Абрама – своя программа», *Абрам* – эвфемизм, для обозначения еврея, но в английском языке (вернее слэнге) это имя имеет иное значение: *Abram – a malingeringer, симулянт*. Один и тот же топоним – *Вавилон* получил разное переосмысление в русском, английском и французском языках, причем в русском языке этот топоним оказался наиболее продуктивным в плане производства переосмысленных выражений:

Вавилонская башня	Une tour de Babel	Tower of Babel
Книжн. Об очень высоком здании, строении	Un endroit où règne le bruit et la confusion	2. (<i>usu. l.c.</i>) a confused mixture of sounds or voices. 3. (<i>usu. l.c.</i>) a scene of noise and confusion.

Вавилон	Babylon	Babylon
-----	Grande cité qui par son gigantisme ou la corruption des mœurs de ses habitants rappelle la capitale de l'ancienne Babylonie	1. A city or place of great luxury, sensuality, and often vice and corruption. 2. A place of captivity or exile.

Вавилонская блудница

Книжн. Крайне развращённая, распутная женщина

Выводить Вавилоны

Устар. Ирон. Идти заплетающейся походкой, шатаясь, будучи пьяным

Разводить Вавилоны

Устар. Ирон. выражать мысль намеками; писать или говорить, намеренно затемняя суть дела

Вавилонить

филонить

Babilonien

gigantesque

Babylonian

Вавилонское столпотворение
Крайний беспорядок, полная
неразбериха; путаница, суматоха

Наконец, даже заимствуя образные выражения, в принимающем языке не всегда сохраняется тот образ, который существует в языке источнике. Какое образно именуется Сталин, носителю русского языка хорошо известно – «*Отец народов*». Это, так называемая ономастическая перифраза, обозначающая конкретный оним и человека, которого он называет. Французский язык, заимствовал это выражение с тем же значением, но в несколько видоизмененной форме – *Petit père des peuples*. Если вторая часть выражения – *народов / des peuples* не оставляет вопросов, то выражение *Petit père* вызывает по меньшей мере недоумение – трудно представить себе, какую реакцию могло вызвать такое определение в 30-40 годы. Объяснение появления такого уменьшительного компонента в выражении, диссонирующего с образом той личности, на которую оно указывает, видится следующим образом. Изначально *Petit père des peuples* употреблялось во французском языке для обозначения русских царей. Выражение возникло как калька с русского *царь-батюшка* – *tsar-petit père*, а впоследствии стало использоваться применительно к И.В. Сталину, который во французской интерпретации – превратился из *отца* в *батюшку народов*.

Подводя итог, отметим, что образная ономастика – как раз та область, где без колумбовых яиц не обойтись, но далеко не всегда гениальные решения рождаются сами собой. Облегчить герменевтические муки переводчика может многоязычный словарь образной ономастики. Работа в этом направлении была начата более 10 лет назад Брюссельским центром терминологии, опубликовавшим значительный корпус образных топонимов и антропонимов французского и английского языка. В Высшей школе перевода эта работа была возобновлена и продолжена: был обработан корпус топонимов и приведены объяснения и/или варианты перевода на русский язык. Также ведется работа над составлением корпуса русской образной ономастики: на данный момент обработано более 500 единиц с компонентами топонимами, антропонимами и этнонимами.

Список литературы

Библиотека всемирной литературы. Испанский театр. М., "Художественная литература", 1969

Гарбовский Н.К. Сравнительная ономастика и проблемы перевода [Текст] / Н.К.

Гарбовский // Межкультурная коммуникация. Типология языков. Теория перевода. Мат-лы II международной науч. конф. – Москва - Казань, 2004а. С. 116 - 127

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода [Текст] / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004б. 543 с.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи [Текст] / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2005. 416с.
- Лотман Ю.М.* «Миф – имя – культура» [Текст] / Ю.М.Лотман // Семиосфера. – СПб: «Искусство-СПб.», 1973.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л.Л.Нелюбин – Москва: Флинта, 2003. 318 с.
- Пак С.М.* Ономастикон как объект филологического исследования: автореф. дис... канд. филол. наук: 08.00.05 [Текст] / С.М. Пак; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва: Изд-во «МАКС-Пресс», 2005. 44 с.
- Серов, В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Эл.ресурс] / В.Серов — М.: «Локид-Пресс».2003. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/>
- Ballard M.* Le nom propre en traduction [Текст] / M.Ballard – Ophrys, 2001. 231 P.
- Bologne J.-C.* L'oeuf de Christophe Colomb. Une allusion historique [Эл. ресурс] / J.-C. Bologne // Canal Académie. Les Académies et l'Institut de France sur Internet. Режим доступа: <http://www.canalacademie.com/ida3425-L-oeuf-de-Christophe-Colomb.html>
- Calderon de la Barca P.* The Phantom Lady by (1629) Translation by Matthew D. Stroud
- Calderón de la Barca P.:* Die Dame Kobold (La dama duende) Übersetzt von Johann Diederich Gries. Wien, 1826. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5435/3>
- Schleiermacher F.* Des différentes méthodes du traduire. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens [Текст] / F.Schleiermacher, traduit par Antoine Berman – Paris : Editions du Seuil, 1999.
- Thomas F.* « Introduire le sauvage Allemand dans le beau monde parisien » : l'enjeu éthique et politique de la traduction dans le débat entre les Lumières et le Romantisme allemand [Текст] / F.Thomas // La traduction: philosophie et traduction : interpréter/traduire, Christian Berner, Tatiana Milliaressi (éds.), Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires de Septentrion, 2011. P. 147 – 162.

Кулешова Н.М.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulechova Nina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА С
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ*

METHODOLOGY OF TEACHING INTERPRETATION FROM AND INTO A FOREIGN
LANGUAGE IN THE MODERN WORLD

В данной статье приводится обобщённый опыт преподавания устного последовательного и синхронного перевода (на примере немецкого языка) с акцентом на особенности методики преподавания в современных условиях. В частности, рассматриваются следующие вопросы: Плюсы и минусы приобщения обучающихся к Интернет-пространству. Работа со словарями и иной справочной литературой в процессе аудиторных занятий и самостоятельной подготовки студентов. Влияние современных технических средств на процесс общения между людьми. Перевод и риторика. Влияние кругозора и фоновых знаний на качество перевода. Переводчик как профессионал и как личность.

This presentation provides a generalized experience of teaching consecutive and simultaneous interpretation (from and into the German language) with a focus on the methodology of teaching in the modern world. In particular, the following problems are analyzed:

Pros and cons of familiarizing students with the Internet resources. Work with dictionaries and other reference books in class and during self-study. Impact of modern technology on communication between people. Interpretation and rhetoric. Impact of background knowledge and horizon on the quality of interpretation. An interpreter: a professional and a person.

Ключевые слова: устный последовательный и устный синхронный перевод; учебный процесс; процесс коммуникации; стилистика повествования; инертность мыслительной деятельности; посредник коммуникации; арсенал знаний и навыков; образованный и интеллигентный человек; непосредственное и опосредованное отношение к языку; подача материала; синонимические ряды; идиоматические эквиваленты; словосочетания; погружение в литературу; начитанность; коммуникативные цели; кругозор и фоновые знания; самостоятельность и инициативность; на стыке культур и мировоззрений; теоретическое осмысление; практические наблюдения.

Key words: consecutive and simultaneous interpreting; training process; communication process; narrative style; inertness of mental activity; mediator of communication; arsenal of knowledge and skills; educated and intelligent person; direct and indirect relation to language; presentation of material; lines of synonyms; idiomatic equivalents; word-combinations; immersion in literature; erudition; background knowledge; communicative goals; horizon; independence and initiative; at the crossroads of cultures and ideologies; theoretical understanding; practical observations.

1. Плюсы и минусы приобщения к Интернет-пространству в процессе обучения

Всего два-три десятилетия тому назад трудно было себе представить насколько мощно и широко современные информационные технологии войдут во все сферы нашей жизни: будь то производство, будь то бизнес, будь то культура и искусство, будь то образовательный процесс.

Эти технологии дают возможность любому человеку в каждый конкретный момент стать зрителем и соучастником событий, происходящих в разных точках света; с помощью всего одного клика приобщиться практически ко всей сумме знаний, когда-либо накопленных человечеством.

Современное многоканальное телевидение, Интернет, мобильный телефон, планшет, iPad, iPhone – безусловные блага. Не видеть их положительных сторон было бы, по меньшей мере, неправильно.

Но как любое явление в нашей жизни, все вышеперечисленные блага имеют и свою обратную сторону. И именно на ней я хотела бы остановиться применительно к учебному процессу.

Я по образованию и практическому опыту – преподаватель иностранного языка и переводчик (имею диплом преподавателя иностранного языка и сертификат переводчика-синхрониста). Большую часть своей профессиональной жизни я посвятила переводу: это и письменный перевод, и устный последовательный перевод и устный синхронный перевод на различных международных форумах, конференциях и встречах самого разного уровня.

На заре своей профессиональной деятельности и последние пять лет я преподаю: сейчас на старших курсах Высшей школы перевода (факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) устный последовательный и устный синхронный перевод (немецкий язык). Мысли, с которыми я хотела бы с Вами сегодня поделиться, – плод моих многолетних наблюдений.

В последнее время я – все чаще и чаще – прихожу к выводу о том, что частое, а порой и чрезмерное, пользование в.у. технологическими средствами мешает процессу обучения.

Приведу простые примеры:

Идёт урок. Преподаватель в ходе объяснений употребляет какое-то новое слово или понятие: моментально начинается «пиканье» мобильных телефонов. Тот, кто нашёл что-то новое делится с тем, у кого не оказалось под рукой справочного источника, или кто

просто оказался менее расторопным. Дальнейшие объяснения уже мало кто слышит. Пробел в логике повествования, логика понимания нарушена. Дальнейшее повествование оказывается сопряжённым с дальнейшим непониманием или неполным пониманием. И так происходит часто, несмотря на увещания преподавателя задавать вопросы непосредственно ему. Ведь тогда все участники учебного процесса оказываются в одинаковой ситуации. И процесс коммуникации преподаватель – учащийся не нарушается.

2. Работа со словарями и иной справочной литературой

Студенты сегодня не умеют, а зачастую и не хотят работать со словарями. Встретил новое слово – забил его в «искалку» и вот уже готовый ответ. И не столь важно, что ответ не ложится в контекст, что не отвечает нормам сочетаемости, что он нарушает стилистику повествования. Главное – быстрота. Такой подход к делу «развращает» студента: погоня за скорым ответом не даёт возможности настояться на творческий мыслительный процесс, который только, на мой взгляд, и способен дать «попадание в яблочко», то есть найти при переводе максимально близкий смысловой вариант перевода. Ведь сам перевод, хотим мы этого или нет, по сути, является интерпретацией оригинального текста. И задача переводчика, переводчика-профессионала в широком и глубоком смысле этого слова, состоит как раз в том, чтобы, соблюдая законы языка перевода, передать все самые тонкие как смысловые, так и стилистические нюансы оригинала.

Главная беда в обозначенной проблеме, на мой взгляд, кроется в формировании некоей лени, инертности мыслительной деятельности: человек «разучается» думать. Что чревато серьёзными последствиями не только в профессиональной жизни, но и в жизни человека как личности, лишая его возможности раскрыть полностью свой потенциал.

Не менее тревожным последствием такого отношения к процессу обучения является и некая инертность в приобщении к фоновым знаниям, ослабление или вовсе утрата желания узнать помимо заданного ещё что-то, что может углубить понимание той или иной проблемы. На мой взгляд, корни этой проблемы двоякие. Во-первых, это – уже отмеченная мною выше «отучаемость» думать. А во-вторых, уверенность в том, что стоит открыть Yandex, Google или ещё какую-нибудь поисковую систему, и ответ у тебя на ладони. Но ведь переводчик, являясь посредником коммуникации между людьми,

говорящими на разных языках, не имеет возможности во время работы воспользоваться богатым набором технических средств. Это не возможно просто физически. А сие означает, что в голове переводчика уже должны быть заготовки, то есть должен быть накоплен такой арсенал знаний и навыков, который способен выручить его в любой языковой ситуации. К сожалению, донести эту мысль до сознания студентов удаётся с большим трудом.

3. Влияние современных технических средств на процесс общения между людьми

Третий аспект, на котором мне хотелось бы остановиться – это влияние постоянно используемых технических средств на процесс общения людей. Не секрет, что эпистолярный стиль тихо и незаметно уходит в Лету. Признайтесь, кто из вас и когда в последний раз писал своим близким или друзьям письмо-повествование на нескольких страницах, с подробным изложением недавних и не очень событий своей жизни. В лучшем случае мы ограничиваемся открыткой с 10-20 словами-пожеланиями. И куда как удобнее просто отправить СМС-сообщение, чем писать длинное письмо. Два слова, но зато они придут к адресату буквально через несколько секунд, а не через две-три недели, за которые в наш век происходит масса других значимых событий.

А чат! Это – так здорово! Быстро и никаких особых умственных и иных затруднений. Два слова – отправитель, два слова – адресат. Коммуникация состоялась. И неважно, что в ней нет практически ни мыслей, ни эмоций.

Вы спросите, о чем это я, и какое это имеет отношение к переводу. Самое непосредственное. Молодые люди в наш стремительно-космический и прагматический век отучаются мыслить и чувствовать, а тем более излагать свои мысли и чувства вслух или на бумаге (и т.п.).

Когда на занятиях я привожу слова из письма Карла Маркса своему другу Фридриху Энгельсу, в котором он извиняется за то, что, не располагая достаточным временем, вынужден писать длинное письмо, и спрашиваю, что хотел сказать К. Маркс своему другу и соратнику, мой вопрос вызывает некоторое недоумение.

А ведь, на мой взгляд, истина – на ладони, всякий уважающий себя, а тем более образованный и интеллигентный человек (а мне хочется надеяться и думать, что каждый из нас, преподавателей, стремится воспитывать студентов именно в этом духе), должен изъясняться так, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно».

Немаловажно, на мой взгляд, как человек излагает свои мысли, то есть какова форма их подачи. Ведь говорение – это лишь один, хотя и важный, элемент коммуникации. Второй же, и не менее значимый её элемент, – это слушание, то есть восприятие речи другими людьми. И здесь необходимо выстраивать первый элемент коммуникации, таким образом, чтобы добиться реализации третьего элемента, то есть понимания.

Как часто мы, люди, имеющие непосредственное и опосредованное отношение к языку, возмущаемся, слыша с экрана телевизора или по радио «неопрятную» речь: лишние звуки, запинания, логически неоправданные акценты и интонации, а порой и просто речевые неправильности, режущие слух.

В этой связи мне представляется чрезвычайно важным, работая со студентами, обращать внимание на правильную форму подачи материала. В западных переводческих школах зачастую этой стороне перевода придают чуть ли не главное значение.

Не собираюсь и не имею права кого-либо поучать, но, на мой взгляд, и смысл, и форма его подачи имеют равновеликое значение. Они взаимосвязаны между собой, дополняют и помогают друг другу, а посему нельзя игнорировать ни одну из них.

Увлечение Интернетом и другими современными техническими средствами, равно как и нелюбовь к чтению классической и хорошей (а не бульварной) современной литературы сильно обедняют и засоряют русский язык, опускают его на примитивно-вульгарный уровень.

Это мне зачастую приходится наблюдать на занятиях переводом. Студенты с большим трудом подыскивают нужное выражение, выстраивают синонимические ряды, испытывают большие трудности в нахождении соответствующих идиоматических эквивалентов. Иногда у них проскальзывают ошибки (например, в словосочетаниях, употреблении залоговых форм и т.п.), которые считаются типичными для «неносителей» языка. Очень слабо развитым оказывается и языковая интуиция, языковое чутьё, что мне представляется прямым следствием недостаточного погружения в родную, и, прежде всего, русскую классическую литературу, которой, кстати, восхищается и поражается весь цивилизованный мир.

Эти соображения – не плод моих праздных размышлений. Есть вполне реальное и осязаемое подтверждение моих мыслей. Начитанность студента всенепременно даёт о себе знать: это и меткое, к месту приведённое словосочетание, и предложенный широкий и точный синонимический ряд, и быстрота реакции, а значит и мышления, что

наблюдается, прежде всего, при наличии фоновых знаний. И практически всегда в ответе на косвенные вопросы находится подтверждение моих догадок: кто читает и что читает.

4. Перевод и риторика.

В предыдущем пассаже я уже касалась проблем формы изложения мысли. Мне хотелось бы остановиться на этом аспекте более подробно. Конечно, важно «что» человек, в нашем случае переводчик, говорит, но не менее важно и то, «как» он говорит. Ведь правильное говорение – содержит не только коммуникативный, но, на мой взгляд, и связанный с ним социально-этический аспект. Потому что мы говорим, разговариваем с кем-то, не только для того, чтобы сообщить какую-либо информацию, при общении мы стремимся – вольно или невольно – добиться неких коммуникативных целей. А добиться их можно лишь благодаря грамотному использованию всего арсенала имеющихся лингвистических и паралингвистических средств.

Поэтому, на мой взгляд, чрезвычайно важно, прежде всего, научить студентов правильно говорить: то есть отрабатывать с ними с помощью специальных упражнений правильное произношение на родном и иностранном языке; помогать избавляться (и как можно раньше!) от грамматических, синтаксических, лексических и стилистических ошибок; помогать интонационно и логически правильно выстраивать свою речь; обращать внимание на осанку, жестикуляцию, выражение лица, лишние телодвижения, лишние звуки и т.п., подчёркивая влияние всех этих компонентов на смысловую составляющую речи.

5. Влияние кругозора и фоновых знаний на качество перевода

Опыт преподавания немецкого языка и устного (последовательного и синхронного) перевода однозначно подтверждает важность для перевода наличия широкого кругозора.

Следование словам, а не мыслям, незнание реалий страны изучаемого языка приводит к смешным, а иногда и не очень казусам. И ссылки на то, что «мы это ещё не проходили» - слабое утешение для нас, преподавателей.

Ведь профессионал – это тот, кто постоянно пополняет свою копилку знаний и навыков, вне зависимости от уже имеющихся знаний и вне зависимости от требований преподавателя (впрочем, все выше сказанное в равной степени относится и к самим преподавателям). Таким образом, мы, преподаватели, должны постоянно стремиться – проявляя большое терпение - доносить до студентов (студентов Университета, который призван давать универсальные знания и умения) необходимость самостоятельной глубокой и настойчивой работы, не сводящейся только к освоению предлагаемого на

занятиях учебного материала; поощрять ростки самостоятельности и инициативности в изучении предмета, в расширении кругозора, в том числе углублении своих знаний о собственной стране, а также в пробуждении интереса к событиям в собственной стране и стране изучаемого языка.

6. Переводчик как профессионал и как личность

Безусловным приоритетом образования, на мой взгляд, является приобретение профессиональных знаний и навыков, в том числе умения к самоорганизации, самостоятельной учёбе и самостоятельному мышлению. Мы с Вами живём не в безвоздушном пространстве. Мы живём в определённом обществе, в определённой социальной среде, к которой мы не можем оставаться безучастными, даже если бы и очень захотели. Ведь мы живёт внутри неё.

Конечно, очень важно и нужно, изучая иностранный язык, познавать страну (или страны) где говорят на этом языке. Но нельзя пренебрегать необходимостью постоянно углублять знания и о своей собственной стране. Вряд ли в беседе с немцем ему будет интересно узнать, что ты знаешь о его стране. Гипотетически и практически он знает о ней гораздо больше. Поэтому можно предположить, что ему будет интереснее узнать что-то новое о другой стране, её обычаях, людях, культуре, искусстве, её достижениях и особенностях.

Переводчик-профессионал находится на стыке культур, на стыке мировоззрений, на стыке социальных систем, и, возможно, разных общественно-личностных координат. И хочет он или нет, но ему приходится в конкретных жизненных ситуациях (конечно, здесь не имеется в виду сам процесс перевода, где переводчик должен быть «беспристрастным интерпретатором») выражать своё собственное отношение к тем или иным событиям и явлениям. А для этого, по крайней мере, нужно иметь таковое.

За время своей переводческой деятельности приходилось в иностранной аудитории (по просьбе этой аудитории) петь русские песни, плясать под русские мелодии, рассказывать о наших праздниках и традициях. Случалось, даже выступать и полпредом своей страны, отвечая (один на один) на вопросы иностранной аудитории, не раз убеждаясь при этом, что наличие собственной аргументированной позиции по тому или иному вопросу, вызывает у собеседника/ов уважение и симпатию не только к переводчику лично, но и к стране, которую он представляет. А встречи и беседы бывали самые разные и неожиданные. Ведь порой приходилось встречаться с немцами, ветеранами Второй мировой войны, служившими в рядах вермахта, которые отнюдь не всегда были

настроены лояльно к нам, к нашей стране, что, на мой взгляд, не требует дополнительного экскурса в весьма сложную и противоречивую историю отношений между нашими странами.

Именно по вышеуказанным причинам – как мне кажется – позиция «моя хата с краю», «мне это неинтересно и ненужно», «у меня на это нет времени» – весьма и весьма сомнительна, особенно для студента одного из ведущих вузов страны.

В заключение, хотела бы подчеркнуть, что высказанные в этой статье мысли и соображения, отнюдь, не претендует на глубокое теоретическое осмысление затронутых проблем. Это – краткий очерк, запечатлевший некоторые практические наблюдения, накопленные, прежде всего, за последние пять лет преподавания устного последовательного и синхронного перевода в стенах Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова и подкреплённые 25-летним опытом работы в качестве устного и письменного переводчика в Академии общественных наук, а также в ряде известных немецких фирм.

Мешкова Е.М.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДРАМЫ «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ»

У. ШЕКСПИРА: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОДЫ

LINGUOPOETIC STRATIFICATION OF “JULIUS CAESAR” BY W. SHAKESPEARE: THE ORIGINAL AND ITS TRANSLATIONS

Настоящая статья посвящена сопоставлению оригинала и переводов лингвопоэтически неоднородного художественного текста. Под лингвопоэтической неоднородностью в данном случае имеется в виду тематико-стилистическая неоднородность, выявляемая в ходе лингвопоэтической стратификации текста. В статье рассматриваются лингвопоэтически эквивалентный и неэквивалентный переводы трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь». В случае перевода лингвопоэтически неоднородного текста лингвопоэтическая эквивалентность достигается путём воспроизведения лингвопоэтической неоднородности оригинала.

The present article is aimed at confronting the linguopoetically heterogeneous original and its translations. By linguopoetic heterogeneity we mean here thematic-stylistic heterogeneity which is revealed by means of linguopoetic stratification of the literary text. The article analyses the linguopoetically equivalent and the linguopoetically non-equivalent Russian translations of “Julius Caesar” by W. Shakespeare. The linguopoetically equivalent translation of the linguopoetically heterogeneous text reproduces the linguopoetic heterogeneity of the original.

Ключевые слова: лингвопоэтическая стратификация, лингвопоэтическая неоднородность, лингвопоэтическая эквивалентность, повествовательные медитативные отрывки, повествовательные риторические отрывки, лингвопоэтически эквивалентный перевод, лингвопоэтически неэквивалентный перевод.

Key words: linguopoetic stratification, linguopoetic heterogeneity, linguopoetic equivalence, non-narrative meditative passages, non-narrative rhetorical passages, linguopoetically equivalent translation, linguopoetically non-equivalent translation.

Лингвопоэтическая стратификация является одним из методов лингвопоэтического исследования. Под лингвопоэтикой следует понимать «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [Липгарт, 1996, с. 23]. Лингвопоэтическая стратификация предполагает «выделение единых по замыслу, художественно-образной и лексико-грамматической структуре, и стилевым особенностям слоев, пластов, или страт,

написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты» [Полубиченко, 1991, с. 445]. Лингвопоэтическая стратификация отличается от тематического, объемно-прагматического и образно-тематического членения текста, существуют и лингвопоэтически нечленимые тексты, при этом отсутствует «зависимость между типом речи (проза или поэзия), используемом в тексте, и способом его членения». В процессе лингвопоэтической стратификации тематическое членение является лишь первым этапом, далее следует определить отдельность/тождество стратума на основании стилистических характеристик [Липгарт, 1996, с. 421-489]. Метод лингвопоэтической стратификации успешно применялся для выявления эстетического своеобразия отдельных произведений [см. там же] и для определения особенностей развития авторского стиля [см. Липгарт, 2005; Шмоль, 2001]. Эволюцию авторского стиля в ряде случаев можно изучать и применяя метод лингвопоэтики повествовательных типов [см. Талызина, 2004; Аксенова, 2013].

Художественный текст, в котором выделяется два и более тематико-стилистических пласта, считается неоднородным в тематико-стилистическом плане. В силу функционально-стилистической неоднородности произведений словесно-художественного творчества [см. Липгарт, 2006, с. 64-74], в одних текстах оказывается возможным выделять тематико-стилистические пласты, в других – повествовательные типы [Мурашкина, 2004] и лингвопоэтические разновидности повествовательных типов [Карпова, 2009]. Существуют и однородные в лингвопоэтическом плане тексты, а также художественные тексты, которые вообще не могут быть исследованы лингвопоэтическими методами. Художественное произведение, характеризующееся тематико-стилистической неоднородностью или чередованием различных повествовательных типов или их лингвопоэтических разновидностей, можно назвать лингвопоэтически неоднородным.

Повествовательные типы можно определить, как различающиеся в логико-понятийном плане способы передачи того или иного идейно-художественного содержания. Для каждого повествовательного типа характерны определенные лингвопоэтические признаки: набор стилистически маркированных единиц и степень реализации значения данных единиц. Принято выделять три основных повествовательных типа: описание, рассуждение, волеизъявление. Для повествовательного типа «рассуждение» типично развитие какой-либо идеи, и в таком контексте создаются благоприятные условия для реализации метасемиотического потенциала элементов

функции воздействия; поэтому для рассуждения характерно лингвопоэтически полноценное и актуализированное речеупотребление стилистически маркированных единиц и реализация ими гномической и ассоциативной лингвопоэтических функций. Для волеизъявления характерно не развитие одной идеи, а «иллюстрирование» ее и усиление производимого текстом впечатления, поэтому в данном типе повествования стилистически маркированные единицы, как правило, не могут реализовывать свой лингвопоэтический потенциал, характеризуются автоматизацией речеупотребления и реализуют экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Для повествовательного типа «описание» характерно либо перечисление некоторого количества фактов, либо собственно описание какого-либо действия, события, человека и т.п. В данном типе также преобладает автоматизация речеупотребления стилистически маркированных единиц и реализация ими экспрессивной лингвопоэтической функции [см. Мурашкина, 2004].

Лингвопоэтическая значимость – это тот объём содержательных свойств, который та или иная стилистически маркированная языковая единица реализует в данном конкретном случае её речеупотребления. При автоматизированном речеупотреблении стилистически маркированная языковая единица слабо мотивирована содержанием высказывания или вовсе не мотивирована и может быть опущена без утраты смысла высказывания. В случае лингвопоэтически полноценного речеупотребления стилистически маркированная единица обусловлена содержанием высказывания и не может быть опущена без утраты смысла высказывания, а в случае актуализированного речеупотребления стилистически маркированная единица, помимо обусловленности общим содержанием высказывания, развивает смысловые связи с другими элементами высказывания и не может быть опущена без полной утраты смысла высказывания [см. Липгарт, 1996а, с. 25-31].

Лингвопоэтическая функция – это тот вклад, который данная стилистически маркированная языковая единица вносит в передачу идейно-художественного содержания текста и создание эстетического эффекта. Категорию лингвопоэтической функции А.А. Липгарт определяет на основании признака отвлеченности: отсутствие данного признака у стилистически маркированной языковой единицы позволяет говорить о реализации данной единицей экспрессивной лингвопоэтической функции, которая заключается в усилении коннотативности высказывания. Гномическая и ассоциативная лингвопоэтические функции предполагают, помимо усиления коннотативности высказывания, создание некоего отвлеченного плана: с развитием дополнительных

ассоциативных рядов в случае реализации ассоциативной лингвопоэтической функции и без развития дополнительных ассоциативных рядов в случае реализации гномической лингвопоэтической функции [см. Липгарт, 1997, с. 73-74].

Сопоставление оригинала и перевода лингвопоэтически неоднородного произведения целесообразно проводить не на уровне отдельных стилистически маркированных языковых единиц, а на уровне тематико-стилистического членения или на уровне повествовательных типов и лингвопоэтических разновидностей соответственно, с тем чтобы определить, насколько перевод соответствует оригиналу в плане передачи идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта, иными словами, эквивалентен ли перевод оригиналу в лингвопоэтическом отношении.

О лингвопоэтической эквивалентности перевода оригиналу можно говорить в том случае, если перевод и оригинал передают сходное идейно-художественное содержание, производят в целом сходный эстетический эффект и в переводе при этом воспроизводится общий характер использования стилистически маркированных единиц, наблюдаемый в оригинале, несмотря на возможные (а часто неизбежные) различия в лексическом составе, грамматической структуре и стилистических оттенках. Лингвопоэтическая эквивалентность соотносима с коммуникативной эквивалентностью в понимании В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2007, с. 61-62, 67-68], поскольку «цель коммуникации», иными словами, цель создания художественного произведения заключается в передаче идейно-художественного содержания и создании эстетического эффекта, и данная цель может осуществляться не только при помощи сюжетно-композиционных средств, но и путем реализации семантического и метасемиотического потенциала языковых единиц.

В статье А.А. Липгарта, посвящённой переводам произведений А.С. Пушкина на английский язык, было установлено, что перевод, отражающий тематико-стилистическую неоднородность подлинника, оказывается высокохудожественным и эквивалентным оригиналу, в то же время «<...> если переводчик не видит тематико-стилистической неоднородности оригинала или же если ему не удастся воспроизвести эту неоднородность в переводе, то созданный им текст будет лишь бледным подобием подлинника, воспроизводящим только содержательную канву и отдельные стилистические особенности оригинального текста, но при этом очень далеко отстоящим от него по художественной сложности и по силе оказываемого на читателя воздействия» [Липгарт, 2010].

Драма У.Шекспира «Юлий Цезарь» (“Julius Caesar”) представляет собой лингвопоэтически неоднородное произведение, и в ходе ее лингвопоэтической стратификации нами были выделены следующие семь тематико-стилистических стратумов:

1) повествовательные риторические отрывки, характеризующиеся обильным использованием стилистически маркированных единиц синтаксического уровня (риторические вопросы, обращения, синтаксический параллелизм и т.п.), наличием коннотативной лексики, в частности, атрибутивных словосочетаний, абстрактных существительных, но сравнительно небольшим числом случаев актуализации потенциальных свойств лексического уровня;

2) повествовательные медитативные отрывки, к которым относятся рассуждения героев, наедине либо в диалоге с другими персонажами, характеризующиеся меньшим по сравнению с повествовательными риторическими отрывками использованием стилистически маркированных синтаксических единиц, но достаточно частыми случаями актуализации единиц лексического уровня, нередко встречающимися в составе развернутых метафор, сравнений, атрибутивных словосочетаний;

3) повествовательные отрывки, характеризующиеся использованием как стилистически маркированного синтаксиса, так и стилистически маркированной лексики, выполняющей в основном экспрессивную и реже гномическую лингвопоэтическую функцию;

4) диалоги, относительно нейтральные в языковом плане; отдельные случаи использования коннотативных атрибутивных словосочетаний характеризуются автоматизацией речеупотребления;

5) перебранки между героями, характеризующиеся значительным количеством элементов функции воздействия, потенциальные свойства которых, однако, остаются нереализованными в силу специфических контекстуальных условий;

6) речь людей из толпы во 2 сцене III акта, для которой характерна простота синтаксической организации, восклицания и стилистически маркированная (в том числе отрицательно коннотативная) лексика (существительные и атрибутивные словосочетания), лингвопоэтический потенциал которой, однако, не реализуется;

7) повествовательная прозаическая речь Каски во 2 сцене I акта, сочетающая стилистически маркированные синтаксические единицы, типичные для стратума повествовательных отрывков, и отрицательно коннотативную, в том числе

сниженную, лексику, не характерную для остальных частей пьесы (имеются в виду выражения типа “I can as well be hanged as tell the manner of it”).

Терминологические словосочетания «повествовательный отрывок» и «неповествовательный отрывок» характеризуют текст по степени развитости в нём сюжетного начала [см. Липгарт, 1997, с. 97-98]: в повествовательных отрывках оно более выражено, чем в неповествовательных, которые характеризуются более отвлеченным содержанием, например, на первый план может выходить рассуждение или проявление эмоций. В целом, неповествовательные отрывки соотносятся с повествовательным типом «рассуждение» или «волеизъявление», повествовательные – с повествовательным типом «описание». Тот или иной тип повествования как совокупность наиболее общих содержательных свойств и языковых (стилистических) особенностей характеризует фактически любой художественный текст (возможно, за исключением отдельных текстов модернистского и постмодернистского характера). Тематико-стилистические стратумы также можно отнести к тому или иному повествовательному типу. В частности, в «Юлии Цезаре» неповествовательные риторические отрывки можно отнести к повествовательному типу «волеизъявление», неповествовательные медитативные – к повествовательному типу «рассуждение»; остальные 5 стратумов по своим общим содержательным и языковым характеристикам относятся к повествовательному типу «описание».

В данной связи представляется уместным поставить вопрос о соотношении тематико-стилистического членения и членения текста на повествовательные типы и их лингвопоэтические разновидности. Отчасти ответ на него был дан в диссертации Л.С. Карповой: «...несмотря на большое методологическое сходство, лингвопоэтическая стратификация качественно отличается от лингвопоэтики повествовательных типов тем, что в ходе лингвопоэтического анализа, проводимого с помощью метода стратификации, исследователь выделяет в тексте *тематико-стилистические пласты* [здесь и далее курсив Л. Карповой.], то есть отрывки текста, написанные в одном стилистическом ключе, которые при этом похожи в содержательном плане; лингвопоэтика повествовательных типов исходит из степени выраженности *сюжетного начала* в тексте или его фрагменте, способа повествования – описание, рассуждение или волеизъявление, при этом непосредственное содержание отрывка не играет существенной роли, так как сходство или отличие отрывков текста на содержательном уровне ещё ничего не говорит нам об объёме реализуемых в них стилистически маркированными языковыми единицами

лингвопоэтических свойств» [Карпова, 2009, с. 36-37]. Как мы уже упоминали выше, в силу функционально-стилистической неоднородности далеко не все тексты могут быть подвергнуты тематико-стилистической стратификации, иными словами, не во всех текстах тематические пласты (если они вообще выделяются) характеризуются отдельными стилистическими особенностями. Тот или иной повествовательный тип присутствует в любом тексте, в ряде же текстов можно обнаружить чередование таких типов или их лингвопоэтических разновидностей. Предположительно, в тексте, характеризующемся тематико-стилистической неоднородностью, каждый стратум будет соотноситься с тем или иным типом повествования или лингвопоэтической разновидностью того или иного повествовательного типа. При этом несколько стратумов могут относиться к одному и тому же повествовательному типу и в то же время, поскольку содержательные особенности каждого повествовательного типа в определённой мере предопределяют функционирование стилистически маркированных языковых единиц, весьма маловероятно наличие разных повествовательных типов в одном стратуме.

К лингвопоэтически неэквивалентным следует отнести перевод «Юлия Цезаря» У. Шекспира, выполненный А. Величанским. Сопоставляя данный перевод с оригиналом, необходимо отметить, что, во-первых, он содержит элементы разных стилей – возвышенного и просторечного, что создает дополнительный эстетический эффект, отсутствующий в оригинале. И, во-вторых, названные стилистические контрасты характерны как для риторических и повествовательных, так и для медитативных отрывков, и таким образом различие между этими стратумами стирается в переводе. Приведём пример медитативного отрывка из шекспировского оригинала и сравним с переводом А. Величанского.

Cassius. Well Brutus, thou art noble; yet, I see,
Thy honourable mettle may be wrought
From that it is disposed: therefore 'tis meet
That noble minds keep ever with their likes;
For who is so firm that cannot be seduced?
(I, 2, 310-314)

Эти слова Кассий произносит в конце той сцены, где происходит его разговор с Брутом, в котором Кассий всячески намекает на то, что Цезаря нужно устранить, и Брут не высказывает своего протеста. В данном примере речепотребление коннотативного атрибутивного словосочетания

‘honourable mettle’ актуализировано, поскольку его адъективный компонент ‘honourable’ развивает связи с ‘noble’ (‘thou art noble’ и ‘noble minds’). Слово ‘mettle/metal’ в языке Шекспира имело как значение ‘heavy, hard and shining substance’, так и значение ‘constitutional disposition, character, temper’. Хотя словарь Шмидта приводит данную фразу (‘thy honourable mettle may be wrought from that it is disposed’) в качестве иллюстрации к значению ‘constitutional disposition, character, temper’, а значение ‘wrought’ в данной фразе объясняет как ‘denoting the result and change produced by operation or influence’ [Schmidt, 1971], – тем не менее, соположение ‘mettle’ и ‘wrought’ в одной фразе может способствовать развитию ассоциаций и параллелей со значениями ‘heavy, hard and shining substance’ у слова ‘mettle’ и ‘beaten out, shaped with a hammer’ у слова ‘wrought’.

Таким образом, речепотребление номинативного компонента данного словосочетания (‘honourable mettle’) также представляется актуализированным. Контекст неповествовательный и актуализированные элементы функции воздействия выполняют ассоциативную лингвопоэтическую функцию, способствуя созданию ассоциативного плана на тему «благородство и его природа», вызывая размышления о благородстве человеческой души, о прочности и непрочности этого качества. В данном контексте возможно развитие следующих ассоциативных рядов: 1) прочность благородного металла и прочность такого качества как благородство; 2) из прочного благородного металла можно выковать нечто, что будет использовано в неблагородных целях; 3) на благородного человека, как и на благородный металл, можно повлиять таким образом, что поступки этого человека будут далеко не благородными, противоречащими благородству его духа.

Дальнейшему развитию данного ассоциативного плана способствуют гномические высказывания, лингвопоэтически полноценные и выполняющие гномическую лингвопоэтическую функцию: “’tis meet/That noble minds keep ever with their likes” и “who is so firm that cannot be seduced?” Последнее из них по форме является риторическим вопросом, то есть оно стилистически маркировано и в синтаксическом отношении. Форма риторического вопроса способствует дополнительному выделению данного ассоциативного плана, выполняя экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Перевод данного отрывка А. Величанским выглядит следующим образом:

Да кто ж достойней Брута. Все же мне
Сдается, сей клинок накала страсти
Еще достигнуть должен. Но подстать лишь
Друг другу столь высокие умы.

Какой закал не одолеть соблазну?

(перевод А. Величанского)

Ассоциативный план на тему «благородство и его природа» фактически не развивается в переводе А. Величанского, поскольку вместо упоминания о благородном металле переводчик конкретизирует метафору, используя слово «клинок», кстати, изменяя смысл фразы. А. Величанский использует как разговорные выражения («Да кто ж достойней Брута»), так и возвышенные, церковнославянские слова («сей»). В результате образуется стилистический контраст, создающий дополнительный эстетический эффект, отсутствующий в шекспировском оригинале. Для медитативных отрывков «Юлия Цезаря» нехарактерно противопоставление сниженной и возвышенной лексики. Таким образом, перевод А. Величанского неэквивалентен оригиналу как на стилистическом, так и на лингвопоэтическом уровне. Причём те же стилистические контрасты характерны и для повествовательных риторических и повествовательных отрывков данного перевода. У Шекспира же в повествовательных отрывках лексика преимущественно нейтральна. Иными словами, перевод не отражает особенности тематико-стилистического членения подлинника и неэквивалентен оригиналу на лингвопоэтическом уровне, несмотря на вполне адекватную передачу сюжетного содержания и художественность.

Перевод М.А. Зенкевича более соответствует шекспировскому оригиналу на лингвопоэтическом уровне. В данном переводе выделяются те же тематико-стилистические стратумы, что и в оригинале (при отсутствии буквального воспроизведения отдельных стилистических приемов), и не обнаруживаются столь резкие стилистические контрасты, как в тексте А. Величанского. Перевод вышеприведенного медитативного отрывка также содержит ассоциативный план на тему «благородство и его природа»:

Брут, благороден ты, но все ж я вижу,

Что благородный твой металл податлив.

Поэтому-то дух высокий должен

Общаться лишь с подобными себе.

Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться.

(перевод М.А. Зенкевича)

Итак, в отношении лингвопоэтически неоднородных текстов, т.е. таких, для которых характерно чередование либо различных тематико-стилистических пластов, либо повествовательных типов и их лингвопоэтических разновидностей, лингвопоэтическая эквивалентность устанавливается на уровне соответствия перевода оригиналу в плане воспроизведения лингвопоэтической неоднородности текста. При этом воспроизведение

лингвопоэтической неоднородности не предполагает точную передачу всех стилистически маркированных единиц оригинального текста.

Список литературы

- Аксенова А.В.* Лингвопоэтический анализ стихотворных произведений У.Б. Йейтса: особенности эволюции индивидуально-авторской манеры. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.
- Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 270 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. Изд. 2-е, доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
- Липгарт А.А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина. <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/display.php?file=books/lipgart.html> (дата обращения 13.01.2010)
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. Изд. 2. М.: КомКнига/URSS, 2006. 168 с.
- Липгарт А.А.* «Шекспировский вопрос», шекспировский канон и стиль Шекспира // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. № 1. С. 81-94.
- Липгарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования. М.: Московский Лицей, 1997. 220 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв.). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. 656 с.
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996а. 49 с.
- Мурашкина А.А.* К проблеме лингвопоэтического исследования повествовательных типов текста // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сборник статей / Под ред. А.А. Липгарта и А.В. Назарчука. М.: Экон-Информ, 2004. Вып. 2. С. 65-75.
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991. с. 729.
- Талызина М.А.* К проблеме исследования индивидуального авторского стиля и его эволюции на материале произведений Ивлиана Во // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сборник статей / Под ред. А.А. Липгарта и А.В. Назарчука. М.: Экон-Информ, 2004. Вып. 2. С. 98-111.
- Шекспир У.* Юлий Цезарь / На английском и русском языках. Переводы Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича и А. Величанского / Сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М.: ОАО Издательство «Радуга», 1998. 304 с.
- Шмуль И.А.* Лингвопоэтическая стратификация художественных текстов и изучение индивидуального авторского стиля (на материале произведений Шекспира). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 136 с.
- Schmidt, A.* Shakespeare Lexicon and Quotation Dictionary. Berlin-New York, 1971. Vol. 1-2.

Миронова Н.Н.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mironova Nadezhda
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСЕ

HISTORICAL VARIABILITY IN THE DISCOURSE OF TRANSLATION

Статья посвящена изучению влияния исторической семантики и истории формирования жанров на переводные дискурсы разных видов: художественного и философского. Множественность переводных текстов обусловлена различными целями переводческой деятельности и обусловлена историческими условиями межъязыковой коммуникации, дискурсивного пространства и дискурсивного времени.

The article examines the impact of historical semantics and the history of formation of genres on different types of discourses in translation: literary and philosophical. The multiplicity of translated texts is due to different objectives of translation and to historical conditions of interlingual communication, discursive space and time.

Ключевые слова: переводной дискурс, художественный дискурс, философский дискурс, историческая семантика, историческое жанроведение, история понятий, множественность переводных текстов.

Key words: discourse of translation, literary discourse, philosophical discourse, historical semantics, historical genre studies, history of concepts, multiplicity of translated texts.

Дискурс как коммуникативное пространство представлено тематически связанным многообразием текстов, объединённых временными, социальными, историческими и ментальными характеристиками [Миронова, 2008, с. 60]. Классификации дискурсов опосредованы разными областями знания и весьма неоднородны. Теория дискурса представлена в отечественных исследованиях весьма многообразно. В современной специальной литературе наиболее часто встречаются такие виды дискурсов, как: педагогический дискурс, где определяются общественные нормы поведения детей и юношества; политический дискурс, где актуализируется общественное сознание; научный дискурс, в котором происходит самоустранение учёного как адресанта ради объективности изложения (Р. Барт); критический дискурс, где излагается чаще всего субъективная критика деятельности человека и интеллектуальных (духовных) продуктов этой деятельности в разных сферах: науке, политике, искусстве (Ю. Хабермас); этический дискурс, в котором освещаются вопросы «добра» и «зла», «хорошего» и «плохого» (Ю. Хабермас); юридический дискурс, в котором аргументируются положения о правовых

нормах человека в обществе; военный дискурс, где излагаются толкования конфликтов и войн; интердискурс и специальные дискурсы (В. Либерт)⁶⁵.

В настоящее время, в период ещё большего расширения пространства массовых коммуникаций, появились новые классификации видов дискурсов: оценочный дискурс⁶⁶, институциональные дискурсы (педагогический, медицинский, научный, административный, военный, спортивный, религиозный, семейный и др.); дискурсы идентичности (национальной, наднациональной, региональной и др.); политические дискурсы (дискурсы демократии, авторитаризма, популизма, гражданственности, парламентаризма, расизма и др.); медиадискурсы (PR-дискурс, ТВ-дискурс, дискурс рекламы и др.); бизнес-дискурсы (дискурсы делового общения, маркетинга, корпоративной культуры и др.); арт-дискурсы (дискурсы театра, литературы, изобразительного искусства, архитектуры, киноискусства, моды и др.); дискурсы субкультур (дискурсы молодёжных культур, криминальный дискурс и др.); дискурсы среды обитания (дискурс дома, интерьера, города, ландшафта и др.); дискурс тела (сексуальный дискурс, дискурс телодвижений, дискурс бодибилдинга и др.); дискурс сновидений и др. [Русакова, 2004]. Для теоретического анализа дискурсов разных видов может быть использован инструментарий герменевтики [F.D. Schleiermacher, H.G. Gadamer], лингвистической поэтики [R. Jakobson, R. Barthes], дискурс-анализ – процесс *структурирования действительности* [M. Foucault] и *критический дискурс-анализ* – отражение в тексте общественных противоречий [W. Benjamin, Th.W. Adorno], приёмы передачи эстетических свойств текста при рецепции – реконструкция восприятия текста читателем [H.R. Jauss, U. Eco], поиск интертекстуальности – деконструкции семантики в текстах [J. Derrida, J. Kristeva]. Сегодня можно наблюдать усложнение методов исследования дискурсов разных видов. Их смыслы образуют концепты, которые актуализируются в языковых картинах в виде семантических сетей вокруг ключевых понятий при помощи метода, получившего название «дискурс-анализ».

---

⁶⁵ Виды дискурсов представлены в работах автора настоящей статьи [Миронова, 1997, 1998, 2008, 2009, 2010, 2013].

⁶⁶ В исследовании, проведённом в 1994-1998 годах, нами был выявлен и обоснован такой новый вид дискурса, как «оценочный дискурс». С позиций лингвистической семантики были представлены его структуры, то есть совокупности семантических отношений языковых единиц. Под оценочным дискурсом мы понимаем динамический семантический комплекс, объединяющий коммуникативно-целевые тексты, в которых актуализируются аксиологические стратегии, обусловленные экстралингвистическими условиями и хронотопом. Экстралингвистические параметры охватывают широкий спектр прагматических характеристик, включая исторические, психологические, идеологические оценки. (См.: *Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56. № 4. С. 52-59.*)

Его появление Т.А. ван Дейк связывает с применением методов структурной лингвистики при исследовании литературных произведений и культурных мифов [Dijk, 1985; Дейк, 1989, с. 57-58]. Первыми теоретическими опытами структурного анализа дискурса можно считать работу Владимира Проппа «Морфология народной сказки» (1928) и структуралистские исследования первобытной мифологии Леви-Стросса в 30-е годы XX века. Отметим, что подобным образом устроены тексты комментариев, посвящённые отечественной литературе⁶⁷, а также работы по семиотике и семиологии Р. Барта, У. Эко и других авторов [Барт, 2008; Эко 2006].

Особняком от них стоит **переводной дискурс** [выделено мной – Н.М.], создаваемый в результате переводческой деятельности в словесности принимающей культуры [Гарбовский, 2011, с. 3], воплощающий в себя вторичные устные и письменные тексты.

Для одного произведения художественной литературы (как прозы, так и поэзии) могут насчитываться десятки вариантов перевода на один и тот же язык, причём каждый вариант, в той или иной степени, отражает иное изображение исходной лингвокультурной картины мира. Изучение процесса рецепции национальной литературы в различных иноязыковых картинах мира показывает, что в последние десятилетия появились исследования, касающиеся детального анализа (комментария) когнитивных структур текста, семантическое выражение которых весьма вариативно. В сфере литературоведения сформировалось, во-первых, направление, связанное с сопоставлением имеющихся переводов с новыми переводами отдельного произведения с целью выявления различий в толковании смыслов, заложенных автором. Во-вторых, обусловленное возможностями обработки текстов документирование языков, позволило выявить произведения, которые до сих пор не были переведены на другие языки, либо их последние переводы насчитывают не только промежуток в десятилетия, но и столетия. Такие исторические тексты переводят на современные языки, лишь отчасти сохраняя отдельные семантические единицы, позволяющие не потерять историческую принадлежность текста. Комментирование различных дискурсов влияет на выбор инструментария исследования. Наибольшую сложность для понимания концептуальных основ ментальной картин мира

---

⁶⁷ В. Набоков. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», а также «Problems of Translation: „Onegin“ in English» («Partisan Review», New-York, 1955, fall XXII); «Заметки переводчика, I» («Новый журнал», New-York, 1957, XLIX); «Заметки переводчика, II», («Опыты», New-York, 1957, VIII); «The Servile Path» («On Translation», ed. R. Brower. Cambridge, Mass., 1959) [http://www.libtxt.ru/chitat/nabokov_vladimir/39254-kommentariy_k_romanu_evgeniy_onegin.html, доступ 1.02.2014] и др.

представляют коннотативные наслоения, дополнительные смыслы, спрятанные за авторскими идеями. Они актуализируются, прежде всего, в номинативной лексике: именах существительных собственных и нарицательных, не имеющих полных эквивалентов в паре языков. К ним относятся в т.ч. реалии разных видов и образная лексика (метафоры и сравнения).

Множественность переводных текстов обусловлена и различными целями переводческой деятельности: согласно концепции М.Л. Гаспарова, в культуре перевода существуют разные виды перевода – вольный, облегчённый и более точный, обучающий, филологический.

Особым случаем множественности перевода, которая, скорее, выступает мотивом для создания нового креативного текста, совпадающего с оригиналом по основной идее, можно считать появление нового литературного произведения.

Так, роман "Обломов" стал пратекстом для произведений современной немецкоязычной литературы. Это – роман "Штольц" швейцарского автора Пауля Низона, который был хорошо знаком с произведением И. Гончарова как литературовед. Затем появился роман Уве Грюнинга "Auf der Wyborger Seite" ("На Выборгской стороне"). Уве Грюнинг, переводчик и эссеист, знакомый с творчеством И. Гончарова рассказал историю несчастной любви Обломова и Ольги в ситуативном контексте бывшей ГДР. Прозаик и кинорежиссера Гюнтер Рюккер создал роман "Otto Blomow" ("Отто Бломов"), в котором рассказывается о способах выживания героя, немца, после второй мировой войны. Автор наделяет его сходствами характера Обломова И. Гончарова. Множественность перевода здесь связана с когнитивной опосредованностью художественного произведения в другой культуре (<http://www.goncharov.spb.ru/tirgen/> доступ: 1.02.2014).

Переводной художественный дискурс – предмет исследования критики перевода⁶⁸.

Если же мы рассмотрим дискурс другого вида, к примеру, философский дискурс, для которого особо важны новые понятия, составляющие суть философия, то к названным ранее необходимо добавить и термины – понятийные имена существительные, требующие скрупулёзной работы переводчика-комментатора. Так, немецкая философия, по праву, охватывает весьма объёмный переводной дискурс на русском языке. Большой интерес представляют собой комментарии самих переводчиков

---

⁶⁸ Критика перевода, как правило, связана с определенными художественными направлениями, странами, языками и авторами: О.И. Костикова. Начала теории переводческой критики во Франции [Костикова, 2007]; Н.Н. Миронова. К истории художественной критики: "Der Kirschgarten" – «Вишнёвый сад» А.П. Чехова в Германии [Миронова, 2010].

философских произведений Мартина Хайдеггера (1889-1976): Н. А. Артеменко [Артеменко 2012], Е.В. Борисова о переводческих решениях в сравнении с более ранними переводами работ М. Хайдеггера и Т. Адорно, предпринятыми В.В. Библихиным [Борисов 2011]; А.В. Михайловым [Михайлов 1993]. Множественность философских текстов объясняется разными причинами, среди которых заметим и недоступность оригинальных текстов, и появление в последние два десятилетия ранее не переведённых работ, и сама сложность переводческой деятельности, требующая как напряжённого труда переводчика, так и больших временных затрат для передачи философских произведений «Канта, философа с большой буквы, ...Гегеля, в богатстве усмотренных им содержаний, которые он с неповторимой силой языка выражает в конструктивном мышлении ...», как писал Карл Ясперс в предисловии в своей «Философии» в 1931 году [Ясперс, 2012б с. 20]. Существует практика, когда произведение появляется в переводе на английском языке и переводится на другие языки не с языка оригинала (немецкого, признанного языка философии), а с английского варианта. Сравнение переводов философской терминологии на нескольких языках позволяет обосновать референциальное множество именных групп, обладающих различной семантической полнотой, например, понятия бытия у М. Хайдеггера: Dasein (русс.: здесь-бытие, человеческое бытие; англ.: Dasein) и da-sein (русс.: здесь-бытие; англ.: Being-there).

Таким образом, историческая вариативность переводных дискурсов разных видов опосредована различными характерными особенностями текстов их составляющих, при этом ключевая семантика занимает первостепенное место при анализе смысла произведения, как художественного, так и нехудожественного (гуманитарного, научного и пр.). Но если для художественного дискурса вариативность лексики актуальна применительно передачи реалий и метафор, то для философского дискурса важное значение имеет актуализация понятийного слоя, выраженного прежде всего номинативными единицами языка.

Список литературы

- Артеменко Н. А.* Хайдеггеровская «потерянная рукопись»: на пути к «Бытию и времени». СПб.: ИЦ Гуманитарная академия, 2012. 128 с.
- Барт Р.* Нулевая степень письма / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2008. 431 с.
- Борисов Е.В.* От переводчика // Адорно, Теодор В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2011. С. 3-6.
- Гарбовский Н. К.* Перевод и «переводной» дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 4. С. 3-19.

- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ.; Сост. В.В. Петров; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.
- Костикова О.И.* Начала теории переводческой критики во Франции // Наука о переводе сегодня / Материалы Международной конференции / Под общей редакцией Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во Московского ун-та. Высшая школа перевода МГУ, 2007. С. 159-165.
- Миронова Н.Н.* Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56. № 4. С. 52-59.
- Миронова Н.Н.* Семантические исследования в дискурсологии // Общество – Язык – Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Московский институт лингвистики, 28 ноября 2008 года. Т. 1. С. 54-68.
- Миронова Н.Н.* К истории художественной критики: “Der Kirschgarten“ – «Вишнёвый сад» А.П. Чехова в Германии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3. 2010. С. 55-61.
- Миронова Н.Н.* Тенденции развития теории дискурса // Дискурс: гуманитарный контекст: Сб. науч. статей. Сост., отв. редактор Н.В. Гоноцкая. Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 55-64.
- Михайлов А.В.* Вместо введения // Хайдеггер, М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Изд-во Гнозис, 1993. С. VII-LII.
- Русакова О.Ф.* Современные теории дискурса: Опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2004. С. 10-28.
- Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике / Пер. с итал. Санкт-Петербург: Изд-во Симпозиум, 2006. 411 с.
- Ясперс К.* Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2012. 384 с.
- Dijk, T. A. van.* Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1: Disciplines of Discourse. – Academic Press, 1985.
- Mironova Nadeshda N.* Wortwahl im politischen Diskurs // Die Ordnung des Standard und die Differenzierung der Diskurse / Akten des 41. Linguistischen Kolloquiums in Mannheim 2006. Frankfurt a/M: Peter Lang Verlag, 2009. S. 411-416.

Мишкuroв Э.Н.

Высшая школы перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard

School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА

ON THE FUNCTIONING OF THE HERMENEUTICAL PARADIGM OF TRANSLATION

В настоящей работе верифицируется концептуально-методологическая структура герменевтической парадигмы перевода как выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода, а также перепорождения, перелagания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующей ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров. Критически оценивается эксплицитное положение лингвистической теории перевода о «презумпции неумелого переводчика» и замена его презумпцией «fidus interpretis». Рационализируется максима П. Рикёра о «верности/неверности перевода своему источнику» как относящаяся к сфере действия лингвистической модели перевода и очерчиваются сферы сугубо герменевтического порождения «вторичного текста» переводчиком как «соперником автору оригинала».

The present paper defines the conceptual-methodological structure of the hermeneutical paradigm of translation as the sum total of complementary philosopho-/philologo-hermeneutical, cognitive-informational, semiotic-interpretative and other theories, concepts, maxims, models, methods of translation, as well as other regeneration, rendering, re-expression, adaptation and other variants of game transforming ST into TT on the levels of content, meaning, functional styles, ethnopsycholinguistics, linguoculture, symbols and allegories and others depending on the text types and their genres. The paper also critically examines the explicit thesis of the linguistic theory of translation concerning “the presumption of the unskilful translator” and its substitution by the presumption of “fidus interpretis”. We rationalize P. Ricœur’s maxim concerning “fidelity/non-fidelity of the translation to its source” as pertaining to the sphere of the linguistic model of translation and define the scope of purely hermeneutical generation of the “secondary text” by the translator who rivals the author of the original”.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода; герменевтический поворот; переводчик разумный, верный; апория «переводимость/непереводимость»; герменевтическая дихотомия «переводческие соответствия: переводческие несоответствия»; интерпретативные/деятельностные модели перевода.

Key words: hermeneutical paradigm of translation; hermeneutical turn; translator sapiens, fidus; aporia “translatability/untranslatability”; hermeneutical dichotomy “translation correspondences: translation non-correspondences”; interpretative/active translation models.

1. Современное отечественное переводоведение нуждается в новом типе синтезирующих, синергетических парадигм, которые по своим теоретико-методологическим параметрам были бы приемлемы для обобщения более чем

полувекового опыта функционирования в нашей стране институализованной лингвистической теории перевода (ЛТП) в различных её вариантах.

В качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х годов XX в. успешно применяются модели так называемой «философско-переводческой герменевтики», во многом, тем не менее, базирующейся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода в духе лучших традиций эпохи Возрождения и их последующих региональных модификациях.

Опираясь на позитивный опыт «герменевтизации» современной транслатологии на Западе, мы, тем не менее, должны применять его в отечественной науке только с учётом богатого опыта, накопившегося в российской дореволюционной, советской и постсоветской теории, методологии и практике перевода.

Предлагаемый ниже рабочий вариант герменевтической парадигмы перевода (ГПП) мы идентифицируем как синергетическую целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач.

ГПП варьируется как открытая синтезирующая система, в которой находят своё место практически все значимые классические и инновационные модели перевода, отвечающие запросам рефлексирующего понимания, феноменологической редукции и оптимальной интерпретации рабочих текстов, а также задачам принимаемых переводческих решений по перевыражению и перепорождению искомым «переводческих (переводных) закономерных соответствий и несоответствий».

Попытка инвентаризовать находящиеся в научном обороте наиболее репрезентативные («респектабельные») модели, предпринятая, в частности, В.А. Татариновым, дала следующие результаты. Им названы 10 концепций, так или иначе отражающих актуальную проблематику транслатологии и имеющих определённые точки соприкосновения с трудами отечественных учёных. Подчёркивая «полипарадигмальный характер и интенциональность современных теоретических исследований в области перевода», автор конкретно аннотирует концепции Т. Сейвори (1952 г.), П. Ньюмарка (1981 г.), Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (1958 г.), Д. Селескович и М. Ледерер (1987 г.), Ю. Найды (1964 г.), А. Нойберта (1984 г.), К. Райс и Х. Фермеера (1984г.), К. Норда (1995 г.),

Ю. Хольц-Мянттяри (1984 г.) М. Снелл-Хорнби (1988 г.) и др. [Татаринов, 2007, с. 179-181].

Номенклатура работ, опубликованных в последнее десятилетие 20-го века и начале 21-го века, в которых указанная выше проблематика получает современное звучание, будет рассмотрена нами по ходу исследования заявленной в статье проблематики.

Обобщив опыт работы предшественников по теоретическому обоснованию построения интегрирующих моделей перевода, мы пришли к выводу, что именно ГПП может ныне представить прообраз эффективно работающего переводческого механизма, который, ещё по задумке Д.Ж. Стайнера, представлял бы «сочетание возможностей структурно-трансформационного и герменевтического подхода к изучению проблем перевода» [см.: Гарбовский, 2004, с. 25].

Таким образом, к вышеприведённому общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу дополнительности дискурсивную соборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода, а также перепорождения, перелагания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров.

Из семи постулатов как пролегоменов к ГПП, сформулированных в нашей работе [Мишкурлов, 2014, ч. IV], рассмотрим подробнее пункт № 4: «Апория переводимости/непереводимости» наглядно демонстрирует проявление диалектического закона отрицания отрицания в переводческом процессе, задача которого заключается в оптимально возможном преодолении асимметрии рабочей пары языков, максимальной нейтрализации их этнопсихолингвистического, когнитивно-семантического и лингвокультурологического диссонанса и символично-семиотической контрадикции при понимании того обстоятельства, что «потери и жертвы» при переводе неизбежны по определению, а феноменологическая бинарность указанной дихотомии онтологически обусловлена и задана «вавилонским лингвостолпотворением».

Известно, что из многочисленных афоризмов, цитат, шуточных реплик и острот по поводу сущности перевода можно составить не один компендиум. Ещё М. Сервантес

одарил переводчиков и читающее переводную литературу сообщество хрестоматийным высказыванием о том, что «перевод <...> это всё равно что фламандский ковёр с изнанки: фигуры, правда, видны, но <...> нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне...» [полный текст см.: Гарбовский, 2004, с. 111 (сн. 3)]. Дж. Джейкобс уверял, что «читать поэзию в переводе – всё равно, что целовать женщину через вуаль» [<http://www.modnaya.ru/library/004/067.htm>, с. 2]. Для Шопенгауэра перевод – что «цикорий вместо кофе», а Гадамер полагал, что это «карта в сравнении с ландшафтом». Переводу, пишет О.И. Костикова, повсеместно дают «довольно обидные определения – «литературный метис», «внебрачный ребёнок», «беспородный» и т.п. [Костикова, 2010, с. 156]. Что до Хайдеггера, то он вполне серьёзно и довольно язвительно заметил: «Скажи мне, что ты думаешь о переводе, и я скажу, кто ты такой» [см.: Мишкурин, 2013, № 2, с. 8-9 и др.].

Неудивительно, что негативное отношение к переводам не могло не отразиться и на профессиональной репутации самих переводчиков. Французский поэт и теоретик перевода Жоашен Дю Белле (1522-1560) – автор, по выражению Ж. Мунена, «антологии всех аргументов против перевода», саркастически отзывался о переводчиках-профанах следующим образом: «Что сказать мне о тех, кто, по правде, более достойны быть названными предателями, нежели перелагателями? Ведь они предают тех, кого берутся излагать, лишая их славы; обманывают они и несведущего читателя, выдавая ему белое за чёрное...» [см.: Гарбовский, 2004, с. 3]. Те же французские интеллектуалы хулили своих переводчиков XVII – первой половины XIX вв. весьма своеобразно – шадящее именуя их «прекрасными неверными». Любопытно, что, упоминая итальянский насмешливый афоризм-пароним «traddutore traditore» (*букв.* «переводчик-предатель»), различные маститые теоретики толкуют его с большим философским изяществом. Джон Р. Фёрс в 1956 г. писал: «Изречение «переводчик-предатель» чаще всего можно отнести к тем лингвистам, которые постоянно прибегают к использованию перевода в лингвистическом анализе, но, как правило, не давая последовательного определения природы и функции переводческих методов, к которым они прибегают <...> Проблема места перевода в лингвистике пока остаётся неизученной. Существование перевода является серьёзным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперёд по пути создания новой

всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [Фёрс, 1956, с. 35].⁶⁹

В данном контексте вполне уместным представляется упоминание о «деконструктивистском» и «постмодернистском» высказывании Ж. Деррида: «Изъясняться на своём языке значит требовать перевода, взывать о переводе» [<http://www.modnaya.ru/library/004/067.htm>, с. 1].

Обратимся также к суждению Р. Якобсона в связи с вышеупомянутой итальянской остротой по поводу переводчиков. Он пишет: «Если бы перевести традиционное итальянское изречение *traddutore traditore* как «переводчик-предатель», мы лишили бы итальянскую рифмованную эпиграмму всей её парономастической ценности. Поэтому когнитивный подход к этой фразе заставил бы нас превратить этот афоризм в более развёрнутое высказывание и ответить на вопросы: «переводчик каких сообщений?», «предатель каких ценностей?» [Якобсон, 1966, с. 24]. Очевидно, что ответы на поставленные вопросы лежат в герменевтико-переводческой области, контент и контекст которой собственно и являются предметным полем ГПП.

Вступить за репутацию «переводческого цеха» решила также О.И. Костикова, которая вполне резонно парирует нередко неоправданные нападки на коллег следующим образом: «*Traddutore traditore*» – квинтэссенция переводческого творчества – пожалуй, самый цитируемый в работах исследователей афоризм. Можно долго удивляться и выяснять, как после стольких переводческих успехов, после стольких созданных шедевров перевода, после разрешения стольких, казалось бы, непреодолимых трудностей, «предатель перелагатель» по-прежнему имеет статус абсолютного суждения о переводе. Между тем, итальянская пословица-ярлык представляет интерес совсем не как характеристика деятельности переводчика (в том числе и из-за своей пессимистичности), а скорее, как отражение прочно укоренившегося критического отношения к переводу, как напоминание о неизбежности комментариев, замечаний, разборов и рассуждений, которые он влечёт за собой» [Костикова, 2010, с. 148].

2. Один из самых больших изъянов ЛТП заключается в «закрытости» для объективной критики её исходных сугубо лингвистических теоретико-методологических основ и переноса «абсолютной вины» за неадекватные переводы исключительно на

---

⁶⁹ По ходу изложения отметим, насколько провидчески учёный сформулировал насущные проблемы переводоведения в свете «лингво-герменевтического поворота» в современной философии и ряде гуманитарных наук и привлечения последними перевода в качестве своего актуального предмета исследования.

«неумелого переводчика». Странно, но именно так рассуждал знаменитый лингвист-философ В. Гумбольдт: «Пока ощущается не чуждое, а только налёт чужого, перевод достигает своих величайших целей, но когда чуждое заявляется во всей своей красе и может затушёвывать даже чужое, тогда ясно, что переводчик не дорос до своего оригинала» [цит. по: Костикова, 2010б, с. 173].

Поэтому переводчик как «рисковый игрок» всегда находится в стрессовом состоянии из-за боязни «не понять» или «неадекватно перевести» дискурсы коммуникантов. Е.Ю. Куницына в этой связи справедливо подчёркивает, что риск и когнитивный диссонанс переводчика – условия (в ряду других), определяющее перевод как игровую деятельность, а сам «переводчик как EGO волящее, переживающее и ответственное есть EGO *играющее* eo ipso EGO *рискующее*. Риск переводчика связан, в частности, со стратегической неопределённостью, обусловленной несовершенством/неполнотой информации. Стратегическая неопределённость служит одной из причин возникновения у переводчика когнитивного диссонанса» [Куницына, 2010, с. 3].

«Презумпция исходной/первородной виновности» переводчика явно просматривается в базовых концептах ЛТП, в частности, в виде апорий «закономерные переводческие (переводные) соответствия: несоответствия». Л.Л. Нелюбин пишет: «Непереводимость – 1. Отсутствие в родном языке идеального эквивалента или соответствия тому или иному слову или понятию оригинала. Передаётся путём умения переводчика пользоваться различными приёмами перевода» [Нелюбин, 2003, с. 119].

Однако уже в следующей статье своего «Толкового словаря» он подчёркивает, что «непереданная информация» – это так называемая «в теории несоответствий информация, вычленяемая при сравнительном изучении текстов в переводе, представляющая собой сведения, которые имеются в исходном тексте и отсутствуют в тексте перевода». Показательно, что во всех вариантах толкования проблемы переводимости/непереводимости Л.Л. Нелюбин подменяет вопрос о естественной непереводимости элементов языков различной типологии и различного строя (как проявления различий в концептуально-языковых картинах мира разных этносов) вопросом о профессиональной незрелости переводчика. Текстуально читаем: «2. Если перевод – это выражение того, что уже было выражено на каком-либо языке, то значит непереводимых оригиналов нет, так, как то, что можно выразить на одном языке, можно выразить на любом другом. Есть только трудно переводимые тексты. Причём трудности

при переводе – это или трудности, связанные с пониманием, которые проистекают от недостаточного знания языка оригинала или недостаточного знания существа предмета, т.е. от недостатка специальных знаний. Или трудности, связанные с выражением, объясняемые слабым знанием языка, на который делается перевод, либо отсутствием в этом языке готовых эквивалентов, для выражения того, что уже было выражено средствами языка оригинала». Ответ по последнему пункту поищем в других толкованиях. Смотрим п. 1: «Если перевод рассматривается как преобразование информации, при котором не происходит никакой потери, а передаётся всё содержание и форма оригинала, то такое точное преобразование принципиально невозможно». Надо понимать, что «непереводимое» все-таки существует в разных парах рабочих языков! Но другое дело, считает Нелюбин, «если перевод рассматривать как речезыковую деятельность, направленную на передачу и приём сообщений, т.е. необходимую для межъязыковой коммуникации, то проблема переводимости решается положительно». Главное при этом, считает составитель словаря, – понимание переводчиком «что должно быть передано адресату». Далее следует весьма неоднозначное мнение о путях решения вопроса: «В художественном переводе необходимо довести до читателя в первую очередь стиль автора произведения. При синхронном и последовательном – ограничиться передачей смысла». Заключение же составителя – «Однако это не исключает адекватности и полноты подлинника (?)» – просто, что называется, «повисает в воздухе» из-за смыслового разнобоя соответствующих фрагментов контекста [там же, с. 166-167].

3. Ранее мы высказывались против философско-методологического и прагматического исключения П. Рикёром из общей теории перевода апории «переводимость: непереводимость» и сведение проблем перевода исключительно к дихотомии «верность/неверность своему источнику» [см.: Мишкурин, 2013, № 1, с. 82-83]. А этот критерий опять-таки обращает нас к презумпции «умелый – неумелый переводчик».

Тем не менее, мы сочли полезным данный критерий применять на «уровне переводимости» в ГПП, базирующейся на основополагающем принципе ЛТП – антиномии «закономерные переводческие (переводные) соответствия vs переводческие (переводные) несоответствия».

Однако дихотомию «верность/неверность своему источнику» мы соотносим исключительно с проблемой переводческих соответствий (ПС), а проблема переводческих несоответствий (ПНС) рассматривается сугубо с герменевтико-онтологической точки

зрения. Диалектика этих переходов образно отражена в известном изречении Гёте: «Перевод – настойчивые поиски подходящего слова, доходящие до границ непереводимости».

Предлагаемую ГПП мы строим на ином исходном постулате – «презумпции идеального, верного переводчика» (*fidus interpres*), который представлен в двух ипостасях – во-первых, как «прямой, прозрачный переводчик» и, во-вторых, как интерпретатор-соавтор и соперник» автора подлинника. В первом случае он работает с ИТ и ПТ на уровне функциональных ареальных ПС – *региональных* диахронно-онтологических по происхождению или *межрегиональных* синхронно-благоприобретённых вследствие межкультурных, когнитивно-информационных контактов. Во втором случае переводчик сталкивается с ПНС, «фоновая история» которых в различных её преломлениях приобретает первостепенное значение для интерпретации ИТ и его перевыражения и перепорождения на ПЯ.⁷⁰

И здесь мы постулируем второй «инновационный поворот» от традиционной теории ПС и ПНС. Проиллюстрируем его суть на примере статьи В.В. Сдобникова «Переводческие несоответствия: коммуникативно-функциональный подход». Её автор на стадии предпонимания феномена традиционно соглашается, что «понятие переводческого несоответствия синонимично понятию переводческой ошибки (недочёта, погрешности, шероховатости)» и солидаризируется с мнением коллег, что «можно выделить две группы переводческих несоответствий (ошибок): несоответствия, связанные с дефектами понимания исходного текста, и ошибки, связанные с дефектами выражения воспринятого смысла средствами переводящего языка» [Сдобников, 2007, с. 6-7].

---

⁷⁰ В данном контексте считаем целесообразным напомнить читателю мнение классика переводоведения Ю. Найды о сущности и значимости «лингвистических и культурных различий» для качества перевода: «Обсуждая проблему эквивалентности, как структурной, так и динамической, необходимо помнить о трёх типах соотносительности, обусловленных лингвистическими и культурными различиями между кодами, передающими сообщения. В некоторых случаях при переводе соотносятся два относительно тесно связанных языка и относительно близкие культуры, как, например, при переводах с фризского языка на английский или с древнееврейского на арабский. В других случаях языки могут не иметь между собой родственных связей, даже если соответствующие культуры развивались параллельно, как, например, при переводах с немецкого языка на венгерский или с шведского на финский <...> В третьем случае при переводе не только отсутствуют родственные связи между языками, но и соответствующие культуры имеют глубокие различия, как, например, при переводе с английского на зулусский, с греческого на малайский <...> Когда две культуры взаимосвязаны, но языки совершенно различны, переводчику приходится осуществлять при переводе множество формальных преобразований. Однако в подобных случаях множество совпадений в сопоставляемых культурах во многом обеспечивает параллелизм содержания, и это делает перевод менее трудным, чем, когда несопоставимыми являются языки, и культуры. Более того, различия в сопоставляемых культурах вызывают гораздо больше затруднений при переводе, чем различия в языковых структурах» [Найда, 1964, с. 120-121].

Мы же не связываем ПНС с ошибочными действиями переводчика, а рассматриваем их как совокупность всех выявленных в ИТ «непереводимостей» на всех уровнях его предпереводческого анализа – предпонимания. Это значит, что переводческое решение по тому или иному фрагменту ИТ или даже по всему тексту в целом (как крайнему по степени сложности перевыражению дискурсу) не может опираться даже на авторитетные национальные переводческо-языковые корпуса, разнообразные по специализации тезаурусы, двуязычные словари и т.д., а должны строиться на иных собственно герменевтических основаниях порождения «вторичного» (по отношению к оригиналу) текста.

А причина проявления в оригинале ПНС, как известно, заключается в большей или меньшей асимметрии ИЯ и ПЯ на известных уровнях межъязыковых несоответствий.

Очевидно, что «переводчик разумный, умелый» – это профессионал, который теоретико-методологически и прагматически сведущ в подборе ПС и выделении ПНС. Преодоление последних и составляет суть функционирования ГПП во всех её составляющих. Компетентный переводчик должен своевременно ознакомиться с типологией ошибок и опытом некорректных переводческих решений в своей области, многократно описанных в настоящее время в огромном массиве специальной дидактико-методологической литературы. И здесь мы вполне солидарны с В.В. Сдобниковым, который, ратуя за совершенствование схем анализа переводческих ошибок и опираясь при этом на «сам текст оригинала <...> в качестве единицы перевода», справедливо считает, что эти ошибки проистекают не только из-за несоответствия содержания ПТ содержанию оригинала «на уровне отдельного предложения», но и несоответствия норме и узусу ПЯ. Естественно также, что переводчик не должен нарушать «коммуникативную интенцию автора оригинала», мысли и смыслы, вкладываемые им в текст «как инструмент воздействия на читателя» [Сдобников, 2007, с. 18].

Вопрос же о том, учится ли переводчик исключительно на своих ошибках или никто, даже из числа самых опытных переводчиков, не гарантирован от ошибок в своей профессиональной деятельности – это проблема другого уровня, имеющая отношение к ПНС только в том отношении, что именно они создают трудности при переводе и являются, как правило, причиной их «рабочих огрехов».

В данном контексте становится очевидным, что в рамках «институционализованной транслатологии» альтруистически умиротворяющая дефиниция перевода Г.Д.

Воскобойника, снимающая различия между «профессиональным» и «наивным» переводом нерепрезентативна – малоинформативна и контрпродуктивна.⁷¹

4. На ряде несложных для толкования примеров покажем в первом приближении рабочую схему взаимодействия ЛТП и ГПП. В состав последней ассоциативно включаются методы, способы и приёмы сопряжения ПС и ПНС в контекстах ИЯ и ПЯ разной лингвокультурологической, лингвостилистической и когнитивно-прагматической направленности, поскольку перлокутивный эффект конкретного переводческого акта ярче всего проявляется в рамках герменевтической метатеории и методологии «переводческой картины речевой деятельности» как особого типа межъязыкового посредничества.

Идея установления ПС в различных языках довольно работоспособна, пока переводчики остаются в зоне «переводимости и верности оригиналу».

Языки различного строя иногда проявляют удивительную универсальность в выборе единиц перевода. Например, для выражения значения «что-то процитировать **наизусть**» в арабском, английском и французском языках соответствующий концепт вербализуется лексемой «сердце», ср.: *араб.* *ʿalā zahri qalb* – букв. «на спинке сердца», *анг.* *by heart* – букв. «сердцем», *фр.* *par cœur* – букв. «сердцем». Это так называемые «прямые, эквивалентные» ПС.

Однако использование других наименований речепорождающих «ментальных» органов человека типа *рус.* «уста» – «наизусть», «мозг, память» – «на память», тоже самое в итальянском или французском: *фр.* *de mémoire*, *итал.* *a memoria/a mente*, или *нем.* *Kopf* «голова» – *aus dem Kopf* и т.п. не несёт никакого смыслоискажения высказывания в любых рабочих парах данных языков. Все упомянутые средства дискурсивно равноположены и коммуникативно эквивалентны. Они зафиксированы в переводных словарях как функционально равноценные. Они уже не требуют специальной герменевтической интерпретации. Некоторые различия в использованном лексиконе функционально несущественны. Все они суть полные ПС.

Богатый компонентный состав «внутренней формы» концепта английского *master*, содержащий базовые семы типа «хозяин, властелин, господин, руководитель, начальник

---

⁷¹ «Целесообразно снять ограничение, налагаемое на определение перевода строгой убежденностью в том, что последний обязан быть профессиональным и правильным с точки зрения передачи формы и содержания <...> Под переводом понимается **любая попытка** межъязыкового посредничества – независимо от её результатов, или того, что именуется в теории речевых актов перлокутивным эффектом. Только такое расширительное толкование понятия позволяет свести в единую эпистему знание мэтра и «наивного» переводчика, пытающегося посредствовать в межъязыковом общении *без всякого предварительного опыта и знаний* (курсив наш. – Э.М.)» [Воскобойник, 2004, с. 23-24].

→ владеющий, властный, господствующий, главный, ведущий, руководящий и т.д.», «мастер, профи → мастерский, высококвалифицированный, высокотехнологичный и т.л.», «знаток/дока → высоколобый, высокопрофессиональный, эрудированный и т.д.» и др., позволяют широко использовать его для образования большого количества значимых полифункциональных сочетаний для английского языка, реализация которых в соответствующих типах текстов значительно расширяет словарь ПС, к примеру, в русском языке, ср.: master race – господствующая раса, Moscow master plan – генеральный план Москвы, master key/switch – рубильник, главный выключатель, the master of the house – глава семьи, хозяин дома, master of English – знаток английского языка, master of this subject – дока, master beverages – знатные напитки и т.д.

Между тем, известно, что способность языковых единиц определённой пары рабочих языков выступать в качестве ПС устанавливается дискурсивным анализом соответствующих речевых высказываний в оптимально доступном корпусе текстов. Очевидно, что это есть ретроспективный процесс, базирующийся на сопоставительном анализе ИТ и ПТ, а потому когнитивно-прагматическим упреждением и прогнозирующей силой не обладающий.

В реальной переводческой практике границы между регулярными и окказиональными ПС, с одной стороны, и ПС, перерастающими в ПНС в силу асимметрии концептосфер ИЯ и ПЯ, с другой, оказываются крайне размытыми, и переводчику приходится нередко прибегать как к «прямым», так и сугубо «интерпретационным» вариантам перевыражения единиц ИТ в «прямые» герменевтически «переосмысленные» знаковые единицы ПТ.

Примером сложных переходов и не всегда удачных переводческих решений в этой связи может послужить «реальное» и «ирреальное» функционирование концепта «лень» и соответствующих атрибутивных словосочетаний в английских переводческих дискурсах. В слогане одной русскоязычной рекламы читаем: «В нашей компании *ленивые* только *вареники* (*курсив наш. – Э.М.*)».

В Толковом словаре русского языка читаем: «**Ленивый** – 1. Склонный к лени, к праздности, избегающий труда; 2. Медлительный, неторопливый (о движении, походке и т.п.); 3. Приготовленный более быстрым способом (о кушаньях). Ленивые голубцы, вареники <...> ленивые щи» [Словарь русского языка, 1982, с. 174]. Очевидно, что в слогане обыгрываются 1-ое и 3-е значения. Но если для первого и второго значений в английском языке находятся прямые ПС без труда (ср.: lazy person/ lazy bootes/ lazy bones;

unhurried movements и т.д.), то с «ассоциативным подвохом» 3-го значения составители «Нового большого русско-английского словаря» явно попадают впросак. К примеру, они убеждают пользователя словарём, что «ленивые голубцы» – это “lazy cook’s goloubtsi”, букв. «голубцы ленивого повара», сопроводив в скобках свой «перевод» дефиницией реалии [Ермолович..., 2006, с. 377].

5. Ещё в конце 80-х годов XX в. А.Н. Крюков, разрабатывая свою «Интерпретативную концепцию перевода (ИКП)», на анализе перевода ряда примеров с русского языка на индонезийский (которые по своему уровню лингвокультурологических различий можно отнести к 3-ему типу рабочих пар языков, согласно вышеприведённой классификации Ю. Найды) показал существенные недостатки ЛТП в виду ограниченных возможностей применения теории ПС к столь отличающемуся от ИЯ индонезийскому языку. Трактую свою ИКП как «деятельностный тип онтологии перевода», он констатирует, что с этих позиций «перевод в условиях отсутствия переводных соответствий возможен потому, что переводчик, как и одноязычный коммуникант, просто говорит /или пишет/, т.е. порождает речевой продукт, или осуществляет речевую деятельность». Вместе с тем учёный отдаёт себе отчёт в том, что «существующие деятельностные схемы перевода при том несомненном преимуществе, что они дают полную картину перевода как фрагмента общей картины мира, не позволяют, тем не менее, увидеть специфику собственного перевода». Для восполнения этого пробела А.Н. Крюков пытается построить «герменевтическую модель перевода», сердцевиной которой в условиях отсутствия переводных соответствий являлось бы *понимание*. Соответственно «интерпретация» определяется им как «понимание, ориентированное на перевыражение понятого» [Крюков, 1989, с. 32-36].

Учёный несомненно был прав, утверждая в своё время, что «вопрос о релевантности знания закономерных приёмов перевода применительно к работе переводчика по восточным языкам гораздо более сложный», так как «для выявления достаточно богатой сетки таких соответствий требуются колоссальные массивы кодифицированных исходных и переводных текстов (ИТ и ПТ), которые вряд ли могут быть созданы на протяжении жизни целого поколения».

Постепенно эта задача решается в настоящее время путём создания электронных национальных языковых корпусов. Вместе с тем существует другая проблема, которую осознают даже самые фанатичные адепты ЛТП: «...за такими хорошо описанными в лингвистической теории перевода приёмами как дифференциация, конкретизация,

генерализация, смысловое развитие, компенсация и т.д. стоит нечто более глубинное, управляющее выбором или «изобретением» ad hoc (в случае отсутствия у испытуемого необходимого предварительного знания) адекватного приёма перевода» – это «суть манифестации, внешние проявления на поверхностном объективно-языковом уровне глубинного смыслообразующего и смыслопреобразующего речемыслительного процесса <...> этот процесс назван Я.И. Рецкером целостным преобразованием», а сам А.Н. Крюков именуется его как «интерпретация» в герменевтическом понимании [Крюков, 2009, с. 137-139].

Механизму «освоения» *интенционального смысла* ИТ и его перевыражения в виде *рецептивного смысла* в ПТ собственно и посвящается дескрипция ГМП А.Н. Крюковым. В итоге учёный приходит к заключению, что «есть все основания говорить о выдвигании и обосновании в современном переводоведении в дополнение к существующей сопоставительной парадигме новой научной парадигмы, характеризующейся своими философскими основаниями, онтологическими представлениями, теоретической исследовательской моделью и своим типом объединения» [Крюков, 1989, с. 41].

Появившиеся в последние десятилетия различные варианты интерпретативных, деятельностных, когнитивных, лингвоментальных и тому подобных концепций и моделей перевода без обращения к современной философско-герменевтической феноменологии лишней раз подчёркивают необходимость создания современной интегрирующей концепции перевода полипарадигмального уровня, которая позволит концентрированно использовать положительные аспекты накопленного опыта развития теории и методологии перевода на базе неогерменевтической парадигмы перевода [см. соответствующие статьи: Основные понятия переводоведения... Терминологический словарь-справочник, 2010, с. 15, 27, 33, 39, 46-47, 52, 58, 110, 112, 118 и др.]. Своё место в ней естественным образом занимает и ИКП и ГМП А.Н. Крюкова.

6. О положительных «неогерменевтических метаморфозах» в исследовательском сознании современных учёных можно судить, к примеру, по содержанию родственных филологических штудий, нацеленных на обнаружение «сокровенных и потаённых смыслов» в анализируемых разнотипных и разножанровых текстах/дискурсах.

В качестве примера прокомментируем статью З.М. Ветчинкиной «Герменевтика как способ толкования скрытого смысла текста». Хотя автор даёт герменевтико-литературоведческое толкование неявных смыслов текста короткого рассказа Ф. Кафки “Der Nachbar” («Сосед») без обращения к его переводческим версиям (которые, как

известно, нередко помогают глубже вскрыть «тайные» смысловые нюансы подлинника), мы экстраполируем её основной вывод на герменевтико-переводческий процесс в следующей редакции: «Адекватное понимание различных текстов и их интерпретация – одна из труднейших задач, которая стоит перед читателем – (переводчиком. – Э.М.) – интерпретатором. Ему необходимо владеть рефлексией, иметь богатые фоновые знания и грамотно (профессионально. – Э.М.) ориентироваться в формальных (а также «затекстовых». – Э.М.) средствах смыслового выражения текста. К герменевтике целесообразно прибегать в том случае (во всех случаях. – Э.М.), когда мы имеем дело с действительно сложными, запутанными философскими или психологическими (художественными, религиозными и другими подобными. – Э.М.) текстами (оптимально используя соответствующие парадигматические средства. – Э.М.)... Необходимым условием является знание биографии автора и исторического (этнопсихолингвистического, лингвокультурологического, концепуально-прагматического, функционально-стилистического и иного. – Э.М.) контекста, что может, несомненно, облегчить понимание (интерпретацию и перевод. – Э.М.) текста» [Ветчинкина, 2013, с. 5].

В заключение напомним, на вопрос «Как переводить?» ещё древние переводчики отвечали: «Разумом!»

Список литературы

- Ветчинкина З.М.* Герменевтика как способ толкования скрытого смысла текста / <http://frgf.utmn.ru/last/No4/text2.htm> (12.09.13). 6 с.
- Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978.
- Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода / Дис. ... докт. филолог. наук. Иркутск (ИГЛУ), 2004.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Учебник. М.: Изд. Моск. ун-та, 2004.
- Ермолович Д.И., Красавина Т.М.* Новый большой русско-английский словарь. – 2-е изд. испр. М.: Рус. Яз. – Медиа, 2006.
- Костикова О.И.* Переводческая критика, «критические переводы» и опыт освоения «чужого» / Труды ВШП (ф-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005-2010. М.: Изд. ВШП МГУ, 2010. С. 165-173.
- Костикова О.И.* К основаниям теории переводческой критики / Там же. С. 148-160.
- Крюков А.Н.* Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) / *Маргарян Б., Абрамян К.* Проблемы переводческой интерпретации текста конца 20-го начала 21-го веков. Хрестоматия. Ереван: Лингва, 2009. С. 136-150.
- Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода / Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. М.: Воен. Краснознамён. ин-т, 1989.

- Куницына Е.Ю.* Лингвистические основы юридической теории художественного перевода/ Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. Иркутск (ИГЛУ), 2010.
- Мишуров Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода// Вестник Московского университета. Сер.22. Теория перевода. 2013, № 1-3; 2014, № 1.
- Найда Юджин А.* (1964) К науке переводить. Принципы соответствий / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114-137.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2010.
- Сдобников В.В.* «Переводческие соответствия»: коммуникативно-функциональный подход/ http://www.lse2010.narod.ru/yazyk_kommunikatsiya_i_so... (04/03/13). 19 с.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. Т. II. М.: Рус. язык, 1989.
- Татаринов В.А.* Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Моск. Лицей, 2007.
- Фёрс Джон Р.* (1956) Лингвистический анализ и перевод / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 25-35.
- Якобсон Р.* (1966) О лингвистических аспектах перевода / Там же. С. 16-24.

Моцаж М.
Люблинский католический университет Иоанна Павла II
г. Люблин (Польша)

Mocarz Maria
The John Paul II Catholic University of Lublin,
Lublin (Poland)

ПЕРЕВОД ЗАГЛАВИЯ ФИЛЬМА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

TRANSLATION OF FILM TITLES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Фильм как продукт массовой культуры играет большую роль в межкультурной коммуникации. Настоящая статья посвящается анализу категории иного в культурном и языковом планах в переводе фильмов. В эпоху глобализации категория иного считается познавательной ценностью, способствующей приблизить культурные и языковые явления получателям иного культурного пространства. Передаче такого иного служат заглавия фильмов, которые, как показывают исследования, все чаще в переводной версии сохраняют элементы оригинальной культуры благодаря применяемой стратегии экзотизации. Такие приёмы обогащают межкультурную коммуникацию при помощи перевода.

As a product of mass culture, film plays an increasingly important role in intercultural communication. This paper is concerned with the analysis of cultural and linguistic otherness in film translations. In the era of globalization presenting otherness is a cognitive value, allowing one to introduce cultural and linguistic phenomena to the recipients of another culture area. This otherness is conveyed inter alia by films, which, according to research, ever more frequently retain in the translated text the elements of the original culture thanks to the use of exotisation. Such techniques enrich intercultural communication through translation.

Ключевые слова: киноперевод, межкультурная коммуникация, культурное иное, языковое иное, заглавие фильма.

Key words: film translation, intercultural communication, cultural otherness, linguistic otherness, film titles.

XXI век считается веком визуального представления. Одним из средств такого представления является фильм, совмещающий в себе визуальные и равноправные им вербальные коды и образующий комплексное семиотическое пространство. Число кинопродукций в последнее время сильно увеличилось, возросла также заинтересованность в восприятии фильмов одной культуры носителями другой культуры при помощи перевода. Кинематограф как культурный феномен становится самым массовым видом искусства и вместе с тем средством передачи культурно значимой информации. Как справедливо замечают Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова, «для кинотекста в большей степени, чем для обычного вербального текста, характерна вовлеченность в процесс межкультурной коммуникации. Кино легко перешагивает границы породившей его культуры как во времени (от поколения к поколению), так и в пространстве (от нации

к нации)» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 9]. Перешагиванию границ способствует терпимость и открытость наций к иной культуре. Такие явления порождают нужду переводить фильмы на иностранные языки. Стремление познать культурное иное – отличительная черта эпохи глобализации. Возможность пересечь культурные границы в эпохе высоких технологий является вовсе не сложным процессом. Попадая в другое культурное пространство, фильмы становятся частью культурной жизни народа, принимающего такие фильмы. Переводной фильм как текст, насыщенный культурной информацией, является отличным средством реализации межкультурной коммуникации, которая понимается как интернациональное отношение между двумя культурными пространствами: культурой языка оригинала и культурой языка перевода [Mocarz, 2011, s. 243]. Иноязычному зрителю предоставляется возможность узнать культурные явления (традиции, обычаи, способ поведения, мир ценностей) при помощи визуальных и вербальных средств, используемых в любом фильме. Носителями культурного содержания в пространстве фильма считаются следующие компоненты:

- диалогическая речь героев, передающая формулы речевого поведения, названия различных культурных явлений, представленных при помощи образов;

- визуальные представления – образы, сцены, передающие поведенческие стратегии, культурные реалии (обычаи, одежду, архитектуру и другие символы материальной культуры);

- музыка как эстетическое средство выражения «более высокой» культуры;

- заглавия как сжатые репрезентации смысла фильма в целом.

В дальнейшей части наших исследований сосредоточимся на последнем компоненте как носителе культурной информации – заглавии. Заглавие как фильма, так и любого другого произведения образует с основным текстом (в том числе фильмом) одно целостное пространство. Значит, содержание заглавия обусловлено содержанием текста. Этим объясняется факт, на который обращают внимание некоторые учёные, а именно: заглавие перевода не всегда является переводом самого заглавия [Lewicki, 1995, с. 354]. Если присмотреться нижеприведённым англоязычным заглавиям и их переводам на другие языки: *The yards* – (поль.) *Ślepy tor* (в дословном переводе: *Слепой путь*), *Danger movie* – (поль.) *Dzielna mysz* (в дословном переводе: *Храбрая мышь*), *The red sneakers* – (поль.) *Uwierzyć w siebie* (в дословном переводе: *Поверить в себя*), *Cold comfort* – (рус.) *Холодная девушка*, то замечаем неоспоримые расхождения на уровне формальной и семантической эквивалентности в заглавиях на исходном и переводном языках. Однако,

нельзя утверждать, что отсутствуют расхождения на уровне прагматической (функциональной) эквивалентности – присутствие такой эквивалентности в переводе заглавия фильма обнаруживаем в случае сравнения его с содержанием фильма, к которому он относится. Переводчики прибегают к прагматической адаптации перевода, руководствуясь имплицитно заложенными ожиданиями иноязычного зрителя, цензурными ограничениями или в последнее время также коммерческими взглядами. Независимо от заинтересованности в присвоении иной культуры, фильм все время считается рекламным продуктом, его заглавие должно способствовать достижению коммерческих целей, пользоваться большим успехом среди иноязычных зрителей, привлечь их внимание. Этим обуславливаются многочисленные культурные и языковые адаптации названий.

Однако, если вернуться к вышеперечисленным примерам и попытаться найти для англоязычных заглавий их эквиваленты на других языках, то оказывается, что имеем дело с различными вариантами перевода того же фильма. Например, заглавие *The yards* в переводе на русский язык получает эквивалент *Ярды*, в переводе на немецкий язык – *The Yards – Im Hinterhof der Macht*, на французский язык идентичный с английским – *The Yards*. Такие замечания позволяют выдвинуть следующую гипотезу: перевод заглавия фильма является обусловленным в культурном и языковом планах. Это означает, что каждое культурное пространство в силу культурных различий может руководствоваться своими правилами перевода, в том числе киноперевода, осуществляемого при помощи языка. Одновременно время глобализации предопределяет тенденцию к открытости к познанию явлений иной (другой) культуры. Для того, чтобы вполне убедиться в таком мнении, целесообразно использовать в настоящем исследовании в качестве иллюстративного материала английские заглавия и их переводы на другие языки, в том числе на русский и польский языки. Такой принятый порядок исследовательского материала обусловлен прежде всего большим количеством кинопродукций на английском языке, которые чаще других переводятся на другие языки. Сопоставление двух переводных версий поможет показать тенденции в переводе в двух культурных пространствах, степень сближения между культурами и языками, принимающими участие в процессе перевода.

Перевод проанализированных фильмов обнаруживает два типа иноного: языкового или культурного. Категория иноного на уровне языка проявляется в процессе переноса оригинального названия фильма в культурное пространство переводного языка.

Реализации языкового инога в заглавии фильмов служит отсутствие переводной версии оригинального названия. Как доказывают исследования польской учёной Ц. Галилей, число оригинальных заглавий кинопродукций на английском языке, которые не переводятся на польский язык, значительно увеличилось – в 2010 году составляло примерно 30 %, в то время как в 1990 г. – всего 15% [Galilej, 2012, s. 26]. Такому положению вещей способствует доминирующая в эпохе глобализации позиция английского языка. Прямой перенос оригинального названия понятен иноязычному зрителю. Такой приём считается скорее всего возможным в условиях совпадения алфавитных систем. Значит, прямой перенос английской версии как исходной возможен исключительно в случае, когда в переводном языке принят латинский алфавит. В условиях переноса такого заглавия на почву русского языка следует применить транскрипцию или перевод:

<i>английская версия</i>	<i>польская версия</i>	<i>русская версия</i>
Vicky Cristina Barcelona	Vicky Cristina Barcelona	Вики Кристина Барселона
Broadway Danny Rose	Broadway Danny Rose	Бродвей Дэнни Роуз
Manhattan	Manhattan	Манхэттен
Mission: Impossible	Mission: Impossible	Миссия: невыполнима
American beauty	American beauty	Красота по-американски
American hustle	American hustle	Афера по-американски

На основании вышеприведённых примеров видим, что в польской версии полностью переносится исходное заглавие, в русской же – наличествует транскрипция как способ передачи имён собственных (антропонимов, городских топонимов), в остальных случаях (*Mission: Impossible*, *Красота по-американски*, *Афера по-американски*) имеем дело с переводом, сохраняющим в двух последних примерах направленность на культуру оригинала. Сохранение в польской версии исходных английских названий, кроме упомянутой доминирующей позиции английского языка, может быть обусловлено многослойностью и вместе с тем многозначностью заглавия. Такая точка зрения считается оправданной, например, по отношению к заглавию фильма *American beauty*. Оригинальная версия фильма может, что было замыслом продюсера, рассматриваться в трёх значениях: 1. название сорта розы, 2. определение молодой девушки, стремящейся соблазнить мужа 3. отсылка к способу понимания американцами красоты. Возможность толкования

заглавия в трёх планах и одновременно опасение потери какого-либо из оттенков значения повлияла на то, что во многих европейских языках заглавие фильма существует в оригинальной версии. Фильм под заглавием *American beauty* известен в Германии, Испании, Италии, Франции и других странах (во Франции, добавим, существует также переводная версия *Beauté américaine*).

На основании многих наблюдений, сделанных в ходе анализа вышеприведённых примеров, можно заметить, что категория языкового инога в переводе заглавий англоязычных фильмов в ряде случаев сосуществует с культурным иным. Такая ситуация проявляется в наличии в переводной версии имён собственных, относящихся к культурному пространству языка оригинала. Ссылаясь на точку зрения Д.И. Ермоловича, напомним, что референция имени собственного – это отношение имени к индивидуальному объекту, которому присваивается такое имя [Ермолович, 2005, с. 10]. В случае иностранного имени (признак иностранного происхождения обнаруживается дополнительно в языковой форме) референтом считается также иностранный объект, как правило, в какой-то степени зафиксирован в фоновых знаниях получателями переводного фильма:

<i>английская версия</i>	<i>польская версия</i>	<i>русская версия</i>
The Wolf of Wall Street	Wilk z Wall Street	Волк с Уолл-стрит
Midnight in Paris	O północy w Paryżu	Полночь в Париже
The Purple Rose of Cairo	Purpurowa róża z Kairu	Пурпурная роза Каира
Joan of Arc	Joanna d'Arc	Жанна д'Арк
The Trial of Joan of Arc	Process Joanny d'Arc	Процесс Жанны д'Арк
Dallas Buyers Club	Witaj w klubie	Далласский клуб покупателей
The Great Gatsby	Wielki Gatsby	Великий Гэтсби

Польскому и российскому зрителю понятны такие названия, как *Уолл-стрит*, *Париж*, *Каир*, сразу переносящие его в сферу американских, французских или египетских реалий. В случае менее известного топонима или антропонима сохранение культурного и одновременно языкового инога достигается путём присутствия в структуре заглавия апеллятива, разъясняющего основной референт в виде индивидуального объекта (типа *County / hrabstwo / графство*, *Mountain* в английской и польской версиях):

<i>английская версия</i>	<i>польская версия</i>	<i>русская версия</i>
August. Osage County	Sierpień w hrabstwie Osage	Август. Графство Осейдж
Captain Phillips	Kapitan Phillips	Капитан Филлипс
Brokeback Moutain	Tajemnica Brokeback Moutain	Горбатая гора

Реализация культурного и вместе с тем языкового инога является возможной благодаря принятой стратегии экзотизации. Она находит отражение как в прямом переносе реалий, имён, так и внутрикультурной замене имени, результатом которой все время остаётся единица культуры оригинала:

<i>английская версия</i>	<i>польская версия</i>	<i>русская версия</i>
Oh, Boy!	Oh, Boy!	Простые сложности Нико Фишера
When you're strange	The Doors	Когда ты иной / Когда ты странный

В заглавии немецкого фильма на русском языке, переведённом по принципу целостного образования, обнаруживаем экзотизацию, так как в результате такой трансформации в переводной версии сохраняются элементы оригинальной культуры – имя и фамилия главного героя, бывшего студента, который пытается справиться со своими проблемами, слоняясь весь день по улицам Берлина и общаясь со случайно встречающимися людьми. Во втором примере в польской версии появляется метонимический перевод, т.е. появляется в нем название американской рок-группы The Doors, в то время как в английской версии имеем дело с цитатой из одной из песен, исполняемой рок-группой.

Высокую частотность сигналов культурного инога встречаем в переводе заглавий фантастических фильмов. Поскольку фантастические реалии, являясь, как правило, продуктом культуры оригинала, относятся к так наз. третьей культуре, т.е. культуре иной, чем культура исходного и переводного текстов, их присутствие уже в заглавии на языке оригинала выразительно ассоциируются с чем-то необыкновенным, новым иным, привлекающим внимание:

<i>английская версия</i>	<i>польская версия</i>	<i>русская версия</i>
The Hobbit: The Desolation of Smaug	Hobbit. Pustkowie Smauga	Пустошь Смауга -Хоббит.

The Hobbit: An Unexpected Journey	Hobbit: Niezwykła podróż	Хоббит: Нежданное путешествие
Shrek	Shrek	Шрек

С целью обеспечить ощущение фантастического пространства зрителям переводного текста уже на этапе первого контакта с фильмом, переводчики, как правило, сохраняют имена, отсылающие в какому-то ближе неизвестному фантастическому миру.

На основании вышесказанного можем актуализировать мысль, выраженную С.Г. Тер-Минасовой, которая справедливо замечает, что «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передаёт её из поколения в поколение» [Тер-Минасова, 2008, с. 79]. К такому пониманию функции языка в плане времени (от поколения в поколение) добавим другую, относящуюся в пространственному плану: язык при помощи культурных феноменов, в том числе заглавий фильмов, переносит культурные явления из одного культурного пространства в другое, обогащая его. Такие тенденции считаются возможными благодаря признаку, лежащему в основе процесса межкультурной коммуникации – открытости одного культурного пространства к другому. Конечно, между отдельными культурными системами, воспринимающими категорию иногo на уровне фильма, не всегда существует параллелизм в степени такой открытости, о чем свидетельствуют примеры тех переводных версий заглавий, где между польской и русской версиями по отношению к оригинальной наблюдаем различия, обусловленные, например, как можно предполагать, различными алфавитными системами, запросами зрителей или предпочтениями самого переводчика – (польск.) *Oh, Boy!* и (рус.) *Простые сложности Нико Фишера*, (польск.) *Tajemnica Brokeback Mountain* и (рус.) *Горбатая гора*, (польск.) *American hustle* и (рус.) *Афера по-американски* и др. Таким образом, подтвердилась гипотеза, выдвинутая в начале наших исследований: каждое культурное пространство в силу культурных различий руководствуется своими правилами перевода, в том числе киноперевода в плане выражения как культурного, так и языкового иногo.

Список литературы

- Ермолович Д.И.* Имена собственные: Теория и практика межъязыковой передачи / Д.И. Ермолович. М.: Р. Валент, 2005, 416 с.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (опыт лингвокультурного анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. М.: Водолей Publishers, 2004, 153 с.
- Тер-Минасова С.Г.*, Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова М.: Слово, 2008, 263 с.

Galilej, C. Z problematyki tłumaczeń anglojęzycznych tytułów filmowych // Roczniki Humanistyczne. Z.8 Lingwistyka korpusowa i translatoryka, red. D. Śliwa, Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2012, S. 15-29

Jarniewicz, J. Gościnność słowa. Szkice o przekładzie literackim / J. Jarniewicz Kraków: Wyd. Znak 2012, 284 s.

Lewicki, R. Tytuł jako obiekt przekładu // Rozprawy Sławistyczne, Lublin, 1995, nr 10, S. 354-362

Mocarz, M., Interkulturowość w przewodniku turystycznym. Studium o odbiorze inności w przekładzie / M. Mocarz Lublin: Wyd. KUL, 2011, 247 s.

Мухортов Д.С.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mukhortov Denis
Moscow State University
Moscow (Russia)

*О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЁМА КОНКРЕТИЗАЦИИ
КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РАЗНОЖАНРОВЫХ ТЕКСТОВ*

THE TRANSLATOR'S DEVICE OF CONCRETIZATION: MANEUVERING AROUND
LEXICAL SEMANTIC DIFFICULTIES IN TEXTS OF VARIOUS GENRES

В статье рассматриваются аспекты, связанные с конкретизацией значения слова в процессе перевода разножанровых англоязычных текстов на русский язык. Помимо прочего делается акцент на принципе лексико-семантического обновления языка, который требует от переводчика непрестанно отслеживать появление новых значений у известных слов, некоторые из которых до сих пор не зарегистрированы в словарях. Автор проводит идею о том, что способность находить точное межъязыковое соответствие слову с широким значением напрямую зависит от того, насколько богатым является синонимический ряд переводчика и как легко ему удаётся преодолеть распространённые стереотипы мышления.

The article examines aspects of concretization as an essential device of translating the word in texts of all sorts. Emphasis is laid on the idea of lexical semantic renewal of language which requires of the translator to stay current, watching changes in the meanings of many familiar words like *celebrate*, *stretch*, *attitude*, *embrace*, and *geek* and be ready to employ them in new meanings while translating texts from Russian into English and from English into Russian. The author points out that the ability of matching up a word with its foreign equivalent depends on the richness and flexibility of the translator's wordstock and the ease of defying linguistic stereotypes.

Ключевые слова: приём лексико-семантической конкретизации, перевод разножанровых текстов, принцип лексико-семантического обновления языка, межъязыковые соответствия полисемантов, синонимический арсенал переводчика, стереотипы мышления.

Key-words: English-Russian translation, concretization, the word's lexical semantic transformation, equivalent, meaning, stereotypical thinking.

Одним из основных навыков и умений профессионального переводчика является способность безошибочно производить лексико-семантическую замену единицы исходного языка, имеющей более широкое значение, единицей переводящего языка с более узким значением, именуемую в переводоведении «конкретизацией» [Комиссаров, 2004, с. 408].

Необходимость использования данного приёма обусловлена существованием в языке десемантизированной лексики, т.е. слов с ослабленным вещественным значением, каждое из которых может служить заменителем многих других слов.

Так, *case* в разных контекстах подразумевает под собой «случай, обстоятельство, положение дел, довод, аргумент, точка зрения, ситуация», *piece* – «кусок, часть, осколок, огрызок, штука, шахматная фигура, монета, образец», *thing* – «вещь, произведение, предмет, нечто самое важное, материал, тип», *stuff* – «материя, ткань, вещество, чепуха, хлам, штукovina, бодяга, лекарства, наркотики, оснащение».

Объём лексического значения у подобных слов настолько широк, что у переводчика нет возможности опираться на какое-либо одно значение или хотя бы ограниченный набор значений данной лексической единицы. Основным разрешением в данной ситуации является контекст. Он служит тем средством, которое снимает у многозначной единицы все её значения, кроме одного.

Любое, казалось бы хорошо знакомое, слово в зависимости от контекста может иметь совсем иное значение. Например, *community* определяется в словаре как: 1) община, 2) общество, 3) население, группа населения, 4) круги, 5) сообщество, объединение, 6) сотрудничество, 7) общность. Однако перевод этого слова зависит от микроконтекста:

- *the interests of the community* – интересы общества;
- *black community* – негритянское население;
- *financial (business) community* – финансовые (деловые) круги;
- *European Economic Community* – Европейское экономическое сообщество;
- *technological community* – техническое сотрудничество;
- *community of goods* – общность владения имуществом;
- *community of interests* – общность интересов.

Для публицистического стиля английского языка характерно многократное употребление глагола *to say*: *he said, said Irwin, Kennedy said*. При переводе же на русский язык постоянно приходится как бы уточнять широкое значение этого слова и в зависимости от контекста переводить его глаголами «спросить», «ответить», «возразить», «добавить», «продолжить» и так далее, хотя в английском языке все эти глаголы имеются: *to ask, to reply, to retort, to add, to go on*.

Эта тенденция распространяется и на научный стиль. Приведём показательный пример:

Comparisons between 'Foreign-Talk' and 'Talk to the Deaf' **show** that they are the outcome of the speakers' cooperative strategies to control conversational disruptions caused by specific impairments in addressees. The analysis in terms of 'simplified register' proposed by

Ferguson is **shown** to be ethnocentric view of FT coinciding with third-party perception.

Comparisons between experienced and inexperienced professionals **show** that FT and DEFT are not 'ready-made' solutions.

Comparisons between English and French FT **show** that interactional disruptions caused by non-talkers affect the form of turns in the same way independently of the language of the dominant speaker.

The timing and the distribution of pauses in FT are **shown** to be the reflection of the collaborative work of both participants over reference. (*Esch, Edith Marie. Native/Non-Native Interaction: Foreign-Talk. Open University (United Kingdom), 1993.*)

В данном тексте, представляющем собой аннотацию диссертации, тиражируется один и тот же глагол, и это убедительно доказывает, что английский язык терпеливо относится к тавтологии, чего нельзя сказать о русском. Поэтому в каждом новом случае нам потребуется называть этот глагол новым словом: «показывает», «доказывает», «подтверждает», «иллюстрирует».

Приём конкретизации можно охарактеризовать как подбор при переводе более точных или конкретных соответствий, или оттенков значений, чем те, которые можно найти в двуязычных словарях.

В данной связи заслуживает упоминания слово "handsome"⁷², которое уверенно трактуется русскоязычными учащимися исключительно как определение мужской красоты и, как следствие, выбор в его пользу при переводе делается крайне редко. Однако, это самое обычное заблуждение. На первой же странице романа Джейн Остин «Эмма» мы встречаем следующее описание: "*Emma Woodhouse, handsome, clever, rich, with a comfortable home and happy disposition, seemed to unite all the best blessings of existence*". – «Эмма Вудхауз, наделённая красотой, умом, богатством, хозяйка прекрасного дома и обладательница счастливого характера, казалось, олицетворяла собой все то лучшее, что только может даровать человеку его земное существование».

По утверждению З.Я. Красневской, когда *handsome* описывает женскую красоту, «оно теряет какую-то часть своей эмоциональной окраски и указывает только на правильность пропорций фигуры женщины или на правильность черт её лица. К тому же чаще всего (в классических произведениях – Д.М.) оно употребляется в описании внешности женщин и девушек, которым за тридцать» [Красневская, 2007, с. 89].

---

⁷² См. работу З.Я. Красневской, 2007, С. 88-89.

В романе Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» читаем: “*She was twice as handsome as Becky*”. – «Она была в несколько раз привлекательнее Беки».

Или вот ещё пример из Томаса Гарди: “*Would you describe that lady as beautiful or handsome?*” – «Как вы думаете, эта женщина красива или просто хороша собой?»

Стилистическая нейтральность этого слова прослеживается в таких контекстах, как: “*A handsome, bilingual secretary who types efficiently can always get a good job*” – «Если секретарша, не лишённая привлекательности, владеет двумя языками и быстро печатает, ей всегда можно будет найти себе хорошую работу».

Кстати, спектр значений прилагательного *handsome* не ограничивается мужской и женской красотой. В зависимости от контекста оно может означать:

- «красивый, впечатляющий; величественный» (*a handsome colonial house* – красивый дом в колониальном стиле);
- «приличный, крупный, значительный» (*He managed to make a handsome profit out of the deal* – Ему удалось извлечь крупную выгоду из этой сделки);
- «дорогостоящий» (*There are some handsome prizes to be won* – Можно выиграть какой-то ценный приз);
- «впечатляющий; выдающийся; важный» (*They won a handsome victory in the elections* – Они одержали впечатляющую победу на этих выборах).

И, конечно, значение «красивый» – безотносительно пола характеризуемого лица – в известной поговорке *Handsome is as handsome does* («судят не по словам, а по делам»; «по-настоящему красив лишь тот, что красиво поступает»).

Этот пример выявляет серьёзную проблему в процессе обучения переводу, когда известное значение довлеет над человеком и блокирует ему выход к другим лексико-семантическим вариантам. В данной связи студенту следует посоветовать вести картотеку значений того или иного общеупотребительного слова и при случае заменять какое-то «заезженное» слово новым, нестандартным, способом.

Задачу быть «конкретным» в проявлении своих мыслей и эмоций на английском языке помогают решить такие пособия, как “*A Cure for the Common Word: Remedy Your Ailing Vocabulary with 3,000+ Vibrant Alternatives to the Most Overused Words*”, автор K.D. Sullivan. Подобные книги призывают нас задуматься о том, что наш язык становится более бесцветным, беззвучным, безвкусным, если мы из раза в раз употребляем одни и те же слова для выражения чувств и ощущений таких же разных, как сама жизнь.

“How did you like this book?” – спрашиваем мы порой, а в ответ слышим: “Interesting”. И все. Без комментариев, без уточнений. Значит ли это, что человек прочитал книгу от корки до корки за один день или растянул чтение на несколько месяцев, потому что не подвернулась другая книжка, «более интересная». А может быть, напротив, он имел в виду, что это произведение заставило его задуматься о своей жизни, и оно созвучно его жизненным принципам и интересам? Конечно, то, что не доскажет слово, дополнит интонация, с которой оно произнесено. Однако в письменной речи интонации нет, здесь нужно быть предельно точным. Уровень языковой компетенции человека порой можно определить одним словом. Почему бы не попробовать вместо “interesting” любой другой вариант? Наша речь только выиграет от этого: “engrossing”, “absorbing”, “compelling”, “fascinating”, “intriguing”, “riveting”, “gripping”, “inspiring”, “stirring”, “thought-provoking”, “magnetic”.

В качестве ещё одного примера рассмотрим предложение с не менее затёртым словом “difficult” [Sullivan, 2007, p. 51]: *Romantic relationships can be difficult*.

Несмотря на то, что данное слово ёмкое, многозначное, его ценность в речи минимальна. Собеседнику оно сообщает лишь отрицательную коннотацию, а вот реальный подтекст скрывает. Рассмотрим несколько альтернативных вариантов и попробуем придать точности высказанной эмоции:

complex	Some relationships can be so complicated or intricate that they’re hard to understand or deal with;
enigmatic	Relationships can be baffling, puzzling, and mysterious, which may be a positive to some people;
entangled	Relationships can be intertwined with difficulties, including anything from emotional to logistical complications;
mysterious	Relationships can involve secrets or unexplained aspects, which may have a positive or negative connotation;
perplexing	Relationships can be confusing and marked with uncertainty or doubt;
problematic	Relationships can make great mental demands that seem hard to comprehend, solve, or even believe;
thorny	Relationships can be full of difficulties and complexities; <i>thorny</i> clearly has a much more negative connotation.

И это только семь вариантов. А сколько их ещё: “knotty”, “intricate”, “labyrinthine”, “ticklish”, “unfathomable”, “obstinate”, “meandering”, “confounding”, “abstruse”?

Вывод из вышесказанного прост: с помощью конкретизации речь оживает, говорящий точно указывает оттенок в целой палитре контекстуально заданных чувств или эмоций.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что язык не стоит на месте, частотность одних слов и значений заставляет другие, пусть общеупотребимые и хорошо известные, слова и значения уходить на второй план. Данный принцип лексико-семантического обновления языка также является одним из важных ориентиров для начинающих переводчиков, и о нем необходимо помнить особенно тогда, когда английский язык для тебя неродной. В качестве доказательства этой идеи можно обратиться к новому бестселлеру известной переводчицы Линн Виссон «Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке», в котором наглядно показано, как всем известные слова развивают новые значения. Рассмотрим несколько примеров [Виссон, 2010, с. 15].

Модное слово “**snark**” и его производное “**snarky**” сегодня означает что-то едкое, крайне саркастическое и недоброжелательное: *“I repeatedly defend all of us against the anonymous snarking rant directed against individuals on the Internet”*.

“**Attitude**”, обычно обозначающее подход или отношение к чему-либо, на жаргоне афроамериканцев приобрело значение «чувство агрессивного превосходства, надменности» или просто «гонор»: *“Oh, those young actors know they’re famous, and they definitely get an attitude”*.

Вместо “get” и “take” в значении «схватить» чаще употребляется глагол “**grab**”, подчёркивающий быстроту действия под прессом времени: *“Under the leadership of the new coach the team grabbed six championships”*.

Глагол “**squeeze**” в качестве существительного стал «подружкой»: *“He just broke up with his new girlfriend of six years two weeks ago, and now he’s already got a new squeeze and he’s madly in love with her”*.

Другое популярное слово “**edgy**”, всем известное в значении «напряжённый, нервный, раздражительный», по словам Линн Виссон [Виссон, 2010, с. 47], «вылиняло до неузнаваемости» и стало обозначать «модный», «последний писк моды»: *“This was a really edgy shoe style, with three and a half-inch heels and an open toe”*.

Слово “**geek**” стало употребляться в значении «фанат», вытесняя «чудака, придурка или ботаника»: *“I have been a guitar geek since I was 13 and enjoy everything about the instrument”*.

Метаморфоза произошла и с глаголом “**celebrate**”, в ряде случаев он может переводиться как «воспевать», «прославлять», «превозносить», «приветствовать», «чествовать», а иногда и как «испытывать удовольствие, быть довольным чем-либо»: *“We*

celebrate his decision to be involved in our cause”, “*The USA really does allow you to celebrate who you are*”.

Другой глагол – “to **embrace**” – ушёл далеко от своего первоначального «обнять» и приобрёл огромное количество нюансов. Например, «принимать что-л., увлекаться чем-л., браться за что-л.»: “*Anne was raised a Baptist, but when she was 18 she embraced Zen*”; «приветствовать, одобрять, поддерживать, положительно реагировать на что-л.»: “*A top Cuomo aide urged labor leaders to refrain from embracing Caroline Kennedy for the job*”, “*This charity embraces all acts that contribute to animal welfare*”, «примириться, больше не бороться против»: “*It’s all about embracing our differences and imperfections and seeing them as beautiful and acceptable*”, “*If you feel angry, embrace it*”.

Все это свидетельствует о том, что проникновение новых значений в современный английский язык происходит «с необычайной быстротой и в необъятном масштабе», и переводчику необходимо постоянно держать руку на пульсе времени, обращая внимание на семантический потенциал слова.

Особенно значимым является приём «экспрессивной конкретизации»⁷³, суть которого заключается в выборе наиболее точного, стилистически маркированного слова для выражения какого-либо признака или действия. Данный выбор чаще всего осуществляется при переводе публицистических материалов или художественных произведений. Сравните следующие варианты перевода предложений: «Из хвоста паровоза валил чёрный дым» и «Огонь подбирался к бакам с бензином»:

- Black smoke was *coming out* of the rear of the engine vs Black smoke *belched out* of the rear of the engine;
- Flames were *reaching* the petrol tanks vs Flames *licked* the petrol tanks.

В обоих случаях наиболее удачным является второй вариант, поскольку для текстов, реализующих функцию эмоционально-эстетического воздействия, первоочередную значимость составляют именно такие выразительные слова, как *belched out* и *licked*.

Или, наоборот, при переводе с английского языка на русский бывает так, что использование в переводе таких общих слов, как в оригинале, может оказаться неприемлемым для описываемой ситуации. В.Н. Комиссаров в одной из своих работ приводит яркий пример.

---

⁷³ О приёме «экспрессивной конкретизации» подробно говорится в книге Я.И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика», изд-во «Р. Валент», 2004, с. 133.

В романе Ч. Диккенса «Давид Копперфилд» есть такой эпизод. Мать мальчика Дэви, от лица которого ведётся повествование, сидит одна в полутёмной комнате, глубоко задумавшись. Внезапно в комнату с шумом врывается её эксцентричная тётушка, испугав неожиданным появлением погруженную в раздумье женщину. И вот как это описывается в романе: “*My mother had left her chair in agitation and gone behind it in the corner*”. Английские глаголы *to leave* и *to go* не могут быть здесь переведены с помощью соответствующих русских глаголов «оставить» и «пойти». Неприемлемость перевода «Взволнованная матушка оставила своё кресло и пошла за него в угол» очевидна. В русском языке столь конкретная эмоциональная ситуация не описывается подобным образом. Обеспечить эквивалентность перевода можно путём конкретизации указанных глаголов: «Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась в угол позади его» [Комиссаров, 2004, с. 161].

Приёму конкретизации учат тезаурусы типа Longman Language Activator (LLA). Например, нам необходимо перевести высказывание типа: «Когда она разговаривает по телефону, она вечно что-то рисует». Эквивалентом «рисует» вряд ли может быть глагол *to draw*, ведь речь идёт о действии, которое человек производит неосознанно, от скуки или от волнения, поэтому нужно обратиться к лексико-семантическому навигатору, которым и является LLA.

Открываем в LLA словарную статью ключевого глагола *draw*, и перед нами появляются: *draw, sketch, doodle, scribble, trace*. Просмотрев значения каждого из них, становится ясным, что нам требуется *doodle*. В итоге перевод становится точным: *When she’s talking on the phone, she’s always doodling*.

Как и в случае с любым тезаурусом работа с LLA времяёмкая, однако она вознаграждает переводчика находкой удачного эквивалента, и это приносит радость и истинное удовлетворение.

Конкретизация происходит не только на уровне слова, но и на уровне морфемы. Так, при переводе “*my baby’s table*” следует говорить «столик моего ребёнка», а не «стол», “*my daughter’s book*” – «книжка моей дочурки» (если это маленькая девочка и по контексту можно и нужно использовать уменьшительно-ласкательный суффикс) и т.д.

Приведём пример из статьи о годовалой Луизе, которую собираются удочерить [Feeling Wanted. The Guardian, by Saba Salman, June 27, 2001].

*Louise has been in foster care since her young, single mother gave her up for adoption at birth. Her right **foot** is slightly malformed and will need minor corrective surgery and physiotherapy over the next two years, but she is expected to develop into a healthy child.*

Перевод: «Луиза находится в приюте с рождения: от неё отказалась её мать, молодая незамужняя женщина. У девочки деформирована правая **ножка** и, чтобы исправить это, ей потребуется небольшая операция и в последующие два года – курс физиотерапии».

В данном случае было бы нелепостью сказать «правая нога», поэтому приём конкретизации – применяемый на морфологическом уровне – помогает найти единственно правильный вариант перевода – «правая ножка».

Подводя итог вышесказанному, хочется подчеркнуть, что данная лексико-семантическая трансформация является важным подспорьем при работе с переводом и овладение ею делает перевод адекватным и эквивалентным. Начинающему переводчику необходимо расширять свой лексический запас, причём активно применять свои знания на практике; не просто смотреть фильмы на английском языке или читать художественную и публицистическую литературу, а обращать внимание на появляющиеся значения у многих известных слов, подмечать их, выписывать, заучивать и при случае заменять стереотипные способы выражения мысли на идиоматически уместные, стремиться преодолевать притяжение слова, отходить от буквализмов и обретать свободу в переводе разножанровых текстов.

Список литературы

- Виссон Линн.* Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. М.: Р. Валент, 2010.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004.
- Красневская З.Я.* Правда о переводе: этюды о работе переводчика с английского. М.: Изд-во деловой и учебной лит., 2007.
- Мухортов Д.С.* Практика перевода: Английский, русский. М.: Либроком, 2012.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004.
- Sullivan, K.D.* A Cure for the Common Word: Remedy Your Ailing Vocabulary with 3,000+ Vibrant Alternatives to the Most Overused Words. McGraw-Hill, 2007.
- Longman Language Activator. Pearson Longman, 2007.

Ордабекова Х.А.
Университет им. Сулеймана Демиреля
Куркебаев К.К.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алмата (Казахстан)

Ordabekova Khafiza
University Suleyman Demirel
Kurkebaev Kenzhetay
Kazakh National University. Al-Farabi
Almaty (Kazakhstan)

*ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ С
КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

LINGUISTIC FEATURES OF TRANSLATION OF FINE TOOLS WITH A KAZAKH
LANGUAGE IN RUSSIAN

В статье всесторонне рассматриваются вопросы перевода изобразительных средств лингвопоэтических текстов на русский язык, а также теоретические вопросы социальной коммуникации в письменной или устной формах речи. Также в статье говорится о том, что система художественного, изобразительного мышления этноса находит отражение посредством изобразительных средств, а в процессе перевода изобразительных средств у иноязычного читателя не должно возникнуть противоречий в языковом сознании. Переводчик должен понимать взаимосвязь культурных лагун в тексте оригинала и перевода. В статье всесторонне анализируются когнитивные и лингвистические знания, коммуникативная компетентность переводчика, его знания относительно уровня восприятия читателями.

В статье также говорится о необходимости лингвистического разъяснения изобразительных образов, национальной символики, сложившихся национальных стереотипов чужой культуры в тексте перевода или лингвокультурологического разъяснения, дополняющего суть текста. В статье посредством конкретных примеров из художественных текстов приведен анализ таких изобразительных средств, как эпитет, синекдоха, метафора, переносное значение слов, варианты переводов данных изобразительных средств на русский язык разъясняются транспозиционным и семантико-функциональным способом.

This article comprehensively addresses the translation of figurative means lingvopoeticheskikh texts in Russian language, as well as theoretical issues of social communication in written or oral forms of speech . The article also says that the system of art, visual thinking is reflected by ethnic representational resources, and in the transfer of funds from foreign-language Fine reader should have no contradictions in the linguistic consciousness. The translator must understand the relationship of cultural gaps in the original text and translation. The article comprehensively analyzes the cognitive and linguistic knowledge , communicative competence interpreter, his knowledge about the level of perception of readers. The article also refers to the need of linguistic clarification visual images, national symbols, the prevailing national stereotypes of foreign culture in the translated text or linguistic and cultural explanations, supplementing the essence of the text. The article by specific examples of literary texts is an analysis of pictorial means, as an epithet, synecdoche, metaphor, figurative meaning of words , translation data pictorial means in Russian explained transposition and semantic- functional way.

Ключевые слова: метафора, метонимия, концептуальная метафора, этнокультурный код, мотивация.

Key words: metaphor, metonymy, conceptual metaphor, ethnocultural code, motivation.

Язык и речь в речевой деятельности людей составляют сложную диалектную единицу. Язык является средством создания взаимоотношений, формирования мысли, передачи мысли в процессе речевой деятельности. А речевая деятельность (как психофизиологический процесс возбуждения и восприятия речи), в свою очередь, подчиняется языковым закономерностям, используя слова в определенной категории, при помощи лексико-грамматических и стилистических средств связывает их в предложении. Под воздействием каких-либо факторов (интра и экстралингвистических) способствует изменению языка и совершенствует его. Таким образом, языковая система на основе речевого процесса всегда находится в развитии, посредством этого преобразовывается и обновляется.

Функция коммуникативного действия (собрание, обобщение, номинация и познание) осуществляется посредством речевой деятельности. *Языковая коммуникация*, обеспечивающая воспроизведение мысли, информации, составляет основу речевой деятельности. Человек посредством речевой деятельности оказывает воздействие на сознание, чувства, мысли адресата. И устная, и письменная формы речи применяются в качестве средства достижения определенного результата в процессе коммуникации. Любое произносимое слово или воспроизводимая мысль не может осуществляться без *мотивации, цели*. Для успешной коммуникации человеку в независимости от страны его проживания необходимо не только обладать хорошими знаниями иностранного языка, но и принимать своего собеседника как носителя чужой культуры, имеющего свой духовный мир, свое мировосприятие. Владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур. Культура – это набор «кодов», которые предписывают человеку то или иное поведение, оказывая на него, тем самым, управленческое воздействие. Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она вынуждена постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. Это обращение к другим культурам получило название «взаимодействие культур». В этом взаимодействии очевидным фактом является общение культур на разных «языках» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 45].

В культурной антропологии эти взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная коммуникация», которая означает обмен между двумя и более культурами и продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных

культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации.

Согласно традиционному мировоззрению казахов, честь и достоинство превыше смерти, эти основополагающие, жизненно важные качества рождаются вместе с человеком, развиваются вместе с ним, эти исконные качества «впитались в кость (в русском варианте: в кровь)»: «*сүйекке сіңген*»; такую же смысловую нагрузку несут контекстуальные словосочетания «*сүйекке таңба түсіру*», «*сүйекті қорлау (нанести оскорбление всему роду)*». Как постоянные константы казахской языковой картины мира, они в силу своей метафоричности и универсальности плана содержания и плана выражения занимают устойчивое место в системе духовных ценностей казахского народа.

Любой вид передачи информацией между народами мира происходит при помощи переводческой деятельности. В целом, лингвистика и переводоведение стали изучаться в одном русле только во второй половине XX века. Относительно перевода имеется ряд трудов, написанных А. Сатыбалдиевым, С. Талжановым, З. Турарбековым, А. Алдашевой, Ж. Жакыповым, Ж. Самитовым и другими учёными. В данных работах основной упор делается на изучение проблем художественного перевода.

Как известно, большинство из художественных слов, имеющих особенную прагматическую окраску, используется на основе тропов. Они (тропы), изображая художественный образ в соответствии с выражением идеи автора, отражают его взгляды, национальное мировоззрение, эстетический вкус и мастерство употребления художественного слова. Профессор Е. Жанпейсов утверждал: «Писатель использует изобразительные средства, придавая им различную художественную окраску. В этой связи простые слова разговорного стиля, пословицы и поговорки, эпитеты и сравнения, другие все изобразительные языковые средства приобретают новое значение в соответствии с идейным и тематическим содержанием произведения, благодаря чему усиливается его стилистическая функция» [Жанпейсов, 1968, с. 17]. Так, изобразительные средства в языке художественных произведений имеют этнокультурное содержание, приобретают новое значение, являются средством, служащим в целях возвышения, украшения идеи писателя. На основе сравнения текстов перевода с текстами оригинала можно получить информацию о близости их содержательного и структурного уровня, способах достижения соответствия, о сходствах и различиях в использовании изобразительных средств, о способах их образования в двух языках.

Любой носитель определённого языка должен хорошо знать значения языковых обозначений, уметь донести понятийное содержание в сознании, взаимосвязывая между собой языковые единицы. Значение языковых знаков должно одинаково восприниматься в звене адресант-сознание и адресат-сознание. Это является одной из предпосылок успешного проведения языковой коммуникации. То есть наряду с лингвистическими знаниями переводчика, ему необходимо овладеть и *системой отраслевых знаний*. Следовательно, в основу должно быть взято восприятие реальной действительности в общем понятии, в схожем значении адресатом и адресантом, являющиеся центром языковой коммуникации. О необходимости овладения системой отраслевых знаний в процессе перевода А. Мейе говорил: «Пока носитель какого-либо языка не станет учитывать условия жизни народа, ему невозможно будет понять языковую систему» [Мейе, 1954, с. 8]. К примеру, не имея информации о том, в каких случаях, в какой среде применяется языковая единица «До свидания», на какое время нужно прощаться, к кому обращено это выражение, какими жестами оно сопровождается, его применение будет сравнительно бесполезным.

Система художественного, изобразительного мышления любого этноса находит отражение посредством изобразительных средств. В процессе перевода изобразительных средств у иноязычного читателя не должно возникнуть противоречий в языковом сознании. Следовательно, переводчик должен понимать взаимосвязь культурных лакун в тексте оригинала и перевода. Это, в свою очередь, зависит от когнитивных, лингвистических знаний, его коммуникативной компетенции переводчика, насколько он знает уровень отраслевых знаний воспринимающего читателя. В иностранных языках нет лингвострановедческих единиц и определяющие их понятий, а в соответствии с основным содержанием лингвокультурологических познавательных единиц в иностранном языке найдется его эквивалент, однако оно найдет отражение в ином языковом применении. К примеру, лингвокультурологическую единицу «*қой аузынан шөп алмас*», передающее значение кроткого, смиренного человека, можно передать культурной единицей русского языка «*мухи не обидет*».

Также лингвокультурологическую единицу «*төбесі көкке жету*», которая обозначает большую радость, можно перевести как «*быть на седьмом небе*». А как передать значение лингвострановедческих единиц, не имеющих эквивалента в иноязычной культуре: *ақ қиізге көтеру, ақ арулап көму, ақ түйенің қарны жарылды,*

жүрек жалғау и т.д. Иносказательное значение таких лингвострановедческих единиц передается в скрытой форме. Бесспорно, что в тексте имеется этнокультурная информация свойственная определенной нации. Переводчик, передавая изобразительные образы, национальную символику, сложившиеся национальные стереотипы чужой культуры в тексте перевода, дополняет лингвистическим описанием или лингвокультурологическим разъяснением, дополняющим суть текста. К примеру, передать значение этнокультурной единицы кызыра (кыдыра), который в народных легендах обычно изображается как седобородый старик, можно будет следующим образом: *«по народному поверью, приносящий счастье и помогающий в трудностях человек, почетный старец»*, а значение понятия *саба* – как *«большой бурдюк из конской сыромятины для приготовления и хранения кумыса»* [Кожаметова и др., 1988, с. 212].

Перед переводчиком, работающим с иноязычным текстом, могут возникнуть проблемы непонимания культурных знаков, изображающих духовные и материальные ценности той или иной нации, вследствие чего ему будет трудно воспринимать содержание текста. Такие языковые единицы, отражающие национальные особенности культуры, называют разными терминами: «культурные скрипты» (А. Вежбицкая), «лакуны» (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина). Для перевода таких культурных лакун, от переводчика требуется языковая компетентность, овладение на определенном уровне национальной культуры и реалий, в противном случае наличие в тексте культурных лакун приведет к затруднениям в восприятии и понимании содержания текста.

По этому поводу А. Алдашева предъявляет следующие требования к переводческой деятельности переводчика:

– знать информацию общей направленности;

в совершенстве знать лексико-грамматическую структуру обоих языков [Алдашева, 1988, с. 74]. Синкретные эпитеты (гиперболические метафоры), передающиеся в форме определяющих и определяемых слов в структурном плане, метафорические эпитеты, как *«тас жүрек – каменное сердце»*, *«қыр мұрын прямой нос»*, *«қыпша бел – тонкая талия»*, *«қолаң шаш – длинная коса»* в русском, английском языках имеют модель Adj + noun = like, as, as if + noun.

Сравните: *арыстандай өкіру* (реветь как лев), *ботадай боздау* (рыдать как верблюжонок), *аш қасқырдай* (*голодный как волк*) и т.д. В казахском менталитете сила, крепость, смелость, героизм мужчин сравниваются с физическими свойствами домашних животных, либо диких животных и птиц (лев, тигр, волк, ловчие птицы). Например: Бас

сүйегі күл-талқан боп, миы әр жерге шашырап кеткен аяулы бидің *нардай денесін* алдарына әзер өңгеріп, Орда-Базарға қарай беттеді (И.Есенберлин). В данном примере *нар* (одногорбый крупный верблюд) выполняет функцию эталона сравнения.

Эпитет – распространённый способ передачи художественной мысли. *Ақ маңдай, аппақ жұмыр мойнына, қолаң жібек шашына бетінің үлбіреген қызылы соншалық жарасып тұр* (М.А. Путь Абая). Перевод: *Открытый лоб, мягкая линия белоснежной шеи, густые волосы, черные волнами падающие на спину, – все сливалось в один чудесный облик.* В тексте перевода эпитеты *қолаң шаш, ақ маңдай* передаются как обычные вольные сочетания слов (*густые волосы*). Несмотря на то, что эти фразические единицы потеряли свою экспрессивность *мягкая линия белоснежной шеи*, необходимо отметить, что фраза в тексте оригинала и перевода передает одинаковое их значение. Одним из изобразительных средств, используемых в художественных произведениях, является синекдоха. Это изобразительное средство, применяемое в художественном произведении для передачи художественности, образности мыслей посредством обозначения части вместо целого и наоборот, целого вместо части. *Құнанбай бүгін көпке дұшпан көзі болса да, бұндайлық азаматқа аяныш керектігін айтты* (М.А. Путь Абая). В данном примере в качестве синекдохи можно указать на единицы *көп* (халық, ел) – большинство, *дұшпан көзі* (бүтіннің бөлшегі) – сглаз врага (часть вместо целого). Рассмотрим вариант перевода данного отрывка: *Кунанбай сегодня для отвода глаз льет крокодиловы слезы об участии Базаралы.* Языковые единицы, переданные синекдохическим способом в тексте оригинала, в тексте перевода были переданы изобразительным средством «для отвода глаз», это усилило экспрессивность содержания текста, но вызывает сомнения передача второго компонента предложения фразеосочетанием *льет крокодиловы слезы*. Несмотря на то, что это фразеосочетание, которое было использовано в тексте перевода, передает образность мысли, несомненно, что такое поведение не свойственно такой крупной личности как Кунанбай. Таким образом, это показывает, что переводчик не смог до конца понять личность Кунанбая.

Также к изобразительным средствам, использующиеся в художественных произведениях, относятся и метафорические явления. Известно, что метафорические явления являются культурными знаками, которые образуются в тесной взаимосвязи с особенностями национального мышления, мировоззрением народа. Метафоры являются изобразительными языковыми средствами, наиболее часто применяемые в художественных произведениях как один из видов тропов. Роман писателя А. Нурпеисова

«Последний долг» был переведен на русский язык Герольдом Бельгером и Анатолием Кимом. При сравнении структурно-семантических систем текста оригинала романа А. Нурпеисова «Последний долг» с текстом перевода мы сталкиваемся с трудностями, ставшими на пути у переводчиков в процессе передачи метафорических явлений. Конечно, в процессе перевода их можно заменить нейтральными словами, однако для сохранения высокопарного стиля необходимо максимально использовать экспрессивные средства русского языка. Приведем пример из текста перевода: Сол дал-дұлы шыққан дода-дода бұлт арасынан шара табақтай толық **айдың бозамық жүдеу реңі** бір көрініп, бір жоғалып қараңғы мен жарық кезек алмаса бастады (с. 257). И тут, между разрывами туч вдруг сверкнул **испуганный лик** далекой луны (с. 225). «Метафору в тексте оригинала *бозамық жүдеу реңі*, которая имеет значение слабый, бесцветный, переводчик хотя и передал сочетанием *испуганный лик*, все же основная идея оригинала потеряла свою изобразительность, художественность. *Жаңа гана аңыраған ашық теңіз үстінің айқай желі улап-шулап, толқындар гүрілдеп-сарылдап, көзге тұртсе көрінбейтін тас қараңғы тун бүкіл бар дүниені буып тұрған-ды* (с. 257). Перевод: Дико завывал и гудел приаральский шквальный ветер, ревели волны, глухой вселенский круг тьмы **наложил тяжкие оковы на весь огромный бушующий мир**; но когда внезапно, робко проблеснул лунный свет, и на миг из черного небытия призрачно выступила огромная льдина, унесенная штормом, налетевшим в ненастное **предночь** (с. 225). Метафора, использованная в оригинале *дүниені буып тұрған-ды*, была переведена на русский язык таким образным, впечатляющим метафорическим средством **наложил тяжкие оковы на весь огромный бушующий мир**. В данном случае для достижения коммуникативно-функционального равновесия обоих текстов способ транспозиции целенаправленно изменил языковые параллели, предлагаемые словарем, были найдены другие эквиваленты», – утверждает Ж. Омирбекова [Омирбекова, 2007, с. 72].

Нелегко найти соответствующий эквивалент изобразительным средствам в тексте перевода, поэтому их можно заменить другими словами (фразами, сочетаниями), имеющие схожее значение, конкретизирующие стилевую функцию языковых единиц в тексте оригинала, раскрывающие их эмоционально-экспрессивное значение. На основании вышеприведенных примеров мы видим, что переводчики используют способ транспозиции. Транспозиция в широком значении обозначает замену любой языковой формы. А в переводе реализуется посредством сравнения семантических или функциональных функций языковых единиц.

В языковой системе словосочетание, в котором одно слово замещается другим, обозначающим предмет (явление), находящийся в той или иной связи с предметом, который обозначается замещаемым словом, называется метонимией. Метонимия является средством передачи мысли в художественном и образном виде. *Және Бөжеймен бас қосып, табысатын осы үй, осы үйдің қара шаңырағы бопты* (Ауэзов М. Путь Абая). перевод: *Сбор и окончательное примирение с Божеем будет у вас в большой юрте.* Сочетание *қара шаңырақ*, имеющее для казахов священное, святое значение, при переводе на русский язык утратило свою культурную информацию, было передано обычной языковой единицей. Слово *шанырақ* в сопоставительном словаре казахско-русского языков обозначает «верхний круглый остов юрты». При сочетании слова *шаңырақ* со словом *қара* оно вновь обретает смысл святости и священности. Это понятие не нашло отражение в тексте перевода. Считаем, что переводчик должен был передать значение этой лингвокультурологической единицы посредством лингвокультурологического разъяснения «дом предков, и их прямых потомков; уважаемый и почитаемый дом» [Кожаметова, 1988, с. 118].

Одной из трудностей, встречающейся на пути переводчика, является возникновение особенностей в семантике языковых единиц в отношении создания языковой картины мира, свойственной каждому народу или нации. Например, обратим внимание на применение слов казахского языка *қол* и английского *arm* в контексте. В одном из уставов бронетанковых войск США написано: «*Armor is an arm of speed and violence*» (дословный перевод: Оружие – средство жестокости и резвости). А точное объяснение и перевод этой фразы могут дать только отдельные лица, имеющие специальное военное образование: «*Бронетанковые войска – вид войск, проводящих высокие тактические маневры и смелых приемов сражения*». Здесь говорится об изменчивости, преобразовании в контексте значений конкретных слов, слов-синтагм, формирующих отрывки речи. В данном примере слово *қол* – рука передает значение не части тела человека, а в английском языке обозначает понятие «средство», «раздел» в образно-ассоциативном виде. А форма «*armog*» переведена как «оружие» в значении «броня», «крепость». Английское слово *Armog* было заимствовано из латинского языка. В латинском языке оно звучит как «*armatura*» и обозначает «рука», «оборудование». Корень слова «*arm*» передает значение «инструмент, орудие». На основе структурной системы языков в процессе перевода их связывает языковая знаковая функция, состоящая из границы содержания и границы формы.

Список литературы

- Алдашева А.А.* Переводоведение: лингвистические и лингвокультурологические вопросы: дис. ... д-ра. фил.наук: 10.02.02 / Алдашева А.А. А., 2000. 240 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990. 404 с.
- Жанпейисов Е.* Язык казахской прозы. Алматы, 1968. 207 с.
- Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании (перевод с французского). М., 1954. 104 с.
- Қазақша-орысша фразеологиялық сөздік // Казахско-русский фразеологический словарь / Х.К. Кожакметова [и др.]. Алматы, 1988. 244 с.
- Омирбекова Ж.* Проявление метафор в переводе на национальной основе (по роману А.Нурпеисова «Последний долг») // Тілтаным № 3 (27). Алматы, 2007. 105 с.

Панулова Ю.К.
ООО «Институт инновационных технологий»
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
г. Пермь (Россия)

Papulova Yuliya
Perm National Research Polytechnic University
Institute of Innovative Technologies
Perm (Russia)

О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ

BOOK TITLES IN TRANSLATION

Данная статья посвящена проблеме перевода заглавий художественных текстов, которая рассматривается нами в рамках теории интертекстуальности. Трудности, возникающие при переводе заглавий, обусловлены, с одной стороны, особой ролью заглавия в тексте и вытекающими из этого свойствами заглавия, с другой стороны, разницей интертекстуальных пространств, которым принадлежат автор текста и читатель текста перевода. При переводе текст «переходит» из одного интертекстуального пространства в другое, что неизбежно ведёт к частичной потере смыслов и приращению новых. Изменение смысловой наполненности заглавия текста отражается на характере паратекстуальной связи между содержанием текста и заглавием, раскрывающим содержательный план текста и отдельные смыслы, заложенные в нем. Смещение смыслов в заглавии под воздействием нового интертекстуального пространства было продемонстрировано нами на примере сравнения оригинальных заглавий произведений английской и русской литературы и их переводов.

This paper examines difficulties in translating book titles from the perspective of intertextuality. The translation problems stem from the role of a title, its characteristics and the difference between the intertextual spaces the author and the foreign reader belong to. Translation is the transfer of a text from one intertextual space to another. For this reason, it inevitably results in a loss of some intertextual references and a gaining of new ones. Change in the meaning of a title affects the paratextual relationships between the body text and the title that represents what the text is about. The changes that occur in the process of transfer are demonstrated by comparing some English and Russian titles and their translations.

Ключевые слова: заглавие, текст, перевод, интертекстуальное пространство, цитата, аллюзия, лакуна, омонимия, полисемия.

Key words: title, text, translation, intertextual space, citation, allusion, lexical gap, homonymy, multiple meaning.

Заглавие, как известно, является первым знаком текста и его сильной позицией благодаря разнообразию выполняемых им функций: оно в конденсированной форме репрезентирует содержание всего текста, содержит в себе ключ к его пониманию, представляя авторскую интерпретацию текста, привлекает внимание читателя, выступает в качестве представителя текста, отсылает к другим произведениям и устанавливает связи с ними [Николина, 2003, с. 117-123]. В силу своей особой роли заглавие обладает свойствами неоднозначности, метафоричности, выразительности, смысловой

насыщенности и ёмкости. Этими его свойствами и обусловлены трудности, возникающие не только при создании заглавия, но и при его переводе.

В работах современных исследователей заглавие часто рассматривается в рамках теории интертекстуальности. (Н.А. Фатеева, И.В. Арнольд, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская, С.В. Ионова, И.С. Скоропанова). В рамках же интертекстуальности сегодня рассматривается и перевод. Появилось уже немало исследований, посвящённых проблеме интертекста и перевода. «В частности, наиболее известны работы отечественных исследователей Н.А. Кузьминой, И.С. Алексеевой, Г.В. Денисовой. Необходимо особо отметить вклад Г.В. Денисовой в разработку названной проблемы. Её книга «В мире интертекста: язык, память, перевод» представляет собой серьёзное исследование феномена интертекстуальности в самом широком контексте. Как видно из названия книги, перевод также включён в исследовательское поле автора, но данная проблема рассматривается с точки зрения транслируемости интертекстуальных признаков оригинала, его лингвокультурной адаптации к условиям принимающей среды. В связи с этим анализируются противоположные по своей направленности (автор – читатель, читатель – автор) методы перевода. Вопрос заключается в том, нужно ли адаптировать интертекстуальность оригинала, т.е. заменять определённые национальные и индивидуальные интертекстуальные знаки оригинала другими знаками, связывающими текст перевода с текстами принимающей культуры. Или, пользуясь «приёмом отчуждения» (так его называет автор), сохранить культурную дистанцию между автором и читателем [Денисова, 2003]. В таком же ракурсе проблему интертекста и перевода рассматривают И.С. Алексеева и Н.А. Кузьмина. Аналогично интертекстуальность в переводе рассматривается и британскими исследователями В. Natim и I. Mason» [Нестерова, 2005, с. 440].

Нам же представляется, что перевод можно рассматривать в более широком интертекстуальном контексте. В связи с этим была предложена интертекстуальная модель перевода, в основе которой лежат основные постулаты постмодернизма: «ничего не существует вне текста» (Ж. Деррида) и «нет текста, кроме интертекста» (Ш. Грифель), из чего следует, что «дом нашего бытия» – «это многомерное интертекстовое пространство, в котором любой «новый» текст возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесённости с другими текстами, находящимися в данном интертекстовом пространстве. Другое следствие названных

постулатов – это погружённость автора в этот же всеобщий интертекст: автор всегда находится в окружении чужих текстов, которые он впитывает либо сознательно, либо бессознательно. Из этого же интертекста, т.е. памяти, и черпает автор составляющие своего текста» [Нестерова, 2005, с. 268].

«Поскольку мы говорим о межъязыковом (межкультурном) переводе, то будем считать, что мы имеем два таких пространства (I1 и I2), соответствующих исходной и принимающей культурам. Текст оригинала T1 рождается в интертекстуальном пространстве I1 и, соответственно, является его элементом. Будучи вплетённым в интертекст I1, он неразрывно связан с его смысловым универсумом, с другими текстами данного пространства как со своими предтекстами. Пространство, в которое тексту предстоит быть перенесённым также имеет свой смысловой универсум, в который нужно вписать новый текст, построить новые интертекстуальные связи. Таким образом, переводчик, транслируя текст T1, воплощённый в «плоть» текста T2, в пространство I2, связывает эти два пространства. При этом переводчик подвергается влиянию со стороны смысловых универсумов обоих пространств. Они могут быть различными по интенсивности, влияние одного может превосходить влияние другого, что также зависит от многих факторов, среди которых тип текста и выбранный переводчиком метод перевода, ну и, конечно, личность самого переводчика, его творческое «его». Соответственно, один и тот же исходный текст по-разному вписывается в новое интертекстуальное пространство, в этом случае можно говорить о манипулятивной функции переводчика» [Нестерова, 2005, с. 446].

В новом интертекстуальном пространстве текст вступает в диалог с текстами, вписанными в данное пространство, а также с принадлежащими ему читателями, что ведёт к смещению присутствующих в нём смыслов. Изменение смысловой наполненности заглавия отражается на характере паратекстуальной связи между содержанием текста и заглавием, раскрывающим содержательный план текста и отдельные смыслы, заложенные в нём.

Связь текста оригинала с интертекстуальным пространством его автора и связь текста перевода с интертекстуальным пространством переводчика и читателя текста перевода проявляется в наличии в текстах различных маркеров, отсылающих к тому или иному пространству. Эти маркеры могут встретиться не только в содержательной части текста, но и в его заглавии: реалии («Снегурочка» А.Н. Островский, «Бабы» А.П. Чехов), аллюзии («Часы» М. Каннингем, в названии романа намёк на роман В. Вульф «Миссис

Дэллоуэй», который писательница хотела озаглавить «Часы»), цитаты («Война и мир» Л.Н. Толстой, в заглавии романа цитата из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина), полисемию («На дне» М. Горький), омонимию («Прощай, оружие!» Э. Хемингуэй, в силу омонимичности названия роман можно было бы также перевести «Прощайте, объятия!») и др. От переводчика требуется по возможности передать встречающиеся в заглавии маркеры и сохранить тот эффект, который они оказывают на читателей оригинального текста, при этом он должен ориентироваться на читателей, принадлежащих иной культуре, обладающих иными фоновыми знаниями. Поэтому помимо внимательного, вдумчивого прочтения текста, способствующего правильной интерпретации его заглавия, важно также выяснить, что будет затруднять понимание названия произведения носителями иной культуры, иной интертекстуальной энциклопедии, иного языка.

Проблема перевода заглавий подробно рассматривается в диссертационной работе Т.Г. Никитченко «Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода)». По мнению исследовательницы, если проблема возникает из-за лакунарности заглавия, переводчик должен использовать такие приёмы, как аллитерация, объяснительный перевод, замена лакунарного термина родовым понятием, подстановка собственной национальной реалии вместо чужой и т.п. При переводе аллюзивных заглавий возможно сохранение аллюзивности либо её замена описательностью во избежание нежелательных ассоциаций, которые могут возникнуть у читателя, принадлежащего иной культуре, что в ряде случаев делает заглавие менее образным. Однако даже минимально образные заголовки могут вызвать сложности при их переводе, в частности, например, заголовки, построенные на явлениях полисемии или омонимии. В большинстве случаев переводчику приходится выбирать одно из возможных значений названия, поскольку омонимы, как правило, не совпадают в разных языках, а многозначные слова также часто имеют неодинаковый смысловой объём. Например, роман Э. Хемингуэя «A Farewell to Arms» русскоязычным читателям известен как «Прощай, оружие!». Однако его заголовок мог бы быть переведён и как «Прощайте, объятия!», т.к. *arms* – это и оружие, и руки, объятия. «Текст Хемингуэя реализует оба толкования заголовка: сначала главный герой покидает место военных действий (прощается с оружием), а в конце романа смерть забирает его возлюбленную, ради объятий которой он и расстался с оружием» [Никитченко, 2005, с. 10].

Примером аллюзивного заглавия является название поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». При переводе на английский язык заглавие поэмы («Dead Souls») сохраняет лишь

часть смысла, заложенного в нем изначально. По словам Г.Д. Ахметовой, «во всех европейских переводах утрачивается двуплановость заглавия: с одной стороны, это юридический термин, принятый во времена крепостного права в России для обозначения умерших крестьян, с другой стороны, сочетание этих двух слов относится к тем, кто в погоне за наживой утратил человеческую душу. В дословном переводе сохраняется только иносказательное значение слова» [Никитченко, 2000, с. 43-46].

Одним из примеров лакунарных заглавий является название известной пьесы У. Шекспира «*Twelfth Night, or What You Will*» («Двенадцатая ночь»). Как отмечает В. Рогов, «по-английски «двенадцатая ночь» — это Крещенский вечер, окончание святочных праздников, к которому и была приурочена премьера комедии. (Правда, и у Шекспира заглавие не имеет никакого отношения к сюжету). Одно время пробовали передавать заглавие как «Крещенский вечер» — увы, не привилось! Да и этот вариант мало что даст русскому читателю и зрителю: скорее всего, припомнится, как «раз в крещенский вечерок девушки гадали...» [Рогов, 1998].

Можно привести ещё множество примеров неоднозначных заглавий и их более или менее удачных переводов. Например, название повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на японский язык переводится как «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка», а роман М. Шолохова «Тихий Дон» звучит как «*And Quiet Flows the Don*» («И, тихий, течёт Дон»), роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» известен англоязычным читателем под названием «*Diamonds to Sit On*» («Бриллианты, чтобы на них сидеть»), а комедия А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» имеет три варианта перевода на английский язык «*Even a Wise Man Stumbles*» («Даже мудрый человек ошибается»), «*Even the Wise can Err*» («Даже мудрый может ошибиться»), «*Too Clever by Half or the Diary of a Scoundrel*» («Больно умный, или Записки подлеца»).

Таким образом, отсутствие реалий в языке перевода или различное их восприятие носителями разных культур, различная фоновая информация, которой обладают автор текста и читатель перевода, а также разница языковых средств, которыми располагают автор и переводчик, зачастую вынуждают переводчика прибегать к различного рода трансформациям при переводе заглавий, что ведёт к неминуемой при «переносе» текста из одного интертекстуального пространства в другое частичной потере содержащегося в заглавии смысла и приращению нового.

К числу заглавий, представляющих трудность при переводе и демонстрирующих принадлежность текста оригинала и текста перевода к разным интертекстуальным

пространствам, как нам кажется, относится и название одного из романов современного английского писателя-постмодерниста Питера Акройда, героями произведений которого зачастую становятся персонажи английской истории, культуры и литературы, «The Lambs of London». На русском языке роман озаглавлен как «Лондонские сочинители», буквально же его можно перевести как «Лэмы из Лондона».

Сюжет романа действительно крутится вокруг английского писателя, поэта, литературоведа Чарльза Лэма и его сестры Мэри Лэм, авторов, переведённых на многие европейские языки популярных рассказов для детей по сюжетам У. Шекспира, однако на деле главным героем произведения оказывается фальсификатор Уильям Айрленд, умело подделавший якобы обнаруженные им рукописи У. Шекспира. Таким образом, наблюдается некоторое несоответствие между оригинальным названием книги, судя по которому можно предположить, что в центре романа окажутся известные личности Чарльз и Мэри Лэм, и содержанием книги, сюжет которой сводится к истории о попытке амбициозного юноши Уильяма Айрленда прославиться путём обмана и о его разоблачении.

На это несоответствие указывают многие англоязычные читатели, ожидавшие, что роман будет посвящён биографии Чарльза и Мэри Лэм по аналогии с ранее написанными П. Акройдом биографическим романом «Завещание Оскара Уайлда» об Оскаре Уайлде, биографиями «Т.С. Элиот», «Диккенс», «Блейк», «Жизнь Томаса Мора» и пр. По их мнению, название романа выбрано неудачно, поскольку оно вводит читателя в заблуждение относительно содержания произведения. Этим объясняется чувство разочарования и обманутого ожидания, оставшиеся у англоязычных читателей после прочтения романа. Эффект обманутого ожидания также обусловлен имеющейся у англоязычных читателей фоновой информацией к заголовку: многим знакомы английский писатель, поэт, публицист и литературный критик Чарльз Лэм, и его сестра Мэри Лэм (о её судьбе даже вышла книга Кэти Уотсон «The Devil Kissed Her») [Режим доступа: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>].

Кроме того, следует отметить, что оригинальное название романа обладает многозначностью благодаря омонимичности слова «the Lambs»: это не только фамилия известных исторических личностей, в английском языке слово «lamb» также имеет значения «овечки», «ягнята», «простаки». По мнению некоторых читателей, именно такими простаками и «бедными овечками» и выступают герои романа, не способные

воплотить свои мечты и литературные амбиции в жизнь [Режим доступа/<http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>].

Итак, заглавие романа П. Акройда «The Lambs of London» представляет переводческую проблему в связи с наличием в нем реалии иной культуры, а также в связи с построением заглавия на основе явления омонимии. Данные маркеры – омонимичность и лакунарность – обнаруживают разницу интертекстуальных пространств автора романа и читателя его перевода.

Теперь обратимся к заголовку переведённого на русский язык романа «Лондонские сочинители». Как видим, переводчик Инна Стам заменила фамилию Лэмы на многозначное слово «сочинители», генерализировав и творчески переосмыслив название романа. По словам В.В. Виноградова, если вникнуть в значение слов «сочинить – сочинять», «сочинение», «сочинитель», «сочинительница», «сочинительство», «сочинительский», то окажется, что «это гнездо слов в современном языке уже лишено внутреннего семантического единства. Слово сочинить, хотя и носит некоторый отпечаток разговорности, свободно выражает два значения: «создать», «написать» (сочинить стихотворение) и «выдумать» (что-нибудь, не соответствующее действительности). В слове сочинитель значение «писать» явно устарело, зато живо разговорное «выдумщик» и даже «лгун» (ср. значения слов «сочинительство», «сочинительский»). И только слово сочинение сохраняет свой официальный характер («Собрание сочинений Куприна»; ср. «классное сочинение». Впрочем, ср. также в значении действия по глаголу сочинить: «сочинение небылиц», «сочинение неправдоподобных анекдотов» и т.п.) [Виноградов, 1977, с. 85-86].

Различные значения слова «сочинитель» нашли отражение в ответах на вопрос, заданный нашим соотечественникам, не знакомым с творчеством П. Акройда, о чем предположительно мог быть рассматриваемый роман. Большинство ответили, что, вероятно, он о творческих личностях, о писателях, живших в Лондоне, или писавших об этом городе. Некоторые упомянули при этом писателей детективов. Вторым по популярности был ответ о выдумщиках и шалунах из Лондона. Несколько человек также предположили, что, возможно, это сборник произведений лондонских или шире английских писателей. В отличие от англоязычных читателей романа русскоязычных читателей заголовок текста перевода несколько не смутил. Следовательно, заголовок «Лондонские сочинители» можно считать удачным переводческим решением, поскольку благодаря многозначности слова «сочинители» он раскрывает содержательный план

произведения: эта книга о сочинителях из Лондона, будь то писатели Чарльз и Мэри Лэм, обманщик Уильям Айрленд и другие встречающиеся в романе выдумщики, знатоки и любители английской литературы или даже великий сочинитель Уильям Шекспир.

Кроме того, слово «сочинитель» в значении «выдумщик», «фантазёр», как нам кажется, актуализирует постмодернистский игровой принцип творчества П. Акройда: автор зачастую играет фактами действительности, смешивая их с вымышленными событиями, играет жанрами, пародируя сразу несколько жанров в одном произведении, включает в свой текст множество цитат, выделенных и невыделенных, запутывая следы их авторов. Таковы характерные черты не только рассматриваемого романа П. Акройда, но и постмодернистских художественных произведений в целом.

Обратимся теперь к переводу на английский язык заглавий некоторых произведений современного русского постмодернистского писателя-беллетриста Б. Акунина, для творчества которого также характерны интертекстуальность, цитатность, ироничность, смешение жанров, стилизация, отсылка к произведениям русской и зарубежной классики, преимущественно к творчеству русских писателей XIX в., смешение массовой и элитарной литературы. Б. Акунин стилизует каждый свой роман в духе литературных классиков, намекая на взятое им за основу классическое произведение или имя писателя уже в названии романа, отсюда и частое использование им аллюзий и цитат при создании заглавий для своих литературных проектов.

Одним из таких примеров является заглавие романа «Герой иного времени», в котором чётко прослеживается связь со знаменитым романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Роман Б. Акунина действительно представляет собой пародию на роман известного русского классика, переключаясь с ним сюжетом, стилем изложения, а также изобилуя многочисленными скрытыми и явными цитатами из романа и аллюзиями на его героев. В английском варианте роман Б. Акунина имеет заголовок «A Hero of a Different Time» и отсылает к тексту перевода романа М.Ю. Лермонтова, озаглавленного «A Hero of Our Time». Как показал опрос иностранцев, используемая в заглавии акунинского романа аллюзия на роман «Герой нашего времени» для них не столь очевидна, как для русскоязычной публики. Обладая большой известностью среди российских читателей, роман М. Ю. Лермонтова малоизвестен среди англоязычных читателей. Он, в терминологии Г.В. Денисовой, принадлежит не универсальной, а скорее национальной интертекстуальной энциклопедии. Иностранцы, не читавшие роман Б. Акунина,

предположили, что это либо исторический роман, посвящённый событиям другой эпохи, либо научно-фантастический роман о путешествиях в другое время.

В качестве ещё одного примера приведём пьесу Б. Акунина «Чайка», детективного продолжения одноименной пьесы А.П. Чехова. Чеховская «Чайка» представлена вместе с акунинской переработкой в одной книге. «The Seagull» – так звучит название обеих пьес на английском языке. А.П. Чехов, как и М.Ю. Лермонтов, является писателем мирового значения, чьё творчество оказало влияние на многих зарубежных писателей. Произведения А.П. Чехова пользуются популярностью в странах Европы, его пьесы ставятся на сценах многих театров мира. Поэтому неудивительно, что при встрече с «Чайкой» современного русского писателя некоторым иностранцам пришла на ум и «Чайка» А.П. Чехова. На связь этих двух пьес также указывает оформление и содержание книги-перевёртыша, в которой представлены тексты перевода обеих пьес. На наш взгляд, в данном случае при переводе пьесы Б. Акунина аллюзия на произведение А.П. Чехова в его заглавии сохраняется, поскольку пьеса А.П. Чехова является сильным предтекстом, прочно вошедшим в универсальное интертекстуальное пространство.

Намёк на другого русского писателя с мировым именем содержит заглавие ещё одного литературного проекта Б. Акунина – романа «Ф.М.», материалом для которого послужили произведения Ф.М. Достоевского. Помимо аллюзии заглавие содержит омофон, поскольку вынесенная в заголовок аббревиатура имени писателя сходна по звучанию с названием частоты радиовещания. На имя великого писателя русскоязычным читателям намекает один из вариантов обложки книги, на которой изображён портрет писателя. Заголовок и обложка книги вместе раскрывают содержательный план романа, опираясь на фоновые знания читателя о писателе Ф.М. Достоевском.

На английский язык заголовок был переведён также аббревиатурой «FM». Данное сокращение может вызывать у англоязычных читателей массу ассоциаций, связанных с совершенно разными сферами жизни, начиная от частоты FM вещания и заканчивая английской музыкальной группой с одноименным названием. Таким образом, англоязычный читатель при виде заглавия романа может лишь гадать, что имел в виду автор под данным сокращением, намёк на писателя Ф.М. Достоевского им не прочитывается.

Рассмотрев три примера заглавий произведений Б. Акунина, мы увидели, как меняется восприятие читателем заглавий, содержащих аллюзии, при их переводе на другой язык и при смене интертекстуального пространства. Если в случае с переводом

заглавия пьесы «Чайка» его аллюзивность сохраняется в силу широкой известности предтекста и благодаря расположению первичного и вторичного текстов в одной книге, то в случае с переводом заглавий романов «Герой иного времени» и «Ф.М.» имплицитные смыслы, на которые намекают содержащиеся в заглавиях аллюзии, теряются. При этом, если заголовок «A Hero of a Different Time» содержит в себе аллюзию на текст перевода романа М.Ю. Лермонтова «A Hero of Our Time», то аббревиатура FM настолько неоднозначна, что читатель при виде сочетания этих двух букв на обложке книги, может предположить о её содержании все, что угодно. Лишь иностранный читатель, которому известна любовь Б. Акунина к пародированию и стилизации, может догадаться, что за буквами FM кроется либо классическое произведение, либо имя писателя.

Подводя итог, отметим, что перевод – это не только искусство потерь, как считал М. Лозинский, но и искусство приобретений, в чем мы убедились на примере сравнения заголовка романа П. Акройда «The Lambs of London» и его перевода «Лондонские сочинители», а также на примере сравнения заголовков произведений Б. Акунина «Герой иного времени», «Чайка», «Ф.М.» и их переводов. Смыслы, заложенные в названиях оригинальных текстов (за исключением акунинской пьесы «Чайка»), были утрачены при их переводе. Вместе с тем в названиях текстов перевода появились другие, новые смыслы. Возможно даже, что новое заглавие романа П. Акройда оказалось более удачным с точки зрения его способности раскрыть содержательный план всего произведения, о чем свидетельствует анализ рецензий и откликов русскоязычных и англоязычных читателей романа.

Напомним, что такое смысловое «перевоплощение» текста неизбежно при его «переносе» из одного интертекстуального пространства в другое. Любой текст связан невидимыми нитями с множеством других текстов, входящих в интертекстуальное пространство автора, пропитывающих все его творчество и отзывающихся в его произведениях. При переводе связь с некоторыми из них теряется, несмотря на стремление переводчика перенести их в новое интертекстуальное пространство, прилежно передать все смыслы, имплицитно или эксплицитно представленные в тексте оригинала. Между тем, новое интертекстуальное пространство навязывает переводимому тексту новые смыслы и создаёт связи с новыми текстами, погружая текст перевода в новые контексты, смещая его смыслы, и тем самым творя на основе уже существующего как бы новый текст в другом интертекстуальном пространстве для другой читательской аудитории, воспитанной на иных ценностях, говорящей на ином языке, обладающей иной

фоновой информацией, что, бесспорно, накладывает отпечаток на восприятие текста перевода и объясняет разницу в реакции читателей на текст оригинала и на текст перевода.

Список литературы

- Акунин Б. Ф.М. Т. 1 / Борис Акунин. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2006. 384 с.*
Акунин Б. Чайка / Борис Акунин. М.: Олма Медиа Групп, 2009. 192 с.
Акройд П. Лондонские сочинители / Питер Акройд; пер. с англ. И. Стам. М.: Иностранка. 2008. 272 с.
Аристархова И. Система пространственно-временных отношений в лирике Эллиса [Электронный ресурс] / И. Аристархова. 2001. – Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dictionary/nazvaniye.htm#2>
Брусникин А. Герой иного времени / Анатолий Брусникин. М.: АСТ, 2013. 413 с.
Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1977. 312 с.
Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Нестерова Н.М. Пермь, 2005. 576 с.
Никитченко Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Никитченко. Краснодар, 2000. 263 с.
Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений/ Н.А. Николина. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта: дис... канд. филол. наук: 19.02.19 / Олизько Н.С. Челябинск, 2002.
Рогов В. О переводе заглавий [Электронный ресурс] / В. Рогов. 1998. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/rogov.html>
Ackroyd, P. The Lambs of London/ Peter Ackroyd. London: Vintage, 216 p.
Отзывы англоязычных читателей романа П. Акройда *The Lambs of London* [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>
Отзывы русскоязычных читателей романа П. Акройда *Лондонские сочинители* [Электронный ресурс]/ – Режим доступа: <http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>

Раздобудько-Чович Л.И.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина, Республика Сербская)

Razdobudko-Chovich Larisa
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina, Serbia)

*К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ
(ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГЕРОИЗМ» В ЧЕРНОГОРСКОЙ И РУССКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА В ПОЭМЕ П.П. НЕГОША «ГОРНЫЙ ВЕНЕЦ» И ЕГО
ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)*

A CONTRIBUTION TO THE STUDY OF MUTUAL INFLUENCES BETWEEN CULTURES
IN LITERARY TRANSLATION (VERBALIZATION OF THE CONCEPTS *HUMANITY* AND
BRAVERY IN NJEKOŠ'S *GORSKI VIJENAC* AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN)

Цель данной работы – сопоставленный анализ лингвокультурного концепта «героизм» в обыденном сознании черногорцев и русских, а также выявление лингвистических средств выражения героических представлений, отражающих образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах на материале поэмы П.П. Негоша *Горный венец* и его перевода на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в черногорском наивном сознании на материале лексики и фразеологии поэмы Негоша,
- выявление национальной специфики о концепте представлений «героизм» в черногорской лингвокультуре,
- определение тенденции перевода упомянутого художественного концепта «героизм» с близкородственного сербского языка на русский, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности интерференции как явления взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в их контакте, что в переводе приводит к изменению в структуре или элементах структуры одного языка (языка цели) под влиянием другого (исходного языка).

В заключении автор пришёл к выводу, что лингвокультурный концепт «героизм» представляет собой сложное ментальное образование, оно фиксируется в речевом и невербальном поведении людей и обладает национальными специфическими особенностями в исследуемых черногорской и русской наивных картинах мира.

The aim of this paper is to compare the linguo-cultural concepts of 'humanity' and 'bravery' present in consciousness of the Montenegrin and the Russian people, and to highlight the linguistic means of expressing those images of bravery that reflect patterns of heroic behaviour in Montenegrin and Russian linguo-cultures, found in the poem *Gorski vijenac* [The Mountain Wreath] by P. P. Njegoš and its translation into Russian by A. Šumilov.

With this aim in view, the research comprises the following tasks: (a) to describe the system of relevant features of the linguo-cultural concepts of 'humanity' and 'bravery' in Montenegrin national consciousness encoded in the lexical and phraseological material of Njegoš's poem; (b) to discover the national specifics of the images of bravery in Montenegrin linguo-culture; (c) to reveal the tendencies in translating the concepts of 'humanity' and 'bravery' from Serbian to Russian, with all the consequences included, especially regarding interference as a phenomenon of correlation between structures and structural elements of two languages in contact, which in translation may lead to the transformation of structure or structural elements of one language (target language) under the influence of the other (source language).

After the analysis performed, the author concludes that the linguo-cultural concepts of 'humanity' and 'bravery' represent a very complex mental creation manifested in both verbal and non-verbal behaviour of

people and, moreover, marked with specific national features in the Montenegrin and the Russian image of the world.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лексика, фразеология, (без)эквивалентная лексика, языковая картина мира, наивное сознание.

Key words: linguo-cultural concept, lexis, phraseology, (non-)equivalent lexis, language image of the world, naive consciousness.

Трудно переоценить роль лексико-фразеологических единиц языка в реконструкции национальной картины мира. Они отражают исторический опыт народа, дают информацию о знаниях, которыми располагает культура, связанных с фрагментами «невидимого» мира.

Когнитивный подход к изучению языковых явлений характеризует современное языкознание, где концепты понимаются как единицы оперативного сознания, которые являются отражением факта действительности [Кубрякова, 1998, с. 47-50]. Лингвокультурные концепты могут быть объективно установлены и описаны с помощью анализа словарных дефиниций, иллюстраций словарных дефиниций, универсальных высказываний и вербально представлены в виде ядерных лексем, фразеологических единиц, пословиц и поговорок, словообразовательных структур и т.д.

Такое разнообразие средств их вербализации в языке предоставляет возможность полного отражения картины мира и культурных традиций в сознании носителей языка.

Лингвокультурные концепты проявляются в коммуникативном поведении, определяя этноспецифические нормы, стратегии и стереотипы общения [Стернин, 2002; Тер-Минасова, 2000]. Весьма востребованным остаётся изучение концептов с культурологического аспекта [Мршевић-Радовић, 2008; Радић-Дуговић, 2003], с точки зрения их вербальной представленности в идиостилях определённых авторов художественных произведений [Голубев, 2008], а также с позиций переводоведения [Влахов, Флорин, 1980; Гарбовский, 2007; Пејановић, 2010], для которого представляется важным выяснить тенденции перевода с одного языка на другой упомянутых структур при их функционировании в текстах. Перечисленные обстоятельства составляют обоснование актуальности выбранной темы исследования.

Цель данной работы заключается в сопоставительном анализе лингвокультурного концепта «героизм» в обыденном сознании черногорцев и русских, а также выявление лингвистических средств выражения героических представлений, отражающих образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах на материале поэмы

П.П. Негоша *Горный венец* [Негош, 1996] и его перевода на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым [там же].

По весьма верному определению Татьяны Бечанович, «...један од најснажнијих кохезионих елемената црногорског књижевног канона свакако је семантичка структура чојства и јунаштва, чије се дијакхронијско обликовање и деловање може пратити у Негошевом *Горском вијенцу*» [Бечановић, 2013].

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

– описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в черногорском наивном сознании на материале лексики и фразеологии поэмы Негоша,

– выявление национальной специфики о концепте представлений «героизм» в черногорской лингвокультуре,

– описание системы релевантных признаков лингвокультурного концепта «героизм» в русском наивном сознании на материале перевода поэмы Негоша,

– определение тенденций перевода упомянутого художественного концепта «героизм» с близкородственного сербского языка на русский.

В основе методологии данного исследования лежит комплексный подход, в котором в качестве основного выступает метод концептуального анализа текста, предполагающий рассмотрение способов языковой манифестации упомянутого концепта с последующим моделированием его структуры.

Используя приёмы семантико-стилистического, контекстуального и интертекстуального анализа текста, позволяющие выявить наличие межъязыковых и внутриязыковых признаков концепта «героизм», было установлено, что:

1. Ядерная лексема концепта «героизм» (серб. „јунаштво”) в поэме Негоша *Горный венец* и в его переводе на русский язык, осуществлённого А. Шумиловым реализует такие значения как:

– негошевское толкование понятия **геройство**:

Без муке се пјесна не испоја,

без муке се сабља не сакова.

Јунаштво је цар зла свакојега⁷⁴... (с. 67)

---

⁷⁴ Михајло Стевановић у монографији *О језику Горског вијенца* [Стевановић, 1990, с. 96-97] даје следеће тумачење дистиха: „Без муке се пјесна не испоја, // без муке се сабља не сакова», подразумевајући под муком херојска дела... шта их песма опева, а за која је опет потребно оружје (симбол је овде сабља). А кад таквих дела не би било, не би се ни песме ни какве се мисли певале (јер не би имале шта славити) те ни оружје

Этот апофеоз *геройству* звучит из уст Вука Мичуновича, о котором герои *Горного венца* говорят, что он «и збори и твори! Српкиња га јошт рађала није од Косова, а ни пријед њега...» (с. 55) – «...что сказал – то сделал. Не родился серб, ему подобный, ни до битвы косовской, ни прежде!» (с. 54) Значение понятия *геройство* реализуется с помощью устойчивых пословичных комплексов, с употреблением диалектных глагольных форм, выраженных аористом: без мук се пјесна не *испоја*, без мук се сабља не *сакова*; и выражением «Јунаштво је цар зла свакојега», ставшим крылатым. Толкование этого отрывка Михаилом Стевановичем следующее: «ни песма не *испева*, ни сабља не *сакова* без витешких (великих) дела достојних опевања»¹ – и песни не споёшь, и сабли не скуёшь, если нет геройских поступков, достойных песне. И тогда геройство одолевает зло⁷⁵ [Стевановић, 1990, с. 96].

В переводе Александра Шумилова отсутствуют диалектные формы оригинала и пословичные конструкции, но зато достоверно передан завуалированный смысл этого отрывка согласно толкованию М. Стевановича:

Только битва порождает песню,
Для сраженья куётся оружие.
Над злобою царствует геройство (с. 66);

– ***храбрость, смелость, мужество***: продемонстрируем это значение на одном из эпизодов анализируемой поэмы. Жена Радуня, одного из героев поэмы, храбро сражается против турок вместе со своим мужем, скрывшись от них в башне. Негош её приравнивает к мужчине-герою, витязю, сравнивая с соколом – срб. *сивим соколом* (*ясным соколом*). Данный эпитет *сиви* (*соко*) – *ясный* (*сокол*), выступающий в сравнительной конструкции, характерен для народного эпоса. Кстати, данное сравнение является бродящей конструкцией, характерной для поэмы *Горский венец* в целом. В следующем четверостишии это сравнение имитирует народный говор, где присутствует, кроме *соко сиви* и другая инверсия *жена млада*, просторечная лексема *ама* и окрашенная культурной коннотацией, лексема *господар*, который в то время уже убил семерых, передающая почтительное отношение жены к мужу, характеризующая культуру черногорской семьи:

Жена млада, ама соко сиви,
Пуни пушке своме господару;
Радун гађа с прозора од куле,

(сабља) не би било потребно... ми ...налазимо да у овоме песник јунаштво ... оценио ... као господара свих зала...“

⁷⁵ Перевод наш (Л.Ч.)

Седмину је на обор убио. (с. 211)

В переводе культурный пласт отсутствует, хотя Шумилов и старается использовать инверсию для передачи разговорного стиля данного отрывка:

Молодая держится как сокол,
Храбро мужу ружья заряжает,
тот из башни бьёт через бойницы
и несколько положил на месте. (с. 210)

Свободное словосочетание на *обор убио* – *убить наповал* Шумилов заменяет русским фразеологизмом *положить на месте*, что соответствует общей стилистической окраске данного отрывка.

– **подвиг, условия для совершения подвига**: национально-специфичная составляющая категории «подвиг», актуальная в черногорском культурном пространстве связана с идеалами самопреодоления и духовного совершенствования личности, самопожертвования и самоотречения во имя высокого идеала добра и правды, часто понимаемыми в религиозно-православном духе. Подчёркивая специфическую природу черногорского подвига, мы выделили совокупность свойств и характеристик, определяющих подвиг как особый вид духовной практики. Способность к подвигу есть значимая черта черногорского национального сознания. Это значение анализируемого концепта передаётся выражением, ставшим крылатым:

У добру је лако добар бити,
на муци се познају јунаци (с. 39) –
В доброй жизни добрым быть нетрудно –
только в горе герой познаётся! (с. 38).

В переводе нужно было только *в горе* заменить *в битве*.

– **исполнение долга; гибель при защите народа, отечества и свободы**: выполнить свой долг перед родиной и народом, защищая свою православную веру и свободу, способны лучшие из лучших: «Све су наше главе изабране», «Момци дивни, исто ка звијезде» (негошевское сравнение героев со звёздами):

Све су наше главе изабране!
Момци дивни, исто ка звијезде;
што су досад ове горе дале,
сви падали у крваве борбе,
пали за чест, име и свободу. (с. 47)

В переводе точь-в-точь представлены элементы этого значения анализируемого концепта:

Цвет народа, юные герои,
прекрасные, как звезды на небе,
рождѐнные нашими горами,
все погибли в кровавых сраженьях
за свободу, за честь и за имя; (с. 46)

– **пренебрежение опасностью**: в традиционной черногорской культуре мораль, долг, совесть, мотивирующие способность к подвигу, содержат иррациональное начало. Как показал анализ, черногорские герои в некоторых случаях проявляют показную или безудержную и безрассудную смелость. Например, герой Батрич пренебрѐг опасностью и поверил туркам, которые его убили. Национально специфичными формами поведения в рамках сопоставляемых лингвокультур следует назвать наигранную, лихую смелость, соединѐнную с бойкостью, и готовность пожертвовать собственной жизнью ради других: «Ох до бога, а ох довијека, да чудно ли с главе погибосмо!» (с. 155) – «О Господи, какое несчастье! Мы лишились лучшего из лучших!» (с.154) – так оплакивает Вук Томанович молодого юнака Батрича.

Бог га јаки и мртва убио!
Како мога вјероват Турцима,
Тере им се на вјеру опушта. (с. 157)

В переводе даны адекватные функционально-смысловые эквиваленты:

Так в могиле пусть его накажет
Бог за эту сделанную глупость!
Как проклятым он смог довериться? (с. 156).

– **герой**: обращение к героической тематике с целью выявления концептуализированного содержания героического компонента картины мира продиктовано тем, что герои воплощают собой систему ценностей данного общества, его идеалы, предпочтения и ожидания. Своими поступками, своей жизнью, а иногда и своей смертью герои демонстрируют те лучшие образцы поведения. Субъектом, воплощающим в себе героизм, является *герой* – человек, который отличается от остальных людей способностью совершать великие и благородные поступки в силу наличия у него таких качеств, как отвага, мужество, бесстрашие и самоотверженность. Обладая таким

потенциалом, деятельность героя направлена на борьбу *со злом*, на борьбу за справедливость и за свободу.

Что касается наименований людей, обладающих героическими качествами, то здесь следует отметить, что как в черногорской, так и русской культуре для обозначения храбрых, мужественных и отважных людей существуют сходные и национально специфические названия. Так, в обеих лингвокультурах присутствуют в целом совпадающие лексемы – *јунак* – юнак, *херој* – герой; *витез* – витязь; соко – сокол (характерные для поэтической речи и фольклора общеславянского происхождения).

Характерными только для поэмы Негоша оказались такие наименования героев как: *момци прсих ватренијех* (с. 91), что не удалось перевести Шумилову, который перевёл обобщённой, выхолощенной конструкцией: *храбрые юнаки*, опуская метафору оригинала (с. 90); *сабља чита* (с. 163) – окказионально авторская метафора, также непереданная в переводе: *юнак читает* (с. 162); заимствованная Негошем церковнорусская конструкция *војнствени гениј свемогући* (с. 45) – лишь транскрибирована Шумиловым: *воинственный гений всемогущий* (с. 44). Кроме того, Негош своих героев называет и:

Све су наше главе изабране!

Момци дивни, исто ка звијезде. (с. 47)

В переводе Шумилов передаёт типично русской метафорой:

Цвет народа, юные герои,

Прекрасные, как звезды на небе. (с. 46)

Исключительно часто Негош ославляет своих героев сиви соко:

Што је фајде крити оно што је?

Онаквога сивога сокола

Црногорка јошт рађала није! (с. 157)

В переводе:

Что нам, братья, говорить напрасно!

Не рождала, как себя я помню,

Черногорка такого сокола. (с. 156)

Среди русских наименований героев, не нашедших полного или близкого соответствия в черногорской культуре, следует отметить разговорную лексему удалец, обозначающую бойкого, ловкого, полного молодечества человека, которая имеется в

шумиловском переводе: «Наши горы удальца не знали, подобного юному Батричу». (с. 154). – «У ове се горе нигде није онаквога младета дизало». (с. 155)

Таким образом, весь перечисленный выше состав значений ядерных лексем: **геройство, храбрость, смелость, мужество; подвиг, условия для совершения подвига; исполнение долга; гибель при защите народа, отечества и свободы; пренебрежение опасностью; герой** – в каждом из сравниваемых языков представляет понятийную часть исследуемого концепта «героизм» (серб. «јунаштво»).

Из приведённых ниже примеров лексико-фразеологической вербализации концепта «героизм» можно заключить, что в тексте поэмы рассматриваемый концепт эксплицируется не только определёнными лексемами и фразеологизмами, входящими в его состав, но и их ассоциативно-смысловыми полями, такими как:

– **битва, бой**: в результате анализа также удалось установить, что ситуации, в которых проявляется героическое поведение в поэме *Горский венец*, чаще всего возникают в военное время. Во время боя человек совершает подвиги, связанные с защитой отечества и свободы:

Вам' предстоји преужасна *борба*:
племе ви се све одрекло себе
те црноме работа Мамону!
Паде на њем клетва бешчестија.
Што је Босна и по Арбаније?
Ваша браћа од оца и мајке;
Сви уједно и доста работе.
Крст носити вама је суђено
страшне *борбе* с својим и с туђином!
Тежак в'јенац, ал' је воће слатко!
Воскресења не бива без смрти.
Већ вас виђу под сјајним покровом,
чест, народност ће је васкреснула
и ће олтар на исток окренут,
ће у њему чисти тамјан дими.
Славно мрите, кад мријет морате!
Чест рањена жеже храбра прса,
у њима јој нема боловања.
Поругани олтар јазичеством
на милост ће окренут небеса! (с. 181)

Как правило, у Негоша лексемы *бой, битва, сражение* сопровождаются недвусмысленными эпитетами: *крваве борбе, преужасна борба, страшне борбе, борба непрестана*, ославляемыми так потому, что сражение будет не только с врагами, но и с кровными братьями, принявшими ислам: «Крст носити вама је суђено страшне борбе с својим и с туђином!». Выражение *тежак в'јенац, ал' је воће слатко! Воскресења не бива без смрти* также стало крылатым. Реализация этого ассоциативного значения нашего концепта осуществляется рядом концептуальных метафор: *чест рањена, атчест жеже, храбра прса, олтар ће окренут небеса; чест, народност ће је васкреснула*, которые не всегда переведены адекватно:

Ждѣт вас битва завтра жестокая.

Ваше племя забыло прошлое,

все жертвуя чѣрному мамоне,

будь он проклят ныне и вовеки!

Половина албанцев, боснийцы –

Ваши братья единокровные.

Даже если всем вместе ударить,

долго биться с турками придѣтся.

Вам выпало драться в одиночку.

Несладкая доля вам досталась,

но потомки плод её оценят.

Нет без смерти и воскресения.

Я вас вижу под светлым покровом,

Вижу славу и честь народную,

вижу: храмы стоят с алтарями,

чистый ладан дымится над нами.

Коль придѣтся умереть: умрите,

но достойно, с бессмертною славой.

Скиньте камень с народной совести:

раненная честь сердца сжигает.

Язычеством алтарь осквернённый

нас услышать небесам помогает! (с. 182)

– *страх, трусость*: проявляя на поле боя героические качества, человек периодически, сталкивается с опасностью, страх перед которой ему необходимо

преодолеть, чтобы совершить требуемый обстоятельствами поступок. Человек, неспособный побороть свой страх перед опасностью, проявляет трусость. К трусливому поведению в черногорском и русском народном сознании закреплено резко отрицательное отношение:

*Страх животу каља образ често;
слабостима смо земљи привезани, 765
ништава је, него тврда веза.
Али тице те су најслабије
лови свјетлост лисичијех очих,
него орла кријући гледају. (с. 77)*

Данный сегмент, реализующий значение *страх*, представлен аллюзией автора на то, что в черногорском обыденном сознании героизм связан с такими качествами, как смелость, храбрость и мужество, смысл которых заключается в преодолении страха перед опасностью.

Иначе «очень часто страх нам честь марает» и крепчайшей связью вяжет нас с землёю, тогда как мужество, храбрость – уносят нас в другое измерение, о котором имплицитно говорится в следующем стихе: «с известием о смерти любимых втрое наша любовь вырастает». Изображение происходящего реализуется с помощью иносказаний, символов и олицетворений.

В переводе допущено несколько оплошностей: *тице* вряд ли *курицы*; *лови свјетлост лисичијех очих, него орла кријући гледају* не соответствует переводу Шумилова: «но, однако, страшный взор лисицы для курицы только и опасен, Он тускнеет пред орлиным оком»:

Очень часто страх нам честь марает,
Слабость нас вяжет с землёю
ничтожною, но крепчайшей связью.
Но, однако, страшный взор лисицы
Для курицы только и опасен,
Он тускнеет пред орлиным оком. (с. 76)

– **оружие**: для черногорцев оружие – святыня. Это ассоциативное поле вербализуется элементами народного причитания, плача – обрядовой и бытовой народной поэзии, лирико-драматической импровизации, в которой оплакивается утрата ружья как смерть близкого человека. Для выражения плача использован сплав разнородных

элементов таких, как ритуальное песнопение, речитативное проговаривание, эмоциональный нервный накал, сравнения, почитавшие утраченное оружие, выражающие естественные чувства сострадания и «оружие любия»: *«жа ми га је ка једнога сина, жа ми га је ка брата роднога»*, даже проклятие: *Више жалим пуста џефердара //но да ми је руку окинула:*

Више жалим пуста џефердара
но да ми је руку окинула!
Жа ми га је ка једнога сина,
жа ми га је ка брата роднога,
јере бјеше пушка мимо пушке.
Срећан бјеше, а убојит бјеше;
око њега руке не превијох,
свагда бјеше као огледало;
у хилјаду другијех пушаках
познати га шћаше када пукне. (с. 213)

В переводе:

И поверьте, жаль мне джефердара,
Будто сына иль родного брата.
Был он лучше всех ружей на свете,
был на диво меток и удачлив.
Я и пальцем его не касался –
как зеркало он сиял на солнце.
По выстрелу джефердар мой верный
Я узнал бы из тысячи ружей. (с. 212)

Перевод передаёт основное значение этого сегмента и сохраняет метрическую систему плача как жанра, хотя не передан эмоционально-экспрессивный слой оригинала.

– **смерть – бессмертие**: в системе мировосприятия автора поэмы *Горный венец* явления жизни и смерти реализуется в виде членов своеобразной триады *жизнь – смерть – бессмертие*. Идея Негоша о вечном существовании в человеческой памяти, лучше всего можно выразить в следующей форме, передающей исконную этику, уходящую в далёкое прошлое: *человек рождён для подвига на благо родины, а смерть на бранном поле – это высшая награда; это лишь переход жертвы в заслуженное «царство поэзии», и вознесение её в пантеон мифических косовских юнаков. Для таких юнаков «немогущая*

старость» – это кара божья, позор. Человек на пути к бессмертию как к особой форме присутствия в памяти потомков воспринимает смерть как награду, как путь «к бессмертию и святому гробу»:

...Жертве благородне
да прелазе с бојнијех пољанах
у весело царство поезије,
како росне свијетле капљице
уз веселе зраке на небеса.
Куд ће више бруке од старости?
Ноге клону, а очи издају,
узблуту се мозак у тиквини,
пођетињи чело намрштено;
грдне јаме нагрдиле лице,
мутне очи утекле у главу,
смрт се гадно испод чела смије
како жаба испод своје коре. (с. 91)

В переводе:

...Прекрасные жертвы
С поля боя в царство поэзии
переходят, как росные капли
светлым утром в голубое небо.
Что позорней немощной старости?
Ноги слабнут, и глаза подводят,
в старой тыкве мозги прокисают,
лоб и щеки бороздят морщины,
и смеётся, будто черепаха,
уродлива смерть из-под черепа. (с. 90)

Или:

Гордо лежи велики војвода
под кључевма крви благородне,
ка малопред што гордо иђаше,
страсном мишљу прсих надутијех,
кроз дивјачне тмуше азијатске,

гутајућ их ватреним очима;
ка малопред што гордо иђаше
к светом гробу бесмртног живота,
презирући људско ништавило
и плетење безумне скупштине. (с. 47)

В переводе:

И великий лежит воевода,
истекая кровью благородной.
Лишь недавно он шагал по полю,
охваченный единственной мыслью
и дикие толпы азиатов
огненными взорами сжигая;
лишь недавно гордо шёл навстречу
бессмертию и святой могиле
презирая скупщины безумье
и коварство сплетников ничтожных. (с. 46)

Эта триада *жизнь – смерть – бессмертие* вербализуется с помощью ряда метафор (*веселе зраке, жертве благородне да прелазе с бојнијех пољанах у весело царство поезије, смрт се гадно испод чела смије*), фразеологизмов, возвышенной книжной лексики в сочетании с просторечной, иногда диалектной, что представляло определённую трудность для переводчика.

Таким образом, выше приведённые примеры представляют собой ассоциативную природу анализируемого концепта, проявляющуюся в художественном тексте, где ментальные проекции объединены единой системой смысла и подчинены задачам создания художественной образности.

Помимо словарных определений, актуализирующих обыденные представления о содержании концепта, понятийный блок лингвокультурного концепта также структурирован интенционалами научных понятий, представлений и культурных установок. Следует обратить особое внимание на понятие *чојство*, которому нет адекватного эквивалента в русском языке, хотя в словаре оно переводится как благородство, человечность, которые также имеют соответствующие сербские эквиваленты – *племенитост, човечност*. Но речь идёт о понятии *чојство*, которое особо ценится у черногорцев, и включает в себя *и благородство, и человечность, и гуманизм, и*

сопереживание с другими, умение разделить горе, несчастье, страдания другого человека, а самое главное – умение помочь слабому, незащищенному, беспомощному или попавшему в беду, иногда даже неприятелю. Так называемое *чојство* может быть самостоятельным концептом, но в данной работе мы считаем его сопутствующим анализируемому концепту «героизм». Ядерная лексема *чојство* в поэме встречается только два раза:

Первый раз – в отрывке:

О проклета земљо, пропала се! 975

Име ти је страшно и опако.

Или имам младог витеза,

Уграбиш га у првој младости,

Или имах чојка за човјество

Свакога ми узе приђе рока. (с. 89)

– **сердер** Вукота осыпает проклятиями землю, «забирающую лучших людей – настоящих героев, витязей, погибших, защищая своё отечество, совершивших благородные подвиги».

В переводе:

Муж достойный, что славу стяжает,

погибнет в молодости ранней. (с. 88)

– Шумилов хотя и трансформировал, но удачно передал смысл стиха: *или имах чојка за човјество*⁷⁶.

Второй – в ответе туркам (визирю Селиму) владыки Данилы, человека-гуманиста, глубокомыслящего, предвидящего последствия нападения на сербских мусульман, всеми силами желающего предотвратить гражданскую войну, где героизм будет иметь весьма трагические однозначно определяет своё отношение к кровопролитию:

Коме закон лежи у топузу, 1155

трагови му смрде *нечовјештвом*. (с. 101)

Перевод Шумилова:

Кто законы на клинке приносит –

Оставляет за собой пустыню. (с. 100)

---

⁷⁶ У монографији Михајла Стевановића *О језику Горског вијенца* даје се следеће тумачење овог стиха: «А није тешко схватити да се у стиху „или имах чојка за човјество“ – не говори **о човеку за човечанство** него **о човеку за човечност**, за човјество, као и све три именице које се иза ње наводе: *човјештво*, *човјество*, и *чојство* – јесу синоними, али не и *човјечанство* с њима, јер човечанство, у наше време, значи само **све људе света**. У Вуково и Његошево време је имало и значење *човечности*. Његош је употребљавао, не, истина, *човјечанство*, него црквено-руске ликове те речи (*человечество* и *човјечество*) и у значењу *човечности*» [Стефановић, 1990, с. 134].

– вряд ли передаёт смысл этой сентенции, аллюзия слишком далека

Вместе с тем, вербализация этого художественного концепта осуществляется и с помощью таких значений как:

– *гуманизм* (поведение владыки Данилы, о котором мы уже говорили, основной смысл этики которого – защищать слабого, не уничтожать ничего, даже вражеского, считая, что тирана нужно заставить уважать право человека на жизнь. В данном примере значение концепта (чојства) вербализован на уровне сложного синтаксического целого, состоящего из двух предложений. В первом – даётся сравнение законов дикой природы, конкретно – право волка на овцу – и якобы такого же право тирана на беззащитного человека⁷⁷. Во втором предложении опровергается это право, и согласно гуманным основам человеческого общества тиранству (нужно) «стать ногой на горло» и заставить тирана уважать истинное право, то есть право слабого человека на жизнь. Разговорный эмоционально окрашенный фразеологизм *стати ногом за врат* со значением ‘заставить кого-то насильно что-либо сделать’ книжного характера лексема *тирјанство* усиливают экспрессию всего сложного синтаксического целого. В примере в завуалированном виде присутствуют все элементы концепта героизма:

Вук на овцу своје право има
ка тирјанин на слаба човјека.
Ал' тирјанству стати ногом за врат,
довести га к познанију права,
то је људска дужност најсветија! (с. 69)

Перевод Шумилова стиха «*довести га к познанију права*» не соответствует оригиналу, так как речь идёт о правах человека на свободу⁷⁸:

Волку право на овцу даётся,
Как тирану на людей бессильных.
Но тиранству стать ногой на горло
И поставить его перед правдой –
Вот святое дело человека! (с. 68)

– *христианская благодетель, христианская добродетель (благородный поступок)* – (освобождение старухи, поссорившей три черногорских племени по приказу турок, пригрозивших ей страшной карой): «*Тада скочи народ цио, узми камење да је под*

⁷⁷ Ср. русскую пословицу *лежачего не бьют*.

⁷⁸ См. толкование этого стиха в монографии Стевановича *О језику Горског вијенца*, с. 99.

гомилом метну, али је не пуге главари, но је с муком одбране») – с. 175. В данной авторской ремарке преобладают локальные диалектизмы родного края Негоша, которые переводчик перенёс средствами общезыковой нормы, то есть перевод не совсем адекватен: *Все вскакивают на ноги, хватают камни, чтобы забросать ими старуху, но старейшины этого не допускают и с трудом её защищают* (с. 174). Следовало хотя бы сохранить выражения с инверсионным порядком слов *народ цио* – например, народ весь православный, равно как глагольные формы мгновенного действия *скочи, узми, метну – прыг, хватъ, метнуть*.

– **оказание помощи слабому, незащищенному.** Как отмечают исследователи, занимающиеся изучением вопросов, связанных с гуманизмом, модели поведения востребованы обществом в переломные моменты, когда героизм, человечность являются одним из выходов из критической ситуации. К примеру:

Пуштите их (јаребице), аманат ви божи,
јере их је невоља нагнала,
а не бисте ниједну хватали.
Утекле су к вама да утеку,
а нијесу да их покољете. (с. 43)

Если бы в переводе Шумилова из обилия просторечных, диалектных форм (*пуштите, утеку и тд.*) – представляющих собой вербализацию этого значения *оказание помощи слабому, незащищенному* – был передан хотя бы плеоназм *Утекле су к вама да утеку*, то все четверостишие получило бы простонародную, диалектную окраску. А он (Шумилов) весь отрывок опустил до уровня нейтральной лексики. В желании сохранить десятисложник оригинала Шумилов выхолостил основную дихотомию славянизм – диалектизм, то есть смену средств высокого стиля – низким, просторечным, диалектным, и все перевёл нейтральными, общезыковыми средствами:

Отпустите, это знак Господень!
Их (куропатов) погнало в руки к вам несчастье,
а иначе б их вы не видали!
Птицы ищут у вас прибежища,
а не смерти от людей жестоких! (с. 42)

Таким образом, анализируемый концепт *человечность, гуманность, благородство* (чојство) является важной составляющей духовной культуры черногорцев, и в этом смысле может быть рассмотрен как значимый элемент «культурного кода».

В основе этого концепта лежит представление об идеальном этическом и моральном поведении людей. В настоящее время, с одной стороны, можно фиксировать

ослабление значимости традиционных ценностей, свойственных черногорской культуре, в современном обществе, а с другой – сохраняется, как нам кажется, общественная потребность в моделях и образцах героической личности.

На основании проведённого анализа перевода данной поэмы Александром Шумиловым на русский язык можно заключить, что в русском языке ядерная лексема концепта «героизм» реализует значения в основном такие же, как и в сербском языке: *храбрость, смелость, мужество, подвиг, исполнение долга, отдать жизнь во имя будущего, погибнуть, защищая народ и отчество; пренебрежение опасностью; самопожертвование*. Итак, выделенное понятийное ядро этого концепта представляет собой нравственно и ценностно ориентированное поведение большой социальной, психологической и культурной значимости.

Однако в черногорском народном сознании героическое поведение складывается также из совокупности *силы воли, бдительности, патриотизма и человечности*, которая является проявлением *здравого смысла и благородства*, и имеет особое наименование – чојство. Так, концепт «героизм» в поэме *Горский венец* существует неотделимо от концепта *человечность, гуманность, благородство* (серб. чојство) и представляет многоплановость концептосферы Негоша как проявление специфики его идиостиля. Лингвистические средства экспликации героических представлений, отражающие образцы героического поведения в черногорской и русской лингвокультурах, это – славянизмы и диалектизмы, составляющие основу идиостиля Петра Петровича Негоша.

Таким образом, лингвокультурный концепт «героизм» представляет собой сложное ментальное образование, оно фиксируется в речевом и невербальном поведении людей и обладает национальными специфическими особенностями в исследуемых черногорской и русской наивных картинах мира (у черногорцев – чојство; а у русских – безрассудная смелость).

Список литературы

- Влахов С.* Непереваемое в переводе / Влахов С., Флорин С.М.: Международные отношения, 1980.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Гарбовский Н.К. М.: МГУ, 2007.
- Голубев Д.А.* Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис... канд. фил. наук: 10.02.19 / Голубев Д.А. Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского. Ярославль, 2008. 21 с.
- Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова / в сб.: Семантика языковых единиц: Доклады VI Межд. конф. М.: Наука, 1998, С. 7-50.

- Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира / в сб.: Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141, 172.
- Негош П.П.* Горный венец / Негош П.П.; пер. с сербского и комментарий Александра Шумилова. Подгорица: УНИРЕКС, 1996.
- Стернин И.А.* О понятии «коммуникативный шок» /в сб.: Русское и французское коммуникативное поведение. Воронеж, 2002. С. 10-19.
- Бечановић Т.* Семиотичка интерпретација Горског вијенца / Бечановић, Т. Преузето са <http://www.ff.ucg.ac.me/njegos/Z1/Tatjana%20Becanovic.pdf>
- Мршевић-Радовић Д.* Фразеологија и национална култура / Мршевић-Радовић Д, Београд: Штампачи Чигоја, 2008.
- Негош П.* Горски вијенац / Негош П. Подгорица: УНИРЕКС, 1996.
- Пејановић А.* Фразеологија Горског вијенца / Пејановић А. Подгорица: ЦАНУ, 2010. С. 157-305.
- Радић-Дугоњић М.* Прилог проучавању инваријатних и варијантних обележја концепата емоције у српском и руском језику (на материјалу руског превода «Сеоба» Милоша Црњанског) / Радић-Дугоњић М., Стил, Међународни часопис, Београд- Бања Лука, 2003, С. 321-330.
- Стеванович М.* О језику Горског вијенца / Стеванович М. Београд: Српска академија науке и уметности, научна књига, 1990.

Разумовская В.А.
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica
FGAOU VPO "Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)

*ОСТРАНЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ: МИСТИЧЕСКИЕ
СЦЕНЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*

ESTRANGING IN LITERARY ORIGINAL AND TRANSLATION: MYSTERIOUS SCENES
OF "EUGENE ONEGIN"

В статье рассматриваются вопросы художественного перевода, обусловленные расширением категориальной парадигмы современного переводоведения. К семантико-стилистическим особенностям художественного текста относится использование автором художественного приёма остранения, обеспечивающего гарантированное обращение внимания читателя к информации текста. В контексте межъязыкового художественного перевода воссоздание остранения оригинала во вторичном тексте обусловлено важными задачами сохранения идиостиля автора. Цель культурной адаптации литературного текста требует использование эффективных стратегий перевода. В настоящее время остранение является неостратегией культурной адаптации в переводе, что наглядно свидетельствует о приобретении приёмом остранения нового категориального статуса. В данной работе одновременно рассматриваются остранение как приём художественного оригинала и остранение как стратегия перевода, используемая для передачи приёма остранения в тексте перевода. Материалом исследования послужили мистические сцены русского оригинала романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его современные поэтические переводы на английский и немецкий языки.

The article deals with the issues of literary translation determined by the expansion of categorical paradigm of modern translation studies. The artistic device of estranging providing the attraction of the reader's attention to the information of the text belongs to semantic and stylistic peculiarities of a literary text. In the context of interlingual translation the reconstruction of the estranging of an original in a secondary text is determined by the important task of the preservation of the author's idiosyncrasy. The purpose of the cultural adaptation of a literary text requires the usage of the effective translation strategies. At present the estranging is considered to be the neostrategy of the cultural adaptation in translation which clearly testifies the acquisition a new categorical status by the estranging. The estranging as a artistic device of a literary original and estranging as a translation strategy used to transmit the estranging device in a translation are simultaneously studied in the paper. The mysterious scenes of the Russian novel in verse "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin and its modern poetic translations into English and German are used as a material of the research.

Ключевые слова: художественный перевод, остранение, художественный приём, стратегия перевода, культурная адаптация, «Евгений Онегин».

Key words: literary translation, estranging, artistic device, translation strategy, cultural adaptation, "Eugene Onegin"

Несмотря на сравнительно непродолжительную историю существования в статусе отдельной отрасли гуманитарного знания, наука о переводе прошла крайне сложный и

порой драматичный путь становления и развития. К настоящему моменту переводоведение обладает широкой методологической базой, объединяющей лингвистические, функциональные, социологические, культурологические, герменевтические, когнитивно-деятельностные подходы к рассмотрению актуальных вопросов перевода. Категориальная парадигма переводоведения значительно расширилась за счёт привлечения категорий из различных областей науки и искусства, что отражает общую современную тенденцию к методологической интеграции и унификации как в научном информационном пространстве, так и в непохожих (только на первый взгляд) предметных областях науки и искусства [Разумовская, 2011a]. К традиционным категориям эквивалентности и адекватности, безраздельно господствующим в теории перевода многие десятилетия, сравнительно недавно добавились такие научные категории, как симметрия и асимметрия, изоморфизм и полиморфизм, изомерия, энтропия. Некоторые переводческих неокатегории носят универсальный характер и не зависят от видовой стратификации перевода. Ряд неокатегорий преимущественно применимы к какому-то определённом виду перевода и являются специализированными. Поскольку материал настоящей статьи ограничен художественными текстами, то нашей целью является рассмотрение неокатегорий данного вида перевода.

В каждой национальной литературе представлено некое количество художественных текстов, формирующих культурно-ориентированное ядро данных литератур и служащих хранилищем основных ценностей культуры. В контексте теории интертекстуальности ядерные художественные тексты определяются как «сильные» тексты. Данные тексты известны большинству представителей «своей» культуры, обладают высокой информационной энергией и осуществляют регулярный энергетический взаимообмен, находясь в перманентном информационном резонансе как с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур, так и со своими читателями [Кузьмина, 2009, с. 68-71]. «Сильные» тексты характеризуются высокой способностью к реинтерпретативности – «переводимости» на «языки» других видов искусств, то есть подлежат межсемиотического переводу (по классификации Р. Якобсона). История художественного перевода также наглядно свидетельствует о том, что оригинал «сильного» текста постоянно генерирует многочисленные иноязычные и иносистемные (межсемиотические) вторичные тексты, образуя обширный центр переводческой аттракции [Разумовская, 2011b]. Известно, что в роли аттрактора перевода наиболее часто выступают тексты, являющиеся культурным достоянием определённой культуры и

находящиеся в узлах текстовых, концептуальных и культурных решёток данных культур [Bassnett, Lefevere, 1998].

Ингерентная культурная ориентированность «сильных» художественных текстов предполагает выбор и применение наиболее эффективных стратегий культурной адаптации информации оригинала в переводном тексте. Так, рассматривая стратегии адаптации культурной информации в рамках регулярной лингвокультурной дихотомии «свой и чужой», американский переводовед Л. Венути определяет основные культурно-ориентированные стратегии терминами «форенизация» и «доместикация» [Venuti, 2006]. Сравнительно недавно к парадигме стратегий Л. Венути была добавлена стратегия остранения [Куницына, 2009]. Как антиманипулятивная стратегия остранения была рассмотрено на материале киноперевода [Корнаухова, 2011].

Термин «остранение» заимствован из литературоведения (более точно, из русского формализма) и означает приём создания особого восприятия и видения предмета, которое не объясняет значение предмета, а концентрирует на нем внимание, увеличивая долготу и трудность восприятия. «Целью образа является не приближение его значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, *создание “виденья” его, а не “узнавания”*» [Шкловский, 1983, с. 20]. Известно, что В. Шкловский основывается в своих рассуждениях о странном, прежде всего, на понимании бессознательного в творчестве Л.Н. Толстого и считает, что остранение у Л.Н. Толстого это способ «добираться до совести». Важно подчеркнуть, что В. Шкловский не считает остранение исключительно толстовским приёмом, что позволяет основателю и теоретику русской формальной школы использовать понятие «остранение» для обозначения трансформации вещей из обычных (привычных) в странные в широком понимании и рассматривать остранение как основной закон искусства. В современном литературоведении остранение относят к универсальным приёмам построения художественного текста. Размышляя о категории странного, М.Н. Эпштейн предпринимает попытку рассмотреть концепцию остранения В. Шкловского с позиции фрейдовской теории жуткого и наоборот, что позволило ему сделать важный вывод о том, что «независимо друг от друга два исследователя, психоаналитик и литературовед, пришли к столь сходным теориям, оказавшим сильное воздействие на их дисциплины» [Эпштейн, 2003]. Совместное рассмотрение авторских теорий В. Шкловского и З. Фрейда даёт возможность М.Н. Эпштейну разграничить остранение и острашение, поместив данные понятия в противоположных точках широкой градации «странное – жуткое» и предложить термин «острашение» как гиперболу остранения.

Исследователь определяет острашение как художественный приём, «который выводит восприятие вещи из автоматизма и побуждает сосредоточить на ней внимание, поскольку она пугает, представляет угрозу» [Эпштейн, 2003]. В последнее время острашение стало достаточно популярным научным объектом, требующим привлечения различного материала и интегративного подхода к изучению. Так, ярким примером использования приёма острашения является передача особенностей детского восприятия в художественных текстах А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, так как дети, несомненно, относятся к персонажам, для которых характерен и неизбежен необычный взгляд на окружающие вещи [Лапонина, 2005]. Обладая универсальным статусом в области искусства, острашение представлено в его различных формах: в театроведении острашение модифицируется в форму театрального эффекта отчуждения в постановках Б. Брехта, а в кинематографии ярчайшим примером использования приёма острашения как средства влияния на зрительское восприятие кинотекста служит творчество А. Тарковского. В изобразительном искусстве интересующий нас приём затруднённого восприятия объекта представлен в кубизме и футуризме, в значительной мере также основанных на принципе острашения (полотна П. Пикассо, Ж. Брака, К. Карра, Дж. Северини). Понятие острашения тесно связано и с музыкальными опытами П. Мамонова и уникальным архитектурным стилем А. Гауди. Затруднение формы делает основным процессом искусства восприятие, обеспечивающее переживание произведений искусства.

Интересный материал для наблюдения приёма острашения и применения стратегии острашения в художественном переводе представляет английский перевод поэмы «Мёртвые души», выполненный К. Инглишем – «...если Инглишу и не всегда удаётся передать особенности гоголевского языка, то его безусловной заслугой является воссоздание в переводе феномена языка как объекта изображения, языка, обладающего определённой этнокультурной идентичностью. Инглиш принципиально внимателен к тем фрагментам текста, где Гоголь “острашается” от языка, фокусируясь не на фиктивной реальности, а на том, какое эта реальность получает языковое воплощение» [Нестеренко, 2010, с. 26]. Не отказываясь от применения стратегий культурной адаптации информации гоголевского оригинала, К. Инглиш также использует перевод-острашение или перевод-кальку. При таком переводческом подходе, предполагающем транслитерацию ряда лексических единиц оригинала, осуществляется этнокультурная идентификация безэквивалентных единиц и создаётся эффект острашения, сигнализирующий читателю о том, что перед ним перевод. «Следует отметить, однако, что этот эффект, создаваемый

при переводе, неожиданно оказывается конгениальным поэтике оригинала в тех фрагментах, где сам Гоголь моделирует установку на остранение» [Нестеренко, 2010, с. 28]. Остранение не только обеспечивает определённую «русскость» английского перевода, но и позволяет переводчику следовать принципу: «чужое» слово в гоголевском тексте остаётся «чужим» в переводе.

В художественном переводе стратегия остранения находится в отношении комплементарности к стратегиям форенизации и доместикации, нарушая баланс данных стратегий и переводческую норму. Полученные нами ранее результаты анализа оригинала романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его межъязыковых переводов свидетельствуют о том, что приём остранения представлен уже в русском оригинале, что иллюстрируется использованием редких ветхозаветных и других «странных» имён для именования персонажей романа, существующих в рамках «странного» инфернального времени (Воланд, Бегемот, Азazelло). Во вторичных текстах «Мастера и Маргариты» стратегия остранения используется наряду с форенизацией и доместикацией для передачи культуронимов московских и иершалаимских глав романа. В китайских переводах эффект остранения имён собственных усиливается презентацией инфернальных имён и культуронимов иероглифической графикой [Разумовская, Ян Минбо, 2012].

Использование автором приёма остранения в художественном тексте делает восприятие такого текста сильным эмоциональным событием для читателя. Поскольку остранение предполагает странное (жуткое, таинственное, чуждое, непостижимое, неузнаваемое, сверхъестественное, противоестественное) представление объекта или явления в тексте, то можно утверждать, что мистические сцены романа «Евгений Онегин» полностью соответствуют этим параметрам. Так, в V главе представлен сон Татьяны – наиболее мистическая и странная часть романа.

Ю.М. Лотман считает, что сон Татьяны имеет в пушкинском тексте двойной смысл. Являясь крайне важным для психологической характеристики героини, сон Татьяны также выполняет и композиционную роль, логично связывая содержание предшествующих глав с драматическими событиями последующей VI главы. Сон, прежде всего, мотивируется психологически, поскольку он определён и представлен напряжёнными переживаниями Татьяны по поводу неожиданного поведения Онегина во время объяснения в саду, а также загадочной атмосферой Святков. Другой важной функцией сна Татьяны является свидетельствование о тесной связи героини с народной жизнью, русским фольклором: «Татьяна (русская душою...)» [Лотман, 1995, с. 650-651].

Сон Татьяны предваряется семантической ситуацией святочных гаданий. Строфы XI-XV содержат сцены блуждания Татьяны во сне по заснеженной поляне и в лесу, встречи героини с медведем и обнаружения ею в лесной глуши «убогого» шалаша. В следующих шести строфах (XVI-XXI), являющихся продолжением сна героини, описывается пир мистических чудовищ и Онегина (хозяина) в лесном шалаше, убийство Ленского Онегиным (предчувствие последующего убийства Ленского на дуэли) и пробуждение Татьяны.

Содержание XVI - XIX строф представляет собой описание свадьбы, помещённой в изнаночный, вывернутый дьявольский мир, в котором находится Татьяна во сне. Это свадьба представляет собой одновременно и похороны: «За дверью крик и звон стакана, / Как на больших похоронах». Но это дьявольская свадьба, и поэтому весь обряд во сне Татьяны происходит противоположным образом: прибывает в дом невеста; войдя, она застаёт сидящих вдоль стен на лавках, но это не «гости милосердые», а лесная нечисть. Хозяин пира оказывается предметом любви героини. Описание нечистой силы («шайки домовых») подчинено распространённому в иконографии средних веков, в романтической литературе изображению нечистой силы как соединению несоединимых деталей и предметов [Лотман, 1995, с. 655]. Важной частью праздничного святочного цикла является посещение дома ряжеными, которое проходит шумно и весело. «Перевернутость» сна Татьяны определяется приходом героини в дом к ряженым, а не приходом ряженных в дом героини, атмосферой страха и ужаса, подменяющей во сне весёлую атмосферу Святков.

Персонажи ведьминского шабаша фантастичны и жутки: «чудовища», «один в рогах с собачьей головой», «другой с петушьей головой», «ведьма с козьей головой», «остов», «карла с хвостиком», «полужуравль», «полукот» и динамичны: «рак» катается на пауке, «череп» в красном колпаке вертится, «мельница» пляшет и машет крыльями. В дальнейшем мистическая компания пира получает негативные обобщённые названия: «шайка домовых» и «адские привидения».

Материалом анализа послужили два текста английского и немецкого переводов романа. Английский перевод выполнен профессором Лондонского университетом С. Митчеллом и был опубликован в 2008 году [Pushkin, 2008]. Являясь одним из последних английских переводов романа, перевод получил хорошие отзывы читателей, филологов, переводчиков и критиков. О качестве перевода свидетельствует и тот факт, что в 2013 году известный британский актёр С. Фрай записал переводной текст «Евгения Онегина» в

формате аудиокниги. Немецкий перевод Р.-Д. Кайля, впервые опубликованный в 1980 году, является двенадцатым полнотекстовым переводом пушкинского текста на немецкий язык [Puschkin, 1999]. В 1983 году перевод был отмечен престижной премией немецкой академии языка и поэзии и считается в настоящее время одним из лучших немецких переводов романа.

Странность, жуткость и сверхъестественность ситуации шабаша репрезентируется в оригинале и переводах практически симметричными лексическими единицами. «Чудовища» передаются в английском переводе единицей «monsters», а в немецком «Ungeheuer». Фраза «Один в рогах с собачьей мордой» имеет английское соответствие «one a dog's face, horned, abnormal», в котором переводчик добавляет определение «abnormal», отсутствующее в пушкинском оригинале. В немецком переводе представлена синонимичная фраза «Der hundeschnäuzig mit Geweih». «Другой с петушьей головой» – «another with a cockerel's head». Немецкий перевод оказался несколько асимметричным, поскольку описываемое мистическое существо определяется как петух с головой («Ein Hahn mit Kopf»), а не странное («другое») существо с головой петуха. «Ведьма с козьей бородой» обозначена по-английски как «a witch with bearded goat cross-bred». Примечательно, что английский переводчик объясняет, что странное существо с козлиной бородой является результатом гибридного скрещивания ведьмы и бородатой козы. В немецком тексте это злая (в оригинале определение отсутствует) волшебница с козлиной бородкой («Mit Ziegenbart die böse Fey»). Фраза «остов чопорный и гордый» симметрично переведена как «a skeleton, august and formal» и, соответственно, «In stolzer Pose ein Gerippe». «Карла с хвостиком» имеет английский переводной вариант «a small-tailed dwarf». В немецком – «Ein Zwerg mit Schweif». «Полужуравль» – это «half-crane» и «Kranichhals» (шея журавля), а «полукот» имеет варианты «half-cat» и «Katzenkopf» (кошачья голова). Описание жуткой атмосферы сцены «Ещё страшней, ещё чуднее ...» в переводах передаётся как «More wondrous, more intimidating ...» и «Noch mehr der Wunder, mehr der Schrecken». «Паук» – это «spider» и «Spinne»; «череп» – «skull» и не совсем точный вариант «Totenkopf» (мертвая голова), «мельница» – «windmill» и «Mühle»; «рак» – «crab» и «Krebs». Таким образом, нереальный мир сна Татьяны и в тексте оригинала и в анализируемых переводах населён странными существами, «собранными» из частей реальных живых и мистических существ, что делает их странными и необычными как для англофонных, так и германофонных читателей переводов.

«Шайка домовых» получает английское соответствие «the goblins». Семантика единицы «goblin» близка семантике русского слова «домовой». В немецком – это «Die Geisterschar». Сочетание «адские приведения» имеет практически абсолютно симметричные переводческие соответствия: «hellish specters» и «Höllengeister», в которых оба переводчики сохранили крайне важный смысл «ад». Максимальная степень жуткости сцены достигается в отрывке: «...Копыта, хоботы кривые, Хвосты хохлатые, клыки, Усы, кровавы языки, Рога и пальцы костяные ...». В английском варианте добавлено сравнение пальцев с острыми ногтями: «... Their curved proboscises, moustaches, Their hooves, horns, tusks and tufted tails, Their bony fingers, sharp like nails...». Сходные переводческие решения выбрал и немецкий переводчик: «Und Hufe, krumme Rüssel, Pfoten, Stoßzähne, jeder Bart, Gebörn und Knochen finger drohten».

Таким образом, мистицизм и очевидная странность сцены пира (свадьбы-похорон по Ю.М. Лотману) чудовищ из сна героини представляет собой результат художественного приёма остранения. Созданные воображением автора и воплощённые в поэтическом тексте номинации действующих лиц служат целям создания сильного эмоционального напряжения у читателя, привлечения его внимание. Авторское языковое воплощение видения психологически сложной и непонятной сцены заставляют читателя сопереживать и сочувствовать пушкинской Татьяне. Нереальность происходящего в сцене вызывает у читателей текста удивление, страх, непонимание. Негативные эмоциональные реакции относятся к универсальным чувствам человека независимо от его национальной принадлежности, пола, возраста, образования и жизненного опыта. Данные чувства уводят реципиента негативной эмоциональной информации в сравнительно мало изученную область бессознательного. Странность и мистицизм пушкинского оригинала симметрично сохранены в анализируемых иноязычных переводах. Несмотря на высокую точность воссоздания мистических персонажей во вторичных текстах романа, английский и немецкий переводчики, несомненно, допускают семантическую, лексическую и образную вариативность, что, однако, не влияет на общую мистическую атмосферу сцены из «сильного» текста русской культуры, воссоздаваемого в «чужих» языковых и культурных пространствах. Переводчики С. Митчеллом и Р.-Д. Кайль имели своей целью воссоздание художественного приёма остранения в предлагаемых ими переводах, что им, бесспорно, удалось. Очевидно, что нереальность номинируемых участников сцены и, как следствие этого, отсутствие соответствующих номинативных единиц в языках перевода, определяет необходимость использования переводчиками стратегии остранения. Авторы переводов

были вынуждены отказаться от культурной замены, толкования и опущения, регулярно используемых для культурной адаптации информации художественного оригинала в переводах. Выбором переводчиков становится культурное сохранение, что предполагает сохранение как семантики, так и структуры уникальных лексических единиц пушкинского оригинала, обеспечивающих мистицизм и сверхъестественность сцены пира и всего сна Татьяны. Странность (и даже «страшность») оригинальных чудовищ сохранена в рассмотренных переводах с помощью наиболее эффективной для достижения данной цели стратегии – стратегии остранения.

Список литературы

- Корнаухова Н.Г.* Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием / Н.Г. Корнаухова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. № 15, Т. 3, 2011. С. 90-96.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография / Н.А. Кузьмина. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 228 с.
- Куницына Е.Ю.* Шекспир – Игра – Перевод / Е.Ю. Куницына. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. 348 с.
- Лапонина Л.* Приём остранения в рассказах А.П. Чехова о детях / Л. Лапонина // Материалы международной научной конференции. М. Изд-во МГУ, 2005. С. 126-132.
- Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман. СПб: Искусство, 1995. 845 с.
- Нестеренко О.В.* Адаптация и остранение как переводческие стратегии (на примере перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» К. Инглишем / О.В. Нестеренко // Вестник Томского государственного университета, 2010, № 338. С. 26-29.
- Разумовская В.А.* К вопросу унификации науки, искусства и перевода / В.А. Разумовская // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, № 3 (69), Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 2011а. С. 32-37.
- Разумовская В.А.* Художественный текст в решётках культуры и переводе / В.А. Разумовская // Вестник Тюменского государственного университета, № 1, Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011б. С. 206-213.
- Разумовская В.А.* Булгаковский текст в китайских переводах: переводимое и непереводимое / В.А. Разумовская, Ян Минбо // Михаил Булгаков, его время и мы: Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2012. С. 707-723.
- Шкловский В.* Искусство как приём / В. Шкловский // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9-26.
- Эпштейн М.* Жуткое и странное: о теоретической встрече З. Фрейла и В. Шкловского [Электрон. ресурс] / М. Эпштейн. – 2003. – Режим доступа: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/mt_uncanny.html
- Bassnett, S.* Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation. 11. / S. Bassnett, A. Lefevere. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 143 p.

Puschkin, A. Jewgeni Onegin. Roman in Versen. Aus den Russischen und mit einen Vorwort und Erläuterungen von Rolf-Dietrich Keil / A. Puschkin. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 1999. 269 s.

Pushkin, A. Eugene Onegin. A Novel in Verse Translated with an Introduction and Notes by Stanley Mitchell / A. Pushkin. London: Penguin Books, 2008. 244 p.

Venuti, L. Strategies of translation / L. Venuti // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London and New York: Routledge. Taylor and Francis Group, 2006. P. 240-244.

Ремхе И.Н.

Магнитогорский государственный университет имени Носова
г. Магнитогорск (Россия)

Гиллеспи Дэвид

Батский университет
г. Бат (Великобритания)

Remkhe Irina Nikolaevna

Nosov Magnitogorsk State University
Magnitogorsk (Russia)

Gillespie David

University of Bath
City of Bath (United Kingdom)

*ОБ АКТУАЛЬНОСТИ МЕТОДА ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДА НА
ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ FRAMENET И
ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА «ДУМАЙ ВСЛУХ» С РУССКОГО ЯЗЫКА НА
АНГЛИЙСКИЙ*

ON THE APPLICABILITY OF THE FRAME MODELLING METHOD IN TRANSLATION
BASED ON THE 'FRAMENET' SYSTEM OF KNOWLEDGE MAPPING AND THE 'THINK-
ALoud' RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION EXPERIMENT

В данной статье рассматривается возможность фреймового представления ментального пространства переводчика и систематизации знаний на примере анализа языкового корпуса английского языка FrameNet и психолингвистического переводческого эксперимента «Думай вслух», проведённого со студентами-переводчиками – носителями английского языка. Изучение задач системы FrameNet позволило автору прийти к определённым выводам относительно возможностей и потенциала фреймовой системы, позволяющей проникнуть в суть понимания текста и доказать динамическую, эвристическую и когнитивную сущность фреймовых репрезентаций, что представляется важным в случае их применения в области перевода. Руководствуясь основными положениями исследования Ч. Филлмора и его экспериментальной группы, наряду с основными положениями психолингвистики и теоретическими воззрениями лингвистов-когнитологов, а также на основе результатов психолингвистического эксперимента, автор проводит краткий анализ фреймового мышления переводчика, доказывающего его системность и эвристичность, что выражается в процессах антиципации и подборе определённых когнитивных стратегий в переводе.

This article discusses the issue of using frames as special units to construct the mental space of the translator, or to be used as a knowledge database as exemplified in the English language corpus system called FrameNet and the psycholinguistic experiment Think Aloud, carried out with student-translators whose native language is English. The analysis of the FrameNet system's target tasks has enabled the author to come to certain theoretical assumptions concerning the possibilities and potentialities of the frame system as such, which entails a deeper insight on text understanding and a demonstration of the dynamic and cognitive nature of frame representations. This is seen as important in the area of translation. Using Ch. Fillmore's theory as my theoretical model, as well as the conceptual models of other renowned cognitive linguists and the basic principles of psycholinguistics as grounded in the psycholinguistic experiment mentioned above, the author analyses the frame structures of the translator's mind, thus developing the idea of it being well-mapped and heuristic. This is also proven by the ability to anticipate and select certain cognitive strategies in translation.

Ключевые слова: фрейм, переводческий процесс, мышление, познание, психолингвистический эксперимент, модель перевода, когнитивный.

Key words: frame, translation process, mind, learning, psychological experiment, translation model, cognitive.

Активное развитие антропоцентрической парадигмы в области когнитивного языкознания серьёзным образом сказывается на переводоведении, которое также, как и языкознание пропитывается духом междисциплинарности, что является необходимой реальностью для познания человеческого разума и раскрытия человеческого фактора в языке. Наряду с этим возникает объективная потребность в уточнении терминологического аппарата на пути к исследованию когнитивной сущности переводческого сознания, рассмотрению возможностей формирования ментального пространства и специфики его функционирования, а также в представлении переводческого процесса через когнитивную призму переводческого мышления. Доказательство эффективности фреймового моделирования переводческого процесса при переводе с английского языка на русский представляется возможным на примере системы FrameNet и метода психологического эксперимента в устном переводе «Мысли вслух».

Прежде всего, мы полагаем, что когнитивный аспект перевода во многом строится на тех принципах, которые действуют в остальных жизненных ситуациях. Человек воспринимает мир целостно, затем членит и категоризирует его, выстраивает иерархию ценностей и синтезирует усвоенное. Узнавая что-то новое, мы стремимся понять его и найти ему место в нашей системе уже усвоенных знаний и накопленного опыта. В процессе перевода информация в виде исходного текста поступает в ментальное пространство переводчика, где она подвергается определённой систематизации, обработке на основе уже полученных знаний, то есть на время становится объектом сложных ментальных процессов, происходящих в сознании переводчика. Результатом обработки является законченное высказывание на языке перевода. Получается, что, поняв текст, переводчик вступает в диалог с собственной системой уже усвоенных знаний путём активации особой поисковой системы, которая действует на базе когнитивного (ментального) пространства и занимается нахождением соответствий не просто отдельных слов, а прежде всего знаний, которые стоят за этими значениями [Нефедова, 2013, с. 68].

С позиции когнитивной семантики знание, представленное в виде концептов и концептуальных полей, не может ограничиваться естественными категориями, группирующими чувственно воспринимаемые объекты. Учитывая существование

абстрактных понятий и категорий, необходимо говорить о разноуровневости категоризации и их иерархической упорядоченности. Освоение мира происходит не хаотически, а системно. На современном этапе развития лингвистической науки следует понимать категориальность (а следовательно – и предметность) в новом ракурсе – как объединённые в кластеры признаки (рациональная связь) или как признаки, связанные по цепочке, у категорий стали определяться степенью членства и центральности; наконец, учёные выявили, что категории способны воплощать концепты и связаны с прототипами.

Уже долгое время в переводоведении обсуждается вопрос о том, почему переводчики не могут просто воспроизвести функции и значения текста в другой культуре и ситуации, но лишь с условием необходимости принятия решений и выступить в качестве эксперта и интерпретатора [Nord, 1997]. Необходимо построить не только когерентный текст, но и когерентную картину данной ситуации. Таким образом, модели, построенные на семантических составляющих, сменяются когнитивными, экстралингвистическими и эмоционально-окрашенными моделями фреймов, схем и сценариев [Fillmore, 1997, p. 55-81] или прототипов [Rosch, 1973, p. 328-350].

По справедливому замечанию Н.К. Гарбовского, фрейм следует понимать, как «двустороннюю сущность». С одной стороны, это некая система знаний о той или иной прецедентной или даже типической ситуации реальной действительности, сложившейся в сознании индивида на основе предшествующего опыта. С другой стороны, фрейм представляет собой динамическую когнитивную категорию. Он возникает в сознании индивида под воздействием тех или иных раздражителей, активизирующих имеющуюся у него систему знаний. На основе подобного различения сущностей фрейма учёный использует понятия статического и динамического фреймов [Гарбовский, 2004, с. 525]. Данное разделение обусловлено тем, что в любом познавательном процессе неизбежно выявляются две его стороны: статичная, отражающая определённый результат (в виде имеющегося знания) и динамическая, связанная с самими мыслительными операциями, ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление [Болдырев, 2002, с. 37].

Ярким примером научно-практического исследования в области фреймового моделирования языка представляется проект FrameNet, созданный под руководством Чарльза Филлмора [FrameNet. Электронный ресурс]. Он представляет собой уникальный продукт – динамическую систему фреймовой систематизации языковых знаний, предполагающую сценарный образ мышления с участием актантов действия в отличие от

статичного представления лексико-семантического наполнения языка, выражаемого в словарях. Это особый языковой корпус, который позволяет показать английские слова в различных смыслах и обозначает пути их комбинирования с другими словами для создания готовых фраз и предложений. Задачей системы FrameNet являлось проникнуть в суть процесса понимания текста. Слова группируются в соответствии с их семантическими фреймами – схематическими репрезентациями ситуационного типа (например, покупка, передвижение объектов и пр.) и модели, в рамках которых они сочетаются с другими словами и фразами в составе их окружения, описываются в соответствии с тем, какое выражение получают элементы фрейма. Элементы фрейма возникают автоматически при активации фрейма словом. Так, к примеру, глагол «покупать» или «продавать» ассоциативно связан с покупателем, продавцом, товарами и деньгами. Это происходит либо эксплицитно в предложении или имплицитно заложено в самой ситуации общения. [Johnson, 2003. Электронный ресурс] Согласно основному описанию проекта, изложенного в одной из статей исследовательской группы Ч. Филлмора, основными компонентами фрейма являются:

1. Онтология фрейма
2. Набор аннотированных предложений / комментариев
3. Набор лексических / словарных вводов [Fillmore, 2004, p. 1091]

Эта классификация подтверждает слова Н.К. Гарбовского о необходимости разделения ситуативного и динамического фреймов. Так, под онтологией подразумевается набор фреймов ситуационного характера (дефиниция фрейма). Здесь уместным будет обратиться к области логистики и искусственного интеллекта, где данное явление прослеживается особенно широко. Прежде всего Фрейм – это структура данных, обладающая внутренними характеристиками (элементами), а также связью с другими фреймами. Основной логический вывод во фреймовых моделях – механизм наследования. Дополнительно управлять выводом можно с помощью слотов, отвечающих за поведение – демонов и присоединённых процедур. При этом онтология – это формально представленные на базе концептуализации знания. Концептуализация предполагает описание множества объектов и понятий, знаний о них и связей между ними. Таким образом, онтологией называется эксплицитная спецификация концептуализации. Формально онтология состоит из терминов, организованных в таксономию, их определений и атрибутов, а также связанных с ними аксиом и правил вывода. Онтологии обеспечивают словарь для представления и обмена знаниями о некоторой предметной

области и множество связей, установленных между терминами в этом словаре [Греков 2007, с. 56].

Кроме того, классификация предполагает наличие элементов фрейма, которые несут определённые семантические роли и структуры, предполагаемые в каждом фрейме. Название элемента фрейма используются как наименования/ярлыки для слов или фраз, которые содержатся в грамматической конструкции с лексическими единицами, активирующими фреймы. Например, фрейм, содержащий глагол «сообщать» в качестве центральных элементов содержит «говорящий», «адресат», «сообщение». Примеры предложений выбираются «аннотированными предложениями» системы FrameNet, представляющими наиболее типичное использование лексических единиц, относящихся к определённому фрейму. Каждый набор аннотаций относится к определённой лексической единице, синтаксические составляющие фрейма обозначаются при помощи элементов фрейма сообразно тому, как они заполнили информацию о фрейме.

1. [SPEAKER We] informed [ADDRESSEE the press] [MESSAGE that the prime minister has resigned]

2. [SPEAKER We] informed [ADDRESSEE the press] [MESSAGE of the prime minister's resignation]

В обоих предложениях говорящий выражает подлежащее, а адресат – дополнение. При этом само сообщение представлено при помощи дополнительного предложения с союзом-связкой *that* в первом предложении и номинализацией – наименованием действия с предлогом *of* во втором. Лексическим входом для каждой лексической единицы является то, что представлено аннотациями, указывающими на весь спектр возможностей реализации элементов фрейма. [Fillmore 2004, p. 1092].

Необходимо отметить, что динамическая сущность фрейма уже отмечалась Ч. Филлмором на ранних этапах его исследовательской работы в области прагматики и речевых актов в 1970-е гг. По утверждению учёного, когнитивные фреймы необходимо использовать не только для производства и понимания языка, но также для концептуализации того, что происходит между говорящим и слушающим или писателем и читателем. Эта мысль выводит понятие «фрейминга» на уровень «интеракциональности», что даёт почву для учёта фоновых знаний и антиципации при создании и интерпретации письменного и устного дискурса, особенно в отношении определённых типов речевых жанров. Так, например, зная, что текст относится к жанру делового контракта, сказки или предложению о браке, в сознании могут возникнуть определённые структуры или

ожидания, которые в итоге помогут верно истолковать значение текста и вызвать необходимую реакцию, если это необходимо. [Fillmore, 1982, p. 17].

Важным сущностным элементом фрейма, на наш взгляд является предикатность лексики, которая рассматривалась Ч. Филлмором в рамках теории семантики фреймов на ранних этапах исследования. Так, все слова в языке делятся на предикатные и непредикатные. Непредикатные называют предметы и их свойства, ими чаще всего являются существительные и прилагательные. Предикатными словами, как правило, являются глаголы и слова отглагольных частей речи. Они описывают ситуации, другими словами, некоторый фрагмент действительности, в котором можно выделить одного или нескольких участников либо отметить их значимое отсутствие. В теории семантики фреймов предикат образует фрейм, то самое описание ситуации с набором участников и атрибутов. Участники фрейма – актанты. Согласно данной теории, предикат накладывает логические ограничения на свои зависимые слова, выступающие актантами фрейма, в зависимости от той роли, которую они выполняют.

Предикация как одна из ключевых функций языка была также отмечена в работах Ю.С. Степанова на ряду с такими функциями, как номинативная и синтаксическая выраженных в понятиях номинация, предикация и локация. При этом первичным аппаратом номинации выступают характеризующие знаки (именные и глагольные классы слов), предикации представлены элементарными синтаксическими контактными словосочетаниями и локация представляют собой дейксис ситуации общения. Под предикацией Ю.С. Степанов понимает «утверждение вневременной связи признаков», установление связи знаков в процессе их производства и говорения), «абстракцию связей между предметами (а также между признаками и действиями)» [Степанов, 1973, с. 353].

Таким образом, динамический и эпистемический принцип наполнения корпуса FrameNet наряду с теоретическими воззрениями Ч. Филлмора, Ю.С. Степанова и основными принципами структурной категоризации знаний, взятых из когнитивной лингвистики и теории искусственного интеллекта, позволяет говорить об эффективности использования фрейма как основы для моделирования переводческого процесса и выявления когнитивных операций переводческого мышлений.

Процесс перевода рассматривается как этапный когнитивный процесс. На этапе понимания происходит восприятие иноязычного текста и постижение его смысла на основе поиска фреймовых соответствий знаний, заложенных в тексте знаниям переводчика. Здесь же возможен процесс антиципации, прогнозирующий итоговое

развёртывание текста на языке перевода путём экспликации динамических фреймов. На этапе перевода осуществляется мысленное создание динамических фреймов (ситуативных и классификационных) на основе текста оригинала и их соотнесение с эквивалентными им фреймовыми структурами в языке перевода. На заключительном этапе переводчик порождает текст на иностранном языке с учётом его синтагматических и синтаксических особенностей. [Нефедова, 2008, с. 93]. Каждый из этапов можно представить с точки зрения фреймовой систематизации знаний и когнитивного моделирования языкового сознания.

Прежде всего, понять – это значит дать имя. То, что не имеет имени, не существует для сознания, хотя существует во внешнем мире. Соответственно процесс номинации на этапе понимания текста несёт функцию означивания ментальных репрезентаций концептуальной системы и поиска соответствий фреймовых структур, заложенных в контексте и в ментальном пространстве переводчика. Это процесс поиска «кластеров» на основе пропозициональных лексико-семантических и синтаксических маркеров, которые активируют познавательные структуры памяти переводчика и являются пусковым механизмом для аналитических действий поиска, переработки и систематизации фреймовых элементов. На данном этапе происходит экспликация онтологической сущности фреймов, заложенных в контексте и нахождение соответствующих репрезентаций в сознании переводчика с присвоением значения, наряду с процессами антиципации (предвосхищения), предположения и интуиции.

Далее, происходит мысленное воссоздание всего контекста по «кирпичикам» смысла, сборка семантико-синтаксических структур в единое целое при наполнении лакун в случае затруднений в переводе или недостатка в знаниях лексико-семантических единиц и невозможности их угадывания на основе контекста, который укладывается в определённую фреймовую структуру. Здесь важен предикационный аспект как акт создания пропозиции – соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (предикатом и его актантами), отражение актуального состояния объекта/субъекта (события, ситуации действительности). Набор пропозиций рассматривается как набор наиболее типичных форм и сочетаний, относящихся к данному фрейму.

Наконец, на этапе вербализации переводчик создаёт текст как единый смысловой конструкт с определённым набором лексико-семантических и синтаксических элементов, выстраиваемых согласно канонам текстопостроения и содержательной структуры

сообщения при учёте его прагматической и коммуникативной функции, который является итоговой репрезентацией всех фреймовых элементов, заложенных в тексте оригинала на языке перевода.

Проверка фреймового мышления переводчика и подсознательного маркирования наиболее существенных элементов, выступающих в качестве актантов в действии можно проследить на примере эксперимента «Думай вслух», проведённого в университете города Бат, Великобритания. В эксперименте принимали участие студенты старших курсов переводческого отделения, а также профессор кафедры русского языка, переводчик, доктор филологических наук Дэвид Чарльз Гиллеспи, выступающий в качестве эксперта по оценке итогового варианта перевода. Студентам было предложено участие в психолингвистическом эксперименте «Думай вслух», который предполагает вербализацию мыслей и рассуждений, возникающих в процессе перевода. Словарями во время перевода пользоваться не разрешалось. Эксперимент проводился в устной форме. В качестве материала был предложен текст научно-публицистического жанра под названием «ОС Blackberry-10 решит судьбу компании RIM», отличающийся информативным характером и соответствующий интересам и познаниям студентов.

В данной статье для анализа будет взято одно из предложений из текста с полным описанием протокола и откорректированным вариантом перевода. Для более полного представления контекста, возьмём для примера первый абзац текста и проанализируем экспериментальный перевод последнего предложения.

«Демонстрация системы BB10 состоялась в Торонто в сентябре прошлого года. Запуск новой операционной системы Blackberry 10, возможно, станет моментом, когда решилось будущее компании RIM, производящей эти смартфоны. Это совершенно новая платформа, основанная на программном обеспечении, приобретённом канадской компанией в 2010 году».

Пропозициональными фреймовыми элементами в данном предложении являются «платформа», «программное обеспечение» и «канадская компания». Согласно актуальному членению данного предложения, оно является эмфатическим, соответственно компоненты выстраиваются таким образом, что «новая платформа» и «программное обеспечение», стоящие в препозиции, являются новой информацией, то есть ремой, а «Канадская компания» – темой, что вполне ясно из контекста предыдущего предложения. Подобное постпозиционное расположение темы не является наиболее распространённым, что в итоге может создать трудности, осложнённые также

деепричастиями «основанная» и «приобретённом», за счёт последнего из которых компонент темы оказывается в постпозиции. Лексическая единица «программное обеспечение» является агентивным дополнением при пассиве, указывающее на источник действия – агенс. В отношении семантического наполнения фрейма необходимо рассматривать ситуацию сообщения, в которой центральным лексическим элементом является «платформа», активирующая сеть ассоциаций в рамках ситуации через набор предикативных и непредикативных слов. Так, «новая» является непредикатным компонентом описательного характера, а «основанный» и «приобретённый» являются предикатными словами, описывающими определённый фрагмент действительности, в котором участниками являются «программное обеспечение» и «канадская компания». Предикат, как известно, накладывает логические ограничения на свои зависимые слова. Так, например, «платформа», в значении технологического элемента, такого как компьютерной программы, может быть «установлена», «куплена/приобретена», «основана», «создана» и пр. «Программное обеспечение», в свою очередь может быть «куплено», «установлено», «использовано», «запущено», «выпущено» и пр, которые могут служить для описания ситуации в случае с данным актантом «компания».

Ход мысли испытуемых в процессе эксперимента изложены ниже в таблице.

Данные записи протокола во время эксперимента «Мысли вслух»	Перевод записи протокола	Итоговый вариант переводчика	Откорректированный вариант проф. Д. Гиллесли
Modern platform. New platform. Something about programming... based on, maybe, previous programming provided by the Canadian company in 2010.	Современная платформа ... новая платформа. Речь идёт о программировании ... основанном на, может быть, предыдущая программа, предоставленная Канадской компанией в 2010 году (перевод мой – И.Н.)	This is a new platform based on previous programming provided by the Canadian company in 2010.	This is a new platform based on previous ~~programming~~ software provided by acquired / bought by the Canadian company in 2010.
This brand new platform was founded...made... <what is needed to produce?> ... software program ... from the Canadian company. So the platform has been bought from the	Это совершенно новая платформа была основана ... произведена ... <что необходимо для производства?> – программное обеспечение ... от Канадской компании. Итак, платформа была куплена у Канадской	This brand new platform was based on a software program bought from the Canadian company in 2010	This brand new platform was based on a software program bought ~~from~~ by the Canadian company in 2010

Canadian Company	компания (<i>перевод мой – И.Н.</i>)		
It's a new ... modern platform <something about the company in 2010> based on the program of .. the software... company . There should be a service provider or something.	Это новая ... современная платформа <что-то о компании в 2010 году> основанная на программе, программном обеспечении. Скорее всего речь пойдёт о предоставлении услуг или что-то подобное (<i>перевод мой – И.Н.</i>)	It's a new platform based on the software provided by the Canadian company in 2010	It's a new platform based on the software ~~provided~~ bought by the Canadian company in 2010
This contemporary ... new platform founded on / was constructed / was built upon a software ... newly created platform <a kind of arrive with the prefix so I say> the idea came to the company in 2010	это современная ... новая платформа была основана / была построена / основывалась на программном обеспечении ... недавно появившаяся платформа <похоже на «прибытие» судя по приставке, итак я бы сказала> идея «пришла» появилась у компании в 2010 году (<i>перевод мой – И.Н.</i>)	This newly created platform was built upon software. The idea came to the Canadian company in 2010.	This This newly created platform ~~was built upon~~ based on software. ~~The idea came to~~ acquired by the Canadian company in 2010.

Анализ записи протокола позволил сделать ряд следующих обобщений:

1. Все переводчики начали с анализа пропозиционных лексических элементов, таких как «платформа», «программное обеспечение» и «компания», которые способствовали восстановлению контекста через ассоциативную сеть непредикативных и предикативных слов вокруг выбранного актанта.

Modern	Platform	based on	previous programming software
Brand new		was founded	
New		was made	
Contemporary		was constructed	
		was built upon	
Современная	Платформа	была основана	на предыдущей программе
Совершенно новая		была произведена	на программном обеспечении
Новая		была построена	
		основывалась	

В процессе вербализации было отчётливо видно, что переводчик производит поиск слов через репрезентацию фактической ситуации действительности путём отбора того, какие реальные действия можно производить в отношении платформ.

2. При переходе к следующему актанту «компания» в нескольких случаях произошло нарушение восприятия актуального членения предложения, что в результате привело к выбору глагола «provided» (предоставленный) или «bought from» (купленный у)

вместо «acquired by» (приобретённый) или «bought by» (купленный кем-либо), что свидетельствует о нарушении восприятия источника действия – агенса, которым в данном предложении является «компания», что выражено творительным падежом в слове «компанией» и представляет собой тему предложения, так как речь о Канадской компании шла выше в данном абзаце.

3. В процессе перевода переводчик использует несколько когнитивных стратегий, таких как:

- Вероятностное прогнозирование на основании активации основных фреймовых элементов, что прослеживается в следующих примерах из записи протокола: «речь идёт о программировании ... основанном на ... может быть предыдущая программа», «новая платформа была основана ... произведена ... что необходимо для производства? – программное обеспечение», «скорее всего речь пойдёт о предоставлении услуг или что-то подобное».

- Использование когнитивной стратегии «top-down» («сверху-вниз») представлен антиципацией (вероятностным прогнозированием) на основе уже имеющихся и актуализирующихся знаний (апперцептивного восприятия) и «bottom-up» («снизу вверх»), подразумевающий текстовую экспликацию значения и его развёртывания до полного контекста [Ремхе, 2013, с. 150]. В первых трёх случаях перевода была использована первая из представленных стратегий, а в последнем – вторая, что отражено в записи: «похоже на «прибытие» судя по приставке, итак я бы сказала» идея «пришла» появилась у компании в 2010 году». Причём последний вариант перевода оказался неудачным, что говорит в пользу стратегии «сверху-вниз».

Подводя итоги, стоит отметить следующее. Учитывая когнитивную сущность переводческого мышления и фактор категориальности, в стремлении к систематизации и упорядочивании знаний переводчиком, которыми он оперирует в профессиональной деятельности и испытывает постоянную потребность в логической обработке данных, поступающих в сознание с тем, чтобы правильным образом интерпретировать текст перевода при сохранении его коммуникативных и прагматических элементов, необходим новый подход в исследовании переводческого процесса. Данный подход должен строиться на признании антропоцентрической, динамической, эпистемической и эвристической составляющей перевода. Признание уникальности переводческого мышления состоит в том, что оно способно формировать базу данных для последующей её обработки и оперирования на основании собственной логики и ассоциативного ряда, выстраиваемых

на основе поступающей информации из текстов и реальной жизни и предположительно хранить её в особых «ячейках» ментального пространства для активации при переводе. Соответственно, фреймовое представление знаний переводчика и переводческого процесса в целом может дать необходимый ключ к разгадке того, как повысить эффективность подготовки переводческих кадров и ускорить процесс получения профессиональных навыков и становления языковой личности переводчика.

Список литературы

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. 123 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 545 с.
- Греков Л.Д.* Применение фреймовых моделей знаний на основе онтологических систем в задачах логистики / Л.Д. Греков // *Радіоелектронні і комп'ютерні системи*, 2007. № 4 (23). С. 56-60.
- Нефедова Л.А.* Когнитивные особенности перевода научно-технического текста / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. №2 (015). Тамбов, 2008. С. 91-101.
- Нефедова Л.А.* Когнитивные особенности переводческого процесса / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе // *Экология перевода: перспективы междисциплинарных исследований. Материалы I Международной научно-практической конференции* (г. Тюмень, 4-5 октября 2013 г.). Тюмень: Издательство «ШУКЛИН & АЛЕКСАНДРОВ», 2013. С. 64-67.
- Ремхе И.Н.* К вопросу о когнитивной сущности понимания как этапа переводческого процесса / И.Н. Ремхе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 1 (19). С. 148-151.
- Степанов Ю.С.* Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю.С. Степанов // *Известия АН СССР: серия лит. и яз.* 1973. № 4. С. 340-355.
- Fillmore, Ch. J.* Frame semantics. // *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL*. Hanshin, Seoul, 1981. P. 111-137.
- Fillmore, Ch. J.* FrameNet as a 'Net' / Ch. J. Fillmore, C. Baker, H. Sato // *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation: LREC*, 2004. P. 1091-1094.
- Fillmore, Ch. J.* Scenes-and-frames semantics. / Ch. J. Fillmore // *Linguistic Structures Processing* / ed. by Antonio Zampolli. Amsterdam: North Holland, 1997. P. 55–81.
- FrameNet [Электрон. ресурс] / – Режим доступа: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>
- Johnson, C.R.* FrameNet: Theory and Practice [Электрон. ресурс] / Christopher R. Johnson, Miriam R. L. Petruck, Collin F. Baker, Michael Ellsworth, Josef Ruppenhofer, Charles J. Fillmore. Version 1.1. Printed December 29, 2003. – Режим доступа: <http://nats-www.informatik.uni-hamburg.de/pub/CDG/FrameNet/book.pdf>.
- Nord, Ch.* Translation as a Purposeful Activity / Ch. Nord – Manchester: St. Jerome, 1997.
- Rosch, E.* Natural Categories / E. Rosch // *Cognitive Psychology* № 4. 1973. P. 328-350.

Салимова Д.А.
Джизакский государственный педагогический
институт имени Абдуллы Кадыри
г. Джизак (Узбекистан)

Salimova Dilnavaz
Jizzakh State Pedagogical Institute named after Abdullah Kadiri,
Jizzakh (Uzbekistan)

*ПЕРЕВОПОЛОЩЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА АВТОРА В СТИХОТВОРЕНИИ
“ВРЕМЯ” ГАФУРА ГУЛЯМА В ПЕРЕВОДЕ СВЕТЛАНЫ СОМОВОЙ*

TRANSFORMATION OF ART INTENT OF THE AUTHOR IN THE POEM "TIME"
GAFOOR GHULAM TRANSLATED BY SVETLANA SOMOVA

В статье рассматривается вопрос о художественном замысле поэта, оказывающего влияние в том числе и на замысел переводчика. В литературоведении, вопросы, к художественному замыслу поэта, изучаются множество раз, но в переводоведении к данному вопросу уделяется недостаточное внимание. В действительности каждое произведение начинается с замысла автора, а воплощение его можно заметить и в переводе этого произведения. Прежде, чем наблюдать за перевоплощением художественного замысла поэта в переводе, было бы целесообразно определить художественный замысел оригинала. Перевоплощение художественного замысла автора в переводе отличается от оригинала произведения, в виде цепочки: выбор, целенаправленность, интерпретация, олицетворение образности, формирование содержания. Имея в виду возможности выбора, переводчик выбирает оригинал, затем, интерпретирует идейное содержание, перевоплощает образное изображение источника, находит нужный размер, стремясь сохранить стиль автора. Сохранив изобразительно-выразительные средства стихотворного текста, перевоплощается замысел автора. С этой целью в статье данная тема толкуется на примере перевода на русский язык стихотворения “Время” (“Вақт”) узбекского поэта Гафура Гуляма.

This paper addresses the issue of artistic intent therefore have an impact, including on the idea of an interpreter. In literary criticism, questions, devotes itself to artistic conception of the poet, studied many times, but this issue is insufficient focus in translation studies. In fact, each piece is recreated with the intent of the author, and the embodiment of his can be seen in the translation of this work. Before watching the reincarnation of artistic conception of the poet in the translation, it would be advisable to determine the original artistic intent. Reincarnation artistic intent of the author in translation occurs distinctly different from the original product, in the form of a string of: choice, purpose, interpretation, personification imagery forming in content. Keeping in mind the possibility of choice, choose the original translator, then interprets the ideological content, reincarnation shaped source image is the size you want in order to preserve the author's style. Retaining the figurative and expressive means of the poetic text, the author's intention is reincarnated. With this purpose in this article shall be construed so as an example of the Russian translation of the poem "Time" ("Vaqt") Uzbek poet Ghulam Gafoor.

Ключевые слова: художественный замысел, воображение, идейность, образность, идейно-эстетический замысел поэта, замысел переводчика и воссоздание его, интерпретация, перевоплощение, изобразительно-выразительные средства, эпиграф, «маленькие» образы.

Key words: artistic conception, imagination, ideology, imagery, ideological and aesthetic conception of the poet, translator and reconstruction plan of his interpretation, reincarnation, figurative and expressive means, epigraph, "small" images.

В литературоведении вопросы, посвящающиеся художественному замыслу поэта, изучается множество раз, но к данному вопросу недостаточное внимание уделяется в переводоведении. В действительности каждое произведение воссоздаётся с замысла автора, а воплощение его можно заметить и в переводе этого произведения. Как известно, в переводоведении научно дискусируется лингвистические и эстетические особенности, категории оригинала. Например, считается, весьма важным сохранение особенности фонетических свойств, лексических ресурсов, стилистических окрасок и речевых оттенков, общих ритмических элементов, грамматических категорий, национального и исторического колоритов, уделив при этом должное внимание особым чертам мастерства автора. Об этом свидетельствует и мнение учёного-переводоведа В. Брюсова в статье “Фиалки в тигели”: “Прекрасные стихи – как бы вызов поэтам других народов: показать, что и их язык способен вместить тот же творческий замысел” [Брюсов, эл. ресурс].

С этой целью мы решили поговорить на данную тему в нашей статье. Прежде чем наблюдать за перевоплощением художественного замысла поэта в переводе, было бы целесообразно определить художественный замысел оригинала.

Поэт для воплощения своего художественного замысла в образе старается принести его из “абстрактного состояния” к “конкретному состоянию” и тем самым создаёт произведение.

Этот творческий процесс осуществляется в несколько актов и поэтапно: *идея, цель, вдохновение, образность, содержание и форма*. Поэт с целью изобразить определённую идею в стихотворном размере, проявляет образ в форме и в содержании. Сила вдохновения воплощает художественный замысел в образе, объединив в одной точке соображение и воодушевление поэта. В результате, создаётся поэтическое произведение. Значит, самим художественным замыслом воплощать произведение недостаточно. Чтобы обеспечить реальное действие замысла, нужно соблюдать перечисленные факторы. Данный процесс в переводе происходит отличительно иначе от оригинала произведения, в виде цепочки: выбор, целенаправленность, интерпретация, олицетворение образности, формировка в содержании. Имея в виду возможности выбора, переводчик выбирает оригинал, затем интерпретирует идейное содержание, перевоплощением образного изображения источника, находит нужный размер, стремясь сохранить стиль автора. Сохранив изобразительно-выразительные средства стихотворного текста, перевоплощается замысел автора. Учёный-переводовед М. Рыльский в монографии

“Искусство перевода” пишет: “Переводческо-стилистические задачи: перевоплощаться автору оригинала должен сам переводчик” [Гумилев, эл. ресурс].

Перевоплощение в облике автора, как отмечает учёный, обширное понятие, которое предусматривает правильное понимание замысла автора. Важным фактором перевоплощения авторского замысла в переводе, является передача образности подлинника. Именно образность посредством художественной идеи автора, выводит из абстрактного состояния к конкретному. Идейная образность оригинала также перевоплощается замыслом автора при его интерпретации переводчиком. Литературовед Н. Гумилев в статье “О стихотворных переводах” перечисляет необходимые особенности поэтического перевода: 1) число строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер enjambement, 5) характер рифм, 6) характер словаря, 7) тип сравнений, 8) особые приёмы, 9) переходы тона [там же].

Опираясь на вышеперечисленные особенности перевода хотелось бы сказать, что именно тонкая передача изобразительно-выразительных средств переводчиком и олицетворяет замысел поэта. В качестве примера рассмотрим стихотворение “Время” (“Вақт”) Гафура Гуляма в переводе Светланы Сомовой.

Стихотворение “Время” – одно из сокровищ узбекской лирики, созданное Гафуром Гулямом – крупным представителем узбекской литературы первой половины XX века. Главная идея стихотворения – идея о цене времени и важности мудрого пользования им проявляется в образе самого Времени. В поэтическом восприятии Г. Гуляма время непрестанно находится в движении, как и другие важные элементы Вселенной – вода, воздух, почва. Мысль поэта о том, что судьба человека и целых эпох могут решиться в один миг, за считанные секунды воплощается в главном образе стихотворения – образе “бесценного времени”. Причиной, побудившей поэта к написанию стихотворения, были часы, подаренные ему. Узнав эту историю из уст самого поэта переводчик А. Наумов пишет: “...Приехавший с фронта племянник моей жены капитан Х. Хусаинов привёз в подарок трофейные часы... Я прежде всего подумал, что вот носил их какой-то немец... фашист... убитый к тому же... Через некоторое время произнося тост на каком-то празднестве я сказал, что недаром на руке у меня трофейные часы: раньше они отсчитывали время врагу, а теперь считают наше время! И усаживаясь, ощутил, за немудрёной этой мыслью кроется что-то большее, чем застольный тост... что-то важное... что-то набухает и растёт внутри. Ну, конечно – Время: его и олицетворяла маленькая машина у меня на руке. Наше время... И однако, то был слишком общий символ: он

вмешал всё... Необходимость стихотворения уже созрела во мне; но образ Времени был ещё, как бескрайняя водная гладь: я стоял на одном берегу и не видел другого...” [Биография..., 1974]. Видно, что приподнесённые в подарок часы пробудили желание у поэта написать стихи о цене и значении времени. Однако, как утверждает сам Г. Гулям, для изображения времени он не мог сосредоточиться из-за неимения готовых художественных деталей, эпических картин. Поэтому замысел поэта не осуществлялся некоторое время, но вскоре мучивший его неосуществлённый образ все же создался. Красивые, большие глаза корректорши, работающей в редакции произвели впечатление на поэта: “Я обратил внимание на её огромные пушистые ресницы. Они поднимались и опускались, как крылья ночной бабочки... Я снова взглянул: бабочка опять взмахнула крыльями, мигнула... и я едва уловил этот миг. Да вот же она, вторая граница вечности, начало начал! Разве это не живой образ мгновенья ока?... Я попросил бумаги и ничего больше не слыша и не видя, принялся записывать” [там же, с. 29]. Приведённые нами отрывки напоминают, что одним из главных факторов к осуществлению замысла поэта послужило пробуждение вдохновения.

Поэт рассуждает о том, что время во вселенной протекает по-разному: для раскрытия бутона и для жизни мотылька тратятся всего сутки. Это время для цветка короткое, а для мотылька долгое. Профессор Н. Каримов уместно характеризует роль вспомогательных образов в описании времени: “Маленькие” образы – *бутон и мотылёк* – втягиваются в один узел изображения, а после этого к мотыльку приходит в помощь “маленький” образ *звезды*, да такой, что олицетворяет собой *тысячу звёзд*” [там же]. Данное стихотворение, написанное в 1945 году, в том же году было напечатано в газете “Правда” в переводе С. Сомовой. В интерпретации С. Сомовой выражается концепция автора, где цена человеческой деятельности определяется осмыслением расстояния от рождения до смерти. Эта мысль отражается в начальной строфе стихотворения, которую С. Сомова смогла точно уловить:

Гунча очилгунча ўтган фурсатни
Капалак умрига қиёс этгулик,
Баъзида бир нафас олгулик муддат –
Минг юлдуз сўниши учун этгулик [Ғафур Ғулом, 2012].

Подстрочник –

Момент распускающийся бутона цветка

Сравнить можно с жизнью мотылька.

Иногда в срок вдоха одного

Мигом погаснуть тысячи звёзд. (Подстрочник мой – Д.С.)

Перевод –

Мгновенье! В твоих глубочайших просторах

И розы раскрытые, и жизнь мотылька,

И могут погаснуть в течение вдоха

Те тысячи звёзд, что горели века [Гафур Гулям, 1971].

В стихотворение есть эпитафия, который даёт возможность узнать замысел поэта. Например слово “часы” в эпитафии в каком-то смысле обозначает замысел поэта: “Капитан Х. Хусаинов подарил мне часы”. Однако, есть и другая сторона вопроса, то есть, не всегда встречаются “беседы” услышанные из уст самого автора. Как угадала бы и воплотила замысел поэта автор перевода С. Сомова без “бесед” о подаренных часах? На данный вопрос можно ответить так – на помощь к переводчику приходили бы прекрасные художественно-образительные средства, украшающие весь текст оригинала. Очень важной задачей, стоящей перед переводчиком, является воображение картины вдохновившей поэта к написанию стиха, почувствовать замысел стоящий за метафорическим изложением произведения. Если, подсчитав все художественно-образительные приёмы, использованные в оригинале, то появится возможность хоть немного представить себе ту мысль, которую хотел передать автор. К примеру: *яшаи соати – часы бытия, соатнинг олтин капгири – золотой маятник часов, бир бутун баҳор – целая весна, майин табассум – нежная улыбка, қўша қаримоққа муҳр бўлади – печать для счастья, яшаи дарбозаси – ворота жизни, зарҳал китоб – золотая книга, замона соати-часы эпохи, умр дафтари – тетрадь жизни, ҳаёт шароби – напиток жизни.* В оригинале использованы более двадцати художественных приёмов, которые сложно передать при переводе. Но сохранить эти средства, служившие раскрытию замысла поэта, является очень важным в процессе перевода. Мастерство С. Сомовой по данному поводу выражается по-разному: она либо ярко использует образительные средства, пользуясь своей переводческой интуицией, либо безответственно пропускает именно тот момент, который должен уловиться переводчиком. К примеру приведём эпитеты “олмос тош” (золотой камень) и “олмос тарози” (бриллиантовые весы). Для измерения времени нужны весы из золота и камень из бриллианта. В действительности, время дороже этих камней. Переводчица пропускает эту строфу со всей её идеальной прелестью. Метафорическое

сочетание “яшаш соатининг олтин капгири” (золотой маятник жизни часов) С. Сомова логически уместно использует в эквиваленте “золотой маятник”, имея в виду то, что в русском языке маятник часов нельзя назвать *золотая шумовка часов*. При такой передаче переводчица достигает идеальную форму изобразительных средств оригинала:

Подлинник –

Яшаш соатининг олтин капгири

Ҳар бориб келиши бир олам замон.

Перевод –

Из красного тяжкого золота скован,

Качается маятник жизни часов.

Изобразительно-выразительные средства стихотворения служат к укреплению идей, призывающие человека достойно прожить свою жизнь, наполнить её великими, добрыми делами. Поэт хочет увидеть у современников задор, силу, глубокий ум, желание задуматься об истинном смысле существования. В эпитетах “яшаш дарвозаси” (ворота жизни), “зарҳал китоб китоб каби очилур олам” (как золочёная книга раскрывается мир) олицетворяется труд человека и любовь к друг-другу, составляющий смысл существования человечества. В русском тексте эти приёмы бросаются в глаза точно также, как в источнике:

Яшаш дарвозаси остонасида

Зарҳал китоб каби очилур олам.

Тириклик кўркидир меҳнат, муҳаббат,

Фурсатдир қилгувчи азиз, муқаррам.

Подстрочник –

*Порог жизни **открывается** словно **блестящие** страницы книг,*

*Труд, любовь это время, которое делает **человека великим...***

Перевод –

Раскрыта судьбы золоченая книга,

Сверкает своей многоцветной красой.

В ней труд, и любовь, и служение людям –

Величье взволнованной силы земной.

Слово “азиз” (дорогой) употребляется в приёме повтора. Эти выражения характеризуют время, неразрывную нить человеческой деятельности. В переводе это слово заменено эпитетом “великое”:

Азиз асримизнинг азиз онлари

Азиз одамлардан сўрайди қадрин.

Фурсат ганиматдир шоҳ сатрлар-ла

Безамоқ чоғидир умр дафтарин.

Подстрочник –

Дорогие миги дорогих наших веков

спросять цену свою из дорогих людей.

Временем дорожить пора украшать

Жизненную книгу строчками величавыми. (Подстрочник мой –Д.С.)

Перевод –

Великое время! Великие миги!..

Цени их, о друг мой, достойной ценой,

Чтоб каждая строчка из жизненной книги

Могла величаться царём-строкой.

Любой стихотворный перевод – это плод мастерства переводчика в раскрытии оригинала. Поэтому переводчик при интерпретации старается заново восстановить ту особенность текста оригинала, которая произвела на него наибольшее впечатление. А это в основном связано уровнем знания языка. Переводчик считает важным для себя знание языка оригинала и уделяет больше внимания его специфическим свойствам. В. Брюсов писал: “Кроме знания языка, нужно ещё особое чутье к его тайнам, чтобы до глубины понять намёки поэта (намёки самым смыслом слова и звуком его), – чутьё, которое, кажется, даётся лишь для материнского языка (*langue maternelle*).” [Брюсов, эл. ресурс] Присоединяясь к этой мысли, мы хотим сказать, что нельзя оставить вне поля зрения мысль, помогающую раскрыть основную идею стихотворного произведения. Такой довод приводится и в монографии М. Рыльского: “Во главу угла нужно поставить смысловую верность – ведь поэзия в широком понимании слова – “мышление в образах” [Рыльский, 1986, с. 67.]. Надо отметить, что переводчица С. Сомова в процессе перевода сумела проявить свои языковые возможности. Но в переводе отсутствует одно из важных требований, перечисленных Н. Гумилевым – соблюдение стихотворного размера, то есть в оригинале строф пятнадцать, а в переводе одиннадцать. Кроме того, недостаточно, кажется, передана поэтическая зарисовка того логического смысла, о котором говорил В. Брюсов. Как известно, у каждого намерения есть своя причина. Есть она и в создании стихотворения «Время». Если учесть, что стихотворение было написано в 1945 году, то

нетрудно догадаться, что речь идёт в нем, в основном о войне. Собственно, и главной целью Гафура Гуляма является рассказ об ужасной войне, и о невозможности стереть из памяти людей её трагические последствия. В стихотворении есть эпический эпизод о бесславной кончине немецкого фашизма:

Галаба амри-ла, маглуб немиснинг

Генерали қўл қўйди. Уч секунд фақат...

Шу малъун имзода одамлар ўқир

Миллион йил фашистнинг умрига лаънат.

Подстрочник –

Волею победы, генерала немца

побеждённого подписался. В с е г о т р и с е к у н д ы...

Проклятой в этой подписи люди

Проклинают фашиста миллионами годами. (Подстрочник мой –Д.С.)

Автор придаёт особый смысл *на “три секунды”*, ушедших на подписание и проклятых человечеством, что и составляет своеобразие ядро логического смысла всего стихотворения. Именно в словосочетании “малъун имзода” (в проклятой подписи) под эпитетом “малъун” поэт раскрывает причину, призвавшую его написать “Время”. В этой связи уместно напомнить, что переводчица в своем труде “уронила” эту строфу.

В методе перевода С. Сомовой чувствуется её стремление толковать оригинал, исходя из собственной точки зрения. По нашему мнению, при толковании оригинала переводчик имеет право оставлять без внимания какую-нибудь сторону произведения, если это не наносит вред идеи и содержанию произведения, а также замыслу автора. Но, как утверждает соискательница М.Исраилова: ”Важные особенности оригинала при переводе нужно отобразить ещё более точнее и ярче, чем в оригинале” [Исраилова, 1981]. Исходя из этого, мы думаем, что было бы целесообразнее, если бы вышеприведённая нами строфа сохранилось при переводе.

В целом, анализ перевода стихотворения «Время» Гафура Гуляма показывает, что С. Сомова эффективно справилась с переводом, не оторвалась от изначального художественного замысла автора и сумела донести до русского читателя философский и призывной пафос произведения.

Подытоживая свои суждения, скажем, что в сфере переводоведения сегодня весьма актуальное значение приобретает расширение масштаба тем, посвящённых художественному замыслу. Эту работу можно осуществлять, опираясь на опыт и

мастерство прекрасных литераторов, создавших собственную школу переводческого дела. К числу таких можно отнести поэтессу и переводчицу С. Сомову, проживавшую в Узбекистане. С. Сомова одной из первых представила русским читателям лучшие образцы узбекской лирической поэзии. Особенно мастерски перевела на русский Светлана Сомова такие неповторимые стихотворения Гафура Гуляма “Сен етим эмассан” (“Ты не сирота”), “Соғиниш” (“Жду тебя, сын мой”), “Сиёҳдон” (“Чернильница”), вошедшие в детский стихотворный сборник “Куёшчаларга” (“Маленьким солнышкам”), благодаря собственной манере и интуиции переводчика, сохранив в них изначальную прелесть. В процессе анализа переводов не было возможности изучать их в сопоставительном аспекте, так как альтернативные варианты перевода стиха не были созданы другими переводчиками. По этой же причине не нашлось другого варианта перевода этого стихотворения.

Список литературы

Биографии замысла. Беседы с мастерами узбекской литературы, записанные Александром Наумовым. Т.: Ёш гвардия, 1974, 28 с.

Брюсов В.Я. Фиалки в тигели [Электрон ресурс] – Режим доступа: <http://www.dugward.ru/>

Гафур Гулям. Стихи. Перевод с узбекского. М.: Художественная литература, 1971, 40 с.

Гафур Гулом. Танланган асарлар. Назм ва наср. Т.: Гафур Гулом номидаги нашр. матбаа ижодий уйи, 2012, 59 б.

Гумилев Н. О стихотворных переводах [Электрон ресурс] – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/>

Исраилова М. Хамза в русских переводах. Т.: Фан, 1981, 19 с.

Каримов Н. XX аср адабиёти манзаралари. Биринчи китоб. Т.: Ўзбекистон, 2008, 259 б.

Рыльский М. Искусство перевода. Статьи, заметки, письма. – М.: Советский писатель, 1986., 67 с.

Трухтанова Е.В.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Troukhtanova Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ
ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА*

APPLICATION OF COGNITIVE THEORY OF FRAMES TO COMPARATIVE
TRANSLATOR'S ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

В настоящее время в лингвистике для описания модели восприятия текста широко используется понятия фрейма. Фрейм – это один из способов представления стереотипной ситуации, совокупность хранимых в памяти ассоциаций. При этом наш собственный мир входит в социальную когнитивную лингвистику, фрейм, систему миров. Таким образом, при восприятии художественного текста возрастает роль смысла, который в тексте явно не обозначен и может либо восприниматься, либо не восприниматься реципиентом. Факт понимания подобных смыслов в художественном произведении определяется индивидуальной концептуальной системой реципиента, его личным тезаурусом, миром его опыта.

At present the concept of frame is being widely used to describe the model of perception of a text. Frame is understood to be a sort of means to represent a stereotypical situation, a battery of associations stored in the memory. At the same time our own world becomes a part of social cognitive linguistics, frame and the system of worlds. Thus, during the perception of a literary text we witness the increase of the text's meaning which is not explicitly marked and may or may not be perceived by the recipient. The fact of perception of such meanings in a literary text is determined by individual conceptual system of the recipient, his/her personal thesaurus and the world of experience.

Ключевые слова: интерпретация, фрейм, когнитивная лингвистика, коммуникация, причинно-следственные связи, переводческий анализ.

Key words: interpretation, frame, cognitive linguistics, communication, cause-and-effect relations, translator's analysis.

Интерпретируя слово, выражение, текст, мы обращаемся к нашим языковым знаниям, получаем «модельный мир», включенный в рамки нашего внутреннего мира, с одной стороны, и в рамки внутреннего (реконструируемого) мира автора речи, с другой. Примерно так можно представить себе выявление замысла высказывания. Модельный мир мы сопоставляем с собственным миром, в разной степени нами осознаваемым. В результате же соотнесения модельного мира, собственного внутреннего мира и нашей «теории объективного мира» мы корректируем тот или иной из них (а возможно, и каждый из них). При этом отражается то обстоятельство, что наш собственный мир

входит в социальную систему миров. Получаемые оценки ориентируют нас в собственных действиях, речевых и неречевых.

В современной лингвистике для описания модели восприятия текста широко используется понятия фрейма. Фрейм – это один из способов представления стереотипной ситуации, совокупность хранимых в памяти ассоциаций (например, посещение стоматологических кабинетов, знакомое практически каждому человеку). С каждым фреймом связана информация разных видов: одна, относящаяся к использованию данного фрейма, другая, предупреждающая о том, что может произойти дальше, третья, что следует предпринять, если данные ожидания не подтвердятся и т.п. (Минский М.). Структура фрейма, содержит минимально необходимый набор признаков, позволяющих идентифицировать определенный фрагмент в тексте среди других его частей. Система фреймов используется для извлечения информации из текста. (Каменская О.Л). Если фрейм, привлекаемый к осмыслению текста, этому тексту не соответствует, понимания не произойдет, и данный текст будет восприниматься реципиентом как непонятый. Процесс подбора нужного фрейма направляется как информацией, содержащейся в тексте, так и целевой функцией реципиента. Как правило, человек воспринимает какой-либо текст в рамках своего собственного тезауруса, который предполагает определенный объем знаний обыденной и общественной жизни, а также наличия информации из какой-либо области научных знаний или практических навыков. Среди многочисленных фреймов, хранящихся в человеческой памяти, можно выделить определённые типы фреймов, которые имеют всеобъемлющий характер и могут претендовать на роль универсальных. Речь идет в данном случае о тех фреймах, которые перевыражают опыт определённых логических операций таких, как операция сопоставления объектов, установления причинно-следственных отношений и т.п. Одним из маркеров причинно-следственных отношений служит определённая лексическая единица, прямо называющая либо причину, либо следствие (например, «Ты уж прямо откажи мне, если я тебе не подхожу»). Наличие языковых маркеров, сигнализирующих о присутствии в данном фрагменте текста причинно-следственных отношений, побуждает реципиента выявлять в тексте объекты или процессы, между которыми существует причинно-следственная связь. Получив полную картину причинно-следственных отношений между определёнными объектами, реципиент достигает адекватного понимания текста. Разумеется, как отмечалось выше, в процессе понимания текста велика роль тезауруса личности. Тезаурус личности определяется как инструмент установления семантических связей в динамическом

процессе порождения или восприятия текста. Тезаурус каждой конкретной личности – явление уникальное, поэтому процесс восприятия любого текста протекает в соответствии с индивидуальными особенностями определённой личности.

В художественном тексте в качестве маркеров причинно-следственных отношений могут выступать языковые единицы, исходно не обладающие причинно-следственной семантикой. В таких случаях эти языковые средства подвергаются семантическому переосмыслению или несут в себе дополнительный семантический оттенок причинно-следственных отношений под влиянием контекста: (Напр., " Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала и изъяснялася с трудом на языке своем родном"). В данном случае причинно-следственная связь между определёнными фактами реальности устанавливается благодаря наличию у реципиента онтологических картин, сложившихся под воздействием определенных культурных социально-бытовых условий и составляющих часть его рефлексивной деятельности. Причинно-следственная связь может быть реализована в художественном тексте простым линейным соположением двух высказываний. (например, «Не жди. Ей не до нас: в Москве теперь балы» или «Если я заболею, к врачам обращаться не стану»). В данном примере нет формальных маркеров причинно-следственной связи, и тем не менее эта связь легко устанавливается реципиентом на основании рефлексии над имеющимися у него элементами социального опыта. ИмPLICITное представление причинно-следственных отношений между объектами или действиями может быть использовано в художественном тексте для создания интриги, создания сюжета. Определенный факт, выступающий в качестве причины, может служить отправной точкой развития сюжетной линии.

Таким образом, при восприятии художественного текста возрастает роль смысла, который в тексте явно не обозначен и может либо восприниматься, либо не восприниматься реципиентом. Факт понимания подобных смыслов в художественном произведении определяется индивидуальной концептуальной системой реципиента, его личным тезаурусом, миром его опыта. Осмысление в тексте фреймов, базирующихся на причинно-следственных отношениях, происходит с большей долей автоматизма при когнитивном понимании научных текстов, а также при когнитивном же понимании тех мест в художественных текстах, где причинно-следственные отношения переданы эксплицитно. Когда же в художественном тексте эти отношения не имеют эксплицитного выражения, понимание происходит иначе. Здесь ведущим средством понимания оказывается обращение человека к своей рефлексивной деятельности для творческого

акта.

Фреймы интерпретации могут быть введены в процесс понимания текста вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание фрагмента в модель, которая известна реципиенту независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма или модель обычно ассоциируется с рассматриваемым фреймом. Например, в предложении „Дети ни в коем случае не откроют наши подарки до полуночи“ нет никакого упоминания о Новом годе, тем не менее интерпретатор, обладающий определенным знанием культуры, должен немедленно (в предлагаемой здесь терминологии) активировать контекст традиции встречи Нового года, стоит только заменить простое имя «подарки» на «новогодние подарки», как тем самым мы введем слово, которое будет активировать тот же самый контекст.

Некоторые фреймы являются врожденными в том смысле, что они возникают в процессе когнитивного развития человека (примером здесь может быть знание характерных черт человеческого лица). Другие фреймы усваиваются из опыта или обучения (например, знание артефактов и социальных установлений), немногие фреймы полностью зависят от связанных с ними языковых выражений (например, таких как дюйм, фут) [Филмор, 1998].

Неправильное понимание может возникнуть вследствие того, что реципиент сообщения приписывает слову ту интерпретацию, которая ему знакома (напр., первый класс отеля оказывается не лучшей, а четвертой ступенью качества).

Знание соответствующих культурем (не только вербальных) даёт нам понимание того, что, например, смех у китайцев выражает не только радость, но и согласие, а система жестов у болгар прямо противоположна системе жестов в остальных культурах Европы (кивок означает отрицание, а покачивание головой из стороны в сторону – согласие).

В семантике фреймов считается необходимым давать представление о таком знании при описании вклада, вносимого в семантику языкового выражения цельными лексемам и грамматическими конструкциями, а также при объяснении процесса создания интерпретации текста из семантических представлений его компонентов.

При структурировании информации в высказывании действуют два типа фреймов: когнитивно-семантические, отражающие специфические структуры мышления, и культуральные, которые активизируются при представлении информации об особых

элементах культуры (реалиях). Таким образом, фреймовый подход позволяет трактовать как когнитивно-семантическое, так и непосредственно культуральное своеобразие представления знания о мире (Хайруллин В.И.). Такой подход особенно значим с точки зрения перевода, поскольку он представляет собой попытку раскрыть реальное воздействие различия культур на ход и результат переводческого процесса.

С другой стороны, если смотреть на текст переведённого художественного произведения как на источник культурологических знаний, он позволяет не только установить более точные параметры межкультурной асимметрии, представив ее в структурированном виде, но и определить степень надежности перевода как источника знаний об иной культуре.

Список литературы

Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема понимания. Перевод и коммуникация. М., 1988.

Минский Ф. Фреймы для предоставления знаний. М., Энергия, 1979.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М.: Прогресс. 1988.

Ундрицова М.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Undritsova Maria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА*

LINGVOCULTURAL AND FUNCTIONAL-STYLISTIC PECULIARITIES OF
GASTRONOMIC DISCOURSE IN A LITERARY TEXT AND ITS TRANSLATION
CHARACTERISTICS

В статье рассматриваются особенности реализации и воплощения гастрономического дискурса в художественном произведении и способы его развития в рамках художественной картины мира. Под гастрономическим дискурсом понимается особый вид вербально-социального дискурса, целью которого является достижение глоттонической коммуникации. Даются его основные характеристики и модели построения дискурса в художественном тексте. Рассматриваются особенности перевода гастрономического дискурса на английский, французский и греческий языки. Анализируются стилистические, грамматические и лексические особенности текстов данной направленности и связанные с ними переводческие трудности.

The article deals with peculiarities of gastronomic discourse implementation in literary texts and means of its development in the framework of artistic worldview. Gastronomic discourse is understood as a special type of verbal social discourse, the purpose of which is to achieve communication associated with the nutrition process. The article describes translation features of gastronomic discourse into English, French and Greek languages. The author also analyzes stylistic, grammar and lexical peculiarities of the texts and translation difficulties connected with them.

Ключевые слова: глоттонический (гастрономический) дискурс; художественная картина мира, образно-смысловые трудности перевода; адаптация, генерализация, конкретизация и др.

Key words: gluttonic (gastronomic) discourse; artistic worldview, pragmatic, figurative and conceptual difficulties in translation; adaptation; generalization; concretization etc.

1. К определению понятия

На сегодняшний день глоттонический (гастрономический) дискурс является одним из наиболее распространённых и употребляемых в социальной коммуникации. Культура питания как важнейший компонент ментальности народов мира является неотъемлемой частью повседневной жизни человека. На экранах телевизоров, при походе в магазин или кафе мы неизбежно сталкиваемся с данным видом дискурса.

Глуттонический дискурс как научная проблема начал изучаться сравнительно недавно. Среди отечественных исследователей проблематикой и определением гастрономического дискурса в числе первых занимался А.В. Олянич, назвавший гастрономическую коммуникацию, «связанную с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления», – «глуттонической» (от лат. *gluttonare* – «есть, питаться, поглощать пищу»). [Олянич, 2005, с. 508]. Этим же воззрением придерживается Л.Р. Ермакова, отмечая, что глуттонический дискурс является «сложным коммуникативным явлением <...>, который соотносится с языковым отражением физиологических потребностей человеческого организма в области пищевых предпочтений». [Ермакова, 2011, с. 14-19].

В настоящей статье под гастрономическим дискурсом понимается особый вид вербально-социального дискурса, целью которого является достижение глуттонической коммуникации. Это фрагмент текста или речи, связанный с процессом питания, при котором учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи.

Объектами данного вида дискурса являются тексты различной функциональной спецификации: кулинарные книги, фрагменты художественных произведений, гастрономическая реклама, кулинарные передачи, меню и т.д.

2. Реализация гастрономического дискурса в художественном тексте

Наиболее ярко глуттонический дискурс проявляется в художественных текстах, которые изобилуют сценами приёма пищи. Художественный текст даёт представление о художественной картине мира, которая является воплощением как уникальной, индивидуально-авторской картины мира, так и общенациональной. Здесь реализуются творческие задачи писателя, даётся его личное представление об окружающем мире. «В художественном тексте совмещается языковая картина мира определённого этноса, противопоставленная в своих несовпадающих частях языковым картинам народов, говорящих на других языках». [Есакова, 2001, с. 29].

Гастрономический дискурс может быть представлен в художественном тексте как процесс приёма пищи, её приготовления или описания обычаев народа, воспоминания героя о еде и т.д. Субъектом дискурса будет выступать лицо или группа лиц (гости, официанты, распорядители, собеседники, получающие информацию о пище), имеющие непосредственное отношение к ситуации приёма пищи.

В художественно тексте, в отличие от кулинарного рецепта, который опирается на закреплённые в языке структуры (текст кулинарного рецепта схож с инструкцией), гастрономический дискурс направлен на создание эстетической функции.

Цель гастрономического дискурса в художественном тексте заключается не в том, чтобы добиться гастрономической коммуникации героев текста, а в том, чтобы подчинить весь фрагмент основной задаче произведения. Гастрономический дискурс в художественном тексте зачастую является средством, благодаря которому автор реализует замысел. Во время трапезы герои могут заключать сделку, признаваться в любви, узнавать тайны и т.д.

Гастрономический дискурс может разворачиваться в художественных произведениях разной жанровой принадлежности: в романах, повестях, рассказах, стихотворениях, поэмах и т.д. При этом гастрономия может стать основным звеном, вокруг которого будет построено целое произведение. Например, гастрономический дискурс становится центральным в стихотворении В.В. Маяковского «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», где сюжет строится вокруг ситуации приёма пищи. Гастрономия как центральный вопрос может разворачиваться и в рассказах. Таким примером служит рассказ А.П. Чехова «Сирена», где тематикой всего произведения становится воображаемая трапеза.

Гастрономический дискурс реализуется в тексте при помощи авторского монолога, который осуществляется в первом или третьем лице, внутреннего монолога персонажа. Также гастрономическая ситуация раскрывается в диалогах, где в качестве отправителя и получателя сообщения выступают вымышленные автором лица. Диалоги могут сопровождаться авторскими репликами, также содержащими гастрономические элементы.

Кулинарный рецепт может также присутствовать в художественном тексте, однако в данном случае он не будет использоваться в своём первоначальном виде. Как правило, автор стилизует его под общий текст. Примером этому может послужить фрагмент из уже упомянутого рассказа А.П. Чехова «Сирена»: «Если взять молодую утку <...>, да изжарить её на противне вместе с картошкой, да чтоб картошка была мелко нарезана, да чтоб...» [Чехов, 1976, с. 315].

Наравне с кулинарными рецептами в художественных текстах используется меню, однако оно также представляется не в своём классическом виде, а стилизовано под общий текст. Например, в произведении «Анна Каренина» мы можем встретить такой фрагмент:

«Татарин... доставил себе удовольствие повторить весь заказ по карте: «Суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи...» [Толстой, 1963, с. 46].

3. Стилистические, лексические, морфологические особенности перевода гастрономического дискурса в художественном тексте

Проблема перевода гастрономического дискурса заключается не только в правильной передаче лексических единиц, относящихся к гастрономии. Переводчику, переводя подобные фрагменты, следует не только ориентироваться на художественную обстановку, в которую заключён дискурс, стиль автора, причины построения глоттонической ситуации, но и на культурно-гастрономические различия, преобладающие в странах, которые при переводе могут порождать неточности, непонимание, двусмысленность.

Данную проблематику мы попытаемся осветить на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Произведение Н.В. Гоголя в качестве объекта исследования было взято не случайно. Его поэма изобилует примерами описаний разных блюд и яств, которые служат способом изображения героев, их сравнения и раскрытия образов.

Для начала мы представим возможные варианты развития гастрономической ситуации в художественном тексте. В данной поэме выделяется несколько гастрономических ситуаций, вокруг которых строится глоттонический дискурс. Их можно разбить на две большие категории:

1. Дискурс, осуществляемый в домашних условиях;
2. Дискурс, осуществляемый в общественном месте;

При этом дискурс, осуществляемый дома, может предполагать ситуации:

1. Приёма пищи у себя дома;
2. Приёма пищи в гостях;

Гастрономический дискурс, осуществляемый вне дома, может предполагать:

1. Специализированное заведение общественного питания;
2. Общественное место, получившее гастрономическое назначение (например, званый обед, предполагающий большое количество участников).

В статье мы рассмотрим лишь ситуацию, осуществляемую в гостях. В третьей главе произведения находим отрывок: Коробочка, после долгого спора с Чичиковым, решила «умаслить» барина и приготовить ему поистине большой стол.

«Оканчивая писать, он потянул несколько к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

– Прошу покорно закусить, – сказала хозяйка.

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепёшки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками, и невесть чего не было.

– Пресный пирог с яйцом! – сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом, и, съевши тут же с небольшим половиною, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался ещё вкуснее.

– А блинков? – сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести ещё горячих блинов.

– У вас, матушка, блинцы очень вкусны, – сказал Чичиков, принимаясь за принесённые горячие».

Рассмотрим переводы на английский, французский и греческий языки приведённого ранее фрагмента Н.В. Гоголя.

Таблица №1

Перевод на английский язык Д.Ж. Хогарта (1842 г.)	Перевод на английский язык Кристофера Инглиша (1998 г.)
<i>At length the list was compiled, and he caught a deep breath; which latter proceeding caused him to catch also the attractive odour of something fried in fat.</i> <i>"I beseech you to have a morsel," murmured his hostess. Chichikov looked up, and saw that the table was spread with mushrooms, pies, and other viands.</i> <i>"Try this freshly-made pie and an egg," continued Madame.</i> <i>Chichikov did so, and having eaten more than half of what she offered him, praised the pie highly. Indeed, it was a toothsome dish, and, after his difficulties and exertions with his hostess, it tasted even better than it might otherwise have done.</i> <i>"And also a few pancakes?" suggested Madame.</i> <i>For answer Chichikov folded three together, and, having dipped them in melted butter, consigned the lot to his mouth, and then wiped his mouth with a napkin.</i> <i>Twice more was the process repeated, and then he requested his hostess to order the britchka to be got ready. In dispatching Fetinia with the necessary instructions, she ordered her to return with a second batch of hot pancakes.</i> <i>"Your pancakes are indeed splendid," said Chichikov, applying himself to the second consignment</i>	<i>When he had finished he took a deep breath and caught the tantalizing smell of hot food and melted butter.</i> <i>"Be so kind as to partake of this humble fare", said his hostess.</i> <i>Chichikov looked around and saw the table already laden with mushrooms, pies, dumplings, doughnuts, muffins, pancakes, pastries with all sorts of fillings: onion pastries, poppy-seed pastries, cream-cheese pastries, sparkling pastries, and the Lord knows what else best.</i> <i>'Have some egg-pie,' said his hostess.</i> <i>Chichikov embarked on the egg-pie and promptly devoured the better half of it with extravagant expressions of praise. Indeed the pie was very tasty, and after all the fuss and bother he had had with the old lady it seemed all the tastier.</i> <i>"How about some pancakes?" she asked.</i> <i>In reply Chichikov rolled three pancakes up together and, dunking them in melted butter, guided them into his mouth, He then wiped his lips and hands dry with a napkin. After repeating this procedure about three times he asked his hostess to order his carriage. Nastasya Petrovna at once dispatched Fetinya, directing</i>

<i>of fried dainties when they had arrived.</i>	<i>her at the same time to bring more hot pancakes. 'I must say, madam, your pancakes are very good', said Chichikov, as he fell upon the hot ones that had just been brought in.</i>
Перевод на французский язык Анри Монго (1925 г.)	Перевод на греческий язык Адρεаса Сарадопулоса (1987 г.)
<i>En terminant son grimoire, il huma l'air plusieurs fois et reconnut l'odeur alléchante du beurre fondu.</i> <i>– Vous plairait-il d'accepter à déjeuner? dit l'hôtesse. Tchitchikov se retourna et aperçut sur la table une copieuse collation: champignons, croustades, œufs sur le plat, beignets, crêpes, talmouses, et toutes sortes de bouchées: à la ciboule, aux pavots, au fromage blanc, aux éperlans.</i> <i>– Une tourte aux œufs! annonça l'hôtesse.</i> <i>Tchitchikov s'approcha de la tourte, et, après en avoir avalé une bonne moitié, daigna la trouver à son goût. De fait, la tourte, excellente par elle-même, paraissait encore meilleure après tant de tracas.</i> <i>– Et des crêpes? dit l'aimable vieille.</i> <i>Pour toute réponse, Tchitchikov plia trois crêpes ensemble, les ingurgita bien humectées de beurre fondu, s'essuya les lèvres et les mains. Après avoir répété trois fois cet exercice, il pria l'hôtesse de faire atteler la britchka. Nastassia Péetrovna transmit aussitôt l'ordre à Féitina, en lui recommandant d'apporter encore des crêpes bien chaudes.</i> <i>– Vos crêpes, madame, sont délicieuses, déclara Tchitchikov en se jetant sur la nouvelle assiettée.</i>	Ο Τσίτσικοφ τελείωσε το γράψιμο κι ένιωσε να τον αγγίζει μία νόστιμη μυρωδιά από λιωμένο βούτηρο. – Σας παρακαλώ, να τσιμπήσετε κάτι, είπε η οικοδέσποινα. Ο Τσίτσικοφ γύρισε και κοίταξε πάνω στο τραπέζι ήταν κιόλας <i>μανιτάρια, πιροσκι, ψηταράκια</i> κι άλλες νοστιμιές. – Κι ένα γλύκισμα με αβγά! είπε η οικοδέσποινα. Ο Τσίτσικοφ άπλωσε το χέρι του στο γλύκισμα, έφαγε το μισό, και το παίνευε: το βρήκε πολύ νόστιμο, προπαντός ύστερα από τόσες λαχτάρες που τράβηξε με την οικοδέσποινα. – Δοκιμάστε και τα ψηταράκια, είπε η οικοδέσποινα. Η απάντηση του Τσίτσικοφ ήταν να βάλει μαζί τρία ψηταράκια να τα βουτηξει στο λιωμένο βούτηρο, να τα κάνει μία μπουκιά, και να σκουπίσει με την πετσέτα χείλια και χέρια. Έκανε το ίδιο και δεύτερη και Τρίτη φορά και στο τέλος παρακάλεσε την οικοδέσποινα να πει να ετοιμάσουν τη μπρίτσκα του. Η Ναστάσια Πετρόβνα έστειλε αμέσως τη Φετίνα – της είπε ακόμα να φέρει και άλλα ζεστά ψηταράκια. – Φτιάχνετε, λοιπόν, πολύ νόστιμα ψηταράκια, είπε ο Τσίτσικοφ και έπεσε με τα μούτρα στο δεύτερο πιάτο που του 'φεραν.

Гоголь представляет читателям традиционную картину русского пиршества, когда стол в буквальном смысле ломится от тарелок, а глаза разбегаются от количества еды.

Данный эпизод может представить практически традиционную форму поведения русского народа за трапезой:

- Приглашение хозяина к столу,
- предложение блюд,
- похвала гостем понравившихся ему угощений,
- предложение хозяином добавки.

Подобная форма дополняется авторской зарисовкой стола, а также описанием самого процесса приёма пищи.

Для начала мы исследуем грамматические преобразования, проанализируем развитие русского гастрономического дискурса и сопоставим его с переводными.

Вежливо-притворная Коробочка приглашает гостя к столу, предлагая ему «закусить»: «Прошу покорно закусить». В данном случае мы встречаем фразеологический оборот «прошу покорно» – «в речевом этикете: вежливое обращение к кому-либо с просьбой, предложением или приглашением» [ФСРЛЯ, 2008]. В данном случае имеется в виду приглашение к столу. *Первый английский переводчик решает выразить вежливость на лексическом уровне, выбирая слово «beseech» (заклинать, молить, просить умолять, упрашивать) (I beseech you to have a morsel), в которой и сосредотачивается значение просьбы. Во втором переводе на английский язык используется парафраза: меняется производитель действия, а также наклонение (предложение приобретает повелительную конструкцию): «Be so kind as to partake of this humble fare» – Будьте добры разделить эту скромную пищу.*

Во французском переводе используется условное наклонение (Conditionnel présent), которое употребляется для выражения вежливости, при этом используется вопросительная конструкция (*Vous plairait-il d'accepter à déjeuner?*).

В греческом языке вежливость выражается глаголом просьбы παρακαλώ (прошу Вас -*Σας παρακαλώ*). Здесь переводчик идёт по тому же пути, что и в первом английском варианте.

Далее автор даёт читателю представление о накрытом столе в виде зарисовки: «Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепёшки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сноточками, и невесть чего не было».

*В двух переводах на английский язык субъекты действия становятся разными. В русском оригинале все перечисленные Гоголем блюда «стояли на столе», в то время, как в английских переводах «стол уже был накрыт» (the table was spread with/ the table already laden with). Субъектом действия становится «стол». Таким образом происходит смещение взглядов на ситуацию. Во французском переводе блюда, будучи субъектами действия, становятся объектами, а сам глагол действия опускается (Чичиков ...заметил на столе обильное угощение – *Tchitchikov ... aperçut sur la table une copieuse collation*). В греческом варианте русская конструкция полностью калькируется, что расценивается естественным, с точки зрения греческой грамматики.*

К переводу названий блюд мы вернёмся позднее. Коробочка как хорошая хозяйка возвещает о появлении пресного пирога. Об этом можно судить о наличии восклицательной конструкции: «*Пресный пирог с яйцом!*» Оба английских переводчика

воспринимают это предложение как призыв отведать блюдо. И при помощи добавления глагола они выражают эту мысль: *Try this freshly-made pie and an egg/ Have some egg-pie*. При этом восклицательная конструкция опускается. Во французском переводе калькируется русская форма и конструкция, при этом для подтверждения идеи возвещения о приготовлении пирога, а не о призыве его отведать говорит лексема *annoncer* (объявлять; возвещать; докладывать; сообщать). В греческом варианте также остаётся восклицательный знак для обозначения возвещения. Сама конструкция калькируется с русского, однако добавляется: «ещё один – *κι ένα*» (то есть вот ещё одно блюдо).

Далее автором описывается поведение героя за столом. Ситуация в переводах опять раскрывается несколько по-разному: Чичиков сначала приближается к пирогу, а затем его съедает: «*Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом, и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его*».

В первом английском переводе герой пробует пирог (переводчик, чтобы не повторять лексему «try», которая использована в предыдущем предложении, заменяет её на глагол «do»), а затем деепричастный оборот передаётся перфектным (совершенным) причастием (Perfect Participle), которое употребляется для обозначения действия, предшествующего другому действию (*Chichikov did so, having eaten more than half of what she offered him, praised the pie highly* – съев больше половины того, что предложила она, особо оценил пирог). Во втором переводе Чичиков приступает к пирогу и поглощает лучшую половину его. Глагол «хвалить» в данном случае преобразуется в словосочетание с существительными (выражение похвалы – *expressions of praise*): «*Chichikov embarked on the egg-pie and promptly devoured the better half of it with extravagant expressions of praise*».

Во французском переводе первая половина предложения калькируется, в то время как форма похвалы перефразируется (*Tchitchikov ... daigna la trouver à son goût* – Чичиков «соблаговолил найти его по своему вкусу» (досл.)).

В греческом варианте Чичиков не «подвинулся», а «протянул руку» к пирогу («*Τσίτσικοφ άπλωσε το χέρι*»). Гоголевское «с не большим половиною» переводчиком опускается, и остаётся лишь «съел половину» (*έφαγε το μισό*).

Гоголь также описывает, с каким аппетитом ест герой: «...*Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой*». В первом английском переводе переводчик, видимо, не представлявший, что блины можно есть руками, опускает фрагмент, в котором персонаж

вытирает руки салфеткой. У французского переводчика взгляд на ситуацию также несколько отличается от русского оригинала: Чичиков не обмакивает блины в растопленное масло, а жадно проглатывает блины, уже смоченные в масле (*Tchitchikov plia trois crêpes ensemble, les ingurgita bien humectées de beurre fondu, s'essuya les lèvres et les mains*). В греческом переводе Чичиков все-таки макает блины в масло, однако, в отличие от оригинала, глагол «свернуть» становится более генерализированным, используется лексема «взять» (*βάζω*). В отличие от русского оригинала, где используется деепричастный оборот, в греческом переводе используются глаголы, которые, таким образом, обозначают, что каждое действие было совершено последовательно одно за другим.

Следует отметить, что в данном отрывке гастрономический дискурс изображается преимущественно в качестве авторской зарисовки, перемежаемой репликами героев, практически не имеющими диалогового характера.

Стоит обратить внимание на то, что со стилистической точки зрения Гоголь отнюдь не боится тавтологии и не один раз повторяет, что, то или иное блюдо было «вкусным». В переводах используется целый синонимический ряд для замены повтора: «*toothsome*», «*splendid*», «*tasty*», «*good*», «*excellent*», «*délicieux*». В греческом варианте также, как и в русском два раза употребляется прилагательное «*νόστιμο*», в остальных случаях используется парафраза. Помимо общего понимания текста и стилистического воспроизведения текста, важен перевод лексических единиц, входящих в состав гастрономического дискурса.

Особую сложность для переводчика составляет передача единиц, относящихся к наименованию блюд, наименованию утвари, глаголам питания, времени питания и месту питания.

Гастрономический дискурс, попадая в поле художественного текста, становится его частью и подчиняется целиком и полностью его законам. Переводчик, в свою очередь, передавая лексемы, входящие в его состав, ориентируются на общее понимание текста и целесообразность полноценного перевода фрагмента, задумываясь, насколько важную роль играют данные лексемы в составе целого. Здесь и лежит обоснованность принятых им переводческих решений.

В отличие от перевода текста кулинарного рецепта, художественный текст не предполагает строгой последовательности и наиболее полной передачи. Здесь важным критерием является художественное воплощение.

Анализ данного отрывка показал нам: в первом переводе на английский язык и в греческом варианте для обозначения блюд используется общее генерализированное наименование и в дальнейшем все остальные названия блюд опускаются. В первом английском переводе и в греческом переводятся лишь «грибки» и «пирожки», а все дальнейшие перечисления обобщаются. В английском варианте используется лексема *viand* (пища, провизия, еда), а в греческом – «*κι ἄλλες νοστιμιές*» (и другие деликатесы).

Во втором английском и французском переводах, в основном, используется адаптация. «Адаптация текста перевода <...> снимает неопределённость и сохраняет для получателя привычный для него культурный контекст» [Гарбовский, 2004, с. 308]. Причём данный приём не во всех случаях применяется удачно.

К примеру, в тексте мы встречаем блюдо, довольно редко используемое в настоящее время: «*скородумки*» – выпечка на скорую руку, без дрожжей, испечённые блины или пышки.

В английском оно переводится, как *dumpling* – клёцка; яблоко, запечённое в тесте. Словарное значение *dumpling* таково – a dessert consisting of wrapping of dough enclosing sliced apples or other fruit, boiled or baked (варёный или испечённый десерт из нарезанных яблок или других фруктов в тесте) [Dumpling]. Данную адаптацию вряд ли можно считать обоснованной.

Во французском варианте используется *œufs au plat* (*œufs au* [или *sur le*] *plat*) – яичница-глазунья. Французский переводчик решил, что под блюдом «на скорую руку» должна пониматься яичница. Конечно, если в тексте имелись ввиду блины, то ни один вариант нельзя назвать приемлемым. Если же в общем смысле подразумевать блюдо быстрого приготовления, то французский переводчик оказывается ближе.

Затем нам встречаются «*Пряглы*» – оладьи или толстые блины в масле. [Пряглы] В английском переводе находим «*muffin*» (a thick round baked yeast roll, usually toasted and served with butter (круглый печёный оладушек с дрожжами, пожаренный и подаваемый с маслом) – сдоба; горячая булочка; оладья; горячая сдоба; сдобная булка [Muffin]. Блюда разные, но составляющие – одинаковые, поэтому можно сказать, что представление у читателя создается правильное.

Во французском переводе используется блюдо, под названием «*talmouse*» – треугольная ватрушка с сыром (*talmouse* – *Petite pâtisserie salée au fromage blanc dont la tradition remonte au Moyen Âge*. [LG, 1997, p. 1024]) Здесь также переводчик использовал приём адаптации, однако блюдо выбрано неверно.

В греческом варианте также встречается довольно неординарная адаптация. Русские блины передаются, как *το πιταράκι*, под которыми понимают некий пирожок, угощение с острова Милу. [Греческая кулинария] Конечно, данная адаптация не оправдана.

Среди ещё одного приёма, используемого в переводе данного отрывка, можно выделить транскрипцию. В греческом варианте используется этот приём для передачи лексемы «пирожки» – *πιροσκή*, причём во множественном числе: «*πιροσκή το [piroskí] – Ο (άκλ.): είδος ατομικής πίτας με γέμιση από τυρί ή κρέμα κτλ. που συνηθίζεται στη Ρωσία*» [Greek language] На сегодняшний день это слово также употребляется в греческом языке.

Таким образом, среди основных приёмов, используемых переводчиками для передачи наименований блюд, можно выделить адаптацию, генерализацию и транскрипцию.

Большую трудность в этом отрывке также составляют лексемы, обозначающие процесс питания. В данном отрывке Коробочка предлагает Чичикова «закусить». Переводчик может сразу же задаться вопросом: почему хозяйка советует гостю именно «закусить», если затем на столе появляется столько блюд. Ведь словарь даёт такие значения: «1. Поесть немного, наскоро или вообще поесть перед дорогой; 2. Заесть выпитое (водку, вино и т.п.); 3. Разг. Поесть закусок перед обедом, начиная обед» [БТСРЯ, 2006, с. 330].

В первом переводе эта лексема передаётся буквально обозначаемому в словаре определению слова «закусить» (*to have a morsel*), то есть съесть маленький кусочек, закусить. При этом происходит замена части речи – глагол заменяется существительным со значением «закуски». Второй переводчик решает эту ситуацию описать иначе: Коробочка предлагает Чичикову разделить с ней обед (*to partake of this humble fare*). Во французском варианте глагол «закусить» конкретизируется: Чичиков приглашается отобедать. Что касается греческого варианта, то здесь используется глагол *τσιπλάω*, который означает закусить, перекусить, заморить червячка [НГРС, 1980, с. 761], что соответствует русскому значению.

Вышеуказанные примеры свидетельствуют нам о том, что переводчики, передавая гастрономические фрагменты, в основном, пытаются следовать принятым в их родном языке нормам. Это касается перевода фраз, выражающих нормы этикета. Также со стилистической и грамматической точки зрения, переводчики стараются не грубо следовать за текстом оригинала, а передают то видение, которые принято в их языке.

Что же касается лексических единиц, то они представляют особую трудность. В данном отрывке наибольшей частотностью пользовался приём адаптации, затем генерализация и реже транскрипция.

Таким образом, мы видим, что глуттонический дискурс получает наибольшую реализацию в художественном тексте, который в свою очередь является воплощением как уникальной, индивидуально-авторской картины мира, так и общенациональной. Он может разворачиваться в художественных произведениях разной жанровой принадлежности: в романах, повестях, рассказах, стихотворениях, поэмах и т.д.

Особую трудность заключают в себе фрагменты, имеющие в своём составе реалии, словосочетания, не имеющие прямых соответствий на языке перевода. Такую сложность представляет перевод названий блюд. Важное значение имеет целевая аудитория, для которой предназначены тексты. Переводя художественные произведения, переводчику прежде следует учитывать фоновые знания читателя и оценивать, насколько передача названия блюда и других гастрономических единиц может повлиять на общее понимание текста.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Есакова М.Н. Ситуативные реалии как переводческая проблема, (на материале текстов произведений М. Булгакова и их переводов на французский язык): дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Есакова М.Н. М., 2001. 205 с.

Ермакова Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ермакова Л.Р. Белгород, 2011. 236 с.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Олянич А.В. Волгоград, 2004а. 602 с.

Источники

Гоголь Н.В. Повести. Мёртвые души. Поэма / Н.В. Гоголь. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 544 с.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20-ти т. / Л.Н. Толстой. М.: Гос. Изд-во Художественной литературы, 1963. Т. 8. 510 с.

Чехов А.П. Собрание сочинений: В 30-ти т. / А.П. Чехов. М.: Наука, 1976. Т. 6. 552 с.

Gogol, N. Dead Souls: A Poem. Translated and edited by Christopher English. Oxford and New-York: Oxford University Press, 1998.

Gogol, N. Dead Souls: A Poem. Translated and edited by D.J. Hogarth. Dover Thrift edition (originally published in 1842), 2003.

Gogol N. Les âmes mortes. Traduction d'Henri Mongault. Paris: Bossard, 1925. p. 625.

Γκόγκολ, Ν. Νεκρές ψυχές. Μεταφραστής: Αντρέας Σαραντόπουλος. Ζαχαρόπουλος Σ. Ι., 1987.

Словари

Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов [и др.]. СПб.: «Норинт», 2006. 1536 с. Новогреческо-русский словарь / И.П. Хориков. М.: Русский язык, 1980. 856 с. Larousse Gastronomique/ Joel Robuchon. Paris: Larousse, 1997.

Интернет-ресурсы

Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков: slovari.yandex.ru
Фразеологический словарь русского литературного языка. А.И. Фёдоров. М.: Астрель, АСТ, 2008: [http:// enc-dic.com](http://enc-dic.com)
Греческая кулинария: <http://www.sintagoulis.gr/pites-almyres/pitarakia-miloy-paradosiaka>
Пряглы: <http://otvet.mail.ru/question/45787713/>
Скородумки: <http://www.gotovim.ru/dictionary/209/skorodumki.shtml>
Greek language: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/

Уржа А.В.
филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Urja Anastasia
Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ФРАГМЕНТОВ В ПЕРЕВОДЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ:
ТАКТИКИ Б. ЗАХОДЕРА И М. ЛИТВИНОВОЙ (ПОВЕСТЬ P.L. TRAVERS 'MARY
POPPINS')*

INTERPRETATION OF PERCEPTIVE PASSAGES IN THE TRANSLATION FOR
CHILDREN: TACTICS OF B. ZAKHODER AND M. LITVINOVA ('MARY POPPINS' BY
P.L. TRAVERS)

В фокусе исследования – тактические приёмы двух русских переводчиков, интерпретирующих текст повести о Мэри Поппинс и, в частности, фрагменты, сопряжённые с детским восприятием сюжетных событий. Подбор общеперцептивной и частноперцептивной лексики для перевода ярких, необычных и забавных эпизодов, «подключение» дополнительных перцептивных каналов (слухового, вкусового, тактильного) к визуальному, творческое воспроизведение нестандартных сравнений, звукоподражаний и аллитераций – все решения М. Литвиновой и Б. Заходера свидетельствуют об учёте фактора адресата: оба переводчика ориентируют текст на незрелого читателя, по-разному эксплицируя авторскую стратегию формирования фантастического, порой алогичного, но смешного мира повести.

The article concerns interpretation of perceptive passages in translation for children. Tactics employed in two translations of the novel 'Mary Poppins', carried out by B. Zakhoder and M. Litvinova, are in the focus of the research. Both translators offer creative ways of verbalizing child perception in the text, using words connected with visual perception and adding lexis denoting auditory, tactile and even gustatory perception, interpreting unusual comparisons so that they could be both understandable and funny. Onomatopoeia and alliterations also contribute to the creation of 'live' pictures aimed to impress the addressee and reflect author's strategy in Russian translation.

Ключевые слова: перцепция, семантика, визуальный, интерпретация, перевод для детей, адресат.

Key words: perception, semantics, visual, interpretation, translation for children, addressee.

Увеличение количества слов с перцептивной семантикой является одним из приёмов, акцентирующих присутствие наблюдателя в тексте. Наглядная картинка становится более выразительной, привлекает внимание читателя (как незрелого, так и взрослого), он во всех подробностях следит за действием вместе с персонажами. «Наблюдаемое событие, происходящее в материальном мире, может выражаться в языке тремя способами: общеперцептивным, частноперцептивным, интерпретационным»

[Сидорова, 1997, с. 8]. Общеперцептивная лексика основана на зрительном восприятии как основном канале получения информации об окружающей нас действительности, она формирует наше видение события в целом (*Девушка шла по коридору; Петя пишет за столом*), тогда как частноперцептивная лексика актуализирует определённый канал восприятия в соответствии с коммуникативным намерением автора (например, вкусовой, частозрительный (световой, цветовой), а также тактильный или слуховой: *Девушка цокала каблуками по коридору; Петя скрипит карандашом за столом*). «При интерпретационной номинации к наблюдению добавляется эмоционально-оценочная реакция, осмысление события, включение его в причинно-следственные связи, что уводит нас от непосредственной наблюдаемости в область трактовок, догадок, выводов» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 425]: *Девушка спешила на свидание; Петя сочиняет стихи*. Если перцептивная лексика представляет сферу реализации репродуктивного (изобразительного) когнитивного регистра, то интерпретационная лексика ведёт нас в область информативного регистра: от восприятия – к выводному знанию [Золотова, 1982, с. 349]. В противоположность интерпретации – естественной попытке объяснить воспринимаемое (эксплицировав причину события, намерение субъекта) и оценить его (выразив своё отношение и эмоции, вызванные происходящим), в художественных текстах существует и обратное явление – перцептивизация – «усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана путём замены общеперцептивного выражения на частноперцептивное» [Сидорова, 2000, с. 171].

Именно перцептивизация используется рядом авторов как осознанный приём локализации точки зрения наблюдателя в хронотопе происходящего (см. примеры из М. Булгакова, описанные М.Ю. Сидоровой: «Мышлаевский... зашлёпал шпорами из гостиной» или «Прибежала, шурша, Елена»). Учитывая фактор адресата в организации текста, отметим, что такой приём обеспечивает подключение к данной точке зрения и читателя: тот словно сам видит, слышит, ощущает происходящее в сюжетном времени.

Неудивительно, что приём перцептивизации оказывается задействован при переводе художественных произведений: нередко при интерпретации текста события приобретают больше перцептивных признаков, чем в оригинале. Русские переводы повести П.Л. Трэверс «Мэри Поппинс», адресованной незрелым читателям, представляют в данном случае показательный материал. Сопоставив варианты Б.

Заходера⁷⁹ и М. Литвиновой, мы выделили три следующие группы случаев, сопряжённых с перцептивизацией.

1. Различная интерпретация оригинальной частноперцептивной лексики в вариантах перевода.
2. Добавление переводчиками частноперцептивной лексики и активизация восприятия через разные каналы.
3. Визуализация образа при помощи общеперцептивной лексики и наглядных сравнений.

I. Различия в интерпретации частноперцептивной лексики

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
The watching children heard a terrific bang, and as she landed the whole house shook.	Весь дом <i>так и задрожал</i> , когда она приземлилась!	<i>Стук раздался такой</i> , что <i>затрясся</i> весь дом.
She wore so many brooches and necklaces and earrings that she jingled and jangled just like a brass band.	Она носила столько ожерелий и серёг, что вся <i>звенела и гремела, как полковой оркестр</i> .	Она носила так много брошек, ожерелий и серёг, что её движения <i>сопровождались звяканьем и звоном</i> .

В первом фрагменте, описывающем прибытие Мэри Поппинс в дом на Вишнёвой улице, мы видим, что для интерпретации частноперцептивной лексики (*a terrific bang, the whole house shook*) переводчики выбирают глаголы, обозначающие разную степень интенсивности тактильного ощущения (*дом задрожал – дом затрясся*), М. Литвинова использует глагол *затрясся*, и этот вариант производит на читателя более сильное эмоциональное впечатление (в оригинале его вызывает интенсификатор *terrific*). Сюда же подключается и обозначение слухового восприятия *стук раздался* (в соответствии с английским оборотом *heard a bang*), которого нет в переводе Б. Заходера. Местоимение *такой* вводит придаточное меры и степени, также добавляя эмоциональную окраску и интенсификацию в перевод М. Литвиновой. А вариант Б. Заходера *так и задрожал*

⁷⁹ Учитывая, что переводы Б. Заходера являются достаточно свободными и иногда приближаются к пересказу [Шевченко, 2005, с. 4; Лунин, 2007, с. 45], отметим, что в выбранных нами контекстах его вариант полностью сопоставим с оригиналом и с переводом М. Литвиновой.

призван воздействовать на читателя в другом плане: он усиливает наглядность события, эффект соприсутствия наблюдателя.

Во втором фрагменте, описывающем внешний вид миссис Ларк, оба переводчика демонстрируют иронию повествователя по отношению к героине, но по-разному её интерпретируют (*она... звенела и гремела, как полковой оркестр – её движения сопровождалась звяканьем и звоном*). Использование Б. Заходером сравнительного оборота делает перевод более точным (*like a brass band – как полковой оркестр*). При этом Б. Заходер употребляет слова в переносном значении по отношению к субъекту действия (*она... звенела и гремела*), что делает перевод ярче, образнее и понятней для незрелого читателя. Важно заметить наличие в тексте оригинала аллитерации (*she jingled and jangled just like a brass band*), которую отчасти воспроизвела М. Литвинова (*звяканьем и звоном*).

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
Then, with a long, loud sniff that seemed to indicate that she had made up her mind, she said: "I'll take the position".	Наконец она громко <i>засопела</i> , что, как видно, свидетельствовало о том, что она приняла решение, и сказала: – Я принимаю ваше предложение.	Затем она громко, протяжно <i>фыркнула</i> , что, по-видимому, означало – жребий брошен. И громко сказала: – Я остаюсь.

В данном фрагменте переводчики прибегают к разным вариантам интерпретации английского глагола *sniff*. Б. Заходер выбирает приставочный глагол *засопела*, обозначающий начало длительного гомогенного действия, а М. Литвинова – глагол *фыркнула* со значением мгновенного действия. Но основное различие здесь не в базовой семантике, а в коннотациях глаголов. В русских текстах люди сопят, когда они обижаются, глубоко задумываются или, например, важничают. Фыркая, человек выражает другие эмоции – неодобрение или насмешку. Учитывая контекст ситуации (Мэри Поппинс принимает решение остаться в доме Бэнксов), можно допустить как «важничание» героини, так и её насмешливость (обе черты неоднократно проявляются далее). Однако от выбора переводчика зависит, какая черта будет здесь выделена.

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
...(he)... had suddenly risen from the floor and was swooping through the air, roaring with laughter.	...(он)... тоже взлетел и понёлся по воздуху, заливаясь смехом.	...(он)... тоже полетел, сотрясаясь от громоподобного хохота
He was ramping up and down in his cage, coughing, and blowing his nose, and spluttering with rage.	(И действительно, это был Адмирал Бум). Он носился взад и вперёд по всей клетке, кашляя, сморкаясь и брызжа слюной от ярости.	(Это действительно был их сосед Адмирал Бум). Он бегал и прыгал по клетке, кашлял и сморкался, бурля от ярости.

Можно сказать, что представленные фрагменты – это своего рода кульминации, яркие события в жизни незрелых персонажей романа, поражающие их воображение. В первом отрывке, описывающем необычное чаепитие в доме у дядюшки Мэри Поппинс, в оригинале мы видим сочетание *roaring with laughter*, для интерпретации которого переводчики выбирают разные каналы восприятия. Б. Заходер, используя русский фразеологизм *заливаясь смехом*, активизирует у читателя слуховое восприятие, тем самым заставляя “слышать” этот задорный смех. М. Литвинова выбирает выражение *сотрясаясь от громоподобного хохота*, сочетая обозначение слухового восприятия с визуальным и приближая интенсивность впечатления к той, что представлена в оригинале.

В переводе второго фрагмента Б. Заходер удачно использует фразеологический оборот «брызжа слюной от ярости», который может быть истолкован не только как обозначение эмоций персонажа, но и буквально – как его конкретное, наблюдаемое действие (не забудем, что адмирал Бум, помещённый в клетку, напоминает детям животное, дикого зверя). Таким образом создаётся наглядная, «звучащая» картинка.

Немалую роль в создании эффекта соприсутствия при описании наблюдаемых событий играют звукоподражания. Воспроизведённый звук локализуется в определённой точке сюжетного хронотопа, тогда как упоминание о звуке вносит в изложение событий элемент интерпретации.

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
“Hsssst!” The snakes, with a soft hissing sound, were	Все змеи, негромко <i>шипя</i> , приподнялись на хвостах,	– <i>Ш ш ш, с с с</i> , – свистели и <i>шипели</i> змеи, вставали на хвосты

rising up on end and bowing to something behind Jane and Michael.	кланяясь кому-то, кто был позади Джейн и Майкла.	и кланялись кому-то, стоявшему позади детей.

Ономатоп *Hsssst!* в оригинале, вероятно, образован от английского глагола *to hiss* – шипеть, при этом звукоподражание намеренно сопровождается словами с соответствующей аллитерацией: *snakes with a soft hissing sound*. Мы видим, что только М. Литвинова использует в переводе данный приём, используя согласные звуки *ш* и *с*, которые при произношении создают звук, подобный шипению, а также сопровождает звукоподражание аллитерацией (*свистели и шипели*). Эта тактика, выбранная автором, замеченная и воспроизведённая переводчиком, представляется крайне важной в произведении для детей, ведь оно предназначено в том числе и для чтения вслух.

II. Добавление частноперцептивной лексики, активизация разных каналов восприятия

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
A delicious taste ran round his mouth. He turned his tongue in it.	Восхитительно! Он проглотил лекарство и чмокнул языком.	Ух, какая <i>сладость!</i> Он <i>пошевелил во рту языком и проглотил.</i>
He was heaving and trembling and bursting with laughter at the thought of Aunt Emily's umbrella.	И, сам того не замечая, он уже <i>трясся от смеха</i> . Он <i>фыркал и задыхался</i> , вспоминая зонтик тётушки Эмили.	Не успел он закрыть рта, как опять <i>заколыхался от смеха</i> : надо же – спасли зонтик!
The Bus roared on, wildly lurching and bounding.	Автобус <i>нёсся вперёд, ревя мотором</i> и <i>покачиваясь</i> .	Автобус ехал и ехал, <i>бешено трясясь и подпрыгивая</i> .

Переводчики по-разному конкретизируют описываемые события, вводя частноперцептивную лексику. В вариантах, предложенных Б. Заходером, активизируется слуховой канал: *чмокнул языком; фыркал; ревя мотором*, а в переводе М. Литвиновой – вкусовой и тактильный (*сладость, пошевелил во рту языком и проглотил, бешено трясясь*

и *подпрыгивая*). Можно полагать, что использование в переводе Б. Заходера слова *чмокнул*, отсутствующего в оригинале, было вызвано стремлением максимально приблизить читателя к происходящему действию, заставить «услышать» реакцию Майкла и представить, каким же все-таки восхитительным оказалось “лекарство”. Слово *сладость*, выбранное Литвиновой, тоже отсутствует в оригинале, но в плане предпочтения перцептивного канала соответствует обороту *a delicious taste*, конкретизируя его так, чтобы было понятно ребёнку: сладко – это, конечно, вкусно.

Во фрагменте, описывающем поездку главных персонажей на автобусе, Б. Заходер и М. Литвинова используют глаголы разной степени интенсивности тактильного ощущения (у М. Литвиновой переданное ощущение опять гораздо интенсивнее, ср. *покачиваясь* и *бешено трясясь и подпрыгивая*). Глагол движения у Б. Заходера (*нёсся*) указывает на стремительность действия, а, вариант М. Литвиновой *ехал и ехал* подчёркивает его продолжительность (дети, уставшие за полный удивительных приключений день, могут воспринимать поездку домой и таким образом). При этом оба переводчика формируют представление о движении автобуса, опираясь на свою трактовку частицы *on*. Что касается слова *roar*, то слуховое восприятие события находит отражение только у Б. Заходера (*рева мотором*).

III. Визуализация образа при помощи общеперцептивной лексики и наглядных сравнений

Наглядное сравнение – это явление, возникающее «на границе» нескольких когнитивных контекстов. С одной стороны, оно вызывает в сознании адресата конкретную «картинку», с которой ему предлагается ассоциировать описываемое явление. С другой стороны, подобная ассоциация действительна только тогда, когда у читателя есть предшествующий опыт восприятия вводимого для сравнения элемента, есть определённые впечатления, а иногда даже эмоции и оценки, им вызванные. Наконец, автор рассчитывает в результате сравнения вызвать сходное впечатление у всех читателей, то есть ориентируется на общечеловеческий опыт. Используя классификацию коммуникативных регистров Г.А. Золотовой, противопоставляющую категориальные типы отражения действительности, можно сказать, что наглядное сравнение может возникнуть в контексте репродуктивного, информативного и даже генеритивного регистра [Золотова, 1982, с. 355], однако основная сфера его функционирования – это репродуктивный (изобразительный) регистр речи.

оригинал	Б. Заходер	М. Литвинова
For Miss Persimmon, quite against her will, was off the ground and was stumbling through the air, rolling from side to side like a very thin barrel, balancing the tray in her hand.	Увы, ноги мисс Персиммон, совершенно против её воли, оторвались от пола, и она <i>заковыляла по воздуху, переваливаясь с боку на бок, словно очень тоненький бочонок, с трудом балансируя</i> своим подносом.	Да, мисс Эйми Персиммон, вопреки себе, оторвалась от земли и, <i>качаясь, полетела по воздуху, как узкий длинный воздушный шар</i> , изо всех сил <i>жонглируя</i> подносом.

Сравнительный оборот *like a very thin barrel* в переводе Б. Заходера дословный (*словно очень тоненький бочонок*), но с добавлением уменьшительного суффикса к прилагательному и модифицирующего – к существительному (бочонок действительно меньше бочки). Создаётся образ с одной стороны фантастический, гротескный (бочонок может быть узким, но не «очень тоненьким»), но с другой стороны юмористический (даму сравнивают с бочонком) и нестрашный (уменьшительные суффиксы нивелируют резкость сравнения). Вспомнив о том, что диминутивы характерны для детской речи, предположим, что необычное сравнение мисс Персиммон с тоненьким бочонком могло возникнуть как раз в воображении детей: Джейн и Майкла. М. Литвинова меняет визуальный образ для сравнения, здесь незадачливая мисс похожа на *узкий длинный воздушный шар*. Нельзя не согласиться с тем, что такой наглядный объект гораздо более знаком и понятен современному ребёнку, однако там, где у Б. Заходера фантастика сочетается с комизмом (бочонок «*ковыляет по воздуху*», «*переваливаясь с боку на бок*»), у М. Литвиновой остаётся только фантастика (мисс-воздушный шар «летит»). Слово *балансируя* передаёт смысл оригинала более точно (миссис Персиммон старается не уронить поднос и не упасть, а вовсе не развлекает детей), но слово это менее знакомо детям, чем цирковое *жонглировать*. В итоге Б. Заходер создаёт более сложный, но и более яркий, запоминающийся гротескный образ, тогда как М. Литвинова прежде всего стремится сделать картинку узнаваемой, понятной невзрослому читателю.

Таким образом, каждый из переводчиков во всех трёх рассмотренных ситуациях реализует обдуманную тактику [Уржа, 2009, с. 199], в которой учёт фактора адресата играет решающую роль. И Б. Заходер, и М. Литвинова вдумчиво интерпретируют оригинал, поддерживая авторские приёмы визуализации сюжетных событий вкраплениями колоритной частноперецептивной лексики, эмотивами и интенсификаторами, специфическими синтаксическими конструкциями с выделительным значением. При этом оба переводчика активно задействуют помимо зрительного слуховой канал восприятия, а М. Литвинова – ещё и тактильный. В её варианте действия предстают более интенсивными, а звукоподражания и аллитерации обязательно воспроизводятся. Можно сказать, что переводчица стремится удивить незрелого читателя, создать запоминающиеся визуальные образы. Б. Заходер мастерски использует другой аспект воздействия на адресата – он читателя смешит, его картинки (в особенности наглядные сравнения) необычны, а вводимые в контекст русские идиомы (*заливаться смехом*), напротив, узнаваемы. Переводчик даже обыгрывает буквальные «визуальные» значения слов в идиомах: например, мистер Паррик говорит детям, что для того, чтобы перестать смеяться и вернуться из-под потолка на пол, им нужно «упасть духом», и в итоге им приходится «спуститься с небес на землю».

Обе выбранные тактики представляются удачными, более того, каждая из них по-своему отражает элементы стратегии оригинального текста: визуальные образы в нем яркие, их проявления интенсивны, они необычны, порой алогичны (ведь мы имеем дело с английской авторской сказкой) и по большей части забавны. Внимание к фактору адресата становится основой для переводческого решения, сочетающего корректную интерпретацию оригинала с творческим поиском.

Список литературы

- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова М.: Наука, 1982. 366 с.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М.: Изд. филол. ф-та МГУ, 1998, 540 с.
- Лунин В. Заходер-переводчик. Остров сокровищ. Выпуск 01 (12). Вкладка в «БШ» № 01 (181). [Электрон. ресурс] / В. Лунин. 2007. – Режим доступа: <http://lib.1september.ru>.
- Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста / М.Ю. Сидорова. М.: Изд. МГУ, 2000, 416 с.
- Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник МГУ. Филология / МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997, №6. С. 7-19. 98с.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А.В. Уржа. М.: Спутник +, 2009, 292 с.

Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б.В. Заходера: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Шевченко; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2005. 13 с.

Шестакова Ди Франко Н.Н.
Римский государственный университет «Ла Сапьенца»,
г.Рим (Италия)

Chestakova Di Franco Natalia
University of Rome “La Sapienza”
Rome (Italy)

ЯЗЫК ПРАВА И ПЕРЕВОД

LEGAL LANGUAGE AND TRANSLATION

Право создаёт язык, и своеобразие языка права заключается в его глубинной диалектической сущности, граничащей с парадоксом. Так в нем взаимодействуют такие противоречивые категории, как универсальное и специальное, абстрактное и конкретное, однозначное и полисемичное, архаичное и новейшее, деонтическая модальность и объективная реальность, эмоциональная нейтральность и созидательный пафос, ясность и невнятность. Поэтому в преподавании юридического перевода нельзя ограничиваться изучением специальной терминологии, а применять системный, целостный подход к разрешению проблем, неизбежно возникающих в процессе переложения с одного языка на другой. Непременным условием успешного перевода как для преподавателей, так и для студентов представляется также знание основ права, а лучше всего, основательное изучение юридических наук, по крайней мере до уровня бакалавриата.

Language creates a law and the particularity of the legal language lies in its deep dialectical essence, that borders on paradox. In this language contradictory categories interact such as universal vs specific, abstract vs concrete, monosemic vs polysemic, archaic vs innovative, deontic modality vs objective reality, emotional neutrality vs constructive pathos in order to build a more lawful society, preciseness vs ambiguity. This is the reason why teaching legal translation must not be limited only to the study of specific legal terminology, but rather we must apply a systemic integrated method in order to solve problems, inevitable arising during the process of transferring a concept from a language into another one. *The conditio sine qua non* to achieve a successful translation for teachers as well as for students is the knowledge of the law rudiments, and best of all a solid knowledge of the law studies, almost up to the level of a bachelor's degree.

Ключевые слова: язык права, «меркуриева неуловимость», деонтическая модальность, полисемия, невнятность, целостный подход к преподаванию.

Key words: legal language, “mercurial elusiveness”, deontic modality, polysemy, ambiguity, integrated method of teaching

Право создаёт язык.

С тех пор, как в 1811 г. известный немецкий юрист Фридрих Карл фон Савиньи, представитель исторической школы права, опубликовал статью под названием «Грамматика права»⁸⁰, весьма своеобразные отношения между языком и правом привлекают пристальное внимание юристов, философов и лингвистов. Все они сходятся во мнении, что это крайне своеобразный и сложный феномен. Общепризнанная трудность

---

⁸⁰ *Savigni von, F.K.* Grammatica del diritto в сборнике *Il linguaggio del diritto*, a cura di U.Scarpelli e P. Di Lucia, LED Milano, 1994. P. 55-59.

языка права для понимания вообще и для перевода в частности, обусловлена, на мой взгляд, его глубинной противоречивостью, а, следовательно, и противоречивыми отношениями с другими специальными языками, которые отличает прагматизм, достоверность, информативность, логичность, точность и ясность. Отсюда и известная проблематичность его классификации в рамках этой категории. Так итальянский переводчик и автор интереснейшей монографии о переводе юридических текстов Стефано Онделли утверждает, что языку права присуща «меркуриева неуловимость»⁸¹.

Вот некоторые примеры в высшей степени диалектической сущности языка права:

– *специальная юридическая терминология* **versus**

– *универсальность языка права*

(нет областей в жизни правового общества, которые были бы недоступны правовой регламентации, что влечет за собой теснейшую близость обычного языка и языка права: это сообщающиеся сосуды, которые постоянно взаимодействуют и взаимно обогащаются⁸²; феномен «юридизации» обычного языка⁸³; связь с другими специальными языками);

– *однозначность* **versus**

– *многозначность*

(полисемия органически присуща языку права так же, как и другим естественным языкам,

что обуславливает необходимость толкования юристом текста даже самой простой правовой нормы, многозначной по своей природе в целом и в частности);

– *ясность, точность и внятность*

(которых требует от языка закона и общество, следуя просветительской традиции);

versus

– *неопределенность, неясность и невнятность языка закона*

(что вытекает из природной многозначности языка права и является залогом жизнеспособности права и его отдельных актов; закон – это компромисс между различными, часто диаметрально противоположными позициями политических сил; единый текст закона предназначен для применения к неисчислимому количеству

---

⁸¹ *Ondelli, S. La lingua del diritto, Roma Aracne Editore 2007. P. 22.*

⁸² *Carcaterra, A. Il linguaggio del legislatore romano в сборнике Il linguaggio del diritto, op.cit.. P. 327.*

⁸³ *Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрлингвистики в: Голев Н.Д. Право и лингвистика. Материалы научно-практической конференции. Симферополь-Ялта, 2003, С. 3 и passim.*

конкретных частных случаев; принятый однажды закон призван оставаться в силе на неопределенный период времени в будущем со всеми неизбежными переменами в жизни общества (**Lex prospicit, non respicit**), отсюда желательное «косноязычие законодателя»⁸⁴; язык закона не является ни полным, ни строгим, ни упорядоченным, вплоть до существования в нем явных антиномий, которые законодатель не намерен разрешать⁸⁵);

– *архаический язык права, унаследованный от предыдущих эпох* (напр., обилие латинизмов в языке итальянского права);

versus

– *слова и терминология современности* (напр., появление новейших информационных технологий и необходимость упорядочения их в рамках права об интеллектуальной собственности);

– *объективная достоверность описательных частей закона*

versus

– *деонтическая модальность как основная модальность языка права*

(основная цель языка права заключается не в описании реально существующей действительности, а в предписании, в стремлении к созданию действительности высшего порядка – к созданию общества добра и справедливости (**ius est ars boni et equi**) согласно благородным принципам совершенного человеческого общежития; «животворящее слово»⁸⁶; подобная убежденность восходит к древним верованиям в сверхъестественные способности слова-заклинания⁸⁷, что сыграло важнейшую роль в процессе становления права (напр., легисакционный процесс в древнем римском праве), а также в создании и изучении категории перформативных⁸⁸, конститутивных и экзекутивных⁸⁹ высказываний лингвистами XX в.);

– *эмоциональная нейтральность*

versus

– *пафос и поэтика языка права*

(в стремлении создать идеальное общество справедливости, как было сказано выше, право воздействует на сознание человека, обращаясь не только к его разуму, но и к чувствам, используя разнообразные риторические приемы).

⁸⁴ Gavazzi, G. Il legislatore perfetto в сборнике Il linguaggio del diritto, op. cit. P. 309.

⁸⁵ Bobbio, N. Scienza del diritto e analisi del linguaggio в сборнике Il linguaggio del diritto, op.cit. P. 108-112.

⁸⁶ Orestano, R. La “parola creatrice” в сборнике Il linguaggio del diritto, op.cit., P. 197.

⁸⁷ Olivecrona, K. Linguaggio giuridico e realtà в сборнике Il linguaggio del diritto, op.cit. P. 156-161.

⁸⁸ Filippino, A. Enunciazioni performative e il linguaggio giuridico в сборнике Il linguaggio del diritto, op.cit. P. 207-219.

⁸⁹ Benveniste, E. La filosofia analitica e il linguaggio в сборнике Il linguaggio del diritto, op. P. 187-197.

Так, при выражении уже упомянутой деонтической модальности язык права использует исключительно изъявительное наклонение, которое обладает большей силой убеждения, поскольку представляет идеальное сообщество людей как бы уже воплощенным в действительность);

– *абстрактные теоретические конструкции*

(напр., понятие юридической сделки в немецком частном праве)

versus

– *конкретные бесчисленные и самые разнообразные случаи, применяться к которым должны законы и т.д..*

Законодательство каждого народа представляет собой своеобразное, часто уникальное культурное явление, отражающее не только правовые, но и исторические, и даже географические особенности общества⁹⁰. Настолько же своеобразны и языки права разных стран, так что некоторые юристы даже высказывают мнение о принципиальной непереводаемости правовых документов⁹¹.

Тем не менее, в последнее время потребность в юридическом переводе постоянно возрастает, и будущему переводчику необходимо научиться преодолевать следующие основные трудности.

Лексико-терминологические проблемы:

- неоднозначность терминов;
- термины, неразрывно связанные с определённой юридической культурой;
- несоответствие терминов, а скорее, отсутствие институтов одной юридической культуры в другой;
- значимое наличие обычных слов, часто принимающих иное значение в языке права;
- наличие терминов, относящихся к другим специальным языкам;
- употребление специальных терминов в обычном значении;
- архаический язык⁹².

Морфосинтаксические проблемы:

Требование предельной точности ведёт к преобладанию имени над глаголом:

Существительное:

---

⁹⁰ Sacco, R., *La traduzione giuridica* в сборнике *Il linguaggio del diritto*, op.cit. P. 475-491.

⁹¹ Sacco, R. op.cit. P. 476.

⁹² Речь идёт о бессчётных латинизмах в итальянском языке: *ab origine, ad quem, ab quo, brevi manu, casus belli, intra moenia, sine die, status quo, una tantum* и т.д

– объективность и безличность языка правовых актов приводит к преобладанию имени существительного в следующих проявлениях:

– абстрактные, отглагольные и сложные существительные;
– длинные цепочки однородных членов при обилии сложных отымённых предлогов⁹³

– существительное в составном именном сказуемом;

Глагол:

употребляется в основных грамматических значениях

– лицо (3-е), время (настоящее), модальность (изъявительное наклонение), залог (пассивный);

– в безличных и неопределенно-личных формах;

– часто употребляется в ослабленном лексическом значении;

– в неопределённой форме причастия и деепричастия⁹⁴.

Интересно заметить, что будущее время изъявительного наклонения употребляется в функции императива.

Синтаксис:

– сложносочиненные и сложноподчиненные предложения со многими придаточными чрезвычайной длины; это приводит к тому, что и в русском языке права превалирует гипотаксис с использованием целого ряда сложных союзов⁹⁵:

– активный и пассивный залогов, в соотношении которых наблюдается явный крен в сторону последнего;

– обилие вводных слов и предложений;

– отрицание и двойное отрицание и т.д.;

– безличные и неопределенно-личные предложения;

– прямой порядок слов с последовательной сменой тем и рем;

– осложнение причастными и деепричастными оборотами.

Таким образом, нисколько не умаляя значения специальной юридической терминологии, нельзя сводить к ее изучению весь процесс обучения переводу: напротив, необходимо сопоставлять языки права двух стран во всей их целостности и своеобразии. Нельзя упускать из виду ни на миг то, что все лексико-терминологические и

---

⁹³ в связи с, в соответствии с, с целью, согласно и др.

⁹⁴ Деепричастие выполняет вводящую функцию и употребляется в начале абзаца: рассмотрев, принимая во внимание, выслушав мнение и т.д. (NB: в итальянском языке ему соответствует причастие прошедшего времени: visto, tenuto conto, sentito il parere, ecc).

⁹⁵ что, который, когда, поскольку, для того, чтобы, хотя, если и др.;

морфосинтаксические элементы обоих языков являются органической частью единого целого.

И всё-таки существуют и объективные предпосылки успешного юридического перевода с русского на итальянский и наоборот, которые заключаются в следующем: общность государственной власти – правовое государство; общность правовой системы – романо-германская правовая семья; сходное использование языковых средств – преимущественно высокого стиля, что соответствует сходному отношению к праву: верховенство закона признано во всех аспектах общественной жизни; сходным является и стремление законодателя – по требованию гражданского общества – к ясности, точности и объективности.

Здесь находят применение такие обычные переводческие приёмы, как: замена, перестановка, добавления и опущения.

В том случае, если возникают проблемы перевода в связи с коренным различием понятий и соответствующих терминов в двух правовых культурах или в связи с отсутствием их в одном из языков как в диахроническом, так и синхроническом аспекте:

Крепостное право	servitù della gleba
советы	Soviet/consigli
правоохранительные органы	“organi per la tutela del diritto”
указ	ukaz, editto, decreto
постановление	delibera, decreto, sentenza Corte Costituzionale
vendetta barbaricina	«Кодекс вендетты» на Сардинии
decreto legge	«декрет-закон»
decreto legislativo	«законодательный декрет» –

их можно разрешить при использовании следующих известных переводческих приёмов:

- транслитерация,
- калькирование,
- создание неологизмов,
- примечания переводчика и др.

И наконец, заслуживает внимания даже пунктуация правовых актов (их роль трудно переоценить, если вспомнить об известном изречении «казнить нельзя помиловать»), поскольку постановка знаков препинания в обоих языках различна: русский придерживается правил логико-синтаксической, восходящей к немецкому образцу, системы, в то время как итальянский и другие романские языки – просодико-фонетической.

Нельзя обойти вниманием и точную передачу многочисленных сокращённых буквенно-цифровых обозначений: их следует строго разграничивать и соблюдать правила, принятые в каждом из языков. Это замечание распространяется также на использование прописных и строчных букв.

Примечание: В основу представленных в этом сообщении соображений положен язык текстов законодательных актов (законы, регламенты, международные и наднациональные нормы, договоры и т.д.), переводом и преподаванием перевода которых автор непосредственно занимался; две другие категории юридических текстов – практика применения законов (процессуальные акты, жалобы, судебные решения и т.д.); доктринальное толкование права (учебники, монографии, акты научных симпозиумов, статьи в научных изданиях, очерки, комментарии и т.д.) не принимались во внимание.

В тематическом плане вышеназванные тексты относятся к сферам публичного (конституционное право), гражданского и международного публичного и частного права.

Список литературы

Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.

Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики / Голев Н.Д. Право и лингвистика. Материалы научно-практической конференции / Симферополь-Ялта. 2003.

Casertano, L. Il linguaggio giuridico russo, in Pozzo B., Timoteo M. Europa e linguaggi giuridici, Giuffrè. Milano, 2008.

De Mauro, T. Oscura lex sed lex? Riflettendo sul linguaggio giuridico, in Beccarla G.L., Carla M. La parola al testo. Scritti per Bice Garavelli Mortasa, Edizioni dell'Orso. Milano, 2002.

Di Lucia, P., Scarpelli, U. Il linguaggio del diritto, LED. Milano, 1994.

Iudica, G., Zatti, P. Linguaggio e regole del diritto privato, CEDAM, Padova, 2002.

Luzzati, C. La vaghezza delle norme: un'analisi del linguaggio giuridico, Giuffrè. Milano 1990.

Mortara Garavelli, B. Le parole e la giustizia, divagazioni grammaticali e retoriche su testi giuridici italiani, Einaudi, Torino, 2001.

Ondelli, S. La lingua del diritto, Aracne Editore. Roma, 2007.

Словари

Наполитано Т. Русско-итальянский юридический словарь. Giuffrè editore. Milano, 1981.

Прокопович С.С. Итальянско-русский юридический словарь, «Руссо». М., 2007.

Чович Б.
Панъевропейский университет
г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина, Республика Сербская)

Chovich Branimir
Pan-European University
Banja Luka (Bosnia and Herzegovina, Serbia)

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ИНТЕР- И ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО К ИНТЕР-СЕМИОТИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN INTER- AND INTRA-LINGUISTIC TOWARD INTER-SEMIOTIC TRANSLATION (OR TRANSMUTATION)

Данные исследования являются дальнейшим развитием тех мыслей и идей, впервые высказанных мною в трактате «Об актуальных вопросах транслатологии и о перспективах её дальнейшего развития», прочитанного на пленарном заседании «Белградских международных встреч переводчиков» в 2000 году, посвящённых пятидесятилетию юбилею «Ассоциации литературных переводчиков Сербии», дальнейшее развитие которых последовало в 2006 году в Санкт-Петербурге под заглавием «Новое в переводе или старые темы в новом освещении», чтобы свой окончательный вид получили в прошлом году. Мысль написать этот трактат о переводе возникла ещё в 1990 году, то есть ровно 450 лет после знаменитого «Трактата о переводе» (1540) Этьена Доле, поплатившегося головой за свой вольный перевод Библии, а совпала с началом моей работы над монографией «Поэтика художественного перевода» (Поэтика книжного перевода, 1994). Этот трактат был первой нашей попыткой по-новому и всесторонне осветить этот сложный феномен, по-философски его осмыслить, исходя из толкований Р. Jakobsonом перевода как вездесущего явления в самых разнообразных проявлениях, взаимосвязанных и часто пересекающихся, соотносительных, но иногда и противопоставленных друг другу, равно как и из его деления перевода на три основных типа: с одной стороны, *межъязыкового* и *внутриязыкового* (или *интер-* и *интралингвистического* – термины Jakobsona), как более простых, и *интер-семиотического* (или *трансмутации* – по Jakobsonу), с другой, как очень и очень сложных. Все мы переводчики, перевод везде вокруг нас – в самых различных знаковых системах, равно как и в нас самих.

This work on the current science of translation and perspectives for its further development, conceived in 1990th, and partially implemented 2000th and continued in 2013th and completed in 2014th, is an attempt to examine and philosophical device this complex phenomenon, based on Jakobson's statement about the ubiquity of translation and a variety of its manifestations in the form of many and diverse intersections and crossings: and above all in the sphere of inter-and intra-language translation (*or inter – and intra – linguistic*, in Jakobson's terminology) on the one hand, and inter – semiotic (or transmutations, by Jakobson), on the other hand. Because we are all interpreters and translation is all around us and within us. This paper is an attempt to introduce into the center of the science of translation this quite unexplored area of *inter-semiotic translation (or transmutation)*, from its margins, which Jakobson visionary anticipated in his work on types of translations. Based on profound conviction of the author of this paper, future constitution of the theory of literature translation (*or ars translaticae*) as an independent *par excellence* scientific discipline within the global translatology will largely depend on the brake of science into unknown territory of *inter-semiotic translation*, which, however implies not only interpretation of linguistic signs by signs of non-linguistic system, based on Jakobson's interpretation, but also *vice versa* – interpretation of non-linguistic sign by linguistic one, as well as, wider, *intra-semiotic* ie. interpretation of non-linguistic sign of one system using another non-linguistic sign, but from another system, such as painting and sculpture. That would be two corections introduced in Jakobson's triad by author of this labour. These two new aspects of transmutation should precede examples of inter-semiotic translation, especially because they often implicate contain them, such as intra-linguistic transformation prior right or inter-linguistic translation. Among the many manifestation of intra-linguistic translation was allocated only a few phenomena, such as, for an example, a *stylization* of any kind (especially *historical stylization* of the novel, which is nothing but the

time creolisation two more or less distant cultural models in diachronic perspective of the same language) and the emergence of inter-language translation of the dialogues, taken from the superb epic structure. However, usually that will be an examples of crossing and interleaving intra- and inter-linguistic translation, sometimes with traces of the influence of one or several *translation-intermediary* (such as Vuk's translation of *New Testament*). However, a review of intersection begins with more examples of: inter- and intra-semiotic translation because they are incentive due to its complexity as an phenomena of higher abstraction for the understanding and interpretation of the nature of the relationship between intra- and inter-linguistic translation, whether considered alone with themselves – inside (inherent) or with each other, in the intertwining – outside (comparatively), which is more often.

Ключевые слова: интерлингвистический, интралингвистический перевод, трансмутация.

Key words: interlinguistic, intralinguistic translation, transmutation.

С середины XX века, то есть после появления трудов по переводоведению Романа Якобсона, слово «перевод» и соответствующее ему понятие стало основным семиотическим термином и начало применяться для обозначения любой трансформации, в которой одна знаковая система заменяется другой при относительном сохранении содержания информации. Таким образом стало возможным широкое применение термина «перевод» и за пределами языка, что способствовало широкому применению семиотических принципов и приёмов при исследовании и описании теоретических проблем перевода.

По замыслу программы действий Европейского сообщества в наднациональном образовании нет единого официального языка, потому что «Европа говорит со всеми – и специалистами и простыми гражданами – на их родном языке. Этот европейский путь утверждает культурную самостоятельность всех и уважение к каждому» [Топер, 2001, с. 5]. В результате претворения в жизнь этого принципа многоязычия в рамках Сообщества переводится ежегодно около полутора миллиона страниц текста и с каждым годом их количество постоянно увеличивается, а переводческая служба насчитывает около 1500 переводчиков, что несомненно способствует идее о создании «единого культурного пространства Европы. А переводчики «играют выдающуюся роль в деле сохранения культуры Европы во всем её многообразии». Справочное издание Юнеско «Index translationum» из года в год фиксирует возрастание количества переводов во многих странах мира. Ни одну область научной, культурной и социальной жизни мы не можем представить себе без перевода. Так что недаром XX век был назван «веком перевода»: перевод в XXI веке, если воспользоваться метафорой, будет вездесущее явление – в любом коммуникативном акте и даже – в нас самих.

Данные исследования являются дальнейшим развитием тех мыслей и идей, впервые высказанных мною в трактате «Об актуальных вопросах транслатологии и о

перспективах её дальнейшего развития», прочитанного на пленарном заседании «Белградских международных встреч переводчиков» в 2000 году, посвящённых пятидесятилетию юбилею «Ассоциации литературных переводчиков Сербии», дальнейшее развитие которых последовало в 2006 году в Санкт-Петербурге под заглавием «Новое в переводе или старые темы в новом освещении», чтобы свой окончательный вид получили в прошлом году. Мысль написать этот трактат о переводе возникла ещё в 1990 году, то есть ровно 450 лет после знаменитого «Трактата о переводе» (1540) Этьена Доле, поплатившегося головой за свой вольный перевод Библии, а совпала с началом моей работы над монографией «Поэтика художественного перевода» (Поэтика книжного перевода, 1994). Реализованный десять лет спустя, в апреле 2000 года, этот трактат был первой нашей попыткой по-новому и всесторонне осветить этот сложный феномен, по-философски его осмыслить, исходя из толкований Р. Якобсоном перевода как вездесущего явления в самых разнообразных его проявлениях, взаимосвязанных и часто пересекающихся, соотносительных, но иногда и противопоставленных друг другу, равно как и из его деления перевода на три основных типа: с одной стороны, *межъязыкового* и *внутриязыкового* (или *интер-* и *интралингвистического* – термины Якобсона), как более простых, и *интер-семиотического* (или *трансмутации* – по Якобсону), с другой, как очень и очень сложных. Все мы переводчики, перевод везде вокруг нас – в самых различных знаковых системах, равно как и в нас самих.

Начинаем наш разбор с более сложных проблем. Многообразны проявления скрещивания художественных приёмов в рамках отдельных видов искусств, которые условно можно охватить термином *внутри-медиальных реляций*, хотя значительно разнообразнее типы *мульти-медиальных реляций*. В этом нашем исследовании мы ограничиваемся тремя типами *меж-медиальных реляций*: словесной – пиктуральной – кинематографической, с многообразными проявлениями *внутри-мультимедиальных реляций* в каждом из трёх рассматриваемых искусств. Однако, вначале мы попытаемся проникнуть в специфику двух *языковых переводов*: *межъязыкового* и *внутриязыкового переводов*, каждого в отдельности, а потом в их взаимосвязи, чтобы перейти к более сложным явлениям, в частности к вопросу о взаимосвязи *меж-* и *внутрисемиотического переводов* (словесно-эстетического, пиктурального и кинематографического искусств).

Поэтому особое место в данном докладе отведено этому последнему типу *интерсемиотического перевода*, почти не затронутому до сих пор транслатологией, исключительное значение которого блестяще предвосхитил Якобсон в известной статье о

трёх типах перевода [Jakobson, 1959, с. 232-239]. Мы, отправляясь от идей Якобсона, делаем попытку из помет на полях якобсоновского труда перенести *трансмутацию* в круг актуальнейших проблем и сделать её основополагающей в транслатологии, как глобальной науки о переводе, ибо мы глубоко убеждены, что будущее теории художественного перевода как самостоятельной *par excellence* дисциплины в цикле других переводческих дисциплин во многом зависит от готовности науки проникнуть в пока ещё не определившуюся и не чётко отграниченную от других смежных дисциплин область *интер-семиотического перевода* (или *трансмутации*). Однако, под *трансмутацией* мы подразумеваем не только интерпретацию языковых знаков при помощи других неязыковых знаков, как это делал в своё время Якобсон, но и – наоборот, интерпретацию неязыковых знаков языковыми, а также и, шире, включая и область *интра-семиотического перевода*, т.е. – интерпретацию неязыковых знаков такими же неязыковыми, какими являются, к примеру, живопись и скульптура. И это были бы два основных корректива, сделанные нами в переводческой триаде Якобсона. К тому же, эти два новых аспекта в толковании трансмутации, думается, должны предшествовать анализу явлений *интерсемиотического переводов*, точно так же, как и внутриязыковые трансформации, должны предшествовать процессу *межъязыкового перевода*.

1. Из многих проявлений *интралингвистического перевода* приводятся в качестве иллюстрации лишь некоторые диалоги в прозе, равно как и многообразные приёмы *стилизации*.

2. Однако, в статье чаще приводятся примеры смешения *интер-* и *интра-языкового переводов*, встречающиеся в некоторых диалогических отрезках художественной прозы, а также примеры более сложного переплетения и пересечения *интра-* и *интер-языкового переводов*, но в которых замечены явные следы влияний многих так называемых *переводов-посредников*, (каким является, например, сербский перевод *Нового Завета*, над которым трудился Вук Караджич в течение 25-и лет и опубликовал его в 1847 г.).

1. Среди примеров диалогической речи, взятых из художественной прозы, выделяются два образцовых диалога: первый взят из новеллы И.А. Бунина “Баллада” (1938), как пример смешения *интра-* и *интерлингвистического переводов*; второй – из “Войны и мира” Л.Н. Толстого, который может послужить иллюстрацией чисто *интралингвистического перевода*. Оба драматически напряжённых диалога основываются на недоразумении между собеседниками вследствие различного их отношения к норме литературно-языковой. Впрочем, отличительной чертой романной структуры является

диалогическая речь, а «разноречие в романе» – основной стилеобразующий элемент его (романа), как самого молодого из литературных жанров. [Бахтин, 1975, с. 109].

В диалогах налицо чаще всего две противоположные интенции: говорящего (пишущего) и слушателя (читателя), которые почти никогда не совпадают, так что, как это ни парадоксально, слушатель или читатель лучше говорящего или пишущего понимают смысл высказанных автором мыслей и идей.

1.1. Иллюстрацией такого положения может послужить новелла Ивана Бунина “Баллада” (1938) из его последнего прижизненного сборника рассказов “Тёмные аллеи”, в которой на фоне основной сюжетной линии – горестной судьбы странницы Машеньки – в предельно сжатом, но многозначительном диалоге между главной героиней и рассказчиком подспудно идёт рассказ о катарсисе, т.е. о чутком восприятии этой же Машенькой старинной баллады, а передаётся в форме синонимического ряда, в котором в функции конструктивной доминанты выступает слово «жутко». Весь диалог основывается на недоразумении между рассказчиком, авторским заместителем (Medium), и Машей, а предметом недоразумения является как раз доминанта в диалоге – «жутко»: у повествователя своё «номинативное» значение этого слова, так как он носитель литературно-языковой нормы; у Машеньки своё индивидуально-творческое понимание этого же слова. Маша с восхищением говорит о старинной балладе:

«– Я, бывало, слушаю – мороз по голове идёт:

Веет сыр-бор за горою,

Метёт в белом поле,

Стала вьюга-непогода,

Запала дорога.

– *До чего хорошо, господи!*

– Чем хорошо, Машенька?

– Тем и хорошо-с, что сам не знаешь, чем. *Жутко.*

– В старину, Машенька, все *жутко* было.

– Как сказать, сударь? Может, и правда, что *жутко*, да теперь *все мило кажется.*»

[Бунин, 1988, т. 5, с. 263].

У таких писателей, как Бунин до крайних пределов развито умение извлекать глубинные тайные смыслы слов в самые светлые моменты их творчества. В данном отрезке словесно-эстетической структуры он настолько искусно размещают компонент “жутко” в функции доминанты в ряде синонимов с основным словом “хорошо”, так что на

остриях этого ряда скрыт основной тайный смысл диалога. Уловить этот смысл удаётся лишь внимательному читателю после повторных чтений. Это тот самый «остаток смысла», который очень трудно передать словами. Вот почему Машенька затрудняется объяснить собеседнику, чем хороша старинная баллада: – “Тем и хороша-с, что сам не знаешь, чем. *Жутко*.” Она всеми фибрами души чувствует всю прелесть баллады, но рационально на словах передать тайну прелести она не в состоянии, ибо она относится к сфере той более важной информации литературно-художественного текста, к «концептуально-эстетической», которая включает в себя такие виды, как гедоническую, аксиологическую, суггестивно-гипнотическую, катартическую информации [Гончаренко, 1988, с. 104].

Как раз на таких отрезках текста переводчик выступает как метаавтор в толковании «остатка смысла» поверх его основной фактуальной семантической информации. Внимательный читатель-переводчик после повторных чтений должен заметить, что доминанта “жутко” является лишь одним из членов окказионального синонимического ряда, включая фразеологизмы: “мороз по главе идёт” – в начале, равно и “мило кажется” в конце диалога. У Машеньки, в отличие от поверхностного, надменного рассказчика, все члены данного ряда синонимов являются атрибутами катартического восприятия произведения искусства старинной баллады. Поэтому компонент “жутко” в переводе на сербский язык нужно было перевести фразеологизмом “лепо те нека језа обузме” (русс. “оторопь берет”), а в репликах рассказчика – собеседника Маши – в номинативном значении, как “језиво, страшно”.

1.2. Из многих проявлений *интралингвистического перевода* приводятся в первую очередь примеры недопонимания между участниками диалога в литературно-художественных произведениях, вследствие различных интенций собеседников, несущие нередко глубокую концептуально-эстетическую нагрузку.

как уже указано выше, а также и многообразные приёмы *стилизации*, в первую очередь *исторической стилизации* в современном романе, представляющей собой не что иное как креолизацию моделей культур [Лотман, Т. 4, 1969, с. 460-477] двух более или менее отдалённых эпох в истории одного и того же народа [Алпатов, 1958; Троицкий, 1964; Чович, 1991, с. 32-127].

Однако, в статье чаще всего встречаются примеры переплетения и пересечения *интра-* и *интер-языкового переводов*, со следами влияний многих *переводов-посредников*. Наглядным примером такого комбинированного применения приёмов *интра-* и *интер-*

языкового переводов могут послужить два перевода Библии: во-первых, уже упомянутый перевод Нового Завета, сделанный Вуком Караджичем на сербский язык в 1847 году, равно как и *перевод-интерпретация* Одисея Эллитиса, за которую ему присуждена нобелевская премия. Его поэма под заглавием «Это достойно внимания» со всеми своими интертекстуальными и экзотекстуальными достоинствами представляет незаурядный перевод библейского текста [Слапшак, 1989, с. 169-171].

Вопрос о переводе сакральных текстов принадлежит тем комплексным и недостаточно изученным вопросам художественного перевода, без решения которых невозможно и исследование рецепции, восприятия Священного писания в любой литературе, в частности и в сербской. Специфичность восприятия Священного писания в любой национальной литературе зависит в первую очередь от различного отношения переводчика к сакральному тексту, при условии существования повторных переводов. Хотя этим проблемам посвящён ряд трудов как теоретического, так и прагматического характера, все-таки осталось ещё многое изучить. Одна из очередных задач – место Библии в литературно-художественном процессе любой национальной литературы. В этом смысле придётся заново актуализовать некоторые положения, которые дошли до нас в форме аксиом, а нуждаются в пересмотре, потому что такими давно не являются, чтобы потом уж взяться за всесторонние исследования переводов Нового Завета, сделанные Вуком Караджичем в середине XIX века и Одисеем Эллитисом – в наши дни. Необходимо, во-первых, опровергнуть ничем не подтверждённую точку зрения некоторых исследователей, что перевод Вука Караджича является примером *внутриязыкового перевода*. С этим нельзя никак согласиться, даже после поверхностного, беглого взгляда на этот многолетний труд знаменитого сербского реформатора литературного языка. Назвать *внутриязыковым*, пожалуй, можно лишь перевод-подделку Афанасия Стойковича, так как он в этой своеобразной адаптации одного из первых вариантов перевода Вука Караджича, реализованного ещё в 1819 году, «неумело славянизировал и русифицировал перевод Караджича», так что в момент своего появления он тотчас же стал не годным для сербского читателя. Пока попутно укажем, что Вук Караджич в своём переводе Нового Завета, хотя и придерживался церковно-славянского текста, однако, все время заглядывал в перевод Мартина Лютера, стараясь также, чтобы его перевод был заодно верен греческому оригиналу. Кроме того, во многих отрезках текста есть прямые соответствия с русским переводом из 1819/21 годов, что в своём сравнительно-стилистическом анализе доказал проф. Петр Джорджич, один из первых у нас

исследователей этого перевода Нового Завета ещё в середине 30-ых гг. прошлого столетия [Ђорђић, 1933-1934, Т. 2, с. 97-115]. Достоверность результатов этих исследований подтвердили и другие сербские учёные, как Ирена Грицкат и Миливой Павлович в середине 60-ых гг. [Грицкат, XXIV, 1-2: с. 219-246]. Оба они пришли к общему выводу, что перевод Вука Караджича является примером сложнейшей комбинации внутриязыкового и межязыкового переводов, с явными следами нескольких переводов-посредников (церковно-славянского, русского, нескольких немецких переводов, равно как и литинской Вулгаты); отсюда в нём довольно много прямых заимствований из церковнославянского, русского; а также много следов колоквиальных субстандартных элементов сербского языка, включая и турецкую лексику. Заметны и элементы греческого оригинала. Есть, конечно, и элементы внутриязыкового перевода, но это явление не первостепенной важности.

Если согласиться с идеей, что процесс перевода характеризуется и репродукцией, и модификацией оригинала, то Караджича можно и нужно считать метаавтором, выступающим на всех этапах сложного феномена перевода в роли интерпретатора. Его перевод – это не простая репродукция оригинала, а творческая модификация «в собственном духе», если пользоваться термином Ричардса, знаменитого представителя англо-саксонской «новой критики». В жанровом отношении его перевод представляет собой смешение нескольких жанровых традиций: нескольких переводов-посредников, греческого оригинала и церковно-славянского перевода, и поэтому в нём звучит многоголосие всех тех переводов, которыми он пользовался. Но среди этого разноречия есть и его собственный голос переводчика-интерпретатора. Этот голос, разумеется, в функции нескольких авторских интенций переводов-посредников, которыми Караджич пользовался в своём переводе, но без прямого подчинения.

2. В качестве иллюстрации пересечения *интра-* и *интерсемиотического переводов* приведём пример перевода словесной, как одной из форм так наз. временных искусств, в живопись (и в скульптуру), как типичных пространственных искусств, – и всех ступеней трансформации на «синем» портрете Анны Ахматовой, выполненном Натаном Альтманом в 1914 г. Ряд пересекающихся плоскостей в верхней части картины представляет собой множество трансмутаций небольших словесно-эстетических сенсаций- стихотворений, скорее всего из цикла «зазеркалье» в пиктографическое, визуализированное соответствие, что роem встают перед «черным от боли» глазом поэтессы (и это будет первая стадия *интер-семиотической трансмутации*), которое как бы изрезанно из светлых тонов

аквамарины (и это уже вторая стадия *интра-семиотической трансмутации*). Таким образом, живописец путём синхронизированных трансмутаций перевёл словесно-эстетическое искусство в визуализированную двухмерную живопись, а заодно уж и в трёхмерное скульптурное искусство, подражая кистью резкому ходу скульпторского резца.

2.1. О сложной мультимедиальной взаимосвязи словесно-эстетического, изобразительного и искусства кино наглядным примером послужила мультимедиальная презентация книги дневниковых записок под заглавием «Парижские записки» (1966) известного черногорского живописца Слободана Словинича, которые он вёл во время своей выставки в Париже цикла из пятидесяти график под названием «Le corbs 200», в течение октября-ноября 1995 года, где продолжал работу над этим же циклом, сопровождая новый идейный замысел тонкими наблюдениями о творческих поисках и всех фазисах процесса работы над ним. Сами «Записки» сопровождаются графиками под заглавием «Цикл парижских записок. Рисунки» [Словинић, 1997] с изображением узника с пятьюдесятью фазисами его освобождения из пут: вначале связанного путами по рукам и ногам и прикреплённого к земле, а потом постепенно освобождавшегося из пут, выпрямляющегося и стремящегося ввысь, и, наконец, улетающего вертикально в трансцендентальную высь. Этой динамической модели, символизирующей освобождение человека от всяких пут, воспользовался как удобным материалом литературовед и искусствовед Синиша Йелушич, чтобы разыграть его в одиннадцатиминутный экспериментальный фильм «Парижские медитации» (*Meditationes Parisiorum*, 1998), который демонстрировался на выставке график С. Словинича в Нови-Саде (1998), и где заодно прошла и презентация его книги «Парижские записки» на этом на редкость мультимедиальном вечере, посвящённом нескольким музам-поэзии, изобразительного и кинематографического искусств. Свой отзыве об этом мультимедиальном вечере мы озаглавили «*Дневниковые записки о нескольких продолжительными сносками (Текст и интертекст)*», пытаясь этой метафорой указать на разнообразие мультимедиальных реляций: словесно-эстетического искусства, живописи и киноискусства.

2.2. О взаимосвязи пиктурального и кинематографического искусств можно привести целый ряд примеров, ссылаясь на многочисленные труды Сергея Эйзенштейна. Мы, ограниченные строгим регламентом конференции, приведём лишь известный документальный фильм Анри-Жорж Клузо «*Тайна Пикассо*» с рядом трансмутаций статичного пиктурального изображения, сменяющих друг друга абстрактных и реальных

объектов, в динамическое кинематографическое, и наоборот – от кинематографического в пиктуральное – т.е. в живопись. При этом те отрезки фильма, в котором под кистью Пикассо из предметов, разложенных на плоские грани вдруг всплывают объекты из реального мира, сопровождается соответствующей музыкой (например, очертания рога и головы быка сопровождаются музыкой испанского танца фламенко, чем ассоциируется с испанской корридой). Этот незаурядный фильм представляет собой редкий пример синкретизма трёх видов искусства: живописи (но особой, не только статичной пространственной, но и динамической временной) кино и музыки. Музыка, как вид типично несемантического искусства, в данном случае становится семантизированной.

Подводя итоги, в заключение можно прибавить, что все приведённые примеры лишней раз подтверждают сентенцию Лоренцо Лонцо, одного из первых председателей Международной ассоциации переводчиков (FIT), что современный человек не может даже в течение одного дня обойтись без хотя бы одного из многочисленных проявлений сложного феномена перевода, одной из самых старых форм умственной деятельности homo sapiens – homo translatoricum, потому что перевод испокон веков был присущ в любом акте коммуникации, несмотря на то, какая информация является её предметом: фактуальная или концептуально-эстетическая. И все мы включены в эту «вечную игру» между передающим и воспринимающим информацией. Современному человеку в окружении самых разнообразных знаков – словесных и несловесных приходится все время толковать их себе и другим, чтобы согласовать и примирить свои и чужие интенции.

Список литературы

- Алпатов А.В.* Алексей Толстой – мастер исторического романа. М.: Советский писатель, 1958.
- Бахтин М.* Разноречье в романе. (В:) Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Ђорђевић П.* О Вукову Новом Завјету. Посебан отисак. Београд. Прештампано из Богословља, св. 2 IX 1934, С. 97-115.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5, М.: Художественная литература, 263.
- Гончаренко С.Ф.* Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод. (В:) Поэтика перевода. Сб. статей. М.: Радуга, 1988, С. 100-109.
- Грицкат И.* Вуков превод Новог Завета као споменик великог филолошког настојања. (У:) Јужнословенски филолог, књ., XXVI, св. 1-2, С. 219-246.
- Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры. (В:) Труды по знаковым системам, Тарту, 4, 1969, С. 460-477.
- Слатиак С.* Три става према библијском тексту: Даничић, Вук, Одисеј Елитис. (У:) Књижевно превођење: теорија и историја. Зборник радова. Хови Сад-Пожаревац, 1989, С. 169-175.

- Словинић С. Париски записи. Подгорица: Културно-просвјетна заједница Подгорица; Музеји и галерије Подгорице, 1996.
- Словинић С. Циклус Париски записи. Цртежи. Подгорица, 1997.
- Топер П.М. Перевод в системе сравнительного языкознания. Изд. второе. М.: РАН, 2001.
- Троцкий Ю.И. Стилизация. (В:) Слово и образ. Составитель В.В. Кожевникова. М.: Просвящение, 1964.
- Jakobson, R. *On Linguistic Aspekts of Translation*. (In:) R.A. Bower ad., *On Translation*. Cambridge, Mass., 1959, P. 232-239.
- Човић Б. Стил историјске прозе А.Н. Толстоја. Нови Сад: Институт за стране језике и књижевности, Књ. 14, 1991.
- Човић Б. Поетика књижевног превођења. Београд: Научна књига, 1994, 277 с.

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абдикеримова Г.С.
Казахский государственный женский педагогический университет
г. Алматы (Казахстан)

Abdikerimova Gulnara
Kazakh State Teacher Training University
Almaty (Kazakhstan)

*О ЕДИНСТВЕ ЛОГИЧЕСКИХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В АРГУМЕНТАЦИИ
РИТОРИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ*

THE UNITY OF LOGICAL AND EMOTIONAL ELEMENTS IN ARGUMENTATION OF
RHETORICAL COMMUNICATION

Общепринятым является определение аргументации как логического процесса, направленной на обоснование истинности или ложности высказывания, или теории, а в аспекте риторики – как лингвистическая деятельность, как процесс, совершаемый реальными людьми в действительности. Главным здесь является понятие убедительности аргументации. Исследования по этим направлениям развивались на протяжении веков, но пристальное внимание учёных ко второму направлению исследований и к изучению аргументации было вызвано сравнительно недавно, с возросшим интересом к логике и методологии гуманитарных наук в целом и настоящий период развития общества характеризуется обострением интереса к проблемам аргументации. Будущему профессионалу своего дела важно уметь самостоятельно и оперативно анализировать, и оценивать аргументацию, разрешать острые социальные и межличностные противоречия, которые нередко возникают в связи с необходимостью кого-либо из собеседников отстоять свою точку зрения по тому или иному вопросу, при возникновении новых норм и правил, изменении старых, необходимые для успешного функционирования социальной системы. Науке становится очевидным изучать аргументацию с учётом человеческого фактора, где феномен жизни человека – истинность его моральных суждений, суждений о ценностях не может поддаваться формализации и сам является источником продуктивного медиума, определяющего онтологию бытия и сознания.

There is generally accepted definition of argumentation as a logical process dedicated to justification of truth or falsity of statements or theories. In the aspects of rhetoric – as a linguistic activity, as a process performed by real people in real life. The main issue we consider the definition of convincing arguments. Researches in these areas have been evolved over the centuries, but the attention of scientists to the second direction of research and the study of argumentation has been caused recently, with the increased interest in logic and methodology of the humanities in general and the present period of social development characterized by keen interest in the problems of reasoning.

It is very important for the future professionals to have ability to analyze promptly and evaluate arguments, to solve keen social and interpersonal conflicts that often to be arisen in the connection with necessity of one of the interlocutors to defend their point of view on a particular issue, or, if there are new rules and regulations, changes of old, but necessary for the successful functioning of the social system.

It is becoming evident to the Science the necessity to study argumentation taking into account the human factor. Here, the phenomenon of human life is the truth of the moral assessments, judgments about values which is not to given up to formalization. This phenomenon by itself is the source of productive medium defining the ontology of being and consciousness.

Ключевые слова: риторическая аргументация, формально-логическое мышление, рациональность, прагматичность, эмоциональность, монологичность, диалогичность, коммуникативность, релевантность, неориторика.

Key words: rhetorical argumentation, formal logical reasoning, rationality, pragmatism, emotion, monologic, dialogical, communicative, relevance, neorhetoric.

Общепринятым является определение аргументации как логического процесса, направленной на обоснование истинности или ложности высказывания, или теории, а в аспекте риторики – как лингвистическая деятельность, как процесс, совершаемый реальными людьми в действительности. Главным здесь является понятие убедительности аргументации. Исследования по этим направлениям развивались на протяжении веков, но пристальное внимание учёных ко второму направлению исследований и к изучению аргументации было вызвано сравнительно недавно, с возросшим интересом к логике и методологии гуманитарных наук в целом и настоящий период развития общества характеризуется обострением интереса к проблемам аргументации.

Будущему профессионалу своего дела важно уметь самостоятельно и оперативно анализировать, и оценивать аргументацию, разрешать острые социальные и межличностные противоречия, которые нередко возникают в связи с необходимостью кого-либо из собеседников отстоять свою точку зрения по тому или иному вопросу, при возникновении новых норм и правил, изменении старых, необходимые для успешного функционирования социальной системы. Он должен уметь грамотно сформулировать собственную позицию: тщательно обосновать свой тезис, выбирая для этой цели наиболее значимые уместные доводы, и понять позицию оппонента, взвешенно обдумать их аргументы, определяя аспекты, где их доводы разумны, и где они заблуждаются. О современном состоянии логики речи Е.Н. Зарецкая пишет: «В трудном положении оказываются люди, не изучавшие логику человеческого мышления, что повсеместно встречается в России» (начиная с советской эпохи по сегодняшний день, по её словам, они составляют «три поколения») [Зарецкая, 2007, с.8.]. Приёмы формирования коммуникативных умений, а конкретно, умения убеждать у студентов осуществляются в ходе всей учебной деятельности: через лекции, семинары, дискуссии и т.п. Особая роль здесь принадлежит предмету «Риторика», успешное овладение которым, тесно связано с совершенствованием и формированием специальных, профессиональных и общих коммуникативных умений – логично мыслить, владеть всеми формами аргументированной речи, как средством гармоничного взаимодействия с аудиторией.

В рамках профессионально-коммуникативных умений можно выделить, как принципиально значимое – умение успешно аргументировать, цель которого достигать

- коммуникативного согласия;
- конструктивности диалога;

- координации совместной деятельности;
- принятия взаимоприемлемых решений, направленных на общее благо;
- коммуникативный консенсус, как результат гармонизирующего диалога, на основе учёта, как общепсихологических закономерностей общения, так и индивидуальных особенностей конкретного адресата речи.

Роль аргументации, её правильная организация в сфере обучения и образования, формирование умений убеждать и доказывать, достигать согласия между педагогом и аудиторией, обучающихся между собой является важной задачей современной дидактики и методики. В исследованиях по современной лингвистике сегодня на первый план выступает диалогичность общения как сфера подлинного бытия языка, в частности, феномен убеждения. В науке язык становится интересен, прежде всего, в его отношении к человеку и соответственно, к вопросам, связанным с повседневными аргументационными процессами, с ошибками – проявлениями полемической несостоятельности, которые допускаются в реальных процессах коммуникации. В исследованиях при изучении проблемы эффективности обучения актуализируются вопросы развития способности реципиента к аргументации – умению с точки зрения лингвистики и логики грамотно сформулировать и обосновать свои мысли, доказывать их уместность сообразно данной реальности и наравне с внешней ситуацией общения, важную роль играют состояние сознания, восприятие, особенности его когнитивной системы. Разнообразие средств и методов аргументации, их широкое массовое применение в повседневных аргументационных процессах на разном уровне делает необходимым её всестороннее изучение. Г.И. Рузавин, в книге «Методологические проблемы аргументации», обосновывает взгляд на аргументацию как рационально логическую часть целостного убеждения и подчёркивает, что проблемы аргументации, мастерства убеждения, дискуссии долгое время не разрабатывались в логико-методологических, психологических и философских трудах, из-за «устоявшийся догматического и комментаторского стиля, который насаждался сверху» [Рузавин, 1997, с. 3]. Такой подход, по мнению автора, препятствует приобщению к интеллектуальным ценностям мировой культуры.

Уровень коммуникативно-риторической компетенции личности связан, прежде всего, с её умениями убеждать и доказывать собственную правоту или гармонизировать речевую ситуацию. Аргументативные умения приобретают особую значимость также в связи с успешностью обучения, так как они являются основой для умений, определяемых

в педагогике как обще учебные. На наш взгляд, необходимо выявить место и функциональные особенности риторического аргументативного дискурса в рамках ситуации учебного взаимодействия.

В истории науки под термином «аргументация» понималась процедура логико-математического доказательства, где математика рассматривалась как специальный язык, а логика – как язык-посредник между естественными и специальными языками. Эта форма аргументации отражает познавательное отношение человека к природе или к объективно существующим отношениям в обществе. В рамках естественнонаучного познания, истинность выступает и как цель познания, и как критерий адекватности познания. Рассмотрение аргументирования не ограничивалось только в логическом (абстрактном, формальном) аспекте, как процесс рассуждения, в котором обосновывается какое-то положение. На начальном этапе своего развития (V в. до н.э. в древней Греции) риторика понималась как наука об убеждении, о формах и методах речевого воздействия на аудиторию. Данному аспекту были посвящены диалектика Сократа и логика Аристотеля. Риторика софистов критиковалась в трудах Сократа, Платона, Аристотеля за не прочную философскую и логическую базу. Аристотелем было выделено важное место риторики в составе убеждающей речи. Его труды «Риторика», «О софистических опровержениях», «Тописка» [Аристотель, 1978] положили начало исследованиям, основополагающих вопросов риторики. Разработанная Аристотелем теория категорического силлогизма была дополнена его последователями. XX век возвращает риторике прежний статус: от «искусства красноречия», которой её именовали со времён Римской империи, она возрождается в направлении неориторики. Основателем неориторики считается бельгийский юрист и логик Х. Перельман. Согласно его концепции риторика интерпретируется как теория аргументации. Х. Перельман и Л. Ольбрехт-Титека [Перельман, Ольбрехт-Тытека, 1987] разрабатывают риторику как дисциплину, изучающую механизмы речевого воздействия на аудиторию и подчёркивают речевой характер процесса аргументации, её функционирования в риторической коммуникации. Представляется корректным мнение Н.И. Махновской, о гуманистическом составляющем аргументации, применительно вышеназванной концепции исследователь полагает «гипертрофированным» рассмотрение Х. Перельманом коммуникативного компонента аргументации, которое «повлекло за собой развитие другой теории – теории воздействия» [Махновская, 2008, с. 244], целью такой аргументации является воздействие и внушение. «Однако термины «воздействие» и «внушение»; – пишет автор, –

программируют пассивную позицию аудитории в процессе общения. Если же мы хотим воспитать творческую личность, способную к гуманитарному мышлению, то необходимо воздействие перевести на другой качественно более высокий уровень – взаимодействие». Риторика отражает отношения между людьми и если логико-математическое доказательство, как одна из форм аргументации рационально, монологично, некоммуникативно, преследует цель продемонстрировать установление формальной истины, то аргументативная риторика напротив, диалогична, строго коммуникативна, прагматична. Её целью является не познание истины, а достижение речевой гармонии, соответственно, цель такой аргументации – достижение успешного перлокутивного эффекта. Успешность аргументации в риторике определяет приемлемость способов и средств её актуализации. Критерий истины заменяется прагматическим критерием. Эти основные различия между формально-логическим доказательством и риторической аргументацией приведены в таблице ниже:

Формально-логическая аргументация	Риторическая аргументация
<i>ЦЕЛЬ: нахождение истины;</i>	<i>ЦЕЛЬ: находить способы убеждения истине;</i>
<i>важен истинностный критерий: «правильно / неправильно»</i>	<i>важен прагматический критерий: «успешно / неуспешно»;</i>
<i>говорящий и адресат нерелевантны;</i>	<i>говорящий и адресат релевантны;</i>
<i>безличностна;</i>	<i>личностна;</i>
<i>объективно беспристрастна;</i>	<i>субъективно ориентирована;</i>
<i>рациональна;</i>	<i>прагматична;</i>
<i>некоммуникативна;</i>	<i>коммуникативна;</i>
<i>монологична;</i>	<i>диалогична.</i>

В научной дискуссии, которая происходит в рамках формальной логики, исключительно важную роль играют доводы, выработанные в рамках научного познания. В процессе риторической аргументации существенное влияние на отбор доводов оказывает мировоззрение аргументатора, так как «Человек воспринимает мир как конкретно – историческое существо; он вооружён и вместе с тем ограничен представлениями и понятиями своей эпохи, класса, социальной группы» [Исламшин, Габдулхаков, 2005, с. 133], и эти «представления и понятия» каждым индивидом

интерпретируются по-своему. Исследователем риторики А.А. Волковым даётся следующее определение: «Риторическая аргументация – создание публичных высказываний, приводящих к согласию и присоединению аудитории» [Волков, 2003, с. 43], а риторическим аргументом называет: «завершённую словесно оформленную мысль, которая оценивается аудиторией как истинная, правильная, уместная и приемлемая» [там же, с. 45]. Касательно данного аспекта аргументации, автор подчёркивает, что «сила аргумента определяется не тем, что считает доказательным или правильным ритор, а тем, что убедительно и доказательно для аудитории» [там же, с. 90]. То есть, «сила, убедительность аргумента – понятие относительное, так как многое зависит от ситуации, эмоционально-психического состояния слушателей и других факторов – их пола, возраста, профессии и т. д.» [Стернин, 2003, с. 152]. Данную мысль подтверждает представитель немецкой прагматической школы Т. Шпранц-Фогаша, который пишет: «под аргументацией понимается широко распространённая техника для прояснения неясных или спорных представлений о действительности» и далее, полемизируя с существующими методами исследования аргументативных речевых актов, где в качестве материала для анализа в основном используются придуманные примеры, считает, что исследования в данной области науки «страдают от дефицита эмпирического материала», что приводит к оторванности «от тех речевых взаимосвязей, которые весьма существенны для объяснения природы аргументативных явлений» [Шпранц-Фогаша, 2003, с. 129]. Оптимальным путём исследования им выделяется обращение к реальному дискурсу. Ещё в XIX веке учёные полагали: «Требовать в настоящее время от логики, чтобы она рассмотрела все возможные формы вывода, было бы, может быть, едва ли справедливо. Не с совершенно ясным пониманием только задачи, но и с совершенно отчётливым сознанием средств для их решения аргументируют доселе лишь науки естественные и математические. Что касается психологии, а равно и наук, имеющих предметом своим человеческое общество и различные явления социальной жизни, то здесь, говоря вообще, методы исследования и доказательства менее точны, и анализ их представляет несравненно большие трудности. А в философии исследование и доселе не вышло, по-видимому, из того младенческого состояния, когда взгляды, более трезвые, скорее можно отличить от самых парадоксальных непосредственным инстинктом, чем на основании аргументации» [Каринский, 1956, с. 45]. Большинство современных исследований, по данному вопросу, основаны на том, что в процессе риторической аргументации должны быть учтены познавательные, идеологические, этические, эстетические и прочие установки культурной

среды, то есть особенности когнитивной системы говорящего или адресата – объекта речи.

Как известно, знание законов логики рассуждения помогает обосновывать правоту взглядов и логически доказывать несостоятельность ошибочных тезисов оппонента. Они учат тому, что мысль в процессе рассуждения должна иметь одно и то же определённое, устойчивое содержание, их непротиворечивости, последовательности, что из двух противоречивых суждений одно должно быть истинным, другое – ложным и т.д., и наукой доказана необходимость знаний основных законов мышления: закона тождества, закона противоречия, закона исключённого третьего и закона достаточного основания. Всё это имеет большое значение для повышения эффективности мыслительной деятельности студентов и осознания ими важного вклада логики в общую нравственную культуру. Но эти законы требуют категоричных решений вопроса, где будет сложно учитывать особенности когнитивной системы адресата в силу субъективного характера человеческих ценностей, при анализе процесса деятельности, совершаемых реальными людьми в действительности. В работе Б.Ц. Бадмаева и А.А. Малышева «Психология обучения речевому мастерству» авторы утверждают: «Хотя логичное рассуждение, несомненно, доказательно, но из этого ещё не следует, что если оратор не строит свои рассуждения в виде формально-логического доказательства, то они бездоказательны. Дело в том, что применить логическое доказательство в отношении всех и даже большинства ведущих положений, идей практически невозможно. Во-первых, потому, что устное выступление, например, руководителя отдела фирмы или работника местной администрации – это не логический трактат. В нём необходимо обеспечить единство логического способа мышления с мышлением художественно-образным, которое невозможно «втиснуть» в узкие рамки формально-логического доказательства. Во-вторых, потому что выступающий всегда ограничен во времени и использовать схему полного рассуждения он не в состоянии. Наконец, в-третьих, потому, что далеко не все мысли и идеи, положения могут быть доказаны логическим путём, а некоторые из них и не требуют доказательства» [Бадмаев, Малышев, 2002, с. 102]. И.А. Стернин, говоря об аргументации в риторике, полагает, что логический путь убеждения «действует на человека с логическим мышлением, но характерно не для всех (далеко не все мыслят строго логически – есть данные, что таких людей всего 2%) и не всегда (во многих коммуникативных ситуациях эмоции общающихся полностью подавляют их логику) [Стернин, 2003, с. 10]. Данная мысль находит подтверждение в книге «Принципы

теоретической лингвистики» Гийома Гюстава: «Логика – это воображаемая простота. Не знаю, каким был бы язык, построенный по этой воображаемой прямой линии. Не могу этого знать, такого языка просто не существует» [Гюстав, 1992, с. 18-19]. Трудно однозначно ответить на подобные мнения, которые наводят на некоторую абстрагированность законов логики. Здесь, на наш взгляд, необходимо обозначить подход Е.Н. Зарецкой: «Для того чтобы научить человека убеждать других, надо дать ему чисто интеллектуальное логическое преимущество над мыслящими, умными и при этом интеллектуально сопротивляющимися его идеям людьми» [Зарецкая, 2007].

Таким образом, логическое рассуждение в качестве рационального процесса исключает риторические элементы, но, хоть и немало людей для которых решающим является авторитет служителя культа, суждение вождя, сила традиций, мнение окружающих, нельзя считать характерной риторической аргументации отклонение от логических норм, так как сущность человека обусловлена и логическими, и эмоциональными элементами. Науке, в свою очередь, становится очевидным изучать аргументацию с учётом человеческого фактора, где феномен жизни человека – истинность его моральных суждений, суждений о ценностях не может поддаваться формализации и сам является источником продуктивного медиума, определяющего онтологию бытия и сознания.

Бесспорно, данный фактор – весьма неоднородный, который, в свою очередь, и складывается из многих составляющих.

Список литературы

- Аристотель.* Риторика // Античные риторика / Аристотель. М.: Мысль, 1978. 231 с.
- Аристотель.* «О софистических опровержениях» // Собрание сочинений / Аристотель. М.: Мысль, 1978. 231 с.
- Аристотель.* Томика. Соч. Т. 2 / Аристотель. М.: Мысль, 1978. 231 с.
- Бадмаев Б.Ц.* Психология обучения речевому мастерству / Б.Ц. Бадмаев, А.А. Малышев. М.: Владос-Пресс, 2002. 222 с.
- Волков А.А.* Основы риторики: Учебное пособие для вузов / А.А. Волков. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
- Гюстав Г.* Принципы теоретической лингвистики / Гюстав Г. М.: Прогресс: Культура, 1992. 224 с.
- Зарецкая Е.Н.* Логика речи / Е.Н. Зарецкая. М.: Дело, 2007. 424 с.
- Исламшин Р.А.* Андрогогика: историко-педагогический процесс и языковая личность XXI века / Р.А. Исламшин, В.Ф. Габдулхаков. М.: Московский психологический институт; Воронеж: НПО «МОДЭК» 2005.
- Каринский М.И.* Классификация выводов. С-Петербург, 1880. Переп. // Избр. труды русских логиков XIX века / М.И. Каринский. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3-177.

Махновская Н.И. Система обучения аргументативным умениям как базовый компонент инновационной образовательной парадигмы//Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов / Материалы докладов участников XII Международной научной конференции по риторике). М., 2008.

Перельман Х. Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека. М., 1987. 288 с.

Рузавин Г.И. Методологические проблемы аргументации / Г.И. Рузавин. М.: ИФРАН, 1997. 392 с.

Стернин И.А. Практическая риторика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И.А. Стернин. М.: Академия, 2003. 272 с.

Шпранц-Фогаши Т. Аргументация как интерактивный ресурс (Перевод на русский язык М.Д. Смирновой) // Вестник Московского университета. Сер .9, Филология, 2003, №3.

Адилова Г.А.
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
(г. Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан)

Суатай С.К.
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова
г. Алматы (Казахстан)

Adilova Gulshat
Karakalpak State University Berdakh
The city of Nukus (Karakalpakstan, Uzbekistan)

Suatay Sabit
KNMU S.D. Asfendiyarov
Almaty (Kazakhstan)

*ЭТНОГРАФИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И
КУЛЬТУРЫ*

ETHNOGRAPHISMS AS A REFLECTION OF THE RELATIONSHIP HISTORY OF THE
LANGUAGE AND CULTURE

Все вопросы относительно прошлого и настоящего определенного языка изучаются в тесной взаимосвязи с историей народа. Между историей языка и историей народа существует двусторонняя, систематизированная связь. В языке каждой нации посредством различных языковых фактов изображаются понятия о мире, вселенной, языковая картина мира, в сознании людей логическое изображение мира, в основном, бывает схожим. Сходство между явлениями оказывает влияние на наполняемость лексем, составляющих понятийные категории. Если наименования видов этих понятий в целом составляют основу языка, то через изображение мира, происходящих в нем явлений можно познать национальные особенности. Эти особенности составляют своеобразную культуру определённой нации, поскольку такие единицы-наименования являются национальным явлением, содержащим сведения, понятия о материальном и духовном мире, жизни, менталитете, характере, социально-политических взглядах, миропонимании, бытие, сознании, традиций, обычаев народа. Наименования материальной культуры определяют результаты, достижения сознательного труда, миропонимание каждого народа. Материальная культура определяет способы полезной обработки материала деятельности людей, а проведение анализа наименований таких материальных ценностей, как питание, одежда, жилье, дом, оборудование и др., является самой значительной ведущей силой в изучении, исследовании истории народа.

All questions about past and present of special language study are strongly connected with nation's history. Between history of nation and history of language exists double side, systematic link. In the language of every nation, by language factors, people can express a lot of things: universe & world conception, linguistic view of the world. Usually, logical visualization of the world in people minds is the same. Similarity between this phenomenon impacts to the language fullness, which build notion categories. National features are able to exploration by world expression, which language fundament is made of notion categories. This features composes special culture of special nation, as long as this units-names are national phenomenon, which contain information, material and spiritual world conception, life, ideology, character, social-political views, being, consciousness, nation traditions. Material culture names define the results, achievements of work, ideology of every nation. Material culture defines useful processing of people labor. Analysis of such material values as food, clothes, home, equipment, and etc. are the most powerful force in study and exploration of nation history.

Ключевые слова: этнографизм, этнолингвистика, этнос, культура.

Key words: Ethnographisms, ethnolinguistics, ethnos, culture.

История языка является одной из отраслей истории народа, создателя языка, носителя языка, то есть народа, говорящего на этом языке, поэтому все вопросы относительно прошлого и настоящего определенного языка изучаются в тесной взаимосвязи с историей народа. Между историей языка и историей народа существует двусторонняя, систематизированная связь.

Богатство, достояние языка – это наименования-обозначения проявления, свидетельства материального и духовного мира, отражающей национальную картину народа. Через обновление их содержания можно понять сущность жизнедеятельности этноса. По мнению Э.Т. Кайдара, «языковой мир – это совокупность, синтез тысяч, миллионов значимых единиц относительно бытия этноса» [Атабаева, 2006, с. 11].

В языке каждой нации посредством различных языковых фактов изображаются понятия о мире, вселенной, языковая картина мира, в сознании людей логическое изображение мира, в основном, бывает схожим. Сходство между явлениями оказывает влияние на наполняемость лексем, составляющих понятийные категории. Если наименования видов этих понятий в целом составляют основу языка, то через изображение мира, происходящих в нем явлений можно познать национальные особенности. Эти особенности, в свою очередь, составляют своеобразную культуру определенной нации, поскольку такие единицы-наименования являются национальным явлением, содержащим сведения, понятия о материальном и духовном мире, жизни, менталитете, характере, социально-политических взглядах, миропонимании, бытие, сознании, традиций, обычаев народа. «*Суинши/шуйнши* – общенародное этнонаименование. В трудах тюркологов эта лексема имеет значение «подарок человеку, принесшему радостное известие». У В. Радлова *сүјүншү* – радостный, даваемое за хорошие известие», Л. Будагов утверждает, что в алтайском, киргизском языках данная лексема имеет значение «сугуншь: радость, радостный; подарок за доставление радостной вести». В исследованиях, трудах А. Турышева, М. Жусипа отмечается, что в записях М. Карамзина, Г. Потана это наименование имеет такое же значение.

У казахов суйнши – подарок за хорошую весть обычно преподносится объемный, отдавали за долгожданную хорошую весть домашнюю скотину, суйнши обычно просят дети, женщины, молодежь. Если особенность характера, психологии казахского народа заключается в его щедрости, доброте, то сүйінші является одним из проявлений такой

щедности. Обменять свое имущество, скотину на минутную радость, отдать своего единственного коня – это свойственно казахскому народу.

Разделом лингвистики антропоцентристского направления, способствующего раскрытию тайн языковых сведений, заключающие в себе информацию о бытие, свойственной данному этносу, является этнолингвистика.

О.С. Ахманова даёт следующее определение понятию этнолингвистика: «Этнолингвистика – раздел макролингвистики, изучающей соотношение языка и народа и влияние лингвистических, этнических факторов в процессе существования и развития языка» [Ахманова, 1966, с. 129]. Таким образом, этнолингвистика изучает этнос и его язык.

Огромное значение в истории любого народа имеют письменные памятники, археологические раскопки, древние памятники, однако А.Т. Кайдар относит их к ряду «тысячи и одного представления из жизни этноса». По мнению ученого: «В языке этноса отражается не только понимание и предположения о самом этносе, но и о природной среде, которую он сам создает, о его взаимоотношениях в обществе, о внутреннем мире, тайнах и секретах, радостях и восторгах, обидах и смехе, снах, о понимании и познании, потребностях, обо всех явлениях, происходящих в нем, язык является отражением этноса, его зеркалом» [Атабаева, 2006, с. 11]. Если «бытие этноса – это национальный образ этноса, «историческая его форма», «то этот образ и форму составляют созданные этносом оборудование и другие необходимые для его существования, жизнедеятельности, проживания предметы, а также добро, нажитое в поте лица, на котором оставлен след психологических переживаний и радостей народа. Все это называется культурой, а культура, как известно, бывает материальной и духовной. Культура – это сложное понятие, которое объединяет научные понятия, охватывает богатство, накопленное на протяжении многих веков, как отдельно одним человеком, так и всей нацией.

Изучение окружающего этнос мира, подразделяя его на материальную и духовную культуру, отражает особенности функционирования этноличности. Наименования материальной культуры определяют результаты, достижения сознательного труда, миропонимание каждого народа. Материальная культура определяет способы полезной обработки материала деятельности людей, а проведение анализа наименований таких материальных ценностей, как питание, одежда, жилье, дом, оборудование и др., является самой значительной ведущей силой в изучении, исследовании истории народа.

Саукеле – головной убор невесты, есть у многих тюркских народов. В каракалпакском языке сәўкеле, в киргизском – *шокуло*. Это наименование состоит из двух компонентов (*сау+келе*). Е. Жанпеисов связывает значение компонента *сау* со значением древнетюркского *саг*- здоровый, целый, хороший. Учёный также утверждает, что в данном значении эта лексема употребляется в форме *саг/сак/сау/сай* в татарском, чувашском, туркменском, киргизском, турецком языках [Жанпеисов, 1989, с. 15]. У М. Кашкари *саг* – чистый, *саг кәнул* – добрый, человек с чистыми помыслами, *сагжаг* – сливочное масло. Учитывая вышеперечисленные значения, Е. Жанпеисов выражает мнение, что не трудно заметить семантическую связь между первыми компонентами этнонаименований казахского *саукеле*, и киргизского *шокуло* – *сау/шо*, то есть данный компонент развивался следующим образом *сак-саг-сау*, в казахском языке под воздействием второго компонента подвергся смягчению и стал звучать *сау*. А второй компонент *-келе* в других тюркских языках имеет значение «головной убор». В киргизском языке *-куло* «тюбетейка надеваемая под чалму, конусообразная шапка дервиша» [Кайдар, 1998, с. 11]. В. Радлов считает, что значение головного убора, имеющей конусообразную форму, было заимствовано из персидского языка (*kyla*) (В. Радл., 2, 968, 979). Сходство по форме явилось причиной образования значения *гүллә*-башня в азербайджанском языке. В турецком языке *külâh* имеет значение «головной убор», «верхушка башни, башня».

В казахском языке *саукеле* – головной убор только невесты, относится к ряду сакральных наименований. *Саукеле* готовят родители девушки, по убранству этого головного убора можно судить о состоянии и богатстве родственников девушки. Строки народной песни «Саукелеси турады бес жорга» означают, что головной убор украшен золотом, серебром, драгоценными камнями. Сколько бы дорого ни стоило *саукеле*, девушка одевает его только на свадьбе, пока она не станет невестой, в некоторых регионах этот головной убор девушки одевали на торжественных мероприятиях до рождения первенца, после этого они одевали *кимешек*. Очевидно, что *саукеле* дает сведения о материальной культуре, однако духовный фон ценнее его материальной ценности. В первую очередь, обращает на себя внимание его приподнятая форма, тянущаяся ввысь, в пространство. Это означает безграничную бесконечность. Также этот светлый, лучистый, ясный образ говорит о состоянии рода невесты, во-вторых, отражает неиссякаемость, безграничность благословений и пожеланий богатства и благополучия этому роду. Также форма данного головного убора невесты говорит о возвышенности,

гордости милой дочери, которую родители лелеяли и баловали. Этот фон определяет статус родственников невесты, ее воспитание, чистоту и наивность. За такой головной убор родственники невесты просят көрімдік – подарок, сторона жениха делает подарки в соответствии со своим статусом и положением в обществе.

Саукеле – это этнонаименование, которое редко встречается в настоящее время, его можно будет увидеть только в музеях. К сожалению, казахи забыли не только о *сәукеле*, но и о традициях по проведению обряда проводов дочери. Тем не менее, основным долгом родителей является «женить сыновей, выдать замуж дочерей», поэтому для представителей казахского этноса, привыкшие проводить пышные торжества по случаю выдавания дочерей замуж, этнолингвистика, определенно, представляет большой интерес. Посредством обновления содержания таких сакральных наименований, можно «оживить, обновить все старое и забытое». Таким образом, материальная и духовная культура взаимосвязаны, являются частями одного целого, порождают друг друга. Вышеназванный этнографизм *сәукеле* является отражением как материальной, так и духовной культуры. Каждое проявление материальной культуры определяет мировоззренческие, бытовые особенности народа, свойственные только ему.

Традиции и обычаи, ритуалы и обряды являются основой культурных наименований, доминантой архаической культуры. Обряды и ритуалы формируются на основе образцов привычного образа жизни, самых простых нравов. Они используются в обществе в определенное время, место и связаны с определённой ситуацией [Кайдаров, 1985, с. 18-22]. Их отражение в языке составляет этнографическую лексику (этнографизмы). А.Т. Кайдар объясняет их следующим образом: «Этнографизмы – это специальные наименования, отражающие бытовые особенности и языковые своеобразные свойства народа, бытовые изделия, используемые в определенной сфере, хозяйстве, традициях и обычаях, ритуалах и обрядах, повериях, жилище, одежде, питании, родственных отношениях, особенностях власти, законопорядка, обычных прав, применяемые в прошлом, а некоторые из которых используются и поныне» [Токенов, 2001, с. 63].

Таким образом, объектом этнолингвистики выступают этнолексика, этнографизмы. Однако этнографизмы – это не просто смесь лингвистики и этнологии, а раздел языкознания, который посредством языковых фактов позволяет выражаться таким языковым признакам, как традиции и обычаи, обряды и ритуалы определенного этноса,

являющиеся проявлением духовной и материальной культуры, которая возникла в результате интеллектуальной и сознательной деятельности народа [Юдахин, 1965, с. 8].

Лексика обрядов и традиций, не являвшаяся объектом специального исследования, способствует поискам материалов по казахскому языку в Каракалпакстане. Казахская диаспора Каракалпакстана живет в особых языковых условиях. Язык казахов Каракалпакстана является частью общенародного национального языка, своеобразная форма языка, подвергшаяся воздействию окружающей среды. Здесь коммуникативная деятельность казахов протекает в условиях билингвизма, полилингвизма. В данном случае обнаружить интерференцию, влияние в системе звуков не сложно. А лексика обрядов и ритуалов состоит из пласта общетюркских слов (*сен, тул, той* и т.д.), из исконно казахских слов (*жаушы, жаушы жиберу, куда тусу, беташар, коримдик, байгазы* т.д.) и из заимствованных слов (*тап берди, зангы басар, кепкир күйди, рапида күйди* и т.д.). Вместе с тем имеется лексический пласт с диалектной окраской. Различные изменения, окружающая среда оставляют свой отпечаток на обрядах и ритуалах народа, а язык – отражение реальной действительности.

Список литературы

- Атабаева М.С.* Этнолингвистические основы диалектной лексики казахского языка. Алматы: Билим, 2006. 208 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М: Наука, 1966. 529 с.
- Жанпейсов Е.* Этнокультурная лексика казахского языка. А-Ата. 1989. 115 с.
- Кайдар А.Т.* Актуальные вопросы казахского языка. Алматы :Ана тили, 1998. 311 с.
- Кайдаров А.Т.* Этнолингвистика//Знание и труд. № 10, 1985. 274 с.
- Токенов О.С.* Основы культурологии. Алматы, 2001. 163 с.
- Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия. 1965, 464 с.

Александрова Е.М.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва (Россия)

Aleksandrova Elena
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow (Russia)

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АНЕКДОТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

SPECIFICS OF CREATING PUNS IN RUSSIAN JOKES

Статья посвящена изучению специфики языковой игры, представленной в русских анекдотах. К исследованию привлечено более пятисот «языковых анекдотов» (анекдотов, комический эффект которых строится на языковой игре), отобранных методом сплошной выборки из печатных и электронных сборников анекдотов на русском языке. В статье исследуются факторы, влияющие на характер создания языковой игры в русской традиции жанра анекдота. Выявлены основные особенности русского языка, способствующие созданию языковой игры, среди них: 1) фонетические (наличие слов или форм слов, имеющих одинаковое написание, но разное ударение, наличие твёрдых и мягких согласных, редукция гласных в безударной позиции, а также оглушение звонких согласных на конце слов); 2) грамматические, в том числе морфологические (наличие рода и падежа существительных, спряжения глаголов); и синтаксические особенности отрицательных и вопросительных предложений; 3) лексические (большое количество многозначных слов, распространённость в русском языке фразеологизмов со структурой словосочетания, преобладание глагольных фразеологических единиц, а также использование аффиксации как наиболее популярного способа словообразования). Определяется характер влияния особенностей жанра анекдота на специфику создания языковой игры в русской традиции. Выявлены рубрики анекдотов, где комический эффект преимущественно строится на языковой игре.

This article deals with the study of puns used in Russian jokes. In order to support such an approach a corpus of more than five hundred «linguistic jokes» (jokes based on puns) taken from printed and electronic collections has been compiled. We consider the factors, which have an influence on the character of puns in Russian joke tradition. We describe 1) phonetic features (homographs, soft and hard consonants, reduction of vowels in unstressed position, transformation of voiced consonants into unvoiced consonants in word ends; 2) grammar features (morphological categories such as gender and case of nouns, conjugation of verbs) and (syntactic structure of negative and interrogative questions); 3) lexical features (big number of polysemantic words, popularity of phraseological units with word combination structure and prevalence of verbal phraseological units, popularity of affixation in word building). We also consider the influence of the genre specifics on the character of puns. We study popular joke series where puns are mostly used for creating comic effect.

Ключевые слова: языковая игра, русский язык, анекдот, жанр.

Key words: pun, Russian language, joke, genre.

Сегодня можно говорить о расцвете языковой игры. Она является неотъемлемым атрибутом рекламных слоганов, заголовков, используемых в средствах массовой информации, литературных и фольклорных произведений и т.д.

Возросший интерес учёных к языковой игре приводит к тому, что это явление всё более детализируется благодаря исследованиям, в которых языковая игра анализируется с

разных точек зрения и на разном языковом материале.

Языковая игра используется как для теоретических построений, так и в дидактических целях, она является неисчерпаемым источником иллюстраций к некоторым положениям лингвистики.

В отечественной традиции языковая игра изучалась на материале разговорной речи (Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Русская разговорная речь», 1983), языка художественной литературы (Санников В.З. «Русский язык в зеркале языковой игры», 2002, Береговская Э.М. «Очерки по экспрессивному синтаксису», 2004, Норман Б.Ю. «Игра на гранях языка», 2006), языка СМИ (Ильясова С.В. «Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ», 2002), рекламы (Амири Л.П. «Языковая игра в российской и американской рекламе», 2007), анекдота (Александрова Е.М. «Языковая игра: механизмы создания и способы перевода (на материале французских анекдотов)», 2008, «Языковая игра в оригинале и переводе на материале английских анекдотов», 2010) и т.д.

Языковая игра всегда была широко представлена в русской разговорной и письменной речи, как в художественных произведениях и публицистической литературе, так и в фольклоре и средствах массовой информации. Одним из жанров, где языковая игра используется наиболее продуктивно, является жанр анекдота.

Языковой анекдот (анекдот, комический эффект которого основывается на языковой игре) привлекает внимание исследователей своей нестандартностью, яркостью и в то же время сложностью и неоднозначностью.

В настоящее время языковой анекдот – часто встречающееся явление, он становится не только способом творческого самовыражения, но и оригинальным отражением особенностей культуры и языка того или иного общества.

Так же, как анекдот имеет установку на осмеяние наиболее неоднозначных событий и явлений, происходящих в культуре того или иного общества, языковая игра имеет установку на необычное использование наиболее неоднозначных и парадоксальных особенностей языковой системы для создания новых языковых форм.

Языковой анекдот, объединяющий в себе особенности феноменов фольклорного жанра анекдота и языковой игры, можно назвать результатом особого взаимодействия языка и культуры того или иного общества.

Специфика такого взаимодействия обусловлена особенностями менталитета, креативными способностями, свойственными представителям определённого общества,

носителям определённого языка.

Следует отметить, что если специфика анекдота зависит от особенностей культуры определённого общества, его наиболее злободневных тем, то особенности создания языковой игры обусловлены в большей степени возможностями языковой системы.

Следует отметить, что характер создания языковой игры в анекдотах на русском языке обусловлен не только спецификой языковой системы, но и особенностями жанра.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать влияние особенностей языковой системы и специфики жанра на создание языковой игры, представленной в русской традиции жанра анекдота.

К исследованию было привлечено более пятисот «языковых анекдотов», отобранных методом сплошной выборки из печатных и электронных сборников анекдотов на русском языке.

Исследованный материал свидетельствует о том, что в русском анекдоте языковая игра является достаточно распространённым средством создания комического эффекта: она составляет более 20% от общего числа примеров.

Далее мы более подробно рассмотрим языковые и жанровые особенности, влияющие на характер языковой игры в русской традиции.

Языковые особенности

На характер языковой игры оказывают влияние и фонетические, и грамматические, и лексические особенности русского языка.

Возможности русской фонетики широко используются в анекдотах при создании языковой игры, основанной на омонимии и паронимии.

В следующем примере обыгрываются омографы:

Один алкоголик жалуется другому:

– Врач сказал, что анализ крови плохой. Что мне не хватает белков...

– Пьёшь мало! Выпей больше – будут белки.

Графическое сходство существительных *б лки* от *белка* (ж.р. мн.ч.) и *белк* от *белок* (м.р. мн.ч.) приводит к возникновению комического эффекта в приведённом анекдоте.

Существование твёрдых и мягких согласных делает возможным создание следующего анекдота:

Занятия в грузинской школе. Учитель:

– Гиви, скажи нам, что такое «ос»?

– Это большой полосатый мух, учитель!

– *Нэт. Гиви. Большой полосатый мух – это шмел, а ос – это то, вокруг чего вертится Земля!*

В данном примере обыгрываются существительное *оса*, произносимое персонажем анекдота – учителем, одной из речевых характеристик которого является неправильное употребление рода существительного (*ос* вместо *оса*), и существительное *ось*, которое произносится персонажем без смягчения конечного согласного как *ос*, что приводит к искусственно созданной омонимии, лежащей в основе комического эффекта.

Редукция гласных в безударной позиции способствует возникновению паронимии, обуславливающей двусмысленность в следующем примере:

– *Надо стараться произносить больше позитивных слов: счастье, радость, умиротворение...*

– *Умер от варенья?*

Для русской традиции также характерно оглушение согласных в конце слов и перед глухим согласным звуком в середине слова. В следующем примере оглушение конечного согласного в слове *съезд* приводит к созданию омонимии, лежащей в основе комического эффекта:

Вовочка приходит из детского сада в слезах:

– *Воспитательница все время пугает: «Съест КПСС, съест КПСС!»*

Таким образом, существование омографов, мягких и твёрдых согласных, редукция гласных в безударной позиции, а также оглушение звонких согласных на конце слов являются основными особенностями русской фонетики, используемыми при создании языковой игры.

Говоря об особенностях русской грамматики, влияющих на создание языковой игры, в первую очередь следует отметить морфологические особенности, а именно: морфологическую структуру русского слова, где грамматическую информацию несут присоединяемые к концу слова суффиксы и флексии, а также наличие в русском языке множества грамматических форм одного и того же слова. Рассмотрим примеры:

*В 80-е годы в ГДР один переводчик хвастался, что может перевести любую фразу. Ему предложили перевести с русского на немецкий фразу «Косил **косой косой косой**».*

Наличием большого количества форм одного слова обусловлено существование в русском языке таких грамматических категорий, как род и падеж существительных,

спряжение глаголов. В ряде случаев данные особенности языковой системы становятся объектами высмеивания в анекдотах.

В следующем примере обыгрывается существительное *кофе*, используемое носителями русского языка как в мужском, так и в среднем роде:

Скажите, кофе – он или оно?

– Смотря какой кофе. Вот закажешь себе чашечку и думаешь – он. А попробуешь – оно.

Изменение существительных по падежам, характерное для русского языка, обыгрывается в следующем примере, комический эффект которого основывается на омонимии глаголов *склонять* I) *нагибать*, *наклонять* и *склонять*; II) *изменять по падежам*.

Матч ЦСКА – Динамо. Полный стадион. Юный фанат, размахивая шарфом, кричит:

– ЦСКА, сделай Динаму!! ЦСКА, сделай Динаму!!!!

Сидящий рядом интеллигент не выдерживает и говорит ему:

*– Молодой человек, «Динамо» – не **склоняется**.*

*– Перед ЦСКОЙ все **склоняются**.*

В следующем анекдоте обыгрывается наличие спряжения у русских глаголов, задание проспрягать неправильно понимается персонажем анекдота:

Учительница:

*– Сегодня, дети, мы будем спрягать глаголы. **Я стою, ты стоишь, он стоит, мы стоим, вы стоите, они стоят**. Вовочка, проспрягай!*

*– **Все стоят!***

В анекдотах обыгрываются синтаксические особенности русского языка, к примеру, в следующем анекдоте раскрываются особенности отрицания в русском языке:

Профессор:

– В некоторых языках двойное отрицание даёт отрицание, а в некоторых утверждение. Но нет ни одного языка, в котором двойное утверждение давало бы отрицание.

Студент:

– Ну да, конечно...

Особенностям вопросительных предложений, а также синтаксической функции междометий посвящён следующий анекдот:

Преподаватель:

– *Запомните: междометие является самостоятельной частью речи.*

– *Почему самостоятельной?*

– *А вы попробуйте задать вопрос с помощью междометия. Правильно, у вас ничего не получится.*

– *Татьяна Алексеевна, ой ли?*

Лексические особенности русского языка, характеризующегося наличием большого количества многозначных слов, также широко используются при создании языковой игры. Рассмотрим пример:

– *Алло, это Международный валютный фонд? Мы просили **перевести** деньги.*

– *Хорошо, **переводим**. Деньги – это money.*

В данном случае комический эффект основывается на многозначности глагола *переводить* 1) *выражать, передавать текст, речь средствами другого языка;* 2) *пересылать деньги при помощи банка, почтово-телеграфного учреждения.*

Особенности фразеологических единиц, в частности, выраженность в языке фразеологических единиц со структурой словосочетания и преобладание глагольных фразеологических единиц также находят отражение при создании языковой игры:

*Кондуктор с неуравновешенной психикой **убил двух зайцев сразу**.*

Особенности словообразования в русском языке, а именно: особая продуктивность такого способа словообразования, как аффиксация (суффиксация и префиксация), – является характеристикой языковой игры в русских анекдотах:

– *Кто такой **недоперепил**?*

– *Это тот, кто выпил больше чем мог, но меньше чем хотел.*

Таким образом, при создании языковой игры в русской традиции наиболее значимыми являются такие особенности и характеристики системы русского языка, как существование омографов, твёрдых и мягких согласных, редукция гласных в безударной позиции, а также оглушение звонких согласных на конце слов, особенности морфологической структуры русского слова, обусловленные наличием рода и падежа существительных, спряжения глаголов; синтаксические особенности отрицательных и вопросительных предложений и употребления некоторых частей речи, а также лексические особенности, в частности большое количество многозначных слов, распространённость в русском языке фразеологизмов со структурой словосочетания и

преобладание глагольных фразеологических единиц, распространённость аффиксации как наиболее распространённого способа словообразования в языковой игре.

Жанровые особенности

Следует отметить, что характер языковой игры в русских анекдотах определяется не только особенностями лингвистической системы русского языка, но и особенностями жанра. Так, одни анекдотические рубрики в большей степени, чем другие, обладают потенциалом для создания языковой игры. В русских анекдотах нами были выделены следующие темы: религия, политика, армия, медицина, закон, экономика, культура, наука, спорт, любовь (в том числе семейная жизнь), вредные привычки, путешествия, животные, этнический юмор.

Среди них наиболее продуктивными в плане создания языковой игры оказались: политика, где обыгрывается манера говорения политических деятелей, армия (армеизмы), этнический юмор (армянские загадки), а также анекдотические сериалы о кино- и телегероях (анекдоты о Штирлице).

Политический анекдот в России не оставил без внимания ни одного руководителя страны, начиная с В.И. Ленина и заканчивая В.В. Путиным.

Наиболее многочисленными анекдотами с языковой игрой являются анекдоты о Л.И. Брежневе. Чаще всего высмеивается манера говорить (дикция):

Однажды на очередном заседании Совета Министров СССР Брежнев после долгого молчания вдруг проснулся и воскликнул:

– И – де – я!

Все, кто был в зале, схватили ручки, блокноты, приготовились записывать. После некоторой паузы Леонид Ильич продолжил:

– И де я нахожусь?

В анекдотах также пародируется индивидуальная манера речи М. С. Горбачева, а именно: неправильная расстановка ударений в слове:

– Приезжает Горбачёв в Америку. Ему нужно выступить, он спрашивает у переводчика:

– Как по-английски «нАчать»?

– «BEgin».

Манера произношения Б.Н. Ельцина также становится объектом языковой игры:

Однажды Борис Ельцин призвал к себе Путина и спросил:

– Президентом буш?

Не разобравшись с дикцией, Путин не только сам стал президентом, но и сделал им Джорджа Буша.

«Армеизмы» представляют собой большую группу анекдотов об армии. Это тексты, характеризующиеся нарушением связности. Как правило, в основе «армеизмов» лежит такая синтаксическая фигура, как оксюморон:

Здесь вам не тут – здесь вас быстро отвыкнут водку пьянствовать и безобразия нарушать.

Не соблюдающие технику безопасности влекут за собой гибель человеческих жертв.

Танки наступают небольшими группами по два-три человека.

Живёте, как свиньи в берлоге и т.д.

Комический эффект в такого рода анекдотах может основываться на использовании метафоры (*Сапоги – это ваше лицо!*) или метонимического переноса (*В увольнение пойдут только образцовые тумбочки*).

Языковая игра может основываться на неправильном употреблении фразеологических единиц (*Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром надевать на свежую голову*), а также контаминации фразеологических единиц (*Не тяните резину в долгий ящик*).

Зевгма также становится основой комического эффекта:

Поставьте шлагбаум или толкового майора.

Армянское радио - популярный персонаж русского анекдота. Армянские загадки – паремии, имеющие форму загадок, отгадать которые практически невозможно.

Специфика этих анекдотов, по мнению Е.Я. и А.Д. Шмелевых, состоит в том, что на поставленный вопрос в них отвечает не сам рассказчик, а «армянское радио», или «радио Ереван». Диалог в них – это формально диалог между персонажами: радиослушателями и «армянским радио». Однако, цитируя вопрос, заданный радиослушателями, рассказчик предлагает им подумать над возможным ответом, как это бывает в анекдотах-загадках, и приводит «ответ армянского радио» в качестве «отгадки» [Шмелев, Шмелева, 2002, с. 98].

В такого рода анекдотах языковая игра, как правило, строится на неправильном понимании устойчивых предложных конструкций, в которых отношения между словами выражаются не только падежным окончанием, но и предлогом:

Армянское радио спрашивают: "Можно ли спать с открытой форточкой?"

Армянское радио отвечает: "Можно, если больше не с кем".

Армянское радио спрашивают: «Хорошо ли в Армении с мясом?»

С мясом в Армении хорошо, а без мяса – плохо.

В основе языковой игры также может быть неправильное понимание афоризмов (например, известного парадокса):

Армянское радио спрашивают: "Что было раньше: курица или яйцо?"

Армянское радио отвечает: "Раньше все было: и куры, и яйца".

В сериале о **Штирлице** анекдоты, основанные на языковой игре, составляют около 50% [Архипова, 2007, с. 478]. Наиболее часто для создания языковой игры в анекдотах о Штирлице используются такие механизмы, как хиазм и расчленение словоформы.

Рассмотрим примеры использования хиазма для создания языковой игры:

Штирлиц поглядел на небо. Летели какие-то птицы. «Аисты», – догадался Штирлиц. «Исаев», – догадались аисты. (Ср. вариант: «Штирлиц прогуливался по бернскому зоопарку. В воде плавали какие-то птицы. «Утки», – подумал Штирлиц. «Майор Исаев», – подумали утки).

В данных примерах представлена синтаксическая фигура – хиазм, предполагающая обратный параллелизм в симметричных частях фразы (или фраз).

Хиастическая языковая игра достаточно часто становится основой комического эффекта в анекдотах о **Штирлице**. Возникновению таких текстов способствует прототипический текст, а именно: многосерийный фильм «Семнадцать мгновений весны», после демонстрации которого в 1973 году персонаж Штирлиц-Исаев стал героем многочисленных анекдотов. Этому также способствует закадровый («авторский») голос

Е. Копеляна, который дополняет изобразительный ряд фильма, объясняя истинный смысл того, что происходит на экране телевизора [Архипова, 2003, с. 4].

Расчленение словоформы также характерно для языковой игры, представленной в цикле анекдотов о Штирлице.

Так, каламбур *«Штирлиц бежал **вприпрыжку**. В Припрыжке давали пиво»* построен на том, что наречие *вприпрыжку* расчленяется и превращается в существительное с предлогом (*в припрыжку*). Аналогичным образом строятся следующие анекдоты:

*Штирлиц выбежал из гестапо и посреди улицы сел **враскорячку**. Раскорячка зажуужжала и поехала.*

Штирлиц впопыхах застрелил Мюллера. Наутро в Попыхи приехал взвод карателей.

Наречия «враскорячку», «впопыхах» образованы от связанных производящих основ, то есть от корневых морфем, не употребляемых самостоятельно, а существующих только в составе других слов («раскорячиться», «запыхаться» и т.п.).

Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что в русских анекдотах характер языковой игры определяется не только фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями языковой системы, но и спецификой жанра, а именно, персонажами и их речевыми характеристиками.

Список литературы

- Архипова А.С.* Анекдот и его прототип: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003, 26 с.
Архипова А.С. Штирлиц подвёл итоги... Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 475-498.
Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

Алтаева А.К.
Университет «Туран»
Дарменкулова Р.Н.
Казахский национальный медицинский
университет имени С.Ж. Асфендиярова
г. Алматы (Казахстан)

Altayeva Almagul
University "Turan"
Darmenkulova Raya
Kazakh National Medical University named after the Kazakh Asfend'arova
Almaty (Kazakhstan)

*ХАРАКТЕР КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В
СИНТАКСИСЕ РЕЧИ: РОЛЬ ФОРМЫ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ*

THE CHARACTER OF CATEGORY OF DEFINITNESS/ INDEFINITENESS IN SYNTAX
OF THE SPEECH: THE ROLE OF CONDITIONAL DECLINATION FORM

В данной статье рассматривается характер категории определённости/неопределённости с помощью формы условного наклонения. Язык изображает в двух формах объективное бытие: 1) определено точно; 2) недостаточно точно. Являясь понятийной категорией определённости/неопределённости, своё языковое содержание осуществляет с помощью языковых приёмов и методов. Категория определённости/неопределённости связана с отношением между людьми, коммуникацией. В тюркских языках сформирован устойчивый порядок членов предложения. Это связано с устойчивостью интонации. Целесообразнее рассмотреть все стороны все виды контекста в речевой деятельности, нежели исследовать говорение в контексте в прагматическом направлении. Если для предложения диалог, текст есть контекст, то для синтаксиса, находящихся в структуре предложения, предложение выполняет роль контекста. Для того, чтобы найти решение проблем вокруг значения, образования и природы категории определённости/неопределённости, необходимо уточнить природу понимания и обеспечения цели и значения коммуникации. Т.е. надо выяснить проблемы возникновения непонимания в вербальной коммуникации или каким образом можно достичь это понимание. Очень трудно передать полное представление актуального членения предложения с условным наклонением с помощью одного предложения. Сложная мысль в речевой деятельности со стороны говорящего требует более полного расширения структуры предложения. Это связано с прагматической целью, направленной на слушателя говорящим, а также коммуникативной целостностью сложного предложения.

From the communicative goals of speech act we may discuss (argue) about estimation of interlocutor, about his national consciousness, about his national world-wide. Grammatical kernel of macro field "conditionality" has been named category of causality, of periphery – field of condition, consequence, concessions, goals. Afterwards condition will be determined as malty kernel structure, the "condition" itself will be grammatical basis and into his micro field will contain the reason, consequence, goal, time, comparative, voice and etc. this structure consist of fallowing stages: on first stage – constructions of complex sentence, on second stage – conjunction and asyndetic compound sentence, types of simple sentence, on third stage – single-subject and malty-subject sentences, on intermediate stage – (dispose) intends parenthetic words, conjunctions, phraseology, sayings and proverbs formed by the help of conditional mood form. In speech acts especial role removed and extra linguistic acts. It is role relations of communicative, peculiarity, social-psychologic corrolations. From the communicative goals of speech act we may discuss (argue) about estimation of interlocutor, about his national consciousness, about his national world-wide. Grammatical corrolation and logic categories brings to language and thought intercommunication. Applied variants connected with limitation (restriction) of human thoughts, are the motivation display, which connected to functional and pragmatic nature of language norm.

Ключевые слова: речевой акт, коммуникативная цель, оценка собеседника, национальное сознание, национальное мировоззрение, лингвистический акт, условное наклонение, определённости/неопределённость.

Key words: speech act, communicative goals, estimation of interlocutor, national consciousness, national world-wide, linguistic acts, conditional declination, definitness/indefiniteness.

Каждое синтаксическое явление целесообразно исследовать с точки зрения деятельности, которую оно выполняет в ходе коммуникации. Осуществление структуры предложения в речи требует глубокого рассмотрения его порядка, в целостности с грамматическим и просодическим особенностями как настоящий речевой акт. Речевое предложение – это предложение в контексте, в речевой ситуации. В настоящей речевой ситуации языковой образец предложения осложняясь, подвергается различным изменениям. Толчком к этому служат интонация и порядок слов в речи. Конечно, они оба в компетенции речевого синтаксиса, а не синтаксиса. Главным препятствием в рассмотрении единства лингвистической структуры предложения с его структурой в предложении является необходимость не смешивать друг с другом различные аспекты синтаксической структуры предложения. А также нельзя смешивать семантико-синтаксический аспект с композиционно-синтаксическим аспектом, композиционно-синтаксический аспект с экспрессивно-оценочным аспектом. Г.А. Золотова поддерживает проведения анализа с точки зрения структурно-семантического и композиционно-синтаксического аспекта, нежели проведение в двух промежутках. Актуальное членение – это показатель связи предложения с контекстом, осуществление речевой деятельности посредством речи. Здесь целесообразно дать характеристику взаимоотношений понятийных категорий с таким явлением как язык. Язык изображает в двух формах объективное бытие: 1) определено точно; 2) недостаточно точно. Являясь понятийной категорией определенности/неопределенности, свое языковое содержание осуществляет с помощью языковых приемов и методов. Категория определённости/неопределённости связана с отношением между людьми, коммуникацией.

Язык, речевой язык, коммуникация – для всех трех понятий как для писателя, так и для собеседника и слушателя характерна «определенность». А в речевом синтаксисе языковой системы категорию определенности/неопределенности мы наблюдаем в теморематических отношениях актуального членения. Потому что движение от определенного к неопределенному начинается не с языковой структуры предложения, а с развития мысли, данной в контексте. Причина в следующем: высказывание, текст, пусть будет

дискурс – каждый из них требует определенности для правильного понимания коммуникативных целей слушателя. Контекст вначале формируется детерминативно в познавательном содержании мыслительной системы человека, позже содержание проявляется в языковой системе. Актуальное членение является показателем связи контекста с предложением. А порядок расположения синтаксисом в них основывается на отношении «тема-рема». В начале контекста «определенная тема» сообщается говорящим. В целях доведения мысли слушателю говорящий свое сообщение строит от «определенного» к «неопределенному». То есть мысль идет от «темы» к «реме». Рема – ядро предложения, тема – точка исходного выхода. В тюркских языках сформирован устойчивый порядок членов предложения. Это связано с устойчивостью интонации. Интонация устойчиво сохраняется как в самом сказуемом, так и в слове перед сказуемым. Поэтому слово, на которое падает ударение, считается ремой. Р. Амир говорит о важности порядка расположения, нежели об ударении для актуального членения в казахском языке.

Опираясь на имеющиеся сведения, мы сгруппировали основные типовые ситуации относительно актуального членения предложений, образованных с помощью формы условного наклонения, следующим образом:

1) Т-Р: первый компонент – тема, последующий – рема. Например: Хотя и достигли многого после суверенитета (Т), правда в том, что и лишились многих необходимых вещей (Р) («Ана тілі»).

Как видим, очень трудно передать полное представление актуального членения предложения с условным наклонением с помощью одного предложения. Сложная мысль в речевой деятельности со стороны говорящего требует более полного расширения структуры предложения. Это связано с прагматической целью, направленной на слушателя говорящим, а также коммуникативной целостностью сложного предложения. Г.А. Золотова относительно этого высказывает следующее мнение: «Реальное синтагматическое членение не происходит на независимых друг от друга уровнях членения: коммуникативного, выражающего темо-рематические отношения, и грамматического, выражающего субъективно-предикатные отношения; в речевой действительности эти уровни взаимодействуют. Это и не должно быть иначе: субъективно-предикатные и все прочие синтаксические отношения в предложении возникают ради коммуникации» [Золотова, 1973, с. 298]. Если так, то само предложение просится в контекст. Отношения типа Т-Р проявляются в контекстах, данных ниже:

Например: Если бы Вы рассказали мне, как рассказали Беку (Р), о своей жизни, начиная с юношеских лет до получения должности комбата (Т). Из всего этого (Т) я написал бы очерк (Р). В ходе беседы я бы Вам (Т) задавал короткие вопросы (Р) (А. Нуршайыков).

В ближайшее время получил бы новый дом, вырос бы в должности (Т), что еще нужно (Р). Эх, если бы сейчас полились слова почтения, угодные душе (Т), было бы очень хорошо (Р) (К. Жумадилов).

И этот контекст типа «Т-Р»: Это (Т) наш класс (Р), но никто (Т) кажется еще не подошел (Р). Где бы занять место (Т)? – думал я некоторое время (Р). Если я сяду перед учителем (Т), как это будет выглядеть (Р). Нет, лучше (Т) в самом конце (Р). Когда наскучит урок (Т), можно прямо за партой читать книгу или писать стихи (Р) (Б. Сокпакбаев).

Иногда типовое положение «Т-Р» может встречаться в одном предложении несколько раз. Например: Если женщина настойчиво защищает свое мнение, права, хочет почувствовать свободу (Т) – это невоспитанность (Р), занимаясь творчеством, стремится к знанию (Т) – не достигнет победы (Р), если муж поднял на нее руку (Т) – вина от нее (Р), если ее изнасиловали (Т) – сама виновата (Р) («Заң»).

2) Т-Р// Т-Р. Даже если в настроении спутника (Т) нет тревоги (Р), в настроении начальства (Т) тревоги не быть не может (Р) (Т. Ахтанов). Эту типовую ситуацию попробуем сравнить с предложением в форме условного наклонения и взятого из того же контекста: Если возможно (Т), нет ничего лучше спокойного настроения (Р) (Т. Ахтанов). Типовое положение двух предложений, взятых из одного контекста, абсолютно различно. Причина в том, что первое предложение дано в противоположном значении, второе – в условном, а структура одинакова. Состояние этих предложений в контексте таково: Да-а-а, состояние Жуматая неплохое. Он доволен своей жизнью. Касболат смотрит на него с завистью. Если это возможно (Т), нет ничего лучше спокойного настроения. Даже если в настроении спутника (Т) нет тревоги (Р), в настроении начальства (Т) тревоги не быть не может (Р) (Т. Ахтанов).

Такой порядок в актуальном членении является объективным. То есть мысль в предложении идет от лица говорящего от определенного к неопределенному. А если порядок будет обратным, т.е. от неопределенного к определенному, то такой порядок будет называться субъективным. Это представляется следующим образом:

3) Р-Т: первый компонент – рема, последующий – тема. Ядро речи находится в начале предложения. Обратим внимание на отрывок, взятый из решения, принятого Кожой в знаменитой повести «Меня зовут Кожа»: Если я оговорю беспричинно кого-то (Т), то в следующий свой выходной буду сидеть дома, никуда не выходя (Р). То есть это означает (Т), что я сам себя закрою в доме (Р) (Б. Сокпакбаев). А порядок в целом контексте – объективный. Сравним: Постановление... Второй. За каждый поступок должен в свое время быть наказанным. Виды наказания указаны ниже:

а) Если я сам с кем-то поскандалью (Т), тогда в тот день я откажусь от пищи (Р).

б) Если я беспричинно оговорю кого-то (Т), то в следующий свой выходной буду сидеть дома, никуда не выходя (Р). То есть это означает (Т), что я сам себя закрою в доме (Р) (Б. Сокпакбаев).

в) Если на уроке из-за плохого поведения получу от учителя предупреждение (Т), то не выходя на перерыв, буду сидеть в классе (Р).

г) Если вдруг возле нашего дома окажутся чьи-то козы-ягнята, курицы, гуси, собаки (Т), я могу их безжалостно побить (Р). Так я убил красного петуха Алмаса. Это очень плохо, мог бы просто выгнать их со двора. Если еще раз повторятся эти поступки (Т), два раза без отдыха поднимусь в птичий двор, находящийся выше нас (Р) (Б. Сокпакбаев).

Некоторые изменения присущи порядку, связанному с многосоставными видами сложного предложения. По имеющимся сведениям такие типовые ситуации часто встречаются в смешанных сложных предложениях с несколькими придаточными:

4) Р-Т-Р: это связано с сообщением говорящего сначала неопределённо, затем, выяснив причину, подведением итогов. Например: За деревней полно народу (Р), когда приблизившись присмотрелся (Т), то увидел вокруг около 50-60 рассыпанных степных серых гусей, окрашенных в красную кровь (Р) («Ана тілі»). Это смешанное сложное предложение. Его сложный порядок встречается и в противительном сложном.

5) Т-//Т-Р-Т-Р-//Р: такой порядок встречается и в сложном предложении с несколькими придаточными. Например: Итак, дорогой ученик (Т), хочешь винить (Т), вину (Р), не хочешь винить (Т), знай сам (Р), но я больше не могу себя держать (Р) (Б. Сокпакбаев).

В контексте объективные и субъективные виды порядка встречаются смешанно. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на ниже данные контексты: Эх, если бы было так (Т): если бы человек был создан изначально взрослым (Р). И только после исполнения

всех обязанностей по необходимой специальности (Т), превратился бы в ребёнка (Р). Тогда Майканова (Т) как бы на меня посмотрела (Р). Во взрослой жизни он был знаменательным писателем, его имя было известно во всем мире! Если так, то мое отношение к нему неправильно, к писателям надо относиться с уважением (Р), подумала бы она (Т) (Б. Сокпакбаев). В последнем предложении субъективный порядок связан и с модальностью. Модальность проявляется во вспомогательном глаголе «бы», который употребляется в синтагме «как бы посмотрела». В дальнейшем субъективный взгляд говорящего опять дан через вспомогательный глагол «бы» во временной форме. Мечта говорящего доказывается словами «Эх, если было бы так». Н.Д. Арутюнова связывает неопределенность даже с тайнами слов. Ученый говорит о возможностях видеть тайны жизни посредством аргументов. А обоснованные сведения близки к модальности, а модальность к неопределенности. В связи с этим Н.Д. Арутюнова говорит следующее: «В процессе мышления человек идет от предположений к знаниям, а в языке семантика модальных слов переходит к неопределенности» [Арутюнова, 1999, с. 816]. Модальная неопределенность, как показывает ученый, связана с особенностями национального сознания. Доказательством этому служит синтагма «пришел бы к покаянию» в выбранном контексте.

И в этом контексте дан смешанный порядок: сначала – объективный, после – субъективный: В эти дни (Т) нет ничего больше праздников (Р). Праздничные дни (Р) – праздник (Т), кто-то выдает дочь замуж (Р) – праздник (Т), родился ребенок – праздник (Т), кто-то из богатых приехал из-за границы (Р) – праздник (Т), кто-то из богатых уехал за границу (Р) – праздник (Т), день металлургов, день строителей, день физкультурников, день шахтеров – еще много других почитаемых неназванных дней (Р) все они праздники (Т). Слава Богу, мы не лишены праздников (Б. Сокпакбаев).

Каждому предложению присущ исходный порядок. А также этот порядок имеет композиционно-синтаксическую возможность одного из типов текста. Порядок и вариант актуального членения связаны с использованием в различных контекстовых ситуациях вышеуказанных предложений. Это и есть исследование структуры текста на определённом уровне.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 791 с.
Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: «Наука», 1973. 350 с.

Атабаева М.С.
Казахский национальный
педагогический университет имени Абая
г. Алматы (Казахстан)

Atabaeva Mereke
Kazakh State Teacher Training University
Almaty (Kazakhstan)

*ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ
«АТ/ЛОШАДЬ»*

THE ETHNOCULTURAL FUNCTION OF PHRASEOLOGY FORMED FROM THE MAIN
WORD "HORSE" IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

В настоящее время в соответствии с антропоцентристской парадигмой всё большее значение приобретают лингвокультурные вопросы, связанные с развитием хозяйственно-экономических, культурных отношений между этносами. Рассмотрение этих вопросов способствует расширению взаимосвязей между культурами и языками различных народов, поскольку язык – это проявление национального миропознания, так как для каждой нации богатство языка является его национальной ценностью, зеркалом его духовного развития.

Животный мир всегда занимает определённое место в жизни любого народа. А для представителей кочевых народов, в частности, казахского народа, домашние животные являются источником существования, поэтому в лексике казахского языка находит отражение большое количество как отдельных слов, так и фразеологизмов, связанных с животными, в числе которых зоокомпонентные фразеологизмы, относящиеся к древнему пласту языка. В статье посредством анализа фразеологизмов с компонентом **ат/лошадь** определяется место этого животного в мировосприятии казахского народа.

Анализ тематических групп фразеологизмов с компонентом **ат/лошадь** в казахском языке позволил установить, что они отражают самые актуальные стороны жизнедеятельности казахского народа, перенесшего все тяготы жизни, гнёт и лишения, различные войны и т.д. В казахском языке слово **ат/лошадь** символизирует совокупность признаков и свойств, присущих Мужчине-Батыру – защитнику народа, поэтому фразеологизмы, в составе которых представлен этот компонент, в основном, с положительной семантикой и в казахской культуре имеют высокую коннотацию.

Currently becoming increasingly important lingvocultural questions anthropocentric paradigm, thereby increasing the need for and acquire high demand domestic economic and cultural relations between ethnic groups. This enhances the relationships between cultures and languages of different nations knowledge because the language – is a manifestation of national knowledge, for every nation is its richness of language and national values, a mirror of his spiritual wealth.

Wildlife always has a definite place in the life of any nation. And for members of nomadic peoples – the Kazakh people pets are a source of livelihood, so in the lexicon of the Kazakh language reflects a large number of individual words and phraseological regarding animals, including zoocomponent idioms are ancient stratum of language development. The article by analyzing the abundance determined idiomatic place animal horse, which has a special place in knowledge Kazakh people.

By thematic groups of phraseology associated with animals horse in the Kazakh language, you can identify the most relevant aspects of life of the Kazakh people, who endured all the hardships of oppression, deprivation, etc. various wars. Horse – a set of attributes and properties inherent Batyr - men, is the protector of the people. Animal horse in Kazakh culture has a high connotation, so idioms in which structure has the word horse, mostly with positive semantics.

Ключевые слова: этнос, народ, кочевой образ жизни, домашние животные, лошадь, традиционная культура, фразеологизм, семантика, этнокультурная семантика, межкультурная коммуникация.

Key words: ethnicity, people, nomadic, ancient times, pets, horse, traditional culture, idiom, semantics, semantics ethno-cultural, intercultural communication.

Национальные традиции, духовное наследие любого народа, в первую очередь, отражаются в его языке. Насколько были значимы в прошлом народа некоторые слова, образованные в силу особенностей мировоззрения, быта и традиций этноса, настолько они имеют значение и для сегодняшней его жизни. Современная лингвистика осуществляет переоценку исторической значимости национального духовного наследия народа, поскольку познание реальной природы каждого этноса становится эффективным средством укрепления современных интенсивных экономических, межкультурных связей.

В языке каждого этноса находит отражение и имеет свое продолжение система древнего, традиционного мировоззрения, народного духа [Гумбольдт, 1984, с. 68-82]. Различные факты становления и развития этноса, имеющего многовековую историю, доходят до наших дней посредством археологических раскопок, древних памятников и др. По мнению А.Т.Кайдара «все это только представление из жизни этноса, прожитой им. Реальный же образ, бытие этноса сохраняется лишь в его языке» [Кайдар, 1998, с. 11]. Через язык отражаются среда проживания в древности, различные взаимоотношения в обществе, мировоззрение, репутация каждого народа, обновляются культурные ценности народа, созданные его руками. Возникновение этих древних культурных ценностей имеет свои пути и закономерности. Они вытекают из образа жизни народа, основанного на географическом положении ареала проживания.

Среди всего живого на земном шаре ближе всего к человечеству находится животный мир, поэтому способы существования людей тесно связаны с животным миром. Основой традиционного экономического уклада казахского этноса было животноводство. Казахский народ вел кочевой образ жизни, разводил домашних животных, многочисленные фразеологизмы отражают этот традиционный для казахов образ жизни. Именно поэтому познанию традиционных этнокультурных особенностей казахского народа, обобщению этнокультурной семантики языковых единиц способствуют, на наш взгляд, фразеологизмы. Поскольку фразеологизмы – это результат ассоциативного мышления человека, гениальное творение жизненного опыта народа, образные языковые единицы, готовые к употреблению, то они становятся выразительным средством изображения [Сағидолда, 2003, с. 29] мыслей говорящего, а также самым эффективным средством поэтической экспрессии в передаче определенного образа [Сыздыкова, 1995, с. 94]. Такое изображение в сознании народа формируется в результате ассоциаций с

характером и нравом животных, в наибольшей степени связанных с человеком. Все обозначения плохого и хорошего в жизни людей отображаются с точки зрения схожести с природой домашних животных и становятся языковыми единицами.

Кочевой образ жизни, которого долгое время придерживался казахский народ, культура кочевников приучили казахов исследовать тайны окружающей природы и совершенствовать его, а также жить в гармонии с природой. Казахский народ все четыре времени года кочевал с пастбища на пастбище в поисках лучшего корма для домашних животных. Поэтому основная часть фразеологизмов казахского языка, связанных с животным миром, относится к самому древнему пласту в лексике языка, что оказывает влияние на расширение их парадигматического ряда.

Эта архаичность казахской национальной культуры находит отражение во всех сферах жизнедеятельности представителей казахской диаспоры, проживающей на сегодняшний день в различных уголках мира. Она проявляется буквально во всем, то есть в месторасположении, пище, одежде, образе жизни, поведении, мышлении, заветах и в других обстоятельствах казахского этноса.

Одним из уникальных животных, занимающее особое место в древнем быту казахов, является *ат/лошадь*, поэтому многогранную свою жизнь, отличную от других, характер людей, различные моменты, происходящие в их жизни, они описывали в соответствии с природой этого животного. Например, *ат кекілін кесісу* (досл. «отрезать чёлки своих коней») – это архаический фразеологизм, который обозначает, что по древнему обычаю казахов в дружественных, родственных, мирных отношениях произошел раскол. На самом деле ритуал «отрезать чёлки коней» определяет семантику «конь готов к нападению, войне», поэтому в последующие периоды этот фразеологизм приобрёл экспрессивно-эмоциональную окраску, встречается в фольклорных, исторических произведениях, применяется в основном в разговорной речи. В казахской культуре, никогда не остригают гривы и хвосты коней, поскольку это означает, что такой конь приносит известие о гибели хозяина коня, а фразеологизм *ат кекілін кесісу* содержит сему *плохая новость*.

В казахском миропонимании есть понятие «*Жеті қазына – Семь сокровищ (ценностей)*». *Жеті қазына* – это устойчивое словосочетание, которое обозначает самые необходимые ценности для мужчины – защитника народа. К таким ценностям относятся: сильный, быстрый конь, хваткий беркут, борзая собака, оружие (ружье), какпан (для охоты), красивая жена, ум. По старому поверью, если всё вышеперечисленное имеется у

джигита, то ему сильно повезёт и его мечты исполнятся. Все составляющие *Жеті қазына* говорят об очень древнем периоде жизни народа, о периоде пастушества. В связи с этим «*Жеті қазына – Семь сокровищ (ценностей)*» стало духовным наследием не только одного человека, но и всех предков, оно обрело символическое значение. *К семи сокровищам (ценностям)*, дорогим для человека, иногда относят родной край и родину, глубокие знания и высокое искусство, свободный труд и избранную профессию, благополучие всего народа. К *семи сокровищам (ценностям)* относят также богатство земли, богатство государства, культурное богатство, духовное богатство, богатство дома» [Қайдар, 1998, с. 12].

Таким образом, семантика языковых обозначений, дошедших с незапамятных времен до наших дней, определяет особое место *ат/лошади* в жизни народа. Эти сведения дошли до сегодняшнего времени благодаря фольклорным произведениям общетюркских народов, казахского народа. Кони сказочных персонажей и героев различных героических эпосов и т.п. обычно изображаются быстрыми, скачущими быстрее парящей птицы, выносливыми, как железо, чувствующими нрав своего хозяина Батыра, познающими злые намерения врагов, в нужных ситуациях умеющими «промолчать», дающими советы хозяину, а в случае гибели Батыра, никогда не оставляющими своего хозяина в степи, всегда доставляющим его тело на родину, что говорит о преданности коня [Бердібай, 1997, с. 12]. Такое изображение коня определяет его особую роль как надежного спутника Батыра – защитника народа, который спасёт своего хозяина от врагов. Подобными свойствами обладали кони известных эпических героев: конь *Байшубар* Алпамыс батыра, *Тайбурыл* – Кобыланды, *Тарлан* – Ер Таргына, *Дильдеш* – Жоямергена, *Кулагер* – Куламергена, все они достойные кони своих исторических героев.

Отметим, что в казахском языке существует множество пословиц и поговорок с компонентом *ат/конь*, которые составляют большую часть бесценного духовного богатства народа «*Ат – ердің қанаты*» досл. «Конь – крылья молодца», «*Жүйрік ат – бірде ат, бірде – қанат*» досл. «Быстрый конь – то конь, то крылья», «*Көлдің көркі – құрақ, жігіттің көркі – пырақ*» досл. «Озеро красно кураком, а джигит – крылатым конем» и т.д..

Кроме того, в казахском языке различаются наименования коней по их цвету, возрасту, полу, например: *құлын* – жеребенок до шести месяцев, *тай* – стригунок, *байтал* – кобылица-трехлетка, *бие* – кобыла, *ат* – конь и т.д.); а также различаются наименования лошадей по ходу: *аяң* – шаг коня, *жортақ* – рысца, *бұлкек* – укороченная

рысь, *жорға* – иноходец, *су жорға* – настоящий иноходец, *жүйрік* – скакун и т.д. Существуют также различные наименования лошадей, свидетельствующие о красоте, резвости коней, их выдержанности и терпеливости, благородстве, например: *пырақ* – сказочный крылатый конь, *тұлпар* – крылатый конь, *қазанат* – чистокровный конь, *арғымақ* – скакун, *сәйгүлік* – скакун. Данные наименования затем приобрели символическое значение через устойчивое сравнение. «Одной из основных функций фразеологизмов является не создание номинации, а оценка, описание явлений, событий, предметов» [Смағұлова, 1997, с. 12], поэтому в подобных фразеологизмах преобладают не денотативные признаки, а сигнификативные. Через дополнительное переносное значение подобных фразеологизмов раскрываются некоторые потускневшие на сегодняшний день их прямые значения.

Казахский народ очень глубоко понимал природу лошадей, поэтому различные моменты из жизни людей, например, характер человека соотносил с нравом этих благородных животных, в этой связи фразеологизмы с компонентом *ат/лошадь* по содержанию можно классифицировать следующим образом:

- фразеологизмы, обозначающие воинственность, смелость, силу: *ат үстінде күнкөру* – досл. жить верхом на коне, *ат үстінде ұйықтау* – спать верхом на коне, *ат үстінен ұйқы алған* – спать на коне, *аттың жалы түйенің қомында* – спешка, суета, *атой салу/ат қою* – нападать, разгромить. Такие фразеологизмы характеризуют действия мужчин во время вражеских нападений на казахский народ, например: Ол Керей-Уағың *ат үстінде ұйықтайтын болгалы* үш жылға айналды – Почти три года, как Керей-Уак не сходит с коня (Г. Мусрепов); *Ат үстінде күн көрмей*, Ашаршылық шөл көрмей... Ерлердің ісі бітер ме? – Разве могут мужчины прожить жизнь, не сходя с коней, не испытывая голода (Махамбет). У мужчин нет времени спать в постели, плотно поесть, поскольку они ради спокойствия своего народа выходят на сражения, все это так красочно передают подобные фразеологизмы;

- фраземы со значением повзростеть, вырасти: *ат жалын тартып мінді* – обозначает подрос, стал мужчиной; *ат құлағында ойнау* – в значении шустрый, способный, быстрый, говорится о любителях коней, наездниках; *атқан оғы айнымайды* – меткий стрелок; *бәйге атындай аңқылдады* – в значении говорю свободно, без остановки;

- фраземы, обозначающие характер: *аттай желу* – употребляется в переносном значении, сема схожести – походка как у лошади, трудолюбивый; передает

значение человека, умеющего говорить красноречиво; *жайдақ атқа мінгендей жұлқынды* – неуместно взбудораживаться, раззадориваться; *асауға құрық салғандай шыңғырды* – сбегать, убежать от ответственности; *жаман атқа жал бітсе, жанына торсық байлатпас* – зазнаваться, задирать нос, плохое качество людей; *биені бүгімен жұтады / атты арбап, атан жұтты-* о человеке-взяточнике; *талабы тай жеген бөрідей* – о человеке, стремящегося сделать дело, имеющего высокие стремления;

- фразеологизмы со значением *расстояния*: *ат шаптырым, тай шаптырым* жер – применяется при обозначении очень неблизкого расстояния; *ат жетпес, атан жетпес жер/ат тұяғы жетер жер* – дальняя дорога, расстояние, которое можно преодолеть верхом на лошади; *бие бауындай* – очень близкое расстояние, которое можно пройти пешком; *ат бойы* – измерение длины, примерно ростом с лошадь;

- *временные измерения*: *бие сауымдай уақыт* – время, равное примерно одному часу, между доением кобылы;

- *объём, размер*: *ат басындай алтын* – объёмный, большой, поэтому условно указывается схожесть на размер головы лошади, *ат төбеліндей* – мало, очень мало;

- *много, обильно*: *ат көпір қылып алу* – получить в изобилии; фразеологизм *тайға да танаға жетті* в западном говоре казахского языка обозначает обилие продуктов и др. предметов, поэтому их хватит почти на весь аул, от мала до велика; *атасының құнын сұрады* – просить много, дорого;

- *фраземы со значением взаимоотношений, общения, встречи*: *ат басын бұрды* – поменял направление, повернулся, *ат басын тартты/ат тұмсығын тіреді* – остановился, дошел до пункта, *ат қақты* – устал от долгого пути, *атқа қонды* – выехал в путь на транспорте, *ат құрғатпай қатысты/ат ізін құрғатпады* – постоянно общаться, часть навещать, *ат ізін салмады* – не общался, не созванивался, *ат шалдырды* – дать коню возможность отдохнуть, *ат суытты* – адать возможность отдохнуть коню;

- *фраземы, передающие семантику трудности, тяготы, усталости*: *ат соқты болды* – усталость, устал от езды на машине; *ат сүмек болды* – сильно вспотевший конь, *атта жал, адамда қам жоқ* – бедное, скудное состояние; *ат басына күн туды* – наступили тяжелые времена, испытания; *ат басын тартпады* – не опасаться, не бояться;

- *фраземы, передающие значение уважения, почта*: *ат байлады* – подарить, преподнести, *ат мінгізіп, шапан жапты* – преподнести подарки, оказать почести; *ат-шапан айып* – вид штрафа по старым традициям;

- в значении *оказывать давление, угнетать*: **ат ойнатты** – угнетать, проявлять силу, используя свои возможности; **ат бауырына алды-куып жүріп** избивать.

Таким образом, фразеологизмы казахского языка с компонентом **ат / лошадь** связаны, в основном, с положительными качествами, свойственными мужчинам, фразеологизмов с отрицательной семантикой практически нет. Это свидетельствует о том, что в казахском миропонимании мужчина является защитником народа, главой семейства, а также ему присущи смелость, храбрость и т.д. Лошадь всегда пьет только чистую, родниковую воду, питается самой свежей молодой травой, то есть она прихотлива в еде, поэтому фразеологизмы казахского языка с компонентом **ат / лошадь** имеют весьма высокую коннотацию, считается, что «Лошадь – царь домашних животных, верблюды – лучший среди них».

Вместе с тем **ат/лошадь** является символом красоты и изящества, доказательством чего служат скачки и конные состязания на различных развлекательных, праздничных мероприятиях. Не зря в народе говорят: «Овца – богатство, а лошадь – красота».

Казахский народ никогда не сравнивает прожорливого, толстого человека с лошадью, как это делается у других народов. Такой человек в казахской культуре сравнивается с **коровой**, а силу и выносливость символизирует **верблюды**. Например, пословица «**Ауырлықты жер көтереді, ауыр жүкті нар көтереді**» («Тяготы достаются земле, а тяжелый груз – **верблюду**») характеризует кочевой образ жизни казахского народа.

Фразеологизмов же с компонентом **ат/лошадь**, характеризующих женщин в казахском языке встречается очень мало. Примером может послужить фразеологизм **бес биенің сабасындай**, обозначающий женщину-мать средних лет, имеющую детей, красивую и умную, с покладистым характером, являющуюся хранительницей очага.

Фразеологические обороты в любом языке составляют ряд сложных языковых конструкций. Это объясняется разнообразием их структуры, синтаксических моделей, тематическим и семантическим многообразием, способностью передавать различные эмоционально-экспрессивные оттенки мыслей народа. Если названные выше признаки являются общими для всех наименований языка, то с точки зрения семантического изображения, фразеологические обороты каждого языка отличаются своим национальным колоритом, поскольку каждый этнос по своему познает мир. У каждой мировой культуры имеется собственная модель – образец мира, сформированный посредством национальной культуры. Человек по своему воспринимает образ мира, проживает жизнь в соответствии

с установленными нормами и закономерностями, соответствует культуре своего общества.

В современной межкультурной, межъязыковой коммуникации, в период стремления народов мира познать друг друга, носитель любого языка сможет понять внутреннюю силу и дух народа, только познав суть и значимость их многовековой традиции. Изучающие иностранные языки уделяют внимание, как правило, номинативно-функциональной стороне фразеологизмов и не обращают внимания на то, что фразеологизмы содержат этнолингвистическое богатство языка этноса. Изучение полных, содержательных по своему этнокультурному значению языковых единиц приведет к познанию сущности другого этноса.

Список литературы

Бердибай Р. Эпос мұраты. Алматы: Білім, 1997. 320 б.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.

Кайдар А.Т. Актуальные вопросы казахского языка. Алматы: Ана тілі, 1998. 304 с.

Сағидолда Г. Поэтикалық фразеологизмдердің этномәдени мазмұны. Алматы: Ғылым, 2003. 248 б.

Смагулова Г.Н. Мағыналас фразеологизмдердің ұлттық-мәдени аспектілері. Алматы: Ғылым, 1998. 196 б.

Сыздыкова Р.Г. Абайдың сөз өрнегі. Алматы: Санат, 1995. 251 б.

*Ахметжанова З.К.
Мирзоева Л.Ю.*
Университет имени Сулеймана Демиреля
г. Алматы (Казахстан)

*Akhmetzhanova Zauresh
Mirzoyeva Leila*
Suleyman Demirel University
Almaty (Kazakhstan)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

LINGUA-CULTURAL COMPETENCE OF TRANSLATOR: STATEMENT OF A PROBLEM

В статье освещаются проблемы, связанные с формированием лингвокультурной компетенции будущего переводчика. На основе сопоставления ключевых концептов, представленных в казахской, русском и английском языках авторы исследуют проблемы их воссоздания в переводе. Помимо этого, внимание уделяется и аксиологическим коннотациям, присущим наиболее важным лингвокультурамам. В частности, для казахской лингвокультуры важными признаются концепты, связанные со сферой родственных отношений, а также некоторые зоонимы. В качестве основы для успешного воссоздания ключевых концептов в переводе авторы статьи указывают изучение культурных кодов.

The article deals with the problems related to different aspects of lingua-cultural competence of translator. On the basis of difference between some key concepts represented in Kazakh, Russian and English cultures the authors discuss the topical problems of their translation. The authors also focus on different types of axiological connotations in key cultural concepts. Thus, for Kazakh culture one of key roles is played by kinship relations terms and some zoomorphisms such as *wolf* and *sheep*. Therefore, in order to work effectively in the sphere of translation, it is necessary to study national cultural codes.

Ключевые слова: лингвокультурема, культурный код, концепт, реалема, зооним.

Key words: lingua-cultural concept, cultural code, concept, realia, zoomorphism.

Аксиомой, не требующей обоснования, доказательств, является положение о том, что переводчик должен обладать лингвокультурологической компетенцией, т.е. определённым набором знаний по конкретной национальной лингвокультуре, навыками по перекодированию и соотнесению лингвокультурем исходного языка и языка перевода. В теоретическом аспекте это положение давно уже стало неоспоримым, и эту мысль внушают переводчикам с самого начала обучения. В практическом же плане дело обстоит далеко не так просто. Дело в том, что до настоящего времени нигде не определён параметр «объём знаний по конкретной национальной лингвокультурологии», поскольку сама лингвокультурология, призванная стать одной из базовых дисциплин в системе подготовки переводчиков, все ещё находится в процессе становления, а именно: мы имеем множество исследований по частным проблемам (например, сопоставление

антропонимики двух или нескольких языков, лингвокультурологический анализ зоонимов, цветообозначений и пр.) Есть также ряд работ теоретического характера, в которых рассматриваются терминология, принципы, методы и приёмы лингвокультурологических исследований (см., например, работы В.А. Масловой, В. Воробьёва) [Маслова, 2001]. В этом плане выгодно отличается учебник З.К. Сабитовой [Сабитова, 2013], где мы наблюдаем попытку совмещения теоретического материала с практическим лингвокультурологическим анализом. Однако степень эффективности подобных работ значительно увеличилась бы при проведении системного лингвокультурологического анализа максимально большого количества лингвокультурем, а сам лингвокультурологический анализ, с другой стороны, был бы предельно конкретным и комплексным. Одновременно с этим, на наш взгляд, желательно сосредоточить фокус исследования на материале двух или трёх языков, с тем, чтобы материал исследования был бы применим в практике перевода.

Нами была проведена попытка подобного сопоставительного исследования, основанного на материале казахской, русской и английской лингвокультур; при этом в качестве базовой была избрана казахская лингвокультура. Декларируемый подход обусловлен пониманием культуры как триединства материальной, духовной и коммуникативной культур. Следовательно, в процессе исследования необходимо исследовать лингвокультуры трёх типов: материальные, аксиологические, коммуникативные. По нашему мнению, начинать анализ следует с изучения материальных лингвокультурем двух видов: реалем и материальных лингвокультурем со специфичной коннотацией. Так, особую значимость для воссоздания казахской культуры в переводе имеют реалемы, которые можно сгруппировать следующим образом:

- названия предметов труда: құрық, саба и пр.;
- названия ювелирных украшений: шашбау – украшение, вплетаемое в косы девушек, отсюда – фразеологизм *шашбауын көтерді* – ‘угождать, заискивать’; бетмоншак – нити из мелких бусинок, украшающие нижнюю часть головного убора невесты, отсюда – фразеологизм *бетмоншағы үзілді* – застеснялся, устыдился;
- названия музыкальных инструментов: домбра, кобыз, жетіген;
- названия национальных блюд: қымыз, шұбат, құрт, талқан, қазы, бауырсақ, қуырдақ (блюдо из мелко нарезанных кусочков легкого, печени, почек, кишок свежезарезанного животного). Данное блюдо готовят из баранины, говядины и т.д., а наиболее обильный қуырдақ получается, когда для его приготовления используют мясо

верблюда. Это послужило основанием для возникновения ФЕ *қырдақтың әкесін түйе сойғанда көрерсін*, которое используется в значении ‘то ли ещё будет, самое главное – впереди’;

– названия видов национальной одежды: шапан, камзол, такия, саукеле, тымақ, ішік и др.;

– названия жилища и его составных частей: киіз үй, отау, шаңырақ, босаға, төр.

Материальные лингвокультуремы со специфичной коннотацией обозначают материальные объекты, присутствующие во всех культурах; однако в казахской культуре они наделены либо высокой степенью оценки, символическим значением, широким ассоциативным ореолом. Сюда вошли следующие группы лингвокультурем:

– термины родства. Если во многих лингвокультурах социальная система родственных отношений является архаичным, затухающим явлением, и мы наблюдаем лишь их остатки, проявляющиеся на уровне одного поколения и в пределах семьи, то в казахской лингвокультуре развитая и отлаженная система родственных связей обеспечивала в прошлом и обеспечивает в настоящее время этнобиологическую и этнокультурную целостность казахского народа. В казахской лингвокультуре родственники делятся на три группы, поскольку человек связан с тремя социумами (в казахском языке есть специальный термин – жұрт: 1) свой (по отцовской линии) жұрт, 2) социум по материнской линии – нағашы жұрт, социум по линии жены – қайын жұрт. Кроме этих главных кланов – социумов, существуют и другие родственные связи – по линии сватов, племянников и т.д. Для каждой группы родственников в языке имеется своя система терминов-наименований (общее число их – более трёхсот).

Известный культуролог и искусствовед Акселеу Сейдимбек пишет: «Благодаря родственным отношениям, казах в любом обществе не чувствует себя чужаком, человеком без роду и племени, он знает, что среди собеседников найдётся хоть один близкий или дальний родич из вышеперечисленных группы или подгруппы. На худой конец, он вычислит родича по жузу – самой крупной, после этнической, тождественности казахов. Таков защитный механизм физической и психологической адаптации при освоении бескрайних кочевых пространств. Родственные и иные социальные отношения в казахской лингвокультуре подчиняются строгим правилам, что даёт основание говорить о веками отработанном этикете социальных связей. Тщательно регламентировались все нюансы: уровень притязаний на верховенство, почёт, подарки, границы почитания и дозволенности/недозволенности, система табу и т.д.; определялись взаимные права и

обязанности каждого субъекта. Это проявлялось в основном невербально: место за дастарханом, очерёдность в подаче блюд во время застолья, предназначение конкретных частей туши животного, ритуал приветствия, характер подарков. Вообще проблема социального института родственных отношений казахской лингвокультуры должна стать темой системного исследования в силу как своей сложности, так и крайней необходимости учёта её при переводе с казахского языка на другие языки» [Акселеу, 1992].

В качестве следующей группы материальных лингвокультурем со специфичной коннотацией следует указать антропонимы, поскольку казахские антропонимы характеризуются рядом особенностей: тесной связью с нарицательными существительными; отражением особенностей места, времени и обстоятельств рождения, характерных черт родителей, мотивом – пожеланием особых качеств, особой судьбы новорождённому и многое другое. В силу этого многие казахские антропонимы являются говорящими, мотивированными. Например, имя Мендігүл указывает на наличие на теле ребёнка родимого пятна. Существовало поверье, что если не отразить это в имени ребёнка, то родимое пятно будет расти. Имя Жұмагельді означает, что малыш родился в пятницу, имя Қырықбай указывает на возраст отца. Имена Тұрсын, Тоқтасын, Тоқтар даются в тех случаях, когда в семье предыдущие новорождённые умирали в младенческом возрасте, и т.д. К числу данных лингвокультурем относятся также зоонимы, обозначающие домашних животных. Именно на примерах зоонимов, по нашему мнению, с наибольшей отчётливостью можно проследить лингвокультурные различия, имеющие наибольшую значимость для адекватного воссоздания культурем в переводе. Поэтому остановимся на них более подробно в рамках данной статьи. Из четырёх видов домашних животных, составляющих основу традиционного кочевого скотоводства казахов, представляется необходимым более подробно проанализировать зооним *қой*, наделённый в казахской культуре целым рядом значимых ассоциаций.

Қой – популярное в традиционном казахском хозяйстве домашнее животное, которое круглый год находит себе пищу на пастбищах, не требуя содержания в загонах, приспособлено к климатическим условиям казахской степи, к её пустынным, полупустынным, горным районам. Овца питается более 600 видами трав, поэтому она максимально использует травяной покров пастбищ, находя себе пропитание там, где уже паслись коровы, верблюды, лошади. Мясо и молоко овец составляют основу рациона казахов, а из шерсти изготавливают кошму для юрты, кошму для покрытия пола, тонкую

кошму для головных уборов, верхней одежды, для предметов быта. Шерсть овцы является сырьём при изготовлении ковров разных видов, из овечьей кожи шьют сапоги, головные уборы и пр.

В сравнении с другими видами домашнего скота овцы более послушны и покладисты. Все это в совокупности определило и популярность этого вида скота в казахском быту и отразилось в пословицах и поговорках: *қой – байлық, жылқы – сәндік*. Послушность, неагрессивность, покладистость, универсальная польза от всего, что может дать овца (мясо, шерсть, кожа, кости, молоко) – стали основой для признания высокой значимости овцы для человека; в свою очередь, это послужило мотивом для ассоциации с человеком: *қой ауызынан шөп алмайтын – спокойный, благожелательный, безобидный (о человеке); қойдан қоңыр, жылқыжан торы – безобидный, тихий, спокойный (о человеке); қой көз – красивые карие глаза (у человека); қой мінезді – спокойный, тихий характер (у человека); қой тісті – мелкие, ровные зубы (у человека); қой үстіне бозторғай жұмыртқалады – мирное, безмятежное время, когда благополучие и спокойствие царят на земле*.

Овца, ее отдельные свойства, отдельные части тела служили в качестве народной меры пространства, величины, объема, времени: *қой асығындай – величиной с альчик (коленная косточка овцы), кәрі қойдың жасындай жасы қалды – состарился (о человеке); қой бас жамбы – слиток серебра, по форме и величине напоминающий голову барана; қой батындай қорғасын – о пуле; қойға келген ешкідей – пугаться, шарахаться, словно коза, впервые попавшая в стадо овец; қойға шапқан қасқырдай – зло, остервенело, без пощады, как волк, напавший на овцу; қой жорға ақ қойдың қаны мен ақ батаның заның бұзбау – нельзя нарушать договорённость, закреплённую жертвоприношением белой овцы и благословением*.

Для носителя русского языка с данным зоонимом связаны в основном позитивные представления о кротости; в то же время в русском языке, в отличие от казахского, данный образ сопровождается и рядом негативных ассоциаций (леность, пассивность, стадное чувство и пр.) Кроме того, этот образ в русском языке представлен не столь широко; так, паремий с компонентом «овца» сравнительно немного (13 пословиц и поговорок в русском языке). Оценочный спектр, представленный в английской идиоматике, весьма схож с русским; гораздо меньше сходства отмечается с вышеприведённой казахской идиоматикой, являющейся отражением национальной языковой картиной мира. Сопоставление же русской и английской идиоматики,

включающей данный компонент, даёт следующую картину: *A lazy sheep thinks its wool heavy; If one sheep leaps over the ditch, all the rest will follow* – *Одна паршивая овца всё стадо портит; Без пастуха овцы не стадо*. Более того, как в английской, так и в русской языковой картине мира отражено противопоставление овцы и волка, при этом образ домашнего животного в данном случае актуализирует представление о беспомощности: *A lone sheep is in danger of the wolf.* – *Не считай неприятеля овцой, считай его волком*. Помимо этого, как в русском, так и в английском языке присутствуют идиомы *паршивая овца* и библеизм *отделить овец от козлиц* (англ. *a black sheep* – Someone who is the black sheep doesn't fit into a group or family because their behaviour or character is bad, odd or disgraces the group. *My brother was the black sheep in the family – he ran away at 16 to become an actor. The idiom originated from the occasional black sheep which is born into a herd of white sheep and the fact that black sheep are less desirable than white ones because it is more difficult to dye their wool different colours;* **black sheep of the family** Fig. the worst member of the family. *Mary is the black sheep of the family. She's always in trouble with the police. He keeps making a nuisance of himself. What do you expect from the black sheep of the family?* **might as well be hung for a sheep as (for) a lamb** Rur. might as well commit a large fault as a small one, since the same punishment will result. *I'll take the expensive fishing rod. My wife will be mad at me no matter how much I spend, so I might as well be hung for a sheep as for a lamb;* **separate the men from the boys** and **separate the sheep from the goats** Fig. to separate the competent from those who are less competent (not necessarily just about males.) *This is the kind of task that separates the men from the boys. Working in a challenging place like this really separates the sheep from the goats;* **wolf in sheep's clothing** Fig. a dangerous person pretending to be harmless. *Carla thought the handsome stranger was gentle and kind, but Susan suspected he was a wolf in sheep's clothing. Mimi: Why shouldn't I go out with David? He's the nicest man I've ever met. Alan: He's a wolf in sheep's clothing, Mimi. Can't you tell;* **I might as well be hanged/hung for a sheep as a lamb** – something that you say when you are going to be punished for something so you decide to do something worse because your punishment will not be any more severe. In the past, people who stole lambs were killed, so it was worth stealing something more because there was no worse punishment. *I'm going to be late for work anyway, so I think I'll go to the shop for a paper. I might as well be hanged for a sheep as a lamb;* **make sheep's eyes at somebody** (old-fashioned) to look at someone in a way that shows that you love them or are attracted to them *Ken's been making sheep's eyes at his ex-girlfriend all night* [Cambridge Idioms Dictionary, 2006].

Особой значимостью в казахской лингвокультуре наделён зооним *қасқыр/бәрі* (волк). В процессе как казахского-русского, так и казахско-английского перевода следует учитывать его неоднозначность, что и предопределило наше обращение к данной лингвокультуре. С одной стороны, *бәрі* у тюркских народов – мифологически освящённое животное, т.к. тюрки считают себя потомками *көкбәрі*. В древних легендах волк предстает как зверь, помогающий человеку (ср. хотя бы образы волков в произведениях Ч. Айтматова, отражающих тюркскую символику). Волк издревле является тотемом тюркских народов. Во многих районах Евразии и Северной Америки древняя символика волка связана с культом предводителя боевой дружины, бога войны, родоначальника племени, с мужскими военными братствами [Бедненко, 2007]. Боевая дружина, военный мужской союз традиционно сравниваются с волчьей стаей [Волк в мифологии]. Волк – символ свободы в животном мире, бесстрашия, нравственности, преданности семье, справедливости и честности. Он выделяется среди других животных своим умом, хитростью, силой. Волк присутствует в воинской, спортивной символике, в геральдике как знак доблести, храбрости, бдительности и осмотрительности, независимости, выносливости, победы, заботы о пропитании [Дамянова, 2013]. Именно это восприятие легло в основу ассоциаций, сделавших волка символом храбрости, неустрашимости, что, в свою очередь, нашло отражение не только в идиоматике и паремииологии, но и в художественных текстах. Так, например, анализ романа И. Есенберлина «Кочевники» («Көшпенділер») и его перевода, выполненного М. Симашко, показывает, что среди зоонимных образов волку отведена особая роль. В трилогии образ волка используется в двух разных аспектах. С одной стороны, он представлен как символ бесстрашия, силы, ума, живучести и вместе с тем – агрессии; поэтому сравнение с волком, хотя и привносит в текст положительную оценочность, в основе своей амбивалентно. Именно в таком ключе звучат слова Абылая: *О славе мечтал я. Звезда славы светила мне в ночи. Думал я всегда, что казахи малый народ и должны быть, как волки. Посмотри, травят волков, уничтожают кому не лень, ставят капканы на всех тропах, а они никак не исчезнут с лица земли.* Именно качества, ставшие органической частью семантики данной лингвокультуры, позволяют выжить, занять достойное место. Положительная коннотация образа волка подтверждается целым рядом микроконтекстов: *На кого же опереться ему, Кенесары, когда пойдёт он по дедовскому пути. Конечно, прежде всего на потомков Абылая. Много их в степи, и недаром называют их волчьим выводком. У тюрков это высшая похвала, потому что, как и ромеи когда-то, ведут они свой род от волков* (И.

Есенберлин. Кочевники). Импонирует казахам и такое качество волка, как нежелание показывать свою слабость, что легло в основу пословицы *Бөрі арығын білдірмес, бөтенге жүнін қампитар* (волк не покажет своей худобы, надувая живот и взъерошивая шерсть).

Как отмечают составители Энциклопедии казахской традиционной культуры [Қазақ мәдениеті, 2005], возможно, в силу мифологической освещённости образ *қасқыра/бөрі* – самый популярный образ казахского фольклора, особенно казахских сказок. С другой стороны, образ волка используется и для передачи отрицательной оценочности и выражения значений «злодейство», «жестокость», «глупость» и «голод». На наш взгляд, здесь в определённой степени имеет место влияние русской культуры (языковые и культурные контакты казахов и русских имеют трёхсотлетнюю историю): в русском языке отражены представления о волке как об олицетворении зла, жестокости, глупости (реже – жизненного опыта, но также в основном негативного, например, во фразеосочетаниях *матёрый волк, стреляный волк*). Ср.: *волчий нрав, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит, волк в овечьей шкуре, волчья натура*. Характерно, что негативное восприятие данной лингвокультуры отразилось и в поэзии казахского поэта О. Сулейменова, пишущего на русском языке: *Волчицей вскормлены Ромул и Рем, / И повторяются от века в вечность / Лбы их пологие и волчья серость...*

Следует отметить, что в английском языке данный зооним также сопряжён в основном с негативно оценочными ассоциациями, что зачастую осложняет процесс казахско-английского перевода (в частности, такими проблемами сопровождалось воссоздание в переводе уже упоминавшегося романа И. Есенберлина «Кочевники»). Зачастую английские идиомы, содержащие данный лингвокультурный образ, наделены негативным оценочным ореолом, причём в русской и в английской культуре сходным является и такой компонент оценочной структуры, как её основание: *волк в овечьей шкуре* – *wolf in sheep's clothing*; *как волк голоден* – *(hungry) as a wolf*; *the big bad wolf* – «страшный серый волк», *страшная опасная личность*; *a lone wolf* – волк-одиночка; *one must howl with the wolves* – с волками жить – по-волчьи выть; *set the wolf to keep the sheep* – поставить волка овец стеречь; *как <сколько> волка ни корми, он (все) в лес смотрит <глядит>* – *a leopard cannot change its spots* – тяготеет местом пребывания, стремясь вернуться в родную стихию. *волчий билет* – *blacklisting* – документ с отметкой о неблагонадёжности, закрывающий возможность поступления на новую службу, работу и т.п. Отметим, что в последнем случае компонента волк в семантике английского эквивалента нет; негативная оценка выстраивается на основании ассоциаций

компонента *black*. Все это была, конечно, политика. У Львовых мне казалось, что политика существует только для того, чтобы объяснить, почему Митю исключили с **волчьим билетом**. Как бы не так (В.А. Каверин). *All this, of course, was politics. When I was at the Lvovs, I imagined that the only point of politics was to explain why Mitya had been expelled and **blacklisted**. Nothing of the sort!* Ср. также: волчья ягода – растение, а также его плоды, ядовитые ягоды красного или чёрного цвета. морской волк – *sea dog* – опытный, бывалый моряк. Травленный (старый, стреляный) волк – *old hand* – человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт; голоден как волк – *hungry as a wolf* – очень, в высшей степени (голоден). Разве что на дороге случилось?" – "Ничего не случилось. так, замешкались немного. Зато мы теперь голодны как волки" (И.С. Тургенев); волк в овечьей шкуре – *wolf in sheep's clothing* – человек плохой, опасный, но по внешнему виду благопристойный; лицемер. Мы "злые", лишь недоразумение восхитившие наименование "добрых". Мы волки в овечьей шкуре (М.Е. Салтыков-Щедрин). *It was we who were "the wicked" who merely appropriated the name of "the good" owing to a misunderstanding. We were the wolves in sheep's clothing.* с волками жить – по-волчьи выть – *he that lives with the wolves learns to howl* – человек вынужден принаравливаться к окружающим, к тем, в обществе которых он живёт; и волки сыты, и овцы целы – *the wolves are sated and the sheep intact* – обе стороны удовлетворены. "Мы все хотим, чтоб и волки были сытые, и овцы целые, а Каледин, он не так думает. Нами перехвачен его приказ об аресте всех участников вот этого съезда" (М.А. Шолохов); смотреть волком – *X волком смотрит – X scowls; X looks daggers at Y* – иметь угрюмый, недружелюбный, враждебный вид. Если бы [священник] сопротивлялся, если бы пробовал блажить, если бы, наконец, хоть смотрел волком, Андрею было бы куда легче (В.Е. Максимов); хоть волком вой – *it's enough to make you cry* – выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения. волком выть /взвыть – горько жаловаться, сетовать и т.п. на что-либо, страдая от чего-либо. *X волком взвоят – X will start howling*; волчья пасть – врождённый порок нёба, затрудняющий приём пищи, нарушающий произношение; среди английских аналогов этого понятия (*cleft of the hard palate; facial cleft; palatoschisis; uranoschisis; palatum fissum* и др.) Отмечен также применяемый в стоматологии термин *wolf jaw*.

Возвращаясь к восприятию данного зоонима в казахской лингвокультуре, отметим, что мифологическая освещённость *қасқыра/бөрі* стала основой для символизации волка и

использования отдельных частей его тела в разных обрядах и поверьях казахов. Так, клыки волка в качестве амулета-оберега привязывают к люльке (каз. *Бесік*), веря, что они предохраняют младенца от сглаза, злых духов. Издревле существовало поверье, что если связать челюстные кости и череп волка и бросить его в сундук, то это предохранит стадо овец, заночевавшее в силу каких-либо обстоятельств в безлюдной степи, от нападения волчьей стаи. Этот обычай называют *қасқырдың жағын байлау* (связывание челюстей волка). В случае, когда одинокий волк нападал на стадо овец, казахи усматривали в этом знак свыше, предвещающий увеличение поголовья овец: *малға көк бөрінің ауызы тиді; көк тәңірі қолда,п мал көбейіп, береке – ырыс орнайды* (волк попробовал овечьего мяса, теперь с помощью Кок-Тенгри поголовье скота увеличится, и воцарится благополучие).

Внешний вид и повадки волка легли в основу ряда фразеологизмов: *бөрі айбат – свирепый вид, как у волка; аш бөрі – разгневанный; бәрі қабақ – густые нахмуренные брови; бөрі құлақ – стоящие торчком, остроугольные уши; бөрі құрсақ – иногда голоден, иногда сыт; көкжал бөрі – матерый крупный волк, грозный, смелый (о человеке); аш борідей жалаңдап – жадно устремляться к чему-либо, как голодный волк к еде; ұялас борідей – как волчата одного выводка, дружно*. Характерно, что образ волка используется и при переосмыслении идиомы, включающей чуждую для казахской культуры реалию. Так, ФЕ *акула бизнеса* воссоздается при помощи сочетания *бизнес-қасқыры*. На первый взгляд, перед нами вполне адекватный перевод, поскольку и в том, и в другом случае налицо коннотация «хищный», «ни с кем не считающийся», «не останавливающийся ни перед чем ради выгоды». И в то же время объяснение, лежащее в плоскости истории культуры, не позволяет считать данный перевод однозначно верным: как мы отметили выше, в образе волка в казахской лингвокультуре заложен и значительный позитивный заряд.

Знание культурных кодов подразумевает понимание и умение извлекать коннотативное значение лингвокультурем, хотя типы культурных кодов разных лингвокультур и характер их реализации в разных языках могут не совпадать. Поэтому при переводе необходимо знать национально-культурную специфику форм реализации культурных кодов, что является органической частью лингвокультурологической компетенции переводчика.

Список литературы

- Ақселеу С.* Күй шежіресі / С. Ақселеу. Алматы: КРАМДС. Яссауи, 1992. 488 с.
- Бедненко Г.* Образ Волка у индоевропейцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: ec-dejavu.ru/w/Wolf.html.
- Волк в мифологии разных народов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: www.berl.ru/article/2z2/4nog/mifolo/wolk_v_mifologii_raznyh_narodov.htm.
- Дамянова Х.Д.* О символике волка в русской и болгарской фразеологии и паремиологии / Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы международной заочной научно-практической конференции (21 января 2013 г.) Часть I. 2013 г.). Новосибирск: СибАК, 2013. 134 с.
- Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: «Аруна Ltd.» ЖШС, 2005.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Сабитова З.К.* Лингвокультурология / З.К. Сабитова. М.: Флинта, 2013. 572 с.
- Cambridge Idioms Dictionary, 2nd edition. Copyright / Cambridge University Press, 2006.

Белик Н.А.
Южный Федеральный университет
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Belik Natalya
Southern Federal University
Rostov-on-don (Russia)

*ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СТЕПЬ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ
«ТИХИЙ ДОН» М.А. ШОЛОХОВА*

LEXICO-SEMANTIC FIELD «STEPPE» AND ITS REPRESENTATION IN THE NOVEL
«QUIET FLOWS THE DON» M.A. SHOLOKHOV

Данная работа интересна тем, что в ней прослеживается употребление слов, входящих в ЛСП «степь» именно в рамках романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и особенности реализации этих лексем в пределах ядерной, центральной и периферийной зоны. Необходимо также уточнить определение «лексико-семантического поля», критерии установления ядерной, центральной и периферийной зон.

This work is interesting because it shows the usage of the words included in the LSF «steppe» within the framework of the novel M.A. Sholokhov «Quiet flows the don» and the interactions of these lexemes in nuclear, central and periphery zone.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа, ядро, центральная зона, периферия.

Key words: lexico-semantic field, lexico-semantic group, the theme group, the nucleus, the Central zone, the periphery.

Ещё в прошлом веке русский семасиолог М.М. Покровский обратил внимание на то, что "слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью", а соединяются в независимо от нашего сознания в различные группы. Основанием для объединения слов в лексико-семантические группы служат словесные ассоциации, отражающие связи предметов в окружающем мире. В отличие от полисемии, которая характеризуется смысловой связью внутри значений одного слова, эти ассоциации возникают на основе смысловых связей между различными словами, в результате сопоставления, отождествления и различения их значений. Эти идеи М.М. Покровского получили развитие в современном языкознании при разработке вопроса семантической организации словарного состава языка, в частности, в теории семантических полей, лексико-семантических и тематических групп. Семантическое поле – это совокупность языковых единиц, объединённых общностью значения и представляющих предметное, понятийное

или функциональное сходство обозначаемых явлений. Для слов, входящих в семантическое поле, характерно наличие общего семантического признака, на основе которого и формируется данное поле. В нашем случае лексико-семантическим полем будет поле «Степь» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Под полем обычно понимается «совокупность языковых (лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда, также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 385]. Понятие «поле» уточняется Г.С. Щуром, который его определяет, как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [Щур, 1974, с. 73].

Первоначальное теоретическое осмысление понятия поля в языке содержалось в работах Й. Трира, Г. Ибсена, где оно получило наименование «семантическое поле». Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщённым значением (архисемой). О взаимосвязи семантических полей в пределах всего словаря свидетельствует также принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям. Таким образом, семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц.

По мнению Э. Косериу, «семантическое (словесное) поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых признаков» [Косериу, 1963, с. 235].

У Л.А. Новикова находим следующее определение: семантическое поле – «иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [Новиков, 1982, с. 69].

Семантический признак, лежащий в основе семантического поля, может также рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и с его опытом. Об отсутствии резкого противопоставления семантических и понятийных понятий говорится в работах Й. Трира,

А.В. Бондарко, И.И. Мещанинова, Л.М. Васильева, И.М. Кобозевой. Не противоречит подобному рассмотрению интегрального семантического признака и тот факт, что семантическое поле воспринимается носителями языка как некоторое самостоятельное объединение, соотносимое с той или иной областью человеческого опыта, т.е. психологически реальное.

Сам термин «семантическое поле» в настоящее время все чаще заменяется более узкими лингвистическими терминами: лексическое поле, синонимический ряд, лексико-семантическое поле и т.п. Каждый из этих терминов более чётко задаёт тип языковых единиц, входящих в поле и/или тип связи между ними.

Мы можем сказать, что все определения поля схожи между собой тем, что в них указывается на отнесенность поля к определённой участку действительности, который объединён лексемами, в него входящими. Все лексеммы, входящие в поле, объединяет определённый концепт.

Важнейшим составным компонентом лексико-семантического поля являются лексико-семантические группы слов. Можно предполагать, что «участки семантических полей – это лексико-семантические группы (ЛСГ), то есть семантическое поле - родовое понятие по отношению к ЛСГ» [Денисов, 1984, с. 69]. Л.М. Васильев считает, что «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев, 1990, с. 103].

Представляется, что в структуре семантического поля отражаются языковой и концептуальный аспекты. Вряд ли целесообразно резко противопоставлять лексико-семантические и понятийные элементы в составе поля. Основное назначение семантического поля, его основная функция заключается, прежде всего, в «адекватном языковом отображении определённого участка действительности, очерченного именем поля (его понятийным содержанием) и конкретизированного с максимальной полнотой его элементами» [Васильев, 1990, с. 103]. Семантическое поле, таким образом, оказывается связанным с миром действительности посредством слов, его составляющих.

Соотношение слова с действительностью в свою очередь осуществляется через его денотативное и сигнификативное значения: денотат называет класс реальных, обозначенных словом, сигнификат указывает на наиболее существенные признаки однородных реальных.

Итак, скажем, что лексико-семантическая группа образуется на основе схожести понятий хотя бы по одному значению и смыслу. Тематическое поле объединяет в себе

слова, отражающие определённое понятие действительности. В значении членов тематической группы содержатся два семантических признака: обобщающий, интегрирующий, и дифференцирующий, который отграничивает один член ряда от другого. Основная парадигматическая особенность слов одной ЛСГ заключается в том, что в их значениях имеется единая категориальная лексическая сема. При этом можно утверждать о схожести понятий «лексико-семантическая группа» и «тематическое поле» – наличие дифференцирующей и категориальных сем, объединение на основе семантики слов.

«Лексико-семантическое поле – понятие весьма ёмкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии – проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия. Решение задач, связанных с семантическими полями в лексике, позволяет по-новому освещать перечисленные проблемы» [Караулов, 1972, с. 67].

Понятие семантического поля получило большое распространение, число конкретных исследований постоянно растёт, в теорию поля вносятся добавления и уточнения. Теория поля все больше связывается с определённой классификационной системой словарного состава, который расчленяется на упорядоченные по отношению друг к другу большие и малые группы.

Рассмотрим понятие о семантическом поле, предложенное Б.Ю. Городецким: «Семантическое поле - это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями. Для сигнификативного слоя упомянутое сходство трактуется как связь с некоторым (одним и тем же) набором понятий, для денотативного слоя – как связь с одним и тем же набором объектов внешнего мира, для экспрессивного слоя – как связь с одним и тем же набором условий речевого общения, для синтаксического слоя – как связь с одним и тем же набором синтаксических отношений между частями речевых отрезков. Таким образом, в каждой семантическом слое имеются семантические поля. Может рассматриваться объединение в семантические поля и для архиединиц (например, не расчленённое для сигнификативно-денотативных единиц)» [Городецкий, 1969, с. 204]. То есть лексико-семантическое поле как особая системообразующая единица обладает сложной и весьма своеобразной структурой, составные элементы которой связаны между собой парадигматическими отношениями. Анализируемое лексическое поле локальности многомерно, объёмно. В основе

организации лексико-семантического поля лежат упорядоченные классы, лексические парадигмы разного типа, структурирующие семантическое поле по вертикали и по горизонтали. Ядро лексического поля, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. Одним из основных свойств структуры лексико-семантического поля является её целостность, которая обеспечивается отношениями, предполагающими вхождение менее сложных единиц в более сложные. Центром поля локальности является многозначное слово «место». В семантической структуре этого обобщающего слова отражается весь спектр объёма понятия места.

Т.Л. Павленко определяет лексико-семантическое поле как «совокупность единиц, имеющих общие семы и связанных парадигматическими, синтагматическими, деривационными отношениями» [Павленко, 2003, с. 94] При этом целью объединения языковых элементов в семантические поля, по мнению Т.Л. Павленко, является обобщение наблюдений над окружающим миром, систематизация понятий о предметах и средств выражения этих понятий [там же]. При этом единицы объединяет наличие общих компонентов в значении и характера строения единиц. Внутри поля, как считает профессор, существуют иерархические отношения – наличие наименований общих понятий и более конкретизированных. При этом в структуре поля выделяется слово с высокой степенью абстракции – архисема. Архисема понимается профессором Павленко как понятийный компонент значения, обнаруживаемый у всех членов поля [там же, с. 95]. Архисема, как правило, является и именем поля (его ядром), она влияет на центральную зону поля, но меньше всего выражена у лексем на периферии.

Таким образом, лексико-семантическое поле – сложная система с присущими ей признаками и свойствами. Основными понятиями здесь являются «сема» как компонент лексического значения слова, «архисема», «центр», «ядро» и «периферия» поля, о которых было сказано выше.

Определив, что есть лексико-семантическое поле и какова его роль в классификации слов на основе семантики, мы можем рассмотреть отношения внутри конкретного ЛСП «Степь» в рамках романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

В поле центром и связующим звеном поля, темой и идеей является его **ядро**. Профессор Павленко даёт такое определение ядра. «В поле выделяется ядро – имя поля (обобщённое наименование раскрываемого понятия) и названия частных разрядов на всех ступенях тематической дифференциации» [там же, с. 96].

Ядро семантического поля «представлено **родовой семей (гиперсемой)**. Гиперсема поля – семантический компонент высшего порядка, организующий развёртывание поля» [Жеребило, 2011, с. 105]. То есть ядро лексического поля, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. В нашем случае гиперсемой, образующей поле, является слово «**степь**».

Нужно определить, что представляет собой понятие степи. В «Толковом Словаре русского языка» под ред. Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. читаем «**Степь** – безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» [Ожегов, Шведова, 1990, с. 378]. Определение степи даёт чисто географическое представление о данном виде земного пространства, в то время как Шолохов М.А. понимает степь гораздо шире. Например, в «Словаре языка М.А. Шолохова» мы видим несколько определений слова степь – это не только безлесное, но и «поросшее разнотравьем пространство, занимающее значительную часть донской земли» [Диброва, 2005, с. 133]. Здесь акцент идёт на местоположение степного пространства – Донская степь. «**Степь** у Шолохова – это гимн Донской земле» [там же]. Степь ассоциируется здесь с жизнью и миром именно Донского казачества как коренного населения Донских степей. Донская степь рассматривается и как источник жизни, и как индикатор смены времён года, и даже как живое существо («Степь, иссохшая, с чахоточным румянцем зорь, в полдень задыхалась от зноя») и мать казаков («Низко кланяюсь и по сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!»).

В романе находим порядка 200-300 употреблений слова «**Степь**» в различных падежах и около 100 употреблений прилагательного «**Степной**» в различных падежах. Соответственно, можно говорить о довольно частотном употреблении данных слов, то есть автор придаёт большое значение теме природы степи в романе [Шолохов, 1980, с. 42].

Приведём примеры употребления слова «**степь**» и «**степной**». Но для этого сначала необходимо уточнить, что слово «степной» имеет один корень со словом «степь», соответственно, эти слова связаны по смыслу. Степь – это то, что её окружает и что в ней есть, степной – это всё то, что свойственно определённым предметам и явлениям на Донской земле, это предметы и явления в их определённом виде.

Рассмотрим примеры употребления автором слово «степной»:

«От высыхающей **степной** музги, из горелой коричневой куги взлётывает белокрылый чибис» [там же, с. 39].

Использует образ **степи** М.А. Шолохов в сравнениях:

«**Степь, как чаша**, до краёв налитая тишиной, таила в складках балок грустные отсветы дня» [там же, с. 145].

Шолохов достигает высокой образности в сравнениях, олицетворяет её.

«– Я говорю... – глухо бурчал Григорий, – что ничего я не понимаю... Мне трудно в этом разобраться... **Блукаю я, как в метель в степи...**» [там же, с. 566].

Употребление сравнений помогает читателю представить силу движений чувств героев, казаки, живя в степи, и мыслят ею, они отождествляют себя с донской степью и её составляющими.

Также необходимо отметить присутствие степи во многих описаниях донской природы и её особенностей: «Караулил людей луговой скоротечный покос, доцветало за Доном разнотравье, невровень **степному**, квелое и недуховитое. Одна земля, а соки разные высасывает трава; за бугром в **степи** клёклый чернозём что хрящ: табун прометётся – копытного следа не увидишь; тверда земля, и растёт по ней трава сильная, духовитая, лошади по пузо; а возле Дона и за Доном мочливая, рыхлая почва гонит травы безрадостные и никудышные, брезгает ими и скотина в иной год» [там же, с. 38].

Таким образом, можно сделать вывод, что ядерной частью нашего лексико-семантического поля является лексема «**степь**» в её употреблениях. Отмечая тот факт, что лексема довольно часто встречается в романе, мы указываем на то, что ЛСП охватывает важный аспект жизни героев романа, придавая степи образность, Шолохов расширяет границы понятия степи. Лексема «**степь**» является ядром поля, которое функционирует всегда как выразитель понятия из определённого отрезка действительности.

Определив ядро поля – главную и центральную его часть и понятие, мы можем проанализировать центральную зону ЛСП «**степь**».

К ядру примыкает **центральная зона** – единицы, которые необходимы для рассмотрения определённого участка действительности. По словам Т.Л. Павленко, «центр поля образует единицы с прямым, переносным или специализированным значением, относящиеся к активному составу языка» [Павленко, 2003, с. 109].

Ключевой лексемой в центральной зоне будет лексема «**казак**», а также «**казачество**». В центральную зону входит слово «**станица**» и «**слобода**» как населённые пункты, расположенные в степной местности на Дону. Станица и слобода – не

одинаковые понятия, но они имеют общее - общую землю. Станицы и слободы издавна соседствовали друг с другом. Как станицы, так и слободы могли находиться в непосредственной близости с Доном, а могли располагаться на расстоянии от него. В «Казачьем словаре-справочнике» говорится, что «благодаря племенному однообразию, родственным связям, равенству в правах, одинаковым социальным и экономическим условиям, жители **станицы** составляли как бы одну солидарную семью» [Губарев, 1968, с. 43]. То есть у каждого казака была самоидентификация со своей станицей, и жители одной и той же станицы, земляки называли друг друга «**станица**». Мы видим это у Шолохова в романе: «- **Станица**, здорово! – Да никак ты, сват Александр? – Он самый. – Что-то не похоже» [Шолохов, 1980, с. 263]; «- Эх, **станица**, покурим – все горе забудем! – Я своё горе в саквах вожу» – Это дружеское, тёплое обращение казаков друг к другу [там же, с. 285].

Станица используется также в метонимическом значении как содержимое вместо содержащего - люди, живущие в станице: «Но ещё горячее боли был стыд. Вся **станица** - и стар и мал – смотрела»; [там же, с. 602].

В центральной зоне мы выделяем следующие лексемы – «**земля**» как место для выращивания культур, «**пшеница**», «**зерно**» как результат питания земли, «**колос**», «**хлеб**» как результат плодородия Донской земли.

Понятие «**земля**» и «**степь**» связаны прямым образом, ибо Степь – это и есть земля. У Шолохова это земля Донского края, её природа, берег Дона. Земля – это также принадлежность станицы, хутора. «**Земля станишная** – сумнение от атамана могло только быть» [там же, с. 46].

Земля в сознании казака связана с родиной, земля - это его корни, его род, его семья и жизнь. Эту связь казака с землёй мы видим в следующей речи Григория: «Гутаришь, а послушать нечего. Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять же, на службу мне на этот год. Не годится дело... От **земли** я никуда не тронусь. Тут **степь**, дыхнуть есть чем, а там?» [там же, с. 274].

Мы выделили следующий пласт лексики в центральной зоне, являющийся воплощением этого свойства степи. В него входят такие слова, как «**левада**», «**балка**», «**шлях**», «**займище**», «**лог**».

Порядка 60 раз встречается в романе слово «**шлях**». Слово «**шлях**» характерно для южных регионов страны.

В романе не раз упоминается **Гетманский шлях** (имя собственное) с присущими ему особенностями: «Выехали на **Гетманский шлях**, и в глаза сидевшим на санях кинулось просторное Задонье» [там же, с. 45]; «На восток, за красноталом гуменных плетней, – **Гетманский шлях**, полынная проседа, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенка на развилке» [там же, с. 445].

При анализе центральной зоны необходимо учесть все аспекты понятия ядра. В нашем случае это – **степь**. Мы рассматриваем её с различных сторон, и как любое широкое пространство земли, оно подразумевает собой наличие как чисто природных явлений (Балка, лог, займище, шлях и т.д.), человеческих, культурных (Казачество, станица, хлеб), так и других реалий степной жизни. Не нужно забывать роли животного в создании природного облика степи.

Таким образом, можно говорить о целостности центральной зоны. Её объединяет наличие значения, общего для всех лексем данного поля – принадлежность к теме «**степь**» и спаянность с ядром поля, зависимость от оттенков значения слова «**степь**». Разобрав ядро поля и примыкающую к нему центральную зону, мы обнаружили оттенки значений, общие для многих слов, и смысловая соотнесённость с ядром позволяет относить эти слова к центральной зоне, как наиболее часто встречающиеся в зоне данного ЛСП и как наиболее точно отражающие сущность понятия «**степь**» в романе «Тихий Дон». «Основная функция семантического поля – адекватное языковое отображение определённого участка действительности и связанных с ним понятий» (Ю.С. Лычкина). Также в связи с тем, что к **центру** поля относят слова, отражающие основные значения, составляющие данное поле, то можно утверждать об удачном отнесении вышеупомянутых лексем к ЛСП «**Степь**».

В «Словаре лингвистических терминов» дано такое определение **периферии**: «Совокупность единиц, наиболее удалённых в своём значении от ядра. Периферийные единицы могут иметь контекстуальные значения. Обычно периферия вступает в контакты с другими семантическими полями, образуя непрерывность языковой системы» [Жеребило, 2011, с. 43] Так, слова периферии с такой же частотностью могут встречаться в многих других семантических полях. Они могут исчезать из ЛСП с течением времени или по другим причинам, так как не образуют сильной связи с ядром. Слова из периферии наиболее пластичны, так как они по своему значению охватывают больший круг тематик, чем слова из центральной зоны. В Периферии Т.Л. Павленко выделяет малоупотребительные слова – экзотизмы, историзмы и т.д. и названия, «детализация

семантики и структуры которых мало мотивирована системными отношениями» [Павленко, 2003, с. 110]. Это могут быть слова, не выделяемые в определённые микротемы, но тем не менее связь между ядром и периферией довольно ясна при более подробном раскрытии структуры периферии и выяснении её связей с самим ядром и полем.

Мы можем проследить связь между ядром и полем в нашем поле. Но для начала выделим микротемы в периферии. Так как данных слов достаточно в тексте, то они выделяются в микротему – слова, обозначающие существа живой природы – **«Флора и фауна»**. Подтема **«Флора и фауна»** имеет довольно явные связи с темой «степь». Эту связь можно проследить и в тексте. Флора и фауна – это животные, встречающиеся в степи. При описании природы Шолохов не раз упоминает различных представителей фауны, они являются олицетворением Донской степи. В ЛСП **«Степь»** к периферии относятся такие лексемы, как **«суслик», «зверь»**.

Встречаем животный мир и в описаниях мира степной природы. Животные в этом случае являются олицетворением степи. Например, **коршун**: «На выцветшей голубени неба – нещадное солнце, бестучье да коричневые стальные полудужья распротёртых крыльев коршуна. По степи слепяще, неотразимо сияет ковыль, дымится бурая, верблюжьей окраски, горячая трава; **коршун**, кренясь, плывёт в голубом – внизу, по траве, неслышно скользит его огромная тень [Шолохов, 1980, с. 73].

Таким образом, мы видим, что образы животных, обитателей Донского края помогают нам ярче представить колорит степной местности, его особенности. Также неотделим от животного мира и мир растительный. Помимо цветов и растений, встречается в степи и такое понятие, как **бурьян** – высокие сорные травы. Бурьян растёт в степи и является основным её растительным наполнением: «Выеду, оседламши, в степь, подыму зайца в **бурьянах** и сто сажен не отпущу – стопчу конём» [там же, с. 128].

Таким образом, мы установили связь между периферией и ядром ЛСП **«Степь»**. Периферия в данном случае является немаловажным компонентом ЛСП **«Степь»**, так как в неё входят понятия, образующие тематическое поле, связанное со степью как частью природы.

Лексемы объединяются в семантическом плане, таким образом, они составляют различные части лексико-семантического поля. В этом случае можно говорить о внутреннем единстве компонентов ЛСП **«Степь»**. В романе «Тихий Дон» это единство хорошо прослеживается за счёт того, что автор отождествляет природу с человеком и

наоборот, он связывает казачество и природу, так реализуя свою идею о Тихом Доне как Доне, где главным является счастье людей, живущих на нем – казаков.

Список литературы

- Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика / Васильев Л.М. М.: Высшая школа, 1990. 148 с.
- Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии / Городецкий Б.Ю. М.: Наука, 1969. 255 с.
- Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник / Губарев Г.В. США, 1968.
- Диброва Е.И.* Словарь языка Михаила Шолохова / Диброва Е.И. М.: Азбуковник, 2005. 695 с.
- Жеребило Т.В.* Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Жеребило Т.В. Назрань: Пилигрим, 2011. 324 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Караулов Ю.Н. М.: Наука, 1987. 346 с.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. (Проблема языкового изменения) / Новое в лингвистике, М.: Наука, 1963. 324 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева, М.: Советская энциклопедия, 1990, 921 с.
- Новиков Л.А.* Семантика русского языка / Новиков Л.А. М.: Высшая школа, 1982. 278 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, М.: ИТИ Технологии, 2003.
- Павленко Т.Л.* Семантические поля и выбор номинации в процессе речевой деятельности. Современный русский язык. Коммуникативно-функциональный аспект. Учебное пособие / Современный русский язык. Коммуникативно-функциональный аспект. Отв. ред. Г.Ф. Гаврилова. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. 311 с.
- Шолохов М.А.* Тихий Дон / Шолохов М.А. Роман в 4-х книгах М.: Молодая гвардия, 1980. 654 с.
- Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. М.: Наука, 1974. 287 с.

Волкова А.А.
Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Volkova Anastasiya
Tomsk State University
Tomsk (Russia)

*РОЛЬ КОНТЕКСТА В ВОСПРИЯТИИ И ПОНИМАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ
В РАДИОКОММУНИКАЦИИ*⁹⁶

THE ROLE OF CONTEXT IN THE PERCEPTION AND UNDERSTANDING OF FOREIGN
ELEMENTS IN RADIO COMMUNICATION

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как восприятие и понимание, а также с коммуникативными качествами речи. С исследовательской точки зрения, особый интерес вызывают тексты современных радиопередач, которые изобилуют словами и выражениями иностранного происхождения. Современная языковая ситуация характеризуется дестабилизацией литературных норм, либерализацией нормативных требований к речи, и как результат, внедрением иноязычной лексики во все сферы речи. Проблема выбора интерпретации адресатом неизбежно связана с языковым и внеязыковым контекстом, который является неотъемлемой составляющей в формировании адекватного восприятия текста с иноязычными вкраплениями. Важнейшей функцией контекста является смыслообразующая, в связи с чем целесообразно говорить о его влиянии на процесс восприятия и понимания текста. Смысл текста образует единство собственно информационной знаковой составляющей и многогранного контекста, в который заключена эта формальная знаковая составляющая. Адекватное восприятие текста зависит не только от собственно вербального контекста, выраженного в языковых знаках и конструкциях, но и от ряда внеязыковых контекстов, являющихся неотъемлемой частью любого акта коммуникации.

В радиокommunikации важнейшей формой проявления вербального контекста является звучащая речь, способствующая адекватному восприятию текста слушателем.

The success of speech communication is associated with mental processes such as perception and understanding, as well as the communication quality of speech. From a research perspective, the texts of modern radio that abound in words and phrases of foreign origin are particularly interesting. Modern language situation is characterized by the destabilization of literary standards, liberalization of normative requirements to speech, and as a result, the introduction of foreign vocabulary in all areas of speech. The problem of interpretation by the recipient is inevitably associated with linguistic and extra-linguistic context, which is an essential part in the formation of an adequate perception of foreign-language inclusions. The most important context function is semantic one, and therefore it is advisable to talk about its impact on the process of perception and understanding of the text. Meaning of the text forms a unity of information sign component and many-sided context in which this formal sign component is included. Adequate perception of the text depends not only on the actual verbal context, expressed in linguistic signs and structures, but also on a number of extra-linguistic contexts, which are an integral part of any act of communication.

In radio communication essential form of verbal context manifestation is a sounding speech that promotes adequate perception of the text by listener.

Ключевые слова: понимание, восприятие, иноязычное вкрапление, радиокommunikация, контекст, интерпретация.

---

⁹⁶ Исследование проводится при поддержке РГНФ, номер проекта 14-34-01022

Key words: understanding, perception, foreign elements, radio communication, context, interpretation.

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как *восприятие* и *понимание*, а также с *коммуникативными качествами речи*. «Коммуникативный успех – реализация цели коммуникативного (речевого) акта, когда успешное сообщение без существенных помех передаётся адресантом и адекватно *воспринимается, понимается, усваивается, оценивается* адресатом. Коммуникативным успехом называют *восприятие* получателем селективного содержания коммуникации (информации) как предпосылки своего поведения и присоединение к этому селективному содержанию последующих» [Иванов, 2003, с. 261-262].

Коммуникативные качества речи – это свойства речи, которые обеспечивают оптимальное общение сторон, обмен идеями, мыслями, чувствами и т.д. Они влияют на относительное единство замысла, интенции автора и восприятия текста реципиентом. Проявление коммуникативных качеств речи в том или ином тексте зависит во многом от коммуникативной компетенции коммуникантов, а также от речевых жанров, реализованных в тексте, от его функциональной нагрузки. Автор отражает свои мысли в тексте, а реципиент воспринимает текст и расшифровывает замысел автора. «Абсолютное совпадение зашифрованного и расшифрованного невозможно (даже при общности языка люди имеют разный жизненный и языковой опыт, физические и психологические различия и др.), но к нему следует стремиться» [Иванов, Матвеева, Донгак, 2003, с. 257].

С исследовательской точки зрения, особый интерес вызывают тексты современных радиопередач, которые изобилуют словами и выражениями иностранного происхождения. Современная языковая ситуация характеризуется дестабилизацией литературных норм, либерализацией нормативных требований к речи, и как результат, внедрением иноязычной лексики во все сферы речи.

Проблема выбора интерпретации адресатом неизбежно связана с языковым и внеязыковым контекстом, который является неотъемлемой составляющей в формировании адекватного восприятия текста с иноязычными вкраплениями. Важнейшей функцией контекста является смыслообразующая, в связи с чем целесообразно говорить о его влиянии на процесс восприятия и понимания текста. Смысл текста образует единство собственно информационной знаковой составляющей и многогранного контекста, в который заключена эта формальная знаковая составляющая. Л.А. Черняховская выделяет несколько видов контекстов, которые, по словам исследователя, «питают» текст информацией, входящей в составляющее его смысла [Черняховская, 1989, с. 35-48]. Взяв

за основу классификацию, предложенную Л.А. Черняховской, отметим основные типы контекстов.

Основополагающим является *контекст общения*, который сопровождает любой акт коммуникации. *Контекст общения* – «это вербальное и невербальное окружение текста, которое представляет собой обязательное условие акта коммуникации, необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить взаимодействие информации, содержащейся непосредственно в знаках текста, с той информацией, которая привлекается этими знаками из фонового знания адресата, что позволяет ему адекватно воспринять коммуникативное намерение отправителя» [там же, с. 36]. Контекст общения включает ряд контекстов, каждый из которых выполняет свою функцию в тексте.

1. *Вербальный контекст* реализуется в рамках фрагмента текста, достаточного для однозначного понимания языковой единицы при помощи знакового «окружения», т.е. языковых знаков предшествующих данной единице и последующих. Вербальный контекст включает такие понятия, как микроконтекст и макроконтекст.

- *Микроконтекст* («ближайший или узкий контекст») – минимальное окружение языковой единицы, в котором реализуется значение, заложенное автором.

Например, ведущие передачи «Говорим по-русски» (радиостанция «Эхо Москвы») обсуждают:

«М. КОРОЛЁВА: *Соревнования по слоупстайлу...*» («Говорим по-русски», 12.01.2014 г.).

Из микроконтекста понятно, что иноязычное слово «*слоупстайлу*» – это существительное единственного числа. В предложении данное иноязычное вкрапление выполняет функцию дополнения. Грамматическое содержание иноязычного вкрапления, характерное для слов русского языка, облегчает его восприятие в рамках предложения, но на раскрытие смысла не влияет.

В процессе понимания иноязычного вкрапления в рамках вербального микроконтекста гораздо более значимо лексическое значение языковых единиц, «окружающих» иноязычное вкрапление, в данном случае «*соревнования по*». Данный микроконтекст указывает на то, что иноязычное вкрапление, вероятно, связано со спортивной деятельностью.

- *Макроконтекст* (от фрагмента до целого текста) – осмысленная часть текста или целый текст, в рамках которого воплощается коммуникативная интенция автора.

Например, ведущие передачи «Говорим по-русски» обсуждают:

1) «О. СЕВЕРСКАЯ: У итальянцев есть такое выражение «*Dolce far niente*». Им определяется их стиль жизни. Был такой фильм. Журналистка написала книгу о том, как она разводилась с мужем. Героиню играла Джулия Робертс. Она училась в Италии радостям жизни и тому, что называется *Dolce far niente*. Что это выражение означает в переводе? Фильм «Ешь, молись, люби». *Dolce far niente* что означает в переводе? Сладкая жизнь, сладкое ничегонеделание или сладости, прежде всего. Алло, здравствуйте! СЛУШАТЕЛЬ: Думаю, что сладкое ничегонеделание» («Говорим по-русски», 09.01.2014 г.).

2) «М. КОРОЛЕВА: Ирина из Москвы пишет, подтверждает мою мысль: «*Майдан* – это уже давно стало понятно». Действительно. Кроме того, что есть русская литература, Гоголь, у него это слово использовалось. «Переведи меня через *Майдан*». В каком-то смысле это слово для нас не совсем чужое. «В украинском языке есть слова *Майдан* и Площадь», – пишет Джек из Москвы. Это я вам, к сожалению, сказать не могу. «Лучше *Майдан Незалежности*. Это все понимают и привыкли. Скажут площадь свободы. И не пойму, где это», – пишет Елена. Этот аргумент, мне кажется, он главный. Давайте остановим голосование. Там все понятно. 72% тех, кто нам позвонили, они за *Майдан Незалежности*. И 28% за площадь свободы или независимости. Ещё у нас есть одна тема, по поводу которой можно провести голосование. Это то, что магазины в России хотят окончательно заставить писать названия на русском языке» («Говорим по-русски», 22.12.2013 г.).

2. *Экстралингвистический контекст* – «это ситуация коммуникации, включающая условия общения, время и место акта коммуникации, его социокультурный фон, самих коммуникантов, их фоновые знания, их взаимоотношения, а также – предмет коммуникации (тему сообщения и коммуникативное намерение отправителя в связи с темой)» [Черняховская, 1989, с. 41]. В рамках экстралингвистического контекста выделяются более узкие: ситуационный, собственно невербальный и социокультурный контексты.

- *Ситуационный контекст* – это источник информации об условиях протекания коммуникации: сведения о времени и месте, обстоятельствах ситуации общения; культурном, интеллектуальном и социальном уровне коммуникантов, их фоновые знания, осведомлённость о ситуации коммуникации.

- *Невербальный контекст* – это жестикация, мимика, движения коммуникантов в процессе общения. Невербальный контекст служит для уточнения, а иногда и замены вербальных единиц. В радиокommunikации невербальный контекст выражается, прежде всего, в музыкальном сопровождении, но на восприятие текста и его понимание практически не влияет.

- *Социокультурный контекст* – знание коммуникантов о культуре, науке, искусстве, общественном устройстве и т.п. Социокультурный контекст включает социальные, исторические, этнические и культурные традиции языкового сообщества. Языковые средства, используемые в информационном сообщении и обеспечивающие адекватное восприятие текста, всегда должны соответствовать уровню знаний участников общения. В противном случае неизбежна коммуникативная неудача, непонимание или недопонимание намерения автора. «Информация, вербализованная в тексте, рассчитана на наличие в фоновом знании адресата информации, составляющей социокультурный контекст акта коммуникации (исторические события, достижения науки, литературы и искусства), ибо только при взаимодействии с информацией социокультурного контекста адекватно воспринимается информация, содержащаяся непосредственно в знаках текста» [там же, с. 44].

В ситуации радиокommunikации, в частности, в рамках программы «Говорим по-русски» («Эхо Москвы») подразумевается участие коммуникантов, которые сфокусированы на проблемах современного речевого общения. Это часто образованные, компетентные в языковом плане представители современной культуры с широкими фоновыми знаниями, равнодушные к предмету коммуникации – русскому языку. Поэтому проблема понимания иноязычной лексики часто становится не только вопросом адекватной интерпретации текста, но и приобретает общекультурный масштаб.

Например,

«К. ЛАРИНА: ...Действительно, многие явления и события – им нет обозначения в русском языке, хотя в других языках есть, поэтому очень часто англицизмами мы пользуемся.»

М. ЭПШТЕЙН: Да, мы пользуемся англицизмами. И в этом критическая точка в развитии русского языка, потому что никогда ещё в нем не было так много заимствований, как в последние 20 лет. Может быть, только эпоха Петра Первого сравнится, когда хлынули слова.»

К. ЛАРИНА: А с чем это связано?

М. ЭПШТЕЙН: Это связано с отставанием языка и всей цивилизации, которая на протяжении 70 лет была за железным занавесом и оказалась в таком состоянии, что лексический фонд английского языка за 20 век возрос примерно втрое, а лексический фонд русского языка убавился...» («Говорим по-русски», 05.01.2014 г.).

К социокультурному контексту исследователь относит такую категорию, как сверхтекст – совокупность текстов, связанных общей идеей, концепцией автора.

М.М. Бахтин определяет сверхтекст шире, как корпус всех речевых произведений, созданных человечеством, как непрерывный континуум, который образует социальное знание и обеспечивает возможность понимания других вновь созданных речевых произведений на фоне уже имеющихся [Бахтин, 1979, с. 328]. Сверхтекст создаёт «окружение» текста, наполненное информацией, известной в рамках одной культурной и языковой общности. Взаимодействие элементов сверхтекста реализует смыслообразующую функцию. Такое информационное окружение текста называется метакоммуникативным контекстом, который в свою очередь является неотъемлемой частью осмысленного текста. *Метакоммуникативный контекст* включает в себя не только предшествующие созданию текста (интенция автора, специфика аудитории, время и место создания текста) компоненты, но и последующие – особенности восприятия текста и ответную реакцию аудитории (обратную связь).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что адекватное восприятие текста зависит не только от собственно вербального контекста, выраженного в языковых знаках и конструкциях, но и от ряда внеязыковых контекстов, являющихся неотъемлемой частью любого акта коммуникации [Черняховская, 1989, с. 35-48].

Список литературы

- Иванов Л.Ю.* Коммуникативный успех: культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Л.Ю. Иванов. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 261-262.
- Иванов Л.Ю., Матвеева Т.В., Донгак С.Б.* Коммуникативные качества речи: культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Л.Ю. Иванов, Т.В. Матвеева, С.Б. Донгак. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 257-259.
- Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура / Л.А. Черняховская. М.: Междунар. отношения, 1989. 264 с.

Герасименко И.Е.
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула (Россия)

Gerasimenko Irina
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
Tula (Russia)

*АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫХ АССОЦИАТОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ*

THE AXIOLOGICAL POTENTIAL OF THE GENDER-MARKED ASSOCIATES AS A
REFLECTION OF THE RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS

В статье представлена ценностная характеристика ассоциаций на слова-стимулы «мужчина» и «женщина» по данным «Русского ассоциативного словаря». Автор исходит из того, что ассоциативное поле представляет собой фрагмент языковой картины мира и своеобразную модель сознания. Автор считает, что вербальные ассоциации отображают некоторый инвариант, вариантами которого являются языковые сознания конкретных носителей языка и культуры. Автор утверждает, что количественная характеристика включенности стимулов «мужчина» и «женщина» в ассоциативно-вербальную сеть русского языка свидетельствует о значимости одноименных концептов для русского языкового сознания и лингвокультурного пространства. Исследование показало, что все ассоциаты являются оценочно маркированными. В связи с этим автор анализирует их, применяя данные аксиологической теории. Проведенный анализ позволяет зафиксировать преобладание положительных оценок. Сублимированные оценки составляют ядро духовного начала в человеке, связаны с понятием архетипа (нормы, образца), включают эстетические и этические квалификации. Большим разнообразием отличаются рационалистические (связанные с практической деятельностью и повседневным опытом) ассоциаты. В заключение автор приходит к выводу о том, что аксиологическое своеобразие процессов семиозиса состоит в опосредованной связи оценки с промежуточными образованиями (смысловыми интерпретациями, ассоциативно-образными структурами), типичными для всей русской этнокультурной общности.

The article presents a valuable characteristic of the associations on the words-incentives «Man» and «Woman» according to the «Russian associative dictionary». The author assumes that the associative field is a fragment of the language picture of the world and an original model of the consciousness. The author considers that verbal associations display some invariant its variants are language consciousnesses of native speakers and the culture. The author argues that the quantitative characteristics of inclusion of the stimulus «Man» and «Woman» in the associative-verbal network of the Russian language show to the importance of similar concepts for the Russian language knowledge and linguo-cultural space. The study showed that all associates have an assessment. In this regard, the author analyzes them, using data of the axiological theory. The analysis allows to fix the predominance of positive assessments. Sublimated evaluation form the core of the spiritual in man, connected with the notion of archetype (norm, model), include aesthetic and ethical qualifications. A large variety of the different rationalistic (linked to practical activities and everyday experience) associates. In conclusion, the author comes to the conclusion that the axiological originality of processes of the semiosis is the mediated relation of assessment and intermediate formations (semantic interpretations, associative-shaped structures), typical for the whole of Russian ethno-cultural community.

Ключевые слова: Русский ассоциативный словарь, ассоциативное поле, этнокультурное сообщество, лингвокультурное пространство, языковая картина мира, аксиологическая теория, модель сознания.

Key words: Russian associative dictionary, associative field, ethno-cultural community, linguo-cultural space, language picture of the world, axiological theory, model of the consciousness.

...Мы можем говорить о значении значений, хотя последнее будет представлять аффективный сырой материал индивида, из которого построены наши обычные значения.

А. Кожибский

Как известно, ассоциативным полем слова является совокупность ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле как фрагмент языковой картины мира, как своеобразная модель сознания располагает набором правил оперирования вербальными и невербальными знаниями, принятым в определённом обществе, в определённой культуре, поэтому ассоциативное поле можно рассматривать как одну из форм вербального «овнешнения» языкового сознания.

Вербальные ассоциации, составляющие ассоциативное поле, отображают некоторый инвариант, вариантами которого являются языковые сознания конкретных носителей языка и культуры. Сознание носителей определённой национальной культуры рассматривается как «идеальная (ментальная) форма культуры наряду с предметной (материальной)» [Ильенков, 1991, с. 229-274]. Эта идеальная форма культуры является источником общности сознаний отдельных носителей данной культуры. Подобная «общность сознания, никогда не осознаваясь и не присваиваясь индивидом полностью, тем не менее, позволяет индивидам общаться при помощи знаков» [Тарасов, 1997, с. 261].

Следовательно, можно согласиться с Е.Ф. Тарасовым в том, что ассоциативное поле отображает некую абстракцию, аналогичную абстракциям «коллективное сознание», «общественное сознание», «массовое сознание» и принципиально отличающуюся от простой суммы индивидуальных сознаний. Из этого следует, что ассоциативное поле можно понимать, как обозначение культурно заданных границ понятия, в пределах которых оперирует индивидуальное сознание говорящего в большинстве ситуаций общения. И именно поэтому анализ ассоциативного поля даёт возможность делать выводы о содержании индивидуального сознания.

Полученные ассоциативные поля исходных слов-стимулов рассматриваются нами как модели образов языкового сознания, которые содержат в себе набор правил оперирования знаниями (вербальными и невербальными), принятыми в определённой культуре. Полученные ассоциативные поля служат базой для анализа содержания образов языкового сознания в рамках данной этнической культуры.

Существование связи между образами сознания в психике индивида подтверждает эффективность использования при изучении языкового сознания носителей языка и культуры такой психосемантической методики, как **ассоциативный эксперимент** (выделено мной– И.Г.).

Изучение многообразия ассоциаций и их связей позволяет делать выводы о соотношении субъективного и объективного «конструктов картины мира» в человеческом сознании. Явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует временные, пространственные и причинные связи явлений, предметов и эмоций, вызываемых их восприятием. При этом определённая совокупность ассоциаций может рассматриваться как модель языкового сознания человека. Эта совокупность ассоциаций считается такой моделью сознания, которая представляет собой набор правил оперирования культурными знаниями. В результате исследования такой модели выявляются представления о фрагменте образа мира и его языкового отображения у носителя определённой культуры.

В своей статье, предваряющей «Словарь ассоциативных норм русского языка», А.А. Леонтьев отмечал: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть “культурную” специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические “обертоны”, – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев, 1977, с. 14]. Анализируя результаты большого количества проведённых экспериментов, А.А. Леонтьев отмечает, что респонденты чаще всего производят ассоциации, базируясь на трёх различных основаниях: исходя из семантического родства слов (вернее, из того, как это родство ими ощущается), а также исходя из закономерности совместной встречаемости слов в языке и речи. Разработано несколько методик определения семантической близости слов-стимулов и слов-реакций. Таким образом, ассоциативный эксперимент является богатым источником не только лингвистической и психологической, но и социально-психологической и социологической информации. На основе данных о семантических полях ассоциаций «можно составить представление об “ассоциативных профилях”, характерных для той или иной культуры, а также о характерных стереотипах мышления, сложившихся в коммуникативном опыте той или иной группы, общности и пр.» [Словарь ассоциативных норм русского языка, 1977, с. 46].

Ассоциативные методы используются:

- при разработке новых методик преподавания иностранных языков,
- при изучении семантической структуры слов,
- при моделировании процессов порождения речи говорящим и восприятии речи слушающим,
- при поиске путей идентификации значения воспринимаемого слова,
- при выявлении принципов организации лексикона человека,
- при анализе языкового сознания и построении моделей и картин мира представителей различных культур, социальных групп и т.д.

За последние 10-15 лет на материале ассоциативных словарей разных языков осуществлён обширный корпус исследований, связанных с сопоставительным анализом стратегий ассоциативного поведения носителей различных языков, с изучением особенностей языкового сознания как представителей различных культур, так и представителей субкультурных общностей (гендерных, возрастных, профессиональных и др.) в рамках одной культуры.

Аксиология гендерно маркированных номинативных единиц может быть проанализирована и описана на материале данных ассоциативного эксперимента, изложенных в «Русском ассоциативном словаре». Можно предположить, что русское национальное сознание, в котором центральным параметром является гендер, как некая составляющая русской лингвокультуры представляет собой многоуровневую, иерархически структурированную и одновременно открытую сеть интерпретант знаков культуры в рамках определённой замкнутой «этно-коммуникационной лингвокультурной сети» [Сорокин, 1994, с. 8]. При этом мы опираемся на представление о хранении знаний в памяти человека в виде ассоциативной организации связи, разработанное в когнитологии, и понятие «семантической сети», введённое М. Куильяном для описания лексического значения: «В своей простейшей форме семантическая сеть представляет собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами» [КСКТ, 1996, с. 169].

В «Русском ассоциативном словаре» содержатся статьи, представляющие центральную оппозицию гендерной теории: «Мужчина» и «Женщина». В прямом словаре на слово-стимул «мужчина» было получено 547 реакций (только 3 информанта отказались участвовать в эксперименте), число разных реакций 217, число единичных реакций 160. Стимул «женщина» вызвал 531 реакцию (6 респондентов не отреагировали на него), из

них 197 различных реакций и 140 единичных. В обратном словаре слово «мужчина» выступило в качестве реакции 1845 раз на 424 стимула, слово «женщина» – 782 раза на 322 стимула. Квантитативная характеристика включенности стимулов «мужчина» и «женщина» в ассоциативно-вербальную сеть русского языка свидетельствует о значимости одноименных концептов для русского языкового сознания и лингвокультурного пространства. Кроме того, можно заметить асимметричную активность ресурсов сети в области ассоциаций, связанных со стимулом / реакцией «мужчина».

Структура ассоциативных полей (далее – АП) членится на ядерную и периферийную зоны. Ядерной зоной АП «мужчина» являются ассоциаты: «женщина» (второй член оппозиции по признаку 'пол'), «сильный», «высокий», «красивый», «и женщина» (андрогинное воссоединение двух «половинок»). Ядро поля, на наш взгляд, можно интерпретировать как образ-эталон мужчины, основу для стереотипного восприятия: *мужчина должен быть с женщиной, он должен быть сильным, высоким и красивым.*

Обращает на себя внимание тот факт, что все ассоциаты являются оценочно маркированными. В связи с этим необходимо проанализировать их, применив данные аксиологической теории.

Ассоциативный материал статьи можно классифицировать по нескольким основаниям:

- 1) разделить ассоциаты на «положительные / нейтральные / отрицательные» в зависимости от знака оценки;
- 2) выделить группы дескриптивной лексики в соответствии с типологией оценки, разработанной Н.Д. Арутюновой (сенсорные, сублимированные, рациональные) [Арутюнова, 1999].

Другим вектором исследования может быть моделирование семантических сегментов, надстраивающихся на осях ядра АС.

Проведённый анализ позволяет зафиксировать преобладание положительных оценок (*сильный, стройный, симпатичный, деловой, мужественный, джентльмен*) над отрицательными (*козел, эгоист, плохой, сволочь*). Нейтральная лексика также тяготеет к диапазону оценочной шкалы, где расположены оценки от нуля и выше (словоформы *в шляпе, в галстуке, пиджак, тройка* квалифицируются в русской картине мира как соответствие стандарту, поэтому имеют положительные коннотации).

Среди лексических единиц с дескриптивной семантикой можно отметить лексику, содержащую сенсорные оценки, например, *симпатичный, обаятельный, любимый, сексуальный, настоящий, в соку, в теле*. Эти квалификации связаны с ощущениями, физическим и психическим чувственным опытом, в большей степени характеризуют субъект, чем объект.

Сублимированные оценки составляют ядро духовного начала в человеке, связаны с понятием архетипа (нормы, образца). Они включают эстетические и этические квалификации. Среди ассоциатов стимула «мужчина» преобладают сублимированные эстетические оценки: *высокий, красивый, атлет, элегантный, блондин*. Лексика, содержащая этические оценки, характеризует качества личности: *благородный, добрый, смелый, честный*; сферу семейных отношений: *сдержанный, семьянин, верный, гулящий*.

Большим разнообразием отличаются рационалистические (связанные с практической деятельностью и повседневным опытом) ассоциаты-оценки мужчины. Прежде всего это нормативные квалификации (*сильный, сила, полноценный, неудобный, стопроцентный*) и утилитарные оценки (*холостой, надёжный, дарит цветы, деньги*).

Как уже отмечалось, многие из ассоциатов на слово-стимул «мужчина» имеют коннотативную аксиологическую семантику, например, такие, как *животное, самец, козел, дуб, орёл, принц, Дон Жуан* и др. Как правило, возникновение коннотативного (экспрессивного) оценочного эффекта связано с процессом вторичной номинации, приёмами порождения которой являются сравнение, метафора и прецедентные феномены.

Ядерной зоной АП «женщина» являются ассоциаты: «мужчина» (второй член оппозиции по признаку 'пол'), «красивая», «мать», «в белом», «молодая». Ядро поля отражает эталонные доминанты стереотипного восприятия женщины: *женщина – представитель второй («прекрасной») половины человечества, она должна быть красивой, молодой, целомудренной* (сублимация эстетической оценки «в белом»), *её основное назначение – быть матерью*.

Среди слов-реакций на стимул «женщина» можно отметить превалирование позитивных квалификаций (*любимая, интересная, мудрая, великолепная, приятная, моей мечты*) над отрицательными (*исчадие, дура, зверь, тварь*). Словоформы *в белом, в красном, лента, длинные волосы* имеют положительные коннотации, поскольку отражают положение дел, которое можно квалифицировать как соответствие образцу в русской картине мира.

Квалификации, связанные с ощущениями, физическим и психическим чувственным опытом, в большей степени характеризующие субъект, чем объект, относятся к разряду сенсорных оценок. В исследуемом материале лексика, содержащая сенсорные оценки, не только встречается, но и доминирует, например, *симпатичная, приятная, свет, желанная, мрак, ослепительная*.

Эстетические и этические квалификации, как мы уже упоминали, принадлежат к классу сублимированных оценок, составляющих ядро духовного начала в человеке и связанных с понятием архетипа (нормы, образца). Среди ассоциатов стимула «женщина» имеют место и сублимированные эстетические оценки: *красивая, модель, полная, элегантная, длинноногая*, и сублимированные этические квалификации: *добрая, мудрая, святость, легкомысленная*.

Связанные с практической деятельностью и повседневным опытом рационалистические ассоциаты-оценки женщины в словарной статье встречаются редко. Это нормативные квалификации (*одинокая, слабая, беременность, болеет, все особи женского пола старше 25*), утилитарные (*замужем, врач, сумки, магазин*) и телеологические (*деловая, усталая*) оценки. Квалификации, относящиеся к сфере сексуального восприятия женщины, также можно причислить к рационалистическим: *в экстазе, первая* и др.

Среди ассоциатов на слово-стимул «женщина» преобладают лексемы, имеющие коннотативную квалификативную семантику. Экспрессивно-эмотивный потенциал этих слов связан с процессами вторичного семиозиса, с двуплановостью существования семантики этих единиц. В статье содержатся, например, такие номинанты, употребляемые во вторичной номинации, как *загадка, Венера, королева, крокодил, мечта, цветок, душа* и др.

В целом можно констатировать доминирование эмоциональных квалификаций в ассоциативных реакциях на слово-стимул «женщина», что свидетельствует о размытости рационалистических критериев при квалификации женщины, о превалировании сенсорного, чувственного восприятия женщины представителями русской лингвокультурной общности.

Аксиологическое своеобразие процессов семиозиса состоит в опосредованной связи оценки с промежуточными образованиями (смысловыми интерпретациями, ассоциативно-образными структурами), типичными для всей этнокультурной общности. Человеческое мышление «нередко бывает совсем не логичным, а движется по

ассоциациям, диктуемым жизненным опытом, важными признаками наблюдаемых вещей и событий и другими неожиданными с логической точки зрения классификаторами» [Попова, 1996, с. 69]. Вот почему для определения аксиологического своеобразия пространства русской лингвокультуры, определяемого параметром гендера, мы избрали корпус ассоциаций на слова-стимулы «мужчина» и «женщина».

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1999. 896 с.
- Ильенков Э.В.* Философия и культура: Сб. / Э.В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. 462 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.Э. Демьянков, Ю.Л. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
- Леонтьев А.А.* Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. М.: Изд-во МГУ, 1977. 350 с.
- Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Г. Попова. М., 2004. 288 с.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977. 302 с.
- Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты) / Ю.А. Сорокин. Самара: Рус. лицей, 1994. 94 с.
- Тарасов Е.Ф.* Исследование ассоциативных полей представителей разных культур / Е.Ф. Тарасов, М.Е. Тарасова // Ментальность россиян. М.: Имидж-Контакт, 1997. С. 253-271.

Гончарук Е.Ю.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток (Россия)

Goncharuk Ekaterina

Vladivostok State University Economics and Service
Vladivostok (Russia)

*ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СИТУАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА*

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF INTERACTION RUSSIAN AND CHINESE
LANGUAGE SPEAKERS IN THE SITUATION OF COMMUNICATIVE CONFLICT

В статье рассматриваются понятие коммуникативного конфликта, типов речевого поведения в ситуации конфликтного взаимодействия, а также основные модели и типы речевого поведения в ситуации конфликта носителей русского и китайского языков в социально-бытовой сфере общения. Материалом для исследования послужили конфликтные диалоги из современных российских и китайских художественных фильмов и произведений. Приводится анализ материала с целью определения основных коммуникативных типов личностей и сравнения специфики коммуникативного поведения носителей русского и китайского языков в ситуации конфликтного взаимодействия.

The author considers the notions – communicative conflict, types of verbal behavior in the situation of conflict interaction and the basic model of verbal behavior in conflict communication Russian and Chinese language speakers' everyday communication. The material for analysis is conflict dialogs from modern Russian and Chinese art films and belles-lettres. The main purpose of analysis is identification of the basic communicative personality type and the comparison of specificity verbal behavior Russian and Chinese language speakers' in the situation of conflict interaction.

Ключевые слова: коммуникативный конфликт, коммуникативное поведение, бытовое общение, этнокультурная специфика, носители русского языка, носители китайского языка.

Key words: communicative conflict, verbal behavior, ethno-cultural specificity, everyday communication, Russian and Chinese language speakers'.

Конфликт рассматривается современными исследователями как междисциплинарное и многоуровневое явление [Хараш, 1986; Рудов, 2005, Стернин, 2009]. Теория конфликта входит в область изучения философии, социологии, юриспруденции, политологии, логики и лингвистики [Колшанский, 2005; Стернин, 2009]. Конфликт как феномен речевого взаимодействия изучается в рамках различных направлений лингвистики: лингвокогнитивного, социолингвистического, психолингвистического и лингвокультурологического. В лингвистике конфликт рассматривается как столкновение двух позиций – говорящего и слушающего [Мартынова, 2000; Смирнова, 2003; Стернин, 2009]. Возросший интерес к проблеме

эффективности коммуникации, в том числе в ситуации полиэтнического общения и межкультурной коммуникации, делает актуальным исследование этнокультурных особенностей поведения в ситуации конфликта представителей разных лингвокультур. Исследователи отмечают зависимость вербального и невербального поведения собеседников от принадлежности к той или иной культуре, и, следовательно, различное речевое поведение в ситуации конфликтного взаимодействия [Стернин, 2003; Мацумото, 2008; Пугачева, 2013].

Рассмотрим понятие «коммуникативного конфликта». Горелов И.Н. и Седов К.Ф. определяют коммуникативный конфликт как «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» [Горелов, Седов, 2010, с. 156]. Из данного определения следует, что конфликт связан с агрессией. Агрессия, по мнению Стернина И.А., часто «вызвана конкретной ситуацией общения, эмоциональным состоянием человека, обидой, желанием немедленно добиться результата от собеседника» [Стернин, 2009, с. 58]. Причины возникновения конфликта исследователи связывают с психологическими факторами, ситуацией взаимодействия, а также коммуникативными целями говорящего и слушающего. Таким образом, конфликт – столкновение, вызванное эмоциональным состоянием человека, следствием которого является агрессия, выраженная языковыми средствами.

В ситуации коммуникативного конфликта его участники проявляют индивидуально-личностные особенности коммуникативного поведения. Отличия в коммуникативном поведении определяются разными факторами, в том числе особенностями коммуникативно – личностных характеристик говорящих, обусловленных их темпераментом, воспитанием, социальным статусом и т.п. По мнению исследователей, разные языковые личности имеют разную степень конфликтности. Выделяют три основных коммуникативных типа личностей в ситуации коммуникативного конфликта: конфликтный, центрированный, кооперативный [Горелов, Седов, 2010, с. 160].

Целью работы явилось определение этнокультурной специфики поведения носителей русского и китайского языков в ситуации коммуникативного конфликта.

Для определения этнокультурной специфики поведения носителей русского языка в ситуации коммуникативного конфликта, нами было проанализировано 200 диалогов из современных художественных произведений. В результате анализа диалогов мы установили, что в 50% реплик говорящие проявляют тактики конфликтно-манипуляторского подтипа; в 40% реплик встречаются тактики конфликтно-агрессивного

подтипа. Следующим по частотности стали тактики, относящиеся к кооперативно-конформному подтипу. Данный подтип встречается в 5% случаях. Наименее частотные тактики относятся к кооперативно-актуализаторскому (2%) подтипу. Тактики, присущие центрированному типу, в анализируемом материале представлены не были.

Проиллюстрируем перечисленные коммуникативные подтипы примерами.

(А) и (Б) подруги

(А) Это когда тебе Porsche купили?

(Б) Купили// он мне свой отдал/ бэу / а не купили// (повышает тон голоса) (к/ф «Про любовь», 2010)

В данном диалоге говорящий (Б) использует тактики, характеризующие конфликтный тип личности. В его речи присутствуют конфликтогены, к которым мы можем отнести слова, демонстрирующие усмешку (*Он мне свой отдал/ бэу/ а не купили*). Своим ответом (Б) демонстрирует превосходство над собеседником, лучшую осведомлённость в данном вопросе. Таким образом, говорящий (Б) проявляет черты конфликтно-манипуляторского подтипа. Говорящий (А) использует тактику, характеризующую кооперативный тип личности, поскольку конфликт дальше не продолжается. Говорящий (А) готов принять точку зрения собеседника, не вступая в конфронтацию с ним. Говорящий (А) относится к кооперативно-конформному подтипу.

Рассмотрим следующий пример, в котором встречаются тактики конфликтного типа коммуникативного поведения.

Гаишник, который нас остановил, так не считал.

(А) Выпивали? – добродушно спросил он.

(Б) Я? Да вы что? – КБУ протянул ему документы.

(А) Задерживаю права. До экспертизы.

(Б) Какой экспертизы? – недовольно переспросил Костя и вдруг внимательно посмотрел на гаишника. – Эй, да вы сами выпивали!

В данной реплике говорящий (Б) избирает тактику конфликтно-манипуляторского подтипа. Он пытается убедить собеседника в том, чего тот не делал, навязать свою точку зрения. Провоцирует собеседника вступить в конфликт, нападая на него (*Эй, да вы сами выпивали!*).

(А) Штраф будешь платить? – гаишник чуть отошёл от машины.

Говорящий (А) игнорирует обвинения в свой адрес, меняет тему разговора, при этом не вступает в конфликт, увеличивает дистанцию с собеседником (*чуть отошёл*

от машины), демонстрируя тем самым желание уклониться от нападков говорящего (Б). Данная тактика характеризует активно-центрированный подтип.

(Б) Я? Штраф? – закричал КБУ. – Да это вы под суд пойдёте! Вымогатели! Напьются и пристают к честным гражданам! И угрожают ещё! Где ваш жетон?

Данной репликой говорящий (Б) демонстрирует свою отнесенность к конфликтно-агрессивному типу. Он открыто выражает своё недовольство, повышая тон голоса. Оскорбляет собеседника (*вымогатели*), продолжая провоцировать его продолжить конфликт.

Гаишник протянул КБУ права. (А) Езжай, езжай, сумасшедший!

Данной репликой говорящий (А) продемонстрировал своё нежелание участвовать в конфликте. Говорящий (А) готов идти на уступки. Он проявляет черты кооперативно-конформного подтипа.

(Б) Нет, вы стойте! – не мог успокоиться Костя.

Говорящий (Б) демонстрирует готовность продолжать конфликт (*не мог успокоиться Костя*). Он не соглашается с желанием говорящего (А) завершить коммуникацию (*Нет, вы стойте*), повышает тон голоса, пытается манипулировать собеседником, используя форму императива (*вы стойте*). Говорящий (Б) в данной реплике избирает тактику, относящуюся к личности конфликтно-манипуляторского подтипа.

(В) Да отстань ты от него! – попросила Рита. Гаишник сел в машину и медленно выехал на дорогу.

Третий участник диалога говорящий (В) пытается успокоить говорящего (Б), демонстрирует свою отнесенность к конфликтно-манипуляторскому подтипу, так как использует глагол в форме императива (*отстань*), пытаясь изменить поведение собеседника. Кроме того, повышает тон голоса, что является одним из конфликтогенов.

(Б) Не отстану! – кричал КБУ, нажимая на газ. – Пьяная гаишная морда! Я ему покажу, кто здесь выпивал! («Про любовь/он» О. Робски, 2007).

В данной реплике говорящий (Б) выражает агрессию с помощью повышения тона голоса (*кричал*), а также использует оскорбления в адрес говорящего (А) (*Пьяная гаишная морда*). Говорящий (Б) относится к конфликтно-агрессивному подтипу личности.

Таким образом, говорящий в диалоге может менять тактики разных подтипов, но в рамках одного коммуникативного типа. В первых репликах диалога действия говорящего (Б) относятся к конфликтно-манипуляторскому подтипу (повышение тона голоса, глагол в

форме императива, навязывание своей точки зрения), с развитием диалога, в его речи появляются показатели конфликтно-агрессивного подтипа (оскорбление, агрессия, повышение тона голоса). Говорящий (Б) относится к конфликтному типу личности.

В следующем примере оба говорящих относятся к конфликтному типу личности, демонстрируют отнесенность к конфликтно-манипуляторскому подтипу, не изменяя тактик в течение разговора.

(А) и (Б) подруги. (Б) сомневается в выборе дочери, считает, что дочь торопится.

(А) (подходит к Наде (дочери (Б)), кладёт руку ей на плечо) Галчонок/ перестань каркать/ ну не у всех же женихи сбегают в день свадьбы/ как у тебя// (смотрит на (Б) с укором).

Говорящий (А) выражает несогласие с точкой зрения говорящего (Б) с помощью тактики укора. Данная тактика демонстрирует отнесенность говорящего (А) к конфликтно-манипуляторскому подтипу коммуникативной личности.

(Б) отрицательно машет головой, смотрит с укором на (А).

Говорящий (Б) выражает несогласие с собеседником с помощью невербальных средств – отрицательно машет головой, смотрит с укором. Указанные тактики можно отнести к конфликтно-манипуляторскому подтипу.

(А) Я уверена/ что такие женихи на дороге не валяются// (смотрит на Надю в зеркале).

Говорящий (Б) старается убедить собеседника в своей правоте, навязать свою точку зрения, демонстрируя превосходство своего жизненного опыта (*я уверена*). Данная тактика относится к конфликтно-манипуляторскому подтипу.

(Б) Хм/ (качает головой, поднимает руку кверху) валяются/ валяются// (поворачивается и быстро уходит к дивану) чем Данечка не угодил// (говорит в сторону, поднимает руку к лицу, потом опускает) (к/ф «Выкрутасы», 2011).

В данной реплике говорящий (Б) демонстрирует несогласие с говорящим (А), оставаясь при своём мнении. Не меняет тактики, проявляет черты конфликтно-манипуляторского подтипа.

Итак, говорящий в течение диалога может использовать одну тактику поведения в конфликте, либо изменять тактики поведения, при этом демонстрируя отнесенность к одному коммуникативному типу.

Далее рассмотрим на примере действия говорящего, демонстрирующие его отнесенность к кооперативно-конформному подтипу коммуникативной личности.

(А) Влад; (Б) Даша. Влад звонит Даше по телефону, проявляет нетерпение, поскольку девушка опаздывает

(А) Даш, ты не торопись// (с иронией)

(Б) Я уже бегу//

(Б) Ничего/ ничего/ я тут в машине ещё могу пол часика посидеть// (к/ф «Про любовь», 2010).

В данном диалоге, говорящий (А) относится к кооперативно-конформному подтипу. Он использует иронию, демонстрируя спокойствие и согласие ждать столько, сколько нужно. Но на самом деле, он совсем не хочет этого делать. Собеседник понимает его истинное намерение. Ирония, в данном случае, является способом избежать открытого конфликта, смягчает отрицательные эмоции, испытываемые говорящим (А) из-за того, что девушка (говорящий (Б)) опаздывает на встречу с ним.

Итак, кооперативно-конформный подтип говорящего характеризуется употреблением в речи иронии, подтекста, что снижает уровень конфликтности, так как агрессия и недовольство проявляется скрыто.

Наименее частотным среди исследуемого материала стал кооперативно-актуализаторский подтип, который характеризуется желанием понять собеседника, поставить себя на его место, успокоить. Проиллюстрируем данное положение примером.

(А) По-другому? – закричала Лада. – По-другому? А разве бывает по-другому? Когда я прощаю уже сколько лет, а?

Говорящий (А) относится к конфликтно-агрессивному подтипу. Агрессия выражается в виде повышения тона голоса. Вопросы демонстрируют несогласие с собеседником, претензию в адрес собеседника.

Ларчик обняла Ладу и стала что-то шептать ей в ухо. Лада послушно кивала.

(Б) Ну, – улыбнулась Ларчик, как улыбаются маленькому ребёнку, – ты же любишь его. И он тебя. И когда-нибудь все будет хорошо, правда? Все равно вы вместе. («Про любовь/он», О. Робски, 2007).

Говорящий (Б) относится к кооперативно-актуализаторскому подтипу, поскольку, не обращая внимания на агрессию собеседника, старается настроить его на позитивный лад, подарить надежду. Своими действиями (*обняла, послушно кивала, улыбнулась*), говорящий (Б) демонстрирует участие, желание понять и успокоить собеседника.

Таким образом, анализ диалогов, содержащих коммуникативный конфликт, показал, что наиболее частотным типом поведения в конфликте для носителей русского

языка является конфликтный тип. Конфликтный тип поведения встречается в 90% диалогов, из которых 50% реплик относятся к конфликтно-манипуляторскому подтипу, 40% к конфликтно-агрессивному подтипу.

Следующим по частотности типом поведения носителей русского языка в конфликте стал кооперативный тип, который встречается в 7% случаев, из которых 5 % реплик относятся к кооперативно-конформному подтипу, 2% к кооперативно-актуализаторскому.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что носители русского языка имеют высокий уровень конфликтности, не склонны идти на уступки и компромиссы. Анализ продемонстрировал склонность носителей русского языка к провокациям и манипуляциям в отношении собеседника. Носители русского языка легко вступают в конфликт, по большей части открыто выражают агрессию, отстаивая и навязывая свою точку зрения, не скрывая свои истинные намерения.

Далее рассмотрим коммуникативные типы личности носителей китайского языка в ситуации коммуникативного конфликта.

Для определения этнокультурной специфики поведения носителей китайского языка в ситуации коммуникативного конфликта, мы проанализировали 200 конфликтных диалогов. Материалом послужили диалоги из современных китайских фильмов: «Судьба персикового цветка» и «Любовь». В результате анализа диалогов, мы установили, что 60% реплик говорящих относятся к конфликтно-агрессивному типу; 20% реплик – конфликтно-манипуляторский тип; 15% – кооперативно-конформный тип; 5% реплик относятся к кооперативно-актуализаторскому подтипу. Проиллюстрируем полученные результаты примерами.

Рассмотрим диалог из фильма «Судьба персикового цветка» (桃花运).

(А) мать; (Б) Мэй Тин, её дочь. Разговаривают в доме.

(А) Весь день ты дома// почему ты не общаешься с друзьями? (Говорит с повышенной интонацией; выражение лица строгое).

В приведённом диалоге говорящий (А) относится к конфликтно-манипуляторскому типу, так как матери не нравится, что её дочь весь день находится дома. Она упрекает дочь в этом. Мать не говорит прямо, что дочь должна идти на улицу, но тональность её голоса и строгое выражение лица указывает на желательность этого действия со стороны дочери.

(Б) В детстве вы бросили меня дома у бабушки в городе Наньцзин/ потом сказали мне находиться далеко от друзей и подруг // а сейчас разрешаете мне завести друзей? (тон голоса повысился; закрыла дверь).

Говорящий (Б) демонстрирует тактики конфликтно-агрессивного подтипа, поскольку своими действиями (закрыла дверь, не хочет продолжать разговор) проявляет грубое, агрессивное отношение к своему собеседнику. Данными действиями она провоцирует собеседника к столкновению, поскольку подобное поведение дочери по отношению к матери неприемлемо. Дочь упрекает мать, вспоминает негативный опыт в прошлом, демонстрируя своё неуважение.

Итак, в данном диалоге оба собеседника проявляют тактики конфликтного типа. Говорящий (А) – манипулятор, говорящий (Б) демонстрирует агрессию.

Рассмотрим следующий диалог из фильма «Судьба персикового цветка» (桃花运).

(А) Гэн Лэ; (Б) Мэй Тин – его девушка

(А) Я просто серьёзно подумал/ как ты себя чувствуешь// я думаю/ что ты права//я плохой/ ты хорошая девушка// это правда //ты заставляешь меня чувствовать себя виноватым/ я подчёркиваю/ мы расстаёмся на время/ я думаю о наших отношениях//.

Говорящий (А) проявляет черты к кооперативно-актуализаторского подтипа, поскольку он пытается поставить себя на место собеседника и понять его чувства (*Я просто серьёзно подумал/ как ты себя чувствуешь*). Гэн Лэ сообщает о своём решении расстаться с девушкой. Он делает это осторожно и мягко, винит во всем себя (*я плохой/ ты хорошая девушка*), указывает на то, что делает это только ради Мэй Тин и их отношений (*я подчёркиваю/ мы расстаёмся на время/ я думаю о наших отношениях*). Говорящий (А) заботится о чувствах своего собеседника, демонстрируя участие и желание избежать агрессии со стороны партнёра по коммуникации.

(Б) (молчит и смотрит на него).

Говорящий (Б) относится к кооперативно-конформному типу, он принимает точку зрения собеседника, но при этом внутренне не согласен с ней. Молчание является следствием того, что Мэй Тин не может найти нужных слов, чтобы возразить, поскольку сообщение о расставании является для неё неожиданностью.

(А) Мы расстанемся// (обнял и ушёл).

В данной реплике говорящий (А) проявляет черты конфликтно-манипуляторскому подтипа. Он сообщает о принятом решении решение безапелляционно и твёрдо (*мы*

расстанемся). Озвучив своё решение, он не поинтересовался у собеседника о причинах его молчания, о его чувствах. Однако, при этом говорящий (А) демонстрирует черты кооперативно-конформного подтипа, проявляя заботу по отношению к девушке (обнимает её), с целью смягчить твёрдость своих слов.

(Б) (она молчит и смотрит ему вслед).

Говорящий (Б) сохраняет тактику кооперативно-конформного подтипа, поскольку продолжает молчать. Молчание можно расценить как принятие с точки зрения собеседника.

Приведённый анализ доказывает, что участник конфликта может проявлять черты сразу нескольких типов. Говорящий (А) во второй реплике проявляет черты конфликтно-манипуляторского и кооперативно-конформного подтипа речевого поведения в конфликте. Кроме того, в зависимости от ситуации общения, говорящий может избирать разные типы речевого поведения. В первом примере, в диалоге с матерью, говорящий (Б) (Мэй Тин) относится к конфликтно-агрессивному типу, упрекая и проявляя агрессию по отношению к собеседнику (своей матери). Во втором примере, при разговоре со своим любимым человеком, Мэй Тин относится к кооперативно-конформному типу речевого поведения, принимая точку зрения собеседника, внутренне с ней не соглашаясь.

Следующим проанализируем диалог из фильма «Любовь» (愛).

(А) Лу Пин (Б) Фан Жоуи (девушка Лу Пин) (В) Nora (дочь директора компании, в которой работает Лу Пин)

(А) Познакомься/ это Nora дочь директора компании «Да Юй»/ это Фан Жоуи//

(Б) Здравствуй//

(В) Здравствуй//

(Б) Вау// прекрасный бриллиант//

(В) Спасибо//

(А) (обращается к Фан Жоуи) Хорошо/пошли//.

Говорящий (А) относится к конфликтно-манипуляторскому типу, поскольку хочет, чтобы собеседник ушёл вместе с ним.

(Б) Да//какой запах//ты чувствуешь?

Говорящий (Б) относится к кооперативно-конформному типу, соглашается с собеседником, но при этом не хочет уходить, пытаясь отвлечь собеседника, обращая его внимание на запах.

(А) Ничего//пошли//.

Говорящий (А) продолжает настаивать на своём, не обращая внимания на собеседника (конфликтно-манипуляторский тип).

(Б) Запах пирога//

(А) (обращается к Nora) Извини/она пьяная// (к Фан Жоуи) Пошли//.

Говорящий (А), обращаясь к говорящему (Б) проявляет черты конфликтно-манипуляторского подтипа, поскольку продолжает настаивать на том, что им надо уходить, несмотря на нежелание говорящего (А).

(Б) Извини меня/ ты должен извинить меня//.

Говорящий (Б) просит извинения, пытаясь успокоить собеседника (кооперативно-конформный тип), затем настаивает на том, чтобы собеседник простил его (конфликтно-манипуляторский тип).

(А) Ужасно// Фан Жоуи//.

Говорящий (А) делает собеседнику замечание, указывает на то, что его поведение неуместно (конфликтно-манипуляторский тип).

(Б) Ужасно// (ушли вместе).

Говорящий (Б) относится к кооперативно-конформному типу, соглашается с собеседником, делает то, о чем он просил (уходит вместе с ним).

Анализ диалогов, содержащих коммуникативный конфликт, продемонстрировал, что наиболее распространённым типом коммуникативного речевого поведения в ситуации конфликта носителей китайского языка является конфликтно-агрессивный подтип (60% реплик). Менее частотным стал конфликтно-манипуляторский тип (20% реплик). Данные результаты, говорят о высокой конфликтности носителей китайского языка. Кооперативно-конформный подтип речевого поведения в ситуации конфликта представлен в 25% реплик, что демонстрирует большее стремление продолжить конфликт, нежели попытаться его избежать или прекратить. Наименее частотным (5% реплик) является кооперативно-актуализаторский подтип поведения в конфликте, то есть меньше всего собеседники стремятся понять чувства друг друга, выразить сочувствие. Кроме того, проведённый анализ продемонстрировал отсутствие центрированного типа речевого поведения и его подтипов, что свидетельствует об активной позиции всех участников общения в ситуации конфликта, направленности на собеседника, внимании к словам и мыслям собеседника, желании продолжить конфликт.

Таким образом, поведение носителей русского и китайского языков в целом является конфликтным. Носители русского языка являются большими манипуляторами

(50%), чем китайцы (20%). При этом анализ продемонстрировал, что носители китайского языка более агрессивны (60%), чем русские (40%). Следующим по частотности у китайцев и русских стали тактики кооперативного типа поведения, у русских они составили 7%, у китайцев 15%. Центрированный тип поведения русских и китайцев в коммуникативном конфликте не представлен. Это свидетельствует о том, что русские и китайцы в конфликте не склонны игнорировать своего собеседника, молчать и скрывать свои истинные чувства. Анализ материала показал, что русские и китайцы активны и легко вступают в конфликты, не склонны к компромиссам, предпочитают открыто отстаивать свою позицию.

Список литературы

- Горелов И.Н.* Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2010. 320 с.
- Мартынова Е.А.* Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мартынова Е.А. Орёл, 2000. 192 с.
- Мацумото Д.* Психология и культура [Электронный ресурс] / Д. Мацумото. 2008. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/13_m/maz/umoto_7.htm#14
- Пугачева Е.Н.* К вопросу об исследованиях коммуникативного конфликта (на примере конфликтного взаимодействия носителей китайского языка) Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-158.
- Рудов А.П.* Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рудов А.П. Новосибирск, 2005. 216 с.
- Смирнова М.Н.* Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Смирнова М.Н. М., 2003. 165 с.
- Стернин И.А.* Деловое общение. Воронеж: Родная речь, 2009. 184 с.
- Стернин И.А.* Русское и финское коммуникативное поведение / И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. Вып. 3. 181 с.
- Хараш А.У.* Психология коммуникативного воздействия / А.У. Хараш. М.: МГУ, 1986. 257 с.

Иванова О.Ю.
НОУ ВПО «Российский новый университет»
г. Москва (Россия)

Ivanova Olga
Russian New University, School of Humanities
Moscow (Russia)

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКАЯ КАРТИНА МИРА

ANCIENT GREEK LITERATURE AND RUSSIAN PERCEPTION OF THE WORLD

Статья представляет собой экспериментальный опыт исследования вопроса о том, находит ли русская национальная ментальность специфическое отражение в оценке общекультурных и конкретно-исторических феноменов. Вопрос рассматривается на примере характеристики роли и места древнегреческой литературы в европейском культурном контексте. Основой для предпринятого автором анализа послужили избранные статьи С.С. Аверинцева и И.Ф. Анненского, посвящённые истории становления и особенностям древнегреческой литературы. Особая роль греческой культуры и греческого слова в становлении русской картины мира предполагает наличие специфического национального подхода к оценке определённых аспектов греческой античности. Работа не претендует на исчерпывающую полноту подбора фактов и анализа результатов. Она носит предварительный характер, намечая новое направление в исследовании русской ментальности.

The article reveals experimental research of the following subject: whether Russian mentality is specifically reflected in evaluation of cultural and certain historical phenomena through the influence of ancient Greek literature on European culture. The analysis is based on selected articles by S.S. Averintsev and I.F. Annensky devoted to the history and peculiarity of ancient Greek literature. The major role of Greek culture and Greek literature on Russian perception of the world suggests certain national approach in evaluation of some Greek antique culture. The research does not represent overall analyses of facts, it gives just the direction for further research of Russian mentality.

Ключевые слова: языковая картина мира, русская ментальность, древнегреческая литература.

Key words: Language perception of the world, Russian mentality, Ancient Greek literature.

Вряд ли просвещённый филолог усомниться в том, что русская языковая картина мира и шире – сама русская ментальность – формировались при активном участии греческого слова и древнегреческой литературы. Достаточно вспомнить о тех лексических заимствованиях из греческого, которые приводит в своём знаменитом и до сих пор популярном словаре Максимилиан Фасмер [Фасмер, 2004], чтобы понять, что даже истоки главных концептов творчества символической для русской духовности фигуры – Ф.М. Достоевского лежат в пространстве греческого слова.⁹⁷

---

⁹⁷ Ср. «совесть» – калька с древнегреческого, пришедшая в русский язык в процессе перевода библейских текстов.

Священные книги на греческом языке, а позднее – древнегреческая литература явились тем «культуроформирующим» инструментом, благодаря которому русский человек вошёл в пространство европейской культуры и осознал свою собственную национальную идентичность, своё национальное и культурное «Я».

Для российского исследователя гуманитарной сферы, как и для вдумчивого, интеллигентного российского читателя⁹⁸, древнегреческая литература (в сравнении с Европой – в значительно большей степени чем римская) всегда остаётся не просто «колыбелью культуры», не абстрактным источником специальной научной терминологии, не энциклопедией художественных образов и литературных аллюзий, а неким перманентно пребывающим пространством, обращение к которому, рефлексия о котором является обязательным и естественным компонентом саморефлексии.

Этой статьёй автор предполагает начать исследование, посвящённое систематизации и анализу общей оценки характера и роли древнегреческой литературы в работах отечественных учёных и педагогов. Итог работы, на наш взгляд, должен дать представление о национальной специфике этой оценки, разумеется, в сравнении с оценками, которые присутствуют в хрестоматийных трудах зарубежных исследователей. Национальная специфика пока задана как гипотеза, которая опирается на то, что при всей объективности научного знания «каждое научное сочинение рассматривается не только как изложение определённых взглядов <на явления природы>, но и как текст на естественном языке, где образ и стиль имеют фундаментально-определяющее значение для воссоздаваемой картины мира и построений теории. Этим наука включается во все поле национальной культуры данного народа...» [Гачев, 1992, с. 4]. И хотя эти слова Георгия Гачева, филолога «по первоначальному образованию и деятельности» [там же], относятся к исследователям естественных наук, они тем более могут быть отнесены и к сфере гуманитарной. В качестве существенного дополнения к сказанному им следует указать и на компоненты содержания (принципиальные позиции), которые в национальном научном тексте обнаруживают черты национальной специфики отношения или интерпретации того или иного явления. Таким образом, не менее важную роль в обосновании нашей гипотезы играет и тот факт, что формирование научных подходов также во многом определяется спецификой национальной ментальности. Понятие «научная школа» всегда имело и имеет национальные / региональные рамки, даже в условиях глобализации.

---

⁹⁸ Автор статьи, безусловно, даёт себе отчёт в том, что далеко не каждый читающий субъект (*homo legens*) в России имеет представление об античной литературе.

Воспользуемся в качестве методологического основания известным афоризмом А.Ф. Лосева – «Познание совершается путём сравнения» [Лосев, 1983] – и сравним представление древнегреческой литературы, данное в отдельных работах С.С. Аверинцева и И.Ф. Анненского, сопоставив это представление с оценками, имеющими место в книге известной литовской исследовательницы Д. Дилите [Дилите, 2003]. Выбор этого пособия в качестве объекта сравнения не является случайным, поскольку Д. Дилите не просто представляет точку зрения европейского исследователя, но аккумулирует в своём небольшом пособии практически все современные европейские исследования феномена древнегреческой литературы, разнообразный современный западный научный аппарат.

Наша задача – выяснить, какие особенности древнегреческой литературы отмечает в своём исследовании каждый автор, что представляется ему наиболее важным и существенным. Мы не претендуем на исчерпывающие данные, а опираемся пока лишь на «вводные», обобщающие замечания. Представляемые работы отечественных учёных, с нашей точки зрения, в наиболее чёткой форме демонстрируют позиции их авторов: С.С. Аверинцев «Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» [Аверинцев, 2004, с. 40-105]; И.Ф. Анненский «Греческая литература» [Анненский, 2003, с. 269-282]. В представляемых работах С.С. Аверинцев и И.Ф. Анненский в наименьшей степени качаются рецепции античности, греческая литература анализируется в них в своём самостоятельном значении.

Выбор в качестве объектов сравнения Аверинцева и Анненского не случаен. Оба – филологи-классики, оба занимались поэтическими переводами античных авторов, оба внесли свой вклад в развитие отечественной филологии и культурологии. Вместе с тем, Анненский, прежде всего, – поэт и педагог, а Аверинцев, не чуждый поэтического творчества, прежде всего, – учёный, философ. И.Ф. Анненский представляет культуру русского Серебряного века, а С.С. Аверинцев – один из крупнейших современных специалистов по философии и поэзии Серебряного века.

Цель, которую ставит перед собой в своей статье С.С. Аверинцев, – показать, в чем состояла специфика древнегреческой литературы по сравнению с литературой ближневосточной и как, когда и почему произошла встреча этих литератур. Его оценки тезисно выглядят следующим образом [Аверинцев, 2004, 40-88].

- История развития древнегреческой и ближневосточных литератур – это «не стадии одного пути..., а два разных пути, которые разошлись из одной точки в разных направлениях».

- В отличие от ближневосточных «литератур» в Греции «литература осознала себя именно литературой, т.е. самозаконной формой человеческой деятельности». Свидетельством «автономизации» древнегреческой литературы является «возникновение специальной теории литературы, поэтики, литературной критики и филологии». Сама возможность этой рефлексии уже была заложена «в художественной практике самых ранних поэтов». «Потенциальная соотнесённость с возможностью теоретической поэтики есть характеристика всей греческой литературы».

- Именно в Греции литература впервые осознаётся как специфическая деятельность и сквозь черты певца-сказителя проступает «литератор», «живущий только для своего искусства», «непризнанный гений», «непонятый новатор», «пролагатель новых путей», «носитель новых духовных ценностей», «гений среди толпы», испытывающий временами «творческое одиночество». Для литератора-грека возможен «интеллектуальный фокус внутреннего самодистанцирования», он обладает не только способностью творить, но и «проектировать собственное творчество».

- Диалог «как литературный жанр» выявил «коренную недиалогичность греческой литературы». Сократ – это «идеал радикально недиалогичного человека», который остаётся непроницаемым и неуязвимым, а поэтому сам «в состоянии манипулировать своими партнёрами как вещами» «Греческая философия создаёт идеал самодавления».

- В греческой литературе присутствует личность, понятая объективно, «чужое я, наблюдаемое и описываемое как вещь», т.е. характер; «...античные драматические жанры детерминированы в своём подходе к характеристике человека употреблением маски и ... сами слова, передающие в «классических» языках понятие личности (греч. «просопон», лат. persona), означают театральную маску и театральную роль. Маска – это больше лицо, чем само лицо: такова глубинная предпосылка, которая не может быть осмыслена от всей античной философской и литературной концепции «характера». Необходимо уяснить себе: личность, данная как личина, лицо, понятое как маска, – это отнюдь не торжество внешнего в противовес внутреннему или, тем паче, видимости в противовес истине (с греческой точки зрения, скорее, наоборот, ибо лицо – всего-навсего «становящееся» и постольку чуждо истине, зато маска – «сущее», как демокритовский атом и платоновский эйдос, и постольку причастна истине). ... греки увидели телесно-душевный облик человека, его «эйдос» и «этос», его «характер» как систему черт и свойств, как целостную и закономерную предметную структуру, подлежащую

наблюдению в последовательном ряде ситуаций». «Каждый облик чётко очерчен в одном слове или нескольких словах».

- «Подходя к интеллектуально наблюдаемым и художественно воссоздаваемым личностям как к атомоподобным «индивидуумам» и постольку пластично-замкнутым «характерам», античный литератор необходимо должен был усмотреть такой же «индивидуум» и «характер» в своей собственной художественной личности; строя речевую характеристику персонажа, он должен был и свою авторскую речь сознательно оценить, как характерную. Понятию индивидуального характера строго соответствует понятие индивидуального стиля; по-гречески оба эти понятия покрываются термином характер».

- «Если человек есть «индивидуум», создавший дистанцию между собой и миром и через это получивший способность видеть вещи, людей и самого себя «со стороны», если благороднейшее занятие человека – отрешённое, внеситуативное и бескорыстное созерцание, рассматривание, наблюдение всего, что предлежит его физическому и духовному взору, в таком случае, очевидно, существеннейшей частью словесного искусства необходимо признать пластически-объективирующее *описание*, «экфрасис». «Для греческой литературы способность состязаться с пластическими искусствами («скульптурничать», как выразился бы О. Мандельштам) есть одна из драгоценнейших её привилегий».

- «Гегемония описания» связана в греческой литературе с представлением об универсуме. Греческий мир – это «космос», по изначальному смыслу слова такой «наряд», который есть «ряд» и «порядок»; иначе говоря, законосообразная и симметричная пространственная структура... «Греческий космос покоится в пространстве, выявляя присущую ему меру».

- «До тех пор, пока античная Греция оставалась сама собой, она была фатально невосприимчива к красоте чужого слова. С греком нужно говорить по-гречески – иначе он просто не услышит».

Работа И.Ф. Анненского представляет собой конспект лекций по древнегреческой литературе. Его цель – показать, почему греки оказались первыми и в чем состоит специфика их литературы [Анненский, 2003, с. 269-281]:

- «Греки создали не только формы творчества. Ранее не было и самой литературы в тех основных чертах, которыми слово это определяется ещё и для современного сознания».

- «Причин исключительного творческого характера греческой литературы нельзя, конечно, искать в одной исключительной одарённости её авторов, допустимой, но ничего в сущности, не объясняющей. Надо считаться и со свойствами народа и языка, её создавших, а также с общими историко-этническими условиями возникновения греческой культуры».

- «Гениальность греков вошла в поговорку...Но чтобы понять свойство, особенность греческого гения, нам все же недостаёт живых личных чёрточек. Сквозь литературные произведения просвечивает что-то стёртое, общетипическое...».

- «Греки отличались большой восприимчивостью, общительностью и любознательностью... Наконец следует отметить в греках чувство прочности типа. Они брали отовсюду то, что им было надо...и что бы ни брали они, полезное для усвоения, если оно подходило к их типу, то они всегда делали это чужое прекрасным. Варварским было для них не чужое, а лишнее, противоречащее той мере, которую они так любили в искусстве и в жизни» ... «... в греческом словаре мало чужих элементов».

- Черты греков: общительность, любознательность, гибкость ума, приспособляемость, разносторонность.

- «Разносторонность греков своеобразно проявилась в их среде строгой специализацией литературных занятий. Трагик никогда не писал комедий, ямбограф – дифирамбов, историк не изготовлял речей. С другой стороны, характер творчества определял стиль, а с ним и диалект».

- «В характере эллина была несомненная склонность к эвдемонизму, основанному на умеренности. На страсть он смотрел как на болезнь, которую лечил трагик» [Анненский, 2003, с. 278].

- «Грек, и афинянин особенно, слишком много жил напоказ. В жизни он любил смену эффектов и требовал новизны прежде всего... Но эта-то именно черта, столь невыгодная, может быть, для политического роста народа, была в высшей степени полезна для развития литературных интересов, как импульс к творчеству и усовершенствованию». «Афиняне – врождённые эстетика и обращают главным образом своё внимание на внешнюю сторону дела, в чем их и упрекал Клеон. Этот эстетизм имел свои положительные (развитие литературы) и отрицательные (равнодушие к устройству жизни) стороны. Благодаря эстетизму афиняне, в частности, не могли выработать прочные политические формы».

- «Нужно ещё указать на очень яркую черту, а именно пластичность греческого изображения, которая выразилась в произведениях их литературы, дошедших до нас...когда мы видим и слушаем Ореста, Ифигению, они не могут не задеть нашего чувства и становятся нам близкими по духу. Это происходит благодаря скульптурности греческих изображений. Образы греческих произведений как живые стоят перед нами, и их рельефность ярко выступает со страниц греческих книг... Эта способность пластики в области воображения имела огромное значение в создании мифологии и литературы».

Книга Д. Дилите – опыт интерпретации древнегреческой литературы, построенный как на основе собственных впечатлений, так и с учётом классических, хрестоматийных и новейших подходов к оценке античности:

- Греческая культура – это основа европейской культуры, её корни, её источник ... В Древней Греции мы находим начала литературы, театра, философии, архитектуры...

- «Труднее ответить на вопрос, почему это были именно греки. ... Были есть разные ответы. Их можно разделить на две группы: 1) географические и социальные условия; 2) греческие национальные черты. ...Многие исследователи считали причиной «Греческого чуда» политический строй.

- «Распространено мнение, что древние греки были оптимистически настроенным народом. Улыбающиеся статуи, исполненные чувства человеческой ценности и веры в свои силы, да и все греческое искусство, которое И.И. Винкельман пропагандировал как синтез красоты и величия, вызывали мысли о греках как о народе неаскетичном, непротиворечивом, близком к природе... Позднее появилось противоположное мнение. Конечно, никто не считает Древнюю Грецию блаженным раем, но теперь более популярна мысль, что греки на самом деле отличались неиссякаемой энергией и кипящей радостью жизни».

- «Любовь греков к состязаниям...Неоспоримое пристрастие греков к агону я бы считала качеством не самостоятельным, но подчинённым другой черте их менталитета – особому стремлению к ясности и прозрачности. Греки называли мир космосом (согласованность, порядок). Он им представлялся упорядоченным, гармоничным и прекрасным. Стремление к порядку, ясности определяло две тенденции: 1) желание очертить контуры всех явлений, придать им определённость, обособить их и 2) желание их упорядочить, классифицировать, распределить. Состязания выясняют, какого человека отличает от других расположение божества. Поэтому граждане почитали победителей, а

победители значительных состязаний (например, Олимпийских игр) получали некоторые привилегии».

- Вообще стремление видеть мир гармоничным и желание установить в нем порядок, по-видимому, нужно считать важнейшим качеством греческого менталитета, во многом определившим и появление «греческого чуда». Благодаря этому качеству сформировались отдельные области и виды духовной жизни.

- «Они (греки) высвободили для автономного бытия теоретическое мышление, которое, разумеется, существовало и до них, но, так сказать, в химически связанном виде, всегда внутри чего-то иного». Из культа и явлений быта вычленилась литература. Внешним знаком существования литературы считается наличие литературной теории, критики и филологии – областей, осмысляющих литературные результаты. Внутренним признаком литературы считается факт, что греческая литература осознает себя как литературу».

- Выделяя различные явления, определяя их, придавая им контуры, греки также обладали чувством меры. Они умели достигать определённости и ясности, не подчёркивая этого. Это похоже на феномен Парфенона: прямые, стройные его колонны возвышают душу человека. Однако на самом деле эти колонны совсем не прямые, а выпуклые.

Безусловно, в приведённых фрагментах есть много общих черт. Более того, Д. Дилите хорошо знакома как с текстами И.Ф. Анненского, так и с текстами С.С. Аверинцева (эти тексты приведены в библиографии к пособию. Более того, на тексты Аверинцева имеются прямые ссылки в обзоре основных черт древнегреческой литературы). Примечательно, что в то время как Аверинцев и Анненский особо отмечают отсутствие в древнегреческой литературе личностного (в современном смысле этого слова) начала, замену его «маской», «характером» (Аверинцев), «общетипическим», специализацией (Анненский), Д. Дилите, несмотря на знакомство с текстом Аверинцева, не обращает на эту черту внимания, опускает её как несущественную или не соответствующую её позиции. Игнорирует она и отмеченную обоими авторами невосприимчивость греков к чужим влияниям.

Для русского национального сознания вопрос о «личности», «личностном начале» всегда имел важное значение, особенно в контексте художественной литературы: личность и история, личность и культура, личность и творчество. Отечественный исследователь, возможно, просто не может не затронуть этот вопрос в силу его

архитипичности. Для Д. Дилите эта позиция не является маркерной, поэтому она её и не выделяет.

Не исключено, что именно стремление ввести личностное начало в действие античных трагедий и побудило в своё время И.Ф. Анненского взяться за создание своей версии античного театра (См. «Меланиппа-философ» и другие произведения).

Список литературы

Аверинцев С.С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.

Анненский И.Ф. История античной драмы: Курс лекций. СПб.: Гиперион, 2003. 416 с.

Гачев Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1993. 320 с.

Дилите Д. Античная литература. Перевод с литовского Н.К. Малинаускене. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003. 487 с.

Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // «Студенческий меридиан», 1983, №№ 9-10.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М.: «АСТ», «Астрель», 2004.

Имангазинов М. М.
Жетысуский государственный университет имени И. Жансугурова
г. Талдыкорган (Казахстан)

Imangazinov Muratbek
Zhetysu state University name I. Zhansugurov
Taldykorgan (Kazakhstan)

*ДРЕВНЕКАЗАХСКИЕ ПРЕДАНИЯ В ДРАМЕ ЕВРИПИДА ПО ПЕРЕВОДУ УЧЕНЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ XIX-XX ВЕКА*

ANCIENT KAZAKH DEVOTION IN THE DRAMA OF EURIPIDES ACCORDING TO THE
TRANSLATION OF SCIENTISTS WRITERS OF THE 19th -20th CENTURY

Древнеказахские предания (VII-IX в.в.н.э) сохранившихся в древнеевропейских архивах Германии (г.Дрезден) и Италии (Ватикане в библиотеке Аростила) повествуется о огузском доблестном герое Домрул, где есть небольшой фрагментарный мотив который встречается в творчестве Еврипида. Переводы с итальянского, немецкого, турецкого которые пришли к нам через русского языка (В.В. Бартольд, В.М. Жирмунский, А.Н.Кононов и др.) точный сюжет в «Алкестиде» есть в «Книге великого сказителя огузов дедем Коркуте». В чем тут секрет, ведь между ними многие века, что их связывает?

В статье автора даются ответы на эти вопросы и главным образом отражается древнеказахские предания в драме Еврипида по переводу ученых литераторов XIX-XX века.

The writers of the 19TH-20th century Drevnekazahskie legends (VII-IX v. v. e) preserved in the drevneevropejskih archives of Germany (Dresden) and Italy (Vatican Library Arostilika) tells the story of the valiant hero Oguz Domrul, where there is a small fragmented motif which appears in the works of Euripides. Translations from Italian, German, Turkish, who came to us through the Russian language (V.v. Bartold, V.m., A.n. Žirmūnai Kononov, etc.) the exact storyline in "Alkestide" in the "book of dedem Korkut" storyteller ". What's the secret, because between them centuries of interaction? In the article the author provides answers to these questions and glvnym impact drevnekazahskie bring in the drama of Euripides on translation of scientific writers of the 19TH-20th century.

Ключевые слова: Гомер, Атилла, Скиф, Одиссей.

Key words: Homer, Attila, Scythian, Odysseys.

Древнеказахские предания (VII-IX в.в.н.э) сохранившихся в древнеевропейских архивах Германии (г.Дрезден) и Италии (Ватикане в библиотеке Аростила) повествуется о огузском доблестном герое Домрул, где есть небольшой фрагментарный мотив который встречается в творчестве Еврипида. Переводы с итальянского, немецкого, турецкого которые пришли к нам через русского языка (В.В. Бартольд, В.М. Жирмунский, А.Н.Кононов и др.) точный сюжет в «Алкестиде» есть в «Книге великого сказителя огузов дедем Коркуте». В чем тут секрет, ведь между ними многие века, что их связывает?

Да, Еврипид жил ранее Коркута, хотя он является один из самых великих драматургов в мире. Он родился в 480 г. д. н.э. на острове Саламин. Но если обратить внимание на хронику Тарос, то он родился в 484 г. д. н. э., а Коркут жил V-II-IX в.в.н.э. на территории нынешнего южного Казахстана, в период правления военно-аристократических огузских племен.

В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фимосфорий» отец Еврипида Мнесарх – обыкновенный, простой продавец, а мать его Клито – продавщица овощей на рынке. По некоторым другим источникам, Еврипид родился в богатой семье и служил в харме Аполлона Зоостерия. Вторая версия более правдоподобна, т.к. Еврипид был хорошо образован, дружил с философом Анаксогором и софистом Протогором. Об этом также упоминается в труде римского писателя Авла Геллия «Ночи Аттики».

В 408 г. д. н. э. Еврипид переехал в Македонию по просьбе царя Архелая, а в 406 г. д. н. э. он скончался. Его смерть была также полна противоречий, как и жизнь поэта. Если одни источники гласят, что он был растерзан собаками, то следуя другим – что, он умер от рук женщин. Вторая версия, возможно, исходит из комедии Аристофана.

Творческий путь Еврипида начинается с периода расцвета Афины и большая часть его проходит в государстве, которое шло к распаду из-за рабовладельческого строя. Еврипид был свидетелем Пелопоннеской войны, которая длилась с 431 по 404 г. д. н. э. Эта была захватническая война. Противниками Афин была Спарта, политические позиции которых были совсем противоположными. Если Афина, как демократическое рабовладельческое государство диктовала завоеванным областям рабовладельческие правила, то Спарта придерживалась олигархических принципов.

Как и Коркут Еврипид по сравнению с его современниками Эсхилом и Софоклом не имел отношения к чиновничеству и государственной службе. Он служил Родине своим творчеством. Еврипид написал более 90 трагедий, всего 17 из которых дошли до нас.

Кроме того, до наших времен сохранилась его сатирическая драма «Киклоп». Хроника его произведений: «Алкеста» - 438 г. д. н. э., «Медея» - 431 г. д. н. э., «Ипполит» - 428 г. д. н. э., «Гераклиты» - около 427 г. д. н. э., «Геракл», «Гекуба», «Андромаха» - 423-421 г. д. н. э., «Ион», «Елена» - 412 г. д. н. э., «Орест» - 408 г. д. н. э.

А постановки «Вакханки», «Ифигения в Авлиде» были поставлены только после его смерти.

По позиции Еврипид был близок к греческим натурфилософам и он относился критически к мнениям и высказываниям софистов о мифологии.

Он считал, что при сотворении мира сначала была единая масса, затем появились небо и земля и только тогда произошли растения, животные и люди.

Еврипид отрицательно относился к богам. Он изображает их нелепыми и неприятными. Например, в своей трагедии «Геракл» Зевс изображен как суровый муж, а жена его Гера как привередливая женщина. Таким образом Еврипид дает понять его позицию о присхождении богов из фантазии самих писателей.

Как Коркут Еврипид был патриотом своего полиса. Во многих произведениях он изображает свой народ в качестве заступника беззащитных. Например, в трагедии «Гераклиды», царь Микены Эврисфей выгоняет детей Геракла из их родного города, и никто не помогает им, боясь мощной армии Эврисфея. Только правитель Афины Демонфонт победив армию Эврисфея, вернул Гераклидам их родной город. В самом конце трагедии хор воспевают похвальную песнь в честь победы Афины. Афина всегда была борцом за торжество истины и справедливости – это и есть основная идея трагедии, о которой воспевал корифей хора. Идея трагедии – показать приоритет демократической Афины перед олигархической Спартой. Антиспартанские трагедии Еврипида очень близки по смыслу и идее с трагедиями, в которых он выражает неприязнь к захватническим войнам. Например, трагедия «Гекуба», поставленная в 423 г. д. н. э. и трагедия «Троянки» поставленная в 415 г. д. н. э.

В трагедии «Гекуба» изображается семья Приама, попавшая в плен при захвате города Троя. Дочь Гекубы Поликсена была принесена в жертву в честь героя Ахилла, а единственный ее сын Полидор умер от руки фракского царя. Гекуба просила помощи Одиссея, чтобы спасти дочь от смерти. Но он не помог. Еврипид характеризует Поликсену как очень гордую и смелую девушку, которая не склонила голову перед греками и не побоялась смерти.

Еврипид, отлично знавший душу человека, изображает последние часы жизни гордой Поликсены? Смелой идущей на смерть, его печальный образ затрагивает читателя до глубины его сердца и заставляет его трепетать. Бутон, который только расцветает, жизнь, которая только начинается – от неё трудно отказаться. Поликсена бежит в объятия матери и передает привет своей сестре Кассандре и брату Полидору, которые попали в руки царя Агамемнона. Поликсена умирает как настоящий герой.

Трагедия «Гекуба» по своему внутреннему настроению весьма пессимистична. Поэт говоря о том, что жизнь человека трудна, а повсюду и сплошь несправедливость и насилие делает вывод, что это и есть неписанный закон жизни.

В других же трагедиях Еврипид ставит на пьедестал любовь к родине и чувство патриотизма, а героям умершим защищая честь Родины воспевает похвальную песнь.

Трагедии Еврипида можно разделить на 2 группы: Первая, трагедии и второе, социально–бытовые драмы, в которых главными героями являются обычные люди. Также в них употребляются элементы комедии, запрещенные в античных трагедиях. Например пьесы: «Алкеста», «Ион», «Елена».

«Алкеста»-самая ранняя трагедия Еврипида, дошедшая до наших времен, была поставлена в 438 г. д.н.э. Нужно отметить, как ранее говорилось, что сюжет очень похож на сюжет пятого мифа в “Книге Деда Коркута” о «Домруле». Во-первых, основной герой драмы-царь Фессалии Адмету боги пообещали, пользовавшемуся почетом Аполлона, что если кто-то по своей воле пожертвует своей жизнью за него, то они продлят ему жизнь. И вот однажды Адмет заболел, он был между жизнью и смертью. Никто из его родных и близких, в том числе и пожилые родители отказались умереть за него. Только его жена Алкеста пошла на это. Еврипид с огромным художественным мастерством изображает последние минуты жизни Алкесты, её прощание с детьми и мужем. Алкеста любит жизнь, но больше всего на свете она любит мужа и детей, поэтому не боится смерти.

Муж Алкесты не герой, простой человек. Он тоже любит свою семью, но больше всех он любит самого себя. В момент смерти жены Адмет ненавидит себя за её жертву, но умереть за Алкесту для него непосильный труд. Также в этой драме есть цена, которая доказывает принцип «от трагедии до комедии один шаг». Слова Адмета, которые он сказал в упрек своему отцу Ферету, пришедшему на похороны Алкесты вызывают смех. Потому что у Адмета нет никакого основания для упрека отца в эгоизме, так как он сам остался жить за счет жертвы его жены.

Героя Геракла драматург описывает ценящим жизнь, добрым человеком. Для того, чтобы не беспокоить своего друга, прибывшего из Фракии, Адмет оказывает Гераклу все почести. А Геракл ради счастья своего друга Адмета спускается в подземное царство Аида и спасает Алкесту от смерти.

Этот образ Адмета и есть образе Домрула. В труде Немата Келимбетова «Литература древней эпохи» так изображает Домрула: «Между мифом греков и древним мифом «Книга Деда Коркута» есть принципиальное сходства. Народный миф о Домруле – полностью противоречит исламской религии. Из сюжета мифа видно, что он был написан в эпоху шаманизма.

Однажды один богатырь по имени Домрул охотился на берегу реки, когда на берег прибыло одно селение. Все оплакивали умершего молодого парня. Домрул поинтересовался каким образом и почему он умер и тогда ему сказали, что душу молодца забрал красноперый ангел Азреиил, которого послал сам Создатель - Тенгри.

Разгневанный Домрул стал воевать с посланником Создателя чтобы вернуть душу молодому юноше. И тогда Создатель приказывает ангелу Азреиилу: «Забери душу самого Домрула». Краснокрылый ангел, превратившись в белого голубя, полетел за жизнью Домрула.

Такой же мотив ощутим и в «Алкесте». Там Геракл подобно Домрулу неоднократно сражается со смертью. Он ради того, чтобы спасти жизнь Алкесты спускается в подземный мир Аида и сражается с темными силами за справедливость и жизнь бессильных и беззащитных.

В «Книге Деда Коркута» обессиленный Домрул для того, чтобы остаться в живых просит прощения у посланника и пощады у Создателя, предлагая краснокрылому ангелу жизнь своего отца за место своей души. Но родители Домрула хоть и были очень стары, отказались отдавать жизнь за сына, и тогда Домрул смирившийся со смертью прощается с женой. А жена в ответ просит Создателя забрать ее жизнь, а мужа оставить жить. В конце концов Бог-Создатель видя верность жены оставляет обоих жить, а в отместку отбирает души старых родителей. Домрул и его жена живут долго и счастливо еще 140 лет. В этом мифе говорится о искренней любви супругов друг к другу.

О трагедии Еврипида «Алкеста» исследователи Н. Я. Чистякова и Н. В. Вулих в своем труде «История античной литературы» писали: «Первая по времени из сохранившихся драм Еврипида – «Алкестида», поставленная в 438г. и вместо сатирической драмы заключавшая драматическую тетралогию. В этом древнем мифе соединены два тесно переплетенных между собой фольклорных мотива: первый - о жене, умирающей за мужа, и второй – о поединке богатыря со смертью. Еще до Еврипида этот миф уже был использован драматургами. Так, один из них, современник Эсхила Фриних, изобразил Алкестиду умирающей на свадебном пире. У Еврипида Алкестида – жена и мать. Она счастлива в браке и всем сердцем привязана к мужу, детям и к своему дому. Поэтому столь тягостно для нее расставание с жизнью и мучительно трудна ее добровольная жертва. Обаятельный образ Алкестиды дополнен рассказам служанки о прощаний царицы со слугами:

...И сколько нас

В адметовом чертоге, каждый плакал,
Царицу провожая. А она
Нам каждому протягивала руку;
Последнего поденщика приветом
Не обошла, прощаясь, и словом
Внимала каждого...

Для Еврипида и его зрителей не существовало вопроса о нравственных качествах Адмета, принявшего такую жертву от жены. Персонажи античной трагедий всегда ограничены сюжетами мифов. В мифе и сказке был мотив самопожертвования. Еврипид перенес его в свою драму и сосредоточил все внимание на человеке и его чувствах. Он показал переживания Алкестиды и страдания Адмета, раскрыв такую полноту человеческих чувств, которая до него была неизвестна в античной драматургии. Мифологический сюжет при всей его условности не помешал поэту изобразить жизненную бытовую драму».

Если Адмет в трагедии «Алкеста» изображен в качестве человека, дорожащего жизнью, то его друг Геракл герой, который сражается за любовь двух людей и опускается в подземное царство для того, чтобы сразиться с беспощадным Аидом. Домрул тоже смел. Он вступает в борьбу с непобедимым чудовищем, но терпит поражение.

Оба сюжета построены на одной идее. Родители и близкие люди героев остаются в живых, а сами герои живут долго и счастливо со своими близкими и родными.

Список литературы

- Байтұрсынов А.* Әдебиет танытқыш: Зерттеу мен өлеңдер. – Алматы: Атамұра. 2003. – 144 б.
Аджи М. Европа, тюрки, Великая степь. – Москва. ООО “АСТ”. 1994. – С.135-136.
Зарубежная литература средних веков. – Москва: “Просвещение”, 1975. – С.72.
Мағұлан Ә. Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми-зерттеу мақалалар. /құрастырған Р.Бердібаев. – Алматы: Жазушы. 1985. – 55 бет.

Карпова В.В.
Вологодский государственный университет
г. Вологда (Россия)

Karpova Vasilisa
Vologda State University
Vologda (Russia)

*К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА ЧУДО В РУССКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)*

SOME PECULIARITIES OF MIRACLE CONCEPT *EVOLUTION* IN RUSSIAN FAIRY
TALE (RESEARCHED ON VOLOGDA REGION TEXTS)

Данная статья посвящена исследованию форм развития языковых средств, репрезентирующих концепт *чуда* в русской народной волшебной сказке. Детальное исследование средств вербализации концепта позволяет проследить эволюцию форм восприятия сказителя, и как следствие изменения языковой картины мира в цепочке сказитель – слушатель (потенциальный сказитель). В статье даётся обоснование выбора текстов данного фольклорного жанра, а также приводятся данные анализа семантики концепта с использованием словарей различного типа. Автором статьи описана структура концепта, подвергнутого анализу, с учётом существующих подходов к описанию структуры концепта. В структуре концепта *чуда* выделяется актуальный, пассивный и этимологический признаки концепта. Также в статье предпринимается попытка исследовать соотношение данных признаков и качественные изменения в их составе, что позволяет говорить о динамике концепта. Под динамикой концепта мы понимаем качественное и количественное изменение состава концепта, отражающееся в языковом плане в появлении новых или исчезновении неактуальных языковых средств, репрезентирующих концепт. В заключении приводится обоснование выбора источников исследования (какие из множества региональных), а также даются некоторые иллюстрации различий в языковом представлении концепта.

This article is devoted to the research of the forms of the development of linguistic means, which represent miracle concept in Russian fairy tale. This detailed study of the means of verbalization of concept helps to follow the evolution of fairy tale's teller perception, thus to follow the changes of world picture as reflected in language when a referent (listener of a fairy tale) can potentially become a teller. There is also the explanation of why this folklore genre was chosen in the article, and there is data of semantic analysis of concept with usage of different types of vocabularies. The author of the article also describes the structure of the concept which is analyzed adjusted for the other researches on this topic. The structure of concept includes: actual, passive and etymological features of the concept. There is also an attempt to study the correlation of these features and quality changes in their composition. It gives us the opportunity to speak about dynamics of concept, which is understood as quality and quantity changes in concept's composition, which is reflected in the linguistic attitude with disappearing non-actual linguistic means reflecting the concept. At the very end of the article you can find the study of why definite regional texts are chosen for this research and the illustrations of different changes in concept structure.

Ключевые слова: Волшебная сказка, концепт *чуда*, актуальный, пассивный и этимологический признаки концепта, языковые средства вербализации концепта.

Key words: Fairy tale, concept of miracle, actual, passive and etymological features of the concept, linguistic means of concept verbalization.

Актуальность рассмотрения концепта *чуда* на лингвистическом уровне в фольклорном тексте определяется возрастающим интересом к различным образам национальной ментальности. Первоначальным этапом изучения специфики существования данного культурного концепта может быть изучение его семантики по словарям с целью определения понятийного содержания данного концепта.

Во всех словарных статьях находим такие неизменные компоненты значения как «сверхъестественность», «необычайность», «ирреальность», «удивительность».

В толковом словаре [Ожегов, 2005] раскрытие значения слова осуществляется с помощью синонимов («нечто небывалое, сверхъестественное; нечто поразительное, удивляющее своей необычностью»), что неслучайно, поскольку такого рода описательный подход объясняет сложность структуры *чуда* вообще.

В разговорной народной речи синонимом *чуда* является *диво*.

“*Диво*”, чудо, диковина (разг.) и диковинка (разг.), невидаль (разг.) и невидальщина (прост.).

Эти слова употребляются в качестве оценки, характеристики чего-либо редкостного, удивительного, необыкновенного (часто в сказуемом, в приложении или с местоимением, указывающим к чему, кому относится оценка). *Диво* и *чудо* представляют собой наиболее яркое указание на необычность того, что они характеризуют.

Таким образом, можно сделать вывод, что первостепенные компоненты значения лексемы *чудо* могут быть представлены следующим образом – «необычность», «удивление», «редкость». Это бытовое восприятие *чуда*.

Словарь В.И. Даля [Даль, 2002] даёт множество иллюстраций использования лексемы *чудо* в речи, охватывающей множество значений: от абстрактной, неведомой силы (*Каким ты чудом здесь очутился*) до материально воплощённой идеи (*Он всякими чудесами торгует, редкостями*).

Определение *чуда* в философском словаре [Философский энциклопедический словарь, 1999] даётся через описание данного понятия в контексте философской картины мира.

“*Чудо*” (лат. *Miraculum*) – необычное событие, которое трудно объяснить, противоречащее естественному ходу вещей и приписываемое верующими людьми вмешательству сверхъестественных сил (Бога).

В религиозных словарях [Зеленин, 1997] особенности *чуда* рассматриваются более детально:

“*Чудо*” – категория фольклорно-мифологического и религиозного языка описания способов и форм проявления сверхчеловеческого. В обыденном словоупотреблении *чудо* эквивалентно «диву» - как чему-то непривычному, неожиданному, чему следует «дивиться». Для слов с корнем *-чуд-* в славянских языках было характерно значение «ужасный» или «ужасающий», а для слов с корнем *-див-* «умопомрачительный» в силу своей невероятности. *Чудо* может включать антропогенный фактор – его способен вызвать маг-кудесник (чудеса/кудеса), а диво – нет. Если в античной культуре понятия *сверхъестественного*, божественного и *чудесного* практически не различались, то с эпохи Средневековья представления о *чудесном* неоднократно конкретизировались.

Этимологический словарь [Фасмер, 1987] соотносит с божественным лишь слово *диво*. (Ср. лат. *deus* – «Бог», *dīvus* – «божественный», др.-инд. *dhīn* – «религиозный помысел»). А *чудо* наоборот сближается с такими словами как *кудеса*, *кудес*, *кудесник*, что, исходя из толкований данных слов, соотносится с язычеством, с суеверными представлениями. (Ср. *кудес* – «проказник», *кудесы*, *кудеса* мн. «колдовство», др.-русс. *кудесъ* – «чары, колдовство», *кудесить* - «чудить, подшучивать»).

Связь *чудо* с глаголом *чүти* 'чувствовать, замечать, узнавать' в контексте именно сказочного повествования позволяет размышлять на тему оценки происходящих событий с точки зрения реальности / ирреальности сказочными героями, исполнителями сказок, слушателями, однако зачастую только в языковом сознании последних происходит восприятие сказки по шкале *возможно / невозможно, объяснимо / необъяснимо*.

Некоторые учёные пытаются определить концепт *чуда*, основываясь на сопоставительном анализе доступных им языков, тем самым пытаясь показать через существование лексемы в языке, каков же наиболее важный компонент ментальности выступает на первый план, когда речь идёт о принципиальном отличии культур друг от друга.

1. В.И. Карасик предлагает рассматривать концепт *чудо* как элемент концептосферы русского народа, определяя его содержательный минимум как “нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение”. Конкретизация этого концепта в языке осуществляется в двух направлениях: 1) неконтролируемость и необъяснимость *чуда*, 2) эмоциональное отношение к *чудесному* явлению — от ужаса до восторга. Этнокультурная специфика отношения к *чуду* для русских - таинственное, божественное и прекрасное. В русском языке прослеживается

идея непостижимости и высшей силы, связанной с *чудесным* явлением: *чудом* очутиться, *чудом* спастись [Карасик, 2002].

Что мы можем извлечь, проецируя вышеизложенные представления на сказочное пространство:

– сказке присущи *чудеса* физического характера с использованием различных волшебных предметов. В сказке эти предметы чаще всего даются волшебными помощниками, они достаются в помощь обездоленному, угнетённому, гонимому герою;

– применительно к сказке случайность проявления сил *чудесного* не является главной движущей силой, поскольку как раз в сказке *чудо* подготовлено предшествующими событиями, и возникает из необходимости помочь герою/герою.

Что мы понимаем под динамикой концепта? Динамика концепта – качественное и количественное изменение состава концепта, отражающееся в языковом плане в появлении новых или исчезновении неактуальных языковых средств, репрезентирующих концепт.

В составе концепта обычно выделяют образ, определённое информационное ядро и некоторые дополнительные признаки. Структура, выделенная Ю.С. Степановым, отражает эти компоненты, но в то же время является наиболее организованной в плане описания динамики составляющих концепта и может быть спроецирована на рассматриваемые нами произведения фольклора в силу следующих причин:

– фольклорные тексты внутри общего филологического процесса образуют довольно устойчивую систему, которая может быть подвергнута детальному анализу *на предмет вариативности образования концептов от одного и того же понятия*;

– в рамках одной концептуальной сферы можно выделить множество форм проявления *чудесного* в сказке (чудесный персонаж, чудесный предмет (его различные воплощения), чудесная задача (её виды и различный характер), чудесная сила или знание (умение), чудесное пространство и время (особенности его представления), чудесное рождение, рост, исцеление.

Мы выделяем следующие компоненты концепта [Степанов, 1997]:

1. Наиболее актуальный, основной признак, в котором концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения. Восприятие концепта *чудо* в ВС рядовым носителем языка или *бытовое понимание* концепта *чудо*. В рамках описания данного

компонента возможно проведение ассоциативного эксперимента – поиск различных реакций на стимул «чудо» в волшебной сказке и их дальнейшая систематизация.

2. «Пассивный», дополнительный, неактуальный, исторический признак на фоне основного. Концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Восприятие концепта *чудо* сказочниками или *профессиональное понимание чуда в ВС*. Исследование записей различных сказочников на данном этапе призвано решить проблему вариативности лингвистических форм.

3. Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология, не осознается в повседневной жизни, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концептов вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. *Исследовательское понимание концепта чуда* и лингвистических средств его репрезентации в условиях сказочного пространства.

Наиболее ценными с точки зрения исследования динамики концепта *чудо* будут следующие сборники сказок: «Сказки и песни Белозерского края» братьев Соколовых, поскольку именно они являются инициаторами глубокого исследования личности исполнителя в целом, «Вологодские сказки конца XX – начала XXI века», где сохраняются диалектные особенности речи исполнителя и предлагается путь сравнения сюжетов бытующих до сих пор с теми, что установлены в СУС, тем более, что среди сказок в сборнике есть некоторые собственного сочинения. Произведения, собранные Н.А. Иваницким⁹⁹ неравноценны по записи: в одних текстах сохраняются особенности местного говора, в других наблюдается значительное количество литературных форм и оборотов. Собрания М.Б. Едемского¹⁰⁰ могут быть привлечены в качестве материала для сравнения с новыми, динамическими формами бытования сказок, поскольку большая часть материала, соответствует только классическим образцам сказочной прозы, «встреча фольклора с реальной жизнью» (Б.Н. Путилов) в его работах осталась почти незамеченной.

Вот некоторые иллюстрации отражения личности исполнителя в текстах. В сказках непрерывно наблюдается перенос действия из классического *некоторого царства* в обстановку, близкую сказителю и его аудитории. При общей редкости географических

---

⁹⁹ Религиоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006.

¹⁰⁰ Вавилова М.А. Опыт изучения фольклорного архива (сказочная коллекция М.Б. Едемского. Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвящ. семидесятилетию проф. Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1995.

названий в сказочном эпосе можно встретить города. В сказке «О деревянном орле» вступительный эпизод разыгрывается не «у одного царя», не «в некотором царстве», а «в Москве, в одном кабаке...». Чудесный город: «Видом не видала и слыхом не слыхала. Тут есть кабаки, трактиры, заведения и сильни, богаты, и золотые кресты».¹⁰¹ Или в сборнике Соколовых¹⁰²: «Это было в городе Петербурхе: жил один художник...»; «Вот так было чудо, вот так было диво у Мирона под Новым Городом»; «Ведьма ходила за полигон, где стояли солдаты лагерем под Киевом в двух вёрстах». В текст постепенно проникают новые персонажи: «В некотором городе была одна купчиха. Был у ней сын, сорок лавок и сорок приказчиков»;¹⁰³ «По городу ходят шпионы, расспрашивают, кто город спас».¹⁰⁴

Вместо традиционных сказочных формул («...скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается») появляются вводные слова, отражающие субъективную оценку происходящего: *вот, ну вот, ну то, видишь, значит* («Морозко») и др.¹⁰⁵ Происходит замена обозначений *мачеха* и *падчерица* или *дочка* на имена собственные или местоимения: *она, Танюшка*¹⁰⁶, *Марфутка*.¹⁰⁷

Список литературы

- Вавилова М. А. Опыт изучения фольклорного архива (сказочная коллекция М.Б. Едемского. Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвящ. семидесятилетию проф. Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1995.
- Вологодские сказки конца XX – начала XXI века. Воскресенское, 2008.
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002.
- Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб, 1997.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. М., 1958.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
- Песни, сказки, пословицы и поговорки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960.
- Религиоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006.
- Сказки: Кн. 1, 2. Сост.: Ю.Г. Круглов. М., 1988.
- Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Кн.1. СПб,1999.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987.Т. 2, 4.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1999.

¹⁰¹ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб, 1997.

¹⁰² Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Кн.1. СПб,1999.

¹⁰³ Сказки: Кн. 1,2. Сост.: Ю.Г. Круглов. М., 1988.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Вологодские сказки конца XX – начала XXI века. Воскресенское, 2008.

¹⁰⁶ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Кн.1. СПб,1999.

*Кастеева Т.Б.
Тунгышбаева Г. Ж.*
КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова
г. Алматы (Казахстан)

*Kasteyeva Tolkyn
Tungushbayeva Galiya*
KNMU S.D. Asfendiyarov
Almaty (Kazakhstan)

*ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ-ПЕСЕННИКОВ (САЛ, СЕРИ) – ДРАГОЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДА*

OEUVRE OF POET – COMPOSERS – THE PRECIOUS HERITAGE OF THE PEOPLE

Данная статья посвящается поэтам, музыкантам, сал-сери, которые жили в прошлых веках и оставили неизгладимый след в истории искусства казахского народа. Народ, свободно перемещающийся в просторной степи, всю свою горечь и надежду преобразовывал в музыку. Поэтому словесное искусство в известной степени можно назвать летописью истории народа. По этой причине, мы не можем рассматривать литературу отдельно от общественной жизни и сознания и от жизни талантливых личностей, оставивших словесное наследие. Сал-сери внесли большой вклад в развитие национальной культуры. Особенно в древние кочевые времена, одухотворяя народ и поднимая им настроение, творчество сал-сери являлось особо значимым. Как все люди искусства, сал и сери были многогранны. Явление сал-сери обогатило казахскую поэзию новыми темами, поэтическими приёмами и т.д. Будучи одновременно поэтами, композиторами и певцами, они обладали огромной духовной силой. Содержательность и значимость их жизни обусловлено этим большим талантом. Вечно занятый своими делами, кочевой народ с радостью принимал сал-сери, их песни и мелодии являлись для них духовной пищей. Поэтому обладателей нескольких талантов высоко ценили в народе. Школа сал-сери, группа одаренных людей способствовали своим творчеством необычайному расцвету казахской поэзии и музыки. Их прекрасное наследие волновало и будет волновать сердца многих поколений совершенством форм.

This article is dedicated to poets, musicians, poet-composers (sal-series), who lived in the past centuries and left an indelible value on the art history of Kazakh people. People, moving freely in a spacious steppe, all their bitterness and hopefulness are transformed into music. That's why, verbal art in a certain extent can be called chronicle of the history of the people. For this reason, we cannot consider the literature apart from public life and consciousness and life of talented individuals who have left the legacy of verbal. Poet-composers (sal-series) made a great contribution to the development of national culture. Especially, in ancient nomadic time, creativity of poet-composers (sal-series) was particularly significant on inspiring people and picking up their mood. Like All artists, sal and series were multifaceted. Appearance of poet-composers (sal-series) enriched Kazakh's poetry with new terms, poetic technics etc. Being at the same time poets, composers and singers, they possessed immense spiritual power. Content and significance of poet-composers' (sal-series') life is due to great talent. Always busy with their chores, nomadic people gladly took poet-composers (sal-series) and their songs and melodies were spiritual food for them. So, holders who have a lot of talents appreciated by the people. School of poet-composers (sal-series), a group of talented people has contributed their creativity extraordinary development of Kazakh poetry and music. Their excellent heritage excited and will excite the hearts of many generation of perfection form.

Ключевые слова: словесное искусство, культура, народная литература, сал – сери, поэты-песенники, творчество, наследие.

Key words: Verbal art, culture, folk literature, poet-composers, creation, heritage.

На историческом пути становления и развития человечество прошло множество этапов. И казахский народ всегда опережал большинство других народов богатством языка и культуры. Поэтому данная статья посвящается поэтам, музыкантам, сал-сери, которые жили в прошлых веках и оставили неизгладимый след в истории искусства нашего народа.

Во второй половине XIX века и в первой половине XX века кочевой образ жизни, исторические и социальные условия способствовали появлению на свет представителей синкретического искусства – сал-сери. Поэзия, музыка, гармония составляли базу их произведений. Народ, свободно перемещающийся в просторной степи, всю свою горечь и надежду преобразовывал в музыку. Поэтому словесное искусство в известной степени можно назвать летописью истории народа. По этой причине, мы не можем рассматривать литературу отдельно от общественной жизни и сознания и от жизни талантливых личностей, оставивших словесное наследие. «Кто такой художник, какой у него общественный облик, индивидуальность? В чём заключается природа таланта? Нецелесообразно оставлять эти вопросы без ответа. Талантливые во все времена почитались народом. Например, казахский народ с незапамятных времен высоко ценил поэтов и музыкантов» – говорит академик З. Кабдолов [Кабдолов, 1992, с. 136].

Почему народ особо почитал талантливых? Во времена, когда не было кинотеатров и средств массовой информации, умелые люди (сал-сери, поэты и музыканты, певцы и т.д.) выполняли их обязанности. Народ веселился слушая их песни. Они на мгновение забывали свои невзгоды и одухотворялись от высокой музыки.

Какими были сал-сери, когда их имена стали узнаваемы? Академик А. Маргулан рассматривает традицию сал-сери как яркий феномен казахской культуры: «Глазами истории, искусство сери зародилось во времена тюркского каганата. Один из сери того времени – Иолык тегин. Он был прекрасный охотник, стрелок, умел ухаживать за лошадьми, помимо этого он еще был поэтом, жырау. Когда умерли его братья Билге хан и Култегин, он высек на камне эпические истории об их подвигах. Высочайший бий тюркского каганата Тоныкок был глубокомысленным философом и мудрым человеком. Он своими руками высек посмертные слова на своем надгробном камне».

Из этого мы делаем вывод, что история сал-сери уходит корнями в далекое прошлое, вплоть до древних веков. Несомненно, сал-сери внесли большой вклад в развитие национальной культуры. Особенно в древние кочевые времена, одухотворяя

народ и поднимая им настроение, творчество сал-сери являлось особо значимым. «Исключительные свойства сал-сери – их поэтизм, музыкальность, исполнительство; они любили веселья, приносили людям радость, радовали сердце. Поэтому народ почитал сал-сери, их всегда встречали с радостью, их деяния в устах народа превращались в легенды» говорит С. Сейфуллин [Сейфуллин, 1935, с. 116].

Во времена, когда не существовали средства массовой информации, один человек мог воплощать в себе несколько талантов (поэт музыкант, домбрист, композитор), он дарил эстетическое удовлетворение слушателям своей завораживающей музыкой и поднимал им настроение. Акан сери, Биржан сал, Балуан Шолак, Жаяу Муса, Мухит, Жарылгапберди, Мади, Укили Ыбырай, Сегиз Сери, Естай, Иманжусип, Шашубай, Асет и другие были олицетворением многогранного таланта.

Хотя сегодня термин сал-сери мы употребляем неразрывно, по мнению исследователей у каждого из них были свои особенности. Фольклорист –этнограф А. Диваев: «При въезде в аул сал джигит нарочито падает с лошади и лежит как мертвый, и даже не шелохнется, и лежит до тех пор, пока его не поднимали девушки. Когда его несли домой, из его штанин, карманов сыпятся монеты. И девушки, и парни радостно собирают все выпавшее богатство» [Диваев, 1924, с. 16].

Одежда, которую они носили, соответствовала их необычному поведению. Она должна была быть вышита в особом стиле, выделяющей человека из общей толпы и притягивающей взгляды. Если одежда заставляла людей смеяться, это еще больше радовало носителя. Иманжан Жылкыайдаров пишет об одежде Жеке сала: «Он носит чапан из бархата, и один борт окаймляет шелком. На голове восмиклиная шапка, каждый клин ее был разного цвета: красного, зеленого, белого. Один клин украшали закопченными лохмотьями, другой – войлочным чехлом для казана, и оторочивали бобровым мехом, воротник шили из кожи черной козы, специально чтобы смешить людей в некоторых местах одежды пришивали несуразные вещи, такие как хвост лисы или дикой кошки, кожу змеи и на плечи пришивали ноги филина».

Как все люди искусства, сал и сери были многогранны. В этом они были схожи, но внешнее проявление, поведение их отличались. Исследовавший этот вопрос Е.Исмаилов пишет, что «салы и серэ несколько отличались друг от друга, но не характером творчества, а внешностью и поведением. Серэ куда более сдержанны, чем салы. Их эксцентризм не принимал таких крайних форм, которые характерны для салов. Даже если они одевались во все яркое, они не поясничали, а уважали традицию. Среди молодежи –

девушек или жигигов – серэ вели себя вежливо и являлись примером приличия и чуткости». Из этого мы можем делать вывод, что в их поведении были и схожие, и отличительные черты.

Сал-сери не только вобрали в себя лучшие качества жырау и акынов, но и развили их искусство в новых кочевых условиях. Они внесли огромный вклад в развитие национальной культуры нашего народа. «Сал-сери явились для культурной жизни казахов того времени исключительно новым социальным, эстетическим явлением». Сал и сери – творческие натуры. Несмотря на это, исследователи подчеркивают, что их жизнь и творчество в основном отличались друг от друга. «В творчестве салов преобладают социальные, общественные, нравственные ценности, – пишет С. Жанпеисова, – а сери придавались веселиям и воспевали тему любви». Как бы то ни было, наследие сал-сери играет значительную роль в духовной жизни народа.

Явление сал-сери обогатило казахскую поэзию новыми темами, поэтическими приемами и т.д. Будучи одновременно поэтами, композиторами и певцами, они обладали огромной духовной силой. Содержательность и значимость их жизни обусловлено этим большим талантом. Песни, которые они исполняли также отличались друг от друга. «Если песням салов были присущи веселость, сарказм, строптивость, аристократичные сери исполняли грустные, заунывные мелодии» – пишет М. Магауин.

Вечно занятый своими делами, кочевой народ с радостью принимал сал-сери, их песни и мелодии являлись для них духовной пищей. Поэтому обладателей нескольких талантов высоко ценили в народе. Так, искусство сал-сери не возникло сразу, из ниоткуда, корни его уходят вглубь. По словам академика Маргулана, в казахскую эпоху это искусство достигло своего пика. Казахские ханы и их дети продолжили эту традицию.

Искусство сал-сери, прошедший долгий путь развития, «широко развивался в казахской культуре XIX века. Оно вобрало в себя разные ипостаси национального искусства прошлых веков, и подарило национальной поэзии новое содержание, новые темы» – пишет учёный Е. Исмаилов. Это суждение уместное. Поскольку в это время история подарила нам множество многогранных людей искусства. Среди них самые талантливые Сегиз сери и Биржан. Их умение слагать стихи, исполнять их в сопровождении мелодии было примером для многих поэтов-песенников как Акан, Жаяу Муса, Култума, Үкили Ыбырай, Иман Жусип, Балуан Шолак, Естай, Газиз, Агашаяк, Жарылгапберди, Шашубай и др. Они сами сочиняли стихи и мелодии и искусно их исполняли. Почитавший Биржана и Акана как образцов поведения, Естай написал

следующие строки: «Мы были сери, веселясь мы видели много, Сала Биржана, и сери Акана сопровождали мы вскачь». И Акан, который высоко оценил талант Биржана, остался им доволен и написал следующее:

Братец мой по доле, ты могуч,
В этом брэнном мире ты – солнца луч.
Ясный ум твой озаряет тебе путь
Широта твоя – выделяет среди куч.

Из этого следует вывод, что сал-сери относились друг к другу с уважением и обменивались опытом и знаниями между собой. Потому что без традиции искусство не развивается. «Жизнь, время, нужда, законы развития формируют и развивают традицию». С этой точки зрения, талант не развивается отдельно от общества. То же самое можно сказать и об Акане. Если поэты-песенники обусловили развитие его творчества, вторым источником вдохновения явилась народная литература. Большинство из вышеперечисленных акынов являются учениками Биржана. Эта школа сал-сери, группа одаренных людей способствовали своим творчеством необычайному расцвету казахской поэзии и музыки. Их прекрасное наследие волновало и будет волновать сердца многих поколений совершенством форм.

Список литературы

- Кабдолов З.* Соз онери. – Алматы: Казах университети, 1992. 136 с.
Сейфуллин С. Акан сери // Тандамалы олендери. – Алматы: 1935. 255 с.
Диваев Э. Тарту. – Ташкент, 1924. 216 с.

Қасым Б Қ.
Казахский национальный педагогический
университет им. Абая
г. Алматы (Казахстан)

Kassym Balkiya
Kazakh National Pedagogical
University named after Abai
Almaty (Kazakhstan)

*СРАВНИТЕЛЬНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРО-КОГНИТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ В СИСТЕМЕ
СВЯЩЕННЫХ ЧИСЕЛ*

COMPARATIVE LINGVA-CULTURAL-COGNITIVE CONCEPTS IN THE SYSTEM OF
THE SACRED NUMBERS

Концепт, обозначающий бесконечные взаимоотношения между *языком-мыслями-бытием-познанием* – является одним из особенных многогранных познавательных явлений в языке. Концепт – это динамическая структура с логической точки зрения, которая изображает опыт существования человечества, разносторонне развивается и адаптируется к изменениям. Концепт – это не только содержание, обобщенное в познании человека в одну систему знаний, это языковое явление, сохранившее в языке национальный колорит сложной национальной познавательной мысли. В рамках концепта группируются познавательная сущность значений слов, сами значения слов. Относящиеся по своему содержанию к священным наименованиям такие единицы как *слово* и *понятие*, *слово* и *значение*, *внутренняя* и *внешняя форма слова* и другие взаимосвязанные структуры, в языке служат в качестве средства общения.

Одно из таких наименований – это наименования священных чисел. В числах сохранены традиции и обычаи, вера и убеждения, приметы и др. духовные ценности, заложенные в миропонимании народа. Посредством этого даются сведения по миропониманию, истории, культуре древних народов. Раскрываются тайны священных чисел в языковом применении.

The concept defining the endless relationship between language - thoughts - existence- knowledge is one of the special multi-faceted cognitive phenomena in language . Concept is a dynamic structure, from a logical point of view, which shows the experience of human existence and diversifies and adapts to changes. Concept is not only the content generalized in the single system of human knowledge, it is also a linguistic phenomenon that preserved in the language the national colors of the national complex cognitive thought. As a part of the essence the concept itself groups cognitive meanings of words and the meaning of words themselves. Related in content to the sacred names such units as the word and concept, word and meaning, internal and external form of the word and other related structures, serve in language as a means of communication. One of these items here are the sacred numbers . In numbers traditions and customs, faith and beliefs , signs and other spiritual values inherent in the worldview of the people are preserved. Through this information on the understanding of the world , history and culture of ancient peoples is presented. The secrets of the sacred numbers usage in language are revealed.

Ключевые слова. Познание, слово, значение, понятие, священные числа, лингвокультурология.

Keywords: knowledge, word meaning, concept, sacred numbers , lingva-culturology .

Концепт, обозначающий бесконечные взаимоотношения между *языком-мыслям-бытием-познанием* – является одним из особенных многогранных познавательных явлений в языке. В настоящее время лингвистических науках в связи с повышением интересом к роли культурной личности все большее внимание уделяется анализу концептов, несущих в себе опыта предшествующих поколений, культуры и менталитета всего народа. Концепт по своей генетической и типологической структуре встречается практически во всех языках. Концепт – это динамическая структура, которая с логической точки зрения изображает опыт существования человечества, разносторонне развивается и адаптируется к изменениям. На основе концепта национальное познавательное древнее и новое значения слов *мотивируются* и формируются как наименования. Поэтому сущность (основу значения) мотивации необходимо искать именно в концептах. Внутренняя значимая структура слова взаимосвязана с внешней формой этого слова. «Для внутренней структуры данного слова он является ядром основного значения во всех словоупотреблениях, а для внешней структуры он служит образцом всех значимых его показателей» [Касым 2010, 203-204].

Концепт является общим понятием для всех значений слова. М.Хайдеггер: «Отличительность бытийного вопроса вполне выйдет на свет однако только тогда, когда он будет удовлетворительно очерчен в плане его *функции*, его *цели* и его *мотивов*. ...Всякое толкование основано в понимании. Расчлененное в толковании как таковое и вообще преднамеченное в понимании как членимое есть смысл. ...Значимое целое понятности *берет слово*. К значениям прирастают слова.» (*курсив* – Б.Касым.). ...«Феноменологически описать «мир» будет поэтому значить: выявить и концептуально-категориально фиксировать бытие наличного внутри мира сущего. Сущее внутри мира это вещи, природные вещи и «ценностно нагруженные» вещи... Подобное «средство» мы находим в *знаке*. Этим словом именуется многое: не только разные *виды* знаков, но бытие-знаком для... само может быть формализовано до некоего рода *универсального типа отнесенности*, так что знаковая структура сама подает онтологическую путеводную нить Для «характеристики» всего сущего вообще. Концепт – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры. Отражая этническое мировоззрение, концепт маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» [Хайдеггер 1997, 83-85, 97]. В.Н.Телия: «Концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а

не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через своё языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия 1996,187]. Концепт – это не только значение, вобравшее в себя систему знаний в познавательном мире, но и языковое явление, сохранившее национальный колорит сложной познавательной мысли в языке. Познавательная природа и значение слова языка достаточно сложные явления. Познавательная сущность значений слов в языке сосредоточена в подтексте контекста. Концепт используется для обозначения *обобщенной мыслительной единицы* и функционирует в качестве средства общения в языке на основании преемственности *слова и понятия, слова и значения, внутренней и внешней формы слова* и др. Л.Жаналина выделяет: «*Мыслительная картинка* – концепт, который содержит не только понятие, но и детальный образ обозначаемого [Жаналина 2006, 91]. **Мышление** – наивысшая форма изображения окружающего мира в сознании. Исходная форма мышления – *понятие*. **Понятие** – образ предметов и явлений в сознании. Своеобразные особенности, познание, самосознание, миропонимание, сущность, национальный менталитет и т.д. каждой нации, ее культуру и миропознание можно познать посредством языка. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представлению сознания и познания человека четко проявляются во внутреннем содержании концептов. В.А.Маслова утверждает, что передать культуру и информацию на основе номинативных единиц языка можно следующими четырьмя способами: «культурными семами», «культурное поле», «культурные концепты», «культурная номинация». Ученый, утверждая, что ядром культурного концепта является не только личная языковая форма, а также языковые единицы, признающиеся основой экзистенциального значительного пространственного образа в окружающей среде, к основному концепту культуры относит такие абстрактные наименования, как *честь, судьба, грех, закон, свобода* и т.д. [Маслова 2001,51].

Концепт – это общая единица культуры и познания. Благодаря видению механизмов образования новых значений слов, можно будет также осознать внутренние механизмы культуры и познания. Проведя анализ сформированных в языке концептов, можно проследить своеобразные особенности *национально-культурного познания*. Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии концептов характерных только для одной культуры. **Образно-символический** концепт – знаковое проявление конкретного понятия. В современном языкознании исследуются познавательные свойства когнитивной лингвистики во взаимосвязи с языковыми средствами. Б.Касым,

Г.Н.Зайсанбаева утверждают: «В процессе метафоризации в рамках когнитивного направления, основанной на сходстве с явлениями и ситуациями окружающей (...) действительности образуются другие наименования или концепты. Наименования, образованные с помощью метафор, тесно связаны с концептуальной системой потребителя языка, поскольку на основе определенных сформированных понятий об окружающем мире образуются различные понятия и наименования в ассоциативном образном мышлении. В соответствии с законом языковой экономии в последнее время новые словообразования создаются с использованием семантического поля имеющихся уже в языке. Поэтому при анализе словообразовательной значимости метафоры языковые единицы рассматриваются в когнитивном аспекте» [Касым, Зайсанбаева, 2004, 50-54 с.]. Благодаря концепту, семантическое значение отдельных *национально-культурно-познавательных* наименований, а также особенности материально-духовных явлений можно рассматривать как ключ познания. В связи с этим А.Вежбицкая считает: «концепт – это языковая картина мира, в которой изображаются культурные понятия и наименования, накопленные человеком о мире» [Вежбицкая 1996,75]. Концепт – языковое явление, отражающее особенности мира *культуры* и *познания*. Главным объектом когнитивной лингвистики является изучение лексем, отражающих особенности, понятия и представления, самосознание, кругозор, бытие и сущность каждой нации, в качестве «культурных концептов». В связи с этим появляется необходимость познания языковых моделей, передающих языковые базовые духовные ценности и материальную культуру, в качестве концепта. Поскольку под языковыми моделями понимается логическая модель мышления. В логических моделях сосредоточены конкретные и абстрактные понятия и представления. Посредством языка можно познать своеобразные особенности, познание, самосознание, миропонимание, бытие и сущность, национальный менталитет и др., культурное бытие и познавательный мир каждой нации. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представлению сознания и познания человека четко проявляются во внутреннем содержании концептов.

Одним из путей глубокого изучения структуры языковой системы, действительного познания природы национального языка является изучение собственно языковых закономерностей языковых знаков, их составляющих единиц, содержательную и формальную сторону языковых единиц. Второй путь заключается в изучении их в тесной взаимосвязи с такими неязыковыми ценностями как реальная действительность, мышление, познание. В казахском языке языковые единицы в отношении наименований

чисел являются одним из древних пластов словарного состава языка, заключающих в себе своеобразную тайну. Поскольку числа образуются из определения размера, объема предметов и явлений окружающей среды относительно друг друга, то они являются одним из способов познания мира человеком. В настоящее время числа входят в содержание любой науки и служат для нее. Вместе с тем в любом языке имеется тенденция к приданию числам некой святости. Придание святости числам, отнесение их к священным – это явление, берущее свое начало из древней истории многих народов. Исследования чисел в относительно новых направлениях проводятся в аспекте лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Вот несколько основных положений, встречающихся в данных исследованиях:

- символическая суть имен числительных *один, два, три, четыре, семь* берет начало из древней мифологии, связанной с моделью мира;
- символическая сущность чисел *семь, девять, сорок* сложилась под воздействием образования искусства магии;
- в качестве священных чисел развивается и семантическое значение;
- система *количественных символов* связана с философскими, логическими, психологическими и др. основами, комплексное содержание этнокультурных, духовных поверий, отраженных посредством чисел, является корневой основой языкового сознания;
- числа *три, четыре, семь, девять, двенадцать, сорок* в казахском языке основаны на миропонимании человечества в целом. Традиция придания святости числам, отнесения их к священным считается явлением, берущим начало из древней истории многих народов.

Концепт «пять». В казахском языке слово «*бес*» – применяется в значении «рука». По всей видимости, корень слова встречался не в форме *бес~беш* или *біл*, а в форме *піл* – «*пять*». Человечество после системы *троичного* счета изобрело *пятичную* систему счета. Известно, что по пятичной системе счета в древности самым крайним числом было *пять*. *Пять истин*: слово *истина* употреблено в значении очевидный. К *пяти истинам* относятся: *язык, религия, традиции, история, родина*. По мнению греческих ученых, для того, чтобы люди явно чувствовали свое отношение к определенной нации, народу, они должны отвечать следующим условиям:

- во-первых, отличное знание языка нации;
- во-вторых, впитать в себя традиции этой нации;
- в-третьих, признать религию нации;
- в-четвертых, признать историю данной нации и т.д.

Концепт «семь». Большинство из древних великих выражений, пословиц и поговорок, крылатых слов, устойчивых выражений народа связаны со священной цифрой *семь*. Почтение к цифре *семь* берет начало с древних времен. Это можно встретить и в системе цифр, и в культуре других народов. Число и понятие *семь* в действительности отражают сознательные традиции, старинные народные обычаи. Слово *семь* является *святым, священным* не только у казахского народа, но и у всех других народов. М.Ауэзов считает: «Древность казахского народа должно считаться не только казахским, но и древностью всего тюркского народа» [Ауэзов М. 1985,]. Например, *Жеті жұрт* ~ святой народ. *Жеті қазына* ~ источник богатства, достатка, ценности. *Жеті ата* ~ Букв.: семь предков. Мысалы, - Ар жағын айтпай-ақ қой, деді Жабай сөзімді бөліп, – «*жеті атасын* білген ұл,*жеті жұртының* қамын жер», - депті (С.М.). – Дальше можешь не говорить, – прервал меня Жабай, говорят, что кто знает своих *предков до седьмого колена*, тот проявит заботу обо *всех родичах*. *Жеті атасынан түк көрмеген* ~ бедный, не имеющий ни гроша за душой, *Жеті қабат жер асты* ~ тяжело, далеко, *жеті қырдың асты* ~ расстояние. *Жеті нан құдайы* ~ *жеті тиын садақа* ~ молиться богу, святым духам с просьбой сохранить от трудностей, в дорогу предназначались скотина, вещь, деньги. *Жетісін берді* ~ поминки по усопшему на седьмой день. Понятие «*жеті ата*» есть и у кыргызского, татарского и др. народов. «*Жеті атадан әрі гана қыз алысу заңы*» – закон, по которому нельзя было брать в жену девушку из одного рода до седьмого колена, этот закон соблюдается у турков и монгол. В кыргызском языке звезда ***Жетіқарақшы*** – ***большая медведица*** называется *жеті арқар*. В татарском языке имеется выражение *семь раз отмерь, один раз отрежь* – *жиде кат үлче, бер кат кис*, *жеті қат жер астында* (за тридевять земель) – *жиде кат жер астында*, *мандай жеті қарыс* (семи пядей во лбу) – *маңгае жиде қарыш, жиде кат терісін шығару* (снять *семь* шкур с джиды) – *жиде кат тиресен тунау*. Так, например, в русском языке с цифрой *семь* имеются следующие крылатые выражения: «*Семь мудрецов, семь чудес света; Москва стоит на семи холмах; служил семь лет, выслужил сем рек; семеро в сани по семеро в саях*» и т.д. В индийской культуре также цифра *семь* является священной, например, выражения *Жеті мүше* (*семь частей*), *жеті нан* (*семь лепешек*) восходят корнями к индийской культуре, в древнем

Вавилоне после каждых семи дней наступал праздник, это связано с *семью звездами* на небосклоне: Солнце, Месяц, Меркурий, Сатурн, Марс, Юпитер, Венера – семь небесных тел. В связи с этим была сформирована семидневная неделя. Древние греки также поклонялись цифре *семь*. Цифра *семь* приносит людям удачу и т.д.

Образование наименований новых понятий с применением количественных понятий – это явление, которое существует с древних времен. Наименования в языке, образованные от количественных понятий, образуют различные концепты системных единиц когнитивного сознания. Посредством наименований священных чисел формируется языковая картина мира, образуется мировоззренческий образ. Свойства святых чисел несут функцию познания содержания концепта. Вместе с тем, в проявлении языковой картины мира имеются различные характеристики, свойственные собственно концепту: образы разъясняющих, познавательных, оценочных, образных слов доказывают, что природа создающих количественный концепт является культурным явлением.

Список литературы

- Қасым Б.Қ.* Күрделі алым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным. (Зерттеулер). – Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. – 383 б.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. (Пер. с нем. В.В.Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503, [9] с.)
- Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Жаналина Л.К.* Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методические комплекс дисциплины. Усебное пособие. – Алматы: Print-S, 2006. – 330 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Қасым Б., Зайсанбаева Г.* Метафоралы аталымдар когнитивтік бағытта. // ҚР ҰҒА-ның Хабаршысы. Тіл, әдебиет сериясы. 2004, №1. – Алматы: Ғылым, 2004. – 58-62 б.
- Әуезов М.* Әдебиет тарихы. Әр жылдар ойлары. – Алматы: Ана тілі, 1991. – 240 б.

Коровкина М.Е.
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
г. Москва (Россия)

Korovkina Marina Ye.
The Moscow State Linguistic University (MGLU)
Moscow (Russia)

*О ВЛИЯНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПЕРЕВОД (НА ПРИМЕРЕ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕССУБЪЕКТНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)*

IMPACT OF NATIONAL WORLD OUTLOOK ON TRANSLATION (ON THE EXAMPLE
OF THE SPECIFICS OF TRANSLATING RUSSIAN SYNTACTIC CONSTRUCTIONS
WITHOUT SUBJECT INTO ENGLISH)

В статье рассматриваются некоторые различия фрагментов концептуальной и языковой картин мира русского и английского языка. Эти различия вытекают из специфики мировосприятия, концептуализации и категоризации действительности носителями русского и английского языка, которые затем отражаются в языковой картине мира на всех уровнях языках: грамматическом, семантическом и стилистическом. В частности, в статье описываются такие психологические особенности представителей русскоязычного лингвосоциума как фатализм и иррациональность или смирение и покорность высшей воле и отмечается их некоторое влияние на широкое распространение таких синтаксических явлений русского языка как бессубъектные конструкции и номинализация. Также в статье даётся краткая характеристика особенностей концептуализации действительности английским языком, в частности, желание контролировать действительность, и прослеживается их некоторая взаимосвязь с грамматическим анимизмом. Таким образом, в статье представлено описание несоответствий грамматического уровня языковой картины мира русского и английского языков и способы преодоления таких несоответствий при переводе.

The article deals with certain differences in the fragments of conceptual and linguistic world image (or outlook) of the Russian- and English-speaking communities. These differences come from the specifics of the conceptualization and categorization by Russian and English speakers, which are reflected in the language at all its levels: grammar (syntax), semantics and stylistics. In particular, the article describes some important psychological traits of the Russian-speaking community as fatalism and irrationality or humility and submission to supreme will, which may be translated into a rather frequent use of syntactic constructions without subject and a trend towards nominalization. The article also gives a brief description of the specific features of the English-speaking community, for example, the desire to take the situation under control and an active attitude in life, which may entail at the language level, among other things, the use of syntactic metaphors as subjects. In addition to the theoretic account of language differences, the article contains some examples illustrating syntactic discrepancies between the Russian and English languages and the ways of finding the equivalents in translation, thus bridging the gap.

Ключевые слова: национальная картина мира, перевод, русскоязычный лингвосоциум, англоязычный лингвосоциум, особенности концептуализации и категоризации действительности, грамматика, семантика, стилистика, бессубъектные конструкции русского языка, номинализация.

Key words: national world image (outlook), translation, Russian-speaking community, English-speaking community, the specifics of world conceptualization and categorization, grammar, semantics, stylistics, Russian syntactic constructions without subject, nominalization.

В статье рассматриваются некоторые различия фрагмента концептуальной и языковой картин мира русского и английского языков грамматического уровня, представляющие собой определённые переводческие проблемы. Решение этих проблем неоднократно описывалось теоретиками и практиками перевода [см. Бреус, 1998, 2001, 2007; Гак, 1998; Швейцер, 1996; Черняховская, 1976], но хотелось бы, чтобы такая прикладная отрасль знания как методика преподавания перевода более активно использовала результаты исследований, проводимых в рамках концептуального анализа, и переводческие решения обосновывались и объяснялись именно с точки зрения различий в концептуализации действительности двух языков.

Концептуализация действительности человеком, то есть её восприятие и осмысление, формирует концептуальную картину мира, которая находится с языковой картиной мира в сложном единстве: в процессе такого осмысления мира человек даёт названия явлениям окружающей его действительности. Концептуальная картина мира выражается не только в словах, через язык, она гораздо шире и многограннее. Её также выражает искусство, культовое и светское, социокультурные стереотипы поведения людей (этикет, мода), способы ведения хозяйства [Постовалова, 1988, с. 21]. Тем не менее, именно язык, вернее, мышление в его тесной связи с языком, является основным инструментом познания и отражения действительности. Процесс познания окружающего мира идёт в рамках классификации и номинации явлений: в языке появляются новые понятия, называющие новые явления действительности, при этом в языке сохраняется весь ценный опыт, накопленный человечеством: «язык не только передаёт внеязыковую информацию в процессе дискурса, но и симультанно накапливает её в своих единицах, а также более или менее длительно хранит и, в процессе постоянно идущей социализации членов культурно-языковой общности, сообщает её им, т.е. носителям языка» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 506]. Авторы труда «Язык и культура» также отмечают, что основная информация о действительности аккумулируется в строевых элементах речи, прежде всего в лексике, а также во фразеологии и языковой афористике: самым важным накопителем информации об окружающем мире является слово или лексическое понятие. Под лексическим понятием подразумеваем «бытовые, обиходные понятия, т.е. понятия, являющиеся плодами нестрогой классифицирующей деятельности людей (членов определённой культурно-языковой общности)» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 44]. Авторы цитируемого выше труда привели много доказательств, в том числе из области психолингвистики и патологии речи, невербального характера лексических понятий. На

наш взгляд, самым ярким лингвистическим доказательством такого невербального характера лексических понятий является факт существования лексических лакун: понятие существует в обоих языках, но слово-лексема, выражающее это понятие, есть только в одном. Например, слово *сутки* русского языка не имеет прямого эквивалента в английском и переводится описательно: *twenty four hours, day and night, round the clock* (здесь и далее по тексту курсив мой – М.К.).

Универсальность человеческого мышления и понятий связана с априорным опытом человека, а апостериорность опыта воплощается в лингвоспецифичности языка: при вербализации понятий, в словах-лексемах отражается собственное видение мира и особенности культуры того или иного этно- или лингвокультурного сообщества: «культура этноса, имея общечеловеческий компонент, в то же время, с одной стороны, отчасти обусловлена частными условиями его проживания и, с другой, она, эта культура, в рамках свойственной людям игры... отчасти привносит свои предпочтения в обустройство мира» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 927]. Разница в абстрактных представлениях языка, в концептуализации действительности может объясняться различиями в климате, образе жизни народов, особенностями национального характера, обусловленными психологическими и религиозными факторами. Как отмечает Е.В. Падучева, удивительным является не то, что «в эскимосском языке есть много названий для снега, в арабском – для верблюда, а в китайском для риса: язык отражает условия существования его народа и содержит имена и реалии, специфические для данного народа. Гораздо более удивительно, что языки существенно различаются степенью тщательности разработки вполне абстрактных семантических полей – таких как каузация, агентивность, сфера эмоционального и др.» [Вежбицкая, 1997; с. 21].

Национально-специфичное или культурно-специфичное отражается в структуре значения слова или лексического понятия как основного инструмента классификации действительности. Вместо лексического понятия в концептуальном анализе используется близкий по смыслу термин «концепт». Концептом называется совокупность представлений, переживаний, ассоциаций, которыми сопровождается то или иное слово. «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия...; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология)...; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов, 2004, с. 43]. По мнению Ю.С. Степанова, концепты

не только мыслятся, но и чувствуются, они представляют собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [там же].

В.И. Заботкина, подробно разбирая структуру значения и её связь с национально-культурной спецификой, пишет, что культурно-специфичные концепты могут выражаться ядром значения, его интенционалом, и тогда они представляют собой реалии. Таких слов не так уж и много. В основном интенционалы слов выражают понятия, универсальные для различных культур. «Благодаря тому, что интенционалы разных слов соотносятся с одним и тем же фрагментом в концептуальной картине мира, возможен адекватный перевод с одного языка на другой» [Заботкина, 2012, с. 337]. Чаще культурная специфика выражается на уровне импликационала, то есть периферией структуры значения слова, и тогда речь идёт о коннотациях, связанных с национально-культурными ассоциациями или фоновыми знаниями (лексическим фоном, по терминологии Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина). Вследствие различной концептуализации действительности место и роль концептов в языке различна, а также различна структура значения концептов. Например, концепты, занимающие видное место в менталитете представителя англоязычного лингвосоциума, как *privacy*, *efficiency*, отсутствуют в русскоязычной картине мира [Заботкина, 2012, с. 74]. А такие концепты русского языка как *душа*, *стыд*, *совесть* имеют периферийные компоненты значения, совершенно отличные от их англоязычных эквивалентов [Арутюнова, 2000; Урынсон, 1999]. То же самое можно сказать и об англоязычном концепте *time*: время рассматривается в английском языке как ценный товар: *time is money* [Lakoff, Johnson, 1980, p. 7], что не соответствует русскому языку. Концепты относятся к номинативным единицам языка, сравнительным анализом которых успешно и плодотворно занимаются когнитивная лингвистика и концептуальный анализ. Кроме номинативных единиц, обладающих ярко выраженной культурной спецификой, в языке выделяются реляционные единицы, «указывающие отношения (реляции) между номинативными языковыми единицами» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 75]. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, данные единицы, принадлежащие к фонетико-интонационному, морфологическому и синтаксическому уровню, также могут обладать лингвоспецифичностью, объясняющейся разницей в концептуализации действительности, но этот вопрос ещё не получил широкой разработки в лингвистике.

Рассмотрим некоторые особенности синтаксиса русского языка, которые могут объясняться как раз спецификой концептуализации действительности, особенностями менталитета представителя русскоязычного лингвосоциума.

Как известно, Ш. Балли выделил два подхода, характеризующих восприятие действительности языком:

1. Феноменологический (импрессионистский) подход. Он характеризуется обилием безличных глаголов, например, по реке несёт лёд, несёт пар из бани [Балли, 2003, с. 188, примеры Ш. Балли], причём данные глаголы имеют чисто переходный смысл. В.Г. Гак интерпретирует данный подход следующим образом: «При феноменистическом, или импрессионистическом, подходе разум ограничивается первоначальным впечатлением от ситуации, причина происходящего не выявляется, феномен интерпретируется как внутренняя деятельность» [Балли, 2003, с. 14].

2. Каузальный. В данном случае «мысль инстинктивно обращается к поискам причины и следствия; определённый феномен вызывает идею агенса, производящего транзитивное действие, способное влиять на объект. Когда реальная действительность не предлагает агенса, его, не колеблясь, воображают...» [Балли, 2003, с. 186].

В русском языке преобладает феноменологический или импрессионистский подход, что доказывается анализом синтаксических процессов, наблюдаемых в русском языке. В частности, Е.М. Галкина-Федорук: «Количество безличных предложений в современном русском языке все время возрастает. Этот рост следует объяснять не только постоянным развитием и совершенствованием форм мышления..., но и различными грамматическими процессами, природа которых, в конце концов, тоже подчинена растущей сложности содержания речи. Наши данные показывают, что многие личные глаголы начинают употребляться по типу безличных. С другой стороны, некоторые виды безличных предложений остаются в языке в виде реликтов более старых форм мысли» [Галкина-Федорук, 1958, с. 151].

Действительно, некоторые переходные конструкции с развитием форм языка и мышления стали употребляться как безличные. Например: Die Wolke giest Regen – Туча проливается дождём/льёт дождь. – Es giesst – Льёт (как из ведра) [Балли, 2003, с. 188]. Тем не менее, некоторые учёные считают, что первоначально безличность была связана с архаичными языковыми формами, восходящими к древним индоевропейским языкам, и объясняется нерасчленённостью внешнего и внутреннего мира человека: «...перед нами внутренний мир человека, освоенный по образцу внешнего. Но этот внутренний мир все ещё не вполне «ментальный», это – не мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» [Степанов, 2004, с. 220].

Таким образом, мы наблюдаем сложную картину процесса развития категории безличности. С одной стороны, это сохранение архаичных, реликтовых форм, с другой, усложнение восприятия действительности и мышления, которое парадоксальным образом проявляется в увеличении безличных форм. Некоторые учёные объясняют такое широкое распространение бессубъектных конструкций особым мировосприятием русскоязычного человека.

Например, А. Вежбицкая объясняет это склонностью русских к пассивности и к фатализму, антирационализму или иррациональности и неконтролируемости событий, что нашло своё отражение в русском языке инфинитивными конструкциями с предикатами необходимости и возможности, инфинитивными конструкциями без модальных слов, рефлексивными конструкциями, все возрастающим количеством безличных предложений в современном русском языке. А. Вежбицкая делает вывод, что «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причём эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [Вежбицкая, 1997; с. 76]. (Ср. русское авось, тема судьбы, связанная с невозможностью контролировать события [Вежбицкая, 1997, с. 76; Верещагин, Костомаров, 2005, с. 812; Понятие судьбы, 1994]).

Анализ, проведённый А. Вежбицкой, подтверждается результатами исследований Н.К. Рябцевой, которая также отмечает распространённость бессубъектных конструкций, согласующихся с мироощущением русского человека: «Действующие в мире силы сильнее человека, неподконтрольны ему... и осмысляются как направляемые особыми, нечеловеческими, сверхчеловеческими явлениями, «силами», которые ненаблюдаемы, неочевидны, их субъект невидим и потому таинствен, мистичен» [Рябцева, 2005, с. 92].

В английском языке наблюдается другая тенденция. По мнению А. Вежбицкой, английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто «мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения» [Вежбицкая, 1997; с. 56]. Может быть, это является одной из причин того, что в английском языке в высказывании обязательно

должно быть подлежащее, так как «субъект предложения ... представляется как отчётливо выделенный из окружающего его фона» [Степанов, 2004, с. 220].

Н.К. Рябцева делает в этой связи следующий вывод относительно картины мира английского лингвосоциума: «в английской картине мира выделяется не то, что правит миром и изменяет его, а какие изменения в нем происходят и каков их результат» [Рябцева, 1996, с. 29].

Проанализируем способы передачи несоответствий в синтаксических конструкциях русского и английского языков, связанных с наличием или отсутствием в предложении подлежащего. Как известно, в английском языке в предложении обязательно должно быть подлежащее.

На практике это означает, что все многообразие бессубъектных синтаксических конструкций при переводе с русского языка на английский язык необходимо трансформировать в предложения с субъектом. Грамматические трансформации, используемые в данном случае, сводятся к следующей схеме:

1. Использование грамматического приёма перевода замены членов предложений, при котором подлежащим становится второстепенный член предложения (чаще всего дополнение). Рассмотрим некоторые примеры перевода с русского языка на английский бессубъектных конструкций:

- Неопределённо-личное предложение:

Однако, как выяснили в Минэкономразвития, *данной проблеме до сих пор не было уделено* должного внимания. В первую очередь Минфином. – But, according to the Ministry for Economic Development and Trade, *this problem has been handled inappropriately*, first of all by the Finance Ministry.

- Рефлексивная конструкция:

В любой стране со стабильной экономикой на крупные предприятия *приходится* удивительно небольшая доля ВВП. – In fact, in any stable nation, big business *accounts for* a surprisingly small amount of the GDP.

- Предикаты необходимости и возможности, выраженные словами-категориями состояния:

Для выполнения своих обязанностей *аудитору необходимо* проверять внутреннюю бухгалтерию компании, её активы, бухгалтерские проводки и т.д. – To perform his or her duties and obligations *an auditor has to* audit internal company accounting, its assets, book entries, etc.

2. Ввод подлежащего из более широкого контекста, являющийся частным случаем приёма добавления. Например:

- Перевод безличных предложений

1. Таким образом, в ближайшие месяцы *не исключено* создание нового российско-вьетнамского нефтедобывающего совместного предприятия. – *So, Russia and Vietnam may set up a new oil-production JV in the coming months.*

2. Мы считаем, что во всем мире *нужно* ввести единые стандарты бухгалтерской отчётности. Я не уверен, что от этого будет легче, но что будет лучше – это точно. – *We think that we need uniform global accounting standards. I am not sure that it will be easier, but it will certainly be better.*

Как уже было сказано выше, желание контролировать происходящие изменения в окружающем мире в картине мира англоязычного лингвосоциума, возможно, привело к тому, что в предложении обязательно должен быть субъект действия, который этот контроль осуществляет. Этот психологический феномен мог явиться причиной бурного развития такого явления как грамматический или синтаксический анимизм, когда в роли подлежащего вместо одушевлённого существительного употребляется неодушевлённое (называющее место, причину, орудие действие и т.д., играющего роль субъекта действия), по сути, просто заполняющее валентность подлежащего, так как реального субъекта действия не наблюдается. Но нужно сказать, что это явление характерно и для других европейских языков, не только для английского языка. Ниже приводятся дословные переводы типичных синтаксических метафор французского языка: *Конгресс собрал 1000 делегатов. Дождь помешал мне выйти. Вино делает его больным. Катастрофа убила пять человек. Октябрь видел повышение цен на нефть* [Гак, 1998, с.751]. С подлежащим, выраженным неодушевлённым существительным, сочетается антропоморфный глагол. В русском языке синтаксические метафоры практически не встречаются. Соответствующие таким конструкциям предложения русского языка представляют собой высказывания с обратным порядком слов, когда подлежащее следует за сказуемым, а в начале предложения на месте темы стоит второстепенный член, часто обстоятельство. В подобных конструкциях в русском языке и в синтаксических метафорах английского языка часто встречаются десемантизированные глаголы, находящиеся между собой в метонимических отношениях. При этом глаголы языка оригинала и перевода находятся между собой в метонимических отношениях:

1. Глаголы *to see, to signal, to witness* в сочетании с подлежащим, выражающим даты или временные отрезки:

- *В прошедшем году был достигнут* определённый прогресс в налоговой реформе. – *The last/past year witnessed* some progress in the tax reform.

- *В этом месяце обанкротился* один из крупнейших гонконгских банков – «Перегрин инвестментс холдинг». – *This month has seen* the bankruptcy of *Peregrin Investments Holding*, one of the largest banks in Hong Kong.

2. Глаголы, выражающие причинно-следственную связь:

- *Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний* произошло резкое падение инвестиций. – *Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse triggered/caused* a drastic drop in investments.

3. Глаголы различной семантики:

6-7 февраля в городке *Бока Ратон (Флорида)* пройдёт встреча министров финансов стран «Большой семёрки». – *On February 6-7, the town of Boca Raton (Florida) will be hosting* a G6 summit of finance ministers.

Использование полнозначных глаголов в таких конструкциях делает подлежащее более реальным субъектом действия, наделяющимся большей степенью одушевлённости, на взгляд носителя русского языка:

- *По межбанковскому рынку начали циркулировать* «черные списки». В результате рынок «схлопнулся». – *The inter-banking market started to circulate* black lists, which then resulted in a market crash.

При этом часто синтаксическая метафора используется именно при переводе с русского языка бессубъектных конструкций.

- *На втором этапе стали решать* экономическую задачу – отнимать собственность. *The second stage focused on* the economic tasks of property seizure.

Рассмотренные выше синтаксические конструкции принадлежат также уровню стилистики, который занимает промежуточное место между номинативными и реляционными единицами. [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 77].

Ещё одна стилистическая особенность русского языка, связанная с синтаксическим уровнем и конкретно с бессубъектностью – это тенденция к номинализации. В русском языке при описании ситуации часто используются такие конструкции, которые грамматически имеют субъект, но, по сути, являются бессубъектными. Ср.: *Работа идёт хорошо. – Мы активно работаем.*

Обилие конструкций с отглагольными существительными представляет определённые переводческие трудности.

Например, в русском языке подлежащее часто бывает выражено абстрактным или отглагольным существительным, а сказуемое – тематическим глаголом широкой семантики типа *составить, осуществляться, существовать, быть характерным, идти, наблюдаться* и т.д. Такие глаголы, на наш взгляд, относятся одновременно и к реляционным, и к номинативным языковым единицам, так как служат в предложении для связи подлежащего с ремой.

В данном случае оправдано применение такого грамматического приёма перевода как развёртывание редуцированного предиката.

Например:

- При этом *перedel собственности будет идти* во многих отраслях российской экономики. – *Property will be redistributed in many industries.*
- *Осложнение экономической ситуации связано с* низким объёмом капиталовложений и замедленными темпами реструктуризации. – *The economic situation has deteriorated because of low level of investment and slow restructuring.*

При переводе абстрактных существительных тоже может применяться этот же приём.

- В настоящее время *деятельность* коммерческих банков в России *осуществляется* в достаточно сложных условиях, на фоне платёжного кризиса, инфляции и банковского кризиса. – *Today, Russian commercial banks operate in a difficult economic environment that includes/against the background of the payment and banking crises and inflation.*

Как мы видим из примеров, при переводе подлежащим в английском языке становится существительное, стоящее в русской фразе в родительном падеже.

Иногда отглагольные существительные в русском языке образуют целые цепочки. По наблюдению Н.К. Рябцевой, в русском языке определительные отношения оформляются при помощи цепочек существительных в родительном падеже: «Генитивная конструкция весьма продуктивна и способна к практически бесконечному наращиванию, к инкорпорации большого числа составляющих: ускорение динамики роста производительности труда рабочих добывающей промышленности» [Рябцева, 1996, с. 47].

Если в тексте встречаются такие цепочки из существительных в Р.п. (и в других косвенных падежах), то нужно применять различные приёмы перевода, основным из которых является развёртывание редуцированного предиката, что часто приводит к возникновению ещё одного предиката. Нужно иметь в виду, что перевод при помощи конструкции с предлогом *of* не является идиоматичным и ведёт к затемнению смысла русского предложения, переводимого на английский язык. Например:

- *К моменту обретения островом независимости* в 1968 году значительная часть его территории уже была изуродована разработками. – *When the island became independent* in 1968, most of its territory had already been disfigured by the mines.

- При этом эксперты Всемирного банка и МВФ полагают, что *урегулирование проблемы задолженности Ханоя перед Москвой* является важным условием поддержания кредитоспособности СРВ. – The IMF and the World Bank experts believe Hanoi *must pay its debts to Moscow* to sustain its creditability. (Во втором примере при переводе использована глагольная метонимия).

Итак, вышеприведённые примеры показывают, что корректный перевод русских бессубъектных и номинативных конструкций на английский язык можно осуществить только путём нахождения идиоматичного субъекта действия с учётом лингвоспецифичности правил сочетаемости того или иного языка, то есть их «осубъечивания» в той или иной форме.

В заключение можно сделать вывод, что стилистические особенности синтаксического уровня выражают не только отношения между номинативными языковыми единицами – основными аккумуляторами культурного пласта, но и лингвоспецифичность, связанную с национальным своеобразием концептуализации действительности. Как уже было сказано выше, распространение бессубъектных конструкций в русском языке может объясняться менталитетом русскоязычного человека, пониманием того, что в мире действуют силы, которые не подвластны контролю человека. На наш взгляд, бессубъектные синтаксические конструкции и номинализация (например, номинализация сказуемого и устранение субъекта) – это явления одного порядка, но это уже тема для отдельного исследования. И их можно объяснять, как это делает ряд авторов, фатализмом, пассивностью, иррациональностью, нежеланием управлять своей жизнью и т.д. или связать это с иными концептами - константами русской культуры: кротостью, смирением и покорностью высшей воле, хотя, возможно, все вышеперечисленные концепты произрастают из одного корня.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* О стыде и совести. Логический анализ языка: Языки этики / Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54-79.
- Балли Ш.* Язык и жизнь / Ш. Балли. М.: УРСС, 2003. 230 с.
- Бреус Е.В.* Курс перевода с английского языка на русский / Е.В. Бреус. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.
- Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. М.: УРАО, 1998. 208 с.
- Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. Учебное пособие. Часть 1 / Е.В. Бреус. М.: УРАО, 2001. 104 с.
- Вежбицкая А.* Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1997. 412 с. Предисловие Падучевой Е.В. С. 5-28.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования / В.Г. Гак. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке / М.: Изд-во МГУ, 1958. 332 с.
- Заботкина В.И.* Слово и смысл / В.И. Заботкина. М.: РГГУ, 2012. 432 с.
- Рябцева Н.К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. / Н.К. Рябцева. М., 1996. 112 с.
- Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 320 с.
- Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / В.И. Постовалова. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
- Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры / Ю. Степанов. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Урынсон Е.В.* Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Е.В. Урынсон. М.: Индрик, 1999. С. 11-26.
- Швейцер А.Д.* Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе / А.Д. Швейцер. М.: МГЛУ, 1996. С. 84-90.
- Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура / Л.А. Черняховская. М.: Международные отношения, 1976. 264 с.
- Lakoff, George, Johnson, Mark. *Metaphors We Live By.* / George Lakoff, Mark Johnson. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1980. 242 p.

Кулиева Р.Г. гызы
Бакинский славянский университет
г. Баку (Азербайджан)

Kulieva Ragila
Baku Slavic University
Baku (Azerbaijan)

*КОНЦЕПЦИЯ ВОСТОКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (НА
МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ФЁДОРА СОЛОГУБА)*

CONCEPT OF THE ORIENT IN RUSSIAN LITERATURE OF THE “SILVER CENTURY”
(ON THE CREATIVITY OF FYODOR SOLOGUB)

В своей поэзии Ф. Сологуб осознанно обращается к метафизике человеческого бытия. Под влиянием идей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Л. Шестова, Н.М. Минского в его стихах прослеживается интерес к Востоку и восточному миропониманию. Как и в восточной лирике, связь и единство всего живого присуще творчеству Фёдора Сологуба. Каждая составляющая природы важна. Он «ничего не отвергал в созданыи». Здесь всё сопряжено. Восток предстаёт в его поэзии, прежде всего, как библейский Восток («Пилигрим», «Подражание пророку Амосу», «Халдейская песня», «Мадонна») и буддийский Восток. Он создаёт свои мифы, но они отвлечённые. Он пытается бороться с судьбой и приходит к экзистенциальной идее свободы, размышляет о предназначении человека в этом мире, абсурдности бытия, бесполезности и трагичности существования людей. Отрицание у него соединяется с утверждением. Сологуб – противоречивая личность, в которой уживались декадент и тонко чувствующий природу поэт-философ.

F. Sologub applies to the nature of human being in his creativity. His interest to the Orient was prompted under the influence of ideas of F. Nietzsche, L. Shestov, N.M. Mynsky, F. Sologub's poetry represents first of all Biblical Orient (in the poems “Pilgrimage”, “Emulation of prophet Amos”, “Chaldean song”, “Madonna”) and Buddhist East. He creates his own abstract myths, trying to fight with fate, thinking about human destiny in the universe, uselessness and tragic nature of the earthen life. F. Sologub is the contradictory poet-philosopher, who combined decadence with sentient feelings of nature, and represents combination of rejection and confirmation.

Ключевые слова: Сологуб, буддийский Восток, поэт-философ, декадент.

Key words: Sologub, Buddhist East, poet-philosopher, decadence.

Серебряный век в русской литературе дал такое количество талантов, что изучение их (особенно учитывая семидесятилетие умалчивания творчества замечательных мастеров поэтического слова), по всей вероятности, займёт не один десяток лет. Начиная с 90-х годов прошлого века, когда новые поколения читателей открывали для себя «бабье лето» русской литературы, всё новые издания «серебряных» авторов, возвращают нас в это сложное и неоднозначное время, представляющее рубеж не только жизненных укладов, но и рубеж культуры.

Среди знаковых фигур эпохи особо выделяется Фёдор Сологуб (Фёдор Кузьмич Тетерников, 1863-1927) и не только по объёму наследия, где проза и поэзия конгениальны

и вместе с тем дополняют друг друга, но и новой художественной реальностью, принимаемой и понимаемой далеко не всеми. Сологуб, как и в своё время его гениальный соплеменник Николай Васильевич Гоголь, показал русским проживаемую ими жизнь настолько наглядно и поэтически изошрённо, что многие современники сочли это за пасквиль. Вместе с тем его творчество позволило Евгению Замятину отметить, что с Сологуба начинается «новая глава русской прозы» <...> «жестокое время сотрёт многих, но Сологуб – в русской литературе останется» [Ерофеев, 1983, с. 3].

Это было сказано в 1924 году, однако творчество-пророчество великого писателя, несмотря на жёсткий характер эпохи, воплотилось в жизни. В отличие от А. Блока, М. Цветаевой, Андрея Белого, Д.С. Мережковского, З. Гиппиус, В. Соловьёва, Анны Ахматовой и многих представителей серебряной эпохи, у Сологуба не было при рождении ни глубоких корней, ни культурной среды, ни дворянского окружения с определёнными традициями и пр. Как и Гоголь, он был чужак в среде изысканных литературных салонов, среди рафинированных эстетов, что подчёркивалось и его социальным происхождением – сын кухарки и портного. Он пришёл к поэтической славе через нищету, немислимые унижения и порку. Степень нищеты видна из того факта, что Сологуб с наступлением весны и до самых холодов ходил босиком и на занятия в училище, и на богослужения в церковь. Это социальное унижение рождает в нём нежелание видеть в господах людей. Однако это было не только чувство смерда: унижение он терпел и в семье. За малейшую провинность мать жестоко наказывала и его, и сестру: порола розгами, ставила на колени в угол. Порка продолжалась не только дома, но и в уездном училище, и в приходской школе и даже тогда, когда он в 16 лет поступил учиться в Учительский институт. Этой порке посвящено не одно стихотворение. Мать секла его и в 28 лет (о чём он пишет сестре в 1891 году). Единственной отдушиной была книга. Можно сказать, что Сологуб, как и любимый им Ф.М. Достоевский, пришёл к писательству от книги. Даже его «искание красоты и правды» предопределяется влиянием творчества Достоевского и Некрасова. Он понимал также, что писатель не может сформироваться без общения и вне общественных интересов.

В 1882 году после окончания Учительского института, Фёдор Сологуб уезжает с матерью и сестрой в Крестцы Новгородской губернии и погружается в обывательскую рутину провинциальной жизни, где находит образы для своих будущих книг. О его учительстве подробных сведений нет. Но он являлся автором учебника геометрии и это свидетельствует о том, насколько серьёзно Сологуб относился к своей педагогической

стезе. Он был серьёзен и основателен. Это позволило В.Ф. Ходасевичу сказать, что Сологуб явился сразу писателем, «которому уже за тридцать, а по виду и того много больше. Никто не видел его молодым, никто не видел, как он старел. Точно вдруг откуда-то появился – древний и молчаливый» [Ходасевич, 1991, с. 109]. Только культура помогла ему оказывать сопротивление: культура, природа, журналы, по которым он отслеживает духовные поиски современной русской интеллигенции. Эти десять лет кризиса и безвременья, царившие в русском обществе, заставили его погрузиться в себя. Он стремится найти свою поэтическую нишу в русской поэзии, свою тему. Через подражания некрасовской лирике, «униженным и оскорблённым» героям русской словесности, через модное тогда декадентство, Сологуб приходит к новой конкретности и прозаичности в своей поэзии. Чувства, изображённые им, однообразны, почти унылы. Он вновь открывает для себя старые темы лишь пройдя через прозу. В литературе властитель умов – Н.М. Минский – заражает молодых писателей философскими настроениями, вечными идеями. Впервые в поэзии Сологуба появляется мысль о всеобщей взаимосвязи вещей и явлений, человека и природы.

Корифей русского символизма бытописатель Сологуб под влиянием идей Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, Л. Шестова теперь уже осознанно обращается к метафизике человеческого бытия. Так, к философской проблематике он приходит под воздействием экзистенциализма и философии А. Шопенгауэра в 90-е годы. Меняется содержание и направленность его поэзии. Идея о враждебности и бессмысленности мира, о бесконечной и жестокой борьбе, которая ведётся на всех уровнях жизни, была близка Сологубу. Вместе с тем его привлекала и мысль о сопряжённости всего сущего, и следовало ожидать, что от иррационализма Шопенгауэра он уже в 900-е годы придёт к иррационализму Ф. Ницше. Философские идеи этих авторов пробуждают в Сологубе интерес к Востоку и восточному миропониманию.

Он обращается к одному из трёх верховных божеств индийского пантеона – Бrame – созидающему началу. Вместе с тем Брама неотделим от Вишну – сохраняющего всё живое, и Шивы – разрушительного начала. Как известно, Сологуб был одним из зачинателей русской эротической литературы. Это больше проявляется в его прозе, нежели в поэзии. Но в этом стихотворении поэт воспевае священнй Лингам – символ плодородия. Это гимн, возносящий Брамy выше других богов. Философски понимая сущее, Сологуб интуитивно приходит к тому, что созидание, сохранение и разрушение диалектически взаимосвязаны:

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
И целую священный Лингам.

Он возможен на ткани узорной,
Покрывающей древний алтарь.
Стережёт его голый и чёрный,
Диадемой увенчанный царь.

На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он чёрен, громаден и прям.
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
Напою ароматами храм.

Алтарю, покрывалу, Лингаму
Я открою, что сладко люблю.
Вместе Шиву, и Вишну, и Брам у я
Ароматной мольбой умолю.

7 января 1907

(Сологуб, с. 338)

«Индии прекрасной» и гонимому парии-поэту посвящено стихотворение «Я вспомнил повесть давних лет...» (1880). Наряду с конкретными реалиями, в изображении Востока в поэзии Сологуба преобладает философская составляющая. Даже названия стихотворений Сологуба казались иллюстрацией к отдельным положениям философии Шопенгауэра.

Индивидуальное существование человека, его смысл и безнадёжность превращаются в его поэзии в реалии метафизические. Источником многих положений философии Шопенгауэра и Ницше был буддизм, восточное мироощущение – мир во мне и я во всём; это чувство сопряжённости позволяло свести воедино вещи, находящиеся в разных плоскостях.

Шопенгауэр предопределил многие положения толстовской философии, Ницше руководствовался идеями Достоевского. Здесь тесно сплелись Европа – Россия – Восток или Восток – Россия – Европа. Вещный мир, так глубоко ценимый японской поэзией, в стихах Сологуба выражается зримо, почти язычески.

Такое восприятие мироздания характерно и для Льва Толстого, также пришедшему к буддизму через философию Артура Шопенгауэра. Связь и единство всего живого, будь это растение или животное, присуще и поэтическому творчеству Фёдора Сологуба. Так, в стихотворении «Я люблю мою тёмную землю...» каждая составляющая природы важна – «ничего не отвергну в созданьи». Здесь все сопряжено и «во всём есть восторг и веселье <...>». Завершается стихотворение гимном Его величию:

Преклоняюсь пред Духом великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданьем Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
5 августа 1896
(«Я люблю мою тёмную землю...», с. 171)

Но кроме опосредованной «восточности» мы находим у Сологуба изображение библейского востока, как, например, «Подражание пророку Амосу» (1881), «Пилигрим» (1896), «Халдейская песня» (1907), «Тяжёлый и разящий молот...» (15 марта 1917), «Мадонна» (1918).

Стихотворение «Пилигрим» в контексте жизни Фёдора Сологуба предстаёт как программа, как творческое кредо. Всю жизнь он искал свой святой Ерусалим. Так до конца его не найдя, он тем не менее стремился к нему, как путник пустыни к миражу.

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неумоимо,
То шаг назад, то два вперёд.
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистошимо, как печали, –

И, все далёк Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далёк от пилигрима
Его святой Ерусалим.
7-12 июня 1896
(«Пилигрим», с. 165)

Но привлекал Сологуба более всего облик Христа в контексте идентификации с собой. Изображение мук Христовых в последнюю ночь в Гефсиманском саду, его моление и неотвратимость предначертанного удела в произведении «Зелень тусклая олив...» (1911) придаёт стихотворению интимно-личный характер:

Зелень тусклая олив,
Успокоенность желания.
Безнадёжно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.

В утомленьи и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!
(«Зелень тусклая олив...», с. 364)

Подобно тому, как Христос после глубокой скорби приходит к примирению с судьбой, так и Фёдор Сологуб смиряется со своей участью:

Было тёмно, как в гробу.

Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела
(«Зелень тусклая олив...», с. 364)

Невыносимое одиночество и тотальное непонимание толпой миссии Христа делают его скорбь неизбежной. Вместе с тем, будучи пророком, он понимает неотвратимость своего предназначения и смиряется в понимании веления Бога:

Ну так что ж! как хочет бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтальный чертог
Только изредка почудится.

Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя – смиренная.
Нет в душе надежд и сил, умирают все желания
Я спокоен, – я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.
26 октября 1911
(«Зелень тусклая олив...», с. 364)

Такое соотнесение себя с личностью Христа, поэтической миссии с пророческой миссией, вполне примиряет поэта со своей жизнью. Это прослеживается и в более раннем стихотворении, написанном в 1905 году, где он соотносит себя и свою роль в созидательном творчестве с первочеловеком, а по Исламу – первым пророком – Адамом:

Я был один в моём раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались благие.
(«Я был один в моём раю...», с. 327-328)

Лёгкий юмористический флёр, пронизывающий текст этого стихотворения, представляет нам Эдем в сологубовском понимании:

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон, безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, – как смех, утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева...

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, – навеки скрылась.

28 декабря 1905

(«Я был один в моём раю...», с. 327-328)

Так причудливо сплелись в его поэзии буддизм, библейский и христианский Восток. 27 ноября 1912 года по поводу сказки Ф. Сологуба «Пленённая смерть» Александр Блок пишет: «<...> Всё-таки Сологуб изменил самому себе, запутался в собственной биографии. Та, которая здесь зовётся Мечтой и Лилит, – в лучшие времена была для Сологуба – смертью-утешительницей, и всё было тогда для него – верно и стройно <...> Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь» [Блок, 1980-1989, с. 174]. Блок оценивает творчество поэта с позиций символизма. Но и в 1918 году Сологуб продолжает темы, намеченные в его философской лирике начала века. Так, воспоминания о матери провоцируют его на новую параллель своей жизни с жизнью Христа:

Милая мать, ты – Мадонна,
А твой сын – младенец Христос.
Учи его умирать без стога,
Учи его страдать без слёз.

Больше ничего от тебя не надо.
Его судьбы ты никогда не поймёшь.
Завидишь сени Гефсиманского сада –
Сама вонзи себе в сердце нож.
8 августа 1918, Княжнино
(«Мадонна», с. 411)

По справедливому определению исследователя творчества Фёдора Сологуба Д.В. Токарева, «соединение христианского утверждения жизни и буддийского её отрицания позволило бы, <...>, выработать новый, основополагающий принцип бытия, заключающийся в примате суверенной воли человека, которая реализует себя в виде некой сверхличной энергии, сжигающей оппозиции любви и ненависти, жизни и смерти, добра и зла» [Токарев, 2005, с. 47]. Думается, что противоречивость творческой и личной

составляющей образа Сологуба нашла здесь адекватное отражение (хотя это было высказано по поводу его героя Триродова из «Творимой легенды»).

По сравнению с другими поэтами Серебряного века, лирика Фёдора Сологуба выглядит тематически бедной, однообразной. Об этом писали и современники. Но эта повторяемость одних и тех же тем, варьируемость их, вплоть до отдельных образов и деталей, и определяет в целом облик Сологуба-поэта. Его обвиняли в нелюбви к России. Лучше всего это прокомментировал В.Ф. Ходасевич: «Это не он не видел Россию, а мы проглядели его любовь к ней» [Ходасевич, 1991, с. 114].

Он создаёт свои мифы, но они настолько отвлечённые, что не помогают, а, напротив, мешают понять глубину его эмоциональных переживаний. В библейских стихах Сологуб пытается бороться с судьбой и приходит к экзистенциальной идее свободы, размышляет о предназначении человека в этом мире, абсурдности бытия, бессмысленности и трагичности существования людей. Зло приобретает вселенский характер («Земное бремя – пространство, время»). Противоречивость была формой его существования. Отрицание у него причудливо сочетается с утверждением и это прослеживается на протяжении всего творчества Сологуба. Он отвергает Бога и вместе с тем по-нищшеански возвеличивает «Я»; его привлекает идея «вечного возвращения». В 20-е годы Сологуб приходит к мысли, что единственное спасение человека – в искусстве. С искусством он связывает чистоту и святость. Для него это и есть настоящая жизнь. В этом контексте примечательны слова писателя, высказанные в беседе с Э.Ф. Голлербахом: «Жизненной правды вообще не существует. Что такое жизненная правда, где она, кто её видел? Есть правда искусства, и у всякого художника своя правда» [Голлербах, 1990, с. 220].

Фёдор Сологуб – противоречивая личность, в которой уживались декадент и тонко чувствующий природу поэт-философ. Во многом это было связано с фактами его жизни, а также сложной эпохой рубежа веков, где на переломе истории подвергалась испытанию не только судьба России, но и судьбы людей, а поэтов – тем более. Время показало, что во многом он был прав.

Список литературы

Блок А. Собр. соч. в шести т. Л.: Худож. лит., 1980-1983. Т. 5., 408 с.
Голлербах Э.Ф. Из воспоминаний о Фёдоре Сологубе // Русская литература. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990, № 1, С. 218-224.

Ерофеев В.В. Тревожные уроки «Мелкого беса». С. 3-16 // Фёдор Сологуб. Мелкий бес: Роман. Рассказы. М.: Правда, 1989, 480 с.

Сологуб Фёдор. Стихотворения // Библиотека поэта (Основана М. Горьким). Большая серия. Второе издание. Ленинградское отделение: Советский писатель, 1978, 679 с.

Токарев Д.В. Михаил Булгаков и Фёдор Сологуб / Русская литература № 3, Спб., «Наука», 2005, С. 38-72.

Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания. М.: Советский писатель – Олимп, 1991, 192 с.

Лычкина Ю.С.
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Lychkina Yulia S.
Southern Federal University
Rostov on Don (Russia)

*ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВОЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

LEXICAL UNITS, MEANING STRONG-WILLED CHARACTER TRAITS IN RUSSIAN

Данная статья посвящена анализу лексических средств номинации волевых черт характера. Слова, обозначающие волевые качества человека, входят в состав одного из микрополей семантического поля «Характер человека», занимая в нём ведущее положение. Состав микрополя образуют разные части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Все элементы микрополя «Волевые черты характера» указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в морфологической принадлежности. Выдвинуто и доказано предположение, что структуру микрополя организуют прилагательные, благодаря многоплановости их семантики, широкой сочетаемости. Парадигматические отношения прилагательных (в первую очередь синонимические и антонимические) позволяют упорядочить структуру микрополя, уточнить значение его элементов. Внутри микрополя установлены семантические рубрики, дифференцирующие различные свойства человека (наличие-отсутствие воли, самообладание, отношение к опасности). Отдельные черты характера определяются при помощи большого количества лексем; это следствие особой значимости данных свойств личности для русских людей. Члены синонимических рядов различаются стилистической окраской, сферой применения, эмоциональной оценкой, степенью экспрессивности. В русском языке для наименования волевых свойств используются имена прилагательные как в прямом значении, так и в переносном. Выявлено, что метафоры, обозначающие волевые черты характера, выражают преимущественно рациональную оценку.

The article is devoted to the analysis of lexical means denominating volitional character traits. Words denoting human willpower, belong to one of the microfield in the semantic field "Human character", occupying a leading position in it. Composition of the microfield is formed by different parts of speech: nouns, adjectives, verbs, adverbs. All elements in the microfield "Volitional traits" indicate features (traits), despite morphological differences. The assumption has been advanced and proved that the structure of the microfield is organized by adjectives, owing to diversity of their semantics, wide compatibility. Paradigmatic relations of adjectives (primarily synonymous and antonymous) allow to order the microfield structure, to clarify the meaning of its elements.

Within the field semantic rubrics have been set, differentiating various properties of human (presence-absence of will, self-control, attitude to danger). Some traits are determined by a large number of lexemes, it is a consequence of the special significance of these personality traits for the Russian people. Synonymous differ in stylistic coloring, scope, emotional evaluation, degree of expression. For naming volitional traits in the Russian language adjectives are used in the literal and figurative meaning. It has been revealed that metaphors indicating volitional traits express basically rational assessment.

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, семантическая рубрика, лексема, лексическая метафора, системные отношения, синонимы, антонимы.

Key words: semantic field, microfield, semantic rubric, lexeme, lexical metaphor, systemic relations, synonyms, antonyms.

Одной из важнейших проблем лингвистики рубежа XX и XXI веков является исследование взаимосвязи языка и человека: язык, с одной стороны, проявляется в практической жизнедеятельности человека, а с другой – воздействует на его мировоззрение, стратегии дискурсивных практик, охватывающие все сферы человеческого бытия. Язык многоаспектно отражает стороны материального и духовного мира личности – мораль, систему ценностей, менталитет, национальный характер.

Изучение характера – это ключ к познанию личности. Характер – «самая стойкая черта нации», так считал в начале 20 века психолог и социолог П.И.Ковалевский. В психологии характер понимается как система наиболее устойчивых индивидуально-психологических особенностей, проявляющихся в поведении человека. Отдельная черта характера представляет собой некоторый стереотип поведения, реализующийся в определенных ситуациях с высокой степенью вероятности.

Особую значимость в характере человека имеют волевые качества; это объясняется тем, что в обстоятельствах, требующих волевых усилий, характер проявляется отчётливей [Ильин, 2000, с. 168]. Изучение прошлого показывает, что войны, набеги, тяготы повседневной жизни закаляли дух русского народа; богослужение, строгие религиозные посты укрепляли силу воли, умение ограничивать себя. В.В. Колесов отмечает, что «воля и есть основная черта национального характера» [Колесов, 2006, с. 448].

Психологи выделяют волю как главный компонент в психологическом складе личности. Воля – это та сторона психической деятельности, которая отражает общественные потребности и выражается в сознательной постановке цели (целеустремленности), решимости или готовности достигнуть этой цели, активности, организованности и стойкости, необходимых для преодоления препятствий, стоящих на пути к достижению цели [Ильин, 2000, с. 168].

В толковом словаре даётся такое определение лексемы *воля*: «Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. *Сила воли. Воспитание воли. Преодолеть что-л. усилием воли. Если бы не твердая воля Батманова, неутомимо тянувшего их за собой, они неделями сидели бы на каждом участке. К чему.* Сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в достижении чего-л. *Воля к победе*» (здесь и далее толкования слов и примеры из «Словаря русского языка» под ред. Евгеньевой А.П. в 4-х т. М., 1981-1984).

Характер долгое время отождествляли с волей человека. Воля связана, по преимуществу, с силой характера, его твёрдостью, решительностью, настойчивостью. Когда говорят, что у человека сильный характер, то тем самым как бы хотят подчеркнуть его целеустремленность, его волевые качества. В этом смысле характер человека лучше всего проявляется в преодолении трудностей, в борьбе, т.е. в тех условиях, где в наибольшей степени проявляется воля человека. Но характер не исчерпывается силой, он имеет содержание, определяя, как в различных условиях будет функционировать воля. В волевых поступках характер складывается и в них же проявляется: волевые поступки в значимых для личности ситуациях переходят в характер человека, закрепляясь в нем в качестве относительно устойчивых его свойств; эти свойства в свою очередь обуславливают поведение человека, его волевые поступки.

Значимость воли как главного компонента в структуре характера находит своё отражение в языке. Слово *характер*, помимо первичного толкования «совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека», используется и в значении «твердая, сильная воля, стойкость, упорство в достижении цели». В толковых и фразеологических словарях мы находим многочисленные подтверждения тому, что для носителей языка наличие-отсутствие характера (во втором значении этого слова) связано с оценкой человека прежде всего по его волевым качествам. Это понимание получило отражение в толкованиях таких слов и устойчивых словосочетаний, как – «упрямый, любящий делать по-своему»; *бесхарактерный* – «слабовольный, легко поддающийся чужому влиянию»; *человек с характером* – «человек с твердым характером»; *человек без характера* – «слабовольный»; *выдерживать характер* – «проявлять стойкость, непреклонность».

Лексемы, обозначающие волевые качества человека, можно систематизировать двумя способами. Первый способ – это рассматривать данные слова в составе семантического поля «Характер», в качестве одного из его микрополей наряду с такими микрополями, как «моральные свойства человека», «отношение к другим людям» и т.п. Второй способ – анализировать лексемы в составе семантического поля «Воля», куда также входят микрополя «проявление воли», «волевой акт», «выбор» и др. [Саяхова, 2000, с.6]. На наш взгляд, предпочтительнее рассматривать микрополе «Волевые черты» как элемент поля «Характер человека».

В микрополе «Волевые черты характера», по данным толковых, тематических словарей, входит 210 слов. Состав микрополя организуют слова разных частей речи:

имена существительные, номинирующие черту характера (*упорство*) или человека, которому свойственно какое-либо качество (*храбрец*); имена прилагательные, характеризующие человека (*настойчивый*); глаголы, определяющие особенности поведения человека, обусловленные его характером (*трусить*); наречия, указывающие на признак действия (*отчаянно*). Большинство элементов микрополя образуют словообразовательные ряды и гнезда: *смелый – смело – несмело, смелый – смелость, смелый – осмелеть – осмеливаться, смелый – смельчак*. Все элементы микрополя «Волевые черты характера» указывают на признак (черту характера), несмотря на различия в морфологической принадлежности. Полагаем, что структуру микрополя организуют прилагательные - чаще всего этимологически первые в словообразовательном ряду микрополя. Как часть речи имя прилагательное многофункционально, многопланово; его лексическое значение раскрывается за счет парадигматических и синтагматических связей. Прилагательные, определяющие волевые черты, регулярно сочетаются с лексемами *человек, характер*: (*отважный, выдержанный, стойкий* и т.д.) человек, (*безвольный, слабый, вспыльчивый* и т.д.) характер. Типичная функция прилагательного – функция именного сказуемого, то есть они служат характеристикой лица: *Никита был смелый мальчик. Из него вышел бы неплохой моряк.* (А.Н. Толстой, Как ни в чём не бывало). Парадигматические отношения прилагательных (в первую очередь, синонимические, антонимические) позволяют не только упорядочить структуру микрополя, но и уточнить семантику его элементов.

Опираясь на идеографическую классификацию лексики, мы установили следующие рубрики внутри микрополя «Волевые черты характера»: *волевой – безвольный, сдержанный – вспыльчивый, смелый – трусливый* [Саяхова, 2000, с. 6]. Рубрикация внутри данного микрополя затруднена вследствие многозначности его элементов, а также диффузности семантики отдельных слов. В каждой рубрике есть противоположные качества: положительные и отрицательные, так как характеристика человека в основном дуальна. Отдельные волевые черты характера могут обозначаться несколькими синонимичными лексемами; это следствие особой значимости данного свойства личности для русских людей. В каждом микрополе можно выявить противопоставление синонимических рядов – синонимо-антонимические парадигмы, которые составляют единство, определяя объем и содержание понятия. Эти синонимо-антонимические группы могут служить основой для выделения семантических разрядов в рубриках. Помимо оппозиции лексем, в некоторых рубриках выделяются слова, значение которых указывает

на проявление той или иной черты в сверхстепени, при этом положительное качество может получить отрицательную оценку.

Рубрика «волевой – безвольный» включает 24 прилагательных: *волевой, сильный, тверды, настойчивый, упорный, упрямый, упористый, настырный, стойкий, непоколебимый, непреклонный, несгибаемый, железный, стальной – безвольный, слабый, слабовольный, бесхарактерный, слабохарактерный, нерешительный, мягкий, мягкотелый, бесхребетный*. Эти лексемы определяют наличие – отсутствие у человека воли, т.е. волевых качеств, необходимых для достижения целей, сопротивления жизненным трудностям, отстаивания своих взглядов и убеждений.

Внутри данной рубрики устанавливаются многочленные синонимические ряды на основе общей семы. Члены синонимического ряда могут различаться стилистической окраской, сферой применения, выражаемой эмоциональной оценкой и значением усилительности. Так, синонимический ряд прилагательных *волевой, сильный, твёрдый, ерный* определяет в общем наличие-отсутствие у человека волевых качеств. *Волевой человек. Сильная натура. Твёрдый характер*. Прилагательное *характерный* является устаревшим, сейчас чаще употребляется в разговорном стиле: *Так он у тебя сердитый? – Ой, характерный! Бывало, начнёт ругаться – за что? – неизвестно*. (А. Тарасов, Крупный зверь).

Ряд синонимов с доминантой *стойкий* характеризует способность человека сопротивляться внешнему воздействию: *стойкий, стоический, непреклонный, непоколебимый, несгибаемый, железный, стальной*. Использование большого количества лексем для определения этого свойства свидетельствует о важности его для носителей русского языка. *С одним мотором, на высоте трехсот метров, настойчивый и аккуратный лётчик всё же выполнил задание*. (Л. Соболев, Третье поколение).

Возможно выделение синонимического ряда с заглавным словом *настойчивый*: *настойчивый, упорный, упрямый, напористый, настырный, упористый*. Элементы ряда указывают на способность человека добиваться своих целей, осуществлять задуманное. *Он должен быть упорный и очень храбрый – такой, что много не говорит, а делает лучше других* (Л. Толстой, Севастополь в августе 1855 г.). Прилагательные *настырный, упористый*, которые отличаются просторечной окраской, негативно характеризуют чрезмерное проявление упорства. [*Топилина:*] *Коней бережёте, а к людям как относитесь? [Ольховатов:] Опять за свое... Ладно, дам [коней]. – Настырная ты какая!* (А.В. Софронов, Сердце не прощает).

Для членов анализируемого микрополя характерны и отношения антонимии; она выступает одним из важнейших видов системных отношений между единицами языка, определяя границы поля, так как основой антонимии является логическая противоположность внутри одной сущности.

В микрополе «Волевые черты» обнаруживается специфика антонимических противопоставлений, обусловленная наличием у одного слова двух равнозначных по смыслу антонимов. Речь идет о наличии так называемых антонимических вариантов [Новиков, 2003, с. 236]. Так, прилагательное *волевой* вступает в антонимические отношения со словами *безвольный*, *слабовольный*. *Кроткий и безвольный Гусев был беззащитен перед учениками, — они могли проделывать на его уроках все, что им угодно.* (В. Кожевников, Мальчик с окраины). Устанавливается и другая трёхчленная оппозиция: *характерный – бесхарактерный, слабохарактерный*. Очевидно, что для русского человека отсутствие воли (т.е. характера) и слабое ее проявление оцениваются одинаково (негативно). *Отец, слабый и бесхарактерный, женился на моей матери из-за денег.* (А.П. Чехов, Рассказ неизвестного человека).

Когда слабовольного человека называют «бесхарактерным», с точки зрения психологии это не совсем так – и у безвольного человека есть определённые черты характера, такие, например, как боязливость, нерешительность и т.д. Понятие «бесхарактерный» указывает на отсутствие у человека собственной направленности, внутреннего стержня, который бы определял его поведение. Его поступки вызваны внешними воздействиями и не зависят от него самого.

Важно отметить, что для характеристики человека в русском языке используются лексемы как в прямом значении, так и в переносном. Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаков слов: физический признак предмета переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психических свойств личности (*тупой, резкий, мягкий, жесткий, глубокий* человек и т.п.). Гудков Л.Д. отмечает: «Признаковая метафора регулярно служит задаче создания лексики «невидимых миров» – духовного начала человека, его внутреннего мира, моделей поведения, нравственных качеств, состояний сознания, эмоций, поступков» [Гудков, 1994, с. 45]. Метафора-прилагательное часто содержит точную и яркую характеристику лица.

Антонимы *сильный – слабый* имеют переносное значение. В основе переноса лежит сопоставление физической силы человека с его волей: если человек сильный – значит, у него твёрдая воля, и наоборот, физически слабый человек, по традиции, не отличается

стойкостью. Метафора *слабый* продуктивна (см. *слабовольный, слабохарактерный, слабак*). Путём метафорического переноса образованы значения слов *твёрдый, стойкий*. Если мы обратимся к первичным номинативным значениям этих слов, то увидим, что оба прилагательных в прямом значении указывают на качества предметов (*твёрдый* – «способный сохранять свою форму и размер в отличие от жидкого и газообразного»; *стойкий* – «долго сохраняющий и проявляющий свои свойства, не поддающийся разрушению, изменениям»). В переносном значении они характеризуют непоколебимого, непреклонного человека, с сильной волей: *Поэт! – Услышишь суд глупца и смех толпы холодной; Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.* (А.С. Пушкин, Поэту). *Лейтенант Паскин знал свою дружную и стойкую команду, но и он, следя за действиями матросов, изумлялся их боевым качествам.* (А.С. Новиков-Прибой, Цусима). Аналогичен по сути метафорический перенос значения прилагательных *железный, стальной* («непоколебимый, непреклонный; не знающий отклонений, отступлений»): *Самолюбие в нем было огромное, и характер он имел железный.* (И.С. Тургенев, Рудин). Эти признаковые метафоры выражают положительную оценку характера. Антоним слова *твёрдый* – *мягкий* («такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает приятное ощущение» - «кроткий, уступчивый, поддающийся какому-л. воздействию, напору»): *Человек он, впрочем, был деликатный, мягкий и неглупый.* (А.П. Чехов, Ариадна).

Метафора (как и другие образные средства) имеет свойство быстро «стираться» от частого употребления и превращаться в штамп или термин. На наш взгляд, рассмотренные прилагательные, которые в переносном значении указывают на волевые черты характера, являются «стертыми» метафорами, то есть частично утрачивают свою образность, так как регулярно служат для наименования свойств человека, выражая преимущественно рациональную оценку. Эти слова отличаются широкой сочетаемостью, общепотребительностью, нейтральной стилистической окраской.

Метафоры, обозначающие волевые черты характера, выражают оценку не только рациональную, но и эмоциональную. На наш взгляд, яркой образностью и экспрессивностью отличаются такие метафорические определения характера, как *мякотелый, бесхребетный*: «перен. разг. Не имеющий твёрдости в характере, во взглядах; беспринципный». *Агитатор из него тоже был неважный, так как хотя он был парень неглупый, но политически бесхребетный». (А. Фадеев, Письмо А.Ф. Колесниковой, 3 мая 1950); «легко поддающийся чужому влиянию; бесхарактерный» *Вы мякотелый**

какой-то. Кулагин издевается над человеком, а вам безразлично. (Н. Рыбаков, Екатерина Воронина). Образность метафоры – это результат смысловой двуплановости, следствие взаимодействия в семантике двух значений – первичного прямого, мотивирующего, и вторичного переносного, образно мотивируемого. Именно образность, сопряжение переносного значения с прямым позволяют более ярко выразить эмоциональную оценку явлений.

Каждый народ имеет свои стереотипные ассоциативно-образные представления о характере человека; внутренняя форма метафорически переосмысленных слов отражает ценностные представления русского народа. То, что русскими людьми резко осуждаются слабохарактерность, безвольность, доказывают не только приведенные примеры, но и построенные по этой же модели экспрессивные метафоры *амёба, размазня, слизняк, тряпка, тюфяк* – «бесхарактерный и безвольный человек» [Шведова, 2002, т. 1, с. 114]. Характер выражаемых ими оценок (презрение, пренебрежение), сниженный стиль обуславливают яркую эмотивную окрашенность языковых единиц.

Для характеристики отношения человека к опасной ситуации в русском языке используются 16 прилагательных: *смелый, решительный, храбрый, бесстрашный, отважный, мужественный, боевой, геройский, отчаянный, удалой – трусливый, несмелый, боязливый, пугливый, робкий, малодушный*. Большинство из них употребляются в прямом значении. Синонимический ряд с общим значением «смелый» включает больше прилагательных, чем противоположный по семантике ряд с доминантой «трусливый», что свидетельствует о важности для русского человека таких качеств, как храбрость, отвага, мужество. *Он был храбр и хорошо знал те острые минуты боя, когда командиру для решающего хода нужно пошутить со смертью.* (А.Н. Толстой, Восемнадцатый год). *Со всех сторон слышны были новые и новые рассказы об отдельных примерах мужества, оказанных нашими солдатами и офицерами.* (Л. Толстой, Война и мир). В разговорной речи для характеристики отважного, способного к подвигам человека используется пароним слова *героический*: *Виктор – смелый, отчаянный, героический парень.*

Прилагательное *малодушный* может быть отнесено к двум рубрикам: «наличие – отсутствие воли», «поведение в опасной ситуации», так семантика лексемы эврисемична: «проявляющий малодушие, слабовольный, трусливый». *Куда – я годен, если во мне нет закала, я слаб, малодушен* (А.П. Чехов, Несчастье). *И малодушный к гибели клонит, бой променяв на спокойный очаг* (О. Мандельштам). Очевидно, отсутствие в характере волевых качеств не позволяет человеку проявить смелость в опасности.

Для усиления интенсивности понятия «смелый» возникла метафора *отчаянный* – «не знающий страха, способный на самый рискованный поступок», относящаяся к разговорному стилю: *Вот, — говорит один товарищ, — уж на что Мишка отчаянный, а в этот овраг не прыгнет.* (И. Тургенев, Отчаянный). Номинативное значение прилагательного – «впавший в отчаяние» (устар.); возможно, в безвыходной ситуации человеку не остается другого выбора, как проявить бесстрашие.

Прилагательное *удалой* («отличающийся удалью») отличается от других элементов синонимического ряда экспрессивностью: *Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина.* (Л. Толстой, Кавказский пленник). Слово *удаль* синонимично лексемам *смелость, отвага, храбрость*. В то же время его значение – «безудержная, лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством; молодечество» [СРЯ, 1981-1984, т. 4, с. 463] – получает в других языках лишь описательное выражение. Некоторые денотативные семы в лексическом значении данного слова являются национально-маркированными, указывая на специфичность русского характера. *Удаль* – качество, граничащее с самоотверженностью и безрассудством, – всегда отличало русских воинов.

Рубрика «сдержанный – несдержанный» содержит 12 прилагательных: *сдержанный, выдержанный, ровный, уравновешенный, хладнокровный, невозмутимый – несдержанный, невыдержанный, вспыльчивый, горячий, взбалмошный, необузданный*. В данной рубрике собраны качества характера, связанные с умением человека сдерживать свои чувства, владеть собой, т.е. проявлять самообладание: *Обыкновенно невозмутимый, Данилов не на шутку начинал сердиться.* (Н.Г. Гарин-Михайловский, Детство Тёмы). *[Коблов:] Не ехать ли мне с вами? [Стыров:] Нет, вы, Никита Абрамыч, горячи очень; тут надо быть хладнокровнее.* (А. Островский, Невольницы).

Прилагательные в синонимическом ряду с доминантой *сдержанный*, указывающие на положительное качество, характеризуются нейтральной стилистической окраской. Значение отдельных слов образовано путем метафорического переноса. Внутренняя форма метафоры *сдержанный* – «такой, которому не дают проявиться в полной мере, который сдерживают» (*сдержанное волнение, сдержанный плач*) не только указывает на проявление тех или иных эмоций, но и характеризует человека: *Самые искренние люди бывают часто самыми сдержанными людьми, и самые сильные чувства этих людей никогда не выражаются ими.* (Д.И. Писарев, Реалисты). В основе вторичной номинации *уравновешенный* («обладающий ровным, спокойным, выдержанным характером») –

сходство с действием («сделать одинаковым по весу, привести в равновесие»). *Иван Ильич считал себя человеком уравновешенным: чего-чего, а уж головы он никогда не терял.* (А.Н. Толстой, Хмурое утро). Метафорическое значение слова *ровный* – «уравновешенный (о характере, поведении человека)» образовано путем ассоциативного переноса качеств предметов (гладкий, плоский, прямой) на характер человека: *Прежде я была ровного, кроткого характера.* (Чернышевский, История одной девушки). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что метафорические наименования черт характера не всегда содержат дополнительные коннотативные смыслы.

Прилагательные, обозначающие отрицательные качества в данной рубрике, образуют синонимический ряд, элементы которого отличаются друг от друга высокой степенью экспрессивности, разговорной стилистической окраской. *Вспыльчивый* – «легко приходящий в раздражение, гнев, способный вспылить»: *Он иногда бывал очень вспыльчив, так что даже я спускал ему.* (Ф. Достоевский, Подросток). *Горячий* – «вспыльчивый, легко возбуждающийся: *Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил* (В. Панаева, Воспоминания). *Взбалмошный* – «Разг. сумасбродный, неуравновешенный, с причудами. *Это был простой степной барин, довольно взбалмошный, крикун, – грубый, но не злой.* (И.С. Тургенев, Дворянское гнездо). Прилагательное *необузданный* указывает на крайнюю степень проявления несдержанности: *Страшна и необузданна была она в гневе.* (Г.М. Марков, Строговы).

Таким образом, многочисленные лексические синонимы детализированно определяют различные свойства характера, связанные с наличием-отсутствием воли человека, умением преодолевать трудности и свой страх, сопротивляться внешним обстоятельствам. Отдельные черты характера определяются при помощи большого количества слов; это следствие особой значимости данного свойства личности для русских людей (*настойчивый, упорный*) или его неприятия (*слабовольный, бесхарактерный*).

В русском языке для названия волевых свойств используются имена прилагательные как в прямом значении, так и в переносном. Если слова в прямом значении ориентированы часто на стилистически и эмоционально-нейтральное наименование качеств характера, то лексические метафоры могут выступать и в номинативно-характеризующей функции, закрепляясь в системе языка как единицы, детализирующие определение характера, способные интенсифицировать его оценку. Личность человека

часто вызывает у окружающих потребность в эмоционально-экспрессивной характеристике, оценке, особенно отрицательные черты.

Обращение к языковому материалу, компонентный анализ значений языковых единиц с опорой на данные психологии позволил выделить несколько семантических рубрик в микрополе «Волевые черты характера человека». Изучение синонимо-антонимических групп в данном микрополе помогает понять многообразие типов русского характера, обратить внимание на поляризованность свойств душевного склада человека – твёрдость и слабость, смелость и трусость, сдержанность и вспыльчивость.

Список литературы

Гудков Л.Д. Метафора и рациональность. М., 1994.

Новиков Л.А. Современный русский язык: учебник. 4-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др. Под общ. Ред. Л.А. Новикова. СПб.: изд-во «Лань», 2003.

Саяхова Л.Г. Тематический словарь русского языка. / Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Под ред. Морковкина В.В. М., 2000.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А.П. М., 1981-1984.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 2002.

Моклецова И.В.
Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mokletsova Irina
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Moscow State University
Moscow (Russia)

ОБРАЗ АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. МУРАВЬЕВА

THE IMAGE OF ST ANDREW THE APOSTLE IN A. N. MURAVYOV'S WORKS

Статья посвящена теме взаимодействия древнерусской словесности и литературы Нового времени в творческом наследии А.Н. Муравьева. Обращение к одному из ключевых образов мировой культуры – образу апостола Андрея Первозванного, играющему важную роль в русской традиционной духовности, позволяет обозначить межкультурное пространство взаимодействия разных народов, изучить процессы становления русского мира в европейском контексте. Благодаря многообразию найденных художественных средств писателю удалось создать запоминающийся образ апостола, оживить историко-литературную традицию.

This article considers the interaction of old Russian literature and modern literature in the creative legacy of Andrey Nikolaevich Muravyov. We can identify the intercultural space of cross-national interaction by looking at St. Andrew the Apostle, one of the key images in world culture and an important figure in Russian traditional spirituality. By observing this figure, we can examine the formation of the Russian world within the European context. Muravyov created a memorable image of the apostle through a variety of means, reviving historical and literary tradition.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, русская литература, духовные традиции, православие, паломничество, апостол Андрей, А.Н. Муравьев.

Key words: intercultural communication, Russian literature, spiritual traditions, Orthodoxy, pilgrimage, St. Andrew, A.N. Muravyev.

В творческом наследии русского писателя, государственного и общественного деятеля А.Н. Муравьева (1806-1874) проблемы взаимодействия русской, западноевропейской и восточных культур раскрываются с опорой на сорокалетнюю дипломатическую службу автора, которая по-новому высветила его литературный талант. А.Н. Муравьев большей частью состоял чиновником по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской империи (1822-1823, 1828-1866), основными направлениями его внешнеполитической деятельности были христианский Восток, Османская империя, западноевропейские страны. Он также выполнял важнейшую культурную миссию, связанную с созданием за рубежом положительного образа России, раскрытием достоинств её народа и способности её правительства к международным союзам и контактам. Немаловажную роль в этом сыграли литературные и аналитические

способности писателя, большого знатока народов и культур, иностранных языков и зарубежного искусства. Паломнические описания стали для него инструментом, с помощью которого он успешно решал поставленные задачи.

Этноконфессиональные аспекты взаимосвязи России и Европы всегда интересны и обычно вызывают неоднозначную реакцию с обеих сторон, так как затрагивают сакральную сферу культуры. Догматы и традиции в религиозной сфере наполнены живой верой народа, что увеличивает сложность их восприятия носителями иной духовности. Несмотря на сложившиеся церковные различия у представителей различных конфессий есть общие богословские основания и святыни общехристианского почитания на Ближнем Востоке, в России и Западной Европе. Ярким тому примером является культ апостола Андрея Первозванного в России, странах Западной Европы и Ближнего Востока, получивший своеобразное культурное преломление в искусстве, идеологии, государственной символике и др. [Православная энциклопедия, 2001; Ендольцева, 2011]. Флаг и орден апостола Андрея, множество храмов, икон, текстов – лишь краткое перечисление артефактов, связанных в истории мировой культуры с именем Первозванного.

А.Н. Муравьев почитал апостола Андрея как одного из крестителей Руси, наравне с Вел. князем Киевским Владимиром, а также как своего небесного покровителя. Писатель сохраняет верность древнерусскому представлению о роли апостола в судьбе православного русского народа, создав в своих произведениях его запоминающийся образ, тем самым оставаясь в лоне церковных преданий и утверждая историчность этого события. Своим неоднократным обращением к данной теме на всех этапах творческой биографии он стал одним из тех авторов XIX в., которые стремились сохранить культурно-историческое наследие предков, используя для творческого самовыражения разные литературные жанры – стихотворение, житие, путешествие по святым местам, акафист.

Самое первое упоминание об апостоле Андрее встречается в сборнике А.Н. Муравьева «Таврида» (1827), представляющему образец его раннего творчества. Стихотворение «Апостол в Киеве» [Муравьев, 2007] сразу адресует читателя к древнерусскому летописному своду Повесть временных лет, что составляет важную часть его творческого метода. Древнерусское восприятие Киева как колыбели русской святости, культуры, государственности в его идейно-художественном сознании тесно связано со странствием апостола Андрея, который, по преданию, благовествовал в Скифии, а затем

поднялся по Днепру, дошёл до Киевских гор, с которых благословил будущую Русскую землю и предсказал её жителям крещение. Далее апостол посетил Великий Новгород, немало подивился русской бане, дошёл до острова Валаам, оставив там своих учеников – преп. Сергия и Германа Валаамских.

Впоследствии это предание сфокусировало религиозные, политические, историко-культурные и научные споры, которые во второй половине XIX в. достигли своего апогея, в них участвовали не только светские, но и церковные учёные. Начиная с Н.М. Карамзина либерально ориентированное крыло отечественной науки не будет признавать достоверность этого знаменательного для русского сознания путешествия, по сути, отвергая церковное предание как источник вероучения и церковного права [Карамзин, 1989, с. 192-193].

Оценка маститого историка не смутила А.Н. Муравьева, он остался верен преп. Нестору Летописцу и в своём стихотворении создаёт образ чудесного странника, который «с святыней на устах и с посохом в руке / Бестрепетно идёт по пенистой реке; / Виденьями небес таинственными полный / Идёт, не чувствуя, – земля ль иль бурны волны, – / Апостол Божества! И многие страны / Протёк, невежества снимая пелены, / Спасительной рукой кумиры сокрушая / И новый, светлый мир народам обещая» [Муравьев, 2007, с. 78-79]. Эту точку зрения на деяния апостола Андрея Первозванного разделял также известный историк и знаток древностей, ординарный академик Академии наук, митрополит Макарий (Булгаков), неоднократно переиздававший свой труд по истории Русской православной церкви (1846, 1868, 1883) [Макарий (Булгаков), 1994].

Сборник «Таврида» впервые обнаруживает то, что составит впоследствии особенность художественного стиля А.Н. Муравьева: верность русским национальным традициям, приверженность православному типу духовности и способность выявлять в окружающей действительности, в том числе и в потоке литературной жизни, те ключевые темы, образы, настроения, переживания, которые позволяли ему на разных этапах творчества, используя разные жанры и сферы деятельности, постоянно достраивать разрушаемый временем художественно прекрасный, гармоничный, поэтический мир своего народа.

Прот. Сергей Петровский приводит интересное для уточнения развиваемой темы свидетельство о связи апостола Андрея с христианизацией славян: «В базилике Святого Климента (в Риме. – И.М.) на сводах верхнего её храма останавливает на себе внимание фреска “Спаситель и двенадцать апостолов” работы Джовенале да Селано. В вестибюле

нижнего храма этой базилики – фреска “Спаситель между архангелами Михаилом и Гавриилом”, благословляющий по-гречески святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, которых подводит к Господу святой апостол Андрей и святой священномученик Климент Римский. Фреска эта принадлежит IX веку (*курсив наш. – И.М.*)» [Сергий Петровский, 2003, с. 347]. В этих образах, именах, их сочетании зримо отражается вся первоначальная русская аксиология, которую так глубоко чувствовал и хорошо знал А.Н. Муравьев.

Церковный историк В.В. Бурева подводит итоги исследования данной проблематики на современном этапе: «Наиболее распространённой является точка зрения о формировании на Руси сказания о хождении апостола Андрея в конце XI века. <...> Относительно времени внесения этого сюжета в летопись хотя и существует некоторая дискуссия, все же большинство исследователей полагают, что произошло это на рубеже XI–XII веков. <...> Также оказался чрезвычайно плодотворным внутренний анализ сказания» [Бурева, 2009]. Последнее обстоятельство становится ключевым для понимания раскрытия данной темы А.Н. Муравьевым, позволяя говорить об интуитивных прозрениях автора, которые нельзя не учитывать при анализе художественного творчества, основанного на легендарном историческом материале.

Образ апостола Андрея Первозванного в творчестве А.Н. Муравьева встречается в житиях святых [Муравьев, 1860], неоднократно – в путешествиях по святым местам [Муравьев, 1846; Муравьев, 1851; Муравьев, 1846]. Сопоставление отрывка из «Путешествия по святым местам русским» с ключевым эпизодом стихотворения «Апостол в Киеве» свидетельствует о том, что лирическое начало прозы А.Н. Муравьева уходит корнями в его поэтические опыты, отсюда её напевность и ритмичность: «Станем на горах Киевских, там оттоле, по выражению преподобного Нестора, пошла Русская земля: ибо свет истины, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, есть и духовное начало всякого царства! <...> Первозванный из Апостолов идёт во мрак Скифии, в край ему неведомый, но ведомый Богу, избравшему Себе и в нем верных служителей, как между прочих языков» [Муравьев, 1990].

В планы своих заграничных путешествий А.Н. Муравьев обязательно включал места, связанные с памятью об апостоле Андрее, несмотря на трудности, стремился туда попасть и оставлял их подробное описание. 8-9 мая 1845 г. он посетил г. Амальфи (Италия), где в начале XIII в. оказались мощи апостола Андрея, вывезенные крестоносцами из разграбленного ими Константинополя [Муравьев, 1846]. Во время своей

поездки на Восток в 1849-1850 гг. он отправится на место мученических подвигов апостола Андрея в г. Патры (Греция), в котором он застал единственный действующий тогда православный храм. Видя столь бедственное положение греков, писатель вручил им частицу мощей Первозванного, полученную на Св. горе Афон [Муравьев, 1851].

По возвращении в Россию А.Н. Муравьев обратился к митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову) с просьбой принять в серебряном ковчеге частицу мощей апостола Андрея Первозванного, приобретённую им в русском скиту Пророка Илии на Афоне в бытность его там во время путешествия на Восток, которая была положена без огласки в Успенском соборе Лавры в придельном храме во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, над которым на хорах устроен придельный храм во имя Св. Апостола Андрея Первозванного [Дело по архиву Святейшего синода, 1850-1853].

А.Н. Муравьев осваивал такие жанры, которые не вошли в светскую литературу Нового времени, создав образец современной гимнографии, продолжив древнюю византийскую и древнерусскую традиции [Муравьев, 1894; Пономарев, 1890]. Поэтико-мелодическое искусство торжественных песнопений (гимнов) дошло до нас в церковной (культовой) форме, исполняемой на литургии. Начиная с XVIII в. в русской литературе функцию поэтического и музыкально-поэтического произведения, отличающегося особой торжественностью и возвышенностью, посвящённое какому-нибудь событию или герою, выполнял жанр оды, достигший совершенных образцов в поэзии М.В. Ломоносова [Ломоносов, 1984] и Г.Р. Державина [Державин, 1993]. Одический жанр был важным художественным явлением своего времени, однако современное его развитие не наблюдается. Акафистная гимнография и поныне сохраняет свою востребованность, имея непреходящее значение в связи с использованием в церковной богослужебной практике.

Несмотря на то, что в церковном уставе Русской православной церкви есть указание только на один Великий акафист, в служебной практике функции акафиста расширяются, некоторые из них могут читаться также в составе молебна и других богослужений. Акафист продолжает развивать эпическое содержание церковной гимнографии, с его помощью прославляется выбранный объект и создаётся его возвышенный образ, он раскрывает самые важные эпизоды рассказываемых событий, которые известны из других источников – Нового и Ветхого Завета, агиографии, церковной истории [Виноградов, 2001, с. 370-377].

А.А. Чуркин, анализируя причины небывалого интереса к жанру акафиста с середины XIX в., приходит к выводу, что «история превращения такого сугубо

риторического, богослужебного произведения как акафист в явление массовой литературы свидетельствует об универсальности литературного процесса и об условности границ между светской и духовной литературой» [Чуркин, 2008]. Сравнение жанров акафиста и духовного стиха позволяет исследователю констатировать замещение сюжетного стиха акафистом на основе родства «молитвословной и сказовой строфики»; наличие агиографической подосновы, органично обработанной в назидательно-покаянном духе; «активное использование семантического и синтаксического параллелизма», библеизмов и устойчивых церковно-богослужебных словосочетаний, их певческую природу [Чуркин, 2008].

А.Н. Муравьев использует этот древний жанр, наполняя его своими представлениями о деятельности апостола Андрея. Поэт создаёт образ единого христианского мира, который появился в первую очередь благодаря трудам Первозванного. Используя выразительный приём перечисления и повтора географических названий – *Ворисфен, Скифия, Понт Евксинский, Херсонес, Киев* наряду с *Иерусалимом, Римом, Патрами*, – он расширяет временные и пространственные границы вселенского православия. В акафисте апостолу Андрею Первозванному можно найти поэтические строки, которые особенно напевны наподобие лирического стихотворения, призванные выразить благоговейные чувства поэта [Акафист апостолу Андрею Первозванному, 2000, с. 331]. Выдерживая композиционно акафистный канон, гибкий и энергичный, А.Н. Муравьев в некоторых местах утяжеляет восприятие своего произведения излишне усложнённым синтаксисом и архаичной лексикой: «Пустынные Скифии не убоясь, во глубину полунощных страны простерл еси апостольская странствия твоя, Первозванне, отонудуже и в ветхий Рим пришел еси» [Акафист апостолу Андрею Первозванному, 2000, с. 334]. Сосуществование духовных стихов и акафистов в середине XIX в. обнаруживается, например, в созвучии 6-го кондака акафиста апостолу Андрею Первозванному со стихом «Страсти Господни» из собрания П.А. Бессонова: «Со страхом мы, братие, мы восплачемся: / Мучения страдания Иисуса Христа» [Бессонов, 1863–1864; Стихи духовные, 1991, с. 76].

Таким образом, творческие усилия А.Н. Муравьева в этой области находятся в общем русле развития русской литературы того времени, активно совмещающей древнерусские и современные лирические и прозаические жанры. Он является одним из немногих светских писателей, который обратился к оригинальному жанру акафиста и смог создать произведение, ставшее образцовым для церковной гимнографии: в Русской

православной церкви нет другого акафиста, посвящённого апостолу Андрею Первозванному. А.Н. Муравьеву удалось создать на страницах своих произведений запоминающийся образ апостола Андрея Первозванного, следуя в русле древнерусской словесной традиции и оригинально преломляя её в современном ему литературном контексте. Русская литературная и историко-церковная традиция почитания апостола Андрея является основанием для компаративного исследования различных национальных языков и культур, важной темой межкультурного общения.

Список литературы

- Акафист апостолу Андрею Первозванному // Акафистник. М.: Даниловский благовестник, 2000. С. 327-338. 600 с.
- Бессонов П.А.* Калеки переходные. Ч. 2. Вып.4. М.: Тип. А. Семена, 1863–1864. № 381. 852 с.
- Бурега В.В.* Летописное сказание о святом апостоле Андрее в российской историографии [электронный ресурс] / В.В. Бурега. 2009. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru>
- Виноградов А.Ю.* Андрей Первозванный // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 370-377. 752 с.
- Державин Г.Р.* Духовные оды. М.: Ключ, 1993. 378 с.
- Ендольцева Е.Ю.* Соль земли: Образы апостолов в позднеантичном мире. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2011. 259 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Ломоносов М.В.* Стихотворения / Сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. Е.Н. Лебедева. М.: Сов. Россия, 1984. 368 с.
- Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: В 10 т. Т. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 408 с.
- Муравьев А.Н.* Акафист Св. апостолу Андрею Первозванному. М.: Синодальная тип., 1894. 32 с.
- Пономарев С.И.* Акафисты (Библиогр. заметка). СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1890. 16 с.
- Муравьев А.Н.* Жития святых Российской Церкви. Вып. 3. Месяц ноябрь. СПб.: Тип. III Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1860. 502 с.
- Муравьев А.Н.* Письма с Востока в 1849–1850 гг. Т. 2. СПб.: Тип. III Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1851. 417 с.
- Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. М.: Книга: СП Внешиберики, 1990. 292 с.
- Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. Ч. 1. СПб.: Тип. III Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1846. 296 с.
- Муравьев А.Н.* Римские письма. Т. 2. СПб.: Тип. III Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1846. 656 с.
- Муравьев А.Н.* Таврида. М.: Наука, 2007. 520 с.
- Дело по архиву Святейшего синода. РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 45067. 1850-1853. 30 л.
- Сергий Петровский, прот.* Жизнь, труды, мученическая кончина и прославление святого Апостола Андрея Первозванного. СПб.: Царское дело, 2003. 416 с.
- Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.
- Тарановский К.Ф.* Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI-XIII вв. // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М.:

Языки русской культуры, 2000. С. 257-274. 432 с.

Чуркин А.А. Русский акафист XIX – начала XX века как жанр массовой литературы [Электрон. ресурс] / А.А. Чуркин. 2008. – Режим доступа: <http://azbyka.ru>

Мусатаева М.Ш.

Ташдемир О.П.

Казахский национальный педагогический университет имени Абая
г. Алматы (Казахстан)

Mussatayeva Manatkul

Tachdemir Oksana

Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty (Kazakhstan)

*ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА ЦВЕТ В РУССКОЙ И
УКРАИНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАГМЕНТА
БЕЛЫЙ)*

PAROEMIOLOGICAL REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT *COLOR* IN RUSSIAN
AND UKRAINIAN WORLDVIEWS (A STUDY FOR THE FRAGMENT *WHITE*)

Анализ интерпретационного поля показывает развитие признаков концепта, которое зависит не только от осмысления его человеком, от его субъективной оценки, отношения, но и от времени, обстоятельств, сопутствующих пониманию концепта. Как известно, концепт как совокупность концептуальных признаков, способных к вербальному воплощению, может быть объективирован как посредством лексических средств, так и посредством паремий, выражающих содержание интерпретационного поля концепта. Именно в пословицах субъективно интерпретируются представления социума о мире и отражается универсальность общечеловеческого жизненного опыта.

В данной статье представлена репрезентация фрагмента *белый* концепта *цвет* посредством паремиологических единиц русского и украинского языков. Учитывая инвариантность противопоставлений *белый – чёрный* и *светлый – тёмный*, предполагаем наличие широкой области пересечения концептов *белый цвет* и *свет*, как и *чёрный цвет* и *темнота*. На наш взгляд, существует, по меньшей мере, две причины, повлиявшие на использование колоратива *белый* для обозначения наиболее значимых для человека понятий: 1) *белый* цвет этимологически восходит к *свету* и *солнцу*, 2) формирование соответствующих ассоциативных связей с наиболее значимыми и энергетически сильными объектами – явлениями природы: *солнцем*, *молнией*, *светом*, *огнём* и другими источниками света.

Analysis of interpretative field demonstrates development of concept's features, which depend not only of person's interpretation, subjective evaluation, relations, but also of time, circumstances, associated with understanding of a concept. As it is known, a concept as an assembly of conceptual features can be verbalized lexically, in particular, by proverbs, which also express a content of a concept's interpretative field. It is a proverb, which exactly reflects society's subjective imagination about the world as well as universality of common human experience.

Representation of the fragment *white* of the concept *color* by Russian and Ukrainian proverbs is described in the article. Considering the invariants of opposition *white – black* and *light – dark*, we suppose the existence of wide intercrossing region for the concepts *white color - light* and *black color - darkness*. In our opinion, there are at least two reasons, which influenced the usage of the concept *white* to determine the most significant human concepts: 1) etymologically white color is related to *the sun* and *light*; 2) due to construction of associative relations with the most important and objects with high energy like *the sun*, *lightning*, *light*, *fire*, and the other sources of light.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, паремиологические единицы, интерпретация, колоратив.

Key words: concept, representation, paroemia, proverbs, interpretation, color term.

А.М. Мелерович справедливо отмечает, что в языковой репрезентации концептов важная роль принадлежит пословицам как «микротекстам особого рода, типизирующим, обобщённо характеризующим различные явления жизни социума, содержащим назидание» [Мелерович, 2006, с. 570]. Руководствуясь этим утверждением, нами предпринята попытка анализа паремиологического поля колоратива *белый* в родственных языках, русском и украинском, с целью реконструкции фрагмента языковых картин мира носителей этих языков. Несмотря на наличие определённого количества работ, посвящённых колоративу *белый*, его лингвистическую природу трудно считать достаточно изученной. В.В. Иванов и В.Н. Топоров, описывая систему противопоставлений, указывают, что оппозиция *светлый* – *тёмный* относится к характеристике пространственных отношений [Иванов, Топоров, 1965, с. 64], а вариант *белый* – *чёрный* является её разновидностью.

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что существуют, по меньшей мере, две причины, повлиявшие на использование колоратива *белый* для обозначения наиболее значимых для человека понятий: первая связана с тем, что *белый* цвет этимологически восходит к *свету* и *солнцу*, а вторая относится к появлению соответствующих ассоциативных связей с наиболее значимыми и энергетически сильными объектами/явлениями природы: *солнцем*, *молнией*, *светом*, *огнём* и другими источниками света. Так, понимание жизни как энергии, движения, бытия, сотканного из *света/белого* цвета, который является визуально осязаемым признаком, в противоположность смерти, как бездействия, небытия, ассоциируемой с темной ямой, гробом, землёй, по нашему мнению, отразилось в выборе средств вербализации концептов. Так, мир – это рус. *белый свет/свет/белый цвет*/ и укр. *білий світ/світ/білий колір*. Само русское слово *мир* в переводе на украинский – *світ*: *духовний світ/духовный мир*, *вихід у світ/выход в свет*, *рослинний і тваринний світ/растительный и животный мир* и т.д. Разделение бытия на этот и тот, иной, потусторонний мир/свет осуществлено посредством выбора соответствующих колоративов *белый цвет/свет* и *чёрный цвет/темнота*, относящихся к двум противоположным ипостасям бытия. Понятие бытия и жизни эстетически раскрывается в пословицах и поговорках: ср. рус. *Из светлого рая – да на трудную землю. Полно спать: пора на тот свет запасать. Проживём на свете – не долги наши веки. Пойду погулять, на белый свет позевать. Свет велик, а деться некуда. Красное солнышко на белом свете черню землю греет. Взойдет солнце ясное – прощай*

светел месяц. Белый свет не околица, а пустая речь не пословица. Белый свет не клином сошелся. Белый свет на волю дан. На край света. На молодых белый свет держится. и укр. *Цей світ, як маків цвіт. Кілько світа, тільки й дива. Бідний і на тім світі на панів робить: пани будуть у смолі кипіти, а бідним дрова носити. На світі так ведеться, що вбогий перед багатим гнеться.* и др. Об окончании жизни и наступлении смерти, темноты говорится в пословице: *Свет из очей выкатился.*

Как известно, *святая вера, святость, духовная чистота* и тождественные им понятия, символически обозначаются *светом, белым цветом.* Тогда как мифологические боги славян Ярило, Дажьбог символизируют солнце, *свет/белый цвет,* Лада изображается в виде *белой лебеди, белой березы* и др., а в пословицах мужчин и женщин сравнивают с небесными светилами, лебедем, берёзой и т.п.: ср. рус. *Чужая жена-лебёдушка, а своя – полынь горькая.* и укр. *Такий білий, що аж лебеді вхоплять.*

Белый цвет/свет остаётся неизблемым символом *святости и чистоты* и в христианстве. Национальные особенности мышления отражены и в пословицах: ср. рус. *У Бога-света с начала света все доспето.* и укр. *Світло в оселю йде від свічки, а в душі від молитви. (Свет в жилище идёт от свечи, а в душе от молитвы.)* Согласно христианскому постулатам, человек создан по образу и подобию Божьему и наделён разумом, т.е. светом. «Белый цвет – символ причастности к ангельскому чину, лику блаженных, святых», – отмечает Н.Б. Бахилина [Бахилина, 1975]. Следовательно, обозначение духовного мира и высших духовных ценностей *белым цветом/светом,* противопоставлено иному, обозначенному черным цветом. Такое разделение лежит в основе вариантов оппозиции *белый – чёрный / сакральный – мирской,* отмеченной В.Н. Топоровым и В.В. Ивановым. Таким образом, концепт *белый цвет/свет,* являясь фрагментарной структурой таких базовых концептов как *бытие, жизнь, бог, человек, любовь* и др., и включая их же фрагменты в свою структуру, связывает эти концепты воедино и является своеобразным кодом ментальной репрезентации этих концептов.

Мысли о периодах жизни человека, мимолётности детства, отрочества, молодости, послужили основой для образования пословицы, существующей в русском и украинском языке: ср. укр. *Молодий місяць не всю ніч світить* и рус.: *Молодой месяц не на всю ночь.* Так как обобщения, выраженные в пословицах, относятся к широкому спектру явлений действительности, их применение тематически варьируется, поэтому тематическая классификация пословиц не совершенна. Например, эту же пословицу используют для

описания неверных, изменчивых людей, а украинскую пословицу *Весною калина білим цвітом квітує, а восени червоним* относят и к теме *красота*, и к теме *молодость/зрелость*.

Таким образом, *жизнь* человека, *бытие* в русской и украинской национальной ментальности представлены *светом/белым* цветом.

Часто в пословицах движение жизни сравнивают с течением воды, а один из её основных признаков вербализуется эпитетом *прозрачная*, значение которого входит в лексическую структуру слова *белый*: ср. рус. *Года – как вода: пройдут – не увидишь* и укр. *Час, як вода, – всё йде вперед. Літа пливають, як вода. Біжить мій вік, як вода по камінню.*(*Бежит мой век, как вода по камням.*) *Прошли роки, як гірська вода.* Следовательно, концепты *бытие*, *мир*, *жизнь* и *белый* цвет/*свет* взаимосвязаны на основе, как минимум двух источников ассоциаций: *света/белого* цвета и *прозрачной воды*, при этом *белый* цвет/*свет* будет основным.

Наличие идентичных пословиц: *За морем теплее, а у нас светлее.* / *За морем тепліше, а вдома світліше.* и *Всякому своё и немыто бело.* / *Кожному своє і не мите, а біле.* в русском и украинском языках указывает на одинаковый способ восприятия и описания Родины, светлой, святой, красивой, как *белая берёза*, цветущей в *белом* цвете *кудрявых калин* или *білому цвіту вишень/белом* цвете *вишень*, ставшими известными символами России, Украины, матери, девушки-невесты, любви и согласия. Образы, включающие *белый* цвет/*свет*, являются существенной составляющей сложного многогранного концепта Родины, Руси, и, следовательно, России и Украины, охватывающего в своей структуре и иные образы, представленные другими цветами: *красная калина/червона калина*, *золотая пшеница/золота пшениця*, *зеленые луга/зелені луга* и др. В.В. Иванов и В.Н. Топоров, рассуждая об абстрактном толковании оппозиции *белый – чёрный*, сопоставляют значения *белый* - *святой* и приводят следующий пример: «Белая Русь в смысле *Святая Русь*, в противоположность соседней *Чёрной Руси*, где *чёрный*, возможно, понимался как *чужой, относящийся к лесу* в отличие от *белый*, связанный *со своим, относящийся к дому*» [Иванов, Топоров, 1965, с. 140]. Ещё одно название, *Червонная Русь/Червонная Русь* (рус. *Красная Русь*, лат. *Russia Rubra*) относилось в XV-XVIII вв. к территории современной западной Украины и объединяло Русское воеводство и Белзское воеводство Королевства Польского. Следовательно, три цвета *белый*, *чёрный* и *красный* являются основными цветами образов, составляющих концепт Родины, Руси.

М.Ю. Конобеева, исследуя концепт *учение* в английской и русской фразеосистемах, справедливо замечает: «В русских поговорках знания ассоциируются с гордостью, умом, светом, победой, негативно оценивается отсутствие знаний, нежелание учиться: *Мир освещается солнцем, а голова знанием*» [Конобеева, 2013, с. 16]. В русском и украинском языках знание, ученье противопоставлено темноте, слепоте, а ассоциируется со светом: *Ученье – свет, а неученье – тьма. Ученье – свет, а без работы – тьма. / Вченому – світ, а невченому – тьма. Ученье – свет; ан свет-то разный бывает: солнышко светит, и огарок свет даёт. Две головешки горят вместе светлее. / Одна головня і в печі гасне, а дві і в полі горять. Хорошая книга ярче звёздочки горит* и с белым цветом: *Не учи белого лебедя плавать. Хорош грибок белый, а солдат умелый*. Проведя анализ русских пословиц и поговорок, М.Ю. Конобеева приходит к заключению о том, что в русской культуре неучёный человек «сравнивается с неотточенным топором, фонарём без огня, выступает как личность, которая неспособна принимать какие-либо решения Неучёная голова – что фонарь без огня» [там же, с. 18]. Такое же отношение к незнанию, невежеству зафиксировано в образных клише украинских пословиц: *Голова без розуму, як ліхтар без свічки/ Голова без розуму, як ліхтарня без свічки*. Этическому идеалу добра противопоставляется зло, чёрствость, описываются положительные и отрицательные черты характера человека.

Выявление этноспецифических положительных и отрицательных аксиологических элементов национального языкового сознания, сохранившихся и продолжающих своё существование в поговорках, позволяют раскрыть лексикографические характеристики ядерных элементов концепта *белый*. Способ выражения традиционно доминирующих духовных ценностей, относящихся к антонимичным философским понятиям *добра* и *зла*, *хорошего* и *плохого*, *правды* и *клеветы*, *света* и *тьмы* и т.п. в аксиологическом пространстве лингвокультуры восточных славян представлен полярной ахроматической парой: *белым* и *чёрным* цветом, при этом *белый* цвет/*свет* соответствует положительной оценке, а *чёрный* цвет/*тьма* – отрицательной. Оппозиция часто встречается в русских и украинских пословицах о добре и зле: ср. рус. *Тьма света не любит, злой доброго не терпит. Личиком беленок, да душой черненок. Не называй дурное хорошим, а чёрное белым. Бела береста, да дёготь чёрен*. Сравнение подобных объектов, не отличающихся хорошими качествами выражено поговоркой, в которой *чёрный* цвет, символизирующий отрицательные качества, противопоставляется *белому*: *Хрен редьки не слаще, уголь сажки не белее* и укр.: *З чорної кішки білої не зробиш. Не допоможе панні мило, коли чорна, як*

кадило. Господарський хліб не білий, але ситий. Чорного пса не відмиєш. Чим темніше ніч, тим ясніші зорі. Чим вище світло стоїть, тим далі його видно Рада б зірка зійти – чорна хмара заступає. Після дощу сонце засяє. Після дощу і сонце засяє. Нема тіні без світла. Чистим зерном сійте поле, то вродить хліб, як море, а нечистим посієте – собі шкоди надієте. З рудих нема святих, то й з чорних чортма добрих.

Среди средств объективации культурно-философских концептов *правда* и *ложь*, присутствуют колоративы *белый* и *черный*, определяющие национальную специфику выражения положительной и отрицательной оценки явления, события, объекта путём вербализации цветовых ощущений. Составляющими компонентами структуры бинарных концептов *правда* и *ложь* являются цвето-световые метафорические образы, которые запечатлены в русских и украинских пословицах: Ср. рус. *Легко очернить, нелегко обелить. Говорит бело, а делает черно. Он из белого сделает чёрное. Ложь белой ниткой шита* и укр. *Зробить з малого велике, а з чорного – біле. Тільки адвокат і маляр можуть зробити із чорного біле.* И в русских, и в украинских паремиях о *добре* и *зле*, *правде* и *клевете* оппозиция колоративов *белый* и *чёрный* соотносится с оппозициями прилагательных *прямой* и *кривой*, *чистый* и *грязный* в тех же значениях, образуя синонимические ряды и паремийные гнезда: ср. рус. *Говорит прямо, а делает криво* и укр. *Кривими дорогами ходиш – добра не жди. Суд прямий, так суддя кривий.*

Цветовые признаки и образованные на их основе ассоциативные связи позволяют использовать слова *снег* и *сажа*, *смола* и *вода* в качестве контекстуальных антонимов в пословицах: *Речи как снег, а дела как сажа. Быль – как смола, небыль – как вода.*

Черты внешнего и внутреннего облика часто соответствуют друг другу, но иногда за приятной внешностью, которая вводит человека в заблуждение (человек обманывается), скрываются отрицательные качества природы. Отрицательная коннотация значения *белого* цвета и положительная *чёрного* соответствует убеждению в том, что *внешность обманчива* и структурному фрагменту концепта *внешность – внешность – это ложь*, т.е. *внешность только выглядит светлой/белой*, раскрывающемся в следующих метафорических выражениях: рус. *Бел снег, да ногами топчут, чёрен мак, да люди едят. Бел снег, да собаки сидят, чёрен мак, да бояре едят. Личико беленько, да разуму маленько. Портит Ивашку белая рубашка. Рука руку моет и обе белы* и укр. *Чорний мак, та смачний, а редька біла, та гірка Руки білі, а сумління чорне. Рука руку миє, обидві білі. Його зуби білі, а сумління чорне. На чорній землі білий хліб родить. У білих рукавицях*

можуть бути чорні руки. Ирония подмены белого черным, отражающая саму природу лжи раскрывается в украинской пословице: *Білолиця, як мазниця, чорноброва, як сметана.*

Духовная красота, деловые качества, трудолюбие, ум всегда ценились в народе. Убеждение в том, что положительные качества характера человека могут быть скрыты за неказистой внешностью отразилось в русских и украинских пословицах: *Платье черненко, да совесть беленька. Земелька чёрная, а хлебец белый родит. От чёрной коровки, да белое молочко.* и укр. *І чорна корова біле молоко дає. І чорна курка білі яйця несе. На чорній землі біла пшениця родить. На чорній землі сіють жито, а по білій собаки бігають. Нічого, що руки чорні, аби душа була біла. Нічого, що руки чорні, аби душа була чиста. Не біда, що чорна, аби проворна. Робота чорна, та горшки білі.*

Фрагментарная структура концепта *белый цвет/свет* входит в структуру концепта *человек*. Образы матери и мачехи символически представлены солнцем в русских и украинских пословицах. Ср. рус. *Солнце, как родная матушка: никогда не обидит. Солнце всех не обогреет: кому мать, кому мачеха. Зимой солнце, что мачеха: светит, но не греет* и укр. *Зимове сонце, як мачухине серце.* Обычно, солнце символизирует мужчин, а луна – женщин: *Солнце – князь земли, луна – княжна. Прости, моя звезда, моё красно солнышко.* А в украинских паремиях девушку, женщину, мать сравнивают со звездой, а парня, мужчину, отца – с месяцем и солнцем: *Місяць - батько, зірка – мати, сонце – їх дитяtko. Сонце – батько, місяць – вітчим.* Метафорические выражения с колоративом *белый цвет/свет* присутствуют в структуре концепта *любовь*: ср. рус. *Всего милее, у кого жена всех белее. Миленек – и не умыт беленок. Не мил и белый свет, когда милого нет. Мило не мыло, а беленькое личко. Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить. Молодость без любви, как утро без солнца. Малые детишки, что чистые звёздочки: и светят, и радуют в тёмную ноченьку. Полюбится сова лучше ясного сокола.* и укр.: *Миленький і невмитий біленький. Без сонця не можна бути, без милого не можна жити. Весняне сонце, як дівчини серце. Блискавка блисне – і камінь трісне. Рада б мати до дітей небо прихилити та зорями вкрити.* Счастье, удача, желания, мечты человека, достигнутые цели, результат труда выражены *белым цветом/светом* в пословицах: ср. рус. *И в моё оконце засветит солнце. Хвали ясное утро ясным вечером.* и укр. *Не все ж і хмуриться, колись і виясниться. Після дощу і сонце засяє. Якби не було хмар, то ми б не знали ціни сонцю. Блисне сонце і в наше віконце. Кому місяць світить, тому і зорі всміхаються. Горіло б ясне сонце, а місяць як хоче. Аби на мене місяць світив, а зорі як схочуть. Аби на мене місяць світив, а зорі будуть. Нема мені ні від місяця, ні від сонця.*

Під щасливою зіркою народився. Одному сонце світить, а другому і місяць не зблисне. Наличие фрагментарной структуры концепта *белый цвет/свет* в концепте *солнце*, ассоциируемого с концептом *счастье*, противопоставлено его отсутствию в концепте *печаль*: *Журба – не сонце, а сушить добре.*

Труд и его результат ассоциируется в языковом сознании русских и украинцев с белым хлебом: ср. рус. *У пахаря рука черна, да хлеб бел. У кузнеца руки черны, да хлеб бел.* и укр. *Праця чорна, а паляниця біла. Доки жнемо, доти і хліб білий жуємо. У хлібороба руки чорні, зате хліб білий. Робота чорна, та горшки білі.*

В основе сопоставления *белого* цвета со *старостью*, *болезнью*, *горем*, *бедой*, *печалью* лежат физические особенности пожилого и/или больного человека, переживающего физический или духовный недуг: *седые волосы*, *бледная кожа* и др. Ср. рус. *Борода сивая, да душа красивая. Волосом бел, а крепостью цел. Голова седая, да душа молодая. Детинка с сединой везде пригодится. Седина бобра не портит. Седина – в бороду, ум – в голову. Седой как лунь.* и укр. *І з сивою бородою не все розум приходить. Як голова сивіє, то чоловік мудріє. Сиве волосся – ласка молода. Сивина в голову – біс в ребро. Хто сивий – не конче мудрий, а лише старий. Волосся сивіє, а голова шаліє. Як голова сивіє, то чоловік мудріє.*, а также рус. *Видна печаль по ясным очам, а кручина – по белу лицу. Не время волосы белит, а кручина.* и укр. *Дарма що кума бліда, аби періг спекла.* Физические качества запечатлены и в пословице о шутнике, насмешнике: *У насмешливого зубы белые.*

Образность и негативная оценка, содержащаяся в словосочетании *белые руки*, относится к таким явлениям как *лень* и *безделье*, это же словосочетание послужило основой для образования существительного *белоручка*, синонимичного слову *лентяй*: рус. *Водила за ручку – получила белоручку. Белоручка не работник. Белые ручки чужие труды любят.* и укр. *Білі руки роботи бояться. Панські руки чужу працю люблять. Барские руки чужой труд любят. Білі руки чужу працю люблять. Біленькі ручки люблять цупкі пучки. Білоручки – дармоїди та недоучки.* Образ *богатства* заключён в словосочетаниях *лавка бела*, *сундук с бельём* в русских пословицах *Лавка бела, да изба гола, Сундук с бельём, да невеста с бельём*, и в словосочетании *белые*, т.е. *барские, руки* в русских и украинских пословицах и о лени. *Белый* цвет присутствует в структуре этих образов, ассоциируясь с богатством, богатыми людьми, высшим сословием.

Концепт *бедность* также включает в свою структуру образы с *белым* цветом. Так, *белая рубашка* ассоциируется не только с опрятностью, чистотой, праздником,

воскресеньем, но и с убогостью и бедностью в украинском и русском языковом сознании: ср. рус. *Бурлак, что сирота: когда белая рубашка, тогда и праздник. Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник.* и укр. *Бурлак, як сирота: коли біла сорочка, тоді й свято. У бідного тоді неділя, коли сорочка біла.* Белый цвет выступает связующим звеном контрастных понятий богатство и бедность.

Русские и украинские пословицы об алчности и зависти включают колоратив *белый*: *В окно всего света не втянешь. Всего света не захватишь. Чужая мука белее молока.* / *У вікно всього світу не втягнеш.* Как мы уже отмечали, слово *світ* в переводе с украинского языка на русский означает *мир*, а *світло* – *свет*. Скорее всего, пословица *У вікно всього світу не втягнеш* была заимствована с украинского, где её изначальное значение: *В окно всего всего мира не втянешь*. Использование взаимозаменяемых контекстуальных синонимов *мир* и *свет* ещё раз доказывает восприятие мира и бытия в виде *света/ белого* цвета как ментальной репрезентации.

Отрицательная образность русских и украинских пословиц относится к *глупости, бестолковости*. Ср. рус. *Ты ближе к делу, а он про козу белу.* и укр. *Казка про білого бичка. (Сказка о белом бычке.)*

Взаимоотношения людей, влияние одного человека на другого передано в русской пословице: *И белый песок в грязи чернеет*, а убеждение о равных возможностях для разных людей и об их неравенстве в украинских: *Сонце на всіх однаково світить. Сонце світить і на добрих, і на злих* и *Всі люди на одне сонечко глядять, та не одне їдять.*

В результате анализа нами определен следующий круг паремий, репрезентирующих концепт, с ядерным лексическим репрезентантом *белый*:

1. Паремия, репрезентирующая концепт с участием эквивалентного слова.
2. Пословицы, репрезентирующие концепт без участия эквивалентного слова.
3. Паремия, репрезентирующая исследуемое имя концепта с участием синонима эквивалентного слова.

Такое деление на группы является вполне оправданным, поскольку концепт имеет свойство, которое Е.В. Рахилина определяет, как главное – «неизолированность, связанность с другими такими же» [Рахилина, 2000, с. 3]. Исходя из данного свойства концепта, исследователь Н.Н. Семаненко говорит о поликонцептуальности семантики пословиц, что означает «способность текста пословицы к вербализации нескольких концептов одновременно» [Семаненко, 2006, с. 349]. Таким образом, признаки колоратива

белый могут определяться через языковые средства, имеющие сходную ментальную направленность (например, свет, чистота, святость, добро, счастье).

Список литературы

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

Иванов В.В. Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. 245 с.

Мелерович А.М. О способах репрезентации фрагментов национальной языковой картины мира в словаре Х. Вальтера и В.М. Мокиенко. «Антипословицы русского народа» // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Х. Вальтера. М.: ООО «Изд. «Элпис», 2006. С. 570-576.

Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия лингв. и язык. Т. 59. 2000, №3. С. 3-15.

Семаненко Н.Н. Особенности концептуального анализа текста пословицы // Слово-сознание-культура: Сб. науч. тр. / Сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта, 2006. С. 348-353.

Нестерова Н.М.

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
г. Пермь (Россия)

Nesterova Natalya

Perm National Research Polytechnic University
(Perm, Russia)

*ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО «ГАМЛЕТ»: АФФИРМАТИВНЫЕ И
КОНТРОВЕРЗНЫЕ ТЕКСТЫ*

INTERTEKSTUAL'NOE A HAMLET: AFFIRMATIVE AND KONTROVERZNYE TEXTS

Статья посвящена интертекстуальному пространству трагедии У. Шекспира «Гамлет», которая, будучи «сильным текстом», стала ядром мощного и разнообразного по своему составу интертекстуального пространства в русской и мировой культуре. Оно включает в себя как известные прототексты, так и метатексты, среди которых имеется большое количество аффирмативных и контроверзных (термины А. Поповича).

The paper is devoted to the intertextual space of Shakespeare's tragedy «Hamlet», which being a strong text has become the centre of the powerful and diverse intertextual space in Russian and world culture. It includes both known prototexts and metatexts, among which there are affirmative and controvezny (A. Popovich's terms) texts.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальное пространство, прототекст, метатекст, аффирмативный текст, контроверзный текст.

Key words: intertext, intertextual space, prototext, metatext, affirmative text, controvezny text.

Настоящее созидание – вещь редкая, создавать нечто дотоле неслыханное – дар особый и удивительный. То, что кажется нам новым созиданием, обычно составлено из того, что уже было ранее; но способ компоновать делает его в какой-то мере новым; да ведь и создавший первым тоже лишь компоновал свой сюжет, свою картину из того, что уже было, – в опыте, в мыслях, в воспоминаниях, из того, что он читал или слышал.
Б. Шкловский

«Каждый человек, который в силах это сделать, должен переводить "Гамлета"». Эти слова принадлежат Алексею Цветкову, автору нового перевода шекспировской трагедии. Верность этих слов подтверждает то огромное количество русскоязычных «Гамлетов», которое мы имеем. Среди переводчиков, оказавшихся в силах «это сделать», как очень известные имена (Н. Полевой, А. Кронеберг, М. Лозинский, Б. Пастернак), так и мало знакомые широкому кругу читателей (А. Соколовский, Н. Россов), представители царской фамилии (К.Р.) и знаменитого рода Гнедичей (П.П. Гнедич). Назвать всех, кто переводил великий текст Шекспира, практически невозможно, и, несмотря на имеющееся

количество переводов, новые русские «Гамлеты», подтверждая слова А. Цветкова, продолжают появляться. В 2000-х годах начала выходить антология русских переводов «Гамлета», которая даёт бесценный материал для изучения русской переводческой традиции, сложившейся в процессе переводов «Гамлета», начиная с первой половины XIX века.

Однако представляется, что сегодня интереснее говорить не об отдельном переводе шекспировской трагедии, а об особом интертекстуальном пространстве, образовавшемся вокруг этого великого и «сильного» текста. Сильными текстами, как известно, называют «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре». При этом «сильным» текст становится не из-за того, что в нем написано, а благодаря тому, кем и когда он прочитывается [Денисова, 2003, с. 128-129]. К этому нужно добавить: и *как* прочитывается.

Очевидно также и то, что чем сильнее текст, тем больше и мощнее должно быть его интертекстуальное пространство. Пространство «Гамлета» и является таким мощным и далеко не однородным, оно включает в себя как прототексты, так и метатексты разных типов. В данном докладе мы делаем попытку обрисовать в самых общих чертах названное пространство, которое продолжает прирастать новыми текстами, новыми интертекстуальными связями, новыми смыслами. Здесь уместно вспомнить слова нашего переводчика В.П. Голышева, который на вопрос Александра Гениса «Кто самый непереведённый на русский язык писатель?», к большому удивлению последнего, назвал Шекспира и объяснил это тем, что «половина Шекспира вошла в поговорки английские, а в русский язык от Шекспира вошли только слова “быть или не быть”, и никто не знает, что это значит». Слова переводчика говорят о том, что шекспировский текст ещё нужно читать и перечитывать, переводить и осваивать. Но, как уже отмечалось, сегодня особый интерес представляет не отдельно взятый перевод или переводы, а именно интертекстовое пространство «Гамлет», которое сформировалось в русской (и мировой) культуре.

Как правило, понятие «интертекст» связывают с именем Ю. Кристевой, а интертекстуальность называют *the very trademark of postmodernism* и даже часто рассматривают постмодернизм и интертекстуальность как синонимы, однако истоки теории интертекстуальности нужно искать в глубине веков. В частности, в русском литературоведении мы имеем и историческую поэтику А.Н. Веселовского, и учение о пародии Ю.Н. Тынянова и, конечно, полифонизм М.М. Бахтина. К этим именам можно добавить и имя Л.С. Выготского, который в своей «Психологии искусства» утверждал, что

«писатель, закрепляющий продукт своего творчества, отнюдь не является индивидуальным творцом своего произведения». Говоря о Пушкине, Выготский замечает, что «он, как и всякий великий писатель, не изобрёл сам способа писать стихами, рифмовать, строить сюжет определённым образом и т.п., но, как и сказитель быliny, оказался только распорядителем огромного наследства литературной традиции, в громадной степени зависимым от развития языка, стихотворной техники, традиционных сюжетов, тем, образов, приёмов, композиции и т. д» [Выготский, 1986, с. 28].

О вторичности и, соответственно, об интертекстуальности литературного творчества говорил и В. Шкловский, чьи слова вынесены в эпиграф. Из сказанного следует вывод: единственное, что может автор, – это выбирать те или иные элементы и варьировать их в контексте общепринятых шаблонов, а также переносить эти элементы из одной системы в другую, что и было названо «принципом калейдоскопа», провозглашённого постмодернистами в качестве основного текстопорождающего механизма. Другими словами, интертекстуальность можно представить, как устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – как всю совокупность текстов, отразившихся в данном произведении. В широком смысле каждый текст является интертекстом, ведь он включает в себя уже сказанные или написанные ранее слова. Такое понимание текстопорождения хорошо отражено в словах французского философа Мишеля Пешё: «Слова не прозрачны, и говорящий субъект не является полновластным хозяином своей речи. Всегда есть слова, предшествующие тому, что мы говорим, и то, что мы говорим, всегда пронизано словами других» [Квадратура смысла, 1999]. Таким образом, можно утверждать, что текст является непрерывно развивающейся системой. Он функционирует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя отпечатки более ранних произведений и включается в произведения других авторов по их воле или неосознанно с их стороны. Это означает, что каждый текст «живёт» в интертекстуальном пространстве и регенерируется по стреле времени.

Образ такого текста по-разному представляется теоретиками постструктурализма и постмодернизма. Так, для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхо-камера» (*chambre d'échos*), для М. Риффатерра – «ансамбль пресуппозиций других текстов», и поэтому «сама идея текстуальности неотделима от интертекстуальности и основана на ней» [Ильин, 1996]. С точки зрения М. Прессе, интертекстуальность является составной частью культуры вообще, а в частности, она есть неотъемлемый признак литературной деятельности: любая цитация, какой бы характер она ни носила, – а цитирование якобы

всегда неизбежно, вне зависимости от воли и желания писателя, обязательно вводит его в сферу того культурного контекста, опутывает его той «сетью культуры», ускользнуть от которой не властен никто [Ильин, 1996].

Положение о том, что любое произведение возникает как отклик и реплика на другое высказывание, то есть обязательно имеет свои прототексты, справедливо и для текста Шекспира. Известно, что сюжет его «Гамлета» восходит к сказанию об Амлете, «Трагическим историям» французского автора Ф. Бельфоре. Известно также, что существует несколько версий истории Гамлета, среди них «Истории датчан» («Деяния данов») Саксона Грамматика, и «Испанская трагедия» Томаса Кида.¹⁰⁸ Из «Истории датчан» шекспировский текст наследует притворное сумасшествие и перехваченное письмо, содержание которого герой изменяет в свою пользу. С «Испанской трагедией» тоже много общего: тема мести, тема призрака, вещающего правду (оба произведения начинаются с появления призрака, который требует мести), приём «пьеса в пьесе». Есть предположение и о том, что знаменитые шекспировские сентенции были созданы на основе аналогичных фигур речи из «Диалогов запросто» Эразма Роттердамского (А.В. Юрин). Согласно тексту трагедии, Гамлет учился в Виттенбергском университете. В шестнадцатом веке университет приобрёл европейскую известность благодаря Мартину Лютеру, который именно здесь озвучил свои знаменитые девяносто пять тезисов, направленных против догматов католицизма, а Эразм Роттердамский в этом же университете вёл с ним полемику. По некоторым данным, в списках студентов университета за 1585-1596 фигурируют имена Розенкранц и Гильденстерн. Во времена Шекспира университет считался центром свободомыслия, где дух Лютера и Эразма не мог не влиять на умы студентов, чего и боялись Клавдий и Королева, уговаривая Гамлета не возвращаться в Виттенберг:

Король:

*Что до надежд вернуться в Виттенберг
И продолжать ученье, эти планы
Нам положительно не по душе,
И я прошу, раздумай и останься*

Королева:

*Не заставляй меня просить напрасно.
Останься здесь, не езди в Виттенберг!*

---

¹⁰⁸ Об источниках сюжета «Гамлета» см.: Чекалов И.И. Проблема множественности источн
в «Деяниях данов» Саксона. Грамматика // Слово в перспективе
литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.
447-449.

(Перевод Б. Пастернака)

Итак, как пишет А. Аникст, «оригинальность Шекспира в данном случае, как и во многих других, проявилась отнюдь не в изобретении сюжета. Сюжет был готов уже до того, как Шекспир взялся за его обработку» [Аникст, – режим доступа: http://www.LoveRead.ec/read_book.php?id=7502&p=41]. «Гамлет» Шекспира вобрал в себя иные, предшествующие ему тексты, которые нужно знать, чтобы глубже проникнуть в мир и суть трагедии.

Как уже отмечалось, пространство «Гамлета» многомерно и разнообразно, оно включает в себя и много самых разных метатекстов, для которых шекспировский текст является прототекстом. Согласно А. Поповичу, метатекст – это «текст о тексте», вторичный текст (от греческого meta «после», «за», «позади»). Чешский исследователь различает аффирмативные и контроверзные метатексты [Попович, 1980]. В нашем случае к первым мы относим переводы шекспировского текста, ко вторым — тексты, созданные по мотивам «Гамлета». Особый интерес представляют именно вторые, которые Ж. Женетт очень точно назвал «литературой во второй степени». В случае «Гамлета» наиболее яркими примерами таких текстов являются «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда и «Гамлет» Б. Акунина. Именно Стоппард дал толчок к появлению череды различных «вариаций» на шекспировские мотивы: «Макбетт» (1972) Э. Ионеско, «Место, которое называется Рим» (1973) Дж. Осборна, «Гамлет-машина» (1977) Х. Мюллера, «Убийство Гонзаго» (1988) Н. Йорданова, «Гертруда и Клавдий» (2000) Дж. Апдайка, «Гамлет. Версия. Трагедия в двух актах» (2002) Б. Акунина.

Названные тексты являются, по определению А. Поповича, контроверзными, поскольку в них преобладает пародийный, деструктивный элемент. Такие тексты представляют собой некий «текст о тексте», в котором содержатся имена и ключевые события прототекста, текстовые реминисценции, аллюзии, но стилистический регистр значительно занижен. Так, при сравнении шекспировского «Гамлета» с акунинским произведением бросаются в глаза имена, ставшие прецедентными – Гораций, Гамлет, Фортинбрас – и легко узнаваемые неатрибутированные цитаты:

*С поминок угощенье не протухло – Доедено на свадебном пиру
...the funeral baked meats. Did coldly furnish forth the marriage tables*

*Прощай, прощай и помни обо мне...
Adieu, adieu, adieu, remember me*

*Сейчас же пусть четыре капитана поднимут тело принца и с почётом.
На погребальный выставляют помост...
Left four captains bear Hamlet like a soldier to the stage*

Наиболее интересным является развитие образа Горацио. В шекспироведении есть так называемая «загадка Горацио». Как известно, имя и самого героя Шекспир взял из «Испанской трагедии» Т. Кида. У Шекспира Горацио обозначен как «friend to Hamlet», но является ли он таковым? Б. Акунин разрешает эту «загадку»: друг оказывается предателем. Вот заключительные слова Фортинбраса, обращённые к Горацио:

*С такими слугами, как вы, фон Дорн,
Нетрудно стать великим государем.
Но как вам удалось в один приём
Расчистить путь мне к датскому престолу? (Выделение моё – Н.Н.)*

Благородный Горацио (в традиционной хрестоматийной трактовке) оказывается совсем не тем, кем принято его считать. Перед нами не друг Гамлета, а умный хитрый фон Дорн (ещё одна интертекстуальная связь!), своего рода Талейран, мастер политических интриг, специалист по тайным дворцовым заговорам и переворотам, шпион. Об этом говорят его собственные слова, с которыми он обращается к тому, для кого он и расчистил путь к датскому престолу: «Вы появились минута в минуту, ваше высочество. Служить вам – истинное удовольствие. У вас все задатки великого короля» [Акунин, 2002, с. 112]. Таким образом, то, что у Шекспира скорее содержится в подтексте, у Акунина становится явным текстом. А идея такого развития образа уходит корнями в «Испанскую трагедию», где убитого Горацио вешают на дереве, создавая тем самым соответствующую аллюзию.

Говоря о контровезных текстах в пространстве «Гамлет» нужно назвать ещё один: «Гамлет.ru» Виктора Коркия, созданный к 400-летию великой трагедии. Это классический пародийный «текст о тексте», где кроме шекспировских героев действует и Аникст Александр Абрамович («покойный шекспировед, лицо историческое»), объясняющий Гамлету содержание и трагичность гениального текста:

Ваша трагедия называется «Гамлет». В ней все ужасно трагично. Гамлет – это трагический герой. Он испытывает жуткую трагедию. Родной дядя убил его родного отца. А родной отец оказался призраком. А родная мать вышла замуж за родного дядю. Но Гамлет не унывает. Он влюблён в жизнь, в театр, в Офелию. Его друг Горацио – настоящий гуманист. Он воплощает трагедию гуманизма. Образ Офелии – это сама поэзия. На неё невозможно смотреть без слез. Она сходит с ума в ночной рубашке. Её смерть глубоко символична. Всю трагедию Гамлет обличает зло. Его отправляют лечиться в Англию. Но он возвращается целым и невредимым. Чтобы заманить злодея-дядю в мышеловку, он устраивает ему спектакль. В ужасе дядя выдаёт себя с головой. Но тут происходит жуткая трагедия. Гамлет убивает отца Офелии, случайно спутав его с крысой. Все утешают её тем, что он недолго мучился и умер хорошо. Но Офелия

безутешна, и Гамлет произносит монолог "Быть или не быть". Этот монолог ужасно трагичен. Все приходят в неопиcуемый восторг и от ужаса убивают друг друга.

Заканчивает Аникст своё объяснение толкованием смыслов трагедии:

В трагедии так много смыслов, что все умники сходят с ума. Но основные – это квинтэссенция гуманизма.

Весь мир – тюрьма.

Все люди – крысы.

Все братья – братоубийцы.

Всем женщинам имя вероломство.

Все отцы – призраки.

Все друзья – предатели.

Все короли – злодеи.

Все вино отравлено.

Все искусство сводится к искусству лжи.

В каждом слове содержится яд.

Человек – это квинтэссенция праха.

Свобода – это безумие [Коркия, – режим доступа: <http://viktor-korkia.narod.ru/drama/hamlet/hamlet0.htm>].

Связи шекспировского текста и текстов Акунина и Коркия относятся, бесспорно, к гиперинтертекстуальности, т.е. своего рода пародированию с занижением стилистического регистра. Итак, интертекстуальное пространство под названием «Гамлет» включает в себя множество текстов, объединённых элементами сюжетной линии, именами, ставшими прецедентными, и символами, причём некоторые из них правильно прочитываются только при условии знания прототекстового слоя данного интертекстуального пространства. Это пространство можно назвать одновременно и «конденсатором культурной памяти и генератором новых смыслов» [Лотман, 1996, с. 21]. Перечислим основные тексты, которые, на наш взгляд, входят в пространство «Гамлет». Это «Испанская трагедия» Т. Кида (1585), «Гамлет» У. Шекспира (1600-1601), статья «Гамлет и Дон Кихот» (1860) и «Гамлет Щигровского уезда» (1849) И.С. Тургенева, «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда (1966), «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова, «Войти в образ» Г.Л. Олди (1991), «Гамлет» Б. Акунина (2002), пьеса «Офелия, Гертруда, Дания и другие» Т. Ахтман (2000). Это не весь список, поскольку пространство постоянно прирастает новыми текстами, как аффирмативными (переводами), так и контроверзными. И любой новый текст — это новая интерпретация, новый смысл, которые вливаются в уже имеющееся смысловое поле «Гамлета», делая возможным новое прочтение «старых текстов», поскольку любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу взаимной

соотнесённости с другими. Так «Гамлет» Шекспира благодаря многочисленным и совершенно различным переводам (аффирмативным метатекстам), а также текстам «по мотивам» (контроверзным метатекстам), стал по-настоящему «сильным» текстом, создавшим мощное интертекстуальное пространство, которое, по словам Натали Пьеге-Гро, постоянно, «регенерируется по стреле времени» [Пьеге-Гро, 2008].

Список литературы

- Акунин Б.* Гамлет. Версия / Борис Акунин // Новый мир. 2002. № 6. С. 65-112.
- Аникст А.А.* [Электрон. ресурс] / А.А. Аникст – Режим доступа: http://www.LoveRead.ec/read_book.php?id=7502&p=41
- Выготский Л.С.* Психология искусства / Л.С. Выготский. М.: Искусство, 1986. 573 с.
- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
- Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. М.: Интрада, 1996. 256 с.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер. с фр. и порт. / Общ. ред. П. Серию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
- Кид Т.* Испанская трагедия / Т. Кид; отв. ред. А.Н. Горбунов. Серия: «Литературные памятники». М.: Ладомир, 2011. 328 с.
- Коркия В.* Гамлет.ru. Виртуальный Театр в 3-х актах [Электрон. ресурс] / В. Коркия. 2001. – Режим доступа: <http://viktor-korkia.narod.ru/drama/hamlet/hamlet0.htm>
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. М.: Искусство, 1996. 464 с.
- Попович А.* Проблемы художественного перевод / А. Попович. М.: Высш. шк., 1980. 199 с.
- Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро. М.: УРСС. 2008. 240 с.
- Сага о Гамлете (Амлете) из книги III «Деяний датчан» Саксона Грамматика // Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / Сост. Б.И. Пуришев; 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2004. С. 60-68.
- Шкловский В.Б.* О теории прозы / В.Б.; Шкловский. М.: Советский писатель, 1983. 384 с.
- W. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark /William Shakespeare. Oxford: Claredon Press, 1988. 138 p.

Смагулова Г.Н.
Казахский национальный университет аль Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Smagulova Guldarhan
Al Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС КАЗАХСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

THE STATUS OF KAZAKH PHRASEOLOGISMS

Данная статья посвящена описанию лингвокультурного статуса фразеологизмов казахского языка. Автором производится анализ примеров употребления фразеологизмов студентами в устной и письменной речи. На основе выявления ошибочных употреблений автор делает вывод о том, что для определения точного значения фразеологизма и ситуации его применения необходим когнитивный анализ его дискурсивной среды. Когнитивное изучение фразеологизмов предполагает использование методов фреймового анализа и анализа прототипной семантики. Для правильного употребления фразеологизмов необходимо знание его внутренней формы. Опираясь на данные современной ономазиологической теории, автор выделяет в структуре поля фразеологического концепта ядро и периферию. Когнитивное изучение фразеологических материалов должно осуществляться в неразрывной связи с естественной языковой средой, сформировавшей их. Дискурсивная среда – отображение в сознании внутреннего и внешнего восприятия человеком своего жизненного пространства и его толкование средствами языкового познания. Для понимания значения многих фразеологических единиц необходимы фоновые знания. У современной молодёжи не хватает лингвистической интуиции, а незнание многих понятий национальной культуры мешает её представителям реализовать лингвокультурный статус фразеологического богатства родного языка.

This article is dedicated to the description of lingua-cultural status of Kazakh idioms. The author gives the analysis of idioms usage samples by students in the oral speech and writing. Based on detection of mistaken applications the author concludes that cognitive analysis of idioms discursive environment is vital for the determination of exact meaning of an idiom and situation of its applicability. The cognitive study of phraseologisms implies usage of framed analysis methods and prototype semantics analysis. For the correct application of idioms knowledge of its internal form is required. Based on the data of the modern onomasiological theory the author extracts the core and periphery in the phraseological concept's field structure. The cognitive study of idioms materials must be conducted in close connection with the natural language environment, created them. Discursive environment is a reflection in human minds of internal and external perception of its living space and their interpretation by means of linguistic knowledge. Background knowledge is required for understanding of a many of phraseological units. The author says that the modern Kazakh youth lacks linguistic intuition, and poor awareness of many concepts of the national culture inhibits to its representatives to realize lingua-cultural status of the idiomatic plethora of the native language.

Ключевые слова: фразеологизмы, речевая культура, лингвокультурный статус, языковая среда, казахский язык.

Key words: phraseologisms, speech culture, linguacultural status, language environment, kazak.

Лингвопрагматический потенциал устойчивых языковых единиц, считающихся ядром литературного языка, проявляется в разнообразных дискурсных характеристиках

его носителей. В языковом сознании тех, кто правильно употребляет фразеологизмы в устной и письменной речи, в виде фреймов накапливается информация о ситуациях окружающей действительности. Хорошее знание говорящим смысловых составляющих значения фразеологизма определяют его лингвокультурный статус. В то же время неверное понимание самим носителем языка значения его устойчивых выражений мешает ему правильно донести свою мысль до слушающего. В настоящей статье мы ведём речь о лингвокультурном статусе фразеологических единиц в различных дискурсах. Казахские фразеологизмы – это прежде всего ментальные единицы. Фразеологизмы, свойственные лишь той или иной национальной культуре составляют неиссякаемый запас богатства языка и знание его литературных норм играет в коммуникации важную роль для адекватного восприятия адресатом и использовании адресантом огромного прагматического потенциала таких языковых единиц. Умение с помощью фразеологизмов образно и выразительно высказывать мысли определяет лингвокультурный статус субъекта. К сожалению, речь наших современников стала слишком скудной, ей не хватает образности, потому что в ней нет пословиц, поговорок, фразеологизмов. Часто при выражении мыслей наблюдается необоснованное, неуместное употребление устойчивых оборотов. Порой носители, особенно молодежь, понимая общее значение фразеологизма, употребляют его с нарушением литературных норм. Причины такой скудности речи говорящих кроются, в первую очередь, в недостаточно высоком уровне культуры речи в семейном воспитании и общении. Кроме того, сегодня на передовые позиции коммуникативной арены выходит поколение, не читающее художественную литературу.

Анализ использования фразеологических единиц в письменной и устной речи студентов-филологов заставляет порой сомневаться в достаточности уровня их лингвокультурного статуса.

К примеру, правильный вариант ошибочно использованного фразеологизма в предложении «*Ar ana oz balasin kanattiga kaktirmay, tobésinen kus shibinin ushirmay osiredi*» («Каждая мать растит своего ребенка, (букв.) не давая сбить с лету, не давая ни мухе, ни птице пролететь над головой») звучит так: «*kanattiga kaktyrmau, tumsiktiga shokittirmau*» (букв. «имеющим крылья не давать сбить, имеющим клюв не давать заклевать»). Прототипная ситуация, которая легла в основу формирования этого фразеологизма, связана с жизнедеятельностью птиц. Обычно в силу схожести явлений в сознании происходит взаимозамещение мыслей и объектов, слова и средства меняются местами и на основе ассоциации в имеющихся представлениях возникает

мотивированность выражения. В этой связи такие действия птиц, как самоотверженная защита своих неокрепших птенцов от клюва и когтей хищных пернатых собратьев, способствовали тому, что у наблюдающих в сознании эти ситуации закрепляются в виде фреймов. Результат единства мысли и определяемых ими объектов входит в употребление. Если это употребление приобретает устойчивый характер, выражение становится фразеологизмом. Однако устойчивость выражений зависит от того, насколько носители языка стремятся к образности речи.

Как правило, в результате наблюдения за происходящим в окружающей действительности у субъекта складывается энциклопедический фонд знаний. Значение рассматриваемого фразеологизма есть результат и одна из единиц этого фонда. Особенности когнитивного анализа при определении внутренней формы фразеологического значения выявляется разносторонность научных парадигм современной лингвистики.

В основе значения фразеологизма «**kanattiga kaktyрмаu, tumsiktiga shokittirmau**» лежит следующий смысл «**kamkor bolu**» – «заботиться о ком-либо, защищать кого-либо». [Кенесбаев, 1977, с. 314]. Современное направление исследования казахских фразеологизмов опирается на достижения современной лингвистики. Если рассматривать понятие «kamkor – забота» как концепт, определение внутренней формы фразеологического концепта неизменно будет связано с национальными обычаями и традициями, т.е. с этнокультурой.

Поскольку фразеологический концепт формируется коллективными и индивидуальными представлениями, отражающими обобщенный опыт людей, во фразеологической семантике главное место занимают субъективные понятия.

При рассмотрении фразеологического значения на когнитивном уровне с помощью методов фреймового анализа и анализа прототипной семантики приходится учитывать не только языковые, но и неязыковые, фоновые сведения. В этой связи прототипная ситуация становится основой последующего формирования прототипной семантики. Компонент ошибочно употребленного фразеологизма «**tobesinen kus shibinin ushirmay osiredi**» – букв. «*не давать пролететь над головой ни птице, ни мухе*» говорит о недостаточном освоении носителем в своем сознании данной ситуации. Таким примером может служить и выражение «**jap degende auiz jappas, toy degende olen tappas**» (прибл.: *когда нужно молчать, рот не закрывает, когда нужно говорить, не знает, что сказать*), взятое из письменных работ студентов.

«Актуальное значение фразеологизмов во многом основывается на их внутренней форме. Роследить эффект влияния внутренней формы на актуальное значение можно, используя концептуальный аппарат когнитивной лингвистики – фрейм и сценария» [Баранов, 2008, с. 568].

Фрейм – единица представления знаний, накопленных в памяти человека, их мера и образ. Мир многообразен и многогранен, и фрагменты окружающей действительности сохраняются в памяти в различных образах. Во фреймах особенно ярко проявляется этнокультурное своеобразие языкового сознания.

В когнитивной фразеологии методы когнитивного и культурологического анализа дополняют друг друга. Их комбинированное использование является продуктивным. Когнитивный анализ фразеологизмов осуществляется на материале словарей, прецедентных текстов, индивидуальных высказываний языковых личностей, фольклорных образцов, текстов печатных изданий, паремий. Бесспорно, что освоение знаний этого океана информации определяет богатство речи носителей языка.

Внутренняя форма фразеологизмов – образ, лежащий в основе мотивированности-значения фразеологизма, определенная ситуация, гештальт, картина, образное отражение ситуации, характеризуемой фразеологизмом. Правильное понимание внутренней формы фразеологизма – залог правильного его употребления.

Использование некоторыми девушками фразеологизма *dam-tuzi jarasu* – (прибл. *жить душа в душу*) в таком контексте, как «*Kurbim ekeuimizdin dam-tuzimiz jarasip, baskalarga ulgi bola bildik*» (досл.: «Мы с подружкой жили *душа в душу* и могли быть примером для других») свидетельствует о том, что автор высказывания не осведомлен о том, что этот фразеологизм обычно употребляется по отношению к семейным парам, жизнь которых можно назвать гармоничной, стабильной.

Чтобы глубже изучить этимологию фразеологической единицы, нужно, в первую очередь, обратить внимание на ее внутреннюю форму. Только тогда можно будет понять специфические особенности и пути развития смысла фразеологизма.

То, что в казахском менталитете женщина стоит на ступень ниже мужчины, проявляется в выражениях, связанных с гендерными представлениями в языковой картине мира носителей казахского языка: *nashar kisi* (букв.: *плохой человек*), *tesik monshak* (букв.: *дырявая бусина*), *шүйкебас* (букв.: *бестолковая, маленькая головка*), *төмен етек* (букв.: *в длинных платьях*) и т.п.

Очевидно, что сама внутренняя семантическая и стилистическая экспрессивность этих наименований содержит в себе информацию о бытовой культуре и системе мышления нации, своеобразии ментального сознания в восприятии окружающего мира.

Так, в предложении из письменной работы студента «*Uzin eteki kurdastar aulada bulbul anshini kutetin*» (букв.: *Во дворе сверстники с длинными платьями встречали сладкоголового певца*) проявляется понимание субъектом того, что фразеологизм относится к женщинам, девушкам. Однако в силу слабости лингвистической интуиции или ее отсутствия он, заменив компонент, придал выражению «*tomen etek*» - «*в платьях*» другой образ – «в длинных платьях». Кроме того, выясняется, что автор высказывания абсолютно не знает, что слово «*kurdastar*» («сверстники») употребляется только по отношению к мужчинам, юношам, а слово «*kurbi*» («подруга») – только по отношению к девушкам. Характеристика молодыми людьми дружбы двух девушек как «*uzengi dos*» (*uzengi* – стремя; букв.: «друзья по стремени, друзья, которые постоянно вместе (раньше – всегда вместе ездившие верхом)») говорит о низком уровне их фоновых знаний, так как верхом обычно ездили парни, джигиты и по отношению к девушкам такое выражение не использовалось. Такое употребление лишает фразеологизмы их лингвокультурного статуса.

Привычные предметы и явления отражаются в человеческом сознании в результате их познания в языковых и речевых ситуациях. В смысловой структуре устойчивого выражения выделяют два аспекта – семиологический и семантический. Согласно семиологическому аспекту языковая система и система мышления аналогичны лингвокогнитивным особенностям. То есть «предмет – деятельность – фразеологический прототип» – это предметное, чувственное, обычное состояние первичного понимания. В семантическом аспекте познавательный цикл «фразеологизм – деятельность – предмет» в качестве лингвокогнитивного знака в результате апперцепции опыта и наблюдений преобразует прежние «старые знания» в «новые». Каким бы богатым не был словарный состав языка, он не может всесторонне отразить все поля имеющихся в нем концептов. Концепты в большинстве своем вербализуются в виде идиом в результате изменения семантики слов.

Согласно современной ономаσιологической теории, структура поля фразеологического концепта состоит из *ядра* и *периферии*. Связь с ядром концепта определяется ценностью идеи смыслового элемента. Здесь не остается без внимания и значение периферии. На периферийном участке фразеологический концепт основывается,

как правило, на культурно-прагматических понятиях. Поэтому анализ фразеологического концепта опирается на языковую семантику его лингвокультурных особенностей: *историю, культуру, быт и др.* Когнитивный анализ направлен на всестороннее раскрытие смыслового фона устойчивых выражений и глубокое и продуктивное исследование фразеологической семантики.

Когнитивное изучение фразеологических материалов осуществляется в дискурсивном пространстве, сформировавшем фразеологизмы, т.е. в неразрывной связи с естественной языковой средой. Дискурсивная среда – отображение в сознании внутреннего и внешнего восприятия человеком своего жизненного пространства и его толкование средствами языкового познания. Поэтому изучение процесса преобразования сочетаний слов во фразеологические обороты, их толкования, сохранения и выражения интеллектуально-эмотивной информации входит в сферу когнитивного анализа.

В соответствии с методами анализа фразеологических концептов необходимо пересмотреть первичную информационно-семантическую структуру концепта. Вообще вторичные производные наименования – результат лингвокреативного мышления. Значит индивидуальное восприятие человека изображает в его сознании образ окружающей действительности в дискурсивном описании во второй раз. В силу того, что при характеристике фрагментов действительности преобладает субъективная сторона, возникают внезапные неожиданные фантазии. Например, *Suga suienu – опираться, надеяться на воду (безнадежность)*, *tobesine shai kaynatu – кипятить на голове чайник (ругаться)*, *esektin tuyin jegen – кушал ишачьи мозги (глупый, безумный)* и др.

«Таящиеся в глубинах языковой семантики лингвокреативные концепты реализуются в форме фразеологизмов. Однако только знающие их фразеологическое значение не спутают концепты, к которым они относятся» [Смагулова, 2010, с. 87].

Например:

- ◆ *Jaman tuyenein jabuinday* – (букв.: словно попона плохого верблюда) *старый, изношенный, драный* (концепт «верблюд» или концепт «старый»?).
- ◆ *Auzi kuygen urip ishedī* – (букв.: тот, кто обжег рот, дует перед тем, как пить) *тот, кого прежде постигло разочарование, неудача, становится осторожным* (концепт «еда» или концепт «осторожность»?).
- ◆ *Juregi karaiu* – (букв.: сердце почернело) *проголодаться* (концепт «смелость» или концепт «голод»?).

В действительности семантико-когнитивный анализ значения приведённых примеров требует для начала разграничения источников, связанных с объектами. Для этого необходимо определить дискурсивную среду фразеологизма. Особое внимание следует обращать на смысл отдельных компонентов фразеологизма. Для понимания ментальных единиц безусловно нужны фоновые знания.

Верблюда накрывают попоной в двух случаях. Первый из них – чтобы верблюд не простыл, потому что легкие верблюда обычно быстро подвергаются переохлаждению. (Когда нет возможности держать верблюда в загоне из-за его высокого роста или горбов, или когда в загоне много скота). Второй случай – чтобы оградить новорожденного верблюжонка от сглаза. (Если бы речь шла о верблюде особо ценной породы, эпитет *jaman* – *плохой* не употреблялся бы). Здесь раскрыть значение выражения помогает слово *jabu* – *закрывать, покрывать*. Это выражение относится к человеку, который ведет себя неподобающим образом, мешает кому-то или совершает нелицеприятные поступки. Особенности смысловых оттенков выражения *Jaman tuyenein jabuinday jalpildap* – *вести себя так, чтобы обращать на себя внимание, как попона старого* можно определить лишь при дискурсивном описании.

Третье выражение *juregi karaiu* – (букв.: *сердце почернело*) *проголодаться* большинство студентов толкует как характеристику смелости. По-видимому они путают со схожей моделью *kani karaiu* – (букв.: *кровь почернела*). У казахов лексема *jurek* *надеяться на воду сердце* часто заменяла лексему *асқазан* – *желудок*. К примеру: «*Juregi sazu, juregi aynu* (тошнит), *juregi kijildau* (испытывать изжогу)» и др.

Таким образом семантико-когнитивный анализ фразеологизмов осуществляется в двух направлениях: посредством проведения реконструкции вербализации фразеологических средств избранного концепта; определение с помощью ключевых слов семантики фразеологизма и его употребления в дискурсивном контексте. Данные направления не обособляются, напротив, дополняют друг друга.

Если конкретизировать мысль, языковое сознание в дискурсивной среде должно быть на первом месте. Потому что, чем глубже и многостороннее языковое сознание коммуникантов, тем проще им осуществлять коммуникативную деятельность. Необоснованное использование фразеологизма *tai shaptirim jer* – так в казахском языке характеризуется расстояние, которое может проскакать двухлетний жеребенок *надеяться на воду* в контексте «*Tai shaptirim jerden bir kushik shiga keldi*» (букв.: На расстоянии, до которого можно доскакать на двухлетнем жеребенке, показался щенок) несет в себе

информативное содержание, абсолютно чуждое языковому сознанию. Непонимание говорящим идиоэтнической единицы измерения расстояния «*tai shaptirim jer*» мешает ему реализовать в своей речи лингвокультурный статус.

В языкознании есть понятие «лингвистическая интуиция». Оно означает умение носителей языка адекватно использовать сложившиеся в языковом сознании понятия и представления в коммуникативном дискурсе. К сожалению, лингвистическую интуицию современной молодежи нельзя назвать удовлетворительной. У её представителей снижается уровень имплицитных знаний о значении фразеологизмов. Определение лингвокультурного статуса носителей казахского языка, знание ими элементов национальной культуры становится важной проблемой современного казахстанского общества.

Список литературы

Баранов А.Н. Аспекты теории фразеологии. / Баранов А.Н., Добровольский Д.О. М.: 2008. 655 с.

Kenesbaev, S. Kazak tilinin frazeologyasi. Almaty, 1977. 711 b.

Smagulova, G. Kazak frazeologyasi lyngvistykslik paradigmalarda. Almaty, 2010. 280 b.

Суатай С.К.

КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова
г. Алматы (Казахстан)

Адилова Г.А.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
(г. Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан)

Suatay Sabit

KNMU S.D. Asfendiyarov
Almaty (Kazakhstan)

Adilova Gulshat

Karakalpak State University Berdakh
The city of Nukus (Karakalpakstan, Uzbekistan)

*ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
НАИМЕНОВАНИЙ ОБРЯДОВ И ТРАДИЦИЙ*

PROBLEMS LINGUISTIC AND CULTURAL STUDY OF REGIONAL TITLES
CEREMONIES AND TRADITIONS

В статье рассматривается проблема лингвокультурологического изучения региональных наименований обрядов и традиций. У каждой нации есть материальное и духовное богатство, отражающее её национальный образ, и которое проявляется только после того, как его проведут через сознание, познание, жизненный опыт нации, а средством его изображения является язык, поэтому история языка и история этноса, его культура являются единым целым, которое невозможно рассматривать отдельно друг от друга. Так, изучение бытовой лексики, а именно наименований обрядов и традиций, являющихся зеркалом жизнедеятельности этноса, носителя языка, образности в качестве нации, – является одной из актуальных проблем современного языкознания. Языковой мир является отражением социальных, культурных, исторических, духовных и материальных ценностей. Результатом мышления, миропознания, способа существования этноса является его материальная и духовная культура, история. Если бытие этноса составляют традиции и обычаи, обряды и ритуалы, возникшие вследствие «написания» истории, формирования как материальной, так и духовной культуры, то этнолингвистика – это раздел лингвистики, изучающая языковые факты этноса. Наряду с укреплением связи с разделами наук, отражающими природу этноса, она также явилась причиной зарождения такой науки, как лингвокультурология, способствующая раскрытию сущности этноса с точки зрения культурных ценностей, масштабность сферы исследований, синкретизм этнолингвистики способствовало укреплению взглядов о рассмотрении данной науки в узком и широком значении.

In this article views problem of study linguacultural regional name of rites and traditions. Every nation has material and spiritual wealth, that show its national view, which can be manifested only after it will be taken through consciousness, cognition, experience of the nation, and it means the image is language and ethnic, its culture are single whole, which cannot be separated from each other. Thus, study of household lexicon, namely titles rituals and traditions that mirrors life of ethnic group native speaker imagery as nation, is one of the urgent problems of modern linguistics. Language world like a mirror of social culture, historical, spiritual and material values. Material and spiritual cultures` history is result of thinking, world-consciousness and method of being ethnos. If existence of ethnos compose tradition and rites, that appeared in consequence of compilation of history, then ethno-linguistic it is a section of linguistics that study language facts of ethnos.

Ключевые слова: лингвистика, культурология, этнология, социология, традиция, лингвокультурологический.

Key words: linguistics, cultural science, ethnology, sociology, tradition, linguaculturalstudying.

Современное языкознание уделяет большое внимание функции языка выступать «средством миропознания» наряду с его функцией являться «важнейшим средством общения», поскольку накопленное в результате сознательных действий, связанных с мышлением человечества, духовное богатство – багаж знаний о мире отражает характер и нрав, внутренний мир, психологию нации, а средством передачи результатов свойств миропознания человека из поколения в поколение, внешнему миру выступает язык, обладающий мощной силой.

Таким образом, все то, чего достиг народ, на протяжении многих веков осознавая, вникая в тайны картины мира, является в настоящее время богатым наследием народа. К такому бесценному наследию относятся миропознание, традиции и обычаи, обряды и ритуалы, язык и религия, отражающие сущность этноса.

Казахский народ также с древних времен отличался своей самобытностью. Всестороннему раскрытию таких ментальных особенностей народа способствуют и языковые факты.

Как известно, у каждой нации есть материальное и духовное богатство, отражающее её национальный образ, и которое проявляется только после того, как его проведут через сознание, познание, жизненный опыт нации, а средством его изображения является язык, поэтому история языка и история этноса, его культура являются единым целым, которое невозможно рассматривать отдельно друг от друга. Так, изучение бытовой лексики, а именно наименований обрядов и традиций, являющихся зеркалом, жизнедеятельности этноса носителя языка, образности в качестве нации, - является одной из актуальных проблем современного языкознания.

В связи с этим языковой мир является отражением социальных, культурных, исторических, духовных и материальных ценностей. В настоящее время лингвистика стремится к проведению комплексных исследований в раскрытии содержания вышеуказанных ценностей совместно с такими науками, как этнология, культурология, социология, страноведение. Подобные исследования можно связать с этнолингвистическими исследованиями за последние 10-15 лет в области казахского языкознания.

Результатом мышления, миропознания, способа существования этноса является его

материальная и духовная культура, история. Если бытие этноса составляют традиции и обычаи, обряды и ритуалы, возникшие вследствие «написания» истории, формирования как материальной, так и духовной культуры, то этнолингвистика – это раздел лингвистики, изучающая языковые факты этноса. Бытие этноса – понятие с широким и глубоким значением, поэтому круг исследований этнолингвистики весьма широк. Наряду с укреплением связи с разделами наук, отражающими природу этноса, этнолингвистика также явилась причиной зарождения такой науки, как лингвокультурология, способствующая раскрытию сущности этноса с точки зрения культурных ценностей, масштабность сферы исследований. Синкретизм этнолингвистики способствовал укреплению взглядов в рассмотрении данной науки в узком и широком значении.

Языковые единицы в рамках наименований традиций и обычаев – этнокультурные знания, отражающие сущность казахского этноса, которые передаются из поколения в поколение, знания о жизни в целом. Таким образом, исследование данных языковых единиц на стыке таких наук, как когнитивная лингвистика, психоллингвистика, лингвокультурология, лингвистическая семантика, считается обоснованным.

В памяти народа сохранилось достаточное количество свидетельств событий из жизни. К таким свидетельствам относятся этнодиалектизмы – сведения диалектной лексики, отражающие метариальную и духовную культуру этноса, являющиеся основой этнолингвистических исследований. Наряду с тем, что у этнолингвистики и лингвокультурологии имеются свои цели и задачи, объектом исследования обоих научных направлений является этнос – целостный организм, который познается посредством изучения культуры через язык, языка через культуру, характера, внутреннего мира, сущности как нации, её особенностей. В связи с этим, в соответствии с целями и задачами исследований этнолингвистики можно утверждать, что лингвокультурология выполняет функцию её основы.

История нации, вместе с тем и история языка – это длительно развивающееся явление. Оно проявляется в процессе изучения, познания сущности местных особенностей, закрепившиеся в сознании народа, в ходе исследования его в тесной взаимосвязи с культурой, историей нации, поскольку душой нации является язык, а без культуры не бывает этноса. Культура распространяется, воспринимается, развивается через язык. Любая культура взаимосвязана с тысячелетним историческим опытом, культурой, миропознанием, созданного в повседневной жизни руками, умом, сознанием этноса, скрывающего некую тайну в языке. Языковой материал, этнодиалектизмы

являются фактическими сведениями для познания быта, взглядов, традиций и обычаев, обрядов и ритуалов, кругозора этноса; лексика, входящая в данную группу, полностью охватывает материальное и духовное богатство.

Диалектные слова с этнографическим содержанием передает особенности жителей того или иного региона, в литературном языке они могут не иметь эквивалентов или могут называться по другому. *Айтымал* – подарок, который преподносится гостю, первым открывшего лицо невесты во время обряда (Открой лицо невесты и получи за это подарок (Карак). Беташар (открывание лица невесты) – один из самых почитаемых обрядов казахского народа. Этот обряд среди тюркских народов сохранился только у казахов и каракалпаков, возникновение слова «айтымал» у каракалпакских казахов объясняется схожестью традиций каракалпакского и казахского народов. Для казахского общества обряд открывания лица невесты имеет воспитательное значение. Беташар – это не только знакомство невестки с родственниками мужа и наоборот, а также это обряд, который имеет глубокое значение, имеющее мифические корни. Приезд невестки в дом жениха с закрытым лицом объясняется тем, что она является мечтой, надеждой продолжателя рода родителей, поэтому после проведения ритуалов сохранения невестки от злых языков, сглаза и др. данный обряд с целью показать невестку родителям, приглашенным гостям, проводится в доме родственников мужа. М. Ауэзов о данном обряде говорил так: «Обряд «беташар» с точки зрения изображения законов национальных традиций похож на древнюю песню русского народа «домострой». Однако в казахской песне все слова посвящены невестке» [Ауэзов, 1969, с. 213]. Также «беташар» – это показатель воспитания, происхождения девушки, поэтому хозяин дома оказывает большие почести человеку, который первым открывает лицо невестки, дарит ему подарок, который и стали называть «айтымал». Конечно, обряд открывания лица невестки должен проводить либо акын, либо человек, имеющий некий поэтический талант. Он должен не только познакомить друг с другом две семьи, которые становятся сватами, но и давая наставления невестке, добавлять от себя слова в песню обряда «беташар», а также должен уметь рассказать всем собравшимся об уважении, репутации обеих семей. Этот обряд проводится не только для хозяев дома, но и для всех собравшихся гостей от мала до велика, хотя песни беташар посвящены только невестке, но в них заложен скрытый смысл, предназначенный для всей молодёжи, чтобы они также учились ценить и уважать окружающих их людей, таким образом молодым внушается, что началом духовной

культуры является родной очаг. Семантика лексемы *айтымал* имеет и такое сигнификатное значение.

Ак бурку – опрыскивание молоком, кумысом круп коня, пришедшего первым в состязаниях (О, Всевышний, как хорошо получилось, давайте опрыснем молоком (МХР, Баян). Семантика данного поверья связано со словом белый, то есть этимология современных слов в значении «молоко, молочные продукты» восходит к глаголу *лить*. В данном выражении можно сказать, что сохранены обе семантики; во-первых, в слове «*ак – белый*» подразумевается не значение слова «*молоко*», а значение слова рассеять, очистить от сглаза, во-вторых, сигнификативное значение глагола подразумевает, что все дурные завистливые слова, сглаз прольются на землю вместе с опрыскиваемой жидкостью, потом. Быстрый скакун всегда являлся священным животным для казахского эоса, победа его на состязаниях – это успех, поэтому это примета возникла из желания сохранить животное от дурного сглаза, зависти людей.

По древнему казахскому обычаю держать дойную кобылицу, *угощать всех первым кумысом, полученного от кобылицы* равно проведению большого тоя, праздника, поскольку для кочевых казахов приносило большую радость то, что они благополучно перезимовали, наконец-то встретились с весной, обновлением, и это являлось поводом для угощений всех жителей аула. Говорили, что один аул зовет второй аул отведать кумыса (китайские казахи), люди наряжались по этому случаю, находились в хорошем расположении духа, встречались друг с другом и угощали всех. А перед тем, как освободить кобылу народ снова собирался вместе, собирал *последний удой кобылицы*, высказывали свое удовлетворение прошедшим летом, выражали надежду на благополучную встречу весны. В различных обществах, временах бывали случаи, когда примета «*ак бурку*» применялась и в недобрых целях. Это возникало вследствие разложения общества. Это очень плохо отражалось на людях, которые с уважением относились к традициям, они опасались, что это связано со «святостью кобылы», поэтому, если кобылица преждевременно освобождалась от привязи, её опрыскивали, и просили у святого Камбара, чтобы «коня не захватил враг, а уздечка его не была оставлена» (К. Жумадилов.), просили у него прощения, чтобы недостаток не оставлял их род.

Это всего лишь часть традиций и обычаев, которые были сформированы в течение тысячелетней жизни кочевого народа, посредством таких этнодиалектизмов находят отражение кочевой быт, нрав и характер, духовные ценности казахского этноса, часть из которых впиталась в такие этнодиалектизмы, как *ак бурку, биебау, айтымал*.

Список литературы

Ауэзов М. Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. Статьи и исследования. Алматы: Жазушы, 1969. 479 с.

Фащанова С.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск (Россия)

Fashchanova Svetlana V.
National Research Tomsk State University
Tomsk (Russia)

*КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
МЕНТАЛИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАДИОДИСКУРСА)*

KEY PRECEDENT PHENOMENA IN A CONTEXT OF NATIONAL MENTALITY (IN
RADIODISOURSE)

В статье рассматриваются прецедентные феномены (прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации), которые репрезентируют значимые для национальной культуры явления, ставшие символическими для национального менталитета. Определяется соотношение понятий «интертекст» и «прецедентный текст». На материале современного радиодискурса (радиостанции: «Эхо Москвы», «Радио Сибирь», «Русское Радио», «Маяк» и др.) выделены основные источники прецедентных текстов, проанализированы способы их включения в радиодискурс. Описываются способы трансформации прецедентных текстов. Кроме этого, специальное внимание уделяется значению прецедентных текстов, выделяются ключевые понятия и категории, репрезентирующие русскую культуру и русский менталитет на определённом этапе времени.

In article the author considers a number of key Russian precedent phenomena (precedent texts, precedent names, precedent situations) which represent the significant phenomena for the national culture and become symbolical and reflecting features of national mentality. The concept of «intertext» and «precedent text» are studied. On the material of modern radiodiscourse (radio stations «Ekho Moskvу», «Radio Sibir», «Russkoye Radio», «Mayak», etc.) the main sources of precedent texts are identified, methods of their inclusion in radiodiscourse are analyzed. Ways of precedent texts transforming are described. In addition, special attention is given to the content of precedent texts, key concepts and categories representing the Russian culture and the Russian mentality at some point of time.

Ключевые слова: прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация), менталитет, радиодискурс, языковая игра.

Key words: precedent phenomena (precedent text, precedent name, precedent situation), national mentality, radiodiscourse, word play.

Согласно концепции канадского социолога Г.М. Маклюэна, эра массмедиа и электронной информации меняет среду обитания человека: устраняет национальные границы, даёт возможность преодолеть пространство и время [Жаркова, 2014, электронный ресурс]. Глобальная сеть СМИ позволяет создать универсальность духовной регуляции, т.е. воздействовать на человеческую личность вообще. Именно поэтому язык массмедиа и тексты массовой коммуникации, или медиатексты, – одна из самых распространённых форм существования языка в современном обществе.

Как указывает Т.Г. Добросклонская: «Концепция единого информационного пространства имеет ключевое значение для понимания динамики языковых изменений, т.к. позволяет представить многогранную деятельность мировых и национальных массмедиа в виде единой, целостной системы, функционирование которой оказывает существенное влияние на протекание лингвокультурных процессов» [Добросклонская, 2008, с. 10]. В свете указанных концепций представляется возможным говорить о том, что язык СМИ в настоящее время «выполняет в информационном обществе роль своеобразной модели национального языка. Он во многом формирует литературные нормы, языковые вкусы и предпочтения, оказывая влияние на восприятие политики, идеологии, искусства и литературы» [Володина, электронный ресурс]. Следовательно, можно говорить о том, что язык СМИ сегодня отражает ментальность народа, содержит ключевые для нации ценностные ориентиры, нравственные нормы и выступает в качестве «зеркала», отражающего отношение нации к конкретным личностям, событиям и т.д.

Целью данного исследования является изучение содержательных, формальных характеристик прецедентных текстов в радиодискурсе, их коммуникативной роли, что позволит определить особенности использования прецедентных текстов в радиодискурсе и выявить специфическое содержание, отражающее фундаментальные для русского менталитета ценности.

В качестве материала исследования были использованы аудиозаписи и стенограммы радиодискурса периода 2007-2013 гг. («Маяк», «Эхо Москвы», «Радио Сибирь», «Русское Радио», «Авторadio», «Европа Плюс» и др.).

Национальные языки отличаются друг от друга не столько некоторыми отдельными, изолированными друг от друга параметрами, сколько всей совокупностью вербальной и невербальной информации [Гришаева, 2008, с. 118]. Последнюю язык как ментальный феномен фиксирует и передаёт различными вербальными механизмами и при необходимости также вербализует её. Значительную роль в этом играют прецедентные тексты.

В научной литературе понятие *интертекстуальность* соотносится с понятием *прецедентный текст*. Специфика медиадискурса (и радиодискурса, в частности) связана более с прецедентностью, чем с интертекстуальностью. Интертекстуальность соотнесена с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью (интертекстуальные знаки – феномены культуры); прецедентность соотносится с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Интертекстуальные

знаки проверены временем и традицией: они существуют в течение жизни нескольких поколений людей, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации. Для прецедентных феноменов важна техническая поддержка, прежде всего средствами массовой коммуникации, обеспечивающая тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей [Кузьмина, 2010, с. 153].

Часто активное использование прецедентных текстов связывают с процессом демократизации языка [Лаптева, 1996, с. 150-157]. Демократизация языка – явление многогранное. С одной стороны, общее снижение культуры привело к широкому внедрению в повседневную речь элементов жаргона и просторечия, и одной из активных тенденций в современном языке является вульгаризация. С другой стороны, процессы демократизации языка находят отражение в таких интересных, с точки зрения лингвистики, процессах, как использование прецедентных текстов.

Прецедентный текст может включаться в радиодискурс двумя способами: цитацией и квазичитацией, т.е. включение в текст СМИ чужого текста осуществляется в неизменённом виде, цитация: *Сейчас музыкальный презент/ прямо с пылу с жару!* ((«Хит FM»)), или в изменённом, трансформированном, переименованном виде, квазичитация: *Пять минут для пользы тела* – рубрика на «Русском Радио», ср.: для пользы дела. Включение прецедентного текста обостряет внимание адресата, активизирует его коммуникативные отношения с автором. Слушатель (часто неосознанно) должен ответить на ряд вопросов: Откуда цитата? Кто автор? Почему радиоведущий использует её? Как она связана с текстом радиоведущего? Если цитата выступает в изменённом виде, то количество вопросов увеличивается: Что изменено? Как было в оригинале? Зачем произведено изменение? Как связана изменённая цитата с данным текстом?» Эти и другие вопросы требуют у адресата ответа, порождая такой тип речевой деятельности (речевого поведения), которое Т.Г. Винокур образно назвала «коммуникативным соавторством» [цит. по: Земская, 1996, с. 159]. Участие в такого рода соавторстве составляет особую привлекательность для адресата, заставляя его проделать ряд умозаключений, чтобы понять замысел отправителя текста, установить связь между цитатой и текстом журналиста/радиоведущего.

Отметим, что авторы редко дают пояснения использованной цитации и квазичитации, стимулируя адресата к поиску ответа. В итоге удачная разгадка порождает удовлетворение и повышает мотивацию к дальнейшему общению и участию в языковой

игре. В цитатную формулу автором могут включаться слова, контрастирующие с ней и принадлежащие к другим – бытовым, сниженным пластам лексики. Стилистический план, заданный серьёзной темой, снижается употреблением слов, относящихся к нелитературной, даже вульгарной лексике. Это прежде всего разговорные и жаргонные слова в неподобающем текстовом окружении, что создаёт эффект разнородности текста [Лаптева, 1996, с. 23]. Например: *Если у вас есть предложения/ то не парьтесь/ совмещайте приятное с мегатанцевальным//* («Русское Радио», ср.: совместить приятное с полезным). Следует отметить, что обозначенный способ трансформации прецедентных текстов активен и устойчив.

Эффект языковой игры создаётся в процессе трансформации прецедентного текста путём приобретения нового смысла в конкретном контексте, обычно отличающемся от того, о чем писал (говорил) цитируемый автор. Получается намёк на нечто известное слушателю в его предшествующем ассоциативном и апперцепционном опыте. Такой намёк может создаваться и не прямым цитированием, а просто упоминанием схожей ситуации, в результате чего получается невольное соединение воспринимающей стороной знакомого и нового, обычно это вызывает комический эффект [Земская, 1996, с. 157-162]. Некоторые из этих текстов становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка, например, рекламный ролик, анекдот.

Главной особенностью прецедентных текстов является их способность: 1) играть роль эталона культуры, 2) функционировать в виде свёрнутой метафоры, 3) выступать в качестве символа некоего феномена или ситуации. К прецедентным текстам относятся и прецедентные имена: например, имена известных исторических личностей, персонажей литературных произведений или киногероев (Аполлон, великолепная семёрка, бедный Йорик и др.), т.е. прецедентным может быть не только текст, но и ситуация, лицо, высказывание [Захаренко и др., 1997, с. 82]. Все чаще в корпус современного русского языка стали включаться прецедентные имена современности, прецедентные высказывания современных политиков и деятелей культуры. Многие художественные фильмы советского периода и популярные зарубежные фильмы давно превратились в источник прецедентных феноменов: «Джентльмены удачи», «Мимино», «Двенадцать стульев», «Белое солнце пустыни» и др. [Жумагулова, 2011, с. 279]. Тенденции в современном обществе таковы, что развитие культуры происходит отнюдь не в сторону элитарности.

Не случайно в списке лидеров прецедентности в данное время преобладают пласты «массовой» культуры – кинематограф, эстрада. Эти культурные сферы формируют динамичную, постоянно изменяющуюся, а потому всегда актуальную периферию культурного фонда, того комплекса знаний, которыми обладает типичный представитель той или иной культуры, живущий в определённом времени. Количество обращений к художественной литературе (как отечественной классике, так и зарубежной) уступает эстраде и кинематографу.

Облигаторные книги (перечень произведений художественной литературы, входящих в школьную программу) являются богатым источником порождения прецедентных текстов (цитаты, имена, сюжеты). Как правило, обращение к прецедентным текстам требует апелляции к фоновым знаниям реципиента. Прецедентный текст – это своего рода реминисценция от одного слова до фразы или целого текста. Каждый прецедентный текст вызывает в сознании носителей языка уникальную цепь ассоциаций. Сюда можно отнести личность автора, принадлежность к определённой исторической эпохе, сюжетную линию, наиболее яркие отрывки, величину текста и т.д.

В радиодискурсе в качестве прецедентных выступают различные группы текстов, чаще всего:

1. Строки современных популярных эстрадных композиций: *Ну/ если глаза в глаза не возбраняется/ то уши в уши/ тоже можно//* («Радио Сибирь», ср.: Глаза в глаза, ладонь в ладонь (строки из песни одной из современных поп-исполнительниц));

2. Строки шлягеров советского периода: *А над Томском/ тучи ходят хмуро//* («Радио Сибирь», ср.: На границе тучи ходят хмуро (песня «Три танкиста»));

3. Лозунги, афоризмы как советского, так и постсоветского периодов: *Земли/ крестьянам// заводы/ рабочим// пиво/ мне!!!* («Русское Радио»);

4. Пословицы, поговорки, крылатые выражения: *Если бы все в жизни было легко// но без труда// сами знаете// а рыба нынче/ с характером//* («Милицейская волна», ср.: Без труда не вытянешь и рыбку из пруда).

Гораздо реже в радиодискурсе встречается обращение к классическим произведениям литературы, кино, фактам мировой истории и культуры, т.е. к тем источникам, которые уже стали интертекстами, ключевыми знаками мировой культуры: *Студент!!! университет призывает тебя/ креативом жечь сердца людей!!!* («Радио Сибирь», ср.: Глаголом жги сердца людей (А.С. Пушкин «Пророк»)).

Соотношение источников прецедентности в радиодискурсе свидетельствует о системе ценностей, которая формируется в современном обществе, так как прецедентный текст – это, прежде всего, лингвокультурный знак, который демонстрирует нравственные приоритеты говорящих. Отход культурно значимых прецедентных текстов на второй план является свидетельством снижения общего культурного уровня социума и стремления средств массовой коммуникации сформировать новые ценности у аудитории.

Способы трансформации прецедентных текстов разнообразны. Наиболее распространённый вид модификации – замена одного или нескольких ключевых слов на слова, связанные с ситуацией общения в радиозфере либо с предметом обсуждения радиопередачи: *Да/ невооружённым ухом/этого не заметишь//* («Русское Радио», ср.: невооружённым глазом этого не увидишь). Известный прецедентный текст трансформируется, отражая специфический характер протекания радиокommunikации, связанный с отсутствием визуализации и необходимостью в некоторых ситуациях напряжённого «вслушивания».

Не менее распространённым способом изменения исходного прецедентного текста является его дополнение новыми словами, которые придают высказыванию совершенно иной смысл: *Все чарты мира/ покорились этому синглу// пришёл/ увидел/ победил/ и сам/ похоже/ удивился//* («DFM», ср.: Пришёл, увидел, победил).

В целях экономии речевых усилий, а также для реализации ряда коммуникативных целей говорящих возможно усечение «лишних» для конкретной коммуникативной ситуации компонентов, ср.: «*Чужой монастырь*» – название программы на радиостанции «Эхо Москвы», рассказывающей об обычаях и традициях, интересных фактах из жизни разных стран, ср.: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Другой вид трансформации, встречающийся намного реже, формально связан с изменением интонации, а по сути – с изменением смысла высказывания: *Учиться/ учиться/ и ещё раз учиться?// А жить когда же?// Вопросают студенты/ и я их понимаю!//* («Русское Радио», ср.: Учиться, учиться и учиться. В.И. Ленин).

Использование прецедентных текстов в изменённом виде связано прежде всего со стремлением отправителя языковой игры усилить эстетический компонент высказывания. Однако в языке средств массовой коммуникации, изначально ориентированном на информационное воздействие на адресата, прецедентные тексты, наряду с эстетической, реализуют ряд других функций. Среди них – отражение ментальности народа.

Рассмотрим некоторые черты национального характера, нашедшие отражение в

используемых в радиодискурсе прецедентных текстах. Характеризуя русский менталитет, следует отметить, что одна из типичных черт русского характера – свободолюбие, стремление к независимости. В языковом воплощении данная черта характера находит отражение в критике действующих политиков и политического руководства: *Упало правительство Украины// и мы подобрали то/ что плохо лежит* («Эхо Москвы»). Политика – одна из сфер жизни, которая является постоянным объектом языковой игры русских, причём, закономерностью является оценочность, содержащаяся в языковой игре, как правило, отрицательная: *перекаддафить Кадаффи; Как аукнется/ так и откликнутся наши слушатели* («Радио Сибирь»); *Послушайте/ Таня/ если вы до сих пор живете и работаете в России// так ли уж хорошо там/ в Америке?// Рыба ищет/ где глубже/ человек/ где лучше* («Эхо Москвы»).

Характерной чертой национального характера является гостеприимство. В радиодискурсе это проявляется в желании радиоведущих включить слушателя в коммуникативное пространство радиоэфира, сделать его локально очерченным, комфортным для аудитории: *Хлеб да соль/ а точнее/ приветы да поздравления сегодня вам обеспечены* («Радио Сибирь»). Трансформация известного прецедентного текста выполняет функцию своеобразного приглашения к прослушиванию программы «Привет» на радиостанции «Радио Сибирь». Ведущие данной программы активно используют её название в качестве основы для разнообразных каламбуров с целью привлечь внимание, «пригласить» максимально возможное количество слушателей к диалогу: *«Радио Сибирь» открывает приветливые двери// программа «Привет» в эфире; Большой сибирский привет ловите; Итак/ вы попали под раздачу// под раздачу приветов*. Другие радиостанции используют специфические этикетные формулы с окказиональной лексикой (обозначающей принадлежность к конкретному радио) для привлечения аудитории: *Приветствуем вас в наших авторадийных / русскорадийных объятиях; Всем шлем наш авторадийный / русскорадийный привет*.

Трудолюбие также является неотъемлемой чертой национального характера, в русской традиции осуждается лень, праздность: *Есть миг/ значит надо его использовать* («Радио Сибирь», ср.: «Есть только миг между прошлым и будущим»). Подчёркивается необходимость приложить усилия для получения результата: *Если бы всё в жизни было легко// но без труда// сами знаете// а рыба нынче/ с характером* («Милицейская волна», ср.: Без труда не вытащишь и рыбку из пруда).

К национальным особенностям можно отнести и обострённое чувство справедливости, желание наказать нарушителей закона: *УСТИНОВА: А съём мигалки тут при чем? КУЗИЧЕВ: При том же ровно. МИХАЛКОВ: Вот это по-нашему! КУЗИЧЕВ: Если есть общественное мнение... МИХАЛКОВ: Мигнул/ свистнул/ в тюрьму!// Отлично!// Вот это по-нашему!* («Радио Маяк», ср.: Украл – выпил – в тюрьму, телевизионная комедия «Джентльмены удачи»). Трансформация известного прецедентного высказывания в полной мере отражает отношение к нарушениям и к наказанию за них в нашей стране, так как в большинстве случаев наказываются мелкие хулиганства, а крупные правонарушения – нет. Однако для национального менталитета характерно чувство надежды, что все встанет на свои места и справедливость будет восстановлена: *БАТРУТДИНОВ: ...И периодически/ когда я смотрю на своих сокурсников/ разъезжающих на «майбахах»/ едущих в свою Венгрию/ я понимаю/ что вроде тем занимался/ и получаю-то хорошо/ но почему не так?// Но/ видимо/ всему своё время// И Кесарю// кесарево. САВЕЛЬЕВ: А Венгрия// венгру* («Радио Маяк»).

Одна из основных причин использования трансформированных прецедентных текстов в радиодискурсе связана с балагурством, которое является типичной чертой национального характера. Оно выражается в создании целого ряда каламбуров, цель которых – снять напряжение, развеселить собеседника, разрушить стереотипы: *Смотри ушами* («Радио России»); *Увидеть везучую машинку «Радио Сибирь»/ хорошая примета!// К тому же/ она и куда угодно вас довезёт!// Она же везучая!* («Радио Сибирь»); *А сейчас Братья Гримм со своей сказкой* (имеется в виду музыкальный коллектив «Братья Гримм») («Радио Сибирь»). Балагурство лежит в основе активного включения в речь языковой игры во всех типах коммуникации, балагурство снижает официальность общения, усиливает личностное начало, а также способствует реализации разнообразных коммуникативных целей отправителя языковой игры (маскируя их под развлечением), что особенно необходимо для средств массовой коммуникации.

Использование прецедентных текстов является одним из продуктивных речевых и коммуникативных приёмов в радиодискурсе, рассмотренные случаи их употребления, а также контекст позволили выявить некоторые особенности русского менталитета, характерные для русского народа в данный отрезок времени.

Список литературы

Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>

- Гришаева Л.И.* Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 118-123.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. пособие. М., 2008.
- Жаркова Т.В.* Проблема речевой культуры общества и влияние медиатехнологий // Культура и образование. Январь 2014. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/01/1238>
- Жумагулова Н.С.* Прецедентные тексты англоязычной литературы в структуре элитарной языковой личности // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. Кокшетау: Изд-во Кокшетауского гос. ун-та, 2011. № 1–2. С. 277–281.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
- Земская Е.А.* Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996. С. 157-162.
- Кузьмина Н.А.* Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международной научной конференции. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. С. 152–157.
- Лантева О.А.* Стилистические приёмы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 150–157.

Шомахова Т.М.

Пхитиков Х.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик (Кабардино-Балкария)

Shomakhova Tatyana

Pkhitikov Hauti

The Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov
Nalchik (Kabardino-Balkarian)

*ШУМЕРО-АККАДСКИЕ, АССИРО-ВАВИЛОНСКИЕ, ХАТТО-ХЕТТО-АДЫГСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ КЛИНОПИСНЫХ ТЕКСТОВ)*

SHUMERO-AKKADSKY, ASSIRO-BABYLON, HATTO-HETTO-ADYGHE PARALLELS
IN A TRANSLATION MIRROR (ON A MATERIAL THE KLINOPISNYKH OF TEXTS)

В настоящей статье анализируются шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хеттские клинописные параллели с привлечением к исследованию кабардино-черкесского языка (абхазо-адыгская языковая группа), генетическое родство которого учёными устанавливается с хаттским языком. Проблема антропологизации знаний о языке и культуре в конце XX в. и начале XXI в. затронула практически все сферы научного познания, в том числе и перевод. Исследование показывает, что текст перевода находится на пересечении исследовательских зон языка, мышления и культуры, смысловая организация которых может раскрываться на уровне семантической теории перевода. Привлечение кабардино-черкесского языка к анализу клинописных текстов вскрывает сходство последнего с шумеро-аккадским и ассиро-вавилонским, что даёт нам основание для его прочтения на кабардино-черкесском языке с целью нового осмысления и научного обоснования исторических событий, имевших место 4000-6000 лет тому назад.

In the present article shumero-akkadsky, assiro-Babylon, hatto-hettsky klinopisny parallels with attraction to research of the kabardino-circassian language (the Abkhaz-Adyghe language group) which genetic relationship is established by scientists with hattsky language are analyzed. Problem of an antropologization of knowledge of language and culture at the end of the XX century and the beginning of the XXI century mentioned practically all spheres of scientific knowledge, including the translation. Research shows that the target text is on crossing of research zones of language, thinking and the culture which semantic organization can reveal at the level of a semantic translation theory. Attraction of the kabardino-circassian language at the analysis the klinopisnykh of texts opens similarity of the last with shumero-akkadsky and Babylon that grants to us the right of its reading in the kabardino-Circassian language for the purpose of new judgment and scientific justification of the historical events taking place 4000-6000 years ago.

Ключевые слова: шумеро-аккадские, ассиро-вавилонские, хатто-хеттские, кабардино-черкесский языки, клинописные тексты, перевод, семантика.

Key words: shumero-akkadsky, assiro-Babylon, hatto-hettsky, kabardino-Circassian languages, klinopisny texts, translation, semantics.

Многообразие языков и культур, восходящих своими корнями к шумеро-аккадской, хатто-хеттской цивилизациям, как первому человеческому опыту общения свидетельствует о сущности Человека на Земле, его большом стремлении быть понятым, не быть одиноким в этом огромном космическом пространстве. И с тех пор осознанно или не осознанно человечество ищет пути реализации своего первостепенного назначения –

установления и урегулирования своих межэтнических отношений. Путь этот, как показывает время, не всегда был простым и успешным [Шомахова, 2008, с. 344].

В этой связи нельзя не согласиться Т.М. Шомаховой, которая отмечает, что проблема антропологизации знаний о языке и культуре в конце XX в. и начале XXI в. затронула практически все сферы научного познания, в том числе и перевод, который всегда эксплицитно (цель) и имплицитно (средство) присутствует в сопоставительной лингвистике, способствующей раскрытию не только закономерностей развития как самого языка, но и содержательной (смысловой) стороны, его культурологической специфики, заложенной в языковых единицах [Шомахова, 2009, с. 223].

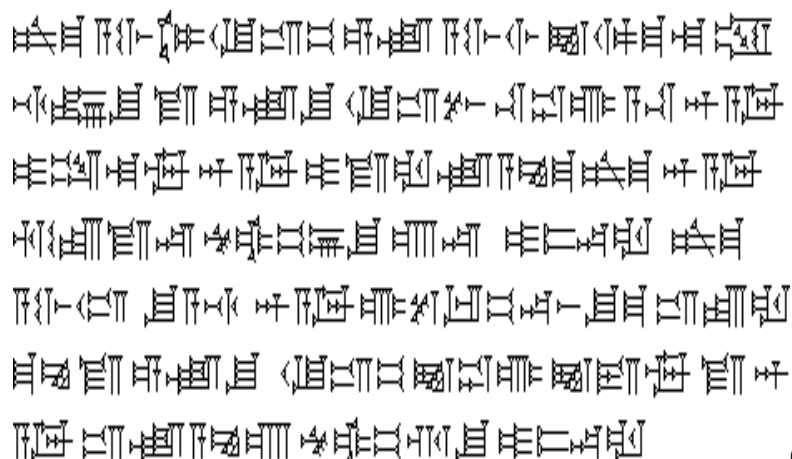
Вне всякого сомнения, текст перевода находится на пересечении исследовательских зон языка, мышления и культуры, смысловая организация которых может раскрываться на уровне семантической теории перевода.

Интерес, проявляемый учёными к древнейшим языкам неслучаен, связанный с необходимостью дешифровки шумеро-аккадских, ассиро-вавилонских, хатто-хеттских клинописных текстов с привлечением к исследованию абхазо-адыгских языков и, в частности, кабардино-черкесского, генетическое родство, типологическое сходство и историческая близость которых неоднократно отмечалась в работах С. Агер, В.Г. Ардзинба, Т.В. Гамкрелидзе, И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконова, Вяч.Вс. Иванова, Дж.Г. Маккуина, М.И. Максимова, Н.Г. Лавпаче, Н.В. Сычева, В.Н. Ярцевой, E. Laroche, H.S. Schuster, E. Forrer, P.E. Zimansky и др. (В.Г. Ардзинба, 1982, 1989; Т.В. Гамкрелидзе, 1959, 1961; И.М. Дунаевская, 1960, 1961; И.М. Дьяконов, 1979; В.В. Иванов, 1963, 1985; Н.Г. Лавпаче, 2011; Дж.Г. Маккуин 1983; М.И.Максимов, 1948; Н.В. Сычев, 2008; В.Н. Ярцева, 1990; E. Laroche, 1947; H.S. Schuster, 1974; E. Forrer, 1922; P.E. Zimansky, 1998).

Как известно, шумерский язык – язык шумеров (шумерский), древнего народа, населявшего Южное Двуречье (совр. Ирак) вымер к началу 2-го тыс. до н.э. По клинописным текстам известен с 29-28 вв. по 3-1 вв. до н.э. Оставался в Месопотамии вторым книжным языком наряду с аккадским языком. [Ярцева, 1960, с. 589].

Аккадский язык (вавилоно-ассирийский, ассиро-вавилонский язык) – один из семитских языков (северо-восточная группа). Язык древнего населения Месопотамии и Ассирии (совр. Ирак). Не позже середины 3-го тыс. до н.э. был распространён в Месопотамии наряду с шумерским языком. К началу 2-го тыс. до н.э. всё население Месопотамии и долины р. Тигр стало пользоваться только Аккадским языком [Ярцева, 1960, с. 22].

Представленный ниже клинописный текст описывает военное действие аккадцев против города Уб (приблизительно 3000—2600 гг. до н. э.).

(Ager C.).

Транслитерация:

1. Ma-ra-si-ma-a-pi-la-m-k-is-bi-el-a-pi-s-i-da-da-m-si-ui-k-ti 2. In-su-s-e-li-su-ka-is-a-pu-no-d-u-a-na-ana-ak 3. I-li-sa-gu-a-na-ak-is-a-al-lu-i-mi-ma-ma-ra-si-ma-a-na-ak 4. I-ja-ta-s-zu-mi-ub-bi-r-su-ui-zu-i-ta-b-al-ma-ra-si-ma 5. A-ui-nu-m-ssa-ti-a-na-ak-ui-ta-i-pa-b-za-as-su-ma-is-ta-al 6. Ma-mi-s-ie-l-su-ka-is-bi-i-da-du-ui-da-da-ak 7. A-na-ak-is-li-am-ui-mu-ui-b-bu-ri-su-i-ta-b-al

Читаем по кабардино-черкесски:

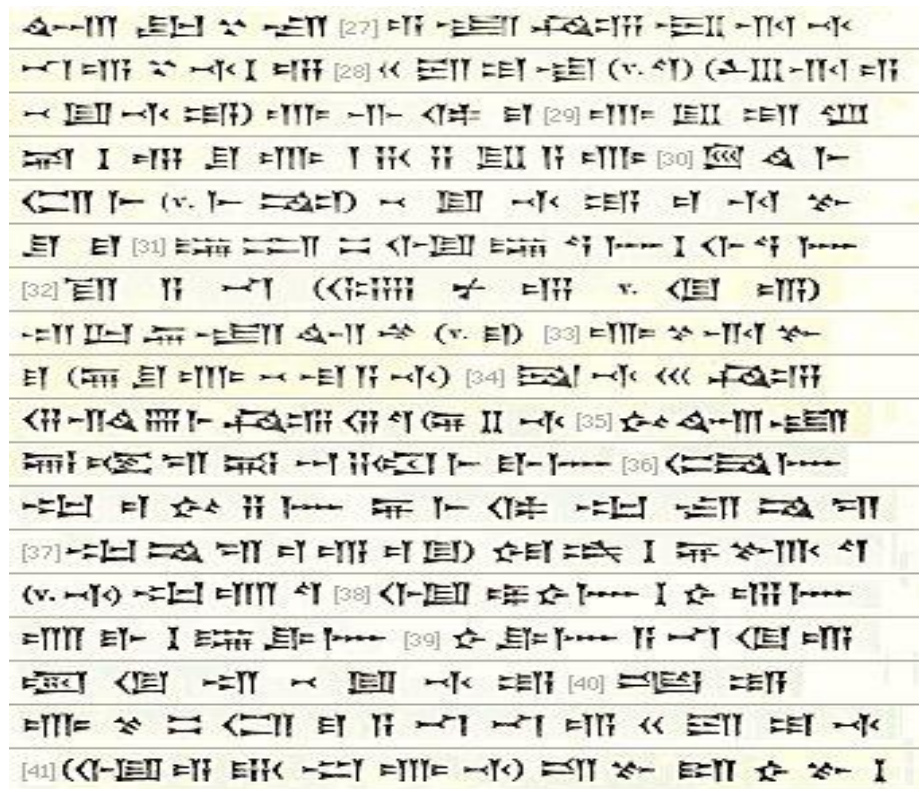
1. Марашмэ апильэм К1ыщ биел1 апищ идадэм щиюк1ти 2. Ин шуц ел1 шук1э ишапу Нэд у анэ анэ Акъ 3. Или шагу анэ Акъ ишэ 1эл л1ы а Мимэ Марашмэ анэ Акъ 4. И джатэц зумы1уб бир шууи зуитэ Бал Марашмэ 5. А уи Нум щ1ат1и анэ Акъ Утэ ипэбзэ Аш шумэ иштэ 1эл 6. Мамыщ ел1 шук1э Иш би идаду уи дадэ Акъщ 7. Анэ Акъ Иш л1ам Уму Уб бири шуит1э Бал

Перевод на русский язык:

1. Мараш руками душит Киш врагов мужчин, трехпалых (вид оружия) его дедушка убивает 2. Большой всадник убивает на коне, навсегда увозит из Нод твою мать, мать аккадийку 3. Бьют мать аккадийку, как мясо отбивают, увозит злой мужчина, мать аккадийка Мимы Мараша 4. Крепко держи свой меч Бал Мараш, враг всадник звенит 5. Закапай своего Нума мать аккадийка Ута, говорит Аш всадник на диком коне 6. Мамиш убивает на коне Иша врага его дедушки, твоего деда аккадийца 7. Мать аккадийка мёртвого Иша, Ум из города Уб враг всадника Бал

Вавилонская письменность (война Ахийцев в Месопотамии приблизительно 11-14 вв. до н.э.).

[<http://yandex.ru>].

Транслитерация:

1. A-hi-si-r-ku-ira-si-e-li-ssa-m-ka-l-pa-ri-ti
2. na-ri-b-na-ta-ti-i-ta-ni-da-da-tu-ti-ja-ha-ra-ei
3. Bi-lu-ti-ie-a-ua-ra-ti-di-mu-j-si-ru
4. Ui-s-su-ui-na-ma-ui-ha-za-ja-ui-pi-l-ha-ma
5. Nu-ma-ma-id-bi-lu-ti-ie-is-hu-a-pa
6. Su-ma-la-ma-si-m-bi-si-lu-la-m-ui-ti-ma-i-si-ui-ti-ma
7. Ssi-a-na-az-an-u-ka-la-ka-ta-n
8. Nu-r-sa-tu-ha-m-ue-ba-ra-bu
9. Ma-ir-su-u-bi-is-sa-ti-id-ti-sa-ssa-m-ka-l
10. Dz-a-ji-zi-ma-ssa-m-ka-l-dz-i-ti-ni-h-ti-gu-a-hi-lu
11. I-ra-t-sa-uz-ma-si-na-an-ha-ma-gj-al-ma-nu-ma-ti
12. Ka-n-ji-zi-ma-na-m-di-ku-za-m-si
13. Ka-ma-si-iz-ka-la-ku-s-ma-ra-s-su-ni-sa-r-ui-ti
14. Ka-ui-ti-si-li-tu-r-gj-i-ma-su-si-ui-na-ma
15. U-gj-al-i-la-m-pa-hi-ma-a-na-ka-t-an
16. Ha-m-ku-na-bi-il-ti-ie-gj-e-ia
17. Ui-sa-bi-nu-m-ma-an-na-ri-bi-ni-da-da-ti
18. Ssi-li-e-ba-ss-zu-ti-is-bu-ra-si-bu-ui

Читаем по кабардино-черкесски:

1. Ахъи шыр къураси ел1 Шамкъал Парыти
2. Нарыб нат1эти и Тани дадэ Тут джэхэрэ е
3. Би л1ыти яуэрэт ди муджссыру
4. Уш шу унэмэ уихьэ зэджэу Пылхэмэ
5. Нумэ Мэид би л1ыти яйс хуапэ
6. Шумэ Ламэшым бици л1ы Лам 1утмэ иши 1утмэ
7. Щ1ы анэ 1эзэну къалэк1э Тан
8. Нур сагухэхэм уебэрабу
9. Маир шуу биищати идтищэ Шамкъал
10. Дзэ джызмэ Шамкъал дзит1 нихьти гу Ахъи л1ы
11. Ират шэ узмэ си наанхэмэ Гъалмэ Нумэт1э
12. Къан джызмэ нэм дикъуызамсэ
13. Къамэси из къалэ из Куш

Мараш шу нысэр 1ут 14. Къауит1 щыль т1ур гъымэ шу си унэмэ 15. У Гъал Илэм пахьмэ шэпахьмэ анэк1э Тан 16. Хьэмк1ыу Наби ил1ти ягъея 17. Ушэ би Нум маан нарыбын дадэти 18. Щыль ебэщ зути иш Бура сибуй

Перевод на русский язык:

1. Ахийцев на доблестном коне убивает Шамкал Паритов 2. Хорошего парня из Тана дедушка Тут зовёт, эй 3. Враг мужчины бьёт его, как толкут мудж острый 4. В доме всадника Уша собаку зовут Пил (слон) 5. Нума одень врага мужчину Маида 6. Всадник Ламиш враг мужчины который стоит на коне у Лама 7. Земля мать врачевать будет в городе Тан 8. Божественный свет попираешь 9. Шамкал останавливает тысячу врагов всадников Маира 10. Под многочисленный стон армии Шамкал несёт сердце ахийского мужчины 11. Ранят моих наанцев, царь Нума 12. Глазам больно смотреть как родственник стонет 13. Много в городе кинжалов и Кушийцев, Мараша всадник сноха стоит 14. Двое лёжа стреляют, двое плачут всадников у моего дома 15. Тебе царю Ила у которого мать из Тана боеприпасы подносят 16. Галопом скачут оплакивая Наби мужа 17. Уведи врага Нуму, хороших дедушкиных детей маанцев 18. Лежит боком звенит конь Бура, мои сироты

Хаттский язык (протохеттский язык) – древнейший язык северо-восточной Малой Азии. Был вытеснен индоевропейскими языками (хеттским и палайским). Сохранились обращения к богам, вкрапленные в хеттские клинописные тексты. [Ярцева, 1960, с. 570].

– один из хетто-лувийских языков, мёртвый язык народа, населявшего центральную и северную части древней Анатолии. Будучи первым в истории из индоевропейских языков с письменной фиксацией, хеттский язык отражает многие архаичные черты; одновременно отмечаются и явные инновации. Письменность хеттского языка – клинопись, по-видимому заимствованная из северной Сирии в 19-18 вв. до н.э. и близкородственная староаккадской [там же, с. 572].

Предлагается текст хеттской клинописи, представленный в работах Т.В. Гамкрелидзе, М.И. Максимова. [Гамкрелидзе, 1959; Максимов, 1948].

Транслитерация:

1. Gj-al-ku-as-i-tu-an-am-is-at-u-si
2. Gj-al-i-ma-li-ra-ui-ku-a-an-as-i-ma-li-u-si...is.
3. Ku-as-um-as-is-im-a-ie-is-i-ra-ti-sa-i-zu-li-ma-s-pa-n.
4. Gj-al-ku-a-im-as-ad-a-is-si-n ga-l-iz-is-a-un-ar-pa-ku-as-um-as-ie-is-i-ra-ti-sa.
5. Ui-na-zi-zu-li-ma-si-pa-i-ga-l-i-ku-a-ia-si-a-da-is-si-n-ga-l-is-si-ne-sa-pa
6. ku-as-um-as-i-ie-is-i-ra-ti-sa-a-ui-ma-in-am-a-ku-a-ra-si-ku-a
7. Ku-as-um-as-i-ie-is-i-ra-ti-sa-si-pa-ma-iz...8.
8. Gj-al-ku-a-dj-ab-ah-a-is-a-is-an-i-zi-ku-as
9. Us-a-ie-is-i-ra-ti-sa-is-su-ra-pa...10.
10. Gj-al-ku-a-si-li-u-li-ma-ui-lu-an-as-i-i-ku-a...si-ie-is-i-ra-ti-sa
11. Ku-at-a-ku-a-ta-ma-hu-a-ra-ti-sa-ui-s-ad-a-si-i...ra-ti-sa
12. Ui-na-ma-i-ku-as-lu-si-a-i-si-ra-ti-sa
13. I-zi-ku-a-mi-ku-as-ui-ma-s-ie-i-si-ra-ti-sa-ku-a-si-si-a-na
14. Ui-s-ie-i-si-ra-ti-sa-a-na-a-da-ma-mo-bi-e-li-ui-si-a-na...15.
15. Gj-al-ku-a-sa-ku-as-i-i...16.
16. Es-i-ha-na-ui-na-ha-a-pa...17.
17. Es-i-i-ku-a-na-u-ji-mi-se-ssa...18.
18. Ui-si-ie-is-i-ra-ti-sa-ha-r...19.
19. Gj-al-ku-ma-ssa-di-ra-si-i-na-na
20. Lu-uis-ma-ra-ssi-mi-ssa-di-ri...21.
21. ku-a-is-a-ui-ma-ui-s-ie-is-i...22.
22. Ui-ma-ha-si...zu-zi-li
23. Gj-al-ku-a-sa-in-a-si-ku-a...24.
24. Ku-a-ui-ma-ui-s-ie-is-i-ra-ti-sa
25. Su-ss-mu-si-lu-ssi
26. Gj-al-ku-a-lu-ha-ti-pa-s...27.
27. Ui-na-zi-zu-li-ma-si-pa-i...

Читаем по кабардино-черкесски:

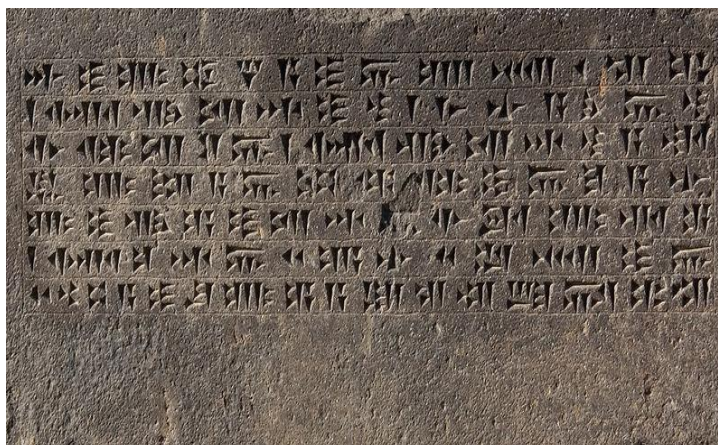
1. Гъал къуэщи тЪуанэм ишэт Уши
2. Гъалмэ лЫр уи къуэ анэщи мэ лЫ Уш...иш.
3. Къуэш Умэщ исымэ иеисиратисэ и Зулимэщ Пан
4. Гъал къуэ имэщ адэ Исын Гъал изыса унэр пэ къуэш Умэщ йеисиратисэ
5. Унэ зы Зулимэщи пэ и Гъал къуэ и ащи

адэ Исын Гьал исци нешапэмэ 6. Къуэш Умэщи йеисиратисэ а Умэ инэмэ къуэраши къуэ
7. Къуэш Умэщи йеисиратисэ шыпэмэ из... 8. Гьал къуэ джабэхэ ишэ ишэн и зы къуэш. 9.
Уша йеисиратисэ ишурэ пэ... 10. Гьал къуэ си л1у л1ымэ уил1 анэщи и къуэ ....щи
йеисиратисэ 11. Къуэт1э къуэт1э махуэратисэ Уш адэси е.....ратси 12. Уи Намэ и къуэш
л1ыщи а исыратисэ 13. И зы къуэми къуэш Умэщ йеисиратисэ къуэши си анэ 14. Уш
йеисиратисэ анэ адэмэ мобы ел1 Уши анэ.... 15. Гьал къуэ шак1уэщи и... 16. Ещи хьэнэ
унэхэ апэ...17. Ещи икъуэ наужьми сешэ... 18. Уш йеисиратисэ хьэр з... 19. Гьал къуэмэ
Шадыраши и нанэ 20. Л1ы Уш Марашы мы Шадыри...21. Къуэ ишэ Умэ Уш а йеси... 22.
Умэхэщи...зу зыл1 23. Гьал къуэ шэ инащи къуэ... 24. Къуэ Умэ Уш йеисиратисэ 25. Шущ
Муси л1ыщи 26. Гьал къуэ л1ыхэти пэш 27. Унэ зы Зулимэщи пэ а...

Перевод на русский язык:

1. Уш забирает царского сына у незаконной жены 2. Уш возьми своего царского
взрослого сына 3. Восседающий брат Умы её Зулимы Пан. 4. Отец царского сына царь из
города Исина, поставил дом старший брат Умы 5. В одном доме у Зулимы старший сын
царя у него отец Исинский царь на троне навсегда увозит 6. Его брат Ума он Умы
любимый внук. 7. Его брат Ума лошадиный нос. 8. Царя сына везёт один из братьев
Джабовых 9. Уш везёт старшего 10. Царский сын мой муж мужчина твой муж матери
сын...его. 11. Внук отца Уша его ясный день. 12. Восседающий мужчина твой брат Нама.
13. Один из братьев по матери брат Умы 14. Убивает он его маму и отца Уш мать...15.
Царский сын охотник. 16. Его ханейские дома... 17. Старая карга уводит его сына и меня
18. Собаку Уша зовут з... 19. Бабушка царского сына из Шадовых. 20. Уш мужчина Мараш
из Шадовых. 21. Сына забирает Ума у Уш... 22. Умовы....один мужчина. 23. Вези царского
сына растерянного сына... 24. Сын Уша становится сыном Умы... 25. Повзрослевший
всадник Муса... 26. Царя сыновья мужчины вперёд. 27. В одном доме у Зулимы
старший...

Анализируемые нами исторические клинописные тексты имели место
приблизительно в 2400-2300 гг. до н.э. [Сычев, 2008, с. 21-33].

Плита с Аккадской письменностью 16-18 век до н.э. надпись на фундаменте храма в крепости Эребуни на холме Арин-Берд близ Еревана. (Надпись выполнена на урартском языке клинописью, заимствованной у ассирийцев. Текст приписывает постройку храма царю Аргишти I. [Zimansky, 1998. p. 19].

Транслитерация:

1. A-ni-ui-ba-si-sa-a-i-ni-i-bi-ni-ta-ui-si-ia 2. Iia-ri-gja-ba-nu-i-ta-ma-sa-a-ha-ne-sa 3. Ssi-di-ba-di-in-ii-ri-gja-ba-nu-sa-a-gja-al 4. Ku-a-ua-ri-a-ni-bi-ba-ui-lu-di-i-ni-ma-as 5. Ui-gja-ie-i-ba-nu... ssi-da-sa-ui-ri-ie 6. Iia-ri-si-a-nu-ni-ni-ta-n-si-ni-al-bi-ni-ta-i-ni 7. Ni-na-t-bi-a-i-su-ue-i-a-ku-a-si-ba-tu-ne-sa-pa-su

Читаем по-кабардински.

1. Ани уибаси шэ а и Ний Бинит1э Усие 2. И1эри гъэбануит1э Машэ ахэ нешэ 3. Щиди Бадын и1эри гъэбану шэ а Гъал 4. К1уэ уэри а Ни Бибэ уил1 ди инымэ Аш 5. Уигъэ еи бану ...щи дашэ Ури е 6. И1эри си ану Нини Танщи Ни Албинит1э и Ни 7. Ни Натби а ишу уе а кьуэси Бату нешэ пасу

Перевод на русский язык:

1. Усия осиротела уведи из Ний Бина 2. В трудный год Маша их забирает 3. Бадин останавливает гадину и забирает царя 4. Сходи ты тоже в Ни к Бибэ к мужу нашему в Аш 5. Крича нас в год... везут нас в Ур эй 6. Мать моя Нина Тан Ни Альбина из Ни 7. Ни Натби их забирает ой его сына Бату забирает рано.

Следует отметить, что встречаемые в клинописных текстах имена и фамилии имеют место в современных северокавказских языках. Так, так например: Мараш – Марашевы, Киш – Кишевы, Мима – имя Мима (есть детская считалка), Мимовы, Бал – Баловы, Ут – Утовы, Шамкал – Шамхаловы, Парит – Паритовы, Тан – Тановы, Маид – имя Маид, Ламиш – Ламишевы, Лам – имя Лама, Маир – Маировы, Уш – Ушевы, Ума – Умовы, Зулима – имя Зулима, Пан – Пановы, Шад – Шадовы, Муса – Мусовы, Ахи – Ахиевы, Пил –

Пиловы, Бина – имя Бина (шумерский святой), Маша – имя Маша, Бадин – имя Бадин, Бадинокковы, Биба – имя Биба (основатель Вавилона), Аш – Ашевы, Ур – имя Ура (отсюда кабардинцы зовут русских – Урис-сидящий в Уре), Урусовы, Нина – имя Нина, Нинашевы, Альбина – имя Альбина, Бата – имя Бата, Батовы, Уш – Туш (имя).

Список литературы

- Агер С.* Шумеро-аккадская письменность и дочерние клинописи [Электрон. ресурс] С. Агер. – Режим доступа: [http:// www.garshin.ru](http://www.garshin.ru)
- Арджинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Арджинба В.Г.* Древние цивилизации. М., 1989.
- Гамкрелидзе Т.В.* Клинописная система аккадско-хеттской групп и вопрос о происхождении хеттской цивилизации // Вестник Древней истории, М., 1959. №1.
- Гамкрелидзе Т.В.* Аккадо-хеттская слоговая азбука и проблема происхождения хаттского подлинника // Вестник Древней истории. М., 1961. №1.
- Дунаевская И.М.* О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа // Сборник в честь академика Н.А. Орбели. М.-Л., 1960.
- Дунаевская И.М.* Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола. Переднеазиатский сборник. М., 1961.
- Дьяконов И.М.* Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979. С. 79-83.
- Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов В.В.* Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 26-59.
- Лавпаче Н.Г.* Мирровозрение древних атыхов, хаттов [Электрон ресурс] / Н.Г. Лавпаче. 2011. – Режим доступа: <http://www.gerodot.ru>
- Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Максимов М.И.* К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря // Вестник Древней истории. М., 1948, №4. С. 24-34.
- Сычев Н.В.* Книга династий. М., 2008. С. 21-33.
- Шомахова Т.М.* Невербально-вербализованный акт коммуникации акт перспективы развития // Преподавание иностранных языков и культур в начале XXI: инновации и традиции. Пятигорск, ПГЛУ, 2008. С. 344-349.
- Шомахова Т.М.* Le concept de «bonté» dans des contes français et russes // La traduction: philosophie, linguistique et didactique. France. Lille 3: Université Charles-de-Gaulle, 2009. P. 223-227.
- Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1960.
- Laroch, E.* Etudes “ protohittites”. JCL. 1., 1947, RA, 51, 1947.
- Schuster, H.S.* Die hattischen Bilinguen. 1. Einleitung. Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974.
- Forrer, E.* Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches / ZDMG. 1922 ½. –Режим доступа: <http://yandex.ru>. Картинки. Вавилонская письменность клинописью.
- Zimansky, P.E.* Ancient Ararat, A Handbook of Urartian Studies. New York: Caravan books, 1998. – ISBN 0-88206-091-0.

Хромова И. А.
Сюй Лили
Ивановский государственный университет
г. Иваново(Россия)

Khromova Irina
Xu Lili
Ivanovo State University
Ivanovo (Russia)

ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ» И «ВИШНЕВЫЙ САД»
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ

ANTON CHEKHOV'S PLAYS "THE THREE SISTERS" AND "THE CHERRY ORCHARD"
IN MODERN CHINESE THEATRE

Предмет исследования в статье – сценическая рецепция чеховских пьес в начале XXI века в КНР, проблема адекватного восприятия инокультурного текста с учетом ментального дискурса. Стремление китайских режиссеров раскрыть психологию русского человека через призму восточного мировосприятия в спектаклях «Три сестры» и «Вишневый сад».

The article is about the theatrical reception of Chekhov's plays at the beginning of the 21st century in China, the problem of adequate perception of foreign culture texts considering mental discourse, Chinese stagedirectors attempt to reveal the psychology of the Russian people by the Oriental worldview in the staging Anton Chekhov's «Three Sisters» and «The Cherry Orchard».

Ключевые слова: диалог, культура, Чехов, пьесы, рецепция, Китай, ментальность, интерпретация, мировосприятие.

Key words: dialogue, culture, Chekhov, plays, reception, China, the director, the mentality, the interpretation, worldview

Особенностями китайской культуры новейшего времени является одновременное развитие собственной культуры и становление литературы современного типа. Появление русской литературы в переводах в XX веке стало важным звеном в процессе модернизации китайской культуры, перехода ее от средневековья – к современности, от чисто национальной – к мировой. Большое значение в становлении драматургии Нового Китая имело творчество А.П. Чехова, постановка его пьес в КНР. Стало афоризмом высказывание известного китайского режиссера, что китайский театр немислим без Чехова и Шекспира.

Драматические произведения Чехова в современном Китае активно переводят, издают, ставят на сцене. При этом неизбежно возникает вопрос о выявлении их

инвариантной основы и пределов подвижности их смысловых границ в театральных интерпретациях. В этом случае на первый план выходит проблема ментальности в сценическом истолковании чеховских пьес китайскими режиссерами и актерами; соотношение национального и инационального компонентов.

Китайские режиссёры предложили свою интерпретацию чеховских пьес. Среди них необходимо выделить режиссёра - новатора Линь Чжаохуа, который в 1997 году соединил пьесу «Три сестры» А.П. Чехова и пьесу «В ожидании Годо» Сэмюэла Беккета. Новая постановка называлась «Три сестры·В ожидании Годо» и вызвала множество откликов в кругах литературоведов и искусствоведов того времени. В настоящее время она остаётся такой же популярной. Знаменитый писатель и критик Юй Хуа так оценил спектакль: «Нас удивляет и радует то, что в одной сцене и одном времени мы чувствуем и красоту Чехова, и печальную неделикатность Сэмюэла Беккета»¹⁰⁹.

В центре сцены поставили остров, который украшен тремя цветами –фиолетовым (зрелая Ольга), чёрным (грустная Маша), белым (туманная Ирина). Три сестры смотрят в одну сторону, ждут, когда поедут в Москву, мечтают начать новую жизнь. А вне острова находятся главные герои пьесы «В ожидании Годо» – Владимир (Диди) и Эстрагон (Гого), они словно завязли во времени, пригвождённые к одному месту ожиданием некого Годо, встреча с которым, по их мнению, внесёт смысл в их бессмысленное существование и избавит от угроз враждебного окружающего мира. Режиссёр замечательно совместил разные эпохи, разные типы людей в одном спектакле, пользуясь единой темой – ожидание¹¹⁰.

Линь Чжаохуа в интервью сказал: «В процессе работы над спектаклем "Три сестры· В ожидании Годо" я осознал, что в жизни бывает много надежд и ожиданий, в общем люди считают любовь вечной, но на самом деле это не так; ожидание является вечным, и всё существует в ожидании»¹¹¹. В этом режиссёр разделяет точку зрения с известным исследователем Б.И. Зингерманом, который отмечает: «У Чехова герои ждут перемены жизни к лучшему, верят в прекрасное будущее, которое принесёт с собой счастье – если не завтра, то через двести-триста лет... И все вообще чеховские герои то терпят-терпят, а то вдруг чувствуют, что терпению приходит конец. На этих перепадах терпения, которое

---

¹⁰⁹Юй Хуа. Классическое творчество Линь Чжаохуа«Три сестры · В ожидании Годо» // <http://www.sina.com.cn> (перевод Сюй Лили)

¹¹⁰Статья в китайском блоке. Ожидание «Три сестры · В ожидании Годо» // http://blog.sina.com.cn/s/blog_6a3e730f0100o9ik.html (перевод Сюй Лили)

¹¹¹Международное радио Китая. Линь Чжаохуа: у меня нет стилия // <http://russian.cri.cn/1/2004/12/27/1@48616.htm>

кажется бесконечным, но вдруг иссякает, грозя катастрофой и взрывом, а потом опять крепнет, окрашенное безнадежностью или вновь вспыхнувшей надеждой, в известной мере построен драматизм чеховских пьес» [Зингерман, 1979, с. 114-115].

В настоящее время постановка чеховских пьес в Китае вступает в новый этап, когда китайские режиссёры не просто показывают подлинные классические спектакли, но с учётом китайской традиции активно преобразовывают чеховские пьесы. В новом периоде мы чувствуем национальный элемент в спектаклях, они становятся более близкими, понятными китайским зрителям.

Знаменитый Международный театральный фестиваль, посвященный Антону Павловичу Чехову, был открыт 22 июня 2004 года в Пекине. В течение сентября театральные коллективы из Китая, России, Израиля, Канады представили зрителям Пекина постановки различных пьес Чехова, в которых принимали участие труппы Московского театра юного зрителя и Малого театра. Кроме того, в рамках сезона на сцене Китайского Государственного Драматического театра были показаны пьесы великого русского классика – «Платонов» и «Вишнёвый сад».

Во время театрального сезона китайские зрители смогли посмотреть две версии «Вишневого сада», поставленные А.П. Бородиным и Линь Чжаохуа. В спектакле А.П. Бородина главное – это «человеческий материал», то, как протекают и развиваются взаимоотношения между людьми, обитающими в пространстве красоты, выставленной на торги. Душевные движения героев при этом абсолютно естественны. Это была удачная постановка. Режиссёр с удовольствием дал интервью: «Это настоящая овация, и весь зрительный зал даже встал. Нам сказал посол России в Китае, что это первый приезд драматического театра из России спустя 50 лет»¹¹². На вопрос, почему китайцы так отнеслись именно к Чехову А. Бородин ответил: «Я понял, что, как ни странно, Чехов для них не является каким-то далеким иностранным автором. Мне кажется, что между китайцами и русскими очень много общих точек, есть какое-то объединяющее нас чувство»¹¹³. Россия – евразийская страна, можно сказать, что в русском человеке соединены не только европейские, но и азиатские черты. Как пишет Б. Зингерман: «В театральных героях Чехова воплощены лучшие свойства европейской интеллигенции, в то же время им присущи черты, достаточно чуждые европейскому характеру» [Зингерман, 2001, с.185]. Как правило, чеховские герои заняты жизненной практикой, но главное место

---

¹¹² Чжоу Генху. Последняя пьеса «Вишнёвый сад» показана в Пекине / http://news.xinhuanet.com/newscenter/2004-09/20/content_1995586.htm (перевод Сюй Лили)

¹¹³ Там же.

в их душе занимают духовные искания и созерцание смысла жизни, что близко характеру восточного народа. «Театр Чехова объединяет Европу и Азию не потому, что Чехов был западником или ориенталистом, а потому что он глубоко, как мало кто другой, понимал природу русского» [Зингерман, 2001, с.191].

19 сентября 2004 года в пекинском театре был аншлаги – зрителей привлекла постановка «Вишневого сада» на китайском языке. Главную роль сыграла одна из известных отечественных кино-телезвезд Цзян Вэньли. Постановщик пьесы Линь Чжаохуа показал соотечественникам своё прочтение чеховского произведения, стремясь вписать элементы современности в классическое театральное произведение.

В июне 2009 года Линь Чжаохуа показал свой известный спектакль «Вишнёвый сад» в Шанхайском драматическом театре для того, чтобы открыть сезон современной драмы. На этот раз в спектакле принял участие знаменитый актёр Чжан И. В отличие от постановки 2004 года время спектакля было сокращено до полутора часов, что вызвало удивление. Режиссёр говорил: «Почему нельзя так поставить? Чехов, Ибсен, Шекспир – исторические, классические, но одновременно они современные, их творчество требует современной интерпретации. Я не служу им, наоборот, они служат моему мышлению на сцене»¹¹⁴. Кроме этого, сценография спектакля достойна похвалы. Знаменитый режиссёр Гу Чжанвэй писал: «Сцена так оригинальна, хороша. Актёры стояли под проволочным ограждением на высоте четырёх метров от земли при поддержке железного каркаса. Проволочное ограждение покрыто было жёлтой материей, чтобы показать пустынную атмосферу. В последнем действии вишнёвый сад продан, все собрали вещи, на несколько секунд вдруг все остановились, в этой тишине свет усиливается, сцена как скульптурная картина»¹¹⁵.

Во время беседы со студентами Шанхайского театрального университета Линь Чжаохуа так сказал о сегодняшнем китайском театре: «Не надо об этом думать. Китайское современное театральное состояние не будет меняться благодаря вашему мышлению. В Китае нет традиции "разговорной драмы", мы не можем назвать ни одного оригинального классического драматического произведения. Китайская драма заимствована из Европы»¹¹⁶. Режиссёр выразил своё сожаление о том, что мы торопимся с

---

¹¹⁴Се Чжэни. Режиссёр «Вишневого сада»: Чехов показывал службу моему мышлению на сцене. // http://culture.ifeng.com/popular/vanguard/200906/0604_4103_1188077.shtml (перевод Сюй Лили)

¹¹⁵Чжан Ии Цзян Вэньли вместе показали известную чеховскую пьесу «Вишнёвый сад» // <http://yule.sohu.com/20090429/n263687057.shtml> (перевод Сюй Лили)

¹¹⁶Се Чжэни. Режиссёр «Вишневого сада»: Чехов показывал службу моему мышлению на сцене. // http://culture.ifeng.com/popular/vanguard/200906/0604_4103_1188077.shtml (перевод Сюй Лили)

изучением зарубежного театра, оставляя ценное сокровище – китайскую традиционную драму без внимания.

В 2008 году в Университете музыкальной драмы была переведена и показана известная пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад» в форме китайской оперы при сотрудничестве пяти факультетов университета: факультета режиссуры, актёрского факультета, музыкального факультета, сценографического факультета и драматического факультета. Это была вторая экспериментальная попытка после постановки романа Виктора Гюго «Отверженные»¹¹⁷.

Режиссёр Жань Чжанцян рассказал о своём впечатлении: «После углублённого исследования мы решили, что опера «Вишнёвый сад» должна быть близкой к оригинальному мышлению Чехова, нам надо объективно выявить динамику духовной жизни и поведения различных слоёв старого общества в переходный период. Мы будем положительно и оптимистично утверждать уничтожение старой жизни и приход новой жизни»¹¹⁸.

В китайской новой опере «Вишнёвый сад» изменено время действия: оно происходит в конце династии Цина, в период образования Китайской Республики. В постановке раскрывается конфликт между захудалым дворянством, зарождающейся буржуазией и прогрессивным мыслителем. Изображение среды имеет яркий китайский колорит, в постановке достигается единство стиля с оперой.

Кроме этого, оригинальные русские имена героев изменены на китайские имена, так как китайское имя легче произносится при исполнении оперы. Публика не привыкла слушать русское имя, произнесённое оперным голосом.

В этом спектакле есть танец мацзяна, который основан на распространённом развлечении китайцев – маджонге. Исполнение маджонга ритмизируется, формируется как особый танец, который становится фигурой музыкальной драмы. Китайские традиционные танцы и местные диалекты способствовали достижению хорошего эффекта постановки.

Заместитель директора университета музыкальной драмы Ба Ту сказал: «Как поставить зарубежную классику на китайской музыкальной драматической сцене в форме китайской оперы – это наша сегодняшняя задача»¹¹⁹. Проблема развития традиционной

---

¹¹⁷ Ван Жунь. «Вишнёвый сад» на китайской оперной сцене. // <http://www.sina.com.cn> (перевод Сюй Лили)

¹¹⁸ Интервью режиссёра оперы «Вишнёвый сад» в газете Института музыкальной драмы. 2008. С.81. (перевод Сюй Лили)

¹¹⁹ Там же. С. 81.

национальной драмы и использования мировой драмы является актуальной для современного театра Китая. Восточная традиционная драма принадлежит к музыкальной драме, и это во многом отличает её от западной «разговорной драмы».

«Традиционная китайская драма относится скорее к музыкальным, нежели разговорным видам искусства. Хотя это и не опера в западном представлении, её развитие всегда шло в русле эволюции национальной музыки. Составными элементами китайской драмы в равной степени являются танец, диалог, пение и инструментальная музыка. Язык китайского театра представляет собой сочетание стихов и прозы, литературного и разговорного стиля, причем за каждым компонентом закреплена определенная функция. Содержание пьес, порой весьма запутанное, составляют, как правило, темы и сюжеты, заимствованные из легенд и исторических хроник. Изображение происходящего далеко от реализма: декорации, за исключением задника, отсутствуют, реквизит сведен к минимуму, время и место действия трактуются произвольно. Истоки китайской драмы лежат в ритуальном танце и выступлениях придворных шутов»¹²⁰. Самым распространённым и самым влиятельным театральным жанром в Китае является пекинская музыкальная драма (пекинская опера).

Китайская музыкальная драма имеет длинную историю, долгое время она занимала главное место на театральной сцене. Но в связи с расширением и углублением политики реформ и открытости, экономическим строительством, быстро развивающимся товарным хозяйством, беспрецедентно расширяются китайско-иностраные экономические, технологические и культурные обмены. «Культура, в том числе и театр, претерпевают структурные изменения». Кроме этого, в социальной культурной психологии, образе жизни, образе мышления людей происходят огромные изменения. Эстетические и психологические потребности культурной жизни народа также претерпевают глубокие и тонкие изменения¹²¹.

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века в Китае насчитывалось 367 видов местных опер. Сегодня их 267, причём с некоторыми видами оперы выступает только один коллектив. Иными словами, 100 видов местной оперы уже прекратили своё существование, а многие находятся на грани исчезновения. Китайская традиционная музыкальная драма в новом периоде требует перестройки, обновления. Об этом писал

---

¹²⁰Энциклопедия Кольера. – Открытое общество. 2000. «Китайская драма» // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5042/%D0%9A%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%99%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF

¹²¹Тянь Бэньсяна. Драма в новом периоде. Культурное и искусственное издательство. 1996. С. 9. // http://www.xiju.net/view_con.asp?id=108 (перевод Сюй Лили)

известный русский кукольник С.В. Образцов: «Стремление китайских драматургов и актёров применить европейскую форму драматического спектакля на китайской сцене естественно и закономерно возникло в результате двух побудительных причин, взаимодополнявших друг друга. Во-первых, "разговорная драма" давала возможность по-новому ставить и разрешать многие современные проблемы и ближе показывать людей сегодняшнего дня, а во-вторых, позволяла расширить репертуар китайских театров за счет всего того, что создано мировой драматургией» [Образцов, 1957, с. 310].

С.В. Образцов в своей книге «Театр китайского народа» всесторонне оценил искусство китайского традиционного театра, включая народность сюжета, актерское мастерство и сценическое искусство. С.В. Образцов хорошо знал, что китайский театр отличается от европейского театра своими особыми средствами сценического воплощения, поэтому китайский и европейский театры не должны подменять друг друга.

Китайские режиссёры стремятся найти новый способ распространения чеховских пьес в Китае, не потеряв традиционную драму. Но это очень сложная задача, трудно найти самую точку соединения двух типов искусства, трудно одновременно соответствовать требованиям современной мировой драмы и вкусам китайских зрителей. В будущем потребуется ещё много усилий при решении этой проблемы.

В Китае в 2010 году торжественно отметили 150-летнюю годовщину со дня рождения А.П. Чехова. В Пекине, Шанхае, Чунцине, Кантоне, Ухане и других городах состоялись собрания и были организованы выставки, посвященные жизни и творчеству Чехова. Многие газеты и журналы опубликовали статьи о чеховском наследии. По стране демонстрировались советские фильмы – экранизации чеховских произведений.

С пятого по четырнадцатое мая в Центральном театральном институте была поставлена оригинальная пьеса А.П.Чехова «Три сестры». Студенты второй группы четвертого курса актёрского факультета исполнили этот классический спектакль под руководством вице-президента Лю Либин. Таким образом, зрители после просмотра спектакля Линь Чжаохуа «Три сестры·В ожидании Годо» ещё раз смогли полюбоваться прелестью чеховской пьесы. Для того, чтобы сделать драму популярной в Китае, цену билетов снизились до 20 юаней(100 рублей).

В данной постановке актёрам удалось уловить главную специфику поэтики, стиля и психологического компонента пьесы Чехова. Можно говорить о том, что вся постановка выдержана в стиле «психологического реализма»: каждый герой, каждая реплика, художественная деталь пронизаны глубоким пониманием и чувствованием жизни, её

сущности – вещества существования, за каждой бытовой деталью мы видим бытие. В этом и состоит основное мастерство Чехова, которое удалось уловить и передать актёрам. Погружаясь в мир постановки, мы чувствуем, как невербальное вербализуется и рождаются новые характеры, которые ищут ответы на вечные вопросы. Про это писал С.Д. Балухатый: «Всё это будто бы Чеховым делается ради снижения обычной "сценичности"» пьес и обновления драматургического письма приёмами натуралистическими и психологическими в сложных рамках и отношениях обыденного уклада жизни» [Балухатый, 1936, с. 113]. А.П. Чехов не только стремился к новизне, но и к наибольшему приближению своих картин к формам самой жизни, как художник-реалист старался воспроизвести какие-то новые стороны действительности.

Режиссёр Лю Либин, создавший этот спектакль, писал: «А.П. Чехов является удивительным русским писателем, который знает и понимает психологию русского человека и жизни. Поэтому при создании постановки пьесы "Три сестры" необходимо было раскрыть специфику характера и качественные особенности русской души»¹²². Русский человек про плохое прошлое не хочет вспоминать, он надеется на светлое будущее, но одновременно он боится идти вперёд, считает, что прошлое лучше будущего. Такая противоположная позиция вызывает тоску о жизни. Эта тоска пронизывает пьесу с начала до конца, слезами героинь поёт гимн самой жизни. «А.П. Чехов вплёл новый листок в лавровый венок русской женщины, создав своих "Трёх сестры", именно их наделив страстной тоской о жизни, именно в них вложив этот неумолкающий клик, это немеркнувшее стремление к свету: "В Москву! В Москву!"»¹²³.

С третьего по четырнадцатое сентября 2010 года профессор Центрального драматического института Цзян Тао показал пьесу «Три сестры» в театре Даина, дав новую удивительную интерпретация этой классической пьесы. Музыка для этой постановки написал известный китайский композитор Самбо.

Надо отметить, что в этом году режиссёр создал свою театральную труппу, членами которой являются выпускники факультета режиссуры института, которые через десять лет после окончания учебы встретились и решили осуществить давнюю мечту – создать театральную труппу.

Эта труппа называется Группой художественного действия, цель которой состоит в том, чтобы постоянно совершенствоваться, показывать хорошие произведения на сцене,

---

¹²² Специальный сайт. Выпускники Центрального института театрального искусства поставили пьесу «Три сестры». // <http://www.xtro.cn/info/infodetail-2372240.html> (перевод Сюй Лили)

¹²³ Энциклопедия А.П. Чехова // Под редакцией В.Б. Катаева. М.: «Просвещение», 2011. С. 238.

самое главное – познакомить зрителей с этим особым искусством. Поэтому труппа показывает один или два классических спектакля в год и постоянно устраивает театральные лекции и семинары¹²⁴.

«Три сестры» является первой постановкой этой труппы. Каждый актёр во время исполнения пьесы пытался прожить свою роль по-новому. Они старались внести в неё новые смыслы и обертоны. В результате мы получили новую, удивительную интерпретацию пьесы А.П. Чехова, в основе которой лежит диалог культур. Удивительно тонкие психологические пересечения особенностей русской души и китайского созерцания мира реализуются перед нами в виде таинственной мистерии чувств. *«Пройдёт время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живёт теперь»* (XIII, 187 – 188). Эти слова являются ключом понимания режиссёром драмы.

Вечер в деревне, под красивую музыку зубной гармошки, молодые люди и девушки сидят вместе, мечтают вернуться на родину, надеются на светлое будущее, все с улыбкой на лице. Такова одна из картин спектакля. Режиссёр сказал: «Несмотря на то, что пьеса "Три сестры" создана лет сто назад, но всё равно зрители могут найти что-то близкое себе»¹²⁵.

Это новая постановка имела большой успех уже после первого спектакля. Она много раз была поставлена. С пятнадцатого по семнадцатое октября этот спектакль был поставлен в Народно-освободительном театре, с двадцать седьмого по двадцать девятое мая 2011 года – в Национальном театре.

Мы рассмотрели лишь некоторые особенности восприятия и сценической интерпретации пьес А.П. Чехова в современной Китае. Следует отметить стремление китайских режиссёров раскрыть психологию русского человека, интеллигента через призму восточной философии, восточного мирозерцания. Лучшие чеховские спектакли в КНР последних лет свидетельствуют о том, что чеховские пьесы обогащаются новой энергетикой восточного созерцания, духовного спокойствия и величия духа, сохраняя при этом глубину и силу русской души.

---

¹²⁴ Ван Гинцзы. Группа художественного действия создана. // http://www.kaixin001.com/repaste/2635207_3178814868.html (перевод Сюй Лили)

¹²⁵ Юань Юань. Мой Чехов. // <http://finance.sina.com.cn/roll/20101016/01528789282.shtml> (перевод Сюй Лили)

Современный Китай сегодня переживает период бурного расцвета в экономике, общественной и духовной сферах жизни. Проблема между развитием национальной драмы и восприятием мировой драмы становится всё более актуальной. Китайские режиссёры стремятся создать современную драму, но одновременно пытаются сохранить традиционный театр. В новом периоде мы чувствуем национальный элемент в спектаклях, они становятся более близкими, понятными китайским зрителям.

Список литературы

- Балухатый С.Д.* Чехов драматург./ С.Д.Балухатый. Л.: Гослитиздат,1936.318 с.
Зингерман Б.И. Очерки истории драмы XX века./ Б.И. Зингерман. М.:Наука,1979.392 с.
Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение./ Б.И. Зингерман. М.: Наука, 2001. 521 с.
Образцов С. Театр китайского народа./ С.В.Образцов. М.: Искусство,1957. 380 с.
Чехов А.П. Энциклопедия./ сост. и науч. ред.В.Б.Катаев. М.:Просвеще

Электронное научное издание

Русский язык и культура в зеркале перевода.
Материалы Международной научной конференции
25 – 30 апреля 2014 г.

Подписано в печать 03.04.2014. Формат 60x90 1/8

Тираж 100 экз.

Ордена «Знак Почета»

Издательство Московского университета. 125009,

Москва, ул. Б.Никитская, 5/7. Тел. (495) 629-50-91.

Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495) 9393323 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Отдел реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495)939-34-93